

**ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ
И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ
ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2021 ГОДУ**

Москва ♦ 2021

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ
И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ
ДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА:
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2021 ГОДУ**

Ответственные редакторы

академик РАН

Г. В. Осипов

члена-корреспондент РАН

С. В. Рязанцев

доктор социологических наук

В. К. Левашов

доктор социологических наук

Т. К. Ростовская

Москва

2021

УДК 314/316
ББК 60.5
В92

Утверждено к печати Учёным советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

академик РАН, д-р полит. наук *А. В. Торкунов*
член-корр. РАН, д-р филос. наук *В. Н. Иванов*

В92 **Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году:** [монография] / В. К. Левашов [и др.] ; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.
URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10225>
ISBN 978-5-89697-384-3
DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-384-3.2021

В монографии изложены результаты научных исследований, выполненных сотрудниками ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН в рамках тематики государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Главным событием 2021 года, определившим социально-политическую ситуацию в стране, стала пандемия COVID-19. Важнейшим для страны политическим событием стало проведение выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. COVID-кризис приходится преодолевать в условиях резко ухудшившихся отношений между нашей страной и странами Запада и их сателлитами. В монографии отражены результаты исследований социально-политической и социально-демографической ситуации в стране, проведенных сотрудниками института и касающихся актуальных проблем жизнедеятельности российского гражданского общества и социального государства.

Монография адресована исследователям, аналитикам, преподавателям, аспирантам, студентам, специализирующимся на изучении социально-политических процессов, и социально-демографических процессов, политикам, организаторам и активистам избирательных кампаний, управленческому персоналу.

УДК 314/316
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-384-3

© Авторы, текст, 2021
© ФНИСЦ РАН, 2021

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

В. К. Левашов, д.соц.н. (Введение, 1.9, Заключение), *Г. В. Осипов*, ак. РАН (3.1), *С. В. Рязанцев*, член-корр. РАН (2.6), *Т. К. Ростовская*, д.соц.н. (2.1, 2.3), *М. А. Ананьин* (3.2), *В. Н. Архангельский*, к.э.н. (2.4), *В. А. Безвербный*, к.э.н. (2.10), *Т. И. Борзунова*, к.э.н. (2.6), *А. Д. Брагин* (2.6), *М. Л. Вартанова*, к.э.н. (2.8), *Н. М. Великая*, д.полит.н. (1.2, 1.5), *О. А. Волкова*, д.соц.н. (4.4), *О. Д. Воробьева*, д.э.н. (2.7), *О. В. Гребняк* (1.8), *Н. С. Гриб* (3.2), *Х. В. Дзуцев*, д.соц.н. (3.7), *А. П. Дибирова*, к.биол.н. (3.7), *В. Г. Доброхлеб*, д.э.н. (2.2), *Г. Н. Евдокушкина* (2.5), *О. Н. Забузов*, к.полит.н. (3.2), *Е. В. Землянова*, к.э.н. (2.5), *О. А. Золотарева*, к.э.н. (2.1, 2.3), *А. В. Зубко*, к.м.н. (2.5), *Ю. А. Зубок*, д.соц.н. (3.5), *А. В. Иванов*, к.соц.н. (3.3), *А. Е. Иванова*, д.э.н. (2.5), *С. Г. Кареева*, к.соц.н. (3.1), *Е. Ю. Киреев*, к.соц.н. (2.8), *Е. Е. Киселева*, к.соц.н. (2.8), *Н. В. Корниенко*, к.соц.н. (3.7), *М. В. Костоломова*, к.соц.н. (3.1), *Е. А. Кублицкая*, к.филос.н. (3.6), *Н. Г. Кузнецов* (2.11), *О. В. Кучмаева*, д.э.н. (2.1, 2.3), *В. Ю. Леденева*, д.соц.н. (2.9), *А. С. Лукьянец*, к.э.н. (2.11), *А. С. Любутов*, к.т.н. (3.5), *Р. В. Маньшин*, к.э.н. (2.6), *Н. В. Мерзликин*, к.филос.н. (3.3), *Н. Ю. Микрюков*, к.геогр.н. (2.10), *Т. Р. Мирязов* (2.10), *Е. М. Мусеева* (2.6), *Г. Ф. Морозова*, к.э.н. (2.6), *М. М. Назаров*, д.полит.н. (3.4), *С. В. Некрасов* (3.1), *О. П. Новоженина* (1.3, 1.6), *Г. И. Осадчая*, д.соц.н. (2.8, 4.1, 4.4), *Г. Н. Очирова* (2.6), *А. Н. Пинчук*, к.соц.н. (3.1), *Ю. Э. Плетнева* (2.4), *И. А. Полякова* (1.2, 1.7), *С. М. Попова*, к.полит.н. (4.1, 4.2), *А. Х. Рахмонов*, к.э.н. (2.9), *Л. С. Рубан*, д.социол.н. (3.2), *Т. П. Сабгайда*, д.м.н. (2.5), *Н. П. Сащенко*, к.психол.н. (1.4), *И. А. Селезнёв*, к.соц.н. (4.3), *В. Г. Семенова*, д.э.н. (2.5), *С. Ю. Сивоплясова*, к.э.н. (2.4), *Е. П. Сигарёва*, к.э.н. (2.4), *О. В. Сорокин*, к.соц.н. (3.5), *А. В. Топилин*, д.э.н. (2.7), *К. Г. Филимонов* (4.4), *М. В. Фомин*, к.полит.н. (2.10), *А. А. Черникова* (4.4), *В. И. Чупров*, д.соц.н. (3.5), *С. М. Шахрай*, д.ю.н. (4.1, 4.2), *И. С. Шушпанова*, к.соц.н. (1.1), *А. А. Яник*, к.т.н. (4.1, 4.2).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Проблемная ситуация	6
---------------------------	---

Глава I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЫЗОВЫ, РЕШЕНИЯ, УРОВНИ ДОВЕРИЯ

1.1. Актуальные тревоги и проблемы российского гражданского общества	9
1.2. Векторы развития гражданского общества и социального государства	21
1.3. Гражданское общество в оценках населения	49
1.4. Идентификационные процессы в российском обществе	68
1.5. Партийно-политический ландшафт накануне и после выборов в Государственную Думу РФ	88
1.6. Граждане о национальных проектах развития страны	102
1.7. Российское здравоохранение в оценках граждан	116
1.8. Цифровизация повседневных и общественно-политических практик граждан	123
1.9. Динамика устойчивости российского государства и потенциал гражданского общества	134

Глава II. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

2.1. Демографические параметры развития России	149
2.2. Демографическая динамика и социальные инновации в России	161
2.3. Демографические установки в условиях дефицита рождаемости	172
2.4. Вклад иностранных граждан в брачность и рождаемость в России	192
2.5. Достижения и проблемы столичного здравоохранения	211
2.6. Демографические и миграционные факторы формирования трудовых ресурсов и регионального развития	232
2.7. Региональные особенности восстановления рынков труда в постпандемийный период	248
2.8. Демографическая безопасность Евразийского экономического союза	270
2.9. Динамика денежных переводов трудовых мигрантов в период пандемии COVID-19	287

2.10. Геоинформационное моделирование процессов расселения в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах	298
2.11. Природно-климатические факторы территориального размещения населения Сибири и Дальнего Востока.....	313

Глава III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

3.1. Феномен «постпандемийной» социальной реальности	329
3.2. «Умные города» как социокультурное явление.....	349
3.3. Цифровая реальность в социологическом измерении: социодинамика развития	359
3.4. Коронавирус и вакцинация: массовое сознание, медийный контекст.....	372
3.5. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: социокультурные основания и групповые модели	390
3.6. Социальные и религиозные ориентации москвичей в условиях пандемии	407
3.7. Мнение населения Северного Кавказа о мотивах финансирования религиозных экстремистов	429

Глава IV. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СТИМУЛЫ И РЕЗЕРВЫ

4.1. Евразийская экономическая интеграция: целевая модель, состояние, перспективы	446
4.2. Развитие «цифрового измерения» евразийской интеграции: проблемы и перспективы.....	466
4.3. Россия, евразийская интеграция и конфликтный потенциал Центрально-Азиатского региона	489
4.4. Социогуманитарные задачи евразийского экономического союза.....	509

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия в постсоветскую эпоху: евразийские горизонты.....	527
--	-----

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	539
--------------------------------	------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	554
---------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ

Российское общество и государство, мировая цивилизация медленно выходят из режима кризисного развития, вызванного разразившейся коронавирусной пандемией и последовавшим за ней экономическим спадом. Важнейшие сферы жизнедеятельности глобального и российского социумов пока не отвечают вызовам, критериям и целям устойчивого развития. «...Коронавирус пока ещё не побеждён окончательно, остаётся прямой угрозой. Мы видим, как драматично складывается ситуация во многих странах, где число заражений растёт. Нам нужно сейчас держать под контролем все рубежи, призванные затормозить распространение вируса: и по контуру внешних границ, и внутри нашей страны»¹.

Анализ характера и динамики проблемной ситуации показывает, что фундаментальной причиной системного цивилизационного кризиса стало бесконтрольное вмешательство человека в природную среду, фетишизация либеральных принципов и механизмов экономической конкуренции, в основе которой лежит иррациональная мотивация максимизации прибыли и эгоизм элит развитых стран. Он стихийно проявился даже в период разработки и вывода вакцин на глобальные рынки, несмотря на массовую смертность в странах развивающихся экономик. В своей экономической экспансии ТНК и международные институты управления оказались неспособными соблюсти гуманистические моральные принципы и выдержать режимы и границы возможного устойчивого безопасного взаимодействия социума, техносферы и биосферы и создали предпосылки возникновения пандемии, которая, в свою очередь, спровоцировала глобальные экономические, политические, социальные и демографические критические эффекты. Мировая цивилизация попала в западню растущих материальных и духовных диспаритетов. Проблемная ситуация COVID-кризиса векторно совпадает и дополняется стратегическими вызовами фундаментального характера на национальном и глобальном уровне: нарастающими дисфункциями глобальной неолиберальной модели экономики; стагнацией процессов реализации российских национальных проектов; низкими темпами структурной социальной и технологической перестройки народного хозяйства, а также фрагментарной социальной модернизацией политической институциональной структуры государства. Положение усугубляется тем, что России приходится преодолевать COVID-кризис в условиях развязанной Западом гибридной войны за контроль над экономикой и политической жизнью нашей страны, рынками сбыта и экспортом энергоносителей, непрекращающимися санкциями.

---

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения 14.10.2021).

Фундаментальные и эмпирические исследования социально-политических и демографических аспектов развития современного российского общества и мировой цивилизации в условиях COVID-кризиса и становления нового технологического уклада объективно коррелируют с повышением роли науки и цифровых технологий в жизни современного гражданского общества. Научный метод мышления, являясь с момента возникновения обоюдоострым мечом созидания и разрушения, в условиях глобальной цифровой трансформации стал решающим фактором, который даёт возможность открыть или закрыть двери в будущее для граждан всей мировой цивилизации или только для её элиты. COVID-кризис убедительно доказал эту закономерность, продемонстрировав, как триумф человеческой мысли и технологии в биологической науке и геной инженерии обернулся гуманитарной катастрофой. Императивы действий в сложившейся критической ситуации требуют комплексного поиска конвергентных естественнонаучных, социальных и технологических подходов, методов и практик минимизации внешних и внутренних социально-политических и демографических вызовов. «Мы столкнулись с эпидемией в то время, когда совпали, наложились друг на друга последствия демографических ударов 40-х и 90-х годов прошлого века. ...Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновлённой Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры»².

Пандемия вскрыла и показала системные ограничения и возможности социально-политических идеологий и практик либеральных демократий, вскрыла противоречия между социально ориентированной научной и узко спекулятивной корпоративной стратегией и политикой. Политические институты США, Великобритании, Европейского союза на начальном этапе борьбы с пандемией оказались политически несостоятельными и не смогли принять эффективные социально-политические меры против КОВИД-19. Политические культуры и институты стран евразийского континента в Китае, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Японии, России и других странах оказались способны уже на начальном этапе организовать карантинный контроль, тестирование и экстренную вакцинацию своих граждан.

Неэквивалентный экономический обмен с развивающимися и зависимыми странами лежит в основе современной глобальной «западной» модели капитализма. Она не может стать универсальной для стремительно развивающегося глобального мира, построенного на разнообразных этических системах мировой цивилизации. Западные либеральные демократии могут обеспечивать свой образ жизни только за счет сверх эксплуатации дешевой рабочей силы. Попытки навязывания так называемых современных западных систем демократических ценностей встречают

---

² Там же.

принципиальное отторжение со стороны традиционных мировых религий, светских идеологий и народов с выраженной национальной идентичностью. В условиях падения авторитета и привлекательности моделей либерального образа жизни западные идеологи, стремясь сохранить идеологическую интеллектуальную инициативу, стали навязывать ложную дилемму выбора между демократией и авторитаризмом. В противовес этим спекулятивным манипуляциям реалистическая политическая инициатива вырастает на основе массовых цифровых технологий, которые создают объективную материальную и духовную картину социально-политической и демографической реальности и технологическую основу для научно возможного и социально эффективного государственного управления.

Цели и задачи научного исследования этих проблем в настоящей научной монографии определяются Стратегией научно-технологического развития РФ, Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и практическими уроками ликвидации коронавирусной пандемии.

Стратегической целью подготовки научной монографии ИСПИ ФНИСЦ РАН является обобщение научных результатов ученых и исследователей за период с момента принятия вышеуказанных документов для уяснения проблемной ситуации, в которой находится российское общество и государство и определения оптимальных траекторий их развития с учетом разразившегося COVID-кризиса. Тактическими целями и задачами являются выявление и прогноз актуальных социально-политических и демографических вызовов и резервов, разработка научных подходов и оснований для подготовки социально эффективных управленческих решений.

Концепция коллективной монографии строится на гипотетическом предположении о существовании и возникновении противоречий объективного и субъективного характера между результатами проводимой государством политики и актуальными социальными потребностями, мотивами поведения социальных групп российского социума в период перехода к новому технологическому укладу.

В политическом плане цель работы состоит в получении достоверного научного знания о социально-политическом состоянии и реакции общества на внутреннюю и внешнюю политику государства для её учета в подготовке актуальных социально эффективных управленческих решений.

Структура и содержание коллективной монографии задаётся главными направлениями научных исследований подразделений институтов согласно темам научно-исследовательских работ государственных заданий для ИСПИ ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН на 2021 год.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЫЗОВЫ, РЕШЕНИЯ, УРОВНИ ДОВЕРИЯ³

1.1. АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕВОГИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА⁴

Коронавирусная пандемия, начавшаяся в начале 2020 года, обострила социально значимые для россиян проблемы и сложившиеся в социуме противоречия. В условиях неблагоприятной эпидемиологической ситуации органы власти скорректировали свои планы по реализации механизмов национальных проектов, нацелив их на поддержание уровня и улучшение качества жизни граждан в различных сферах. Результаты социологического исследования, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН в июне 2021 года⁵, показывают высокий уровень тревожности российского общества по поводу своего экономического положения. Повышение цен и тарифов, дороговизна жизни в целом по-прежнему являются главными социально-экономическими заботами в жизни российского гражданского общества. По ряду индикаторов тревожности граждан актуализировались вопросы, характеризующие состояние социального государства в России. Отчасти действия властей по сдерживанию волн пандемии и поддержанию благосостояния россиян были положительно оценены гражданским обществом и нашли свое отражение в снижении значений уровней тревожности.

Вершину тревог общественного сознания составили «повышение цен на продукты питания» (49%), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (40%) и «дороговизна жизни» (34%) (см. табл. 1). Далее со значительным отрывом следовали «безработица» (25%), «произвол чиновников» (24%), «высокая инфляция» (23%), «экологическая обстановка» (22%), «падение нравов, культуры» (21%). Завершают структуру тревожности россиян следующие индикаторы: «разделение общества на богатых и бедных» (19%), «ухудшение положения пенсионеров в обществе» (18%), «наркомания» (18%), «алкоголизм» (16%), «преступность» (15%), «страх перед будущим» (13%), «безопасность близких» (12%), «терроризм» (11%), «обострение

³ В первом разделе коллективной монографии использованы материалы социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года. Исследовательский коллектив 51 этапа мониторинга: д-р социол. наук В. К. Левашов (руководитель), д-р полит. наук Н. М. Великая, канд. социол. наук И. С. Шушпанова, ст. науч. сотр. В. А. Афанасьев, мл. науч. сотр. О. В. Гребняк, ст. науч. сотр. О. П. Новоженина, мл. науч. сотр. И. А. Полякова. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования, местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объем выборочной совокупности в июле 2021 г. составил 1609 респондентов.

Опрос населения проведен в период 28.05.2021 – 18.06.2021 в следующих регионах Российской Федерации: УрФО (Челябинская область, Екатеринбург, Свердловская область), СФО (Новосибирская область), ЮФО (Ростов-на-Дону, Азов, Краснодарский край), СКФО (Ставропольский край), ЦФО (Ярославская область, Москва, Московская обл.), ПФО (Нижегородская область, Татарстан), ДФО (Владивосток), СЗФО (Санкт-Петербург, Ленинградская область). Полевой этап в регионах осуществляли Общество с ограниченной ответственностью «Ю.Си.Пи.аР. - Ресерч».

⁴ По материалам публикации: Шушпанова И. С. Актуальные тревоги российского гражданского общества в условиях распространения COVID-19 и реализации национальных проектов // Социальная политика и социология, 2021.

⁵ 51 этап социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (июнь 2021 г.).

межнациональных отношений» (8%), «мировой экономической кризис» (8%), «закрытие, простой предприятий» (7%), «экономические санкции против России» (7%), «задержка выплаты зарплаты, пенсий» (7%), «ухудшение отношений с США и Европой» (7%). За годы проведения мониторинга наибольшего значения достиг индикатор «повышение цен на продукты питания». Наименьшие значения зафиксированы у показателей «дороговизна жизни», «произвол чиновников», «страх перед будущим», «безопасность близких», «закрытие, простой предприятий», «экономические санкции против России» (равно как и в мае 2017 г.).

В период распространения новой волны пандемии COVID-19, по сравнению с результатами исследования, проведенного в сентябре 2020 года, в июне 2021 года возросли значения следующих индикаторов тревожности российского гражданского общества: «повышение цен на продукты питания» (на 17 п.п.), «высокая инфляция» (на 13 п.п.), «повышение тарифов на услуги ЖКХ» (на 9 п.п.), «наркомания» (на 9 п.п.), «падение нравов, культуры» (на 6 п.п.), «алкоголизм» (на 6 п.п.), «терроризм» (на 5 п.п.), «ухудшение отношений с США и Европой» (на 4 п.п.). В свою очередь, снизился уровень обеспокоенности россиян по показателям: «дороговизна жизни» (на 27 п.п.), «экологическая обстановка» (на 17 п.п.), «безопасность близких» (на 13 п.п.), «разделение общества на богатых и бедных» (на 10 п.п.), «безработица» (на 9 п.п.), «закрытие, простой предприятий» (на 7 п.п.), «страх перед будущим» (на 6 п.п.), «произвол чиновников» (на 4 п.п.), «обострение межнациональных отношений» (на 4 п.п.), «экономические санкции против России» (на 4 п.п.).

Стремительное изменение эпидемиологической обстановки, связанное с неоднократными мутациями вируса COVID-19, существенным образом повлияло на социально-психологическое самочувствие и экономическое положение общества, а также на политику властей всех уровней. Активная работа по решению задач и достижению целей национальных проектов, поставленных президентом РФ перед органами власти, в течение последних двух лет носила разнонаправленный эффект. За данный период органам власти удалось снизить уровень обеспокоенности граждан в отношении «дороговизны жизни» (на 28 п.п.), «разделения общества на богатых и бедных» (на 13 п.п.), «произвола чиновников» (на 11 п.п.), «экологической обстановки» (на 9 п.п.), «закрытия, простоя предприятий» (на 8 п.п.), «страха перед будущим» (на 7 п.п.), «безопасности близких» (на 7 п.п.), «терроризма» (на 5 п.п.). Тем не менее, анализ динамики показателей позволил зафиксировать рост числа россиян, обеспокоенных вопросами «повышения цен на продукты питания» (на 16 п.п.), «высокой инфляции» (на 14 п.п.), «наркоманией» (на 7 п.п.), «повышением тарифов на услуги ЖКХ» (на 5 п.п.), «мировым экономическим кризисом» (на 4 п.п.). В целом за два прошедших года реализации национальных проектов и построения социального государства в условиях пандемии российское гражданское общество стали в отчасти меньшей степени волновать экономические, социальные, экологические, трудовые проблемы и вопросы безопасности. Повышение уровня тревог граждан наблюдалось в большей степени по вопросам, связанным с высокими ценами и тарифами, ростом инфляции, наркоманией (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика тревожности респондентов
Вопрос: «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»
(РФ, % от числа опрошенных)

	Повышение цен на продукты питания	Повышение тарифов на услуги ЖКХ	Дороговизна жизни	Безработица	Произвол чиновников	Высокая инфляция	Экологическая обстановка	Падение нравов, культуры	Разделение общества на богатых и бедных	Ухудшение положения пенсионеров в обществе	Наркомания
1992, VII	-	-	-	-	-	-	22	13	-	-	-
1993, XI	-	-	70	24	-	-	26	-	22	-	-
1994, II	-	-	58	24	-	-	34	-	20	-	-
1995, I	-	-	60	21	-	-	31	-	17	-	-
1995, XI	-	-	56	14	-	-	21	-	13	-	-
2001, XII	-	-	66	31	32	-	33	32	33	-	42
2002, XII	-	-	67	29	27	-	32	27	33	-	26
2003, X	-	44	60	25	29	-	33	25	22	-	32
2005, IX	-	46	60	22	29	-	29	26	23	-	29
2006, VI	-	45	62	27	32	-	36	30	30	-	31
2007, I	-	46	58	22	32	-	37	29	27	-	31
2007, VII	-	39	50	21	29	-	42	33	26	-	34
2008, II	-	48	57	18	31	-	38	27	27	-	30
2008, XI	36	35	58	23	28	26	32	29	22	-	26
2009, VI	34	36	50	32	28	19	31	26	20	-	22
2009, XII	32	31	48	25	33	14	32	31	19	-	26
2010, VI	29	38	51	26	31	13	32	26	20	-	23
2010, XII	39	43	53	29	35	11	33	27	18	-	22
2011, VI	31	36	56	29	33	16	33	24	27	-	23
2011, XI	31	42	56	28	33	11	25	24	22	-	24
2012, IV	30	40	49	27	41	10	31	27	25	-	25
2012, XII	29	43	51	24	44	11	24	26	24	-	22
2013, VI	31	45	50	25	37	12	28	29	27	-	19
2013, XII	26	38	46	22	37	11	23	28	26	-	23
2014, VI	27	38	45	20	31	10	23	22	22	12	19
2014, XII	27	35	50	21	29	13	20	23	24	12	19
2015, VI	32	30	55	27	33	13	20	21	22	13	17
2015, XII	34	31	58	28	33	14	22	19	24	13	13
2016, VI	29	31	59	30	32	13	19	19	28	14	15
2016, XII	28	34	60	30	36	11	17	19	28	17	12
2017, V	33	34	65	27	41	10	20	21	29	14	11
2018, V	24	26	62	23	35	10	31	17	32	16	11
2018, XII	26	32	54	25	33	12	30	20	29	20	9
2019, VI	33	35	57	22	35	9	31	20	32	19	11
2020, IX	32	31	61	34	28	10	39	15	29	16	9
2021, VI	49	40	34	25	24	23	22	21	19	18	18

Динамика тревожности респондентов

Продолжение таблицы

	Алкоголизм	Преступность	Страх перед будущим	Безопасность Ваша и Ваших близких	Терроризм	Обострение международных отношений	Мировой экономический кризис	Закрытие, простой предприятий	Экономические санкции против РФ	Задержка выплаты зарплаты, пенсий	Ухудшение отношений с США и Европой
1992, VII	-	44	-	-	-	26	-	-	-	-	-
1993, XI	-	51	-	-	-	11	-	-	-	-	-
1994, II	-	50	-	-	-	10	-	32	-	-	-
1995, I	-	43	-	-	-	10	-	30	-	-	-
1995, XI	-	32	-	-	3	6	-	19	-	-	-
2001, XII	17	51	-	-	27	21	-	28	-	19	-
2002, XII	17	49	-	-	29	15	-	19	-	21	-
2003, X	18	44	-	31	31	8	-	16	-	11	-
2005, IX	20	32	-	33	26	8	-	14	-	11	-
2006, VI	23	40	-	32	20	11	-	14	-	9	-
2007, I	25	36	-	29	17	11	-	14	-	9	-
2007, VII	28	41	-	28	21	10	-	10	-	7	-
2008, II	27	36	-	26	15	8	-	13	-	7	-
2008, XI	19	32	-	24	16	10	-	12	-	7	-
2009, VI	22	28	-	22	9	9	16	15	-	11	-
2009, XII	25	34	-	25	17	9	14	14	-	7	-
2010, VI	22	33	-	25	24	8	9	14	-	7	-
2010, XII	20	30	-	27	15	9	7	11	-	7	-
2011, VI	24	29	-	25	18	10	4	14	-	7	-
2011, XI	23	33	-	22	14	10	7	13	-	7	-
2012, IV	23	33	-	24	14	11	4	14	-	7	-
2012, XII	22	31	-	24	13	12	6	14	-	9	-
2013, VI	22	30	-	19	14	13	4	12	-	7	-
2013, XII	24	33	-	25	22	15	6	13	-	9	-
2014, VI	21	24	17	23	19	17	6	11	-	6	-
2014, XII	16	22	18	23	12	15	7	11	-	7	13
2015, VI	17	17	14	23	8	13	6	12	11	6	10
2015, XII	13	19	19	26	23	14	8	13	10	8	8
2016, VI	15	18	21	26	16	11	7	12	8	8	7
2016, XII	15	20	20	23	16	11	6	12	8	7	6
2017, V	16	22	20	19	25	8	3	11	7	7	7
2018, V	15	15	20	18	16	12	6	12	19	6	17
2018, XII	15	14	25	21	15	11	4	16	12	9	9
2019, VI	13	14	20	19	16	9	4	15	8	7	7
2020, IX	10	17	19	25	6	12	7	14	11	6	3
2021, VI	16	15	13	12	11	8	8	7	7	7	7

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Результаты социологического исследования, проведенного в июне 2021 года, показали, что положительно относились к курсу проводимых экономических реформ 23% респондентов, отрицательно – 34%, безразлично – 28% и 15% затруднились ответить (см. рис. 1). Экономические реформы негативно повлияли на состояние социального государства: число граждан, отрицательно относившихся к курсу проводимых экономических преобразований, в 1,5 раза превысило количество россиян с противоположным мнением. За годы мониторинга в июне 2021 года зафиксировано наибольшее число россиян, безразличных к экономическим преобразованиям.

Сентябрь 2020 года стал реперной точкой, до которой численность сторонников экономических реформ снижалась (с 29% в мае 2018 года до 18% в июне 2019 года), а количество противников постепенно увеличивалось (с 27% в мае 2018 года до 35% в июне 2019 года), существенно превалируя над численностью противоположной группы. В сентябре 2020 года ситуация в корне поменялась. Данные когорты респондентов почти сравняли свою численность. В июне 2021 года по сравнению с сентябрем 2020 года с 28% до 23% уменьшилось число россиян, положительно оценивающих текущий курс экономических преобразований. С 24% до 34% возросла численность респондентов с противоположными взглядами. За данный период зафиксирован двукратный рост количества граждан, безразлично относящихся к курсу экономических реформ (с 14% до 34%).

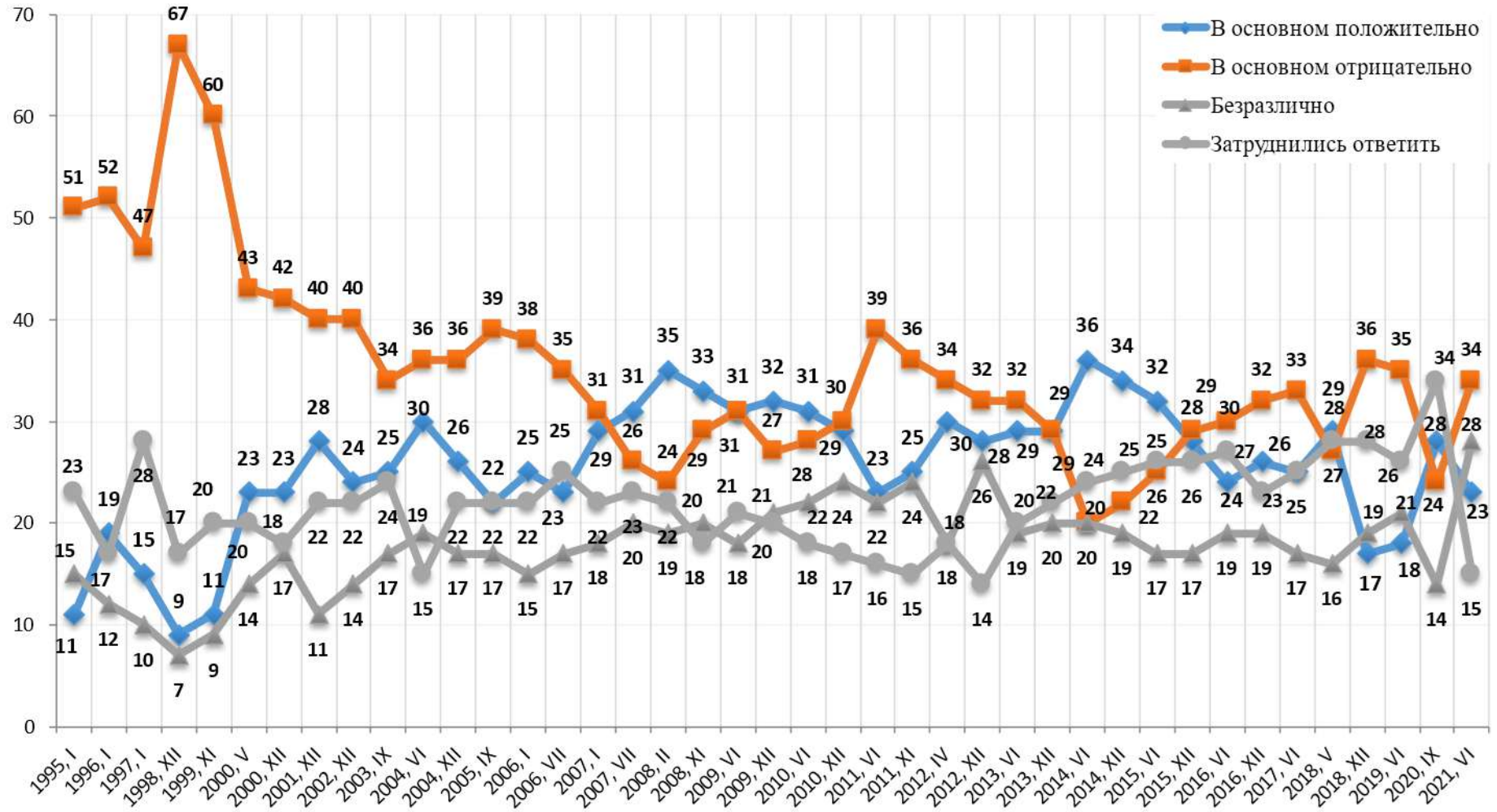
Сравнивая с этапом старта реализации национальных проектов, состоявшегося в мае 2018 года, в июне 2021 года число россиян, положительно относящихся к курсу проводимых экономических реформ, уменьшилось с 29% до 23%. В то же время количество россиян с негативным мнением по отношению к курсу экономических реформ возросло с 27% до 34%. За данный период наблюдалось увеличение с 16% до 28% числа россиян, безразлично относящихся к курсу проводимых государством экономических реформ. Количество затруднившихся ответить на вопрос граждан снизилось с 28% до 15%.

Положительные изменения, заложенные ранее, сменились в российском обществе ростом негативных настроений или безразличия по отношению к экономическим преобразованиям. Экономическая политика российского правительства, направленная на реализацию национальных проектов и поддержку социального государства, удовлетворяет потребностям и отвечает запросам лишь пятой части российского общества. По данным исследования 20% граждан считают, что реформы отвечают интересам большинства населения, 60% имели противоположное мнение и 20% затруднились ответить на вопрос (см. рис. 2). За весь период измерений в июне 2021 года наблюдалось наименьшее число затруднившихся ответить респондентов.

С начала реализации национальных проектов (май 2018 г.) по июнь 2019 года число россиян, считавших, что проводимые государством экономические преобразования отвечают интересам населения страны, снизилось. Затем в период

июнь 2019 года – сентябрь 2020 года сменилось ростом с 12% до 24%. Далее тенденция опять изменилась: количество положительных ответов снизилось с 24% до 20%.

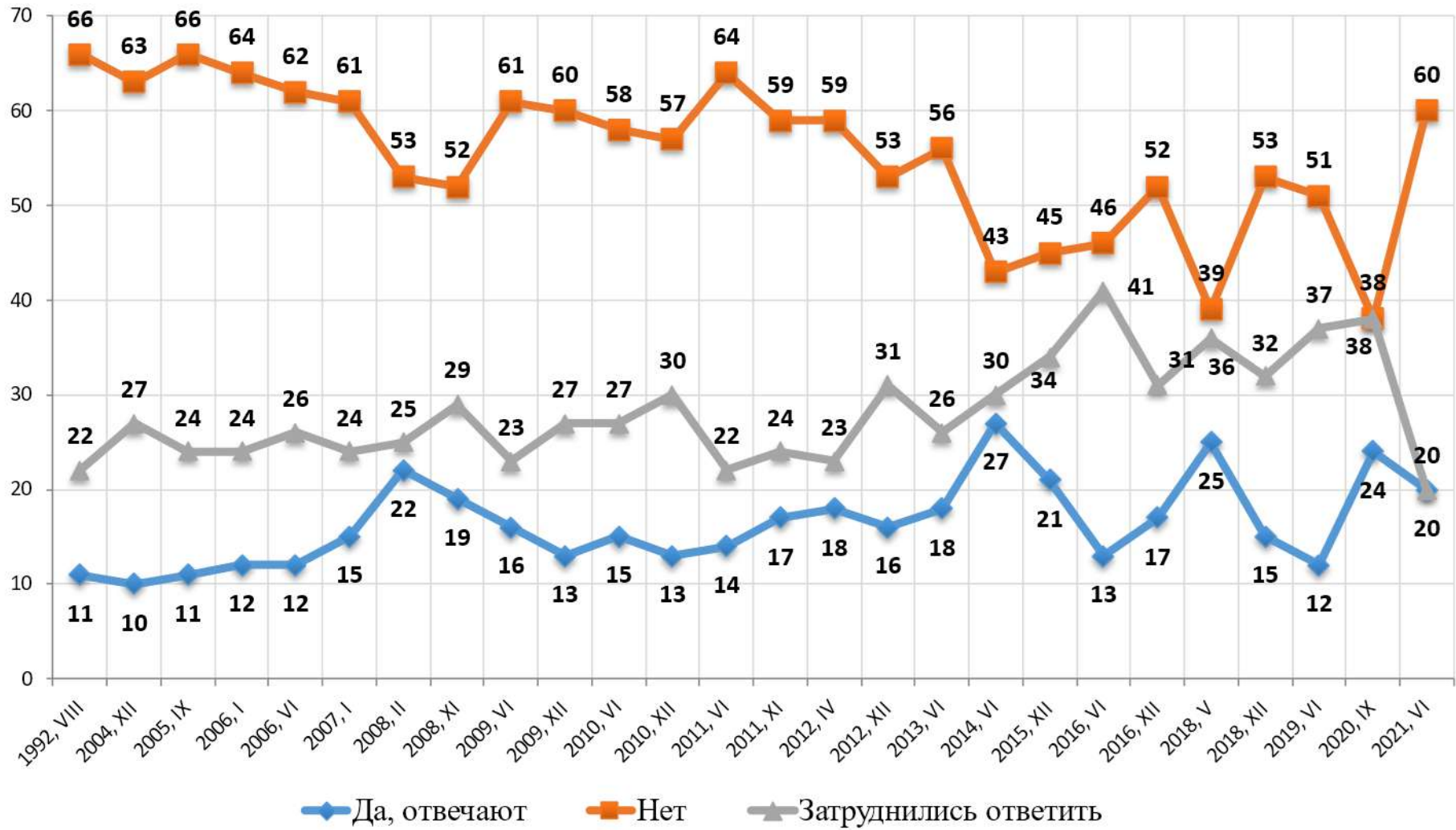
Численность россиян с противоположным мнением с мая 2018 года по июнь 2019 года выросла с 39% до 51%. В сентябре 2020 года зафиксировано снижение численности этой группы (с 51% в июне 2019 года до 38%). Позднее, число россиян, считавших, что проводимые государством экономические преобразования не отвечают интересам населения страны, выросло более чем в 1,5 раза (с 38% в сентябре 2020 года до 60% в июне 2021 года). В период с мая 2018 года по сентябрь 2020 года число респондентов затруднившихся ответить колебалось в границах от 32% до 38%. В июне 2021 года по сравнению с сентябрем 2020 года их количество сократилось на 18 п.п. В условиях сложной эпидемиологической ситуации действия властей всех уровней, направленные на реализацию национальных проектов с целью поддержать уровень и качество жизни населения, неоднозначно были восприняты гражданским обществом.

Рисунок 1. Динамика отношения респондентов к курсу проводимых экономических реформ (РФ, % от числа опрошенных).

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

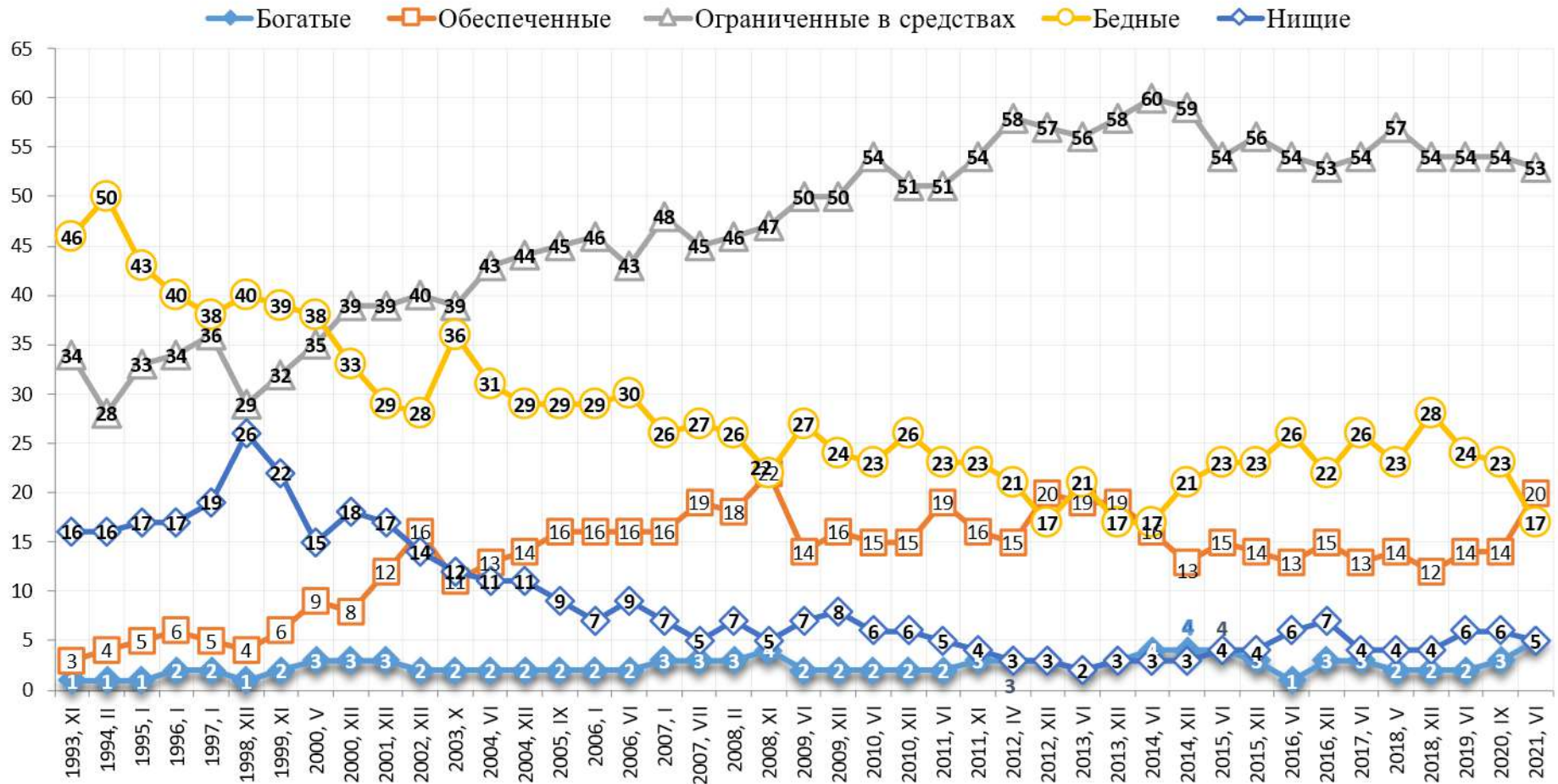

Рисунок 2. Мнение респондентов о том, отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Материальная поддержка населения со стороны государства в условиях пандемии (поддержка семей с детьми, адресные пособия и выплаты и пр.) к июню 2021 года привела к некоторому повышению оценки гражданами своего материального положения. В июне 2021 г. граждане России оценивали свои денежные доходы следующим образом: 22% респондентов, по самооценке, живут в условиях нищеты или бедности, не доедая («денег не хватает даже на приобретение продуктов питания» – 5%), или еле-еле сводя концы с концами, «денег хватает только на приобретение продуктов питания» (17%). У 53% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды, 20% могут позволить купить себе большинство товаров длительного пользования, 5% не отказывают себе ни в чем (см. рис. 3). За весь период наблюдений зафиксировано наибольшее число «богатых» и наименьшее количество «бедных» россиян (как и в июне 2014 года, декабре 2013 года).

В период с мая 2018 года по декабрь 2018 года число «бедных» граждан возросло с 23% до 28%. Далее их количество постепенно снижалось, достигнув наименьшего значения в июне 2021 года (17%). За анализируемый период численность «ограниченных в средствах» граждан находилось в границах от 57% до 53%. Количество «обеспеченных» граждан с мая 2018 года по сентябрь 2020 года стабилизировалось на уровне 12-14%. Далее число таких россиян возросло до 20%. В целом структура ключевых социально-экономических групп, сформированных по критерию самооценки в доходах, не изменилась. Состояние социального государства по данному критерию отражает неравномерность распределения доходов и расходов в стране: средний, «обеспеченный класс» представлен одной пятой, «ограниченные в средствах» – половиной, а «бедные» и «нищие» – также одной пятой частью респондентов. Таким образом, в условиях пандемии российскому государству удалось уменьшить социально-экономические риски роста бедности в российском обществе.

Рисунок 3. Самооценка денежных доходов респондентов (РФ, % от числа опрошенных).

Вопрос: «Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы?». Варианты ответов: «Богатые» – денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; «Обеспеченные» – покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей; «Ограниченные в средствах» – денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды; «Бедные» – денег хватает только на приобретение продуктов питания; «Нищие» – денег не хватает даже на приобретение продуктов питания.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Характер и форма социально-классовой дифференциации общества определяют состояние взаимоотношений гражданского общества и социального государства. Индикатор классовой самоидентификации фиксирует состояние представлений социального расслоения российского общества в сознании граждан (см. табл. 2). В июне 2021 года к среднему классу отнесли себя 72% россиян, низшему – 19%, к высшему – 2%. Затруднились ответить 7% респондентов.

Таблица 2

Самоидентификация классовой принадлежности респондентов

(Вопрос: «Сейчас становится привычным относить людей к низшему, среднему или высшему классам. К какому классу Вы себя относите?»)

(РФ, % от числа опрошенных)

	К высшему классу	К среднему классу	К низшему классу	Затруднились ответить
1994, II	1	39	37	23
1995, I	1	42	38	19
1995, XI	1	32	49	18
1999, XII	1	35	42	22
2000, XII	1	41	40	18
2001, XII	1	45	33	21
2002, XII	1	43	39	17
2003, X	1	52	31	16
2006, VI	2	49	33	16
2007, I	3	52	31	15
2008, II	1	50	36	13
2008, VI	1	46	28	26
2008, XI	1	53	26	19
2009, XII	2	49	31	18
2010, VI	1	53	27	19
2010, XII	1	51	28	21
2011, XI	2	52	26	20
2013, VI	2	52	28	18
2014, VI	3	59	18	19
2015, VI	2	49	23	26
2016, VI	1	40	29	30
2018, V	1	44	26	29
2019, VI	1	49	25	25
2020, IX	5	41	20	34
2021, VI	2	72	19	7

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

За все годы мониторинговых замеров в июне 2021 года наблюдалось наибольшее число граждан, относящих себя к «среднему» классу, и наименьшее количество затруднившихся ответить на вопрос. С начала реализации национальных проектов за 3 года численность среднего класса возросла более чем в 1,5 раза с 44% до 72%. В то же время количество «бедных» сократилось с 26% до 19%, а затруднившихся ответить респондентов с 29% до 7%.

Общественное мнение отражает динамику изменения реализации национальных проектов в условиях COVID-кризиса. С мая 2018 года по июнь 2019 года число граждан, считавших себя «средним классом», выросло с 44% до 49%. Далее их количество сократилось с 49% в июне 2019 года до 41% в сентябре 2020 года. К июню 2021 года доля относящих себя к среднему классу опять возросла на 31 п.п., до 72%. Данная динамика детерминирована снижением количества затруднившиеся ответить на вопрос респондентов с 34% до 7%. С 26% в мае 2018 года до 20% в сентябре 2020 года уменьшилось количество граждан, идентифицирующих себя с низшим классом. К июню 2021 года их число стабилизировалось на уровне 19-20%. Таким образом, в условиях сложной эпидемиологической ситуации реализуемая властями политика, направленная на минимизацию рисков ухудшения социально-экономического положения граждан и состояния социального государства, способствовала изменению количественных показателей самоидентификации социально-классовых групп в российском обществе. К июню 2021 года большинство россиян относили себя к среднему классу, а пятая часть социума ассоциировала себя с низшим классом.

1.2. ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Политическая система в оценках респондентов

Отношение респондентов к политической системе, уровень доверия политическим институтам являются важнейшими показателями консенсуальности в обществе, критериями уровня эффективности взаимодействия государства и гражданского общества. Анализ общественных настроений и проявлений лояльности к власти, обусловленных как экономическими, так и политическими факторами, особенно актуализируется в периоды трансформации политической системы и кризисные периоды в развитии общества.

В этом контексте, 2021 год стал, во-первых, годом институционального закрепления тех тенденций изменений политической системы, которые проявлялись в последние годы и состояли в преимущественно жесткой регламентации политической деятельности и оппозиционной активности. Поправки в Конституцию, которые были приняты в ходе всенародного голосования в 2020 году, вступили в силу 4 июля 2020 года и в известном смысле задали набор конституционных векторов развития политической системы в 2021 году.

Говоря о поправках к Конституции России в политической сфере, необходимо отметить ключевые положения, связанные с реформой власти в целом: обнуление президентских сроков для действующего Президента России В.В. Путина; конкретизация полномочий Президента (в вопросах назначения руководителей силовых ведомств); запрет занимать президентский пост более двух сроков; введение неприкосновенности экс-президентов; усиление ответственности Председателя Правительства; уточнение порядка назначения министров; рассмотрение полномочий в сфере назначения высших должностных лиц Советом Федерации; определение статуса сенаторов; возможность роспуска Госдумы при отклонении кандидатур членов Правительства; установление полномочий Госсовета; расширение полномочий Конституционного суда (в связи с возможностью исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных судов) и сокращение численности судей Конституционного суда с 19 до 11 человек; конституционное закрепление органов местного самоуправления наряду с органами государственной власти в единой системе публичной власти; определение задач Совета Безопасности; введение ограничения для лиц с иностранным гражданством или видом на жительство на получение права занимать ряд высших должностей в стране; развитие принципа защиты суверенитета и недопустимости отчуждения территорий страны.

По нашим данным, изменения в Конституцию поддерживали более половины опрошенных респондентов, а треть подтвердили свое безразличие к изменениям конфигурации политической системы. Несмотря на то, что наибольший уровень

поддержки зафиксирован по поправке, связанной с доступной и качественной медицинской помощью, которую поддержали более 53% опрошенных, на втором месте по значимости оказались как раз поправки, направленные на совершенствование политической сферы. Речь идет о положениях, согласно которым лица, имеющие иностранное гражданство и счета за рубежом не могут занимать важные государственные должности (39%); о недопустимости действий, направленных на отчуждение части территории России, и призывы к нему (35%); о приоритете Конституции РФ над международным правом и международными договорами (19%)⁶.

Помимо этого, с 2018 года, по мнению ряда исследователей, начинается активная фаза внедрения системы механизмов партисипаторной демократии, демократии участия, где гражданское общество, точнее, некоторые его сегменты, все больше рассматриваются как «партнеры» власти⁷. Это давало основания предположить сохранение высокого уровня лояльности к действующей власти и высокого уровня доверия к политической системе.

Вместе с тем, политико-правовые изменения в стране в 2021 году происходили на фоне социально-экономической нестабильности, вызванной такими факторами как: 1) продолжение действия западных экономических санкций; 2) распространение коронавирусной инфекции (COVID-19); 3) снижение цен на нефть; 4) падение курса рубля по отношению к валютам экономически развитых стран.

Пандемия коронавируса, охватившая мир в 2020 году и продолжившаяся в 2021, не только нанесла ощутимый удар по экономике и социальной сфере России, что привело к существенному падению доходов и уровня жизни значительной части населения страны, но и нарушила привычный образ и ритм жизни, что отразилось на жизненных планах населения. В процессе адаптации общества к мобилизационному режиму работы, во многих сферах жизнедеятельности начали трансформироваться социальные практики, что не могло не сказаться на социально-психологическом самочувствии граждан⁸. Обострение серьезных социально-экономических проблем проявлялось в замедлении роста российской экономики, в росте цен, в снижении уровня и качества жизни населения в целом.

Разнообразные меры, как поддерживающие, так и ограничительные, принимаемые государством и органами местного самоуправления, сказались на характере жизнеощущения российского социума, определили отношение к властным структурам и государственным институтам и повлияли на ход политического и электорального процесса. На фоне распространения коронавирусной инфекции

---

⁶ Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020.

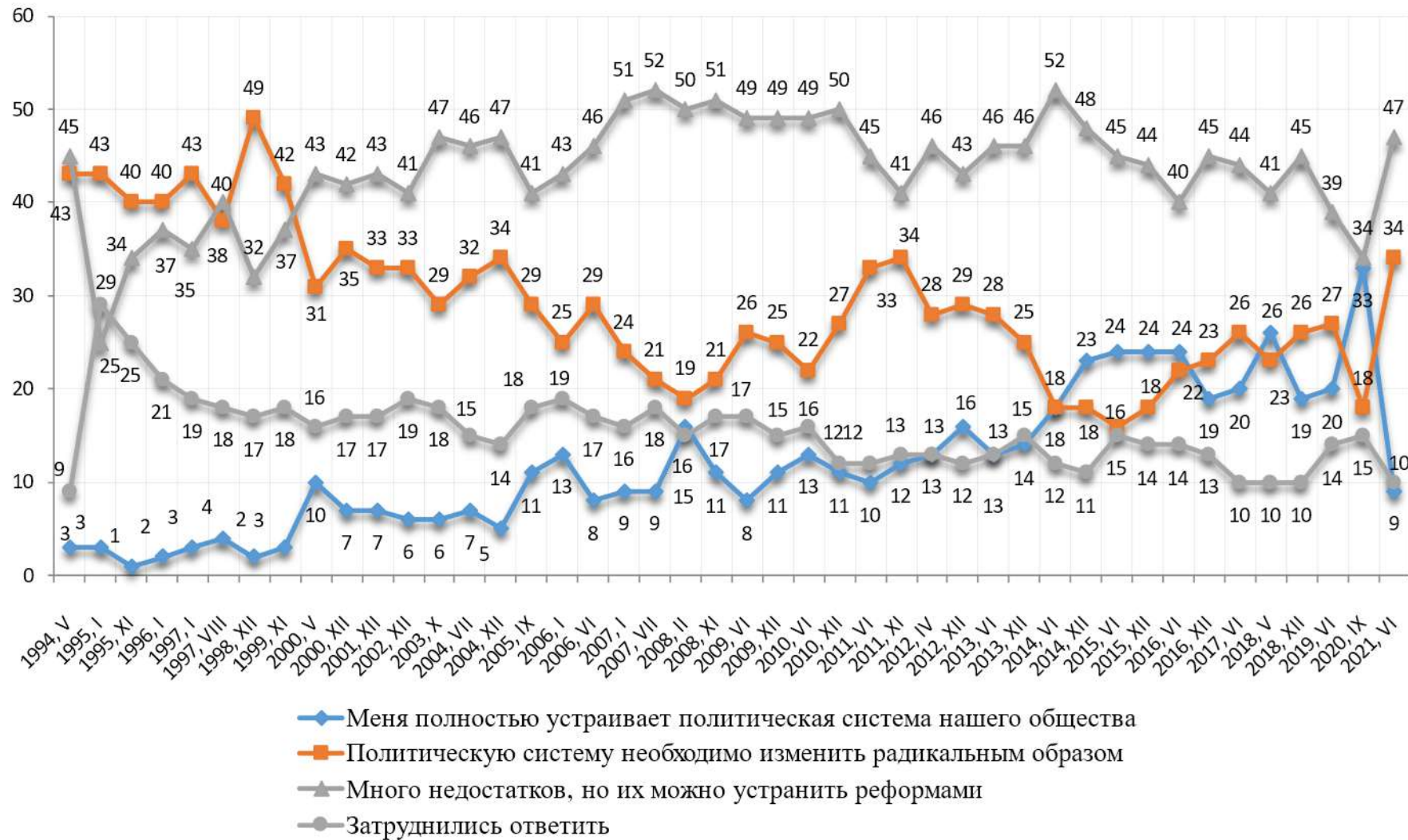
⁷ Дахин А. В. Политический транзит в России: представительная, совещательная и партисипаторная системы публичной политики // Вестник Нижегородского института управления. 2019. № 3(53). С. 37-40

⁸ Великая Н. М., Белова Н. И. Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 78–88.

повысился запрос общества на адекватные и своевременные ответы государства на возникающие социальные угрозы. Продолжая ощущать на себе последствия распространения нового вируса, мер его сдерживания и падения экономических показателей в 2021 году российские граждане весьма критично оценивали состояние современной политической системы.

По состоянию на 2021 год почти половина (47%) россиян склонялись к суждению, что в современной политической системе нашей страны «много недостатков, но их можно устранить реформами». Стоит отметить, что данную точку зрения можно назвать традиционно преобладающей с 2000 года. Исключением в обозначенной тенденции стал 2020 год, в котором мнения опрошенных разделились почти поровну: 34% респондентов считали, что «в политической системе общества много недостатков, но их можно устранить реформами», а 33% показали, что их «полностью устраивает политическая система нашего общества»(см. рис. 1).

Рисунок 1. Отношение респондентов к политической системе общества
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Если в сентябре 2020 года можно было наблюдать рост доли респондентов, которых современная политическая система полностью устраивает (с одной пятой в 2019 до трети), и в то же время, резкое снижение части радикально настроенных россиян (с 27% в 2019 до 18%), то 2021 год демонстрирует обратную динамику. Почти в два раза в 2021 году увеличилось количество респондентов, считающих необходимым изменение политической системы радикальным образом (с 18% до 34%), и в то же время, в три раза снизилась доля тех, кто полностью доволен политической системой нашего общества (с 33% до 10%). Как подчеркивает ряд экспертов, в ситуации ухудшения социально-экономического положения, заметно растут консервативные настроения и иллюзии государственного патернализма⁹, что, вероятно, привело к росту доли россиян, стремящихся к кардинальным переменам отечественной политической системы.

Неизбежные ограничения социальной и экономической активности стали еще одним фактором, повлиявшим на оценку политической ситуации и власти. Основным документом, призванным регулировать отношения государства и гражданского общества в это непростое время, стал Указ Президента РФ, согласно которому обязанности по определению территорий, на которых предусматривается реализация комплекса ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, возлагались на глав субъектов РФ¹⁰. Несмотря на то, что меры ограничительного характера варьировались от региона к региону, большинство ограничений, принятых к исполнению на территории страны, сводятся к следующим: запрет покидать место жительства за исключением установленных случаев; строгий режим самоизоляции для отдельных категорий граждан (пенсионеров, школьников); приостановка деятельности организаций и предприятий, где возможно большое скопление людей; закрытие доступа граждан к культурным объектам и ценностям и к природным зонам; установление видеонаблюдения за гражданами, введение цифровых и других пропусков с целью контроля за передвижениями; закрытие для посещения гражданами судов, что имеет следствием нарушение принципа гласности судопроизводства и т.д. Некоторые из этих ограничений, в силу противоречивости и абсурдности подачи, вызывали справедливое возмущение и критику, как со стороны научного и юридического сообщества¹¹, так и со

---

⁹ Политическое участие и отношения с государством в России // Левада-Центр. 16 марта 2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii/> (дата обращения 04.08.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

¹⁰ О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 // СЗ РФ от 06.04.2020. № 14 (часть I). Ст. 2082.

¹¹ Абашидзе А. Х. Борьба с пандемией COVID-19 через призму правозащитных измерений // Защита прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции: теория и практика : Сб. материалов науч.-практич. конф. (Москва, 25 ноября 2020 г). М.: Издательский. центр Университета имени О. Е. Кутафина, 2021. С. 48-60.

стороны жителей и организаций гражданского общества, в том числе со стороны «Лиги защиты прав пациентов»¹², «Общества защиты прав потребителей» и др.

Вместе с тем, как считает ряд ученых, умение власти принудить граждан к ограничению их свобод во имя препятствования распространения коронавируса, могут вполне успешно противостоять вызовам непрекращающейся пандемии. Готовность граждан страны соблюдать вводимые государством ограничения выступает признаком стабильного уровня доверия общества к федеральной власти, продемонстрировавшей решительность и надежность в условиях крайней неопределенности, связанной с недостатком информации об особенностях вируса¹³. Весьма иллюстративным в этой связи будет мнение респондентов относительно реализации государством норм жизни демократического общества. За время пандемии понизились показатели по таким индикаторам, как социальные гарантии и равенство всех граждан перед законом.

Целый ряд показателей демонстрирует снижающуюся тенденцию, начиная с 2018 года: свобода политического выбора, свобода слова, терпимость к чужому мнению (см. табл. 1), что отражает особенности политического процесса, который характеризуется сокращением пространства свободной дискуссии и конкурентности системы. Если выборы в конце 90-х – начале нулевых оценивались как остроконкурентные¹⁴, то выборы второй декады XXI века признаются как низкоконкурентные, где политическое противостояние приобретает декоративный характер¹⁵. Данная тенденция, по мнению ряда ученых, роднит российскую политическую систему с плебисцитарной демократией, в которой президентские выборы сводятся в большей степени к процессу признания гражданами права на власть действующего лидера, нежели к избранию такового¹⁶.

---

¹² Декларация против паники и массового ограничения прав // CitizenGO Россия : [сайт]. URL: <https://citizengo.org/ru/signit/183028/view> (дата обращения 15.07. 2021).

¹³ Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2(162). С. 162-185.

¹⁴ Шилова В. Н., Рылкина А. П. Динамика политической конкуренции в постперестроечный и постсоветский период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Выпуск 27. № 15 (158). С. 164-175.

¹⁵ Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 302 с.

¹⁶ Юдин Г. Б. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 2. С. 9-47.

Таблица 1

Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества в нашей стране
(вариант ответа «обеспечиваются»)
(РФ, % от числа опрошенных)

	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чужому мнению	Свобода слова
1995, I	11	4	12	12	59	35	52
1995, XI	8	3	9	7	59	34	53
1997, VIII	9	6	13	8	65	41	54
1998, XII	9	6	8	4	55	32	49
1999, XI	7	3	4	3	37	15	35
2000, V	11	11	14	12	62	40	52
2000, XII	11	10	13	11	57	38	47
2001, XII	9	7	13	12	61	40	48
2002, XII	10	9	13	11	65	40	51
2003, X	11	6	10	15	58	39	57
2004, VII	11	9	15	14	61	39	52
2004, XII	9	7	10	11	47	26	39
2005, IX	13	11	15	16	56	38	50
2006, I	14	12	19	20	58	40	54
2006, VI	12	10	17	22	59	44	55
2007, I	12	14	17	21	61	39	56
2007, VII	15	14	16	21	61	45	57
2008, II	18	18	21	25	58	40	56
2008, XI	13	17	22	30	66	48	57
2009, VI	14	20	21	32	58	37	52
2009, XII	14	19	22	33	56	41	51
2010, VI	18	21	23	32	55	39	50
2010, XII	15	22	21	30	53	38	47
2011, VI	15	19	20	27	53	39	50
2011, XI	16	23	24	32	50	40	49
2012, IV	15	20	23	33	49	41	49
2012, XII	19	24	26	38	48	36	46
2013, VI	21	28	30	32	55	43	53
2013, XII	24	31	34	43	57	43	55

**Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества в нашей стране
(вариант ответа «обеспечиваются»)**

Продолжение таблицы

	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чужому мнению	Свобода слова
2014, VI	22	32	38	48	67	50	63
2014, XII	25	34	38	47	60	50	59
2015, VI	23	37	43	53	67	54	63
2015, XII	20	28	40	42	61	51	60
2016, VI	14	24	30	42	60	50	56
2016, XII	18	29	32	42	61	45	60
2017, VI	18	27	27	43	63	47	59
2018, V	18	31	35	49	67	50	61
2018, XII	19	32	33	43	62	50	54
2019, VI	22	33	33	44	58	46	50
2020, IX	26	35	34	56	58	43	50
2021, VI	25	46	38	46	47	40	42

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Согласно данным на июнь 2021 г., большинство респондентов считали, что государство выполняло основные обязанности по обеспечению «права на выбор профессии» (73%), «защиты государством материнства и детства» (70%), «права на отдых» (66%) и «права на получение информации» (59%). Заметим, что большинство опрошенных в 2020 году также отмечали эти позиции, кроме права на получение информации, которое на тот момент выбрало менее половины (46%) респондентов. По оставшимся трем позициям количество россиян, считающих, что государство выполняет свои обязанности, по сравнению с прошлым исследуемым периодом, возросло. Более того, в 2021 году доля респондентов, положительно оценивших меры государства по защите материнства и детства, стала максимальной за все время проведения мониторинга. В качестве предпосылок можно, с наибольшей долей вероятности, выделить проекты, направленные на помощь семьям с детьми, матерям и детям в период пандемии коронавируса.

Добавим, что поправки в Конституцию Российской Федерации, утвержденные большинством россиян 1 июля 2020 г., определили в числе прочих дополнений новый вектор развития закрепленного в ст. 7 Конституции России 1993 г. принципа социального государства, что подразумевает исполнение государством своих социальных обязательств в полном объеме и качественно, а также более эффективную

реализацию концепции социального государства. Другими словами, в обществе остается актуальным запрос на социально-ответственное государство, ставящее в центр своей политики благополучие человека. Не случайно почти половина опрошенных нами граждан не видит усилий государства в этой области.

Так, от половины до трети граждан отметили, что власть выполняла свои обязанности по обеспечению «права на социальное обеспечение и пенсию» (56%), «права на охрану здоровья и медицинскую помощь» (51%), «свободы мысли и слова» (38%), «права на жилье» (40%), «права на благоприятную окружающую среду» (39%), «права на бесплатное образование» (50%) и «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» (39%). Можно утверждать, что в 2020 году меньшая доля людей считала, что государство выполняет обязанности в отношении указанных сфер жизни. В том числе, в прошлом году менее трети опрошенных говорили о выполнении обязанностей в вопросах «права на бесплатное образование» (31%), «права на судебную защиту прав и свобод гражданина» (21%), «права на благоприятную окружающую среду» (20%). Необходимо подчеркнуть, что в 2021 году зафиксировано наибольшее количество респондентов, отметивших «выполнение» государством своих обязанностей по вопросу «права на охрану здоровья и медицинскую помощь». Вероятно, причиной послужило повышение доступности медицинской помощи для лиц, заразившихся коронавирусной инфекцией, а также широкое освещение в СМИ мер и деятельности властей по поддержке здравоохранения в период пандемии. Подчеркнем, что социальное государство, основная задача которого – создание условий и ответственность за реализацию права человека на достойную жизнь, определяет в более широком контексте воздействие на осуществление единого комплекса прав и свобод человека, что означает в том числе свободный доступ и возможность получения должного образования, выбора трудовой деятельности, посещение культурных объектов и многое другое¹⁷.

Другая важнейшая составляющая деятельности современного государства – обеспечение прав и свобод гражданина, что связано с особенностями функционирования правового государства. Здесь ситуация с оценкой респондентами выполнения российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина выглядит аналогичным образом, демонстрируя существенное расхождение мнений. О слабости правового государства говорит тот факт, что 67% опрошенных граждан полагает, что в стране не обеспечивается равенство перед законом и судом, а половина опрошенных (48%) убеждена, что не реализуется право на судебную защиту прав и свобод гражданина.

Определенный скептицизм присутствует и при оценке политических и социальных обязательств государства. По мнению респондентов, российское государство скорее не выполняет, чем выполняет, свои обязанности по обеспечению

---

¹⁷ Старшова У. А. Развитие социального государства в современной России // Вестник поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 5. С. 72.

«свободы мысли и слова» (49% против 38%), «права на жилье» (49% против 40%), «права на благоприятную окружающую среду» (47% против 39%). Примечательно, что значительное понижение мы видим по индикаторам, связанным с функционированием правового государства и обеспечением ряда прав и свобод. А вот по индикаторам, отражающим эффективность социального государства, разрыв по сравнению с прошлыми замерами не столь существенный.

Можно утверждать, что ситуация, вызванная распространением коронавируса, поспособствовала формированию принципиально новой системы прав не только на социально-экономическую поддержку для широких слоев населения на время пандемии и в посткарантинный период. В это время распространение получили финансовые и налоговые льготы, социальная поддержка семей с детьми и тех, кто потерял работу, субъектов малого и среднего предпринимательства, смягчение требований в лицензировании и в иных разрешительных процедурах, освобождение от штрафов за просрочку оплаты услуг ЖКХ, страховые и стимулирующие выплаты медицинским работникам и гражданам, принявшим на патронаж инвалидов и престарелых людей, отмена оформления специального продления патентов, разрешений на временное проживание и других документов, легализующих нахождение иностранных граждан на территории России, и многие другие¹⁸. В преддверии выборов, уже в 2021 г. были предусмотрены дополнительные выплаты для пенсионеров, военнослужащих и работников правоохранительных органов. Вероятно, эти меры стали одним из ключевых факторов в повышении лояльности россиян к выполнению государством своих обязанностей по обеспечению прав и свобод человека и значимым инструментом внутренней политики как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Необходимо подчеркнуть, что в июне 2021 года было зафиксировано минимальное за все время проведения мониторинга количество «затрудняющихся ответить» россиян почти по каждому из предложенных пунктов. Исключение составляет «равенство перед законом и судом». В целом, можно утверждать, что у абсолютного большинства наших соотечественников формируется устойчивое мнение о выполнении российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод граждан (см. табл. 2).

---

¹⁸ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год // Российская газета. № 8421 от 2 апреля 2021.

Таблица 2

**Оценка респондентами выполнения российским государством своих
обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина
(вариант ответа «выполняет»)
(РФ, % от числа опрошенных)**

	2006, VI	2007, VI	2008, VII	2009, XII	2010, VI	2012, XII	2014, VI	2015, VI	2016, VI	2018, V	2019, VI	2020, IX	2021, VI
Равенство перед законом и судом	15	14	13	14	18	19	22	21	15	16	18	19	23
Свобода мысли и слова	48	51	52	49	45	41	51	54	39	52	35	34	38
Право на выбор профессии	61	62	67	64	63	63	73	67	61	68	62	57	73
Право на получение информации	53	49	50	50	52	49	60	51	54	50	47	46	59
Право на отдых	46	48	55	56	56	56	68	64	60	59	63	52	66
Защита государством материнства и детства	24	32	35	43	46	51	55	57	57	58	54	66	70
Право на социальное обеспечение и пенсию	39	30	40	49	54	55	55	59	53	62	49	65	56
Право на жилье	12	13	13	16	23	22	27	31	26	27	25	34	40
Право на охрану здоровья и медицинскую помощь	25	20	24	31	36	37	37	43	41	40	37	38	51
Право на благоприятную окружающую среду	11	9	11	18	21	29	26	26	21	20	17	20	39
Право на бесплатное образование	14	14	19	25	27	28	32	38	28	29	27	31	50
Право на судебную защиту прав и свобод гражданина	23	19	21	29	27	29	29	33	22	28	24	21	39

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

При этом некоторые ограничения в плане свободы передвижения, проблемы с получением адекватной информации, актуализировали ценность прав и свобод человека и гражданина, и мы видим рост на несколько пунктов индикаторов «право на получение информации», «свобода мысли и слова» (вариант ответа «не выполняет»).

Протестная активность

Весьма умеренный уровень удовлетворенности граждан деятельностью государственных органов, однако, не является критичным. Готовность жителей России к определённым акциям по защите своих интересов, прав и свобод, демонстрирует незначительное (в пределах статистической погрешности) снижение, но в долгосрочной

ретроспективе выглядит неизменной. Мы рассматриваем активность граждан в вопросах отстаивания своих прав и интересов как важную характеристику зрелого гражданского общества. В Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом.

Мониторинговые данные показывают, что, начиная с 2018 года, продолжает снижаться доля респондентов, отвечающих, что они готовы участвовать в забастовках, акциях протеста. По сравнению с 2020 годом несколько уменьшилась доля тех, кто потенциально может выйти на митинг или демонстрацию и тех, кто готов взять в руки оружие, если потребуется. Ряд ученых полагает, что цифровизация может существенно влиять на протестное поведение и формы его реализации. Чаще всего речь в данном контексте идет о возможностях протестной мобилизации населения и вовлечении молодежи в протестное движение. Однако, существуют основания полагать, что с распространением информационных технологий выражение политических (в т. ч. протестных) активностей может «уходить» в виртуальное пространство¹⁹. Данная тенденция, на наш взгляд, приобретает особую значимость в условиях самоизоляции, в которых сильнее чем когда-либо возросла роль информационных технологий. Стоит отметить, что количество россиян, считающих, что их интересы достаточно защищены, стало больше, чем в прошлом году, возрос и процент тех, кто для защиты своих интересов готов подписать обращение к властям.

Тем не менее, почти половина (43%) россиян не склонны предпринимать ни одну из предложенных форм защиты своих интересов. Примечательно, что за годы проведения мониторинга, в 2021 году был зафиксирован самый высокий уровень неготовности граждан отстаивать свои интересы. Можно предположить, что преобладание пассивной позиции обусловлено нежеланием соотечественников находиться среди большого скопления людей на митингах и демонстрациях из-за боязни заражения коронавирусом. Однако, ряд экспертов полагает, что напротив, окончание очередной волны коронавируса дает россиянам надежду на спокойную жизнь, что сказывается на нежелании наших сограждан выходить на митинги и демонстрации²⁰. Нельзя также исключать роль вероятного усиления разрозненности общества вследствие введения режима самоизоляции в 2020 году.

---

¹⁹ Игнатовский Я. Р. Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 84-90.

²⁰ Барышева Е. 5 фактов о протестных настроениях в России в 2021 году // Deutsche Welle : [сайт]. 31 марта 2021. URL: <https://p.dw.com/p/3rNLB> (дата обращения 11.10. 2021).

Таблица 3

Динамика поддержки гражданами различных форм защиты своих интересов**Вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?»***(РФ, % от числа опрошенных)*

Этапы	Мои интересы достаточно защищены	Подпишу обращение к властям	Выйду на митинг, демонстрацию	Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	Если надо, возьму оружие	Ничего из перечисленного не буду делать	Затруднились ответить
1994, II	3	13	9	11	13	19	31
1995, XI	1	13	7	6	9	28	35
1997, I	5	10	10	10	15	17	32
1998, XII	3	10	11	13	15	21	26
1999, XI	4	14	16	13	12	18	22
2000, XII	8	13	12	8	11	24	23
2001, XII	7	18	9	11	13	16	26
2002, XII	10	9	7	12	13	29	18
2003, X	9	11	9	8	13	27	21
2004, VI	5	12	11	11	15	25	20
2005, IX	7	9	9	11	13	27	22
2006, VI	7	13	10	13	13	26	19
2007, VII	7	20	16	11	10	21	15
2008, II	9	14	11	12	10	27	17
2008, VII	9	14	12	11	11	27	15
2009, VI	10	15	12	12	13	23	14
2009, XII	9	13	11	11	12	26	17
2010, VI	12	10	12	9	11	27	18
2010, XII	11	13	14	11	10	27	14
2011, VI	10	11	13	12	12	27	15
2011, XI	14	10	12	11	13	24	16
2012, IV	11	12	15	12	11	21	16
2012, XII	14	12	12	12	12	22	16

Динамика поддержки гражданами различных форм защиты своих интересов*Продолжение таблицы*

	Мои интересы достаточно защищены	Подпишу обращение к властям	Выйду на митинг, демонстрацию	Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	Если надо, возьму оружие	Ничего из перечисленного не буду делать	Затрудились ответить
2013, VI	11	13	14	12	12	23	15
2013, XII	16	13	11	12	11	22	14
2014, VI	19	12	13	9	12	19	16
2014, XII	19	13	14	8	10	19	17
2015, VI	13	11	14	12	10	22	18
2015, XII	13	14	13	10	10	20	20
2016, VI	11	10	13	8	12	22	24
2016, XII	10	16	15	9	9	24	17
2017, VI	11	13	15	11	9	24	17
2018, V	15	13	13	8	8	25	18
2018, XII	13	12	11	10	7	28	19
2019, VI	10	13	12	9	8	25	23
2020, IX	13	9	11	6	8	27	26
2021, VI	15	12	9	5	7	43	9

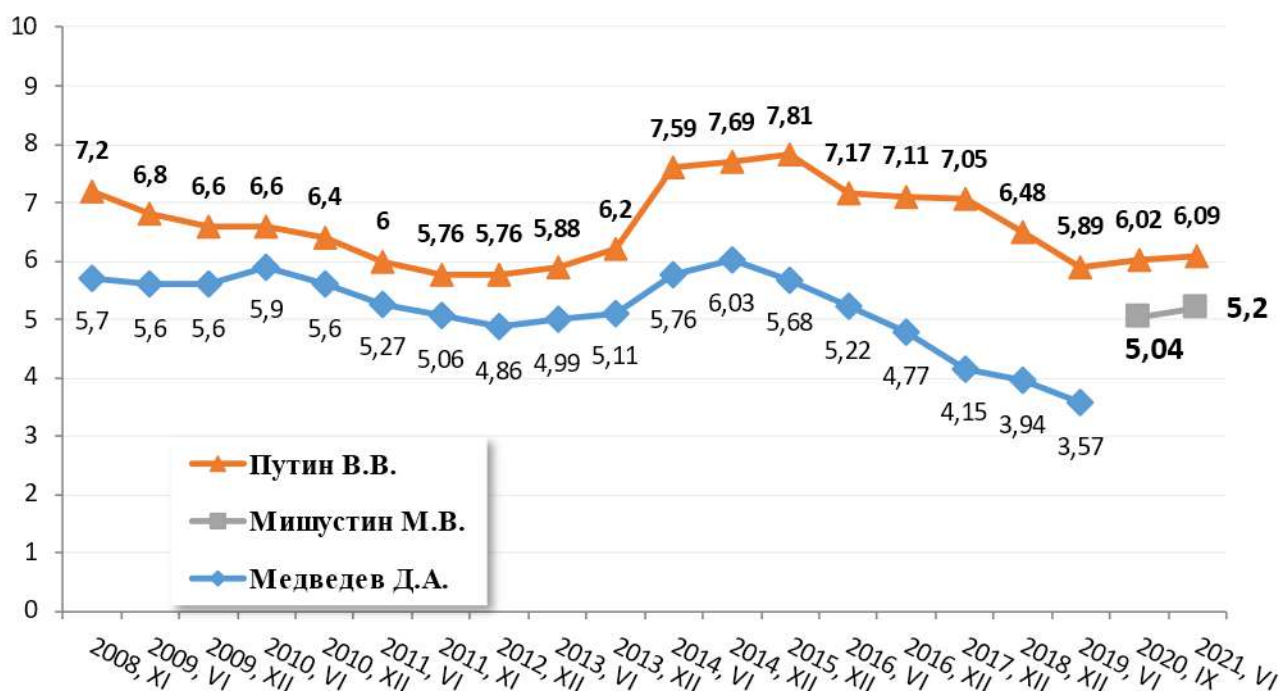
Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Еще одной возможной причиной стремления избегать активных действий по отстаиванию своих прав может быть рост страхов в связи с ужесточения политического режима. Подавление протестов, целая серия судебных заседаний и обвинительных приговоров после протестов в 2020–2021 гг. (в поддержку А. Навального) не могла не отразиться на «сворачивании» протестной активности.

Рейтинги политических лидеров

Оценка гражданами деятельности политиков, занимающих высшие политические должности, во многом показывает характер взаимоотношений между обществом и государством, специфику легитимации политического режима. Учитывая высокий уровень персонализации государственной власти в России, можно предположить, что отношение к решениям главы Российской Федерации оказывает влияние на уровень доверия россиян ко всему государственному аппарату в целом.

В 2021 г., как и в рамках других волн исследований, россияне выше оценили деятельность президента В. В. Путина по сравнению с деятельностью премьера М. В. Мишустина (6,09 против 5,2 баллов). При этом позитивных оценок их деятельности в 2021 г. было больше, чем в 2020 году. Однако, повышение оценки деятельности М. В. Мишустина более заметно, по сравнению с В. В. Путиным (см. рис. 2).

Рисунок 2. Оценка деятельности Путина В. В., Медведева Д. А. и Мишустина М. В. на постах президента и председателя правительства России (РФ. Баллы по десятибалльной шкале)

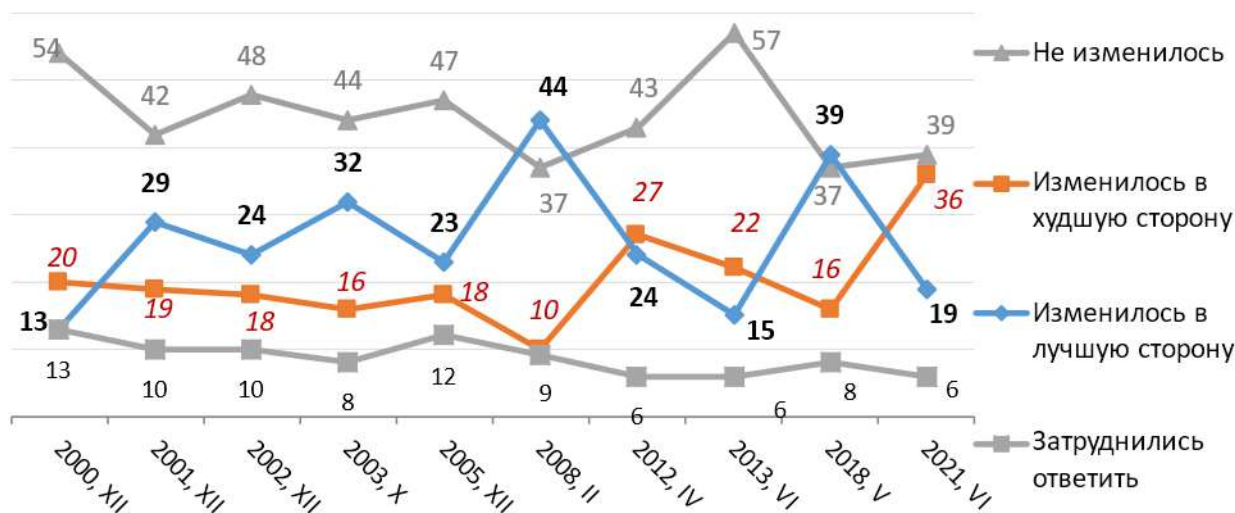
Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Весьма показательно, что данные нашего мониторинга свидетельствуют о росте доли респондентов, чье мнение о В. В. Путине изменилось в худшую сторону по сравнению с 2018 годом (с 16% до 36%). А в целом, падение рейтинга Президента мы фиксируем с 2015 года. В 2021 году процент негативно настроенных респондентов оказался беспрецедентно высок, что коррелирует с сокращением почти вдвое количества людей, заявивших об улучшении своего отношения к Путину (с 39% в 2018 до 19% в 2021) (см. табл. 4, рис. 3).

Таблица 4

Динамика отношения респондентов к В. В. Путину
(РФ, % от числа опрошенных)

	Вопрос: «Как изменилось Ваше отношение к В. В. Путину за годы его...»									
	президентства?»						деятельности на посту председателя правительства России?»	президентства?»		
	2000, XII	2001, XII	2002, XII	2003, X	2005, XII	2008, II	2012, IV	2013, VI	2018, V	2021, VI
Изменилось в лучшую сторону	13	29	24	32	23	44	24	15	39	19
Изменилось в худшую сторону	20	19	18	16	18	10	27	22	16	36
Не изменилось	54	42	48	44	47	37	43	57	37	39
Затруднились ответить	13	10	10	8	12	9	6	6	8	6

Рисунок 3. Динамика отношения респондентов к В. В. Путину
(РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В условиях предстоящего транзита власти, о персональной конфигурациях которого российское общество может только догадываться, вопрос о будущем президенте является центральным в публичном дискурсе. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на признание ряда политических деятелей в качестве лидеров, они не всегда рассматриваются в качестве будущего президента. Так, лидерами, которые, по мнению респондентов, могли бы в настоящее время вывести страну из кризиса, являются как действующие представители исполнительной и законодательной власти, так и представители несистемной оппозиции. При этом треть опрошенных (30%) не видят в пуле современных политиков фигуры, которая могла бы рассматриваться как безусловный лидер, способный преодолеть кризисные явления в экономике и политической сфере.

Треть опрошенных возлагает надежды на действующего Президента страны (31%), однако снижение рейтинга последние три года является показателем непопулярности политики, реализуемой властью. Затем с большим отрывом идут Шойгу (16%), Лавров (10%), представляющие исполнительную власть. Чуть меньше получили Мишустин (8%), Собянин (5%) и Кадыров (4%). Среди лидеров парламентских партий заметны Жириновский с 9% и представители левого фланга – Грудинин (7%) и Зюганов (4%).

Вместе с тем, потенциал действующего президента оценивается как высокий, а предложенные стратегические планы позволяют рассчитывать на сохранение высокого уровня доверия к президентской власти. Интересно, что анализ стратегических документов нового президентского цикла 2018-2024 гг. позволяет говорить, что вопросы отношений «государство – гражданское общество» связываются не столько с развитием партийной системы, сколько с развитием других институтов гражданского общества и с развитием территорий. В частности, стратегия пространственного развития России до 2025 г. тесно увязывается с повышением качества жизни, где вопросы развития мест проживания, работы, отдыха граждан рассматриваются как предметы, которыми необходимо заниматься и власти, и гражданскому обществу.

Отдельно подчеркнем, что по сравнению с предыдущими волнами проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН мониторинга, существенно выросла поддержка оппозиционного политика А. Навального, что мы связываем с медийной ажиотажностью вокруг его персоны в ходе истории с его экстренной госпитализацией в августе 2020 г., возвращением в страну после лечения в Германии в январе 2021 и последующим арестом (см. табл. 5).

Другую картину распределения мнений мы видим при ответе на вопрос о будущем президенте России. Несмотря на высокий уровень симпатий к действующему Президенту РФ и признание его в качестве эффективного лидера, как потенциального президента его хотят видеть лишь 23,5% избирателей. Перспективы остальных политиков выглядят еще менее убедительно: 6,2% хотели бы видеть на этом посту

Шойгу, 5,7% – Навального. Остальные возможные претенденты на пост президента пока могут рассчитывать на поддержку не более 4 % избирателей (см. рис. 4).

Все это позволяет интерпретировать сложившуюся модель рекрутирования политической элиты как мало-альтернативную, имеющую застойный характер, где практически не происходит эффективного включения в список селектората новых людей. Несменяемость власти, имеющая место не только на федеральном, но и на региональном и местном уровне, в политических партиях снижает конкурентность политического процесса и не способствует легитимности органов власти.

Таблица 5

Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ**Вопрос:** «Кто из перечисленных лидеров, по Вашему мнению, способен вывести Россию из кризиса?»*(РФ, % от числа опрошенных)*

	2000, XII	2001, XII	2002, XII	2003, X	2004, XII	2005, IX	2006, VI	2007, I	2008, II	2009, VI	2009, XII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI
Путин В.В.	34	42	31	41	38	31	36	42	45	51	45	41	43	39	36
нет такого лидера	39	31	48	37	35	42	33	27	24	27	31	31	31	31	29
Шойгу С.К.	6	9	7	10	12	8	11	10	11	8	9	8	7	9	6
Лавров С.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Жириновский В.В.	3	6	4	9	8	8	9	11	11	9	8	10	8	11	11
Мишустин М.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Навальный А.А.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Грудинин П.Н.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Собянин С.С.	-	-	-	-	-	-	5	4	0	1	1	2	5	4	5
Лукашенко А.Г.	9	11	5	3	4	5	8	7	4	6	7	4	5	6	4
Зюганов Г.А.	16	18	8	7	4	6	6	8	11	7	7	7	8	10	13
Кадыров Рамзан	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Платошкин Н.Н.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Медведев Д.А.	-	-	-	-	-	-	4	11	29	28	25	28	27	24	18
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	4	4
Ходорковский М.Б.	-	-	-	2	3	3	4	3	3	3	2	4	3	5	4
Миронов С.М.	-	-	-	1	1	1	2	3	4	3	3	3	3	5	6
Володин В.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Явлинский Г.А.	8	4	6	5	3	2	2	2	3	2	1	1	2	2	3
Кудрин А.Л.	-	-	-	-	1	0	1	0	-	1	0	1	1	2	3
Титов Б.Ю.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Матвиенко В.И.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

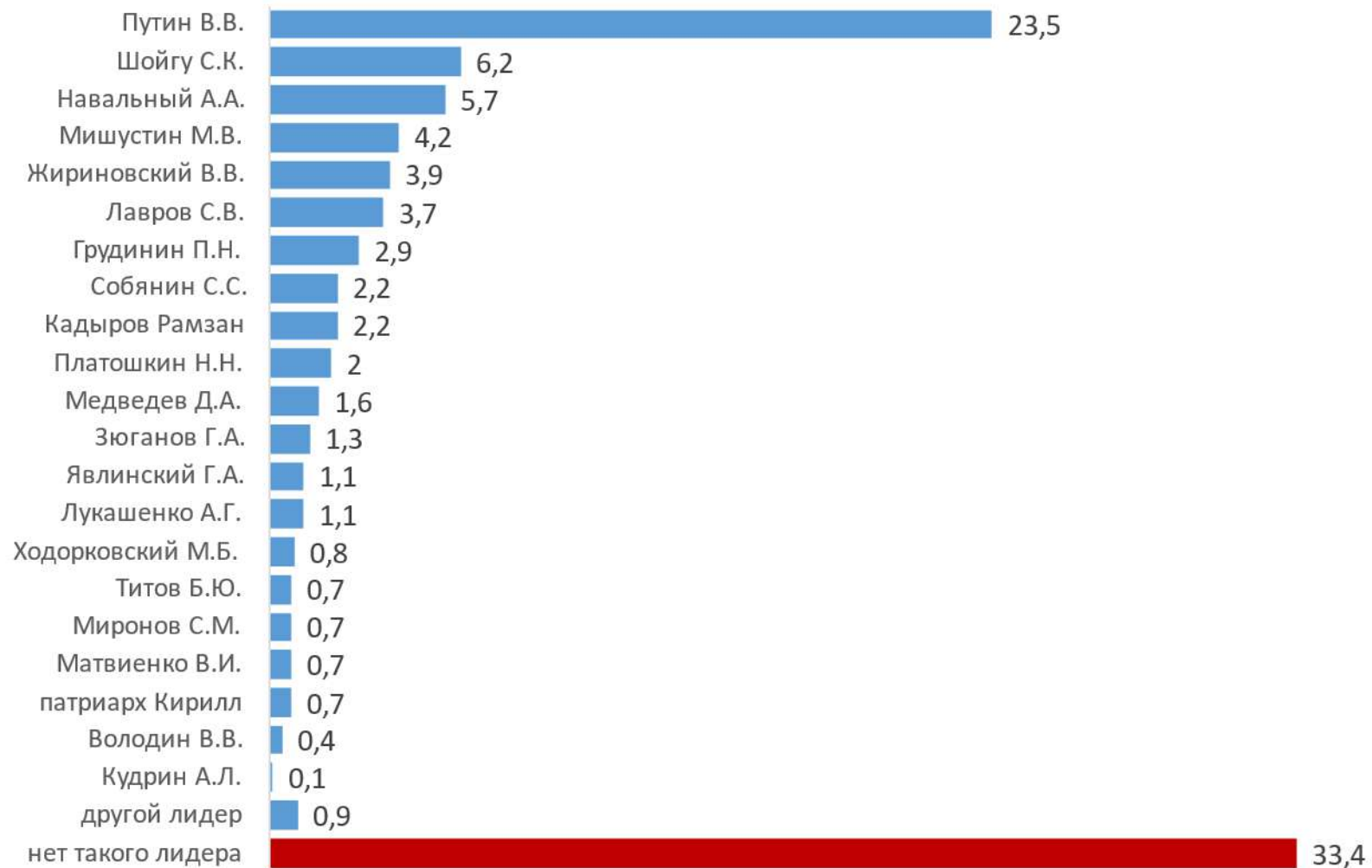
Рейтинг политиков и партийных лидеров РФ

Продолжение таблицы

	2012, IV	2012, XII	2013, VI	2013, XII	2014, VI	2014, XII	2015, VI	2015, XII	2016, VI	2016, XII	2017, VI	2018, V	2018, XII	2019, VI	2020, IX	2021, VI
Путин В.В.	42	38	36	40	58	62	63	67	57	55	56	57	47	41	45	31
нет такого лидера	25	28	32	26	18	18	20	18	20	20	17	20	28	31	26	30
Шойгу С.К.	10	14	19	21	21	20	20	23	19	22	21	20	13	14	14	16
Лавров С.В.	-	-	-	-	-	-	13	15	13	11	14	14	8	8	7	10
Жириновский В.В.	9	7	8	8	9	9	7	7	10	12	11	10	9	9	7	9
Мишустин М.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	8
Навальный А.А.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	3	4	5	4	8
Грудинин П.Н.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	8	8	7	7
Собянин С.С.	3	4	4	9	5	5	4	5	5	4	3	4	6	6	11	5
Лукашенко А.Г.	7	6	5	6	6	5	6	5	7	5	7	-	-	4	10	4
Зюганов Г.А.	12	11	9	8	7	7	5	7	6	9	9	5	7	6	5	4
Кадыров Рамзан	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	5	5	4	6	4	4
Платошкин Н.Н.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	3
Медведев Д.А.	14	14	12	9	13	11	11	13	11	7	7	5	4	5	2	2
Патриарх Кирилл	4	4	5	4	6	5	3	3	3	3	2	2	2	2	2	2
Ходорковский М.Б.	5	3	3	3	2	3	2	3	3	1	1	2	1	2	2	2
Миронов С.М.	6	5	4	2	3	1	2	2	3	1	2	1	1	2	1	2
Володин В.В.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	3	2	4	1
Явлинский Г.А.	4	3	2	2	2	2	2	2	2	2	1	2	-	1	2	1
Кудрин А.Л.	3	4	3	4	3	2	3	2	2	2	2	1	1	0	1	1
Титов Б.Ю.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	1	1	1
Матвиенко В.И.	-	-	-	-	2	2	1	2	2	1	2	1	1	1	0	1

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 4. Мнение респондентов о том, кто из нынешних политических лидеров должен стать следующим президентом России (РФ, июнь 2021. N=1609. % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Доверие к институтам власти

В известном смысле высокий уровень персонализации власти и высокие рейтинги лиц, занимающих высшие государственные и политические должности, определяют и степень доверия к тем или иным властным институтам. В общем рейтинге доверия лидерами на протяжении последних 20 лет являются Президент, Армия и Церковь, в разные годы занимающие места в первой тройке. Индикатор доверия в рамках мониторинга имеет особое значение, поскольку мы рассматриваем доверие и как социальный капитал, и как культурный ресурс²¹, который обеспечивает социальное взаимодействие и позволяет оценить уровень публичной легитимности политической системы в целом.

По данным июня 2021 г. наибольшее доверие у наших граждан вызывают Армия (66%), Президент (50%) и Совет безопасности (46%). Вместе с тем, за последние 10 лет динамика рейтинга доверия к президенту является понижающей, а за последний год он упал на 11 процентных пунктов. На фоне снижения рейтинга президента наблюдается и падение симпатий к правительству, что во многом может быть следствием недовольства политикой исполнительной власти во время пандемии (см. табл. 6).

Высокий уровень заболеваемости и очевидная слабость отечественной системы здравоохранения, особенно в российской глубинке; многочисленные и слабо обоснованные ограничения; противоречивые распоряжения и рекомендации, порой невнятное информационное сопровождение принимаемых решений не могли не вызывать раздражения у граждан России.

Напротив, рейтинги законодательной власти, в лице Совета Федерации, Государственной Думы и политических партий демонстрировали определённую устойчивость. Более того, начиная с 2019 года наметился рост доверия к политическим партиям, что для России, являющейся страной с высокой степенью персонализации власти, довольно неожиданно. По всей вероятности, дал о себе знать тот факт, что некоторые политические партии заявляли о несогласии с государственной политикой в сфере ограничений при режиме самоизоляции, резко критиковали экономические меры правительства и выступили против обязательной и принудительной вакцинации.

Особенно активны в этой связи были партии Справедливая Россия и КПРФ, которые настаивали на бесплатном тестировании на COVID и на антители²², а позже

---

²¹ Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н. В. Морозовой. Москва : Логос, 2012. 445 с.

²² Сергей Миронов: тестирование на антители к COVID должно быть массовым и бесплатным // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 23 марта 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11102910> (дата обращения 15.07.2021).

выступили против принудительной вакцинации²³, запустив соответствующие акции в ряде регионов и выведя людей на митинги²⁴.

Таблица 6

**Динамика отношений респондентов к общественным структурам
и институтам власти (вариант ответа «доверяю»)**

(РФ, % от числа опрошенных)

Этапы	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественная палата	Полиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественные организации	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предприним. круги
1995, I	9	8	7	10	-	-	-	16	35	18	-	6	-	11	21	6
1997, I	17	14	10	14	9	10	-	10	36	11	33	11	-	28	20	8
1998, XII	6	11	8	13	3	9	-	11	27	17	33	13	-	23	18	5
1999, XI	4	18	14	14	3	14	-	12	38	15	26	7	-	23	12	5
2000, V	41	20	13	12	14	17	-	13	43	21	35	16	-	20	17	8
2000, XII	43	23	9	12	10	19	-	15	41	19	28	17	-	21	16	11
2001, XII	49	23	15	12	16	21	-	12	39	17	33	12	-	17	12	10
2002, XII	44	18	10	10	15	17	-	10	31	13	33	15	-	23	17	11
2003, X	57	20	13	9	19	22	-	11	36	15	36	8	-	20	17	12
2004, VI	53	23	13	10	20	23	-	9	30	17	38	9	-	16	20	10
2004, XII	49	17	11	6	19	21	-	9	27	16	35	5	-	15	19	12
2005, IX	48	20	14	10	19	23	-	12	31	12	35	7	-	21	23	12
2006, I	46	20	13	10	20	20	-	11	30	14	35	9	-	19	22	11
2006, VI	51	18	12	10	20	21	-	11	30	15	37	8	-	18	23	10
2007, I	63	26	15	12	26	31	17	11	39	19	46	9	20	17	21	16
2007, VII	63	28	17	13	26	29	16	9	30	17	42	13	20	22	20	12
2008, II	70	39	25	18	34	30	20	11	41	20	43	13	20	24	22	15
2008, VI	57	38	21	16	31	28	21	11	47	23	51	10	20	24	22	15
2008, XI	60	46	22	17	35	34	18	13	43	18	47	13	22	26	23	13
2009, VI	56	42	20	19	30	29	17	15	40	18	47	11	20	24	23	10
2009, XII	58	45	26	19	32	32	23	13	41	24	45	19	25	25	27	15
2010, VI	59	44	25	22	31	30	21	15	46	24	50	21	30	35	26	16
2010, XII	55	43	26	18	32	31	21	11	40	18	49	17	27	34	26	15

²³ Всероссийская пресс-конференция «Особенности принудительной вакцинации. Прививаться нужно, увольняться нельзя // Официальный сайт партии «Справедливая Россия». 28 июля 2021. URL: <https://spravedlivo.ru/11392310> (дата обращения 30.07.2021).

²⁴ Старикова М. «Нагнетается определенный психоз»: Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями // Коммерсант. 26.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения 15.07.2021).

Динамика отношений респондентов к общественным структурам и институтам власти (вариант ответа «доверяю»)

Продолжение таблицы

Этапы	Президент РФ	Правительство РФ	Совет Федерации	Государственная Дума	Администрация Президента РФ	Совет Безопасности	Общественная палата	Полиция, суд, прокуратура	Армия	Профсоюзы	Церковь	Партии, политические движения	Общественные организации	Руководители регионов	Средства массовой информации	Банковские, предприним. круги
2011, VI	49	38	21	16	24	27	16	12	40	19	46	16	23	23	26	12
2011, XI	47	39	22	19	28	28	21	14	41	20	49	20	28	28	24	13
2012, IV	51	37	24	19	27	32	21	13	48	23	55	22	32	24	23	14
2012, XII	47	35	27	21	28	32	23	18	47	21	52	22	31	29	26	16
2013, VI	50	35	25	19	26	33	24	20	49	24	52	22	29	29	27	17
2013, XII	52	38	30	18	30	35	22	16	51	22	51	16	28	27	26	15
2014, VI	72	49	38	27	42	48	29	21	61	25	55	19	29	36	24	16
2014, XII	70	46	36	25	40	40	23	19	57	19	52	18	27	33	17	12
2015, VI	73	45	32	23	40	41	23	18	62	23	46	16	24	30	22	11
2015, XII	77	48	34	21	41	43	21	16	67	16	52	12	19	29	15	9
2016, VI	68	42	33	20	36	41	18	14	65	17	49	11	17	24	16	10
2016, XII	67	37	26	17	32	36	19	17	64	19	45	15	21	30	17	13
2017, VI	68	40	30	19	34	40	19	17	69	15	45	16	25	29	17	9
2018, V	68	41	32	17	37	39	18	16	70	15	44	13	21	25	18	10
2018, XII	57	32	23	15	29	33	16	13	61	18	38	10	20	25	16	11
2019, VI	54	32	25	14	26	36	16	15	64	18	39	14	23	31	17	15
2020, IX	61	44	30	23	35	35	18	20	64	16	47	17	21	46	16	9
2021, VI	50	35	27	23	36	46	29	25	66	34	40	20	37	39	22	20

Примечание: (-) – отсутствие позиции в инструментарии.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в отношении политических партий, эти организации на фоне других политических институтов воспринимаются обществом как наименее дееспособные, рейтинг доверия к ним в 2021 г. составил 20%, что на три пункта выше, чем в 2020 году.

Соответственно, российские граждане демонстрируют высокий уровень недоверия к политическим партиям и Государственной Думе, который в 2021 году составил 59%, достигнув максимальных показателей за 10 лет. При этом разница показателей по индикатору «Не доверяю» существенно ниже, чем по индикатору «доверяю». Так, президенту не доверяют 36% опрошенных, правительству – 51%. Другими словами, потенциал легитимности у органов власти в целом довольно низкий, поскольку более половины опрошенных не доверяют ни исполнительным, ни

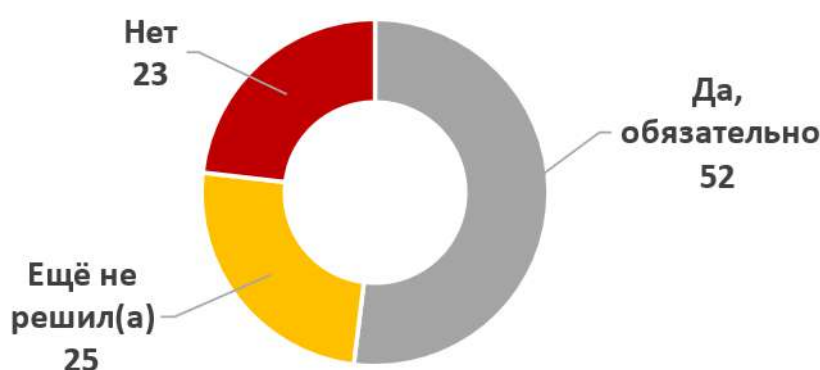
законодательным органам. Единственным исключением здесь является Президент, недоверие к которому, как мы уже писали, тожеросло.

Что касается других государственных и общественных институтов, имеющих важное значение для функционирования общества и государства, то традиционно лидерами недоверия на протяжении десятилетий здесь являются средства массовой информации (им не доверяют 64%), банковские предпринимательские круги (не доверяют 61%) и правоохранительные органы (не доверяют 60%). Обращает на себя внимание тот факт, что за время пандемии особенно возросло недоверие к СМИ (рост на 20 пунктов) и, например, практически не изменилось (в пределах статистической погрешности) отношение к полиции, судам, прокуратуре, к профсоюзам, к общественным организациям.

Завершение электорального цикла и приближающиеся выборы в Государственную Думу РФ, начало избирательной кампании летом сместили фокус информационной повестки дня на внутренние проблемы страны, что имело неоднозначные последствия и стало фактором более критичного отношения к власти.

Участие в выборах

Вместе с тем, пандемическая ситуация практически не сказалась на намерениях российских граждан участвовать в сентябрьских выборах в ГД. Доля тех, кто заявил о том, что не придет на выборы, составила почти четверть (23%) и не вышла за рамки цифр, которые на протяжении нескольких десятилетий фиксируют социологи, говоря о стабильной базе абсентеистов. 52% планировали прийти на избирательные участки и 25% на июль 2021 не определились (см. рис. 5).

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о том, примут ли они участие в выборах в Государственную Думу РФ 19 сентября 2021 года
(РФ, июль 2021. N=1609. % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Идеологические ориентации респондентов, которые выявляются на основе их идеологической самоидентификации, показывают незначительные колебания, как в левой, так и в правой части политического спектра. Определённый прирост наблюдался среди сторонников коммунистической (с 5% до 8%), социалистической (с 5% до 10%) и социал-демократической (с 3% до 8%) идеологий. Напротив, количество патриотов уменьшилось с 28% до 19%, количество условных демократов – с 30% до 20%. Наиболее стабильным выглядит лагерь условных либералов, число которых варьируется на протяжении последних лет между 7% и 9%.

Можно сказать, что за последние 10 лет сформировалось три устойчивых сегмента, объединяющие определённые группы идеологических конструкторов. Первый – либерально-демократический сегмент, составляющий около трети населения, второй – лево-ориентированный сегмент, куда входит около четверти россиян, и патриотически-консервативный сегмент, включающий в себя также почти треть респондентов (см. табл. 7.)

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как бы Вы определили свои политические взгляды?»**
(РФ, % от числа опрошенных)

	Демократические	Патриотические	Либеральные	Социалистические	Коммунистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Затруднились ответить
2002, XII	16	17	4	9	7	3	1	1	17
2003, X	28	21	8	9	13	3	4	3	30
2004, VI	26	18	10	12	8	7	5	5	29
2004, XII	33	19	8	7	7	4	5	3	30
2005, IX	23	24	6	9	8	5	4	4	32
2006, I	26	21	7	10	7	5	6	5	31
2006, VI	23	26	9	8	7	6	5	2	33
2007, I	26	22	10	7	10	6	5	4	29
2007, VII	26	25	10	8	7	6	4	4	29
2008, II	28	21	9	11	8	5	6	3	27
2008, XI	36	22	9	7	8	5	5	3	24
2009, VI	24	22	11	13	9	5	7	3	26
2009, XII	29	22	10	6	8	7	7	2	27
2010, VI	32	21	10	7	9	6	6	2	25
2010, XII	33	21	9	8	7	6	7	2	24
2011, VI	27	20	9	14	8	5	10	2	24
2011, XI	30	19	9	7	12	4	6	2	27
2012, IV	30	17	9	11	9	5	8	2	26
2012, XII	28	19	9	9	8	6	5	3	28
2013, VI	31	17	9	5	11	5	6	2	28
2013, XII	35	20	10	7	8	7	7	4	21
2014, VI	32	21	9	10	8	6	7	2	23
2014, XII	31	24	9	6	7	7	5	3	24
2015, VI	28	32	8	6	6	4	6	3	26
2015, XII	29	34	11	6	7	6	5	2	22
2016, VI	23	30	9	10	6	5	7	3	27
2016, XII	30	24	11	11	8	6	5	2	23
2017, VI	29	28	9	9	10	4	7	3	20
2018, V	26	28	9	9	7	5	7	3	24
2018, XII	28	28	7	10	10	6	7	3	20
2019, VI	26	28	7	8	8	4	5	4	26
2020, IX	30	28	8	5	5	5	3	2	29
2021, VI	20	19	9	10	8	10	8	3	31

Примечание: сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Безусловно, предложенная типология идеологических ориентаций носит весьма общий характер, а имеющийся набор политических партий не всегда позволяет совместить идеологические предпочтения с партийными симпатиями. Тем не менее, хорошо известная максима «свобода – порядок – справедливость» так или иначе присутствовала в избирательных программах всех политических партий, участвовавших в выборах, хотя она и по-разному ими интерпретируется.

На фоне имеющихся идеологических расколов стремление действующего президента сформулировать идеологию нового консерватизма выглядит еще одной попыткой консолидировать общество на ценностях, разделяемых большинством жителей России²⁵. Можно сказать, что предложенный президентом «разумный консерватизм» – это призыв переформатировать нормы «дикого капитализма» и выстроить новую государственную идеологию на российских цивилизационных основаниях.

Учитывая трансформацию политической системы в соответствии с поправками в конституцию, можно сказать, что общее направление политико-правового развития отражает стремление государства усилить механизмы защиты и устойчивости политической системы, обезопасить ее от внешних вызовов и угроз. Этот вектор политики выстраивается в попытках совместить охранительные концепции и либеральные идеи и реализовать их в политической практике современной России. Однако трансформация политической системы может не сопровождаться ее легитимацией со стороны общества, если не будет обеспечен важнейший принцип социального государства, – социальное благополучие граждан России. Можно сказать, что в условиях современной перестройки государственных институтов, особенно на фоне дестабилизации, вызванной ситуативными факторами распространения коронавирусной инфекции, появилась объективная потребность одновременного реформирования политической, экономической, социальной, духовной сфер российского общества.

---

²⁵ Путин назвал «консерватизм оптимистов» самой разумной линией поведения // НТВ.Ru. 21 октября 2021. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2622441/> (дата обращения 26.10.2021).

1.3. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Социально-политическая отчужденность

Сложный социологический индикатор социально-политической отчужденности гражданского общества и власти отражает отношения между государством и гражданами. Рассматриваемый в динамике, этот индикатор в конечном итоге отражает вектор развития социального государства. Эмпирическим референтом социально-политической отчужденности выступают суждения респондентов о различных сторонах взаимоотношений между государством и гражданами, сложившихся в реальности на момент проведения исследований.

В июне 2021 г. 44% опрошенных считали, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» и 47% утверждали, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». Каждый десятый респондент затруднился с определением своей позиции по данному вопросу (9%). После снижения уровня трудовой мотивации граждан в июне 2019 г. на 4-5 п.п. по сравнению с предыдущими годами (2016–2018 гг.), зафиксирован существенный рост числа россиян, считавших, что «сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (13 п.п. за два года) и сокращение количества респондентов, затруднившихся ответить (11 п.п.). В условиях сложной эпидемиологической ситуации государство приняло ряд мер активной поддержки социально-экономического положения граждан. Очевидно, свою роль сыграла реализация федерального проекта «Содействие занятости», реализуемого в рамках национального проекта «Демография»: предоставление возможности переобучения для безработных, граждан предпенсионного возраста и старше и др., которые ищут работу и обратились в службу занятости. При этом программы обучения учитывают актуальные запросы компаний, чтобы выпускники были востребованы на рынке труда, во время переобучения выплачивается пособие по безработице, а после освоения программ оказывается помощь в трудоустройстве. Существенный вклад в повышение трудовой мотивации мог осуществить и национальный проект «Малое и среднее предпринимательство», в рамках которого реализуются федеральные проекты «Поддержка самозанятых», «Поддержка начинающих предпринимателей», «Помощь в развитии бизнеса». При всей сохраняющейся сложности и забюрократизированности получения поддержки в соответствии с утвержденными в проектах правилами, в условиях COVID-кризиса граждане РФ оценили расширение возможности для каждого, кто может и хочет работать, обеспечить своё материальное благополучие. Однако высокой остается и доля респондентов, считающих, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь». На протяжении последних двадцати лет она колеблется вокруг 50%, а в июне 2021 года составила 47% (см. рис. 1). По сравнению с сентябрем 2020 г. обе альтернативы индикатора показали повышение, за счет резкого снижения числа затруднившихся ответить, однако количество россиян,

утверждавших, что «сколько ни работай, материального благополучия себе не обеспечишь», увеличилось на 4 п.п., а число граждан с противоположным мнением возросло на 8 п.п.

Российское гражданское общество по-прежнему в значительной своей части отчуждено от власти. В условиях продолжающегося COVID-кризиса число граждан, утверждавших, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», вернулось к прежним критическим показателям после снижения в 2019-2020 гг. В июне 2021 г. 73% респондентов утверждали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей». По сути, на протяжении последних двадцати лет такого мнения придерживаются подавляющее число граждан РФ.

Накануне выборов в Государственную Думу в сентябре 2021 г. число граждан, которые считали, что «власти заботятся о жизни простых людей», составило 15%. Это самый высокий показатель за весь период наблюдений, на 7 п.п. превышающий показатель 2020 года. Но огромный разрыв между позитивными и негативными оценками респондентов отношения властей к «простым людям» свидетельствует о наличии глубокого социально-политического противоречия, которое не находит своего разрешения за все годы либеральных реформ (см. рис. 2).

Следующий индикатор отчужденности гражданского общества и государства измеряет особенности проведения государством своей политики по отношению к регионам. В июне 2021 г. 64% граждан считали, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России», 18% россиян утверждали, что «центр проводит политику в интересах регионов», затруднились ответить на вопрос 18%. Резкий рост доли респондентов, считающих, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России», по сравнению с показателем 2020 г. (на 31 п.п.) произошел за счет политизации той части респондентов, которые в предыдущие годы затруднялись оценить отношения власти и регионов РФ – в сентябре 2020 г. их доля составляла более половины – 57% (снижение на 39 п.п.). Отметим, что политизация сопровождалась гораздо более высоким ростом негативных оценок власти, чем позитивных. Число граждан, считавших, что «центр проводит политику в интересах регионов», также выросло, но в значительно меньшей степени – на 8 п.п. (см. рис. 3). Увеличившийся разрыв между позитивными и негативными оценками отношений «Центр–регионы» также говорит о наличии противоречия интересов, которое не уменьшает своей напряженности на всем протяжении наблюдений.

О существовании несокращающейся дистанции между гражданами и властью также свидетельствовало полученное в ходе исследования распределение ответов респондентов на вопрос о возможности влияния общества на политические процессы. В июне 2021 г. по мнению 78% россиян, «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». Это самый высокий показатель за все время проведения мониторинга. Примерно шестая часть респондентов высказали точку

зрения о том, что «большинство из нас могут повлиять на политические процессы» (16%). Затруднились ответить 6% респондентов (см. рис. 4).

По сравнению с сентябрем 2020 г. наблюдался рост на 5 п.п. как положительной, так и отрицательной оценок возможности влияния респондентов на политические процессы, происходящие в России. График на рис. 4 наглядно демонстрирует мнение подавляющего большинства россиян о том, что они глубоко отчуждены от происходящих в стране политических процессов, что им в этих процессах уготована лишь роль наблюдателя, с которой они все менее готовы мириться.

Полученные по сложному индикатору социально-политической отчужденности гражданского общества и власти данные хорошо коррелируются с распределением ответов на другие вопросы мониторинга. В июне 2021 года 67% граждан оценили противоречия между народом и властью как значительные, и эта оценка выросла за последние пять лет, с 2016 года, на 20 п.п. (см. табл. 1). Отвечая на вопрос: «Чьи интересы, по вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?», более трети (37%) респондентов поддержали мнение, что российское государство выражает интересы государственной бюрократии, и только 16% опрошенных считали, что государство является выразителем интересов всех граждан России (см. рис. 5).

Рисунок 1. Суждения респондентов о жизни в стране. Индикатор трудовой мотивации

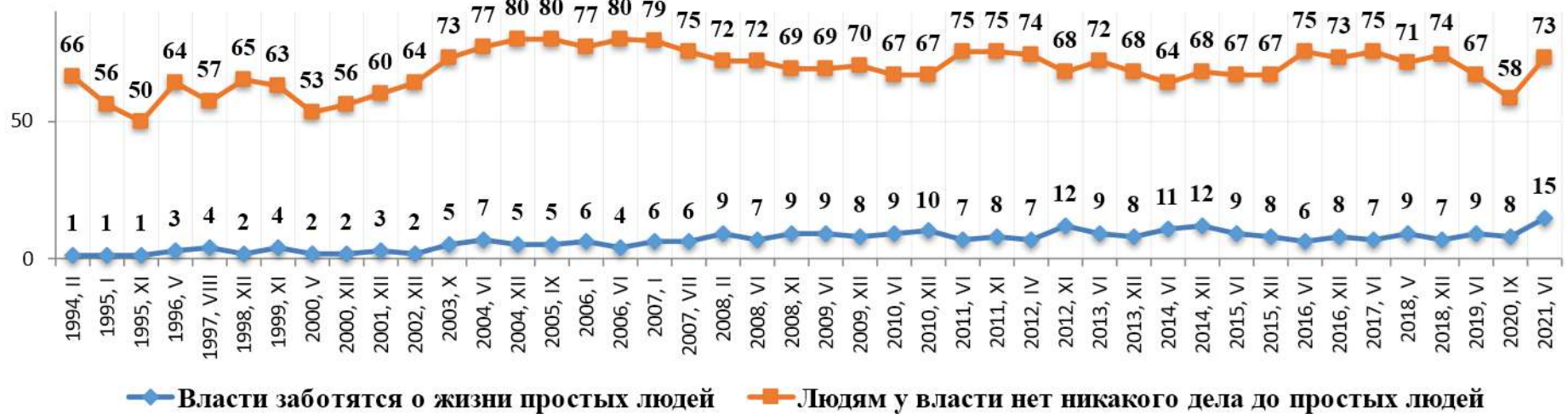

Рисунок 2. Суждения респондентов о жизни в стране. Индикатор отчуждения от власти (РФ, % от числа опрошенных).

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 3. Суждения респондентов о жизни в стране. Индикатор отношений Центр-регионы

Рисунок 4. Суждения респондентов о жизни в стране. Индикатор включенности в политическую жизнь (РФ, % от числа опрошенных).

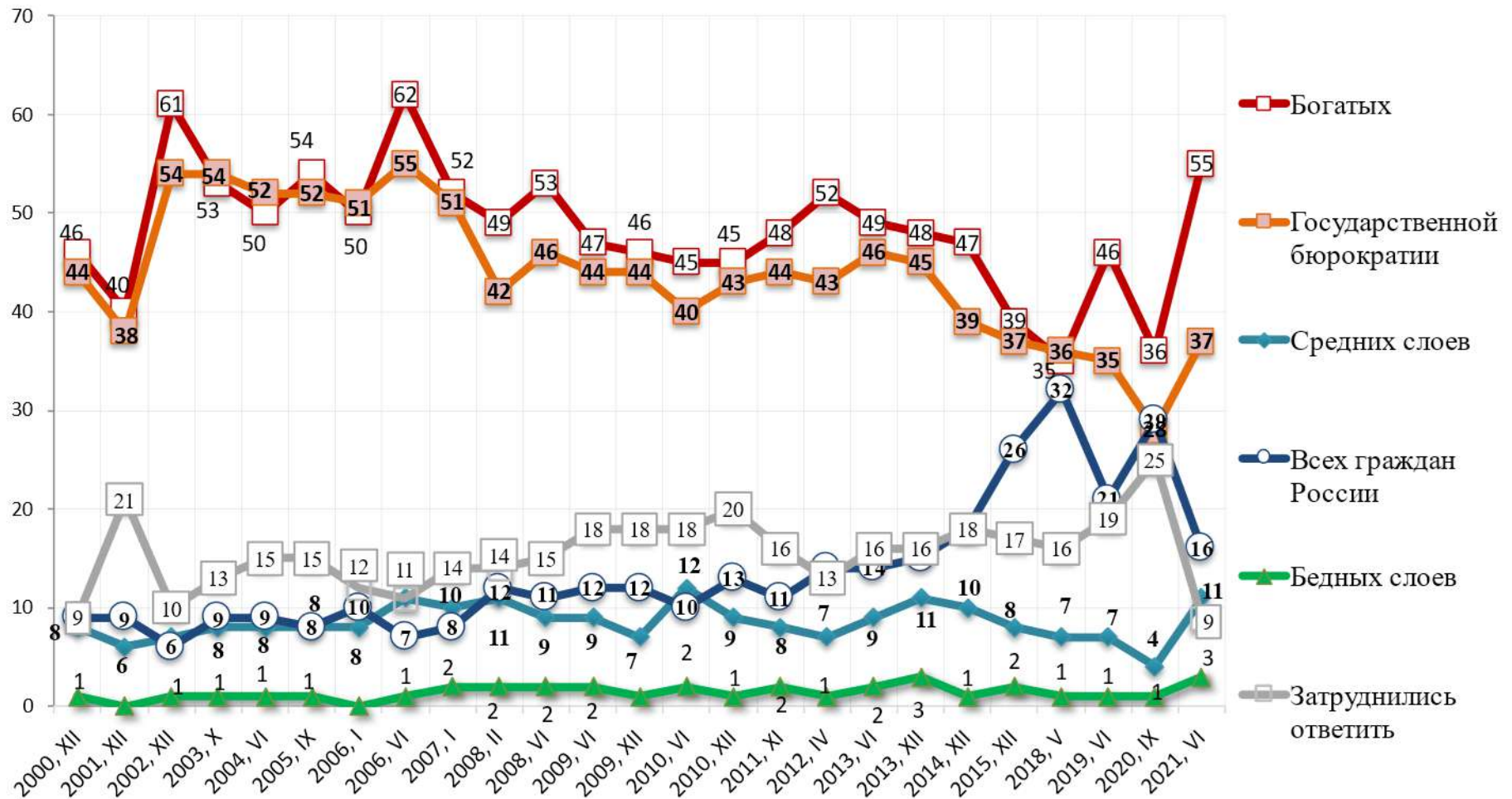
Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Чьи интересы защищает сегодня российское государство

Уровень развития гражданского общества определяется, среди прочих критериев, характером и особенностями защиты государством интересов различных социальных групп. В июне 2021 г. 55% россиян считали, что государство выражало и защищало в первую очередь интересы «богатых». По мнению 37% граждан, государство выражало интересы «государственной бюрократии», 16% респондентов убеждены в защите государством интересов «всех граждан России», 11% – «средних слоев» (см. рис. 5). Только 3% россиян считали, что российское государство защищало интересы «бедных слоев». Затруднились ответить на вопрос 9% россиян.

В сентябре 2020 г., на фоне резкого увеличения доли затруднившихся ответить на вопрос «Чьи интересы, по вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?», наблюдалось наименьшее за период наблюдений число респондентов, которые считали, что сегодня российское государство выражает и защищает интересы «богатых», «государственной бюрократии» и «средних слоев». К июню 2021 г. картина изменилась. Затруднился определить своё мнение по заданному вопросу только один из десяти респондентов (9%), такое низкое число «неполитизированных» россиян фиксировалось лишь в данных мониторинга двадцатилетней давности (январь 2000, декабрь 2002 гг.). Доля россиян, считавших, что российское государство защищает сегодня интересы богатых, превысила показатели предыдущих лет, и выросла до уровня июня 2008 г. (53%) и апреля 2012 г. (52%). Похожая тенденция роста показателя наблюдалась с числом респондентов, выбравших варианты ответа «государственной бюрократии (возврат к показателям 2015–2019 гг. – 35-39%), и «средних слоёв» (в 2013–2014 гг. – 10-11%). В то же время с 29% в 2020 году до 16% в июне 2021 г. сократилась доля респондентов, ответивших, что российское государство выражает и защищает интересы всех граждан России. По сути, исследование показало, что лишь каждый шестой гражданин Российской Федерации, которая, в соответствии с Конституцией, является социальным государством, видит в этом государстве выразителя и защитника интересов всех его граждан. Большинство же убеждены, что в фокусе забот и приоритетов государства находятся «богатые» и «государственная бюрократия».

Анализ приведенных данных подтверждает ранее выдвинутый тезис о том, что гражданское общество в период COVID-кризиса и в канун выборов в Государственную Думу РФ фиксировало увеличение дистанцирования российского государства и граждан, нарастание в обществе социально-политических противоречий. Судя по полученным данным, подавляющая часть российских граждан ощущают свое отчуждение от власти и ее механизмов.

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Противоречия в современном российском обществе

Социологическое измерение по альтернативе «противоречия и неприязнь значительны в современном российском обществе» позволило конкретизировать мнения россиян относительно глубины существующих в обществе противоречий и выделить ряд проблем развития гражданского общества в России.

В июне 2021 г. граждане в подавляющем своем большинстве считали, что в российском обществе значительны противоречия и неприязнь между «бедными и богатыми» (74%), между «низшими и высшими классами» (70%) и между «народом и властью» (67%). Значения данных индикаторов занимают лидирующее положение в структуре актуальных противоречий гражданского общества. Далее по нисходящей следуют значения индикаторов противоречий и неприязни между: «работодателями и работниками» (52%), «предпринимателями и чиновниками» (48%), «начальниками и подчиненными» (46%), «младшим и старшим поколениями» (45%), «людьми различных национальностей» (40%). Менее трети респондентов считали значительными противоречия и неприязнь на религиозных основаниях: между «верующими различных религий» (30%), между «верующими и неверующими» (24%). Многоконфессиональное российское общество традиционно проявляет толерантность по отношению ко всем вопросам, связанным с религиозностью (см. табл. 1). За годы мониторинга в июне 2021 г. наибольшее значение зафиксировано у индикаторов противоречий и неприязни между «начальниками и подчиненными» и «младшим и старшим поколениями».

По сравнению с предыдущим замером в декабре 2018 г. оценки уровня противоречий выросли почти по всем индикаторам. Более всего, по мнению респондентов, вырос уровень противоречий между «младшим и старшим поколениями» (на 19 п.п.) и «предпринимателями и чиновниками» (на 16 п.п.). По всей вероятности, этот рост вызван разницей межпоколенческих оценок отношения к пандемии, COVID-кризису и их последствиям, а также обострением проблем мелкого и среднего предпринимательства во время локдауна, самоизоляции граждан и вынужденных ограничений. В этом случае острота названных противоречий не носит системный характер и в будущем их оценки вернутся к уровню около 30%.

В меньшей степени, но выросли оценки значимости противоречий между «народом и властью», между «людьми различных национальностей» (по 7 п.п.) и между «работодателями и работниками» (6 п.п.). Рост межнациональных противоречий и противоречий субъектов трудового договора также можно объяснить эффектами COVID-кризиса, к тому же сравнение с данными предыдущего, 2017 года, уже не дает такой разницы. Конечно, уровень этих противоречий высок, но объясним в условиях либеральных реформ, заметного снижения темпов экономического роста и сложной ситуации в сфере занятости и трудоустройства. Ситуация же с оценкой противоречия между «народом и властью» принципиально иная. С июня 2012 г. его оценка устойчиво снижалась с 72% до 43% в декабре 2015 года, затем к июню 2021 г.

произошел стремительный рост на 24 п.п., до 67%. Граждане всё острее стали ощущать дистанцию между народом и властью.

Не изменилась, оставаясь самой высокой, доля респондентов, которые считают значимыми противоречия между «бедными и богатыми», в пределах ошибки выборки остались изменения в оценках противоречий между «низшими и высшими классами», «начальниками и подчиненными» и «верующими различных религий».

Социологическое измерение мнений по альтернативе «противоречия и неприязнь незначительны в современном российском обществе» в июне 2021 г. показало следующую картину. Самыми незначительными, по мнению респондентов, были противоречия между «верующими и неверующими» – 62%, «верующими различных религий» – 54%, «людьми различных национальностей» – 50%. Противоречия между «младшим и старшим поколениями» считали незначительными 46% россиян, между «начальниками и подчиненными» – 40%, «работодателями и работниками» – 37%, «предпринимателями и чиновниками» – 30%. Только пятая часть опрошенных считали незначительными противоречия между «народом и властью» (21%), «низшими и высшими классами» (19%), «бедными и богатыми» – (18%) респондентов (см. табл. 2).

Таблица 1

**Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия, неприязнь
в современном российском обществе (вариант ответа «значительны»)
(РФ, % от числа опрошенных)**

Противоречия	2005	2006, VI	2008, VII	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI	2012, IV	2012, XII	2013, VI	2013, XII	2014, VI	2014, XII	2015, XII	2016, VI	2016, XII	2017, VI	2018, XII	2021, VI
Бедными и богатыми	72	84	77	71	69	71	79	77	68	73	69	72	74	74	77	76	79	74	74
Низшими и высшими классами	63	76	69	65	65	67	75	73	64	68	62	66	68	70	71	69	71	67	70
Народом и властью	62	69	57	63	58	65	70	72	60	63	62	51	48	43	47	52	61	60	67
Работодателями и работниками	44	53	40	50	49	53	56	52	43	47	44	47	45	46	53	48	50	46	52
Предпринимателями и чиновниками	36	37	31	35	34	39	38	34	31	34	30	33	31	28	30	31	31	32	48
Начальниками и подчиненными	37	47	35	46	46	49	51	47	39	42	39	45	41	40	50	43	45	43	46
Младшим и старшим поколениями	27	40	36	37	35	33	40	36	31	33	35	39	35	26	22	28	28	26	45
Людьми различных национальностей	-	-	44	43	46	49	53	53	53	52	58	53	52	41	43	43	41	33	40
Верующими различных религий	25	32	26	29	31	32	36	32	41	37	45	38	41	34	36	38	36	29	30
Верующими и неверующими	13	19	16	23	18	20	25	21	27	24	28	26	27	21	20	24	22	20	24

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 2

**Мнение респондентов о том, насколько значительны сегодня противоречия, неприязнь
в современном российском обществе (вариант ответа «не значительны»)
(РФ, % от числа опрошенных)**

Противоречия	2005	2006, VI	2008, VI	2010, VI	2010, XII	2011, VI	2011, XI	2012, IV	2012, XII	2013, VI	2013, XII	2014, VI	2014, XII	2015, XII	2016, VI	2016, XII	2017, VI	2018, XII	2021, VI
Верующими и неверующими	64	54	59	55	61	59	54	58	52	54	50	51	49	57	50	47	46	49	62
Верующими различных религий	44	35	40	41	42	42	39	41	36	35	31	37	31	36	31	31	33	34	54
Людьми различных национальностей	29	34	32	30	28	26	28	28	24	29	22	29	27	32	28	28	29	32	50
Младшим и старшим поколениями	59	47	51	49	54	55	49	50	58	55	54	51	51	61	59	54	53	53	46
Начальниками и подчиненными	45	35	45	34	37	35	33	37	45	40	43	40	38	40	31	33	36	36	40
Работодателями и работниками	39	30	43	30	35	33	28	34	40	37	37	39	35	34	29	29	33	37	37
Предпринимателями и чиновниками	32	32	36	30	38	35	32	35	42	36	36	38	37	37	32	32	35	27	30
Народом и властью	22	18	32	24	28	25	20	18	27	23	22	36	34	39	34	31	31	17	21
Низшими и высшими классами	19	13	18	18	21	20	13	14	22	18	21	21	14	13	13	13	14	17	19
Бедными и богатыми	18	10	16	16	20	19	14	15	22	18	19	19	14	15	11	13	12	15	18

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Кто выиграл в результате приватизации

В основе гражданского общества, его устойчивого развития в будущем лежит легитимность структуры собственности. Решить проблему публичной (и юридической) легитимности собственности означает консолидировать общество и государство с помощью отношений социальной справедливости. Дефицит этих отношений по-прежнему ощущается в российском обществе и государстве.

Ваучерная приватизация, – процесс передачи государственного имущества РФ в частную собственность, – проводилась в 1992–1994 гг. Государство было признано неэффективным собственником, гражданам сообщили, что советская модель себя изжила и необходимо провести приватизацию государственной собственности, то есть каждый россиянин мог приватизировать «кусочек родины» и стать полноценным собственником ее богатств. 14 августа 1992 года президент России Б. Ельцин подписал указ «О введении в действие системы приватизационных чеков в РФ». Каждому россиянину полагался ваучер номиналом в 10 тыс. руб.

Поначалу от приватизации выиграли директора, руководители предприятий, сформировавшихся в Советском Союзе. Бывшие советские функционеры становились единоличными собственниками фабрик, заводов, цехов. Часть госсобственности купить по выгодной цене могли работники приватизируемых предприятий. Не занятые в производственной сфере часто вкладывали ваучеры в чековые инвестиционные фонды, которые впоследствии растворились. В течение нескольких лет реальными владельцами частных заводов стали финансово-промышленные группы, нередко с криминальным прошлым, приватизационные деньги осели в инвесткомпаниях и частных банках, зарегистрированных в офшорах, и стали питательной средой для появления класса олигархов. В России в частной собственности оказались крупные промышленные и торговые предприятия, которые можно стало передавать по наследству.

подавляющее большинство граждан ничего не получило от приватизации, более того, ее последствия оказались катастрофичными для гражданского общества. Результаты мониторинговых исследований показывают, что россияне спустя почти 30 лет после начала приватизации в России, убеждены, что либеральные реформы привели к ухудшению качества их жизни.

Российское гражданское общество сформировало достаточно устоявшиеся представления о том, какие социальные группы выиграли от приватизации (см. табл. 3). В июне 2021 г. наибольшее число респондентов считали, что в результате приватизации государственной собственности выиграли «чиновники и управленцы» (44%). Далее следуют «теневые дельцы» (24%), «предприниматели» (14%), «мафия вне России» и «иностранный капитал» (по 13%), «старая номенклатура» (12%), «новая номенклатура» (10%), «работники торговли» (5%), «я и моя семья» (5%), «выиграло все общество» (3%), «представители стран СНГ» (3%), «интеллигенция, служащие», «трудовые коллективы», «рабочие, крестьяне» (все по 2%). Затруднились ответить 20% респондентов.

В 1992 году большинство респондентов посчитали, что бенефициарами приватизации в первую очередь выступали «теневые дельцы» (35%) и «новая номенклатура» (23%). «Чиновники, управленцы» находились на третьем месте (16%). С годами представление о выгоде, полученной различными социальными группами от приватизации, менялось. Уже в 1997 году более трети граждан осознали, что «чиновники, управленцы» выиграли от приватизации больше всех. В последующие годы доля россиян с таким мнением не снижалась менее трети опрошенных, в 2007 г. так считали 50% респондентов, и с тех пор позиция «чиновники, управленцы» лидирует в рейтинге бенефициаров приватизации.

Точка зрения о том, что от приватизации в первую очередь выиграли «теневые дельцы», устойчиво держалась на первом месте (за небольшим исключением) на протяжении 1992–2008 гг. В 1999 году так считали две трети опрошенных (68%). С 2011 года эта группа находилась на 2-3 местах, такого мнения придерживались до трети респондентов.

Выигрыш группы «предприниматели» в разные годы оценивался по-разному. Менее всего респонденты усматривали его в 1995 и в 2021 гг. (по 14%). И если причиной сравнительно низкой оценки преимуществ этой группы, полученных в результате приватизации в 1995 году, может служить ее сравнительная неразвитость, нераспространенность, то для результата, полученного в 2021 году – это, безусловно, проявление социально-экономического эффекта COVID-кризиса, резко отрицательно сказавшегося на положении мелких и средних предпринимателей. В период 1997–2019 гг., как правило, от четверти до пятой части респондентов считали, что именно предприниматели в наибольшей степени выиграли от приватизации.

Уровень выгоды приватизации для «мафии вне России» и «иностранный капитал» представлялся россиянам довольно высоким в 1997–1999 гг. В дальнейшем фокус внимания респондентов в этом вопросе оставался на группах внутри России. Со временем значительно сократилось число россиян, считавших выигравшими от приватизации «старую номенклатуру» (с 32% в 1999 г. до 12% в 2021 г., на 20 п.п.) и «новую номенклатуру» (с 42% в 1997 г. до 10% в 2021 г., на 32 п.п.).

Отдельно отметим, что с самого начала россияне критично относились к оценке полезности приватизации. Еще в 1992 году, сразу после выхода Указа Б. Н. Ельцина и обещаний А. Б. Чубайса о двух «Волгах» за один ваучер, не более десятой части респондентов считали, что в результате приватизации «выиграло всё общество». В дальнейшем их число сократилось до 3–5% в последние пять лет.

Самый ничтожный выигрыш от приватизации, как отмечено за все годы наблюдений, получили рабочие, крестьяне, служащие и интеллигенция. Ни разу за все годы наблюдений их выигрыш от приватизации не был отмечен более, чем 3% респондентов. Затруднились ответить на вопрос в 1999 году – 9%, а в июне 2021 года – 20% опрошенных: все-таки для многих это уже давняя история.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто, по Вашему мнению, в первую очередь выиграл в результате приватизации?»

(РФ, % от числа опрошенных, можно отметить три варианта)

Варианты ответов	1992, VIII	1995, I	1997, VIII	1999, XI	2000, XII	2002, XII	2003, X	2006, I	2007, I	2008, II	2008, VI	2011, XI	2012, IV	2014, VI	2015, XII	2017, VI	2018, V	2019, VI	2021, VI
Чиновники, управленцы	16	15	36	42	39	42	41	37	50	44	43	45	43	35	35	41	31	35	44
Теневые дельцы	35	53	53	68	40	51	48	41	38	44	42	29	32	26	28	25	27	24	24
Затруднились ответить	18	19	14	9	17	12	13	19	17	11	16	23	20	26	29	22	28	33	20
Предприниматели	-	14	22	32	19	19	21	20	24	23	23	16	25	24	21	22	24	20	14
Мафия вне России	14	11	20	33	16	16	16	12	9	12	10	8	10	9	8	9	12	10	13
Иностранный капитал	7	5	22	37	19	18	12	12	7	8	8	6	8	6	7	8	7	9	13
Старая номенклатура	15	10	22	32	17	19	18	18	18	16	16	12	13	11	15	14	9	12	12
Новая номенклатура	23	21	42	41	25	29	24	18	20	21	20	14	13	13	13	13	12	14	10
Работники торговли	12	2	10	20	10	10	5	6	5	7	6	6	10	7	8	7	7	6	5
Я и моя семья	-	1	2	4	4	3	4	4	8	6	7	5	6	8	7	6	4	5	5
Выиграло все общество	9	1	3	2	4	3	3	5	3	5	3	6	5	5	4	5	4	3	3
Представители стран СНГ	1	1	5	5	1	1	1	2	1	2	1	1	1	3	1	0	1	2	3
Интеллигенция, служащие	1	0	1	2	1	1	1	1	1	1	2	3	2	3	3	3	2	2	2
Трудовые коллективы	3	1	2	4	2	2	1	1	2	1	2	1	2	2	2	1	1	3	2
Рабочие, крестьяне	1	0	1	0,5	0	1	0	1	1	1	2	1	1	3	1	1	1	1	2

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Развитие гражданского общества в России

Измерение оценок российских граждан восьми **системных признаков гражданского общества** показало пирамиду представлений: в диапазоне от 6,3 до 4,3 баллов (см. табл. 4). В июне 2021 г., по оценкам граждан, общий уровень развития гражданского общества составил 5,1 баллов по десятибалльной шкале. По мнению россиян, наиболее развитой стороной гражданского общества в России являлось «право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом» (6,3 балла). Далее следовали «политическое и идеологическое разнообразие в лице различных политических партий» (5,4 баллов) и «открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом» (5,3 баллов). Вплотную приблизились к оценке 5 баллов следующие три стороны гражданского общества: «демократия, свобода политического выбора» (4,9 баллов), «общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан» (4,8 баллов), «самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д.» (4,8 баллов) и «свобода слова – возможность без ограничений выражать свое мнение» (4,7 балла). Значение показателя развития гражданского общества «правовое государство – господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан» получило в июне 2021 г. самую низкую оценку – 4,3 баллов. Индикаторы «политическое и идеологическое разнообразие политических партий» и «свобода слова – возможность без ограничений выражать свое мнение» получили самые низкие оценки за весь период наблюдений, причем «свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение» оценивается россиянами на таком низком уровне третий год подряд.

Самая высокая оценка общего уровня развития гражданского общества (средняя величина восьми индикаторов) была получена в декабре 2014 года. В этот период на фоне событий «крымской весны» все восемь индикаторов степени развития гражданского общества получили наивысшие оценки за весь период наблюдений. По сравнению с этой пиковой величиной замера общий уровень развития гражданского общества, по оценкам респондентов, в 2021 году упал на 0,65 балльных пункта. При этом максимальное снижение наблюдалось по индикатору «свобода слова» (1,3 б.п.), «демократия, свобода политического выбора» (1,1 б.п.) и «политическое и идеологическое разнообразие политических партий» (0,9 б.п.). В наименьшей степени снижение оценок коснулось «права собственности» и «общественных организаций» (оба индикатора – на 0,3 б.п.).

Построение полиномиальных трендов 5-6 степени с достаточной уверенностью позволяет говорить о тенденции роста величины индикаторов «право собственности» (величина аппроксимации $R^2 = 0,8925$) и «общественные организации» ($R^2 = 0,8636$). Та же процедура анализа показывает тренд к снижению величины индикатора «правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан» (величина аппроксимации $R^2 = 0,825$).

То есть, граждане России понимают, что живут при капитализме, имеют возможность участвовать в различных общественных организациях, но не считают, что в нашей стране на сегодня в полной мере обеспечено господство закона, перед которым все равны и который защищает их права, свободы и безопасность.

Таблица 4

**Мнение респондентов о том, в какой степени гражданское общество
сегодня развито в нашей стране²⁶**
(РФ, баллы по десятибалльной шкале)

Оцениваемые критерии	2006, VI	2007, I	2007, VII	2008, II	2008, VI	2011, VI	2013, VI	2014, XII	2016, VI	2018, V	2019, VI	2020, IX	2021, VI
Право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом	4,9	5,1	4,9	5,6	5,3	5,6	6,0	6,6	6,2	6,1	6,0	6,1	6,3
Политическое и идеологическое разнообразие политических партий	5,7	5,9	6,0	5,7	5,6	5,4	5,9	6,3	5,9	6,0	5,7	5,9	5,4
Открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом	4,8	5,2	5,1	5,3	5,0	5,5	5,4	5,9	5,3	5,1	5,1	4,9	5,3
Демократия, свобода политического выбора	4,6	5,4	5,5	5,6	5,2	5,1	5,5	6,0	5,6	5,5	5,0	4,9	4,9
Общественные организации , представляющие и защищающие интересы граждан	2,9	3,5	3,5	3,7	3,9	3,9	4,5	5,1	4,2	4,5	4,5	4,0	4,8
Самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д.	-	-	-	-	3,9	3,8	4,5	5,2	4,1	4,0	4,3	3,9	4,8
Свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение	5,4	5,6	5,6	5,6	5,3	5,3	5,4	6,0	5,2	5,3	4,7	4,7	4,7
Правовое государство - господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан	3,0	3,4	3,4	3,7	3,6	3,4	4,3	4,9	4,1	4,7	4,5	4,5	4,3
Общий уровень развития гражданского общества (средняя величина восьми (семи) индикаторов)	4,5	4,9	4,9	5,0	4,7	4,7	5,2	5,75	5,1	5,2	5,0	4,9	5,1

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

²⁶ Вопрос: «Отметьте на десятибалльной шкале степень развития различных сторон гражданского общества, исходя из того, что: 1 – это низкая степень, а 10 – высокая степень развития».

Динамика самооценок социального статуса

Структура самооценок социального статуса, приведенная в таблице 5, отражает как социальную самоидентификацию, так и уровень политической культуры граждан в сложившихся в обществе условиях жизнедеятельности.

По данным исследования, в июне 2021 г. респонденты выше всего оценивали свое место в обществе по образованию (6,5 баллов по десятибалльной шкале). Почти столь же высоки значения самооценок респондентов их места в обществе по профессии (6,3 баллов), по квалификации (6,3 баллов) и по выполняемой работе, учебе (6,2 баллов). Такая структура оценок в целом соответствует сложившимся в российском обществе представлениям о значении трудовых и профессиональных отношений. Более низкие значения имели самооценки места в обществе респондентов по качеству жизни (5,3 баллов) и размеру денежных доходов (4,5 баллов). Ниже всего респонденты оценили своё участие в политической жизни страны (3 балла). Среднее значение индикатора социальной самоидентификации по семи указанным критериям составило 5,4 балла – самый высокий уровень общей самооценки социального статуса респондентов за весь период наблюдений. Значения почти всех индикаторов превысили максимальные до 2021 г. показатели 2014 г. Исключение составили индикаторы «место в обществе по размеру денежного дохода» – и в 2014 и 2021 году он равнялся 4,5 балла, и «место в обществе по участию в политической жизни страны». Этот индикатор, будучи на последнем месте на всех этапах наблюдений, все же на фоне «крымской весны» продемонстрировал некоторый всплеск социально-политической активности россиян, и его величина на 0,3 б.п. превышала размер индикатора в 2021 г.

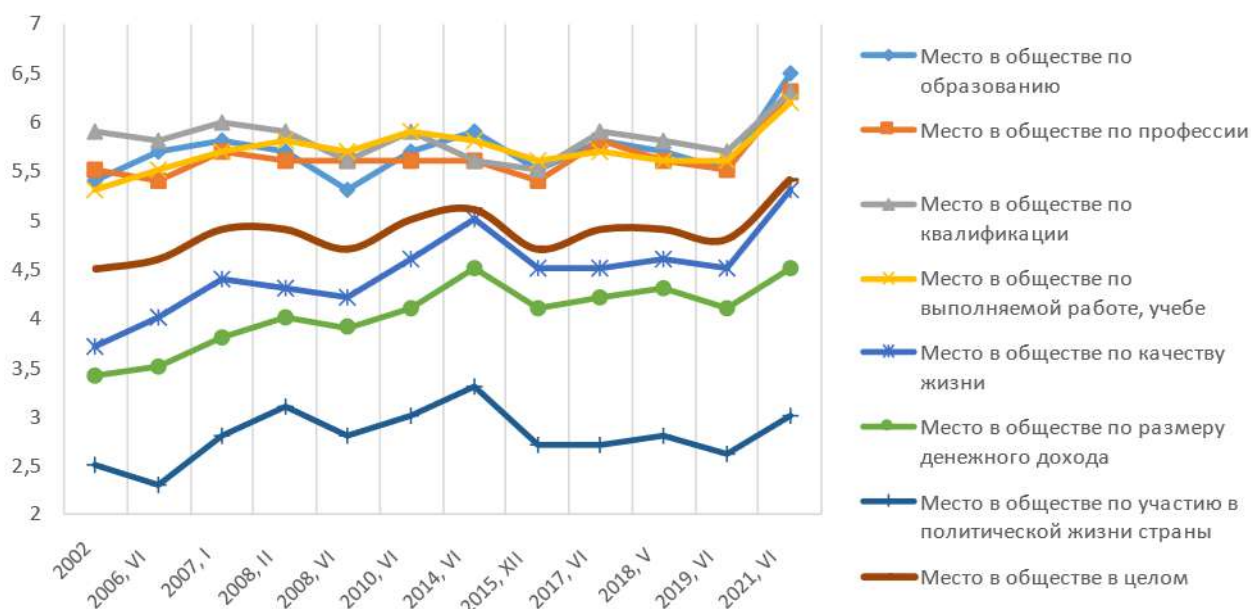
К сожалению, в канун выборов в Государственную Думу в сентябре 2021 г. существенного роста самооценки места респондентов в обществе по участию в политической жизни страны не произошло. Граждане по-прежнему ощущают отчужденность от власти, и величина дистанции, судя по результатам наблюдений, не сокращается.

Данные таблицы 5 отражены графически на рис. 6. Приведенный график четко демонстрирует динамику непересекающихся на всем протяжении исследований групп индикаторов. На первом месте – оценки, определяемые ролью трудовых и профессиональных отношений в российском обществе. На втором – оценки уровня и качества жизни. И ниже всего – самооценка гражданами уровня своей вовлеченности в политическую жизнь страны.

Таблица 5

Социальная самоидентификация респондентов²⁷
(РФ, баллы)

	2002	2006, VI	2007, I	2008, II	2008, VI	2010, VI	2014, VI	2015, XII	2017, VI	2018, V	2019, VI	2021, VI
Место в обществе по образованию	5,4	5,7	5,8	5,7	5,3	5,7	5,9	5,5	5,8	5,7	5,5	6,5
Место в обществе по профессии	5,5	5,4	5,7	5,6	5,6	5,6	5,6	5,4	5,8	5,6	5,5	6,3
Место в обществе по квалификации	5,9	5,8	6,0	5,9	5,6	5,9	5,6	5,5	5,9	5,8	5,7	6,3
Место в обществе по выполняемой работе, учебе	5,3	5,5	5,7	5,8	5,7	5,9	5,8	5,6	5,7	5,6	5,6	6,2
Место в обществе по качеству жизни	3,7	4,0	4,4	4,3	4,2	4,6	5	4,5	4,5	4,6	4,5	5,3
Место в обществе по размеру денежного дохода	3,4	3,5	3,8	4,0	3,9	4,1	4,5	4,1	4,2	4,3	4,1	4,5
Место в обществе по участию в политической жизни страны	2,5	2,3	2,8	3,1	2,8	3,0	3,3	2,7	2,7	2,8	2,6	3,0
Место в обществе в целом	4,5	4,6	4,9	4,9	4,7	5,0	5,1	4,7	4,9	4,9	4,8	5,4

Рисунок 6. Социальная самоидентификация респондентов (РФ, баллы)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

²⁷ Вопрос: «Как вы считаете, какое место в нашем обществе Вы занимаете по своему образованию, профессии, другим сторонам жизни? Отметьте по шкале своё место, исходя из того, что 10 – это высшая ступень, а 1 – низшая ступень в обществе»

Итак, данные исследований в период COVID-кризиса и в канун выборов в Государственную Думу РФ фиксировали увеличение дистанцирования российского государства и граждан, нарастание в обществе социально-политических противоречий. Судя по полученным данным, подавляющая часть российских граждан ощущают отчуждение от власти и ее механизмов. В июне 2021 г. 73% респондентов утверждали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», 64% граждан считали, что «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России», по мнению 78% россиян, «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». По сути, на протяжении последних двадцати лет такого мнения придерживаются подавляющее число граждан РФ.

Только один из шести граждан РФ считает российское государство выразителем и защитником интересов всех его граждан. Большинство убеждены, что объектом забот и приоритетов государства являются «богатые» и «государственная бюрократия». Лидирующее положение в структуре актуальных противоречий гражданского общества, по мнению граждан, в июне 2021 г. занимают противоречия и неприязнь между «бедными и богатыми» (74%), между «низшими и высшими классами» (70%) и между «народом и властью» (67%).

Наибольшее число респондентов считали, что в результате приватизации государственной собственности выиграли «чиновники и управленцы» (44%). Самый ничтожный выигрыш от приватизации, как отмечено за все годы наблюдений, получили рабочие, крестьяне, служащие и интеллигенция. Ни разу за все годы наблюдений их выигрыш от приватизации не был отмечен более, чем 3% респондентов.

Оценивая уровень развития системных признаков гражданского общества, российские граждане наиболее развитой стороной гражданского общества в России считали «право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом», наименее развитой – «правовое государство – господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан».

Структура самооценок социального статуса показывает, что граждане по-прежнему ощущают отчужденность от власти, и величина дистанции, судя по результатам наблюдений, не сокращается. На первом месте на всем отрезке наблюдений находятся оценки, определяемые ролью трудовых и профессиональных отношений в российском обществе. На втором – оценки уровня и качества жизни. И ниже всего – самооценка гражданами уровня своей вовлеченности в политическую жизнь страны.

1.4. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Постепенное «привыкание» российского общества к состоянию, связанному с коронавирусной пандемией, сопряжено с рядом прежних, а также вновь появившихся социальных и политических проблем. Ученые отмечают актуализацию проблемного поля российского общества «стратегическими вызовами фундаментального характера на национальном и глобальном уровне: нарастающими дисфункциями жизнедеятельности глобальной неолиберальной модели экономики; стагнацией процессов реализации российских национальных проектов; низкими темпами структурной социальной и технологической перестройки народного хозяйства, а также фрагментарной социальной модернизацией политической институциональной структуры государства»²⁸.

Изменение характера социально-экономических и социально-политических отношений за последний год, ускоренная цифровизация всех сфер жизни и, как следствие, виртуализации социальных отношений и информационной среды ослабили действие механизмов функционирования и воспроизводства культуры – этого сложного целого, состоящего по Ю. Лотману «из пластов разной скорости развития»²⁹, лежащего в основе групповой, этнической, национально-государственной идентичности. Происходят изменения не только внешние, но и психологические, духовные. Общество оказалось под воздействием не только объективных социальных трансформаций: латентное влияние на самоидентификацию личности и групп оказывают изменчивость социальных представлений и ценностей, а также неопределенность норм и установок. Возник большой разрыв между субъективными и объективными пространством и временем, отношением к ним и к изменениям, в них происходящих.

Значительным изменениям подверглись представления граждан о реальном мире. В первую очередь это касается молодёжи, социализация которой всё больше смещается в виртуальное пространство. Как следствие, размывается ценностно-символическое пространство национально-государственной идентичности, формируется неустойчивая и эклектичная, в отличие от реальности, картина мира, в том числе и политическая. Все еще отмечаются такие характеристики массового сознания как противоречивость, размытость, неопределенность и даже разорванность сознания, особенно у молодых людей, первичная социализация которых проходила в эпоху интернета³⁰. Все это способствовало появлению тенденции постепенной

---

²⁸ Левашов В. К. Концепция научного доклада ИСПИ ФНИСЦ РАН «Социально-политическое положение и демографическое развитие России в 2021 году: вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства». Приложение № 2 к приказу ИСПИ ФНИСЦ РАН от 12 мая 2021 г.

²⁹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб : «Искусство-СПб», 2001. С. 20.

³⁰ См. например, Дробужева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37-50; Евгеньева Т. В. Идентификационное

поляризации общества по типу «свой» – «чужой», противопоставления понятий «страна» и «государство», «чиновники» и «народ», фрагментации идентичности по модели «все против всех» и замкнутости структур гражданского общества в рамках отдельных ниш³¹, что не «закрыло» в научном дискурсе проблемы продолжающегося кризиса национально-государственной идентичности, ее фрагментации, расширения ее множественной детерминации. Дальнейшее имущественное расслоение и социальное разобщение общества в условиях ограничений, связанных с пандемией, стали фактором продолжающейся поляризации сознания в восприятии своей страны, народа, политических институтов, идеологий, а также образов власти и политиков.

В социологических исследованиях процессы национально-государственной идентификации граждан выявляются через анализ большого спектра явлений: изменений социально-экономических и политических условий жизни, субъективного отношения к различным уровням социального пространства (отношение к государству; отношение к стране, культуре и народу, отношение к своему месту проживания и обучения; отношение к информационному пространству; отношение к социальному окружению; отношение к разным поколениям; отношение к референтным группам; отношение к институтам политического представительства и политического опосредования, к политическим персонам, отношение к политике в целом).

Вот почему идентификационные процессы в сознании российского общества за последний год (2020-2021) необходимо изучать через призму критериев анализа политико-психологических и социологических традиций.

Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года, отраженные в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020, включают показатели, характеризующие достижение поставленных целей, а также позволяют социологическим службам определить степень их выполнения³² через факторы одобрения или удовлетворенности жизнью. Поставленные цели государства на народосбережение, обеспечение здоровья и социального благополучия людей, возможности для самореализации и развития талантов; обеспечение комфортной и безопасной среды для жизни; достойный, эффективный труд – отвечают общественному запросу на позитивные изменения и стабильность, а положительные

измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Материалы IX междунар. социологической Грушинской конф. «Социальная инженерия: как социология меняет мир» (Москва, 20–21 марта 2019 г.). М.: ВЦИОМ, 2019. С. 188–193.; Сашенко Н. П. Трансформация социально-политических представлений: проблема национально-государственной идентичности // Пандемия как двигатель трансформации: глобальное, государственное и корпоративное управление : Материалы междунар. науч.-практич. конф. (Москва, 25–26 мая 2020 г.). М.: Издательство «КноРус», 2020. С. 28-32

³¹ Из выступления Т. В. Евгеньевой на экспертном семинаре факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова на тему «Взаимодействие общества, власти и госкорпораций в условиях режима повышенной готовности: доверие, ответственность, солидарность». 30 сентября 2020 года. URL: <http://ruspolitology.ru/sobytiya/10447/> (дата обращения: 26.10.2020).

³² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 13.10.2021).

оценки по реализации этих целей создают условия для формирования в обществе позитивных социальных настроений, механизмов национально-государственной идентификации.

Факторы идентификационных процессов

Национально-государственная идентичность формируется и изменяется под влиянием различных факторов. К ним относятся: социальное самочувствие, социальные настроения, психические состояния, оценки положения дел в стране.

В последний год социологи все чаще фиксируют тревожные настроения в обществе, данные различных аналитических центров России довольно часто коррелируют между собой. Так, в ноябре 2020 года по данным аналитического центра «Левада-Центр»³³ отмечалось снижение позитивных оценок **социального самочувствия**, рост негативных оценок по сравнению с 2017 годом. При снижении степени удовлетворенности жизнью, а также таких оптимистичных настроений и чувств как надежда, достоинство, уверенность, свобода и относительно увеличении депрессивных состояний, заметно усилились такие чувства как ожесточение, обида, страх, отчаяние. Все эти чувства формируют агрессивное психическое состояние, если не происходит ни нравственного преодоления, ни поведенческой реакции. Совокупность соответствующих чувств исследователи Левада-Центра объединили в понятие ресентимент, синдром ущербной агрессивности, значения которой немного снизившись до 41% в 2017-м году, в 2021-м заметно возросли и достигли 57% (см. рис. 1).

---

³³ АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

Рисунок 1. Окрепшие у окружающих чувства³⁴
(февраль 2021, % от числа опрошенных)

Источник: Левада-Центр³⁵.

Пики в настроении приходились на волны военно-патриотического подъема – Крымские события в 2014 году и президентские выборы в 2018. Но далее оптимистический настрой снижается, что не может не способствовать фрагментации общества и оказывать негативное влияние на восприятие власти.

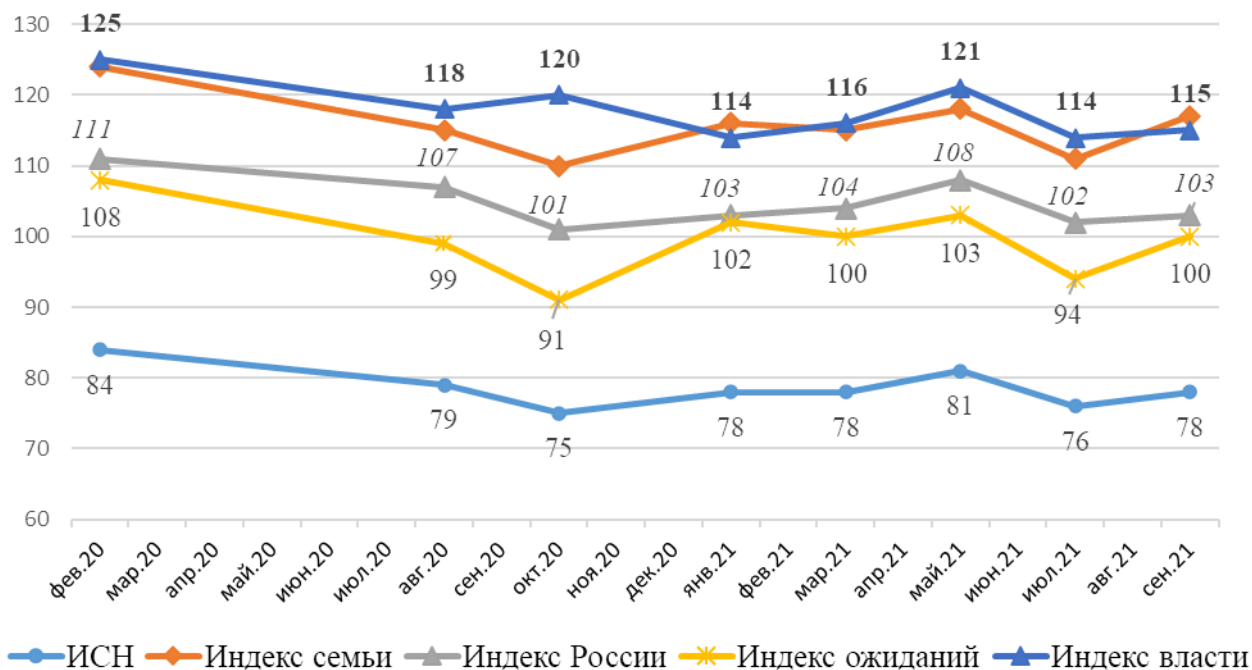
В то же время депрессивные астенические настроения снизились с 54% в 2020 году до 48% в 2021 году. К тому же около половины (48%) респондентов стабильно видят среди окружающих усиление чувств удовлетворенности и самоутверждения (47% в 2020 году и 48% – в 2021 году).

Динамика общественного сознания, отраженная в индексах социальных настроений аналитического центра «Левада-Центр», показала за июль-август 2021 года небольшой позитивный сдвиг обобщенного показателя «Индекс социальных настроений» с 76 единиц в июле до 78 единиц в сентябре 2021 года. Однако эти значения совокупного индекса (менее 100 ед. из 200 ед. возможных) означают преобладание отрицательных оценок. При этом значение частного индекса оценки власти по сравнению с индексом ожиданий по-прежнему остается в пользу первого. Некоторое снижение индекса власти за последний год (с 120 единиц в октябре 2020 до 115 единиц в сентябре 2021 года) все равно остается выше подросшего индекса социальных ожиданий (с 91 ед. в октябре до 100 ед. в сентябре 2021 года), что соответствует положительным оценкам (см. рис. 2).

³⁴ Вопрос: «Какие чувства, на Ваш взгляд, окрепли в последнее время среди окружающих Вас людей?».

³⁵ Чувства россиян. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/16/chuvstva-rossiyan/> (дата обращения 14.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

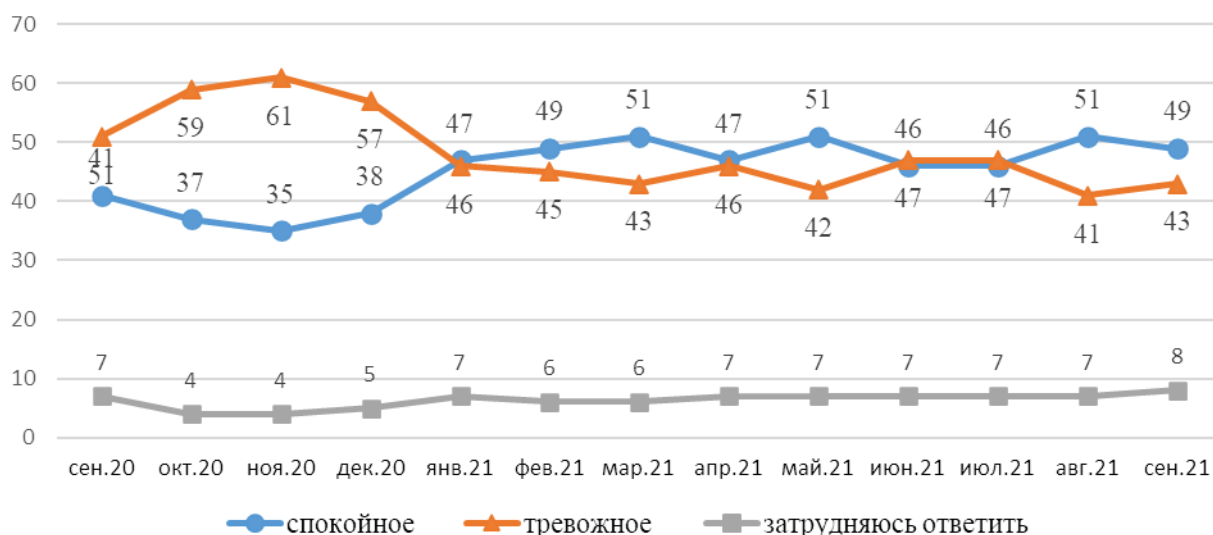
Рисунок 2. Индекс социальных настроений, включающий четыре частных индекса (февраль 2020 – сентябрь 2021, % от числа опрошенных)

Источник: Левада-Центр³⁶.

С данными «Левада-центра» коррелируют результаты всероссийского опроса Фонда общественного мнения «ФОМнибус» (с 27 сентября 2020 г. по 27 сентября 2021 г.), показавших заметное снижение тревожного настроения и повышение значений спокойного настроения в сентябре 2021 года по сравнению с активной фазой пандемии, социальной изоляции и ограничений летом и осенью 2020 года (см. рис. 3).

Можно сказать, что население адаптировалось к непривычным условиям жизни, демонстрируя относительно спокойное уравновешенное состояние накануне выборов в Государственную Думу РФ. Причины успокоенности, скорее всего, кроются в характеристике массового сознания российских граждан, в частности, – его инерционности, адаптивности, склонности к созерцательности, способности мириться с условиями неопределенности социально-политической жизни.

³⁶ Социально-экономические индикаторы. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/> (дата обращения 25.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

Рисунок 3. Преобладающее настроение в обществе³⁷
(% от числа опрошенных)

Источник: ФОМнибус³⁸, 2020-2021.

Инерционность массового сознания россиян сохраняется при весьма показательных значениях индексов как оценок ситуации, сложившейся в стране, так и динамики социальных ожиданий, представленных в результатах исследований аналитического центра ВЦИОМ³⁹ (см. табл. 1).

Таблица 1

Социальные оценки ситуации в стране
(ВЦИОМ, 2020-2021 гг., % опрошенных)

Как Вы в целом оцениваете ситуацию, сложившуюся в стране в целом?	июль. 2020	авг. 2020	сен. 2020	окт. 2020	ноя. 2020	дек. 2020	январь. 2021	фев. 2021	март. 2021	апр. 2021	май. 2021	июнь. 2021	июль. 2021	авг. 2021
Очень хорошая	2	2	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1	2	1
Хорошая	16	15	16	14	13	13	15	16	17	17	19	15	15	14
Скорее хорошая	34	36	37	34	33	33	35	34	36	36	37	31	34	33
Скорее плохая	21	23	23	24	25	24	21	22	20	21	19	24	21	22
Плохая	10	11	11	11	12	13	12	12	11	11	11	11	12	12
Очень плохая	9	6	9	10	11	11	11	10	9	7	7	10	10	12

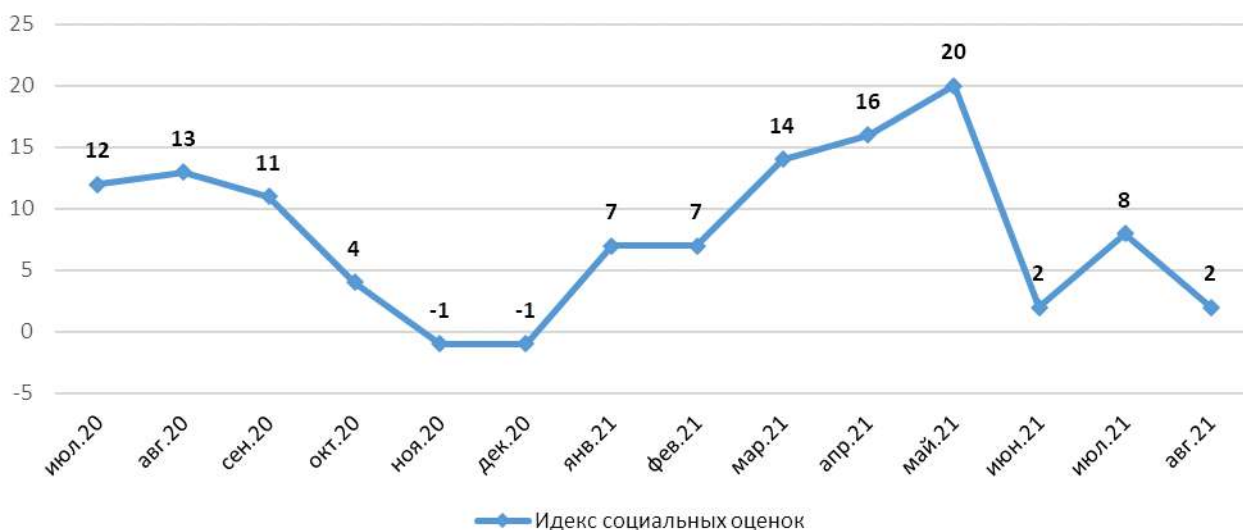
Источник: ВЦИОМ.

³⁷ Вопрос: «Какое настроение, по Вашему мнению, преобладает сегодня среди Ваших родных, друзей, коллег, знакомых – спокойное или тревожное?».

³⁸ Доминанты. Поле мнений: Социологический бюллетень // Фонд «Общественное мнение (ФОМ). Неделя 39. 07 октября 2021. URL: <https://fom.ru/Dominanty/14628> (дата обращения 25.10.2021).

³⁹ См. представленные данные на основании опросов «ВЦИОМ-СПУТНИК» – ежедневного всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-socialnykh-ozhidanii> (дата обращения 12.10.2021).

После относительного подъема в августе 2020 года до 13 пунктов (из 100 возможных) этот индекс снизился до -1 пункта к декабрю 2020 года и после значительного подъема до 20 пунктов в мае 2021 года вновь упал до 2 пунктов в августе 2021 года (см. рис. 4), что также не способствует усилению национально-государственной идентичности.

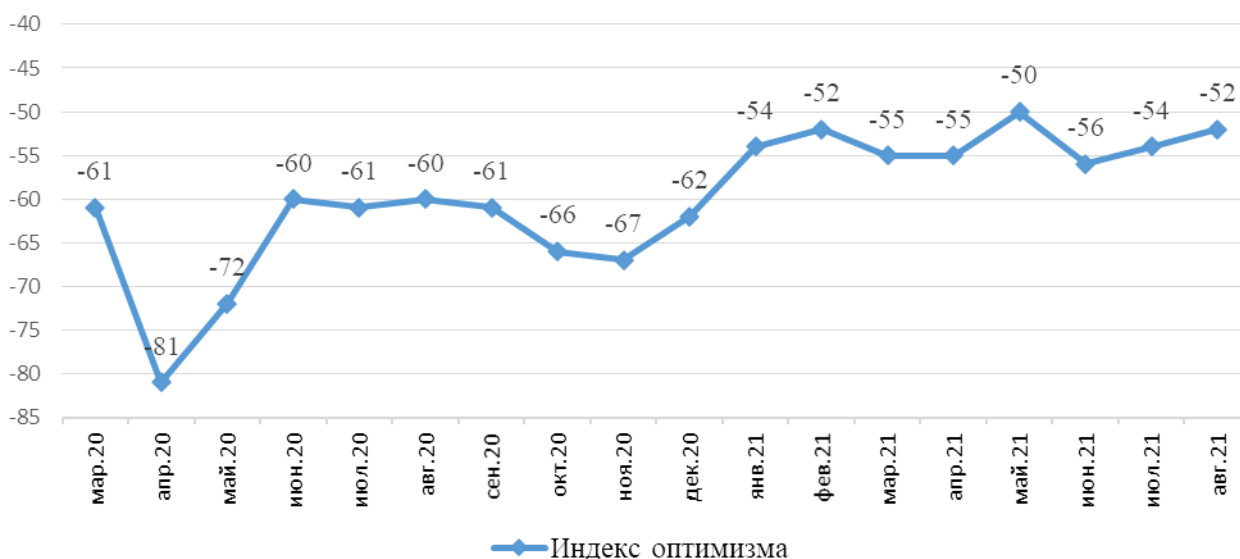
Рисунок 4. Индекс социальных оценок⁴⁰ (пункты)

Источник: ВЦИОМ⁴¹, 2020-2021 гг.

Несмотря на относительные летние подъемы в настроениях, оценка россиянами будущего своей страны пока еще далека от оптимистичной. По данным ВЦИОМ оценка россиянами будущего своей страны хотя и вышла из пикового низкого значения (-81 пункт в апреле 2020 года) и набирает силу, но все-таки остается в низких пределах (индекс может принимать значение от -100 до +100 пунктов). В октябре 2020 года большинство респондентов (62%) полагало, что экономические трудности еще впереди, меньше четверти считало, что трудности мы переживаем сейчас (16%). Индекс оптимизма в августе 2021 года составил -52 пункта и пока не позволяет говорить об оптимистичных перспективах России в оценках респондентов (см. рис. 5).

⁴⁰ Вопрос: «Как в целом Вы оцениваете ситуацию, сложившуюся в стране?».

⁴¹ Индексы социальных оценок // ВЦИОМ. URL. <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnykh-ocenok> (дата обращения 25.10.2021).

Рисунок 5. Индекс оптимизма⁴² (% от числа опрошенных)

Источник: ВЦИОМ⁴³.

Структура идентификационных процессов

Национально-государственная идентичность складывается из ряда важных компонентов, к числу которых следует, по нашему мнению, отнести идентификацию с государством, отношение к власти, к проводимой внутренней политике, оценку общего курса страны, выбор формы правления, выбор политического режима, политическое поведение.

Когнитивный аспект национально-государственной идентичности. В течение последних двадцати лет сложное отношение к власти менялось как в сторону принятия и одобрения, так и сохранения критичности и недовольства. Идентификация с государством хотя и относится к традиционным российским ценностям, но не остается свободной от противоречий. К ноябрю 2020 года по данным «Левада-Центра»⁴⁴ главные **причины недовольства властью** возникают в первую очередь по социально-экономическим основаниям, а затем политико-правовым и политико-профессиональным:

1. Рост цен – 61%, Угроза безработицы – 44%; Падение доходов, обеднение населения – 39%, кризис экономики – 28%.
2. Коррупция, взяточничество чиновников – 38%; произвол властей, полиции – 28%.

⁴² Вопрос: «Есть разные точки зрения по поводу экономического кризиса в нашей стране. Как Вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они позади, или еще впереди?».

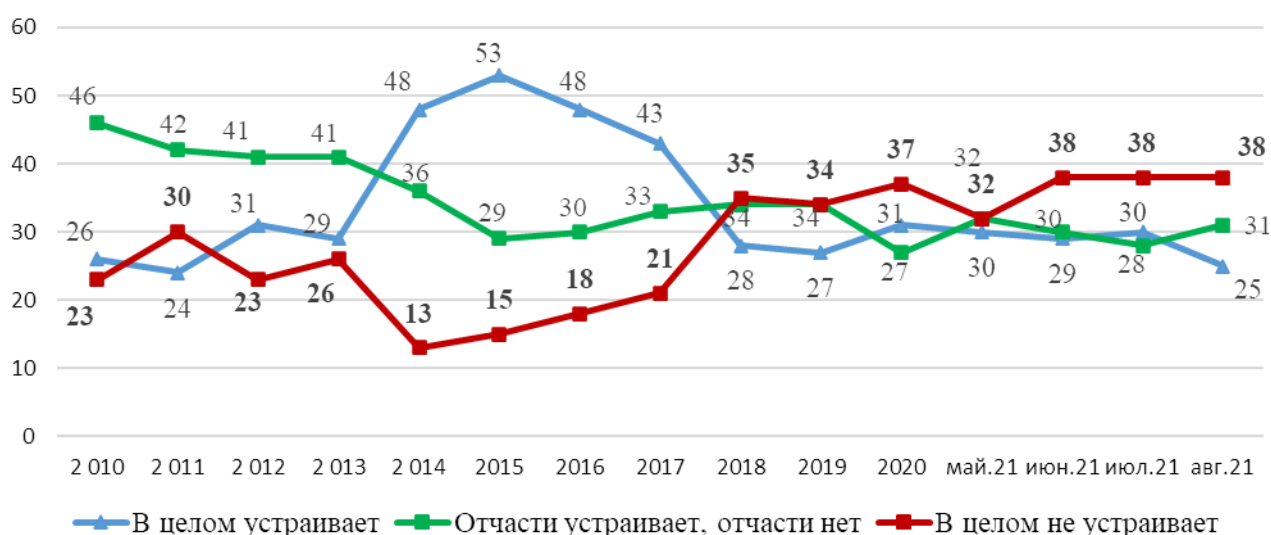
⁴³ Индекс социальных ожиданий // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-socialnykh-ozhidanii> (дата обращения 25.10.2021).

⁴⁴ Положение дел в стране. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения 16.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

3. Ухудшение работы медицинских учреждений, недоступность качественного лечения, цены на лекарства – 29%.
4. Несправедливое распределение доходов, расслоение на богатых и бедных – 28%, недоступность образования – 20%.

Наибольшее недовольство граждан касается внутренней политики. Динамика отношения респондентов к проводимой **внутренней политике**, по данным ВЦИОМ с 2020 года по август 2021 года имеет тенденцию к снижению уровня ее одобрения: 31% респондентов в 2020 году ответили, что в целом устраивает внутренняя политика, которую проводят власти нашей страны, в августе 2021 – 25% соответственно. Оценки тех, кого в целом не устраивает внутренняя политика власти, держатся примерно на одном уровне (с 37% в 2020 году до 38% в августе 2021 года).

Пики позитивного отношения к проводимой внутренней политике в нашей стране приходились на годы национально-патриотического единения общества в связи с известными событиями на Украине и в Крыму (см. рис. 6).

Рисунок 6. Динамика отношения к внутренней политике власти⁴⁵
(% от числа опрошенных)

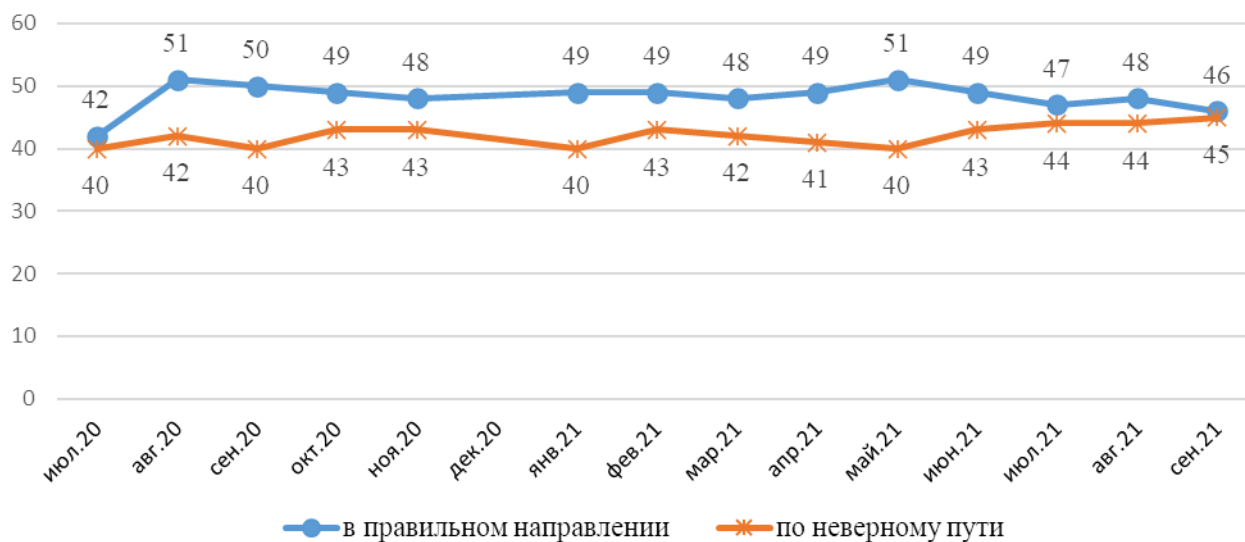
Источник: ВЦИОМ⁴⁶, 2010 – 2021.

При снижении позитивных оценок внутренней политики, которую проводят власти нашей страны **оценка общего курса страны**, по данным «Левада-Центра», остается позитивной. За последнее десятилетие при появлении некоторых всплесков явно позитивных оценок направление политического курса страны населением в целом одобряется, но за последний год оценки положения дел в стране остаются на том же

⁴⁵ Вопрос: «В какой мере Вас устраивает внутренняя политика, которую проводят власти нашей страны?».

⁴⁶ Оценка властей // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/ocenka-vlastei> (дата обращения 15.10.2021).

уровне. 46% россиян считают, что дела в стране сегодня идут в целом в правильном направлении, 45% – что страна движется по неверному пути. Эти показатели мало изменились по сравнению с прошлым месяцем: в августе они составляли 48% и 44% соответственно (см. рис. 7).

Рисунок 7. Оценка текущего положения дел в стране⁴⁷
(июль 2020 - сентябрь 2021, % от числа опрошенных)

Источник: Левада-Центр⁴⁸.

По параметру политической идентификации ответы респондентов весьма парадоксальны, политическое сознание носит характер скорее размытого, «разорванного».

В начале 2021 года эксперты констатировали кризис партийного представительства. По оценкам ВЦИОМ мнение о том, есть или нет партии, которая в состоянии выразить интересы людей, разделилось: 43% считали, что такая партия есть, 46% – что такой партии нет. Всего около трети россиян, участвовавших в опросе, заявили о наличии интереса к той или иной политической партии⁴⁹. Абсолютное большинство (71%) заявило о том, что политические партии нужны современной России, противоположного мнения придерживались лишь 24%. В то же время к началу 2021 года партии являются малорезонансным элементом политики. Абсолютное большинство (63%) заявляло также о том, что на тот период для людей нет партии,

⁴⁷ Вопрос: «Вы считаете, что дела в стране идут сегодня в правильном направлении или что страна движется по неверному пути?».

⁴⁸ Одобрение институтов, положение дел в стране и доверие политикам. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/30/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-i-doverie-politikam> (дата обращения 25.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

⁴⁹ См. материалы круглого стола «Старт политического сезона 2021», организованного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ), представляя материалы исследования центра 3 января 2021 года. URL: <https://tass.ru/politika/10452101> (дата обращения 14.10.2021).

которая бы представляла для них интерес, и только около трети (29%) считали, что такая партия есть.

В выборе политического режима респонденты отдают большее предпочтение авторитарным моделям – сильной власти, порядку и меньшей свободе. В 2020 году генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров в своем интервью РИА Новости, рассуждая об общественном идеале современных россиян, не без основания заметил, что в их представлениях Россия – это страна с сильной центральной властью, возглавляемая президентом с широкими полномочиями. Это страна, где торжествует закон, и все перед ним равны, страна восстановленной справедливости в отношениях людей друг с другом и с государством. Он также отметил, что в общественном идеале отсутствуют такие ценности, как важность сменяемости власти на альтернативной основе; представление об оппозиции как важнейшем институте политической системы; ценность разделения властей и, тем более, их соперничества; идея парламента, партий и представительной демократии вообще; ценность прав меньшинств и, в значительной степени, прав человека в целом; ценность открытости миру, который воспринимается скорее как источник угроз, а не возможностей⁵⁰. Существующая в России государственная власть хорошо вписывается в это пространство социальных ценностей, создающее благоприятные условия для идентификации с ней российского человека.

В обществе остается **запрос на сохранение стабильности при ожидании перемен**. Общественное мнение в динамике за последнее десятилетие демонстрирует как запрос на стабильность, так и желание перемен, что нашло отражение в результатах исследований разных аналитических центров. Так, по данным ФОМ, 57% россиян полагали, что стабильность важнее радикальных реформ в 2013 году, 69% – в 2016⁵¹. Причем, стабилизационные настроения характерны не только для низкоресурсных социальных групп, но и для предпринимателей, руководителей, людей с более высокими доходами.

Данные всероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (восьмая волна), проведенного в апреле 2018 г. Институтом социологии РАН, показали почти равное количество как сторонников перемен (56%), так и приверженцев стабильности (44%)⁵². Всероссийский репрезентативный опрос ВЦИОМ, проводимый центром с 2013 по 2020 годы по другой методике, также показал по-прежнему неослабевающий запрос общества на

⁵⁰ Федоров В. Российская идентичность и вызовы времени. URL: <https://ria.ru/20130819/957220962.html> (дата обращения 14.10.2021).

⁵¹ Паутова Л. А. Стабильность – наше кредо? // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15, № 2. С. 154-172.

⁵² Использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». URL: https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/doklady/3.4_slobodenyuk.pdf (дата обращения 25.10.2021).

стабильность, которая для респондентов важнее, чем реформы и связанные с ними изменения. В интервью «Известиям» 20 сентября 2021 года В.В. Федоров отметил противоречивость запросов у населения: желание перемен и боязнь революционных изменений, страх перемен и страх застоя, возникающих одновременно⁵³. Тяжелый эмоциональный фон в период пандемии усиливал запрос на стабильность и в то же время – ожидание перемен. Парадоксальная ситуация: в обществе к парламентским выборам 2021 года был зафиксирован запрос на изменения, но и на безопасность и стабильность одновременно. Этот запрос общества был воспринят политическими партиями, в результате на первом месте оказалась партия, которая может гарантировать россиянам стабильность — «Единая Россия».

Поведенческий аспект национально-государственной идентичности.

Политическая пассивность граждан, выражающаяся в слабой электоральной активности, выборе тех, кому не очень доверяют, а иногда и не симпатизируют, основывается не только на отсутствии разнообразия политического спектра партий, лидеров, идеологических платформ. Причины пассивности, скорее всего, кроются в характеристике массового сознания, в частности – его инерционности и, как следствие, способности мириться с условиями неопределенности социально-политической жизни.

Готовность респондентов **принимать участие** в политической жизни страны в разных формах – от электорального участия до акций протеста или поддержки тех или иных институтов – распределяется чаще в пользу пассивных форм, проявляясь в большей мере в согласии участвовать в выборах. Что касается активности в политических акциях, то она остается весьма сдержанной. Пандемия и социальные ограничения стали катализатором протестных настроений к январю 2021 года (43% опрошенных заявили о возможности массовых выступлений населения против падения уровня жизни, в защиту своих прав, а 45% респондентов – о возможности выступлений с политическими требованиями). Но уже к августу 2021 года показатели протестного потенциала вернулись к привычным значениям (26% – потенциал протеста с экономическими требованиями и 27% – с политическими требованиями соответственно). В динамике с середины 90-х годов до 2021 года потенциал протеста с экономическими требованиями остается все еще выше потенциала политического протеста⁵⁴.

Данные ФОМ коррелируют с данными Левада-Центра и показывают, что уровень недовольства и готовность протестовать заметно не повышались примерно до середины 2018 года. Пенсионная реформа увеличила количество критических высказываний в адрес российских властей (с 55% в 2018 году до 70% в 2019), а также

⁵³ Новые лица // ВЦИОМ. 20 сентября 2021. URL: <https://wciom.ru/sobytie/novye-lica> (дата обращения 18.10.2021).

⁵⁴ Положение дел в стране // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения 16.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

усилила потенциал недовольства и возмущений в течение года (с 34% действия властей вызывали недовольство и возмущение в 2018, 54% – в 2019)⁵⁵.

Протестные настроения существуют, но выражаются или в желании голосовать «против всех», или в отказе идти на выборы вообще. Причины, по которым люди не протестуют, по результатам исследований Левада-Центра в январе-ноябре 2020 года расположились в следующем порядке: боятся репрессий со стороны властей (27%), не видят смысла, протесты ни к чему не ведут (22%), боятся изменений к худшему (18%), не видят альтернативы нынешнему порядку (15%)⁵⁶. При этом на фоне протестных настроений формируются **локальные идентичности**, что проявляется в участии и помощи представителям других групп и общества в целом. Наиболее распространенными видами гражданской активности среди россиян по результатам исследования в сентябре 2021 года является безвозмездная помощь малоимущим и пострадавшим от стихийных бедствий (45%), голосование на выборах любого уровня (40%), посещение образовательных мероприятий (36%), пожертвования на общественно полезные цели (28%) и подаяние милостыни (27%)⁵⁷.

Эмоциональный аспект национально-государственной идентичности. Традиционно власть в России воспринимается в персонифицированном виде, поэтому отношение к власти анализировалось сквозь призму доверия, симпатии к политикам и готовности отдать им свои голоса на выборах, одобрения деятельности органов власти. Недоверие к государственным институтам, политикам, неодобрение их деятельности служит препятствием к идентификации граждан с властью.

Значения **доверия** В. В. Путину (суммы ответов «безусловно доверяю» и «скорее доверяю») по данным ВЦИОМ **сохраняются** в 2021, в пределах погрешности (66,2% в июне 2021; 64,4% в октябре 2021)⁵⁸. Все остальные политики заметно от него отстают. Лишь фигура премьера М. В. Мишустина занимает второе место (53,9% в 2020, 48,5% в октябре 2021 года) после В. В. Путина. По данным Левада-Центра (исследование проведено в сентябре 2021 года по другой методике, с использованием открытого вопроса) уровень доверия В. В. Путину составил 30%, что также заметно **выше уровня доверия другим** политикам. Доверие им незначительно менялось, но в

⁵⁵ Недовольство властями // Фонд «Общественное мнение (ФОМ). 17 января 2019. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d02pv2019.pdf> (дата обращения 07.10.2021).

⁵⁶ Из выступления Л. Д. Гудкова, д.ф.н., гл. редактора журнала «Вестник общественного мнения», по теме «Общественное мнение России в ситуации кризиса, январь-ноябрь 2020» на Пленарном заседании III Международной научно-практической конференции «Пути трансформации государственного и корпоративного управления на современном этапе» (МГИМО МИД РФ, 17 декабря 2020). URL: <https://mgimo.ru/about/news/departments/iii-conf-puti-transformacii-gosudarstvennogo-i-korporativnogo-upravleniya-na-sovremennom-etape/> (дата обращения 25.10.2021).

⁵⁷ Гражданская активность. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/13/grazhdanskaya-aktivnost-3> (дата обращения 15.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

⁵⁸ Доверие политикам // ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения 15.10.2021).

целом остается на прежнем уровне⁵⁹. В то же время заметно снижение числа тех, кто относится к В. В. Путину с симпатией за последние 12 лет. Так, по данным Левада-Центра на 11 октября 2021 года 21% россиян относятся к В. В. Путину с симпатией. Но в сравнении с предыдущими годами, периодами национально-патриотического подъема в стране, эти показатели симпатии **заметно снижаются**: в марте 2008 года к В.В. Путину относятся с симпатией 41% населения, в марте 2014 – 31%, в марте 2015 – 37%, в августе 2021 года – 21%⁶⁰.

Эмоциональная доминанта в восприятии политиков у российских граждан выражается в условии выбора. При этом, если говорить о тех, кто хотел бы видеть В.В. Путина на посту президента после 2024 года, то таких в октябре 2021 года – 47%, при этом 42% — не хотели бы видеть В.В. Путина на посту президента после 2024 года. Такой высокий показатель был только в 2013 году (45%)⁶¹.

При этом уровень **одобрения деятельности Президента⁶² и Правительства РФ** в 2021 году в оценках Левады-Центра⁶³ остается в прежнем диапазоне, но с небольшим снижением;

Разнонаправленные движения рейтингов В. В. Путина можно суммировать так: большинство россиян одобряет работу президента, но его привлекательность в глазах избирателя снижается.

Очевидно, что сформированный в общественном сознании образ Президента РФ отвечает ориентации общества на традиционные ценности и социальному запросу граждан в стабильности и «сильной руке».

Динамика идентификационных процессов со страной и народом

В анализе идентификационных процессов применяются критерии, заложенные Л. М. Дробижевой в определение национальной, гражданско-государственной идентичности как «отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране – «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране»⁶⁴. Поэтому представления жителей о стране, государстве, о себе и других как

⁵⁹ Одобрение институтов, положение дел в стране и доверие политикам. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/30/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-i-doverie-politikam> (дата обращения 25.10.2021).

⁶⁰ Владимир Путин. URL: <https://www.levada.ru/2021/10/11/vladimir-putin-10/> (дата обращения 22.10.2021).

⁶¹ Там же.

⁶² Одобрение органов власти. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата обращения 25.10.2021).

⁶³ Одобрение институтов, положение дел в стране и доверие политикам. URL: <https://www.levada.ru/2021/09/30/odobrenie-institutov-polozhenie-del-v-strane-i-doverie-politikam> (дата обращения 25.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

⁶⁴ Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7-22.

коллективном «мы», ощущение связи со своей страной и народом, а также эмиграционные настроения важны в понимании направленности идентификационных процессов.

Результаты исследования Левада-Центра в сентябре 2020 года, посвященного восприятию исторических событий и периодов, представлениям об их значимости и в целом важности истории для национальной идентичности россиян, показали, что **представление жителей России о «нас»** как об общности, народе, по-прежнему преимущественно обращено в прошлое. На вопрос о том, с чем связывается у них мысль о своем народе, каждый второй участник опроса отметил «наше прошлое, наша история» и за последние два года этот показатель вырос с 53% в 2018 году до 55% в 2020 году.

Смысловые ассоциации **со «своим» народом** включают как объединяющий фактор единую территорию проживания, (39%), родную природу (34%). Родной язык считают главным для нации 24% респондентов. Ассоциации с государством в середине списка, то есть только 20% опрошенных связывают государство, в котором живут, со своим народом. Душевные качества своего народа национальной чертой назвали всего 9% россиян, тогда как в еще несколько лет назад, в 2017-м, их выбрали 18% жителей. Согласно исследованию, только 7% россиян связывают национальную идентичность с праздниками и обычаями, а 8% с верой предков⁶⁵.

Представление жителей России о «нас» как об общности связано с исторической памятью, и Победа в Великой Отечественной войне остается главным событием, за которое **россияне испытывают гордость** (за 20 лет проведения исследований доля, испытывающих гордость за нее, значимо не менялась), – отмечают в «Левада-Центре». Сегодня Победой в Великой Отечественной войне гордятся 89% граждан нашей страны, а больше всего стыдятся развала СССР (49%) и бедности (48%).

По-прежнему сохраняется суммарный уровень согласия с суждением, что **«Россия – великая держава»** (86%) – роль, которую Россия должна сохранить за собой. Преобладает мнение, что для этого России нужно бороться с чуждыми нашему народу западными влияниями (63%), а в меньшей степени о том, что России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни (30%). Но парадоксальность заключается в соотношении идеальной перспективы и сегодняшней реальности не в пользу первой. На вопрос «Какой Вы хотели видеть Россию сейчас в первую очередь?» большинство выбрало вариант – «Страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира» (63%), а меньшинство – «Великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны» (35%)⁶⁶. При этом идея великодержавности России имеет двойное прочтение: идеальное и реальное.

⁶⁵ Гордость и идентичность // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения 25.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

⁶⁶ Общественное мнение – 2020 : ежегодник. М.: Левада-Центр, 2021. 152 с.

Важным критерием анализа степени устойчивости национально-государственной идентичности является **желание граждан уехать** или остаться в стране. Утечка мозгов, трудовая эмиграция, исход пожилых неработающих или молодых учащихся жителей страны представляет собой рискогенный потенциал не только для утраты идентичности, но и для устойчивости государственного суверенитета.

По данным Левада-Центра (2010-2021) пятая часть россиян (22%) заявили, что хотели бы уехать за границу на постоянное жительство, 77% — что не хотели бы. Доля выражающих желание уехать выросла за последние несколько лет — еще в 2017 году она составляла 15%. В мае 2021 года этот показатель достиг уровня 2011-2013 годов — 22%⁶⁷. Если учесть не только тех, кто оформляет документы, принял твердое решение, обдумывает возможности выезда (таких 10% в 2021 году), но и тех, кто иногда подумывает над этим (20% в 2021), то эмиграционный рискогенный потенциал идентичности повышается до 30% в 2021 году.

Эти данные коррелируют с данными Kelly Services и «Авито. Работа»⁶⁸. Желание сменить место проживания ради высокооплачиваемой и перспективной работы охватывает подавляющее большинство россиян, свидетельствуют результаты опроса. Так думают 80% респондентов из опрошенных 38 тыс. человек, причем 60% из всех опрошенных — жители городов-миллионников из всех восьми федеральных округов.

Почти половина из тех, кто хочет покинуть нынешнее место проживания, готовы уехать навсегда, а еще 30% хотели бы уехать на срок до года. При этом 11% респондентов указали, что могут переехать на срок от года до трех лет, и 6% — от трех до 10 лет. В качестве ключевых причин переезда молодежь выбирает финансовую составляющую, а менеджеры среднего звена — комфортную среду. Топ-менеджеров, помимо прочего, по большей части интересует возможность работы с интересными проектами и задачами, а высокие цели вроде развития региона и конкретных отраслей интересуют всего 10% респондентов.

При этом по данным исследования банка «ФК Открытие», которое проводилось в январе 2021 года⁶⁹, 16% россиян считают, что переезжать надо за границу. Больше всего сторонников такой точки зрения в Москве и Санкт-Петербурге (по 23%), меньше всего — на Дальнем Востоке и в Сибири (по 6%). Еще 15% россиян мечтают перебраться жить в более теплые края. Особенно популярна эта идея у жителей Урала, Северо-Запада (по 24%) и Дальнего Востока (23%).

⁶⁷ Эмиграция : Пресс-выпуск. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/09/emigratsiya-2/> (дата обращения 25.10.2021). АНО «Левада-Центр» включена Минюстом РФ в реестр НКО — иностранных агентов.

⁶⁸ Лесных. А. Страна на чемоданах: 80% россиян хотят переехать // Газета.Ru. 20 июля 2020. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/07/20/13159771.shtml> (дата обращения 16.10.2021).

⁶⁹ Эксперты выяснили, сколько россиян хотят уехать жить за границу // ПРАЙМ : Агентство экономической информации. 27 января 2021. URL: <https://1prime.ru/society/20210127/832899560.html> (дата обращения 16.10.2021).

Идентификационные процессы в сетях. Сделанные выше выводы подтверждаются результатами локальных инициативных исследований Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках Госзадания в 2020-2021 годы.

Политическое восприятие в цифровой среде, а соответственно и формирование национально-государственной идентичности молодежи происходит под влиянием референтных групп, соотнесение с ценностями которых происходит не в реальном, а в виртуальном пространстве. Социальные сети и создаваемые в них тематические группы, в частности, являются одним из наиболее благоприятных пространств для проведения информационного воздействия. Это предопределило выбор объекта и критериев анализа политического восприятия «сетевой» молодежи.

В результате проведённых политико-психологических исследований⁷⁰ был выявлен ряд актуальных проблем в восприятии политики, государственных институтов, идеологий, политических персон и образа своей страны в целом. Исследование подтвердило, что виртуализация социальных отношений и информационной среды искажает представления, в первую очередь, молодёжи о реальном мире, формирует неустойчивую и оторванную от реальности картину мира, в том числе и политическую.

В сознании молодёжи политическая картина мира на период исследования имеет противоречивый характер, что допускает мысль о ее неустойчивости и усиливается дополнительным раздражением в восприятии политических акторов и объектов. Заметно разнятся образы власти (идеальные и реальные), отношение к государству (должному и сущему), его институтам и персонам (традиционная роль и современное состояние). При сохранении в неосознаваемой сфере сознания респондентов идеи подчинения, традиционных схем пирамидальной детерминации общества и даже элементов архетипических пластов, рационализация сознания показала наличие серьёзных проблем в отношении к власти.

Если в неосознаваемой сфере сознания респондентов образы власти, государства и символы государственности ещё в какой-то мере нагружены архетипами сакральности, монолитности, традиционности, то в осознаваемой сфере образы власти утратили эти архетипические проявления и демонстрируют серьёзную альтернативу традиционному российскому отношению к власти. Из сознания уходит сакрализация власти, привлекательный образ которой связан с удовлетворённостью жизнью и ощущением перспективы. Не случайно поддержка власти в ответах респондентов имеет все меньшее подтверждение.

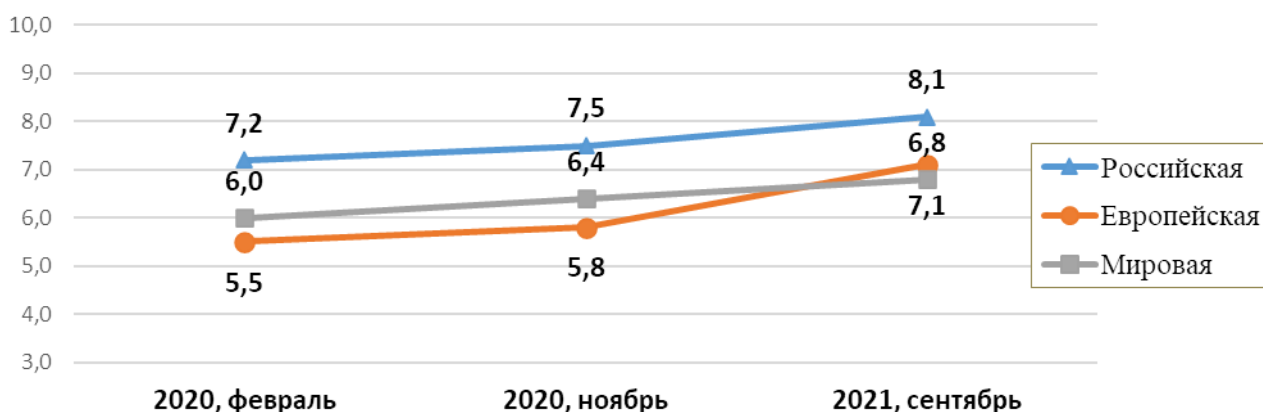
---

⁷⁰ Исследовательская проблема репрезентации визуально-когнитивных образов политической картины мира была решена в рамках Госзадания 2020 и 2021 годов «Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» (проект Центра социальной безопасности и рискологии «Россия в новой социально - политической реальности: вызовы и риски») с применением ряда проективных методик исследования политического сознания (в том числе - восприятия образов мира политического с декодированием свободных ассоциаций у студенческой и «сетевой» молодёжи 14 – 25 лет).

Сегодня в сознании «сетевой» молодёжи политическая картина мира представлена слабыми институтами политического представительства, непривлекательной идеологией, ограниченным набором вызывающих симпатию политических персон. Результаты показали отрицательную динамику доверия молодежи к политическим институтам, идеологиям и лидерам России. Значения основных показателей, характеризующих политическую картину мира современной молодёжи, сосредоточены вблизи точки начала координат, что свидетельствует о слабой устойчивости оценок существующей политической системы, их концентрации вокруг точки бифуркации, что ставит под угрозу национально-государственную идентичность и, как следствие, устойчивость государства.

Остается проблема национально-государственной идентичности в историко-культурном контексте. Нарастающая поляризация «сетевой» молодежи в восприятии России усиливает проблему ослабления идентификационных механизмов граждан со своей страной, без учёта которой ситуация конца 2021 года может способствовать уходу восприятия «государственного суверенитета» в сторону сегментации, что, возможно, усилит и без того кризисное состояние национально-государственной идентичности молодёжи.

Вместе с тем, в сложный период пандемии и социальной изоляции (2020-2021 годы) наблюдается положительная динамика самооценки национальной идентичности российской студенческой молодежи. Несмотря на постепенный рост среди студенческой молодежи значений европейской самоидентификации, средневзвешенное значение самооценки российской идентификации остается доминирующим. В исследовании самооценок национально-государственной идентификации студентов-политологов МГУ по 10-балльной шкале уровень российской идентичности повышается от 7,2 баллов в феврале 2020 года до 8,1 балла в сентябре 2021 года (см. рис. 9).

Рисунок 9. Динамика самооценки российской идентичности (МГУ, студенты-политологи, 2020 - 2021 гг., среднее значение по 10-балльной шкале).

Существуют к тому же резервы минимизации искажения политической картины мира молодёжи, связанные с особенностями политического восприятия. Пример работы тематических групп в социальной сети «ВКонтакте» с применением методов манипуляции на Украине⁷¹, показывает наличие эффективных хорошо разработанных приёмов манипулирования массовым сознанием пользователей сетей, которые требуют адекватных средств противодействия⁷². В связи с этим, представляется, что на государственном уровне необходимо разрабатывать стратегии своевременного выявления в цифровой среде манипуляций массовым сознанием и противодействия им.

С учетом продолжающейся трансформации национально-государственной идентичности молодых людей, проявляющейся в ослаблении привлекательности ценностей российской государственности, результаты исследования могут раскрыть процесс виртуализации государственного суверенитета, его смещению в сторону сегментации, а также обнажить долгосрочные системные риски, носящие отложенный характер. Все это необходимо учитывать в прогнозных оценках.

Важен также системный учет непроявленных отложенных рисков идентификационных процессов в массовом сознании, трансформации политической картины мира и политических установок в том числе.

Примером могут служить оценки стабильности государства на основе рисков. Так, аналитическая компания Political Risk Services (PRS) оценивает политическую стабильность конкретной страны на сопоставимой основе с другими странами путем оценки точек риска для каждого из составляющих факторов государственной

⁷¹ Для анализа были использованы группы: https://vk.com/vo_maidan, https://vk.com/stop_russia, <https://vk.com/majdan3>.

⁷² Shabrov O. F., Sashchenko N. P., Hayat M. Education as an institution of national identity formation // SHS Web Conf. 2021. Vol. 103

стабильности. Рейтинги риска варьируются от высокого уровня 100 (наименьший риск) до минимума 0 (наибольший риск), хотя самые низкие фактические рейтинги обычно находятся в диапазоне 30-40 п.п.

Рейтинг политического риска России по данным компании PRS находится в стабильном диапазоне среднего риска с января по август 2021 года (см. табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг политического риска России
(январь 2021 – август 2021)

Country	Variable	01/2021	02/2021	03/2021	04/2021	05/2021	06/2021	07/2021	08/2021
Russia	Political Risk Rating	59.00	59.00	59.00	59.50	58.50	58.50	58.50	58.50

Источник: Political Risk Services (PRS)⁷³.

При устойчивой средней оценке рисков в российском обществе важно помнить о наличии неустойчивости и непредсказуемости общественных настроений и состояния дел в обществе в целом. Мысль известного культуролога Ю. М. Лотмана о наличии двух типов взаимно необходимых процессов – постоянных и взрывных – позволяет увидеть еще один ракурс исследования динамики национально-государственной идентичности как одного из элементов динамики развития культуры и исторического процесса⁷⁴, а именно – учет изменений на двух уровнях одного динамического процесса одновременно. Эти изменения связаны между собой, они находятся в постоянном диалоге. Предсказуемость – одна из основных черт постепенных процессов, непредсказуемость – взрывных. «Взрывы» и эволюционные изменения в динамике культурного развития могут быть не только последовательными этапами, но и существовать в синхронном пространстве. Чувствительным индикатором устойчивости социальной общности в изменяющейся реальности на уровне государства по-прежнему остается национально-государственная идентичность, изучение которой необходимо продолжать с учетом меняющегося социокультурного контекста.

⁷³ Political Risk Services (PRS). The PRS Group, Inc., 1979-2021, New York 13057, США. URL: <https://www.prsgroup.com/explore-our-products/international-country-risk-guide/> (дата обращения 25.10.2021).

⁷⁴ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2001. 704 с.

1.5. ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ

Накануне выборов в Государственную Думу по состоянию на 26.07.2021 в РФ было зарегистрировано 32 партии, большинство из них были практически не известны избирателям. В это число входят 6 партий, которые, в силу плохих результатов на региональных и муниципальных выборах не получили так называемой «муниципальной льготы» – права выдвигать кандидатов без сбора подписей. Важно напомнить, что в течение электорального цикла, с 2016 г. было принято 19 законодательных актов, вносящих изменения в ФЗ № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и 16 актов, вносящих поправки в ФЗ № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Эти изменения, по большей части, носили ограничительный характер и могут свидетельствовать об ужесточении регулирования политического процесса.

За последние два десятилетия законодательство о политических партиях предопределило изменение партийного-политического ландшафта как минимум дважды. Закон о политических партиях от 2005 года, который устанавливал очень жесткие нормы регистрации политических партий быстро и существенно сократил их количество и ограничил возможности политическим партиям участвовать в политическом процессе, а поправки 2012 года, напротив, неожиданно либерализовали правила регистрации, чем вызвали период весьма активного партстроительства. Как результат, количество партий в РФ менялось от года к году (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика участия партий в выборах в Государственную Думу

Год	Число зарегистрированных партий	Число партий, участвующих в выборах в Госдуму	Число партий, прошедших в Госдуму	Процент явки
1993	37	13	8	54,81%
1995	111	43	4	64,76%
1999	64	28	6	61,85%
2003	30	23	4	55,67%
2007	14	11	4	63,78%
2011	7	7	4	60,21%
2016	74	14	4	47,88%
2021	32	14	5	51,72%

Источник: Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК РФ)⁷⁵.

⁷⁵ Архив избирательных кампаний // Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК РФ). URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/ (дата обращения 20.09.2021).

В любом случае, такая неравномерная активность в сфере партстроительства определялась не столько объективными условиями партогенеза, сколько институциональными рамками, задаваемыми властью⁷⁶. Важно, что для сохранения своего статуса партии, организация должна принимать участие в избирательных кампаниях разного уровня. В частности, законом предусмотрена ликвидация партии, если она за семь лет не приняла участия в одних из перечисленных ниже выборах: выборы в Государственную Думу ФС РФ; выборы Президента РФ; выборы глав не менее 9 регионов РФ; выбор законодательных органов не менее 17 регионов; муниципальные выборы не менее чем в 43 регионах.

В выборах в Государственную Думу ФС РФ 2016 г. принимали участие 14 партий, в том числе четыре, которые не имели льготы на участие в думской кампании. При этом некоторые из них (ПАРНАС, «Гражданская сила») довольно слабо участвовали в других выборах. Губернаторские выборы являются довольно плотным фильтром в силу необходимости получения подписей муниципальных депутатов, поэтому рассчитывать на поддержку здесь могут только партии «системные», имеющие возможность участвовать в договорном процессе. Благодаря участию в региональных выборах в последнем электоральном цикле из партий, не участвовавших в думских выборах 2016 года, право на участие в выборах 2021 получили четыре партии: КПСС, ДПР, Партия Прогресса и «Партия За Справедливость!».

Можно было бы предположить, что поскольку регистрация партии предусматривает создание региональных отделений как минимум в 43 регионах, муниципальные выборы должны нам демонстрировать самое широкое представительство кандидатов от различных партий. Однако на практике этого не происходит. В первую очередь в силу того, что большинство региональных отделений новых партий являются образованиями чисто номинальными, существующими только на бумаге. За период 2012–2017 гг. ни одна из партий, не участвовавших в думских выборах, не набрала необходимого количества участия в муниципальных выборах⁷⁷. Лишь шесть таких партий (КПСС, Партия Великое Отечество, «Альянс Зеленых», Партия пенсионеров России, Казачья партия РФ, Трудовая партия России) имели в своем активе муниципальные выборы в 20-28 регионах⁷⁸. Как результат, в 2019-2020 году Верховный Суд РФ принял решения о ликвидации 24 партий за недостаточное участие в выборах⁷⁹.

⁷⁶ Великая Н. М. Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1(15). С. 108-119.

⁷⁷ Любарев А. Е. Российская партийная система после реформы 2012 года // Electoral Politics: Международный журнал о выборах. 2020. № 2(4). Ст. 1.

⁷⁸ Российские выборы–2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями / А. Кынев, А. Любарев, А. Максимов. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2018. 514 с.

⁷⁹ Электронная справочная // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases> (проверено 13.11.2020).

Несмотря на изменение общей численности зарегистрированных и участвующих в выборах партий, в Государственную Думу последних четырех созывов (с 2003 г. до 2016 г.) проходили только четыре политические партии. Распределение мандатов в ГД ФС РФ, где подавляющее большинство принадлежало партии «Единая Россия», показывает, что в России закрепились партийная система доминирования одной партии. Немажоритарные, партии вытеснялись из участия в избирательном процессе как легальными (путем создания высоких проходных барьеров, сложностей с регистрацией партией, проблем с регистрациями в качестве участников выборов и т.д.), так и нелегальными способами (ограничения доступа к СМИ, применение технологий компрометации списков или принуждение кандидатов отказаться от участия в кампании). При этом совокупное политическое представительство парламентской оппозиции в парламенте никогда не превышало 47%, снизившись в 2016 до 107 мест, где две партии – Партия Роста и Родина – имели по одному мандату (см. табл. 2).

Таблица 2

Результаты выборов в Государственную Думу ФС РФ
(количество мест из 450)

Партии	2007	2011	2016	2021
Единая Россия	315	238	343	324
КПРФ	57	92	42	57
ЛДПР	40	56	39	21
Справедливая Россия	38	64	23	27
Другие партии, независимые кандидаты	-	-	3	21

Источник: Государственная Дума РФ⁸⁰.

В конце нулевых годов сформировался довольно устойчивый тип политического порядка, который исследователи характеризуют как в позитивных, так и в негативных коннотациях. В первом случае обращается внимание на стабилизацию политической системы⁸¹, во втором – на «нео-авторитаризм»⁸². Очевидна слабость политических партий и партийной системы, неразвитость парламентских институтов, усиление президентской власти, нарастание авторитарных тенденций в управлении, сжимание пространства независимых СМИ и т.д., что отражается в бедности политического ландшафта.

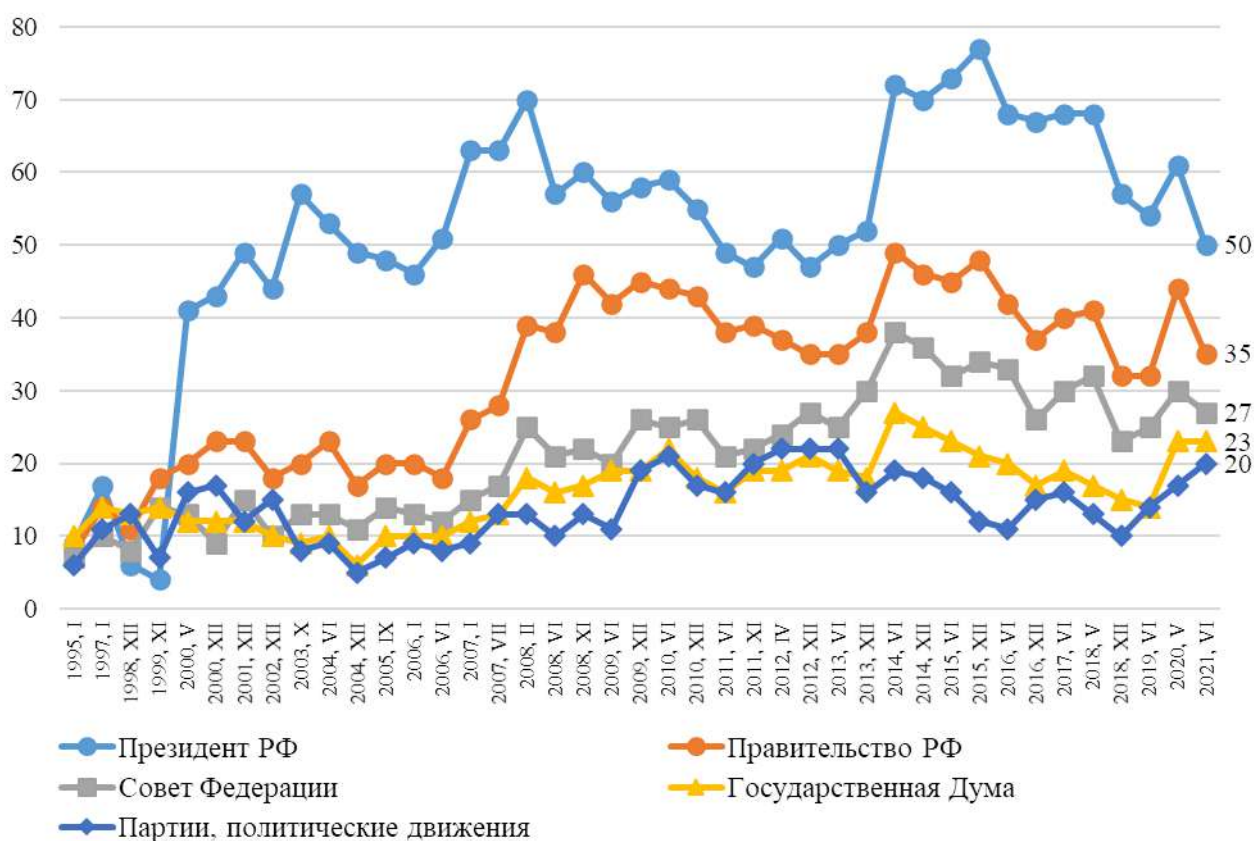
Несмотря на то, что в 2021 году парламентская оппозиция увеличилась до 126 человек (с учетом 8 независимых кандидатов), это не изменило закрепившегося в

⁸⁰ Фракции // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/duma/factions/> (дата обращения 20 ноября 2018).

⁸¹ Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 года для России / М. Г. Делягин, Ф. А. Лукьянов, С. А. Марков [и др.] // Свободная мысль. 2019. № 1(1673). С. 5-14.

⁸² Нисневич Ю., Рябов А. Современный авторитаризм и политическая идеология // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162-181.

последние электоральные циклы характера политического процесса. Доминирующая партия, оставаясь «партией власти» и сохраняя большинство в Государственной Думе не становится «правлящей», поскольку не определяет государственный курс и не формирует состав правительства, довольствуясь ролью инструмента высшей бюрократии и исполнительной власти. Как замечают некоторые современные политологи, партийную систему такого рода следуют считать «псевдопартийной»⁸³. Парламентская оппозиция, которая в большинстве случаев демонстрирует близость с партией большинства, не вводит в заблуждение российских граждан, которые не доверяют ни парламенту в целом, ни партиям в отдельности. Как следствие, уровень доверия к политическим институтам после определённой стабилизации в 2014-2016 гг., связанной с так называемым «посткрымским консенсусом», снижается. А Государственная Дума РФ и политические партии имеют самый низкий уровень доверия на фоне других политических институтов (см. рис. 1).

Рисунок 1. Динамика доверия к политическим институтам (1995-2021 гг.).

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

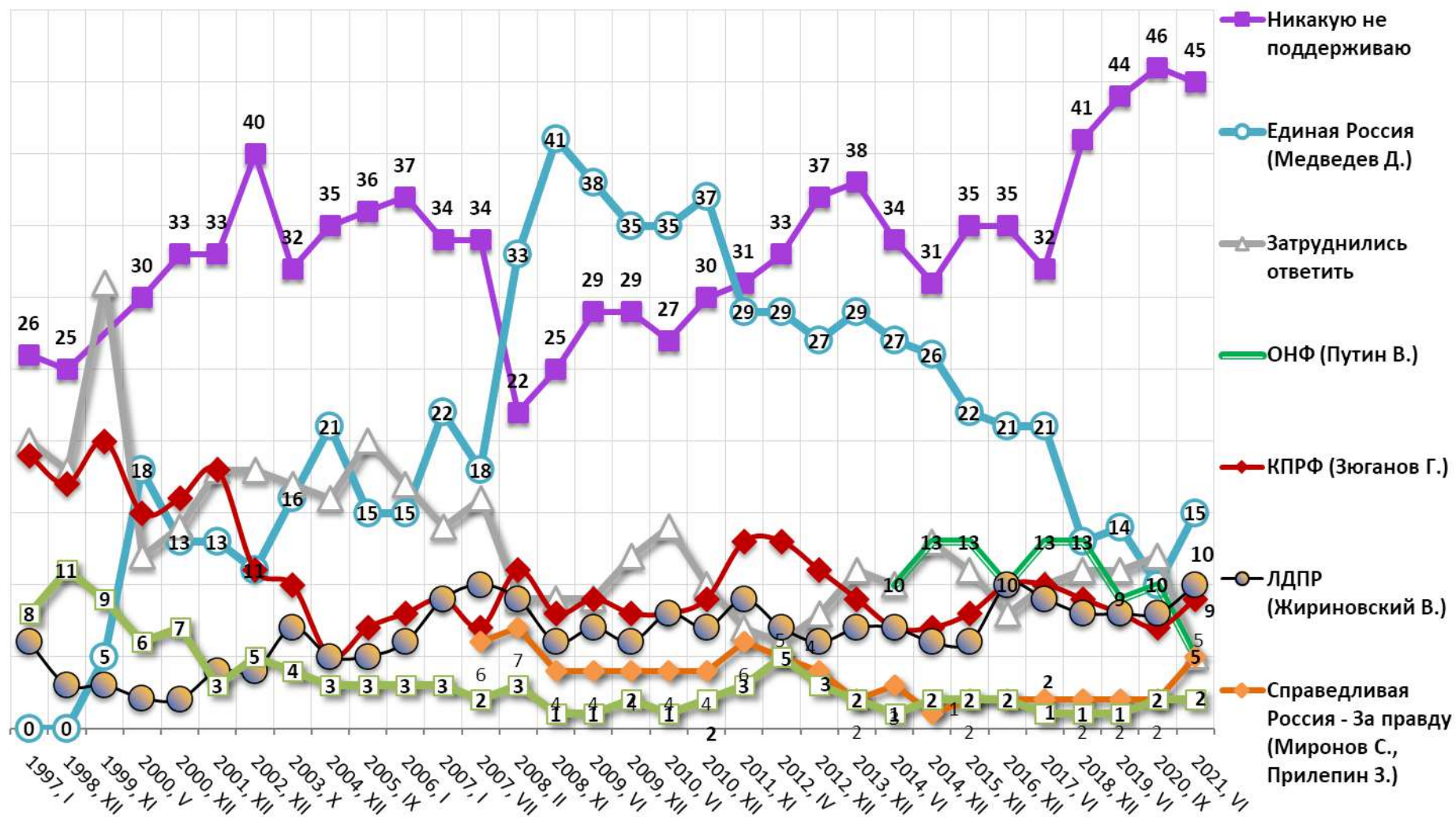
⁸³ Коргунок Ю. Г. Партийная система современной России: Основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202–224.

По сравнению с другими властными институтами, уровень поддержки парламента варьируется в последние годы от 13 до 20%⁸⁴. Накануне выборов в ГД 2021 г. рейтинг доверия к Государственной Думе достиг 23%.

И хотя в последние годы уровень доверия к законодательному органу и представленным в нем партиям несколько вырос, он не может быть признан высоким. В частности, уровень доверия к «Единой России» по результатам последней волны мониторинга, перешел в состояние стазиса и не превышает 15%, незначительный прирост имеет место и у других парламентских партий: ЛДПР (10%), КПРФ (9%) и Справедливой России (5%) (см. рис. 2).

---

⁸⁴ Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с.

Рисунок 2. Уровень поддержки респондентами политических партий, движений (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Граждане России не слишком высоко оценивают сложившуюся многопартийность, не видя в ней адекватного актуальной повестке дня партийно-политического института, что коррелирует с понижением веса других индикаторов: свобода выбора, наличие общественных организаций, защищающих ваши интересы (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами по 10-балльной шкале степени развития различных сторон гражданского общества

Отметьте на 10-балльной шкале степень развития различных сторон гражданского общества	Средний балл
Право собственности	6,30
Политическое и идеологическое разнообразие партий	5,42
Открытость и доступность информации о положении дел в стране	5,26
Демократия, свобода выбора	4,85
Самоуправление	4,81
Общественные организации, защищающие ваши интересы	4,79
Свобода слова	4,70
Правовое государство	4,28
Средний балл	5,05

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Анализ идеологических ориентаций респондентов, их партийных симпатий и электоральных намерений позволяет сделать вывод о некогерентности существующей партийной системы идеологическим запросам населения (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как бы Вы определили свои политические взгляды?»**
(РФ, % от числа опрошенных)

Этапы	Демократические	Патриотические	Либеральные	Социалистические	Коммунистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Затруднились ответить
2002, XII	16	17	4	9	7	3	1	1	17
2003, X	28	21	8	9	13	3	4	3	30
2004, VI	26	18	10	12	8	7	5	5	29
2004, XII	33	19	8	7	7	4	5	3	30
2005, IX	23	24	6	9	8	5	4	4	32
2006, I	26	21	7	10	7	5	6	5	31
2006, VI	23	26	9	8	7	6	5	2	33
2007, I	26	22	10	7	10	6	5	4	29
2007, VII	26	25	10	8	7	6	4	4	29
2008, II	28	21	9	11	8	5	6	3	27
2008, XI	36	22	9	7	8	5	5	3	24
2009, VI	24	22	11	13	9	5	7	3	26
2009, XII	29	22	10	6	8	7	7	2	27
2010, VI	32	21	10	7	9	6	6	2	25
2010, XII	33	21	9	8	7	6	7	2	24
2011, VI	27	20	9	14	8	5	10	2	24
2011, XI	30	19	9	7	12	4	6	2	27
2012, IV	30	17	9	11	9	5	8	2	26
2012, XII	28	19	9	9	8	6	5	3	28

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как бы Вы определили свои политические взгляды?»**

Продолжение таблицы

Этапы	Демократические	Патриотические	Либеральные	Социалистические	Коммунистические	Консервативные	Социал-демократические	Националистические	Загруднились ответить
2013, VI	31	17	9	5	11	5	6	2	28
2013, XII	35	20	10	7	8	7	7	4	21
2014, VI	32	21	9	10	8	6	7	2	23
2014, XII	31	24	9	6	7	7	5	3	24
2015, VI	28	32	8	6	6	4	6	3	26
2015, XII	29	34	11	6	7	6	5	2	22
2016, VI	23	30	9	10	6	5	7	3	27
2016, XII	30	24	11	11	8	6	5	2	23
2017, VI	29	28	9	9	10	4	7	3	20
2018, V	26	28	9	9	7	5	7	3	24
2018, XII	28	28	7	10	10	6	7	3	20
2019, VI	26	28	7	8	8	4	5	4	26
2020, IX	30	28	8	5	5	5	3	2	29
2021, VI	20	19	9	10	8	10	8	3	31

Примечание: сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В 2021 году стало заметно, с одной стороны, сокращение числа сторонников демократической идеологии и патриотической – до 20% и 19% соответственно, а с другой, рост сторонников левых концептов – коммунистической (8%), социалистической (10%) и социал-демократической (8%), что в совокупности дает почти пятую часть граждан. Неоднократно упоминаемая эклектичность сознания постсоветского человека ведет к парадоксальному поведению в политической сфере. Анализ электоральных предпочтений не всегда коррелирует с идеологической самоидентификацией респондента (см. табл. 5).

Таблица 5

**Уровень поддержки политических партий
сторонниками различных идеологий**

Политические партии	Сторонники идеологий						
	Демокра- тической	Коммунисти- ческой и социа- листической	Социал- демокра- тической	Патрио- тической	Либе- ральной	Консер- вативной	Национали- стической
Единая Россия (Медведев Д.А.)	24,2	6,2	21,1	24,1	8,0	9,8	18,6
КПРФ (Зюганов Г.А.)	0,0	30,8	5,3	5,9	2,9	11,1	14,0
ЛДПР (Жириновский В.В.)	8,4	9,2	15,8	12,2	15,9	12,4	18,6
Общероссийский народный фронт (Путин В.В.)	5,3	2,9	2,6	6,6	2,2	2,6	9,3
Справедливая Россия - За правду (Миронов С.М., Прилепин З.)	0,0	6,6	2,6	8,9	7,2	3,9	0,0
Яблоко (Явлинский Г.А., Рыбаков Н.И.)	10,5	1,1	5,3	0,0	8,0	2,6	0,0
Партия роста (Титов Б.Ю.)	0,0	0,7	0,0	1,0	0,0	0,0	2,3
Новые люди (Нечаев А.Г.)	0,0	0,7	7,9	0,7	2,9	3,9	2,3
Родина (Журавлёв А.А.)	0,0	0,4	0,0	0,7	0,0	1,3	,0
Российская партия пенсионеров за справедливость (Бураков В.)	2,1	2,6	0,0	1,0	0,7	4,6	0,0
Другую партию, движение	2,1	1,8	5,3	1,7	0,7	1,3	2,3
Никакую партию, движение не поддерживаю	38,9	34,8	34,2	33,7	47,8	43,8	32,6
Затрудняюсь ответить	8,4	2,2	0,0	3,6	3,6	2,6	0,0

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Очевидно, что сторонники левой идеологии преимущественно продолжают голосовать за КПРФ и Справедливую Россию, оставаясь ядерным электоратом для этих партий и оставаясь наиболее последовательными в своих убеждениях. Симпатии условных «социал-демократов» распределяются, главным образом, между Единой Россией и ЛДПР. Называющие себя «демократами» голосуют главным образом за «Единую Россию» (24%), отдавая также часть своих голосов за «Яблоко» (10%) и ЛДПР (8%).

Успешная эксплуатация властью и партией «Единая Россия» ностальгических настроений, связанных с конструированием патриотизма, основанного на памяти о прошлых победах страны, способствовала росту голосов, полученных от «патриотов» и «националистов», среди которых «Единой России» симпатизируют 24% и 19% соответственно. Сторонники националистических взглядов также продемонстрировали готовность голосовать за ЛДПР (19%) и КПРФ (14%), используя в своих PR-стратегиях патриотическую риторику. Эта картина – яркое свидетельство слабой идеологической идентичности и проявление специфически интерпретируемой идеологической направленности политических партий, что позволяет сделать вывод о невысоком уровне политической культуры электората и низкой степени вовлеченности граждан в политический процесс.

Упомянутая нами ограниченность серьезного политического предложения и усталость от сложившегося политического ландшафта ведет к смещению электоральных предпочтений, когда голоса избирателей уходят от системных политических партий к новым политическим проектам. Показательно, что в рамках последнего электорального цикла новые партии стали отнимать голоса в первую очередь у парламентской оппозиции. Так, на выборах городской Думы Липецка «Коммунисты России» получили 9,62% голосов, КПРФ – 13,02%, «Российская партия пенсионеров за справедливость» (РППС) – 10,07%, а Справедливая Россия только 6,78%. В Орловском горсовете Российская партия пенсионеров России (РППС) набрала 4,66%, а Справедливая Россия – 4,9%. Во Владимирском горсовете РППС набрала 5,53%, а СР – 8,73%.

Однако, участие пары десятков политических партий в избирательных кампаниях регионального и местного уровня пока не дает оснований рассчитывать на эволюцию режима в сторону конкурентности, результаты пока очень скромны. В 2020 году в политическом пространстве появились 4 новые партии, которые активно проявили себя на выборах в региональные парламенты: «Новые люди», «За правду»⁸⁵, «Зелёная альтернатива» (ЗА) и «Партия прямой демократии» (ППД). Их быструю регистрацию и активное позиционирование некоторые политтехнологи связывали с желанием власти повысить интерес населения к предстоящим выборам в

⁸⁵ 28 января 2021 года состоялось подписание соглашения о межпартийном объединении партии «За правду», «Справедливой России» и «Патриотов России» и создании новой партии «Справедливая Россия ЗА ПРАВДУ».

Государственную Думу VIII созыва, обеспечить явку, а также разнообразить политический ландшафт партиями с новой направленностью⁸⁶. По результатам региональных выборов сентября 2020 года партия «Новые люди» получила 1 место, «Зеленая альтернатива» – 1 место, «За правду» – 7 мест в региональных легислатурах.

В целом, лидерами среди немажоритарных партий, получивших муниципальные квоты, стали «Партия пенсионеров» (в 45 субъектах РФ), «Родина» (в 35 субъектах), «Коммунисты России» (в 33), «Партия роста» (в 28) и «Яблоко» (в 27). Все 14 партий, которые были включены в избирательный бюллетень 2021 года, были допущены к выборам без сбора подписей, т.к. имели фракции в ГД или были представлены в региональных парламентах. Из них 11 принимали участие в думских выборах 2016 года, а 3 являются новыми партийными проектами. Несмотря на многократно предпринимаемые попытки оживить политическое пространство за счет новых политических проектов, половина граждан страны не увидели «своей партии» в сложившемся к парламентским выборам 2021 года партийно-политическом пространстве: 45% респондентов заявили, что они не поддерживают ни одну из существующих в современной России партий.

Сказывается неудовлетворённость сложившимся партийным ландшафтом, который позволяет вот уже несколько циклов не менять набор фракций в Государственной Думе, где устойчивое большинство пропрезидентской партии обеспечивает полную поддержку предложениям исполнительной власти, а другие фракции призваны скорее демонстрировать публичную легитимность законодательного процесса, что часто наблюдается при режимах, которые политологи квалифицируют как «электоральный авторитаризм»⁸⁷.

Как результат, во-первых, мы видим снижение интереса к выборам у самих политических акторов. Число кандидатов в сравнении с выборами-2016 сократилось почти на четверть, а число самовыдвиженцев – уже на 75%. Большинство партий существенно сократили число выдвинутых одномандатников – от 6 (у «Гражданской платформы») до 59 (у «Партии роста»). Хотя «Единая Россия» увеличила число одномандатников на 13, она не выставила своих кандидатов на шести округах (Москва, Адыгея, Тамбов), где, как правило, есть «административные» самовыдвиженцы.

Продолжается тренд на «олигархизацию» системных политических партий и капсулирование парламентской оппозиции. Так, у КПРФ в центральных частях списков 2011, 2016 и 2021 годов совпадают 7 фамилий (кроме Геннадия Зюганова и космонавта Светланы Савицкой еще 5 членов ЦК компартии). У ЛДПР третью

⁸⁶ Артемьев М. Политическая установка: зачем Кремлю новые партии // NEWS.Ru. 02 марта 2020. URL: <https://news.ru/politics/partijnaya-ustanovka-zachem-kremlyu-novye-partii/> (дата обращения 15.08.2021).

⁸⁷ Гельман В. Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 4(67). С. 66.

кампанию подряд совпадают 4 кандидата. В федеральной части списка «Справедливой России» четвертые выборы подряд присутствует председатель Сергей Миронов⁸⁸.

Во-вторых, помимо устойчивой конфигурации фракций, обновление состава ГД также малозаметно российскому избирателю. Так, в шестом и пятом созывах Госдумы было 143 и 157 новых депутатов соответственно, что составило лишь 31,8% от общего числа депутатов. В 7 созыве 47,7% всех избранных депутатов впервые переступили порог здания на Охотном Ряду.

В 8 созыве депутатский корпус обновился почти на половину. В среднем, сохраняется тенденция, когда от 50 до 70% депутатов избираются повторно. Помимо четырёх системных политических партий, формировавших фракции в последние избирательные циклы, в 2021 году в парламент прошла политическая партия «Новые люди» и по одному мандату получили три малые политические партии, преодолевшие 3% барьер. Депутатами стали Оксана Дмитриева из Партии Роста, Алексей Журавлев из «Родины» и Рифат Шайхутдинов от «Гражданской платформы». Все трое уже были депутатами Государственной Думы РФ.

В-третьих, сложившиеся элитарные практики партийной деятельности и взаимоотношения правящей партии и существующей парламентской оппозиции, которой фактически отведена декоративная роль в системе властных отношений, также не способствуют эффективной законотворческой работе и сказываются на уровне публичной легитимности нижней палаты российского парламента. Добавим, что публичный дискурс относительно пандемии в 2021 году приобретал все более политизированный характер, особенно в контексте формирования электоральных предпочтений граждан при голосовании за партии на выборах в Госдуму восьмого созыва.

Таким образом, мы видим, что не более 40% опрошенных доверяют системным политическим партиям, имеющим фракции, как в Государственной Думе, так и в региональных парламентах и местных законодательных органах. Незначительное обновление партийного представительства в высшем законодательном органе страны вряд ли сможет существенно изменить уровень доверия к нему, но даст возможности некоторым немажоритарным политическим партиям активнее представлять себя в публичном пространстве и работать на региональном уровне, расширяя в перспективе свою электоральную базу.

Партийная система сохраняет свою устойчивость как за счет высокого проходного барьера в Государственную Думу, так и за счет жестких фильтров для регистрации политических партий и их допуска к участию в выборах. Ограниченность политического спектра, снижающего уровень легитимности партийно-политической системы ведет к тому, что активная часть гражданского общества начинает искать иные механизмы представительства и защиты своих интересов, прежде всего,

---

⁸⁸ Колесников А., Макаренко Б. Дума-2021: четыре интриги выборов // Московский центр Карнеги. 31.05.2021. URL: <https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618> (дата обращения 15.08.2021).

посредством разнообразных общественных движений, гражданских инициатив и несистемных партий.

Партийная система, выстроившаяся вокруг доминирующей партии президента и исполнительной власти, сегодня уже не является эффективным государственно-публичным механизмом выражения интересов граждан в стремительно меняющихся условиях цифровой информационной реальности. Низкий уровень доверия граждан к существующей представительной партийно-политической системе ставит вопрос о необходимости её модернизации с целью повышения публичной легитимности российского государства. Практика создания и успешного функционирования массовых социально-политических движений, народных фронтов и общественных палат, консолидирующих связь общества и государства в центре и на местах, допускающая широкие социальные слои к цифровым и сетевым технологиям и возможностям прямого демократического управления может использоваться как перспективное направление поиска устойчивого социально-политического развития российского гражданского общества и правового государства.

1.6. ГРАЖДАНЕ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ⁸⁹

Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» подписан 7 мая 2018 г. Коронавирусная пандемия и ее экономические последствия обусловили необходимость корректировки как самих национальных целей и национальных проектов, так и механизмов их реализации. Ряд заданных ранее целей и задач потеряли свою актуальность либо не могли быть достигнуты в новых условиях. В соответствии с новой ситуацией Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» были скорректированы национальные цели развития Российской Федерации, увеличен горизонт планирования до 2030 года, а также скорректированы в соответствии с ресурсами и реальностью или установлены новые целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей развития (см. табл. 1).

В настоящее время в России реализуется 12 национальных проектов и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. По предварительным данным, исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов и Комплексного плана по состоянию на 1 августа 2021 года составило 1200,9 млрд рублей или 50,4% от плановых бюджетных назначений (см. табл. 2).

---

⁸⁹ По материалам публикации: Новоженина О. П. Российские граждане о реализации национальных проектов // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4.

Таблица 1

**Национальные цели развития Российской Федерации
в соответствии с Указами Президента РФ**

Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204	Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474
1. Обеспечение устойчивого естественного роста численности населения России	1. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей
2. Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет	
3. Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также рост уровня пенсионного обеспечения	2. Возможности для самореализации и развития талантов
4. Снижение в 2 раза уровня бедности	3. Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство
5. Улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно	4. Комфортная и безопасная среда для жизни
6. Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере	5. Цифровая трансформация
7. Ускорение технологического развития, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50 % от их общего числа	
8. Создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора	
9. Вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира	

Источники: Официальный сайт Президента России⁹⁰.

⁹⁰ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 24.12.2020).

Таблица 2

**Оперативная информация об исполнении федерального бюджета
в части бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию
национальных проектов по состоянию на 01.08.2021**

Наименование национального проекта	Сводная бюджетная роспись федерального бюджета, млн руб.	Кассовое исполнение, млн руб.	% исполнения
ВСЕГО:	2381897,9	1200913,3	50,4%
Национальный проект «Здравоохранение»	254892,9	183675,7	72,1%
Национальный проект «Демография»	760334,7	502194,7	66,0%
Национальный проект «Производительность труда»	4978,9	2884,2	57,9%
Национальный проект «Наука и университеты»	99978,1	51532,8	51,5%
Национальный проект «Жилье и городская среда»	132736,2	63588,7	47,9%
Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	65673,6	30797,7	46,9%
Национальный проект «Безопасные качественные дороги»	326019,9	151130,3	46,4%
Национальный проект «Культура»	22887,5	9900,8	43,3%
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (транспортная часть)	227344,1	86600,6	38,1%
Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»	89769,2	30692,6	34,2%
Национальный проект «Экология»	81624,4	21340,7	26,1%
Национальный проект «Образование»	158343,7	40381,3	25,5%
Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»	157314,6	26193,0	16,7%

Источник: Министерство финансов РФ⁹¹.

⁹¹ Исполнение расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов // Пресс-центр Министерства Финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/press_center/2021/08/isp.xlsx (дата обращения 14.10.2021).

На низком уровне (менее 40%) за семь месяцев 2021 года исполнены расходы по 5 нацпроектам: «Цифровая экономика» (16,7%), «Образование» (25,5%), «Экология» (26,1%), «Международная кооперация и экспорт» (34,2%), Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (38,1%). Немногим выше половины объема средств использованы в проектах «Наука и университеты» (51,5%), «Производительность труда и поддержка занятости» (57,9%). О возможности исполнения расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов в пределах 100% можно говорить только по проектам «Демография» (66,0% на 01.08.2021) и «Здравоохранение» (72,1% на 01.08.2021). Такие результаты в значительной мере обусловлены ситуацией с распространением коронавируса, в результате которой в зоне риска оказалась реализация многих запланированных действий и мероприятий.

Необходимым условием выполнения национальных проектов является осознание гражданами их значимости и сознательное участие в их реализации, а для достижения такого результата общество должно быть в первую очередь в полной мере и адресно информировано о стратегических целях и задачах развития страны. По данным исследований Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН, проведенных в мае-июне 2019 г.⁹², не информированы о национальных проектах были 51% опрошенных, только слышали о них – 31%. Более-менее значимая величина (не менее 5%) информированных респондентов имелась только по трем проектам: «Здравоохранение», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Образование» – те направления, которые больше всего обсуждались в СМИ.

В июле 2021 г., по данным Аналитического центра НАФИ⁹³, доля россиян, которые информированы о национальных проектах, выросла по сравнению с 2019 годом на 10 п.п. (с 44% до 54%), хотя этот рост произошел за счет респондентов, осведомленных о нацпроектах в общих чертах (с 37% до 49%)⁹⁴. Период 2019-2021 годов был непростым для российских граждан и российского общества в целом. Вопросы, связанные с постановкой национальных целей и реализацией национальных проектов отошли в информационном поле на второй план по сравнению с жизненно важными тревогами – пандемией, снижением уровня и качества жизни, внутри- и внешнеполитическими событиями. Произошедший рост уровня осведомленности россиян о реализуемых национальных проектах связан именно с самыми наболевшими проблемами: чаще всего россияне отвечали, что слышали о национальных проектах

⁹² Новоженина О. П. Национальные цели и задачи развития Российской Федерации в мнениях граждан // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 48.

⁹³ Большинство россиян верят в полную или частичную реализацию нацпроектов // Аналитический центр НАФИ: [сайт]. 09 сентября 2021. URL: <https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-veryat-v-polnuyu-ili-chastichnuyu-realizatsiyu-natsproektov/> (дата обращения 12.09.2021).

⁹⁴ Там же.

«Здравоохранение» (34%), «Образование» (28%), «Экология» (23%), «Демография» (22%) и «Жилье и городская среда» (19%)⁹⁵.

По данным мониторинга «Как живешь, Россия?», мнения граждан о важности национальных проектов для них лично распределились в июне 2021 г. следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?»**

(РФ, июль 2021. N=1609. % от числа опрошенных.

Ответы ранжированы по столбцу «Для российского общества в целом»)

Национальные проекты	Для Вас лично	Для российского общества в целом
Здравоохранение	76	78
Образование	62	70
Экология	55	64
Жильё и городская среда	55	54
Культура	41	47
Наука	33	44
Производительность труда и поддержка занятости	31	44
Безопасные и качественные автомобильные дороги	46	43
Демография	21	34
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	28	33
Цифровая экономика Российской Федерации	11	21
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	9	18
Международная кооперация и экспорт	6	13

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как видно из представленных данных, значимость всех национальных проектов для российского общества в целом получила гораздо больше «голосов», чем их значимость лично для респондентов (расхождение по проектам «Жильё и городская среда» и «Безопасные и качественные автомобильные дороги» находится в пределах ошибки выборки).

Проект «Здравоохранение» выделяется всеми как самостоятельная, наиболее важная программа и поэтому к ней проявляется отдельный, повышенный интерес,

⁹⁵ Приведены проценты от числа тех респондентов, кто знает о национальных проектах.

независимо от других проектов. Остальные проекты можно объединить в две группы: проекты социальной направленности («Экология», «Жильё и городская среда», «Образование», «Культура», «Демография» – выделены в таблице заливкой) и проекты экономической направленности.

Для себя лично в качестве наиболее важных граждане выделили пять проектов: «Здравоохранение» (76%), «Образование» (62%) «Экология» (55%), «Жильё и городская среда» (55%), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (46%). Именно эти проекты – четыре из них являются проектами социальной направленности, – составляют базисную сферу жизнедеятельности респондентов и их семей, суть их ежедневных забот и тревог. В меньшей мере в блоке социальных проектов граждане увидели для себя лично значение проекта «Демография» (21%). Такая иерархия оценок значимости нацпроектов социальной направленности лично для респондентов подтверждается данными о структуре тревожности («экологическая обстановка» в июне 2021 г. вызывала тревогу 22%, «падение нравов, культуры» – у 21% опрошенных), и о выполнении российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина (с тем, что государство обеспечивает право на жильё, согласны 40% респондентов, право на благоприятную окружающую среду – 39%).

Среди национальных проектов экономической направленности, оцененных гражданами как важные для них лично, ни один не набрал 50 и более процентов голосов. Проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» сочли важным для себя лично 46% респондентов, проекты «Наука», «Производительность труда и поддержка занятости», «Малое и среднее предпринимательство» – не более трети респондентов, проект «Цифровая экономика» и Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры – каждый десятый. Всего по индикатору «для себя лично» только четыре проекта из тринадцати назвали важными 50% и более респондентов.

Для российского общества в целом также только четыре национальных проекта из тринадцати считали важными более половины респондентов. В число лидеров, помимо «Здравоохранения» (78%), вошли «Образование» (70%), «Экология» (64%), «Жильё и городская среда» (54%). Отметим, что по индикатору «для российского общества в целом», как и «для себя лично», все проекты, получившие более 50% голосов респондентов, имеют социальную направленность. Гражданское общество ожидает от социального государства ответа в первую очередь на свои социальные запросы. Вместе с тем, граждане воспринимают более значимыми для российского общества в целом, чем для себя проекты «Культура» (разница 6 п.п.), «Наука» (11 п.п.), «Производительность труда и поддержка занятости» (13 п.п.), и «Демография» (13 п.п.).

Проекты «Цифровая экономика Российской Федерации», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» и «Международная

кооперация и экспорт» не пользуются высокой популярностью, однако доля респондентов, считающих их наиболее важными для российского общества в целом, вдвое превышает долю тех, кто считает их важными для себя лично (разница 10 п.п., 9 п.п. и 7 п.п. соответственно).

Следует особо отметить, что такое дистанцирование личных интересов граждан от интересов общества в целом нашло своё отражение и в суждениях респондентов о жизни в стране: 73% опрошенных в июне 2021 г. считали, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», и только 15% – что «власть заботится о жизни простых людей». Если рассматривать «Обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан» как одну из основных задач национальных проектов, то лишь 17% граждан, согласно данным мониторинга в сентябре 2020 года, считали, что государство справляется с решением этой задачи⁹⁶.

Вопрос о том, какие национальные проекты являются наиболее важными для них лично и для российского общества в целом, был задан респондентам в сентябре 2020 года в рамках 50 этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?». На рис. 1 представлены сравнительные результаты ответов 2020 и 2021 годов на вопрос по критерию «для себя лично», на рис. 2 – «для российского общества в целом».

---

⁹⁶ Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] ; Отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. Москва : Перспектива, 2020. 64 с.

Рисунок 1. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для Вас лично»)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

За год структура оценок важности национальных проектов лично для респондентов претерпела значительные изменения. Продолжающийся COVID-кризис изменил приоритеты общественного сознания, что нашло свое отражение в иерархии оценок значимости национальных проектов в 2020 году⁹⁷. С другой стороны, он стал отчасти привычной данностью, и граждане в 2021 году выстраивают свои приоритеты в рамках новой реальности. Выросла оценка значимости лично для граждан проектов «Культура» (на 20 п.п.), «Образование» (на 17 п.п.), «Наука» (на 15 п.п.), «Малое и среднее предпринимательство...» (на 10 п.п.), «Жильё и городская среда» (на 8 п.п.),

⁹⁷ Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с.

«Демография» (на 7 п.п.), «Экология» (на 6 п.п.). В то же время на 12 п.п. снизилась значимость национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – острота потребности в качественных автомобильных дорогах в условиях самоизоляции отошла на второй план. Уменьшилось восприятие значимости развития цифровой экономики на 9 процентных пунктов. Даже важность национального проекта «Здравоохранение», оставаясь на недостижимой высоте (76% опрошенных), при этом сократилась в оценках респондентов на 4 процентных пункта. Неизменной осталась оценка проекта «Производительность труда и поддержка занятости». И в 2020, и в 2021 годах третья часть опрошенных считали этот проект важным для себя лично – проблема трудоустройства и занятости в период COVID-кризиса не теряет своей значимости для граждан.

Рисунок 2. Динамика ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?». (РФ, % от числа опрошенных. Ответы по критерию «Для всего российского общества»)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

За период с сентября 2020 г. по июнь 2021 г. значительно уменьшилась оценка респондентами важности для всего российского общества всех тринадцати нацпроектов.

В наименьшей степени (снижение оценки важности для всего общества на 7-12 п.п.) «пострадали» «Здравоохранение» (9 п.п.) и четыре из пяти проектов социальной направленности – «Культура» (7 п.п.), «Жильё и городская среда» (8 п.п.), «Образование» (8 п.п.), «Экология» (10 п.п.). На 12 п.п. снизилось в глазах респондентов значение проекта «Производительность труда и поддержка занятости» для всего российского общества. Перечисленные проекты, однако, сохранили высокий уровень значимости. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры в 2020 году считали важным для общества более четверти респондентов, в 2021 году – менее пятой части (снижение на 9 п.п.).

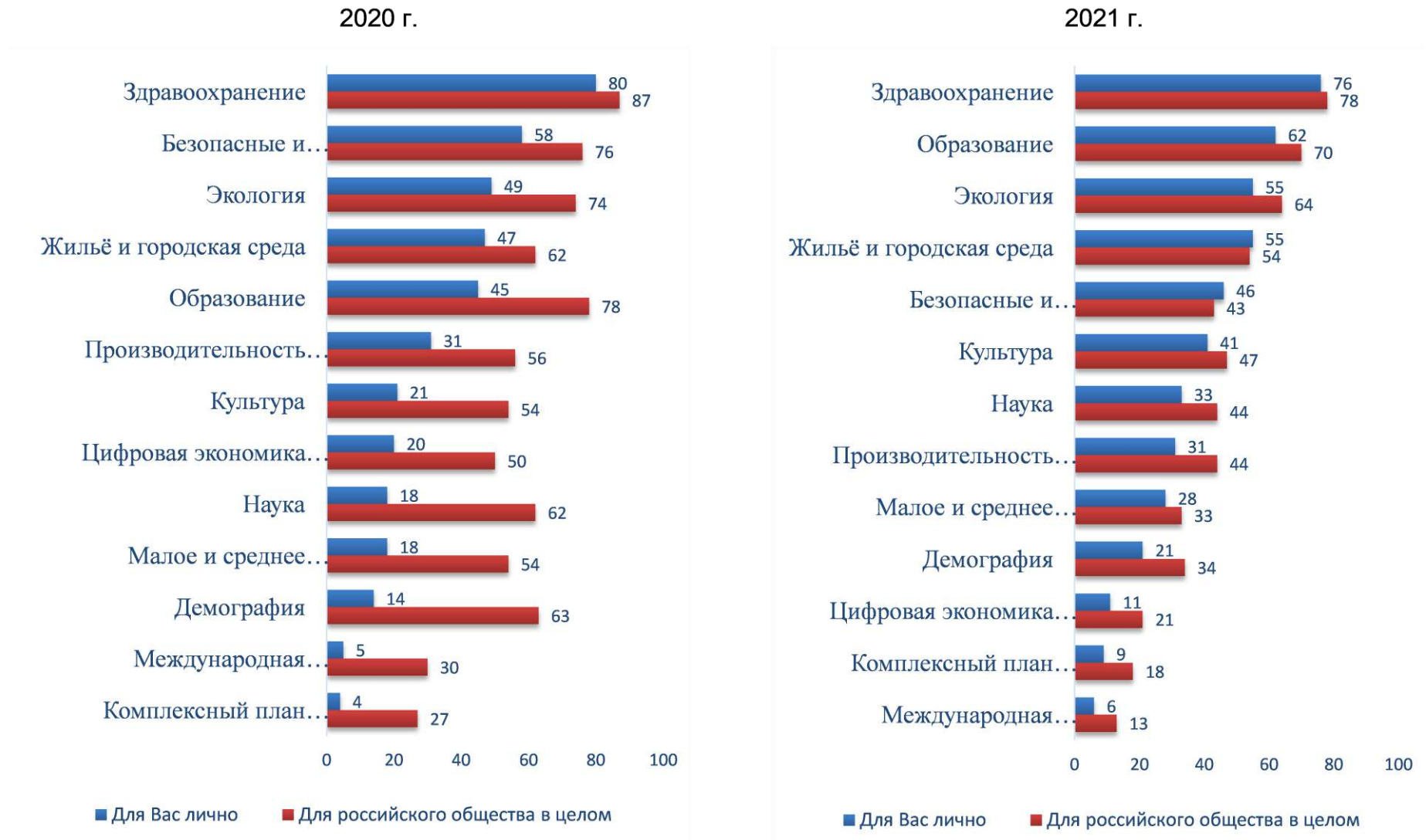
В средней степени (на 17-21 п.п.) снижение оценки важности для всего общества коснулось проектов экономической направленности «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (21 п.п.) и «Наука» (18 п.п.), которые в 2020 году получили поддержку более половины респондентов, а в 2021 году – 33% и 44% соответственно. Проект «Международная кооперация и экспорт» (снижение на 17 п.п.) оказался в 2021 году, по мнению граждан, на последнем месте по уровню значимости для всего общества в целом (13%).

В высокой степени (на 29-33 п.п.) снизились оценки трех национальных проектов: «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (на 33 п.п.), «Демография» (29 п.п.) и «Цифровая экономика Российской Федерации» (29 п.п.). Внимание граждан к их общественной значимости существенно снизилось. Соответственно, в рейтинге оценок значимости «Безопасные и качественные автомобильные дороги» переместились с третьего на восьмое место, «Демография» – с пятого на девятое. «Цифровая экономика РФ» сохранила одиннадцатое место в рейтинге важности для всего общества, однако «цена» этого места упала с 50% в 2020 до 21% в 2021 году.

Для наглядности на рис. 3 представлены результаты опросов отдельно по годам, за 2020 и 2021 годы. Сравнение графиков наглядно демонстрирует описанные изменения в структуре и иерархии оценок важности национальных проектов по критериям «Для себя лично» и «Для всего российского общества» в 2020–2021 гг. Особое внимание обращает на себя резкое снижение в 2021 году уровня оценок «Для всего российского общества».

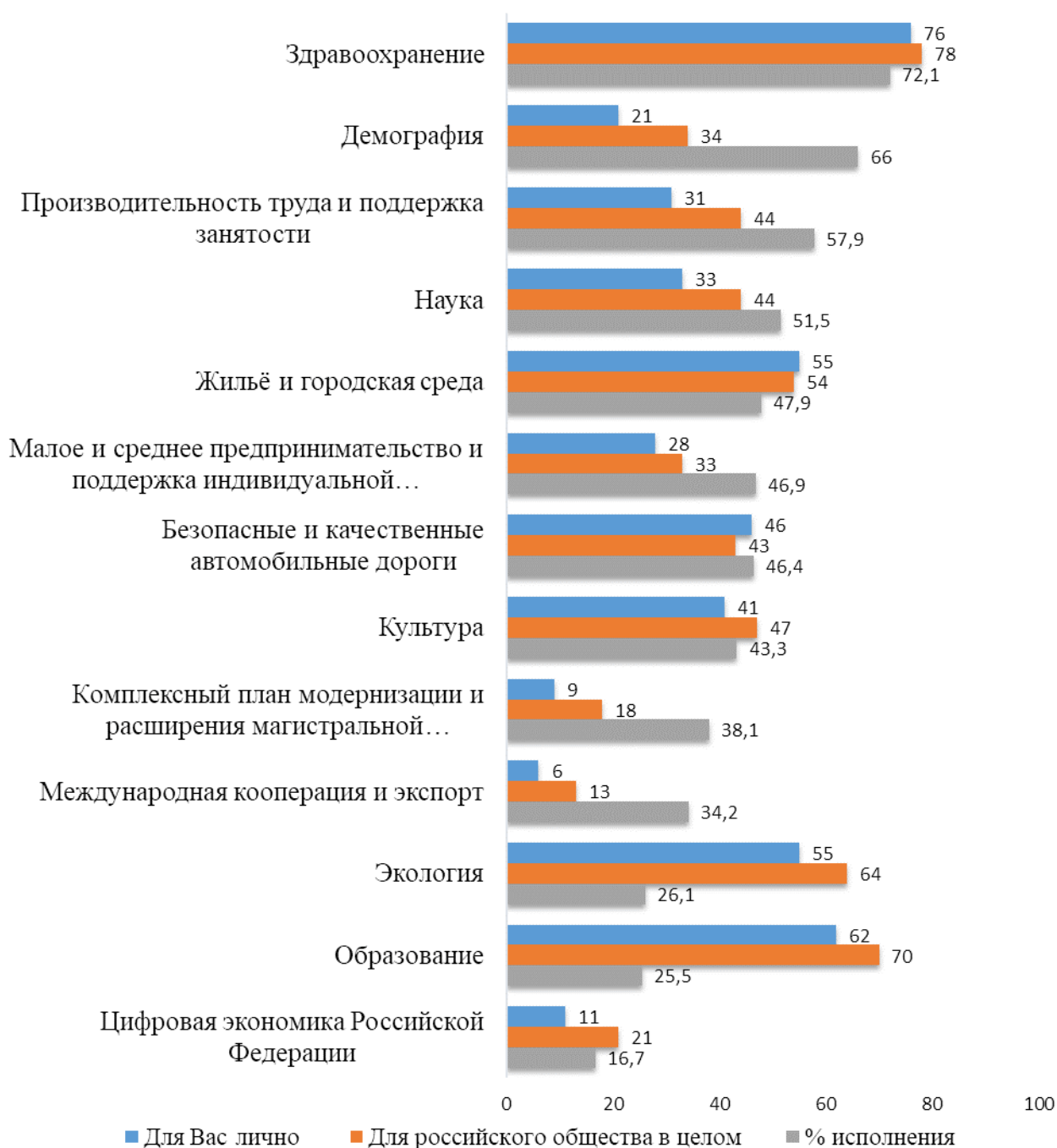
Определенный интерес может представлять также сравнение оценок респондентов важности национальных проектов в 2020 году с процентом освоения средств на их реализацию к августу 2021 года (см. рис. 4).

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие национальные проекты, на Ваш взгляд, являются наиболее важными?» в сравнении со степенью исполнения федерального бюджета по национальным проектам на 1 августа 2021 года (РФ, % от числа опрошенных; % исполнения расходов федерального бюджета РФ на реализацию национальных проектов в январе-июле 2021 года, ранжировано по % исполнения бюджетов)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как видим (и расчеты это подтверждают), строгой связи уровня признания респондентами важности национальных проектов как для общества, так и лично для граждан, с уровнем освоенных на эти проекты средств не наблюдается. Если высокая оценка важности проекта «Здравоохранение» как для граждан, так и для общества в целом сопровождается высоким процентом освоенных по этому проекту средств (что не удивительно в условиях коронавирусной пандемии), то финансирование востребованных проектов «Экология» и «Образование» освоено лишь на четверть.

Подводя итоги отметим, что сохранившиеся в 2021 году кризисные явления в экономической и социальной сферах, фактическое торможение экономического развития изменили уровень, структуру и иерархию оценок гражданами важности национальных проектов. Вопросы, связанные с постановкой национальных целей и реализацией национальных проектов отошли в информационном поле на второй план по сравнению с актуализировавшимися в это время жизненно важными тревогами – пандемией, снижением уровня и качества жизни, внутри- и внешнеполитическими событиями. Для активизации и степени включенности граждан в процесс реализации национальных проектов необходимым условием является признание важности этих проектов и для общества, и для граждан. А для этого, в свою очередь, нужны социальная адресность и содержательность информирования о них, а также обязательная обратная связь между гражданским обществом и социальным государством.

Согласно результатам исследования, в июле 2021 г. наиболее востребованными у большинства граждан были два национальных проекта: «Здравоохранение» и «Образование». Именно эти национальные проекты граждане отметили, как наиболее важные как лично для себя, так и для российского общества в целом. Более половины россиян по степени важности лично для себя выделили проекты «Экология», «Жилье и городская среда», немногим менее половины – «Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Культура». Около трети граждан считали важными для себя проекты «Наука» и «Производительность труда и поддержка занятости», около четверти – «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Приблизительно пятая часть респондентов лично для себя была заинтересована в реализации проекта «Демография». В меньшей степени лично для себя граждане считали важными национальные проекты: «Цифровая экономика Российской Федерации», «Международная кооперация и экспорт», а также Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

По мнению большинства россиян, структуру наиболее важных для страны и российского общества национальных проектов в 2021 году составили: «Здравоохранение», «Образование», «Экология», «Жилье и городская среда», «Культура», «Наука», «Производительность труда и поддержка занятости», «Безопасные и качественные автомобильные дороги» считали важными для российского общества 43–47% респондентов. Третья часть граждан поддержали

проекты «Демография», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Менее третьей части граждан считали важными такие проекты, как «Цифровая экономика Российской Федерации», Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры и «Международная кооперация и экспорт».

1.7. РОССИЙСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ОЦЕНКАХ ГРАЖДАН

Охрана здоровья человека и общества объективно и полноправно расценивается государством как основополагающие факторы, определяющий физическое и психическое здоровье, безопасность и благополучие граждан. Качественное функционирование системы оказания медицинской помощи существенным образом влияет на социально-политический климат, экономику и устойчивое развитие страны.

За последние десятилетия сфера здравоохранения в России претерпела множество преобразований, которые изменили привычные для граждан и врачей условия оказания медицинской помощи. Наиболее значимым в контексте структурных преобразований отрасли на данный момент является Национальный проект «Здравоохранение». Стоит отметить, что согласно данным, полученным в ходе социологического мониторинга «Как живешь, Россия?», проект остается самым важным на протяжении последних лет как для российского общества в целом (87% в 2020 и 78% в 2021) и для большинства россиян лично (80% в 2020 и 76% в 2021). Высокая значимость здравоохранения для общества обуславливает необходимость особого внимания и осторожности при реформировании этой отрасли.

Отметим, что в российском медицинском сообществе до недавнего времени превалировала модель профессиональной деятельности, сформированная в советское время и стабильно закреплённая в общественном сознании. Профессиональная деятельность врачей советского периода строилась на ряде постулатов, которые стали основополагающими в формировании профессионализма прошлых поколений выпускников медицинских вузов. Работники советской системы здравоохранения долгое время руководствовались принципами бесплатности и доступности медицинской помощи, использовался системный подход к лечению пациента (лечить больного, а не болезнь), преемственность между учреждениями здравоохранения и структурными подразделениями внутри одной организации, гарантирующая полноценное ведение пациента на каждом этапе оказания помощи. Кроме того, советские врачи разделяли принципы нормативного подхода к пациенту – все равны вне зависимости от статуса. Все вышеперечисленное сформировало устойчивые модели взаимодействия между врачами и пациентами.

Однако, за последние двадцать лет произошли серьезные осложнения во взаимоотношениях профессионального сообщества медиков и населения. В последние десятилетия российское здравоохранение подверглось серьезным преобразованиям, при этом многие эксперты отмечают, что реформы здравоохранения последних лет стали губительными для отрасли⁹⁸.

---

⁹⁸ Современная российская медицина: новые риски и вызовы / Н. И. Белова, С. Л. Диманс, В. Ф. Левичева [и др.]; Отв. ред. В. Н. Шевченко; Ин-т «Справедливый мир». Москва : Ключ-С, 2020. 140 с.

В свою очередь, переход на страховую медицину ознаменовал начало процесса трансформации самой сути отечественного здравоохранения и принципов взаимоотношений между врачом и пациентом. Одновременно были утверждены новые формальные нормы и правила, которые определили новый регламент взаимодействия для всех субъектов сферы здравоохранения.

Начиная с 2012 года сфера здравоохранения начала подвергаться активному реформированию, что не могло не сказаться на пациентах и профессиональной деятельности врачей. Все проводимые реформы можно классифицировать на две группы: реформы амбулаторного (первичного) звена здравоохранения и изменения в стационарном звене здравоохранения.

Необходимо отметить, что большая часть изменений в стационарном звене, явилась скорее следствием изменения объемов финансирования, нежели целенаправленной преобразовательской деятельности. В первую очередь, урезание финансовых потоков привело к сокращению количества больниц, которые были либо объединены в холдинги с последующим сокращением филиалов, либо ликвидированы полностью. Так, уже по итогам «первой волны реформ» в 2013–2014 гг. количество больничных коек в стационарах, осуществляющих медицинское обслуживание госпитализированных пациентов, сократилось более чем на 35 тыс. коек (в 2013 г. – 1301,9 тыс., в 2014 г. — 1266,8 тыс.) по стране, а к 2017 году их осталось еще меньше – 1182,7 тыс. Другими словами, за весь период реформ ликвидировано практически 120 тыс. коек⁹⁹. Это имело свои последствия для врачей и пациентов. Во-первых, это повлекло сокращение количества врачей, работающих в стационарах и массовую безработицу медицинского персонала. Например, в 2014 г. было сокращено 90 тыс. медицинских работников, из которых 12,8 тыс. – врачи и 77,2 – средний медперсонал. Обратим внимание, что именно в 2014 г. наблюдался наибольший приток медицинских кадров в учреждения и организации частной системы здравоохранения — 71 тыс. работников. Однако, закрытие стационаров и сокращение коек сказались не только на занятости медицинских работников и массовой безработице среди врачей, но и повлияли на доступность медицинской помощи населению. Так, половина (50%) россиян уверены, что сокращение и укрупнение больниц усложнило доступ к узким специалистам и больше трети (39%) считают, что стало сложнее получить место в стационаре¹⁰⁰. В большей степени это коснулось жителей малых городов и сельской местности: больше, чем для 11 тыс. сел в России ближайшее медицинское учреждение находится на расстоянии более чем в 20 км¹⁰¹. В городах, в свою очередь, из-за сокращения количества

⁹⁹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2018. 694 с.

¹⁰⁰ Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов // ВЦИОМ : [сайт]. 02 сентября 2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dostupnost-i-kachestvo-rossijskogo-zdravookhraneniya-ocenki-pacientov> (дата обращения 05.10.2021).

¹⁰¹ Катренко В. С. Счетная палата проверила оптимизацию в сфере здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания // Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. 13 апреля 2015. URL:

коек в больницах (при сохранении потока пациентов), возник дефицит больничных мест для пациентов. Чтобы преодолеть возникшую проблему, в рекомендациях по лечению заболеваний было сокращено количество дней, отведенных на пребывание пациента в больнице, соответственно пропорционально возросла длительность амбулаторного лечения. Все вышеперечисленное поспособствовало усилению рутинизации, бюрократизации медицинской деятельности. В сформировавшихся условиях врач вынужден вести в два раза больше пациентов в месяц, чем до «оптимизации». А так как чаще всего пациента выписывают до момента полного выздоровления, лечащий врач стационара зачастую не видит результатов своей профессиональной деятельности, а пациент, в свою очередь, подвергается значительным рискам, связанным с ухудшением состояния здоровья без грамотного присмотра со стороны специалистов.

Спектр назначений, в первую очередь, зависит от оснащенности больницы и от возможностей пациентов оплатить эти обследования. Поэтому деятельность врачей во многом зависит от объемов диагностических процедур, которые возможно провести. Ранее, все назначенные врачом обследования, процедуры и манипуляции централизованно оплачивались из средств бюджета. Соответственно, врач был свободен в назначениях и рекомендациях, которые он дает пациенту и мог быть уверен в их исполнении. В настоящий момент, российская модель финансирования здравоохранения остается смешанной, так как сохранилось два источника средств в учреждения здравоохранения: средства ОМС и бюджетные отчисления. Так, средства ОМС направляются на покрытие расходов по оказанию конкретного объема медицинской помощи, в то время как бюджетные средства распределяются на содержание учреждения независимо от объемов оказываемой помощи населению. Для представителей медицинской профессии это создает определенные рамки объема квалифицированной помощи, которую они могут оказывать «бесплатно» (по ОМС). В подобных условиях лечащий врач оказался скован в возможностях диагностики и назначении лечения, так как не всегда условия страхования предусматривают проведение дорогостоящих исследований (таких, как ЭхоКГ, исследования с контрастным веществом и пр.). Для пациентов же это приводит к необходимости дополнительных денежных расходов для получения платных услуг. Согласно данным всероссийского опроса, треть (32%) россиян полагают, что вероятность столкнуться с такой проблемой очень высока¹⁰². Более того, в случае, когда у пациента нет финансовых возможностей оплатить необходимый объем медицинской помощи, врач не может продолжать лечение, и соответственно, не может достичь цели профессиональной деятельности – излечения пациента.

<https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverila-optimizaciyu-v-sfere-zdravoohraneniya-kultury-obrazovaniya-i-socialnogo-o-21297> (дата обращения 24.09.2021).

¹⁰² Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль // ВЦИОМ : [сайт]. 11 декабря 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-mediczinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (дата обращения 05.10.2021).

Рассмотрим подробнее реформы первичного (амбулаторного) звена здравоохранения. В первую очередь, стоит отметить, что происходит изменение в соотношении численности врачей по разным специальностям в поликлинических организациях, внесены изменения в программу диспансеризации в соответствии с возрастом пациента, внедряются новые технологии обследования, лечения, обновляются стандарты ведения пациента. В связи с рекомендацией ВОЗ об усилении амбулаторной помощи во всем мире и с возникшей в России нехваткой квалифицированных кадров в первичном звене, начались меры по привлечению персонала в поликлиники. Однако, кадровый дефицит было решено преодолеть за счет обеспечения поликлиник врачами общей практики (далее ВОП), а не узкоспециализированными врачами, ставки которых, наоборот, были сокращены. Врачам же узкого профиля предложили переквалифицироваться и занять ставки ВОПов. Основная часть врачей вместо этого предпочла уволиться. Часть врачей впоследствии трудоустроились в коммерческие клиники по своей основной специальности, прочие трудоустроились не по специальности, но в сфере здравоохранения и лекарственного обеспечения, оставшаяся часть вообще ушла из медицины. Стоит отметить, что нехватка специалистов узкого профиля в учреждениях входит в тройку наиболее частых причин неудовлетворительных оценок системы здравоохранения – 56%¹⁰³.

В поликлиниках произошли и другие изменения. Например, объединение амбулаторных организаций в холдинги с выделением филиалов. В связи с этим, врачей разных специальностей распределили в разные филиалы. Это привело к тому, что на территории одной поликлиники находится ограниченный круг специалистов, что создает трудности для пациентов, вынужденных ездить к разным специалистам в разные здания, и для врачей при взаимодействии с коллегами внутри единого холдинга. Эти изменения находят отражение в общественном мнении россиян. Так, треть наших соотечественников уверены, что крайне высока вероятность столкновения в поликлиниках с такими проблемами, как невозможность получить все необходимые услуги в одном месте (33%), отсутствие нужного специалиста (32%)¹⁰⁴.

Для организации взаимодействия между филиалами и специалистами, а также с целью преодоления проблемы очередей в поликлиниках, были введены новые принципы маршрутизации пациентов. Согласно этим правилам, запись к врачу узкого профиля осуществляется только через врача общей практики, который после предварительного обследования, направляет пациента к следующему специалисту. Это увеличило нагрузку на ВОПов, которые теперь не только консультируют пациентов в рамках своей компетенции, но и направляют пациентов к другим врачам. Более того, это привело к

¹⁰³ Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006-2019): обзор социологических исследований / В. Н. Бузин, Ю. В. Михайлова, И. Ю. Чухриенко [и др.] // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23, № 3. С. 42-47.

¹⁰⁴ Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль // ВЦИОМ : [сайт]. 11 декабря 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-mediczinskikh-uslug-zapros-na-zhestkij-kontrol> (дата обращения 15.10. 2021).

возникновению проблем с записью к врачу и увеличило время, которое необходимо пациенту, чтобы обратиться к узкому специалисту за помощью. Стоит отметить, что указанные изменения сопровождались компьютеризацией сферы здравоохранения и внедрением таких нововведений, как запись к врачу через сайт госуслуг и электронная медицинская карта, которые были призваны нивелировать возникающие проблемы, вызванные усложнившейся системой перенаправления пациента от одного врача к другому и сделать медицинскую помощь более доступной. Нельзя отрицать, что данная инновация на сегодняшний день становится неотъемлемой частью повседневной жизни россиян. Например, согласно данным мониторинга «Как живешь, Россия?» по состоянию на 2021 год более трети (34%) респондентов используют интернет-порталы для записи в учреждения, получения документов, справок и т.п. Тем не менее, несмотря на рост спроса на подобные сервисы, можно утверждать, что они не помогают преодолеть ряд проблем, вызванных реформированием отрасли здравоохранения. Так, треть (33%) россиян считают, что существует очень высокая вероятность столкнуться с долгим ожиданием записи, нахождением в очереди в государственных амбулаторных учреждениях¹⁰⁵. Более того, почти треть (32%) населения России считает, что система электронной очереди замедлила доступ пациентов к узким специалистам¹⁰⁶.

С целью повышения эффективности работы врачей, были введены нормы времени приема специалиста. Для разных специальностей установленные сроки приема могут составлять от 15 до 30 минут. За указанный интервал врач должен успеть провести устный опрос пациента, содержащий множество основных и дополнительных вопросов, необходимых для предварительного определения возможного заболевания. Далее, необходимо провести полный осмотр, занести все данные пациента в электронную базу данных, сформулировать рекомендации, выписать направление и описать дальнейшую тактику обследования и лечения. Стоит отметить, что достаточно мало пациентов могут за такой незначительный отрезок времени четко сформулировать свои симптомы и вспомнить все лекарства, которые принимают, что, несомненно, имеет значение для качества дальнейшей медицинской помощи. Кроме того, подобный режим работы отличается повышенной эмоциональной, умственной и физической нагрузкой, к чему врачи оказались не готовы. В результате, возросла текучесть кадров в амбулаторном звене.

События 2020 года во многом способствовали выявлению несостоятельности некоторых решений в контексте реформ. Например, сокращение числа коек и больничных учреждений в условиях пандемии оказалось критически значимым фактором. Из-за неспособности современного российского здравоохранения справляться с возросшим потоком пациентов, нуждающихся в стационарном лечении,

---

¹⁰⁵ Там же

¹⁰⁶ Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов // ВЦИОМ : [сайт]. 02 сентября 2015. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dostupnost-i-kachestvo-rossijskogo-zdravookhraneniya-ocenki-pacientov> (дата обращения 05.10.2021).

было принято решение развернуть экстренные пункты медицинской помощи в торговых центрах и спортивных сооружениях, а также перепрофилировать ряд отделений и больниц, в т.ч. роддомов, в, так называемые «красные зоны», где лечатся только пациенты с COVID-19. В эти же отделения была перенаправлена часть врачей и среднего медицинского персонала, в том числе из числа специалистов, профилем которых не являются инфекционные заболевания. Помимо этого, пандемия выявила нехватку специалистов в области реаниматологии и инфекционных заболеваний. Так, к работе с коронавирусом были привлечены терапевты, хирурги, онкологи, травматологи и т.д. Вследствие принятых мер в отделениях больниц сократилось количество врачей, соответственно, возросла нагрузка на оставшихся специалистов, что не могло не отразиться на качестве и доступности оказываемой помощи. Так, в описанных условиях треть (33,2%) респондентов указали, что испытывают сильное беспокойство и тревогу из-за невозможности получения своевременного лечения и больше половины (52,3%) говорят о наличии некоторого беспокойства по этому вопросу¹⁰⁷. Треть (33,8%) россиян отметили, что они лично испытали трудности с получением медицинской помощи¹⁰⁸. По итогам 2020 года смертность в России увеличилась почти на 18%¹⁰⁹, причем не только из-за смертности от COVID-19. В 2020 году, по сравнению с 2018, увеличилось количество умерших от болезней системы кровообращения (с 856,1 тыс. чел. до 938,5 тыс. чел.), в т.ч. от цереброваскулярных болезней (с 263,6 тыс. чел. до 278,6 тыс. чел.), а так же от ишемической болезни сердца (с 453,3 тыс. чел. до 508,6 тыс. чел.), в т.ч. от инфаркта миокарда (с 56,9 тыс. чел. до 58 тыс. чел.). Кроме того, возросла материнская смертность с 146 до 161 человека. Можно предположить, что рост смертности по этим категориям во многом обусловлен описанными выше мерами, усилившими дефицит врачей и лечебных учреждений и затруднившими процесс получения медицинской помощи для россиян.

В целом, можно утверждать, что в российском обществе уже долгое время преобладает негативная оценка качества отечественного здравоохранения. В том числе, события 2020 года не переломили отношение наших граждан к российской медицине: почти половина населения (49%) по-прежнему уверена, что положение дел в здравоохранении плохое¹¹⁰. И хотя более трети (37%) россиян считают, что после эпидемии коронавируса сфера здравоохранения будет работать лучше, все же большая

¹⁰⁷ Социологическое исследование «Новые угрозы и практики их преодоления в условиях пандемии» Авторский коллектив под научным руководством проф. Н. М. Великой (Центр социологических исследований РГГУ) проведено в августе 2020 года по всероссийской выборке, количество респондентов – 1600. Исследования выполнены при поддержке РНФ, проект № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

¹⁰⁸ Фадеева Е. В., Великая Н. М., Белова Н. И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2(26). С. 58-71.

¹⁰⁹ Общая смертность в России в 2020 году выросла на 17,9% // ТАСС. 27 апреля 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11251429> (дата обращения 27.09.2021).

¹¹⁰ Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса // Фонд «Общественное мнение (ФОМ). 30 июля 2020. URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditsina/14425> (дата обращения 27.09.2021).

часть наших соотечественников (46%) уверены, что никаких изменений в этом вопросе не будет¹¹¹. В среднесрочной перспективе (5 лет) респонденты дают несколько иные прогнозы относительно положения дел в социальной сфере (в т.ч. в здравоохранении). Так, большинство россиян (41%) уверены, что ситуация изменится в лучшую сторону. Тем не менее, почти четверть (23%) опрошенных все же настроены пессимистично и ожидают ухудшения состояния социальной сферы, а более трети (36%) – убеждены, что ничего не изменится¹¹².

Тем не менее, можно утверждать, что в сложившихся в российском здравоохранении условиях, большинство россиян смогли сформировать четкое представление о роли государства в обеспечении права человека на медицинскую помощь. Так, за всю историю проведения мониторинга «Как живешь, Россия?», в 2021 году был зафиксирован рекордно низкий уровень респондентов, «затруднившихся ответить» в данном вопросе – 9%. Однако, доля опрошенных, считающих, что государство выполняет свои обязанности по обеспечению права на охрану здоровья и медицинскую помощь, немногим превышает долю тех, кто говорит о невыполнении обязательств – 51% против 40%. Примечательно, что схожее разделение мнений можно зафиксировать и в других вопросах, относящихся к сфере здравоохранения. Не исключением стала и тема вакцинации. Так, 55% россиян положительно относятся к вакцинации от коронавируса (уже привились либо демонстрируют намерение это сделать), и 42% оказались несклонны делать себе прививку¹¹³. В современных кризисных условиях подобная тенденция к поляризации мнений в вопросах охраны здоровья может привести к таким деструктивным последствиям, как раскол общества и рост социальной напряженности и неприязни к представителям противоположной точки зрения.

Таким образом, можно заключить, что российское здравоохранение значительно изменилось за последние десятилетия под влиянием внешних угроз и внутренней необходимости. На данный момент времени, в отечественной сфере оказания медицинской помощи продолжают сохраняться дисфункциональные силы и социальные механизмы, которые негативно сказываются на профессиональной деятельности врачей, качестве оказываемой помощи и удовлетворенности пациентов.

---

¹¹¹ Там же.

¹¹² Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с.

¹¹³ Вакцинация от коронавируса: мониторинг // ВЦИОМ: [сайт]. 11 июня 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-monitoring-1> (дата обращения 19.10. 2021).

1.8. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК ГРАЖДАН

Полтора года, проведённые под постоянной угрозой коронавируса, способствовали массовому внедрению в бытовые и социально-политические практики граждан цифровых сервисов. Востребованной стала электронная медицинская карта, широко за пределы промышленного машиностроения вышло применение QR-кодов и сканеров для их считывания, расширены возможности порталов Госуслуг и Федеральной налоговой службы, совершенствуются и внедряются технологии искусственного интеллекта (ИИ). Набирает обороты запущенный в 2018 году проект «Цифровая экономика». До 2024 года планируется запуск электронного паспорта гражданина РФ (пилотное тестирование было заявлено на вторую половину 2021 года), подключение 97% домохозяйств к широкополосному Интернету, запуск сетей 5G и массовый переход государственных учреждений на программное обеспечение российского производства. Массово открываются программы повышения цифровых компетенций.

Резкий скачок в пользовании цифровыми услугами имел и обратные последствия. Осенью 2020 года, обсуждая вносимые в Конституцию РФ поправки, граждане в равной степени оценивали как значимость дальнейшего технологического развития, так и важность борьбы с его негативными последствиями¹¹⁴. Востребованность превратила «цифру» в карту, которую можно «разыграть» в ходе предвыборных кампаний.

В преддверии выборов в Государственную Думу «Единая Россия» постулировала разработку «Цифрового манифеста», определяющего приоритеты и направление развития цифровизации в стране¹¹⁵. Партия «Зеленые» высказалась в поддержку максимального перехода на электронные сервисы, в частности, – за полный переход на дистанционное электронное голосование уже к следующей большой кампании – выборам Президента РФ в 2024 году. В «Гражданской платформе» выступили за симбиоз рабочих форматов, где это возможно: с совмещением дистанционной и очной деятельности. В Партии пенсионеров опасаются наступления «цифрового рабства» и негативного влияния цифровизации на демографию¹¹⁶.

---

¹¹⁴ Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с.

¹¹⁵ «Единая Россия» представила «Цифровой манифест» партии // ИА ТАСС. 17 августа 2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12149831> (дата обращения 19.08.2021).

¹¹⁶ Мисливская Г. Кандидаты в депутаты ГД обсудили внешнюю политику, цифровизацию и «удаленку» // Российская газета: [сайт]. 26 августа 2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/26/kandidaty-v-deputaty-gd-obsudili-vneshniuiu-politiku-cifrovizaciiu-i-udalenuku.html> (дата обращения 28.08.2021).

Как показала частичная реализация цифрового формата на проведённых в сентябре 2021 года выборах парламентариев, полный переход на электронные избирательные процедуры пока что выглядит преждевременным.

Пользование цифровыми информационными технологиями и услугами

В ходе 51 этапа социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (июнь 2021 г.) респондентам был задан вопрос о том, какими цифровыми информационными технологиями и услугами они лично пользуются в повседневной и общественно-политической жизни.

Полученные в ходе мониторинга данные демонстрируют в целом работоспособность текущей модели поступательной цифровизации общества, однако говорить о перспективах безусловного утверждения «цифрового государства» преждевременно. Современные технологии и предлагаемые ими услуги пользуются растущей популярностью. Но активность гражданского общества «цифровизируется» слабо и неравномерно (см. рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов о том, какими цифровыми информационными технологиями и услугами они лично пользуются в повседневной и общественно-политической жизни (РФ, июнь 2021. N=1609. % от числа опрошенных)
Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Приведённая диаграмма наглядно демонстрирует, что из множества цифровых сервисов и современных технологических услуг наиболее востребованными остаются финансовые, развлекательные и коммуникационные возможности. Наиболее популярным вариантом является использование банковских карт (пользование «пластиком» при оплате товаров и услуг отметили 68% респондентов), хотя при анализе распределения ответов виден явный перекоп пользования в сторону городского населения, сельские жители отмечали этот вариант значительно реже, что делает периодические призывы депутатов Государственной Думы и представителей Центробанка к отказу от наличных денег и переходу на безналичный расчет и цифровой рубль нереализуемыми на большей части территории страны. Здесь стоит отдельно подчеркнуть, что число респондентов, которые практически не пользуются интернетом и цифровыми технологиями, составляет 10%.

В банковской сфере современными технологиями – мобильным банком, банковской картой без материального носителя, – пользуется 51% опрошенных респондентов. Данная категория продвинутых пользователей в подавляющем большинстве проживает в городах, более половины входящих в неё россиян получили высшее образование и относятся к гражданам моложе 40 лет. Высокую оценку уровню цифровизации банковской сферы даёт и международная сеть Deloitte. Согласно их исследованию, Россия находится в топ-10 в мире по цифровому банкингу¹¹⁷.

Более 60% респондентов отметили использование интернета для общения и видеосвязи с членами семьи, знакомыми и друзьями (61%), а также для досуга, отдыха и развлечений (62%). Дистанционные средства видеосвязи и развлекательный контент стали спасательными для многих россиян в период обострения эпидемиологической обстановки в связи с распространением COVID-19 и продолжают удерживать пользователей после снятия ограничительных мер.

Чуть реже опрошенные в рамках мониторинга россияне пользуются интернетом для работы и учёбы (49%). Меньше внимания получают специализированные порталы для записи, оформления справок, получения дополнительной информации и пр. (34%). Этот вид услуг входит в число основных направлений формирования цифрового государства, но пользуется пока сравнительно небольшим спросом.

Доля респондентов, участвующих в интернет-дискуссиях по политическим проблемам и общественно-значимым вопросам, а также тех, кто воспользовался (или планирует пользоваться) возможностями дистанционного электронного голосования, выглядит на общем фоне незначительной. Это 7% и 8% участвовавших в мониторинге россиян соответственно. При этом именно активность участников обсуждений в цифровой среде формирует градус общественных настроений на порталах отзывов,

---

¹¹⁷ Уровень цифровой зрелости банков – 2020 // Deloitte: [сайт]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/DBM_2020_rus.pdf (дата обращения 16.07.2021).

площадках для обсуждений, в социальных сетях и т.д., что делает важным акцент на характеристике этой группы активных представителей гражданского общества.

Граждански активные пользователи интернета

В целом аудитория активных пользователей интернета занимает преимущественно оппозиционную позицию, выражая высокую степень недоверия к общественным структурам и институтам власти. Они выражают неудовлетворённость политической системой нашего общества, примерно поровну разделяясь на сторонников её радикальных изменений и сторонников улучшений путём реформ. Три четверти этих респондентов уверены, что людям у власти нет дела до простых граждан (75,9%). Их большинство убеждено в нарушении основных демократических норм в стране и отмечают наличие весьма значительных противоречий между народом и властью в современном обществе (70,5% участвующих в интернет-дискуссиях убеждены в значительности противоречий; 19,6% считают, что неприязнь незначительна). При этом радикальных настроений они не проявляют, демонстрируя критическую оценку действий и перспектив политических лидеров провластных и оппозиционных течений (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка нынешних политических лидеров активными пользователями интернета

(РФ, июнь 2021. N=1609. % от числа респондентов, отметивших себя участниками интернет-дискуссий и обсуждений по политическим и общественно значимым проблемам)

	Участвую в интернет-дискуссиях по общественным и политическим проблемам, обсуждаю в социальных сетях события, положение дел в стране и по месту жительства	
	Кто способен вывести Россию из кризиса?	Кто из нынешних политических лидеров должен стать следующим президентом России?
А. А. Навальный	20,5	9,8
В. В. Путин	20,5	23,2
Нет такого лидера	22,3	25,9

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Данная категория респондентов в равной степени оценивает способность В. В. Путина и А. А. Навального вывести Россию из кризиса (каждый получил 20,5%). Несмотря на это, активные пользователи интернета объективно оценивают возможности популистских лидеров общественного мнения по управлению государством, что резко сместило их ожидания в отношении будущего президента РФ. В этом вопросе действующий глава государства В. В. Путин получил поддержку 23,2%

активных пользователей, в то время как перспективы А. А. Навального в качестве президента увидели 9,8%. Сравнительная таблица ограничена политическими лидерами, получившими более 15% поддержки выделенной категории респондентов хотя бы по одному из двух сравниваемых вопросов.

Наибольшую тревогу у активных пользователей социальных сетей вызывают проблемы дороговизны жизни и деятельность госслужащих. В то время как сложности международных отношений отходят на задний план (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?»

(РФ, июнь 2021. N=1609. % от числа респондентов, отметивших себя участниками интернет-дискуссий и обсуждений по политическим и общественно значимым проблемам)

Какие проблемы беспокоят Вас в первую очередь?	Участвую в интернет-дискуссиях по общественным и политическим проблемам, обсуждаю в социальных сетях события, положение дел в стране и по месту жительства
Повышение цен на продукты питания	45,5
Повышение тарифов на жильё и коммунальные услуги	37,5
Произвол чиновников, коррупция	31,3
Падение нравов, культуры	25,9
Дороговизна жизни	25,0
Алкоголизм	24,1
Экологическая обстановка	21,4
Разделение общества на богатых и бедных	19,6
Высокая инфляция	18,8
Ухудшение положения пенсионеров в обществе	18,8
Безработица	16,1
Наркомания	16,1
Обострение межнациональных отношений	13,4
Страх перед будущим	13,4
Преступность	12,5
Мировой экономический кризис	11,6
Безопасность Ваша и Ваших близких	10,7
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	10,7
Терроризм	8,0
Ухудшение отношений с США и Европой	6,3
Закрытие, простой предприятий	5,4
Экономические санкции против России	3,6
Другое	3,6

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В тройку проблем, вызывающих наибольшую обеспокоенность у респондентов, отметивших участие в интернет-дискуссиях по общественным и политическим вопросам, вошли повышение цен на продукты питания (45,5%), рост тарифов на жилье и коммунальные услуги (37,5%), еще 31,3% отметили произвол чиновников и коррупцию. В наименьшей степени их беспокоят аспекты международных отношений. Терроризм волнует 8% участников интернет-дискуссий, ухудшение отношений с США и Европой – 6,3%, экономические санкции против России – 3,6%. В эту же категорию попала и проблема закрытия, простоя предприятий (5,4%), можно предположить, что на данный момент она ассоциируется больше с общемировыми последствиями коронавируса, чем с локальными решениями местных властей. Завершая портрет активной аудитории интернета, добавим, что активность в обсуждении значимых общественно-политических проблем в цифровой среде отмечали в большей или меньшей степени представители всех регионов России за исключением Северо-Кавказского федерального округа.

Пандемическая реальность в целом обострила социальные противоречия и вызвала рост уровня тревожности в обществе, в том числе в связи с стремительным развитием цифровизации¹¹⁸. В силу особенностей аудитории, проявляющей общественно-политическую активность, в цифровой среде дополнительно увеличивается степень недоверия к действующей власти и её действиям.

В ожидании электронного голосования

Ценность цифрового канала голосования высока. Он позволяет сочетать повышение эффективности работы со снижением расходов, проблема в том, что это возможно лишь при максимальном охвате различных целевых аудиторий, чего на данный момент не наблюдается. Для повышения электоральной активности методом дистанционного электронного голосования была запущена программа «Миллион призов», обещающая голосующим через интернет различные виды призов. Программа появилась летом 2020 года для повышения явки на голосование по поправкам к Конституции РФ. Её в целом успешный опыт был повторён летом 2021 года в ходе кампании по массовой вакцинации населения от COVID-19: в рамках программы разыгрывались денежные призы. Тактика, видимо себя оправдала. В сентябре 2021 года среди голосующих через интернет был проведен розыгрыш квартир, автомобилей и других бонусов.

Практика стимулирования в целом соответствует общемировым тенденциям в связи с повсеместным снижением явки избирателей. Одни страны раздают поощрения, скидки, другие – штрафуют за неявку на выборы. Теоретически, привлекая,

---

¹¹⁸ Гребняк О. В. Цифровизация постпандемического периода как фактор социальной тревожности россиян // Социальные риски в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, Мурманск, 03–04 декабря 2020 года. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. С. 73-77.

стимулируя активность электората, государство развивает гражданскую культуру. В этом можно усмотреть политическую закономерность: она начинается со стимулирования, позже превращается в традицию, а из традиции трансформируется в поведенческий стандарт¹¹⁹. В этой цепочке материальная стимуляция становится первым этапом становления культуры волеизъявления, играет важную роль в становлении политической культуры.

Рассмотрим предварительные планы опрошенной доли электората на участие в выборах депутатов Государственной Думы (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос о планах на участие в голосовании по выбору депутатов Государственной Думы
(РФ, июнь 2021. N=1609. % от числа опрошенных по массиву и в группе)

Выборы в ГосДуму РФ назначены на 19 сентября 2021 года. Примете ли вы в них участие?	Весь массив	Пользуюсь или собираюсь воспользоваться возможностями дистанционного электронного голосования на выборах органов власти и Президента РФ
Да, обязательно	51,6	76,0
Ещё не решили	24,7	12,4
Нет	23,6	11,6

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В целом по массиву обязательно принять участие в голосовании 19 сентября планировали 51,6% респондентов. Из них дистанционный формат участия в выборах не исключали 8% опрошенных граждан (см. рис. 1). Из этого числа 76% отметили намерение обязательно принять участие в голосовании. Женщины в этом вопросе активнее, среди заранее запланировавших дистанционное голосование граждан их оказалось на треть больше. Таким образом, можно констатировать, что электоральная активность россиян, готовых принять участие в дистанционном голосовании, значительно превышает этот уровень в целом по массиву. Напомним, что опрос в рамках 51-го этапа мониторинга «Как живешь, Россия?» проводился в июне 2021 года, до объявления о розыгрыше призов среди его участников.

Дистанционное голосование при выборе депутатов Государственной Думы в сентябре 2021 году было доступно семи регионам: Курская, Мурманская, Нижегородская, Ростовская, Ярославская области, а также города Москва и Севастополь. В этих рамках можно проследить сохраняющееся неравенство уровня цифровой вовлечённости жителей центра и регионов. Общая средняя готовность

¹¹⁹ Чернов А. Эксперты объяснили, почему во всем мире среди избирателей проводят акции, аналогичные «Миллиону призов» // Газета.Ru. 13 августа 2021. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/08/13/n_16381412.shtml (дата обращения 02.09.2021).

жителей страны к дистанционному голосованию согласно мониторингу «Как живешь, Россия?», как уже было отмечено, составляет 8% (см. рис. 1). В то же время доля жителей Москвы, допускающих возможность дистанционного голосования в августе 2021 составила 49%, согласно результатам опроса ВЦИОМ¹²⁰.

Итоги дистанционного электронного голосования 17-19 сентября 2021

По данным Центральной избирательной комиссии РФ на 1 июля 2021 года общее число избирателей в регионах проведения дистанционного голосования составило 15,96 млн человек. Из них, как видно на рисунке 2, удалённо проголосовали около 2,5 млн избирателей (15,6%), более трех четвертей от этого числа составили столичные жители (1,94 млн человек, то есть 77,6%).

Отметим, что число москвичей, воспользовавшихся услугой удалённого голосования (49,7%), соответствует и несколько превышает число тех, кто планировал это сделать в августе 2021 года (49% от общего числа проголосовавших в регионе).

Рисунок 2. Участие избирателей в дистанционном голосовании 19 сентября 2021 года

Источник: Центральная избирательная комиссия РФ.

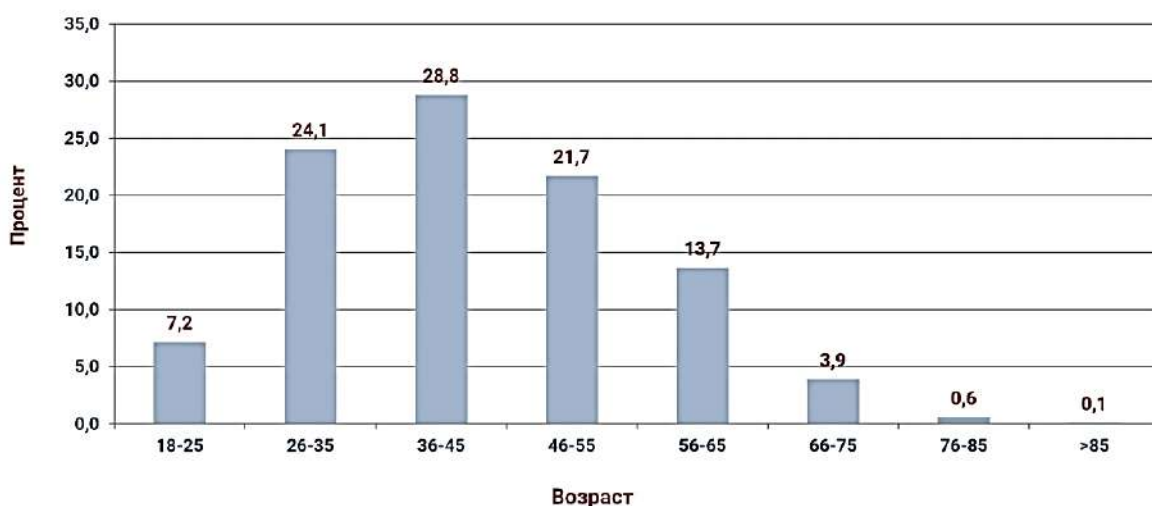
Основной объем проголосовавших приходится на активный трудоспособный электорат от 26 до 55 лет (см. рис. 3). Дальше идёт снижение дистанционной активности. Отметим, что молодёжь 18-25 лет воспользовалась услугой электронного

¹²⁰ Дистанционное электронное голосование в Москве : аналитический обзор // ВЦИОМ: [сайт]. 30 августа 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-v-moskve> (дата обращения 01.09.2021).

голосования в меньшей доле, чем избиратели в возрасте 56-65 лет. Вероятно, это вызвано в целом большей электоральной активностью старшего поколения, желающего проголосовать без риска для здоровья.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В ДЭГ ПО ВОЗРАСТУ

Рисунок 3. Распределение принявших участие в ДЭГ по возрасту

Источник: Центральная избирательная комиссия РФ.

В процессе голосования на электронных площадках избирателями отмечались сбои в работе платформы, а технические сотрудники отчитывались о DDos-атаках на инфраструктуру голосования. Источником основных сомнений и тревог стал временной интервал с объявлением итогов. Если результаты дистанционного голосования по поправкам в Конституцию РФ (июль 2020 года) опубликовали буквально через час после завершения приёма голосов, то итоги голосования 19 сентября 2021 года по самому многочисленному региону – г. Москве – поступили в ЦИК лишь вечером 20 сентября, существенно изменив распределение голосов. Сам этот факт никак не доказывает фальсификацию результатов, но отсутствие возможности контролировать процесс электронного волеизъявления и непрозрачность процедуры для электората вызвала волну беспокойства по поводу корректности представленных итогов.

Результаты электронного голосования ставятся под сомнение не только электоратом, но и членами избирательной комиссии. Так, член Территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования (ТИК ДЭГ) А. С. Керимханов отмечает в своем «Особом мнении» (документ официально зарегистрирован и размещен на сайте ЦИК РФ): «Мое несогласие с Протоколом ТИК ДЭГ об итогах дистанционного электронного голосования выражается в том, что

содержащиеся в нем данные получены с нарушением принципа тайны голосования и принципа свободы выборов»¹²¹. Сформированная Общественной палатой техническая группа по итогам проверки по открытой и по частично зашифрованной блокчейн - базе данных нарушений не обнаружила, отметив необходимость большего времени для глубинного контроля.

К октябрю сторонники каждой позиции остались при своём мнении. Нет однозначных доказательств подлога, но не появилось и аргументов, способных переубедить граждан, уверенных, что призыв к дистанционному голосованию продиктован не общим повышением явки, не экономией бюджета и не беспокойством о опасности распространения COVID-19, а исключительно планами на фальсификацию выборов.

Описанный формат выборов строится во многом на доверии, так как технологически у системы ДЭГ на сегодня нет стопроцентной защиты ни от внешнего вмешательства (взлома), ни от злоупотреблений со стороны организаторов или оператора. Напомним, в марте 2009 года Конституционным судом Германии было запрещено проведение выборов в электронном формате. Основной аргумент: электронное голосование представляет собой благоприятную среду для махинаций, при невозможности организации объективного контроля. Подтверждается это и последними исследованиями западных специалистов. В 2018 году издание Американской академии наук пишет: «В настоящее время у нас нет технологии, позволяющей предложить безопасный метод поддержки интернет-голосования. Конечно, возможно, что в будущем граждане смогут голосовать через Интернет, но технические проблемы делают невозможным их безопасное проведение прямо сейчас»¹²². Сохраняющуюся возможность хищения личных сведений или манипуляций отметками в бюллетене при проведении дистанционного электронного голосования подтверждают и исследования 2020-2021 гг.¹²³

---

¹²¹ Керимханов А. С. Особое мнение: приложение к Протоколу ТИК ДЭГ. 19.09.2021 // ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/distantsionnoe-elektronnoe-golosovanie/> (дата обращения 21.09.2021).

¹²² National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2018. Securing the Vote: Protecting American Democracy. Washington, DC : The National Academies Press. DOI 10.17226/25120. Pp. 122.

¹²³ Appel A. Democracy Live internet voting: unsurprisingly insecure, and surprisingly insecure // Freedom to Tinker. 08 June 2020. URL: <https://freedom-to-tinker.com/2020/06/08/democracy-live-internet-voting-unsurprisingly-insecure-and-surprisingly-insecure/> (last request 21.09.2021); Specter M. A. and Halderman J. A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System // Proc. 30th USENIX Security Symposium, August 2021. URL: <https://jhalderm.com/pub/papers/omniballot-sec21.pdf> (last request 21.09.2021).

Заключение

Итак, мы наблюдаем сегодня «лоскутную» цифровизацию, отражающую по-прежнему сохраняющиеся тенденции неравномерного внедрения «цифрового государства». Новейшие технологии воспринимаются в первую очередь на потребительском уровне, в то время как гражданская активность в сети проявляется реже и преимущественно от оппозиционно настроенных категорий населения.

Современные технологии открывают бесконечное число возможностей для выражения своей гражданской позиции. Тем не менее, использование этих возможностей остаётся достаточно ограниченным и сводится к трендовым темам. Так, реакция общественности на рекламный ролик бренда «ВкусВилл», с однополыми семейными парами, последовала моментально (как, кстати, и обратная реакция от представителей бренда). В то же время реакция на события в масштабах города и страны вызывают меньший отклик. Это неслучайно: согласно результатам мониторинга наиболее «продвинутые» технологически респонденты (использующие банковские карты без физического носителя, мобильный банк и пр. – 51% опрошенных), считают себя в целом крайне аполитичными. Согласно самооценке, средний балл их политической активности составляет 2,93 по десятибалльной шкале.

Недостаточно подключить госучреждения, социальные службы и домохозяйства к широкополосному интернету, необходимо выработать у населения мотивацию и доверие для полноценного использования предоставленных возможностей. Как показывает практика, стимулирование призами способно поднять ситуативный интерес – опять же на потребительском уровне. Повышение активности граждан в условиях цифровизации возможно при наличии комплекса мер. Seriously тормозит процесс проблема безопасности личных данных для пользователей цифровых сервисов. Этот аргумент используют и многие противники электронного голосования – несмотря на декларируемую безопасность, значительная часть электората опасается манипуляций. Таким образом, дальнейшее использование и расширение действия дистанционного электронного голосования для избирателей по всей территории страны и за её пределами требует дополнительной проработки законодательного регулирования и усовершенствования программно-технических решений. В противном случае при дальнейшем внедрении дистанционной избирательной технологии, получившей столь явное недоверие электората, под угрозу будет поставлена социально-политическая устойчивость гражданского общества. Еще одной из мер по привлечению населения может стать обеспечение оперативной и результативной реакции на обращения, оставленные на цифровых площадках. Взаимный диалог способен замедлить дистанцирование, отчуждение граждан от власти и её механизмов. Но изначально обеспечить это возможно только взаимной цифровой активностью представителей собеседника – управленческих, общественных и иных структур, формированием новой цифровой культуры гражданского общества.

1.9. ДИНАМИКА УСТОЙЧИВОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Российское общество и государство продолжают развиваться в условиях динамично меняющейся конфигурации императивных внутренних и внешних факторов материального и духовного развития. Особенностью проблемной ситуации 2021 года являлась пандемия коронавируса как доминирующее условие жизнедеятельности страны и работа по выполнению стратегической (национальные цели и программы развития) и текущей (выборы в Государственную Думу) социально-политической повестки дня. Ограничительные меры, принятые государством и органами местного самоуправления для снижения интенсивности и частоты коллективных и межличностных коммуникаций граждан с целью минимизации масштабов эпидемии, для формирования коллективного иммунитета, не могли не сказываться на характере жизни российского социума. Практически страна во многих своих формах жизни и функциях социальных и политических институтов перешла на мобилизационный режим работы.

Острота проблемной ситуации задаётся неопределенностью угрозы мутирования коронавируса с точки зрения изменения его вирулентности и контагиозности. Ученые и врачи впервые столкнулись с такой неизвестной и смертельно опасной угрозой в форме быстро мутирующего вируса. Эпидемия внезапно накатывается волнами и каждый раз требует новых мер предосторожности, профилактики и вакцинации. В обществе накапливается усталость от административных мер, которые вынуждены принимать органы управления. Президент России Владимир Путин, выступая перед депутатами парламента, обратил внимание, что нижняя палата парламента продолжала работу в условиях пандемии COVID-19, что происходило далеко не во всех странах. «При вашей поддержке, самом активном, непосредственном участии были выработаны и реализованы несколько срочных пакетов мер, направленных на преодоление последствий пандемии. Для этого потребовалось оперативное принятие целого десятка законов»¹²⁴. В целях минимизации последствий пандемии в 2020 году были приняты законы о налоговых послаблениях, объявлен мораторий на возбуждение дел о банкротстве, поддержке самозанятых, некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей, малого и среднего бизнеса, установлены субсидии для бизнеса на профилактику коронавируса, правила возмещения затрат туроператорам и гособеспечение кредитов на зарплаты. Гражданам увеличили выплаты по больничным, ввели отсрочку штрафов за долги по ЖКХ, изменили временные правила регистрации безработных, была оказана поддержка семьям с детьми, продлены жилищные сертификаты молодым семьям и введены штрафы за завышение цен на лекарства.

---

¹²⁴ Встреча с депутатами Государственной Думы седьмого созыва // Официальный сайт Президента России. 21 июня 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65894> (дата обращения 31.07.2021).

Центральное стратегическое значение в борьбе с пандемией приобретает фактор скорейшей вакцинации как можно большего числа граждан для создания коллективного иммунитета в масштабах всей страны. Проблемная ситуация осложнялась тем обстоятельством, что в условиях политики добровольной вакцинации, которой придерживается центральная власть, в обществе и социальных сетях стали возникать сообщества «антиваксеров» и COVID-диссидентов^{125, 126}. Публичная дискуссия и сетевой дискурс, который возникли по этому поводу, приобрели политический характер в аспекте электоральных предпочтений граждан при голосовании за партии на выборах в Госдуму.

В этих неординарных условиях эпидемии продолжала протекать социальная и политическая жизнь общества и, в частности, подготовка и проведение выборов в Государственную думу. Предвыборная ситуация с самого начала была обусловлена сложной ситуацией в стране в связи с пандемией COVID-19. Председатель ЦИК Элла Памфилова пояснила: «С учетом рекомендаций Роспотребнадзора, опросов общественного мнения, дискуссии с экспертным сообществом мы пришли к выводу, что голосование на выборах в Государственную думу и иных выборах должно пройти в течение нескольких дней. Первый приоритет – здоровье наших граждан»¹²⁷.

Неожиданным форс-мажорным событием, оказавшим дестабилизирующее воздействие на устойчивость и без того волатильного общественного мнения, оказалось весеннее спекулятивное повышение цен на овощи «борщевое набора». Такое залповое повышение цен на продукты массового повседневного спроса неблагоприятно повлияло на лояльное отношение и оценки компетентности и оперативности властей по регулированию и контролю потребительского рынка. В преддверии выборов критические настроения безусловно сформировали дополнительный негативный фон для электорального выбора и оказали влияние на результаты голосования.

В глобальном мире факторы внешней и внутренней жизни общества и государства неразрывно связаны, влияют друг на друга и создают актуальную ткань социально-политических отношений. Проблемы суверенитета и укрепления оборонного потенциала страны особо значимы для России, которая на протяжении

¹²⁵ Кирзюк А. А. «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 484-509; Воронов В. М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал Фронтирных Исследований. 2021. Т. 6, № 1(21). С. 41-68.

¹²⁶ см., напр., Нипот Е. Секта антипрививочников: творчество ковид-диссидентов множится и растет // Вести.Ru : [сайт]. 18 июня 2021. URL: <https://www.vesti.ru/article/2576972> (дата обращения 07.09.2021); Удод. Ю. Кто такие коронавирусные антипрививочники: Четыре вида ковид-диссидентов и их причины отказа от вакцины // Медиаликс. 07 июля 2021. URL: <https://medialeaks.ru/0707flw-txt-antivaksery/> (дата обращения 07.09.2021); Штурма Я. Митинги и теории заговора: что известно о группировках ковид-диссидентов // Газета.Ru. 29 апреля 2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/04/29/13576856> (дата обращения 07.09.2021).

¹²⁷ Элла Памфилова представила положение об особенностях голосования в течение нескольких дней // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ. 1 июля 2021. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/49550/> (дата обращения 31.07.2021).

многих лет испытывает санкционное давление со стороны стран коллективного Запада. В 2021 году произошло некоторое смягчение отношений между РФ и США. Политическими итогами встречи президентов В. В. Путина и Дж. Байдена в Женеве 16 июня стало совместное заявление по стратегической безопасности, в котором изложен главный императив современного глобального мира: «Сегодня мы подтверждаем приверженность принципу, согласно которому в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана»¹²⁸. Это событие несколько снизило уровень тревожности и смягчило проблемную ситуацию в российском обществе.

Возвращаясь к системным фундаментальным вызовам, которые стоят перед нашим обществом и государством, правомерно обратиться к их видению Президентом РФ В. П. Путиным, которое он изложил на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 19 июля 2021 года: «Мы хорошо понимаем, что наряду с реальными достижениями есть и значительное число нерешённых задач, проблем, которые чувствительны для людей. Это, прежде всего бедность, низкие доходы многих семей, невысокое качество первичного звена здравоохранения, изношенность школьных зданий»¹²⁹. Очевидно, что, в этом ряду не упомянуты проблемы, которые назывались Президентом РФ ранее: рождаемость, экология, коррупция и т.д. Порядок проблем и забот граждан выстраивает панораму каждого рабочего дня страны. Социологические измерения, оценки и мнения граждан, а также официальные документы государственных институтов и органов дают возможность сопоставить видение проблемной ситуации обществом и государством.

Год 2021 займёт своё особое место в исторической российской и глобальной социально-политической хронике. Пандемия коронавируса стала моментом истины, заставила граждан, политиков, специалистов и ученых в который раз задуматься о критериях, целях и смысле развития мировой цивилизации. В этом году стало ещё яснее, что доминирующий на планете способ жизнедеятельности, построенный на мотивации экономической, политической, технологической, научной, военной конкуренции исчерпал себя, и всё чаще приводит к катастрофам планетарного характера и масштаба. Именно соперничество за экономические и интеллектуальные ресурсы: деньги, рынки, информацию привело за последние сто лет к трём глобальным катастрофам. Две мировые войны и пандемия коронавируса привели к апокалиптическим человеческим жертвам, нанесли удары по фундаменту, социальным и политическим институтам гуманистического мироздания и пошатнули уверенность человечества в общем устойчивом безопасном будущем. В 1945 году, после Второй мировой войны странами-участниками антигитлеровской коалиции была создана

---

¹²⁸ Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // Официальный сайт Президента России. 16 июня 2021. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения 31.07.2021).

¹²⁹ Заседание Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента России. 19 июня 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/1029/66217> (дата обращения 31.07.2021).

Организация Объединённых Наций (ООН), глобальная организация, созданная для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами. Именно сотрудничества на создаваемой научной основе международного права, а не конкуренции, которая на практике всегда вырождалась в соперничество, право сильного утверждать через военное насилие свою волю в системе отношений между странами и народами.

Конкуренция как главный принцип достижения экономической эффективности вымостила цивилизации дорогу в ад геноцида, массовых убийств и смертности. Присмотревшись к ковидной реальности наших дней, мы увидим знакомые признаки идеологии экономической конкуренции за рынок вакцины, которые, по сути, на практике латентно ведут к практикам расового и этнического геноцида. Вместо объединения усилий в борьбе против смертельной биологической угрозы, которая смертельно опасна, как и нацизм, транснациональные фармацевтические корпорации в очередной раз открывают дверь в ад бизнеса на крови и смерти.

В 2021 году продолжился рост заболеваемости и смертности населения от COVID-19. Массовое добровольное вакцинирование, предложенное государствам как панацея от пандемии, пока не смогло стабилизировать ситуацию из-за многократной мутации вируса. По отдельным индикаторам тревожности граждан зафиксировано усиление рисков ухудшения состояния социального государства.

Хотя результаты реализации национальных проектов отчасти положительно сказались на политической, социально-экономической, экологической, трудовой, международной сферах, улучшив самочувствие россиян по отдельным вопросам, все же общее социально-экономическое положение домохозяйств оставалось тяжелым. В июне 2021 года доминирующими тревогами гражданского общества стали повышение цен на продукты питания, повышение тарифов на услуги ЖКХ и дороговизна жизни. От пятой части до четверти российского социума волновали проблемы безработицы, произвола чиновников, высокой инфляции, экологической обстановки, а также падения нравов и культуры. В период реализации национальных проектов за 3 года в гражданском обществе усилились тревоги, связанные с ростом цен и тарифов, высокой инфляцией, наркоманией и падением нравов.

Лишь четвертая часть россиян поддерживает проводимые государством экономические реформы. Согласно результатам социологических наблюдений, количество респондентов, отрицательно относящихся к курсу проводимых экономических реформ, в 1,5 раза превысило число их оппонентов. Приблизительно 43% россиян находились вне политики, затруднившись оценить курс экономических реформ, или имели безразличное отношение к этому вопросу. За 3 года реализации национальных проектов существенно возросло число россиян с негативным и безразличным отношением к курсу экономических реформ, в основном за счет двукратного снижения количества респондентов, затруднившихся высказать свое мнение. К июню 2021 года уже треть граждан негативно относились к экономическим

реформам. По четверти россиян имели положительные взгляды или высказывали безразличную позицию по отношению к экономическим преобразованиям. Седьмая часть респондентов затруднились высказать свое мнение.

В июне 2021 года запрос общества на улучшение состояния социального государства не был реализован государством. По мнению более половины россиян, органы власти проводят экономические преобразования, не отвечающие интересам большинства населения. Противоположное мнение имели до пятой части опрошенных респондентов. При этом столько же граждан затруднились высказать свое мнение по данному вопросу. Корректировка планов национальных проектов, предложенных государством, как ответ на COVID-кризис, в июне 2021 года снизила уровень лояльности гражданского общества и негативно повлияла на состояние социального государства. На старте реализации программ национальных проектов соотношение сторонников и противников суждения «экономические преобразования отвечают интересам большинства населения» было 1:1,6. За 3 года данная пропорция изменилась на 1:3.

В период неблагоприятной эпидемиологической ситуации стабилизация и снижение роста бедности населения оставалась самой актуальной проблемой российского социального государства и гражданского общества. По самооценкам респондентов, в России образовалось общество, в котором живет до 5% очень богатых людей и до 5% очень бедных – нищих. Приблизительно пятую часть граждан (20%) по самооценке денежных доходов можно отнести к среднему по российским стандартам классу. Большинство граждан ограничены в материальных средствах. Органам власти удалось сдержать негативные эффекты от последствий пандемии и немного стабилизировать материальное положение граждан.

В 2021 году наблюдалось **снижение уровня доверия практически ко всем политическим институтам, включая институт президента**, что сопровождалось и падением рейтинга действующего Президента РФ В. В. Путина.

Кризисное состояние общества определило ускорение процессов солидаризации, а также социальной интеграции отдельных социальных групп, что не могло не отразиться на состоянии гражданского общества в целом, где мы наблюдали не только формирование новых общественных и политических организаций, но и проявления протестных настроений. Сказывалась и усталость от неизменного партийного ландшафта и несменяемых политических лидеров большинства системных партий. Новые политические партии, зарегистрированные в 2020 году как раз накануне региональных сентябрьских выборов, не смогли заполнить имеющиеся пустоты политического поля и вызвать симпатии значительной части электората, что позволило бы им рассчитывать на преодоление проходного барьера в ГД ФС РФ.

Продолжающиеся в 2021 году угрозы и вызовы 2019–2020 гг., связанные с коронавирусной пандемией и ее экономическими последствиями, обусловили необходимость корректировки как самих **национальных целей и национальных**

проектов, так и подходов к их реализации. Продолжающийся COVID-кризис изменял приоритеты общественного сознания, он стал отчасти привычной данностью, и граждане в 2021 году выстраивали свои приоритеты в рамках новой реальности, что нашло свое отражение в иерархии оценок важности национальных проектов. Четыре национальных проекта из тринадцати считали важными для российского общества в целом, и для себя лично более половины респондентов, это проекты «Здравоохранение», «Образование», «Экология», «Жильё и городская среда». Отметим, что все проекты, получившие более 50% голосов респондентов, имеют социальную направленность. Российское общество ожидает от социального государства ответа в первую очередь на свои социальные запросы.

Полученные в ходе мониторинга ответы респондентов о пользовании **цифровыми информационными технологиями** и услугами демонстрируют в целом утверждение модели поступательной цифровизации общества. Однако говорить о перспективах состоявшегося устойчивого «цифрового государства» пока преждевременно. Современные технологии и предлагаемые ими услуги пользуются растущей популярностью в отношении банковского и развлекательного сектора, традиционно высоким остается спрос на коммуникационные возможности. Но активность гражданского общества, спрос на госуслуги «цифровизируется» слабо и неравномерно. Аудитория активных пользователей интернета, открыто высказывающих свою гражданскую позицию, участвуя в обсуждениях и дискуссиях, остаётся невысокой. Эта категория респондентов склонна к оппозиционным настроениям. Открыто выражая недоверие к действующим институтам власти и общественным структурам, они сохраняют критичность, не впадая в радикализм и здраво оценивают предложения и перспективы лидеров официальной оппозиции.

Гражданское общество в период COVID-кризиса и в канун выборов в Государственную Думу РФ фиксировало **увеличение дистанцирования российского государства и граждан, нарастание в обществе социально-политических противоречий**. Подавляющая часть российского гражданского общества отчуждена от власти и ее механизмов, считают, что «людям у власти нет никакого дела до простых людей», «главное для центральной власти в Москве – это решить свои проблемы за счет областей и республик России», «большинство из нас не могут повлиять на политические процессы в стране». На протяжении последних двадцати лет такого мнения придерживаются подавляющее число граждан РФ. Лишь каждый шестой гражданин Российской Федерации видит в государстве выразителя и защитника интересов всех его граждан. Большинство же убеждены, что в фокусе забот и приоритетов государства находятся «богатые» и «государственная бюрократия». Лидирующее положение в структуре актуальных противоречий общества, по мнению граждан, в июне 2021 г. занимают противоречия и неприязнь между «бедными и богатыми», «низшими и высшими классами» и между «народом и властью».

Основным бенефициаром приватизации государственной собственности граждане считают социальную группу «чиновники и управленцы». Самый ничтожный выигрыш от приватизации, как отмечено за все годы наблюдений, получили рабочие, крестьяне, служащие и интеллигенция – их выигрыш от приватизации ни разу за весь период измерений не был отмечен более, чем 3% респондентов.

Наиболее развитой стороной гражданского общества в России россияне считали «право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом», наименее развитой – «правовое государство – господство закона, перед которым все равны и который защищает права, свободы и безопасность граждан». Данные исследования показывают, что граждане по-прежнему ощущают отчужденность от власти, и величина дистанции, судя по результатам наблюдений, не сокращается. Самооценка гражданами уровня своей вовлеченности в политическую жизнь страны остается на самом низком уровне.

Социально-политическая устойчивость и потенциал гражданского общества в России. В условиях COVID-кризиса и в канун выборов в Государственную Думу РФ риски социально-политической устойчивости российского общества резко усилились. Свою роль сыграли такие факторы, как увеличение дистанцирования российского государства и граждан, отчуждение подавляющей части российского гражданского общества от власти и ее механизмов, нарастание в обществе социально-политических противоречий и неприязни, в первую очередь, между «бедными и богатыми», между «низшими и высшими классами» и между «народом и властью», недостаточный, по самооценке, уровень вовлеченности граждан в политическую жизнь страны.

Интегральный индекс социополитической устойчивости, рассчитываемый исследовательским коллективом, складывается из взаимодействия величин шести ключевых индикаторов:

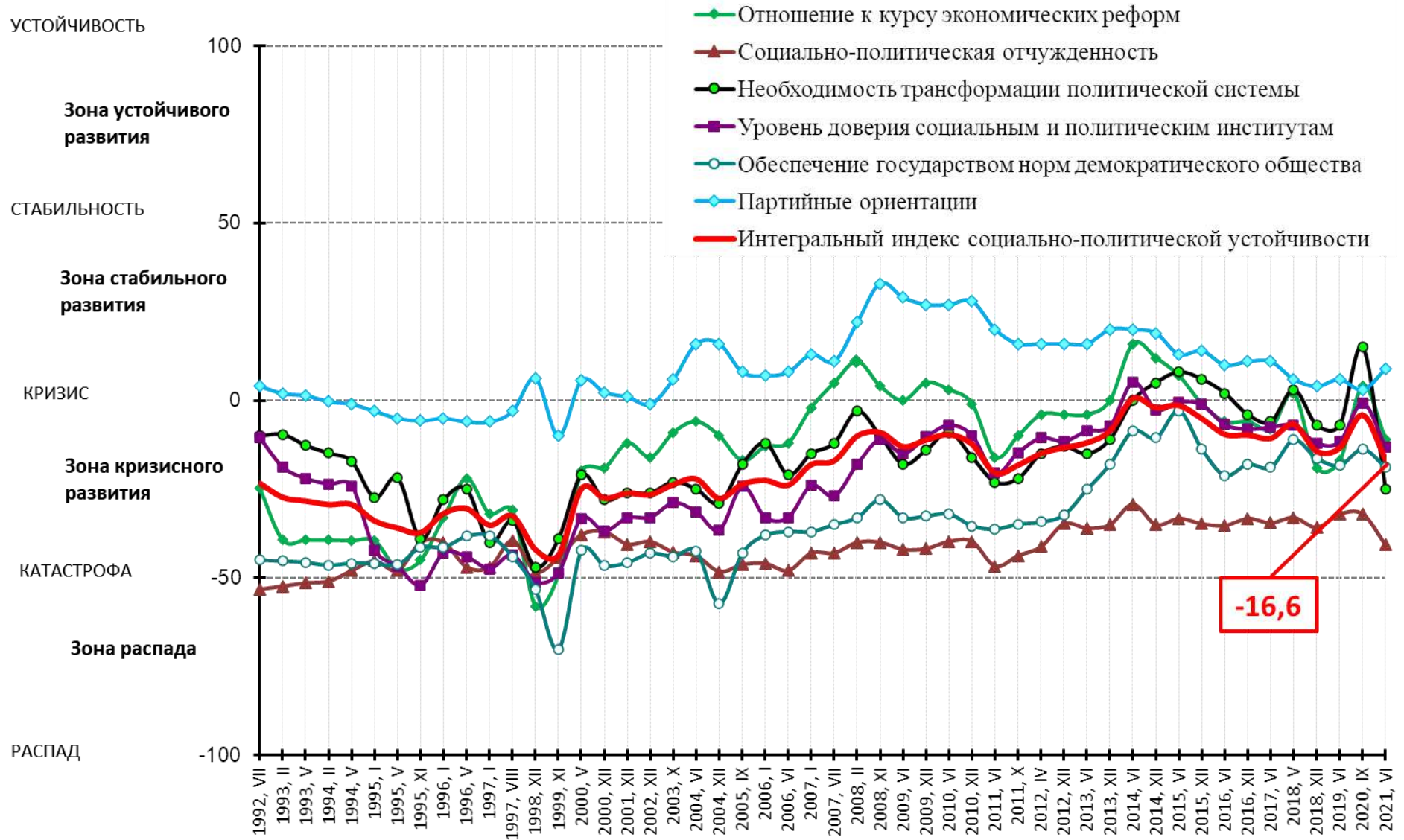
- отношение к курсу экономических реформ;
- социально-политическая отчужденность;
- необходимость трансформации политической системы;
- уровень доверия социальным и политическим институтам;
- обеспечение государством норм демократического общества;
- партийные ориентации.

Динамика индекса и основные критерии его интерпретации показаны на рис. 1¹³⁰. График показывает, что к июню 2014 г. интегральный индекс социополитической устойчивости впервые достиг положительного значения (0,57) и вошел в зону стабильного развития. Событием, обусловившим данный

¹³⁰ Более подробно с методикой расчета и интерпретации Индекса социополитической устойчивости см. Левашов В. К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. Москва: Научный мир, 2010. 370 с.

повышательный тренд, стало возвращение Крыма в состав России. Однако уже в конце 2014 г. значение индекса вернулось в зону кризисного развития. В последующие годы индекс социополитической устойчивости продолжал снижаться, достигнув в декабре 2018 г. отметки $[-14,34]$.

В сентябре 2020 г. интегральный индекс социополитической устойчивости составил $[-4,1]$, вплотную приблизившись к зоне стабильного развития, что свидетельствовало о положительном восприятии гражданском обществом принятого государством курса в условиях COVID-кризиса. Однако к июню 2021 г. величины пяти из шести перечисленных индикаторов значительно снизились. Индикаторы «Отношение к курсу экономических реформ» и «Необходимость трансформации политической системы», вышедшие в 2020 году в зону положительных значений («Зона стабильного развития»), резко вернулись в «Зону кризисного развития». Данные (см. табл. 1, рис. 1) свидетельствуют, что только индикатор «Партийные ориентации», отражающий соотношение выраженных респондентами предпочтений проправительственным и оппозиционным партиям и движениям, показал некоторый рост. Величина Интегрального индекса социально-политической устойчивости в июне 2021 г. составила $[-16,6]$.

Рисунок 1. Динамика значений интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 1

**Динамика значений индекса и индикаторов
социополитической устойчивости**

Этапы	Отношение к курсу экономических реформ	Социополитическая отчужденность	Необходимость трансформации политической системы	Уровень доверия социальным и политическим институтам	Обеспечение государством норм демократического общества	Партийные ориентации	Интегральный индекс
1992, VII	-24,8	-53,3	-10	-10,5	-45	4	-23,3
1993, II	-39,4	-52,4	-9,6	-18,8	-45,3	2	-27,3
1993, V	-39,3	-51,5	-12,7	-22	-45,7	1,4	-28,3
1994, II	-39,4	-51	-14,9	-23,6	-46,5	-0,3	-29,3
1994, V	-39,5	-48	-17,2	-24,1	-45,9	-1	-29,3
1995, I	-39,6	-45,3	-27,4	-42,2	-47,1	-3	-34,1
1995, V	-47,5	-48	-21,8	-46,9	-46,3	-5	-35,9
1995, XI	-45	-40	-39	-52,2	-50,3	-5,7	-38,7
1996, I	-33	-40	-28	-43,1	-41,4	-5	-31,8
1996, V	-22	-47	-25	-44,1	-43,1	-6	-31,2
1997, I	-32	-47	-40	-47,5	-38,2	-6	-35,1
1997, VIII	-31	-39,5	-34	-43,6	-44	-3	-32,5
1998, XII	-58	-48,3	-47	-51,3	-53,4	6,3	-42
1999, XI	-49	-44,3	-39	-48,6	-70,3	-10	-43,5
2000, V	-20	-37,8	-21	-33,3	-42,3	5,7	-24,8
2000, XII	-19	-37	-28	-36,9	-46,6	2,3	-27,5
2001, XII	-12	-40,5	-26	-33,1	-45,7	1	-26,1
2002, XII	-16	-39,8	-26	-33	-43,1	-1	-26,5
2003, X	-9	-42,6	-23	-28,93	-44	6	-23,6
2004, VI	-6	-43,6	-25	-31,5	-42,6	16	-22,1
2004, XII	-10	-48,3	-29	-36,6	-57,4	16	-27,6
2005, IX	-17	-46,3	-18	-24,3	-43,1	8	-23,5
2006, I	-13	-46	-12	-33,1	-38	7	-22,5
2006, VI	-12	-48	-21	-33	-37	8	-23,8
2007, I	-2	-43	-15	-24	-37	13	-18
2008, II	11	-40	-3	-18,1	-32,6	22	-10,1
2008, XI	4	-40	-10	-11	-27,7	33	-8,6
2009, VI	0	-42	-18	-15	-33	29	-13,2
2009, XII	5	-41,75	-14	-10,25	-32,6	27	-11,1
2010, VI	3	-39,75	-9	-6,94	-32	27	-9,6
2010, XII	-1	-39,75	-16	-9,88	-35,4	28	-12,3

Динамика значений индекса и индикаторов социополитической устойчивости

Продолжение таблицы

Этапы	Отношение к курсу экономических реформ	Социополитическая отчужденность	Необходимость трансформации политической системы	Уровень доверия социальным и политическим институтам	Обеспечение государством норм демократического общества	Партийные ориентации	Интегральный индекс
2011, VI	-16	-46,75	-23	-20,56	-36,3	20	-20,4
2011, XI	-10	-43,75	-22	-14,69	-34,86	16	-18,2
2012, IV	-4	-41,25	-15	-10,56	-34,29	16	-14,9
2012, XII	-4	-34,75	-13	-11,5	-32,29	16	-13,26
2013, VI	-3	-36	-15	-8,56	-25,1	16	-11,9
2013, XII	0	-35	-11	-7,2	-18	20	-8,5
2014, VI	16	-29,25	0	5,25	-8,57	20	0,57
2014, XII	12	-35	5	-2,56	-10,6	19	-2,03
2015, VI	7	-33,25	8	-0,38	-2,86	13	-1,4
2015, XII	-1	-34,75	6	-1,125	-13,7	14	-5,1
2016, VI	-6	-35,25	2	-6,81	-21,14	10	-9,5
2016, XII	-6	-33,25	-4	-8,06	-18	11	-9,72
2017, VI	-8	-34,5	-6	-7,56	-18,86	11	-10,65
2018, V	2	-33	3	-7	-11,1	6	-6,68
2018, XII	-19	-35,75	-7	-12	-16,29	4	-14,34
2019, VI	-17	-32	-7	-11,6	-18,29	6	-13,32
2020, IX	4	-32	15	-0,7	-13,7	3	-4,1
2021, VI	-11	-40,75	-25	-13,1	-18,9	9	-16,6

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Еще одна группа сложных индикаторов и индексов, рассчитываемая исследовательским коллективом с 2006 года, позволяет измерить **уровень развития гражданского общества**. Эмпирическим референтом социологических измерений выступают мнения населения о различных сторонах жизнедеятельности гражданского общества. Совокупность рассчитанных индексов дает возможность построить эмпирическую модель, основу которой составляют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может функционировать.

Индекс гражданского потенциала общества в России (S_0) позволяет количественно измерить институциональное ядро гражданского общества. Его значение складывается путем агрегирования величин индикаторов, полученных на основании ответов респондентов на вопросы:

- Отвечают или нет проводимые экономические преобразования интересам большинства населения нашей страны?
- Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?
- Кто, по Вашему мнению, в первую очередь выиграл в результате приватизации?
- Как Вы считаете, какое место в нашем обществе Вы занимаете по своему образованию, профессии, другим сторонам жизни? (социальная самоидентификация).
- Сейчас становится привычным относить людей к низшему, среднему или высшему классам. К какому классу Вы себя относите? (классовая самоидентификация).
- Какая из ниже приведенных оценок наиболее точно характеризует Ваши доходы? (самооценка денежных доходов).
- Оценка респондентами выполнения российским государством своих обязанностей по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Все сущностные базисные фундаментальные признаки, составляющие индекс, характеризуют величину институционального ядра, функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества, соответственно, сам индекс лежит в основе измерения уровня развития гражданского общества.

Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составила 6,9%. По состоянию на июнь 2021 г. аппроксимированное по линии тренда значение данного индекса составило 7,9%.

Сущностное ядро дополняют характеристики других сторон жизнедеятельности гражданского общества. В состав концептуальной модели гражданского общества входят ядро и оболочки, а эмпирическую модель гражданского общества в России составляют совокупность измерений ядра и оболочек (см. рис. 3).

Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе (S_1) составляет первую оболочку вокруг ядра концептуальной модели гражданского общества. Его величина определяется измерением совокупности мнений граждан о соблюдении равенства всех граждан перед законом, личной безопасности, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Средняя величина индекса обеспечения государством норм демократической жизни в обществе за весь период наблюдений составила 12,8%. По состоянию на июнь 2021 г. аппроксимированное по линии тренда значение данного индекса составило 20,1%.

Индекс выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом (S_2) вычисляется на основе распределения ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, выполняет или не выполняет государство свои основные

обязанности перед обществом?». Состав второй оболочки эмпирической модели гражданского общества определяется следующими индикаторами: регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, развитие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Средняя величина индекса выполнения государством своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила – 14,8%. По состоянию на сентябрь 2020 г. аппроксимированное по линии тренда значение данного индекса составило 20,4%.

Индекс обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина (S_3) составляет третью оболочку эмпирической модели гражданского общества и рассчитывается как совокупность следующих показателей: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, право на жилье, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на бесплатное образование, право на судебную защиту прав и свобод гражданина. Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина за весь период наблюдений составила – 16,6%. По состоянию на июнь 2021 г. аппроксимированное по линии тренда значение данного индекса составило 22%.

Индекс развития гражданского общества (S_4) строится на основе оценки гражданами восьми существенных критериев развития гражданского общества:

1. правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан;
2. право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом;
3. политическое и идеологическое разнообразие политических партий;
4. общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан;
5. открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом;
6. свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое мнение;
7. демократия, свобода политического выбора;
8. самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д.

Индекс составляет четвертую оболочку эмпирической модели гражданского общества. Средняя величина индекса развития гражданского общества за весь период наблюдений составила 25%. По состоянию на сентябрь 2020 г. аппроксимированное по линии тренда значение данного индекса составило 26,8%.

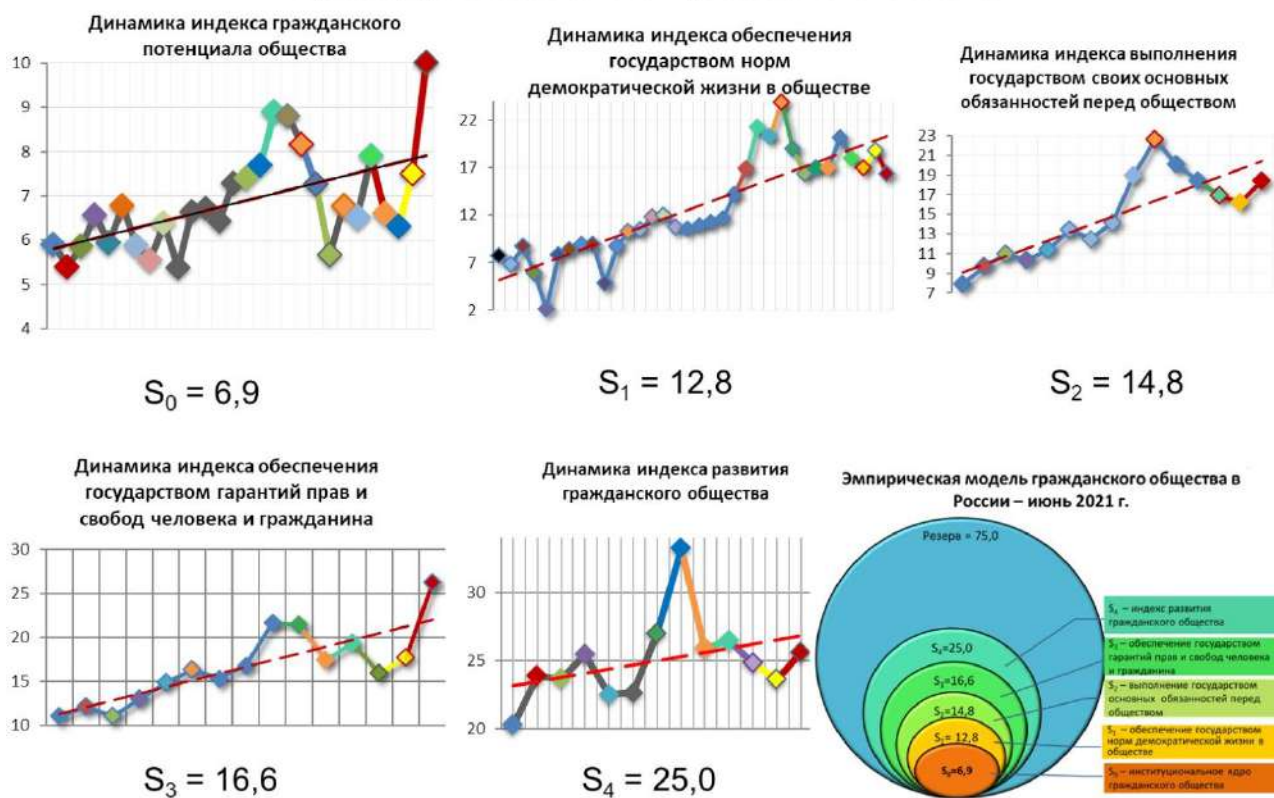
Эмпирическая модель развития гражданского общества в нашей стране может быть представлена в виде окружностей, площадь каждой из которых отражает числовое значение индексов ядра и оболочек. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующих (см. рис. 3).

Рисунок 3. Эмпирическая модель гражданского общества в России – июнь 2021 г.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России

Рисунок 4. Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России – июнь 2021.

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

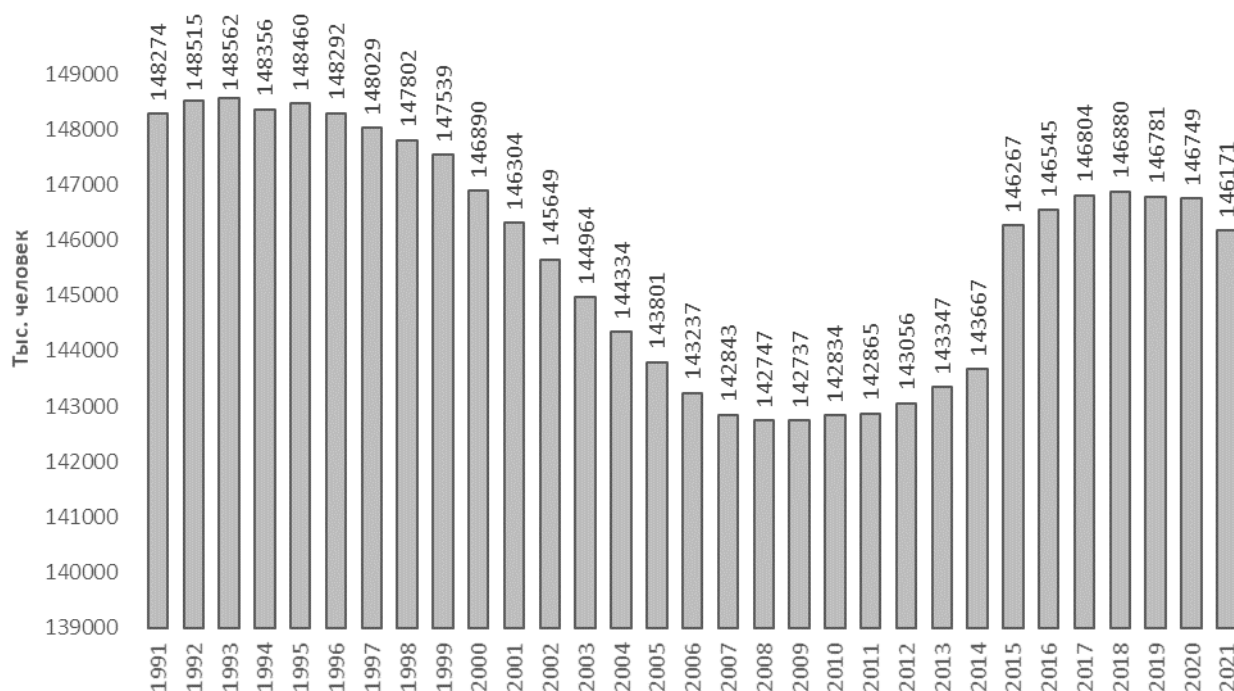
Величина Интегрального индекса социально-политической устойчивости в июне 2021 г. резко упала по сравнению с предыдущим замером в сентябре 2020 г. и составила — 16,6. Динамика большинства индексов развития гражданского общества в России имеет повышательную тенденцию (см. рис. 4). Российское гражданское общество постепенно расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны – 75,0%, значит, к моменту измерений пройдено лишь четверть пути к «идеальному» гражданскому обществу. Однако отчужденность и дистанцирование гражданского общества и граждан от государства продолжают нарастать.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

2.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Динамика численности населения России

В значительной степени результатом постпандемических демографических потерь стало сокращение численности населения России на 577,6 тысяч человек: со 146 млн 748 тыс. 590 человек на 1 января 2020 г. до 146 млн 171 тыс. 015 человек на 1 января 2021 г. (см. рис. 1). За предыдущий год (с 1 января 2019 г. по 1 января с 2020 г.) убыль численности населения была равной 32 тыс. 130 человек. Менее чем за один год пандемии (общая смертность от всех причин стала возрастать с мая 2020 г.) зафиксировано снижение численности населения нашей страны на 545 тыс. 445 человек.

Рисунок 1. Динамика численности населения России
на 1 января 2002–2021 гг. (тыс. чел.)

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата¹³¹.

В период первой депопуляции с 1993 по 2009 гг. (также в мирное время) общая численность населения России сократилась более чем на 5 млн 825 тыс. человек. В

¹³¹ Демография // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.10.2021).

2010 г. тенденция общей депопуляции была «переломлена», численность населения начала возрастать, хотя, справедливости ради, отметим, что до 2013 г. рост обеспечивался исключительно за счет положительного миграционного прироста и только в 2013 г. удалось «победить» естественную депопуляцию (рождаемость превысила смертность). Сегодня вновь фиксируется естественная **убыль населения**. Сокращение общего коэффициента рождаемости наблюдается с 2016 г.: в 2016 г. коэффициент составлял 12,9‰ (против 13,3‰ в 2015 г.); в 2017 г. – 11,5‰; в 2018 г. – 10,9‰; в 2019 г. – 10,1‰; 2020 г. – 9,8‰. Общий уровень смертности за период с 2016 по 2017 гг. уменьшился с 12,9‰ до 12,4‰; в 2018 г. – возрос до 12,5‰; в 2019 г. – сократился до 12,3‰; в 2020 г. – возрос до 14,5‰. С 2019 г. в России началась **вторая волна депопуляции**, долговременными факторами которой выступили старение населения и суженное воспроизводство.

О мониторинге национального проекта «Демография» и оценке демографической безопасности России

Коронавирусная пандемия в России началась в марте 2020 г., ее последствия серьезно обострили **вторую** волну депопуляции, определяющуюся ухудшением показателей демографического развития: замедлилась интенсивность снижения смертности по ряду причин смерти, общая смертность возросла, уменьшился достигнутый уровень ожидаемой продолжительности жизни, еще существенней сократилась рождаемость. Новые угрозы, связанные с распространением Covid-19, а также ряда внешних шоков, явились основанием корректировки/актуализации национальных целей, утвержденных в мае 2018 г.

Указом Президента России от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Правительству Российской Федерации вменено обеспечить устойчивый рост численности населения (уже без «акцента» на естественный рост)¹³².

В соответствии с национальными целями разработан и утвержден перечень индикаторов, характеризующих эффективность деятельности руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации¹³³, где среди прочих выделен показатель «достижения увеличения численности населения» в регионе. Бесспорно, данный показатель эффективности соответствует утвержденной национальной цели. Более того, находится в процессе реализации Национальный

¹³² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 14.10. 2021).

¹³³ Об оценке эффективности деятельности должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 04 февраля 2021 г. N 68 // Официальный сайт Президента России. 04 февраля 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/64970> (дата обращения 14.10.2021).

проект «Демография» (далее – НП «Демография») и ряд других государственных инициатив. При поверхностном рассмотрении проводимая демографическая политика свидетельствует о совершенствовании государственного управления с точки зрения его целенаправленности. Однако, последние изменения, внесенные в НП «Демография», требуют научного осмысления.

Корректировка национальных целей стала основанием актуализации национальных проектов. В начале 2021 г. обновили паспорт и НП «Демография»¹³⁴. В целях достижения роста численности населения из паспорта НП «Демография» исключили (видимо, за «ненужностью») ряд показателей, которые ранее являлись целевыми. Акцентируем внимание на следующих трех основных исключенных демографических индикаторах: суммарном коэффициенте рождаемости, ожидаемой продолжительности здоровой жизни, смертности населения старше трудоспособного возраста (женщины, достигшие возраста 55 лет и старше, мужчины, достигшие возраста 60 лет и старше). Стоит обоснованно полагать, что удаление данных показателей целесообразно лишь с позиции «положительной» отчетности. Данная позиция некорректна с точки зрения объективной оценки тенденций демографического развития.

В новом паспорте НП «Демография» приведены 20 показателей. Прежде всего, укажем их «плюсы» – данные индикаторы действительно могут показать рост и достичь плановых значений (тем более, что они были определены не на базе имеющейся ретроспективной динамики, т. к. ее, в большинстве случаев, просто нет, показатели вновь введенные и рассчитываются недавно). Например, показатель, включенный в обновленный паспорт НП «Демография», «**количество отчетов о направлении информации, включающей оценку хода реализации национальных проектов в социальной сфере и науке и входящих в их состав федеральных проектов на достижение национальных целей развития Российской Федерации, а также предложений по минимизации возникающих рисков**», вне всяких сомнений, покажет свой рост. Другой вопрос – насколько данный показатель критичен для достижения роста численности населения, и в целом обеспечения демографической безопасности страны? В обновленном паспорте НП «Демография» представленные показатели определены задачами развития системы здравоохранения и оказания своевременной медицинской помощи людям старших возрастных групп. Они имеют социальную направленность и характеризуют осуществляемую государством поддержку слаботзащищенных категорий населения (включая инвалидов) и семей с детьми. Ряд показателей связан с занятостью населения и образованием. При этом отметим, что реализуются специализированные НП «Здравоохранение» и «Образование». Мы не отрицаем взаимосвязи действующих национальных проектов, более того, ратуем за грамотную их увязку с Единым планом по достижению национальных целей развития

¹³⁴ Паспорт национального проекта «Демография» // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/e4/60/НП%20Демография.pdf> (дата обращения 14.10.2021).

России на период до 2030 г. Также мы признаем значимость проблемы старения общества, необходимость уделять внимание состоянию здоровья нации. Но, на наш взгляд, характеристика доступности социальных услуг (включая дошкольное образование) и мер поддержки семей с детьми – это катастрофически мало в условиях значимости падения рождаемости для будущего демографического развития.

Отметим, что из-за этих изменений НП «Демография» (в котором нет прямых индикаторов демографических процессов) частично утрачивает гармонизацию с целями и задачами Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹³⁵ (далее – Концепция демографической политики), что, в свою очередь, ставит вопрос о целеполагании в области демографического развития страны.

Анализ состояния и перспектив воспроизводства населения

С учетом современной демографической ситуации есть все основания полагать, что главной целевой установкой нашей страны на перспективу в контексте демографической политики, бесспорно, становится подъем рождаемости, улучшение режима воспроизводства населения. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в июле 2021 г. Указом Президента России¹³⁶, приоритетным национальным интересом страны (первым из перечисленных) является «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала». Достижение указанной национальной цели основано на реализации ряда задач, среди которых «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности». Среди перечня показателей мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период¹³⁷, на котором основывается система стратегического управления государством, также приведен индикатор – суммарный коэффициент рождаемости.

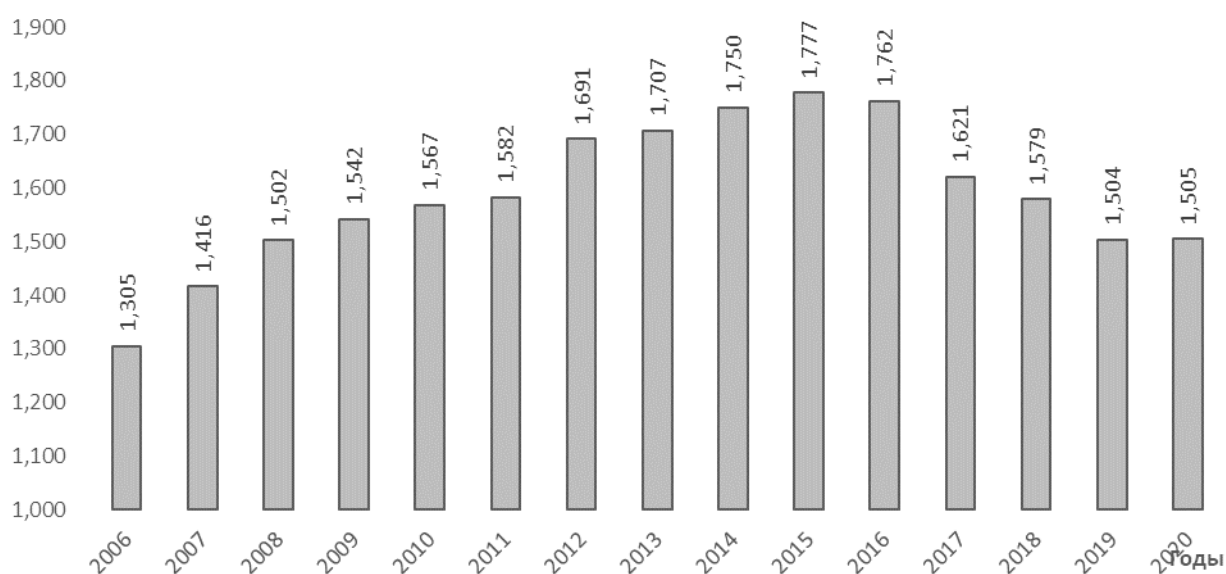
Результативность проводимой государством демографической политики наилучшим образом определяется достижением задач, утвержденных в Концепции демографической политики, которая реализуется с 2007 г., что обосновывает соотнесение ряда целевых показателей к их уровням 2006 г. В Концепции выделено три этапа (временных лагов) реализации, за которые оценивается достигнутое состояние демографических процессов. В настоящее время осуществляется третий этап (2016-2025 гг.), основным содержанием которого определено «упреждающее

¹³⁵ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351) // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения 14.10.2021).

¹³⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения 14.10.2021).

¹³⁷ О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период : Постановление Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2015 г. № 1218 // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/104147/> (дата обращения 14.10.2021).

реагирование на возможное ухудшение демографической ситуации в стране»¹³⁸. Оценка основных параметров демографического развития сегодня позволяет говорить о том, что однозначно **не будет выполнен** план по увеличению в 1,5 раза по сравнению с 2006 г. суммарного коэффициента рождаемости. За период с 2006 по 2020 гг. суммарный коэффициент рождаемости возрос на 15,35% с 1,305 до 1,505 ребенка на одну женщину (см. рис. 2), среднее ежегодное увеличение составляло 1,03%. При этом отметим, что, в соответствии с планом мероприятий по реализации Концепции в 2016 – 2020 гг., суммарный коэффициент рождаемости в 2020 г. должен был достигнуть значения 1,87 ребенка на одну женщину¹³⁹. План **не выполнен** (процент выполнения – 80,48%).

Рисунок 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России за период с 2006 по 2020 гг. (среднее число детей, рожденных одной женщиной)

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата.

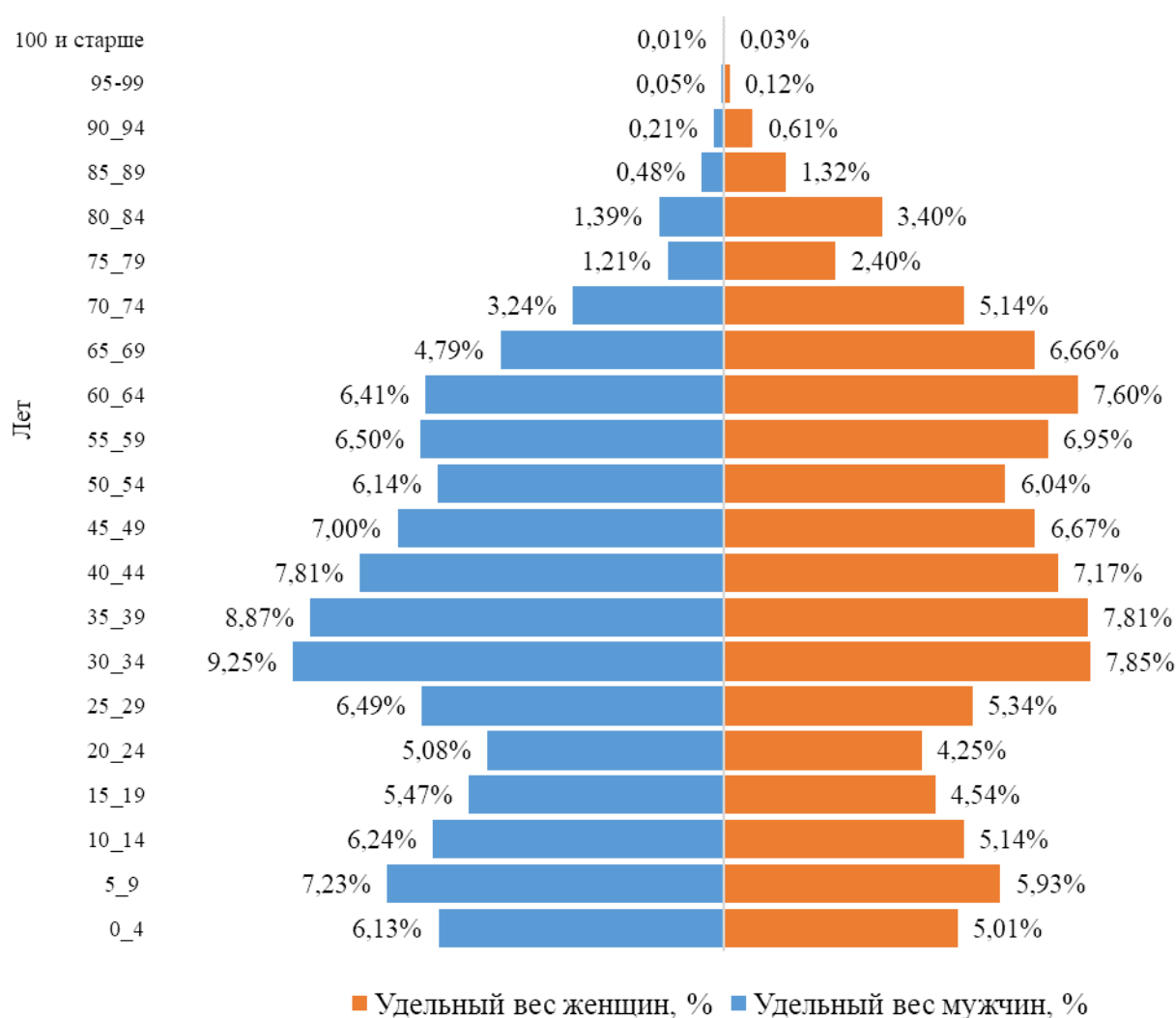
Справедливости ради отметим, что проводимая демографическая политика с 2006 г. (1 января 2007 г. в России был введен целый комплекс мер стимуляции рождаемости, о которых президент объявил в послании Федеральному собранию в мае

¹³⁸ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 // Официальный сайт Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 03.10.2021).

¹³⁹ Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016 - 2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 14 апреля 2016 г № 669-р // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/all/106246/> (дата обращения 14.10.2021).

2006 г., среди мер – введение базового «материнского капитала»¹⁴⁰) дала положительные результаты, при том резкий скачок рождаемости был зафиксирован в кратчайший лаг времени (в 2007 и 2008 гг.). Введение такой беспрецедентной меры, как маткапитал, произвело на людей в том числе и сильный психологический эффект – ощущение заботы государства, разделение ответственности за воспитание детей. Однако впоследствии эффект данной меры сократился, более того, сформировавшаяся возрастная структура населения предопределила в дальнейшем ухудшение достигнутых результатов.

Сейчас основным препятствием для достижения роста рождаемости является сложившаяся регрессивная возрастная структура населения (см. рис. 3).

Рисунок 3. Половозрастная пирамида населения России на 01.01.2021, %

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата.

¹⁴⁰ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23819> (дата обращения 14.10.2021).

Перспективы изменения рождаемости зависят от количества женщин в фертильном возрасте и реализации репродуктивных намерений населения. В основной фертильный возраст (20–39 лет) в ближайшие 20 лет будет вступать менее многочисленная когорта женщин, чем выходить из этого возраста. Меньшее число женщин при сложившемся суженном уровне воспроизводства не смогут родить большее число детей, чем их предшественницы.

Прогнозы Росстата¹⁴¹ (см. табл. 1.), учитывающие вероятность дожития и миграционный прирост, распределенные по возрастам, также не выглядят утешительными (при этом указаны средний и высокий варианты, без низкого). Как видно, в соответствии с «высоким вариантом» прогноза число женщин в основном фертильном возрасте сократится от численности на начало 2021 г. к 2025 г. предположительно на 8,62%, к 2030 г. – на 18,51%.

Таблица 1

Численность женщин (20–39 лет) в основном фертильном возрасте на 1 января 2021 г. и по прогнозу в 2025 и 2030 гг. (на начало года), чел.

Возраст, лет	2021 г.	2025 г.		2030 г.	
		Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
20-24	3 330 428	3 554 542	3 570 563	4 025 070	4 047 744
25-29	4 181 565	3 465 775	3 481 479	3 658 589	3 697 012
30-34	6 152 080	4 675 498	4 690 953	3 572 744	3 599 228
35-39	6 114 514	6 293 265	6 330 589	4 742 709	4 773 870
Итого	19 778 587	17 989 080	18 073 584	15 999 112	16 117 854

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата

На возраст 25-29 лет приходилось самое большое число детей, родившихся на 1000 женщин. В возрасте 25-29 лет каждая тысяча женщин в среднем родила от 85 (в 29 лет) до 99 детей (в 25 лет, зафиксирован максимальный уровень возрастного коэффициента рождаемости в 2020 г.). К 2025 г. число женщин возраста 25-29 лет сократится на 700 тысяч человек, или на 16,74% (по «высокому варианту» прогноза). Уровень рождаемости в возрастах 20-24 года и 30-34 года примерно на 20% ниже, чем в возрасте 25-29 лет, в возрасте 35-39 лет существенно ниже (примерно в 3 раза). Следует отметить, что средний возраст матери в последние годы возрастал. В 2010 г. он составлял 27,7 лет, в 2020 г. – 28,76 года. На это влияла тенденция «откладывания рождения ребенка»: за указанный период рождаемость в возрасте 20-24 года уменьшилась, а рождаемость в возрасте 30-34 года возросла.

¹⁴¹ Демографический прогноз до 2035 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 14.10. 2021).

Приведенные факты и прогнозы однозначно говорят о том, **что в ближайшие 5 лет** при неизменном уровне воспроизводства в России будет наблюдаться дальнейшее **сокращение общего коэффициента рождаемости**, темпы уменьшения его значений замедлятся или начнут стагнировать через 7–10 лет. Напомним, что сокращение общего коэффициента рождаемости, после периода его, можно сказать, пятнадцатилетнего роста (оговорка указана в связи с тем, что в отдельные годы наблюдалась стагнация или незначительное уменьшение показателя), фиксируется с 2016 г.: в 2016 г. коэффициент составлял 12,9‰ (против 13,3‰ в 2015 г.); в 2017 г. – 11,5‰; в 2018 г. – 10,9‰; в 2019 г. – 10,1‰; 2020 г. – 9,8‰.

Повлиять на уровень воспроизводства населения, а точнее на рост деторождений, приходящихся на одну женщину фертильного возраста, можно только активными грамотными мерами в рамках проводимой семейной и социально-демографической государственной политики, направленной на достижение семейного благополучия и учитывающей интересы семьи.

Оценка итогов демографического развития 2006-2020 гг.

Для формирования более общей и полной картины демографического развития, помимо характеристик изменений отдельных демографических показателей, считается целесообразным применение такого инструмента как оценка сводного коэффициента выраженности роста устойчивого демографического развития.

Расчет коэффициента выраженности роста устойчивого демографического развития (K_{ep}) осуществляется по следующей формуле:

$$K_{ep} = (N^+ + N^-) : N \times 100\%,$$

где N^+ – число случаев роста исходных показателей-стимулянтов;

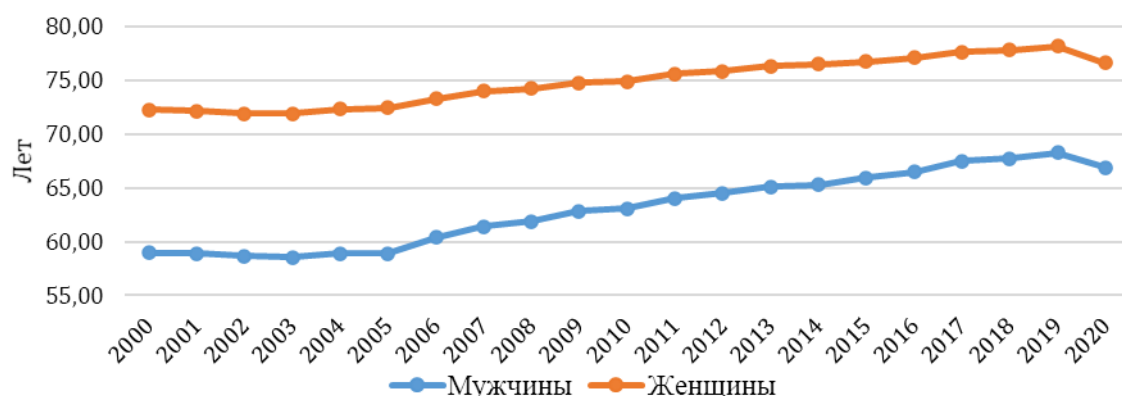
N^- – число случаев сокращения исходных показателей-дестимулянтов;

N – общее число всех исходных случаев по всем показателям.

Анализ проводился на базе десяти демографических показателей, которые в зависимости от своего содержания были подразделены на два вида: стимулянты (7 индикаторов) и дестимулянты (3 индикатора). Стимулянт отличается тем, что для устойчивости демографического развития должен показывать рост, дестимулянт – наоборот, снижение. В этой связи в качестве показателей-стимулянтов были отобраны параметры, характеризующие динамику численности населения, рождаемости (как общий коэффициент, так и суммарный), брачности, ожидаемой продолжительности жизни (в разрезе пола) и миграционного прироста.

Из семи показателей-стимулянтов не было ни одного, у которого не происходило сокращение в течение 2006 – 2020 гг. По одному разу сокращался показатель ожидаемой продолжительности жизни (далее – ОПЖ) как мужчин, так и женщин (2020 г. – пандемия). При этом до 2019 г. фиксируется четкая тенденция роста ОПЖ и

мужчин, и женщин (см. рис. 4), средний ежегодный рост в течение 14 лет составлял соответственно 0,94% и 0,50%. В 2020 г. в сравнении с уровнем 2019 г. сокращение показателя составило 1,96% и 2,01% соответственно для мужчин и для женщин.

Рисунок 4. Динамика ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России за период с 2006 по 2020 гг., лет

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата.

Оставшиеся 5 показателей в период с 2006 по 2020 гг. не характеризовались четко выраженной устойчивой тенденцией роста (см. табл. 2), и в течение времени меняли темпы роста на темпы снижения достигнутого ранее уровня.

Таблица 2

Темпы прироста индикаторов демографического развития России (показатели-стимулянты) в период с 2006 по 2020 гг., %

Годы	Темпы прироста демографических показателей, %				
	Среднегодовая численность населения	Суммарный коэффициент рождаемости	Общий коэффициент рождаемости	Общий коэффициент брачности	Коэффициент миграционного прироста
2006	-0,33	0,82	0,98	5,41	22,22
2007	-0,17	8,51	9,71	12,82	63,64
2008	-0,04	6,11	6,19	-5,68	0,00
2009	0,03	2,63	2,50	1,20	0,00
2010	0,04	1,67	1,63	1,19	5,56
2011	0,08	0,93	0,80	8,24	15,79
2012	0,17	6,89	5,56	-7,61	-4,55
2013	0,21	0,95	-0,75	0,00	0,00
2014	1,80	2,52	0,76	-1,18	-9,52
2015	0,22	1,54	0,00	-5,95	-10,53
2016	0,18	-0,84	-3,01	-15,19	5,88
2017	0,11	-8,00	-10,85	5,97	-19,84
2018	-0,01	-2,59	-5,22	-14,08	-37,63
2019	-0,04	-4,75	-7,34	6,56	116,67
2020	-0,21	0,07	-2,97	-18,46	-62,56
В среднем за 2006-2020	0,17	1,03	-0,35	-2,72	-2,89

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата.

Отдельно отметим колебания коэффициента миграционного прироста населения: в период с 2006 по 2011 гг. коэффициент увеличился с 11‰ до 22‰. С 2012 по 2018 гг. показатель уменьшается до значения 9‰. В 2019 г. фиксируется существенный рост до 19,5‰, но в 2020 г. вновь сокращение до 7,3‰. Среднее ежегодное уменьшение коэффициента миграционного прироста населения России в период с 2006 по 2020 гг. составило 2,89%. Стоит учитывать, что коэффициент миграционного прироста (как и другие демографические показатели) считается на основе данных официального учета миграции.

Сегодня потоки миграции количественно уже не компенсируют естественную убыль населения. Более того, необходимо осознавать, что миграция не должна быть «панацеей», спасающей от убыли населения, так как усиливающиеся масштабы миграционных потоков в конечном счете могут привести к трансформации этнической структуры страны вследствие низкой интенсивности процесса ассимиляции приезжих, что вскроет проблему демографической экспансии, представляющей угрозу демографической безопасности России. В свою очередь демографическая экспансия может обострить вопросы сохранения российской государственности, территориальной целостности страны, и привести к утрате части исконной территории проживания.

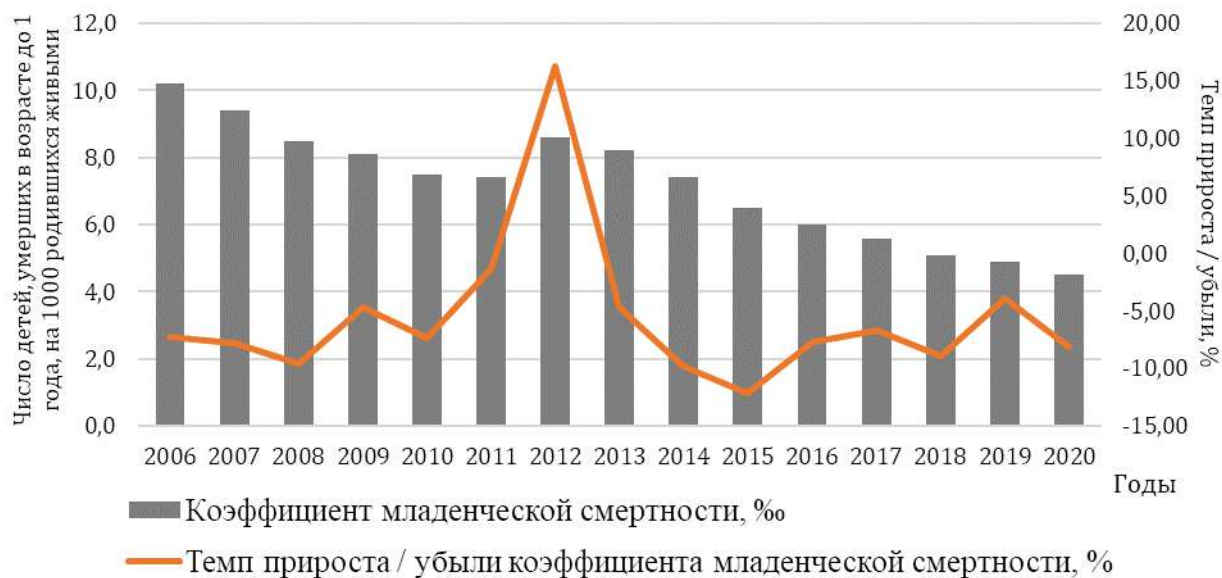
Среди показателей-дестимулянтов в анализ были включены следующие характеристики смертности населения: темп прироста/убыли общего коэффициента смертности; темп прироста/убыли смертности населения в трудоспособном возрасте; темп прироста/убыли коэффициента младенческой смертности. Коэффициент младенческой смертности в период с 2006 по 2020 гг. (см. рис. 5) демонстрирует четко выраженную тенденцию сокращения (за весь период его значение увеличивалось лишь один раз – в 2012 г.). Рост, фиксируемый в 2012 г., обоснован изменением учета живорожденных в контексте гармонизации отечественной статистики с международными стандартами¹⁴². Отметим, что несмотря на повышение коэффициента младенческой смертности в 2012 г. на 16,22%, его уровень оставался ниже значения 2006 г.

В целом за период с 2006 г. по 2020 гг. коэффициент младенческой смертности уменьшился в 2,3 раза: на 10000 родившихся живыми до года жизни в 2006 г. умирало 102 ребенка, в 2020 г. – 45 детей. С учетом достигнутого уровня уменьшения младенческой смертности, можно с уверенностью говорить, что задача демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁴³ по динамике

¹⁴² В соответствии с приказом Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 года № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» регистрации в органах ЗАГС с апреля 2012 г. подлежат рождения и смерти новорожденных с экстремально низкой массой тела (от 500 до 1000 граммов).

¹⁴³ Достижение к 2025 г. сокращения уровня младенческой смертности не менее чем в 2 раза от уровня 2006 г. См.: Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ

анализируемого показателя будет выполнена (в обозримом будущем предполагается замедление интенсивности уменьшения значений показателя, при этом предпосылок к существенному его росту нет).

Рисунок 5. Динамика коэффициента младенческой смертности в России за период с 2006 по 2020 гг.

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата.

Динамика интенсивности смертности населения в трудоспособном возрасте также характеризуется тенденцией сокращения. Увеличение коэффициента смертности населения в трудоспособном возрасте зафиксировано лишь дважды – в 2014 г. и в 2020 г. (влияние внешних шоков, в том числе и эпидемии COVID-19). Увеличение уровня общей смертности населения России зафиксировано четыре раза, что не позволяет говорить об устойчивости динамики показателя.

Значение коэффициента выраженности роста устойчивого демографического развития по семи индикаторам-стимулянтам за период времени с 2006 по 2020 гг. показало, что лишь в 65,71% всех случаев наблюдается динамика роста показателей демографического развития, что не соответствует устойчивости развития демографических процессов. По всем 10 индикаторам, включая параметры смертности, значение коэффициента выраженности роста устойчивого демографического развития составило 71,33%, что говорит в большей степени об эффективности мер, направленных на сокращение смертности и рост продолжительности жизни населения (прежде всего, в контексте обеспечения доступности качественных услуг в сфере

Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 // Официальный сайт Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 03.10.2021).

здравоохранения), однако, проводимая демографическая политика в области рождаемости подтверждает свою несостоятельность.

В целом сложившуюся неблагоприятную демографическую конъюнктуру, вторую волну депопуляции со всеми вытекающими социально-демографическими последствиями переломить при реализуемой демографической политике представляется довольно сложной задачей. Пятнадцатилетняя динамика демографических индикаторов не позволяет говорить об устойчивости демографического развития России. Значительную роль играет изменение моделей репродуктивного поведения россиян, что недостаточно учитывается в модели демографической политики.

2.2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В РОССИИ

Введение

Серьезным демографическим вызовом для нашей страны является нарастание темпов депопуляции. Пандемия, ее последствия требуют анализа различных аспектов, в том числе демографических и социальных. Это актуально как для рассмотрения текущей ситуации, так и потому, что в будущем человечеству в целом, так и каждой отдельно взятой стране придется столкнуться с непрекращающимися новыми инфекционными заболеваниями. Американские исследователи Энтони Фаучи и Дэвид Моренс связывают это с «эпохой пандемий». Ученые объяснили рост инфекционных пандемий с тем, что именно существенно возросшая мобильность населения увеличивает риск их возникновения. Этому способствует и разрушение природной среды, а также активное расширение жизненного пространства, испытывающего антропогенное воздействие¹⁴⁴. В докладе ПРООН за 2020 г., который углубленно рассматривает динамику человеческого развития отмечено, что «хотим мы этого или нет, но наступает новая реальность. В этом смысле пандемия Covid-19 — это лишь «острие копья», лишь первый звонок»¹⁴⁵.

Демографическая динамика, ее тренды определяются, в том числе, изменениями численности и половозрастной структуры населения как определенной территории, так и мира в целом. «Серебряная революция» или демографическое старение – один из результатов и определяющих факторов радикальной смены возрастной структуры как в мире, так и в России. Рост числа и доли пожилых людей увеличивают потребность в поиске новых научных подходов и практических решений.

Старение населения носит глобальный характер; оно происходит и будет продолжаться во всех странах мира. В этом контексте малопродуктивным выглядит рассмотрение старения населения как «серой опасности». Скорее задача состоит в том, чтобы общества поощряли социальные изменения, которые позволят воспользоваться возможностями, предоставляемыми пожилым населением. Поскольку мы стремительно вступаем в беспрецедентную демографическую реальность, где пожилых людей больше, чем детей, мы не можем позволить себе откладывать решение проблем старения населения¹⁴⁶. В этих условиях важное значение принадлежит инновациям, в том числе социальным.

---

¹⁴⁴ Butler G. Experts Say Humans Are Living in an 'Age of Pandemics'—and COVID Won't Be the Last // Vice World News. September 08, 2020. URL: <https://www.vice.com/en/article/k7q9x9/humans-living-in-age-of-pandemics-covid-19-coronavirus> (last request 14.10.2021).

¹⁴⁵ Доклад о человеческом развитии 2020 (резюме): «Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен». Нью-Йорк: Программа развития Организации Объединенных Наций, 2020. 36 с.

¹⁴⁶ Uhlenberg P. Demography is not destiny: The challenges and opportunities of global population aging // Generations. 2013. Vol. 37. No 1. Pp. 12-18.

Демографические потери в период пандемии COVID-19

Наши предположения о том, что общие потери смертности от разных причин в 2020 г. будут выше, чем до распространения данной инфекции подтвердились. Серьезным демографическим вызовом для нашей страны является тот факт, что **на 1 января 2021 г. общая численность населения сократилась на 510 405 человек** по сравнению с началом 2020 г. Для сравнения приведем показатели сокращения населения за 2019 г.: население сократилось на 32 130 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность населения России за период с 2010- 2021 гг.

Годы	Все население, млн чел.	в том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2010	142,9	105,3	37,6	74	26
2011	142,9	105,4	37,5	74	26
2012	143,0	105,7	37,3	74	26
2013	143,3	106,1	37,2	74	26
2014	143,7	106,6	37,1	74	26
2015	146,3	108,3	38,0	74	26
2016	146,5	108,6	37,9	74	26
2017	146,8	109,0	37,8	74	26
2018	146,9	109,3	37,6	74	26
2019	146,8	109,5	37,3	75	25
2020	146,7	109,5	37,2	75	25
2021	146,2	109,3	36,9	75	25

Источник: Составлено автором на основе данных Росстата¹⁴⁷.

По международным стандартам население считается демографически старым, если доля людей в возрастах 65 лет и более во всем населении превышает 7%. В России в 2021 г. 15,8% (на начало 2020 г. их доля была меньше – 15,5%) жителей – в возрасте 65 лет и более. В структуре населения этих возрастов преобладают женщины, более двух третей (66,6%). В возрастной группе 85 лет и более численность женщин превышает численность мужчин в 3,2 раза. Средний возраст жителей страны достиг 40,4 лет, мужчин – 37,6 лет, женщин – 42,8 лет. Самый высокий средний возраст в регионах Европейской части России: в Тамбовской, Тульской, Рязанской и Пензенской областях – 43,8 - 43,1 лет.

В России детей и подростков до 16 лет на 9,5 млн. человек, или на 25,7% меньше, чем лиц старше трудоспособного возраста. Людей в старших возрастах больше, чем

¹⁴⁷ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 : Статистический бюллетень / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). 2021 г. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения 14.10. 2021).

детей и подростков в значительном числе российских регионов (в 71 субъекте Российской Федерации из 85). При этом наибольшее преобладание численности пожилых и старых людей: в Тамбовской и Тульской областях – в 2,0 раза; Республике Мордовия, Пензенской и Рязанской областях – в 1,9 раза; Воронежской, Владимирской, Орловской, Псковской, Смоленской областях и г. Москве – в 1,8 раза; Ивановской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Новгородской, Саратовской, Тверской и Ульяновской областях – в 1,7 раза¹⁴⁸.

Коронавирусная смертность оказалась сконцентрирована в старших возрастах. Так, почти 57% умерших от COVID-19 – люди старше 70 лет, 83% – люди старше 60 лет. При этом мэр Москвы Сергей Собянин в июне текущего года отметил, что теперь коронавирусом «тяжело болеют многие люди среднего возраста и даже молодые»¹⁴⁹.

В 2021 смертность в России продолжала расти. Так, в первом полугодии естественная убыль достигла 421,9 тыс. человек. С января по июнь в России родились 678,1 тыс. людей, умерли 1,1 млн. При сравнении с аналогичным периодом 2020 г., естественная убыль составляла 265,5 тыс. человек, то есть на 59% меньше. Уровень рождаемости практически не изменился. Но при этом уровень смертности в нынешнем году за указанный период увеличился на 16,2%. Для 23,4 тыс. умерших причиной смерти стал коронавирус. Это в три раза больше, чем за аналогичный период прошлого года, когда умерли 7,3 тыс. россиян.

Важно отметить здесь, что в России необходимо обеспечить повышение прозрачности демографических данных, в том числе по пандемии COVID-19. Более полные и открытые демографические данные позволят лучше понять динамику пандемии и лучше бороться с ней¹⁵⁰.

Взаимосвязь динамики продолжительности жизни и Индекса человеческого развития

Одним из основных качественных показателей демографического развития является ожидаемая продолжительность жизни. В большинстве экономически развитых стран ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) устойчиво и довольно быстро повышалась с 1990-х годов. В России устойчивая тенденция роста ОПЖ наблюдалась с 2004 г. Ее рост в 2015 г. по сравнению с 2003 г. составил 6,5 года (с 64,9 до 71,4 года). Однако в сравнении с лучшим показателем 1986–1987 гг. (70,13 года) рост составил всего 1,3 года. В 2016 г. ОПЖ при рождении для обоих полов в России составила 71,87 года (для мужчин – 66,50, для женщин – 77,06 лет). Россия отстает от экономически развитых стран по продолжительности жизни, например, по сравнению

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Ткачев И. Что стало известно про пандемию из годовых данных Росстата по демографии / Газета РБК. 15 июня 2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2021/60c4f6c19a794732b5523fa4> (дата обращения 14.10.2021).

¹⁵⁰ Demombynes G. COVID-19 Age-Mortality Curves Are Flatter in Developing Countries : Policy Research Working Paper 9313. World Bank Human Development Global Practice, July 2020. 31 p.

со средним значением по Европейскому Союзу почти на 10 лет. В нашей стране сохраняются значительные различия в ОПЖ мужчин и женщин. В 2018 г. ОПЖ мужчин при рождении составляла 67,8 года, женщин – 77,8 года. В 2019 г. ОПЖ при рождении для обоих полов составила 73,34 года. Пандемия COVID-19 повлияла на сокращение численности населения и продолжительность жизни. В 2020 г. продолжительность жизни в стране впервые с 2003 г. сократилась. По мнению ряда экспертов, к уровню 2019 г. по ОПЖ Россия сможет вернуться к 2024 г. В 2021 г. ОПЖ составит 71,7 года¹⁵¹.

Пандемия коронавируса выявила слабые звенья в системе управления, показала, что с оптимизацией первичного звена здравоохранения «заигрались». Проблемы, обнажившиеся в ходе пандемии — не столько медицинские или биологические, это проблемы политические и социальные. Стали очевидными три меняющихся фундаментальных обстоятельства: образ жизни, технологии и экономика. Перемены в образе жизни обусловлены изменениями в системе социальных ценностей, следовательно, в поведении людей, что меняет социальную организацию всех без исключения современных обществ. Процессы, давшие этот результат, не могут быть сведены только к пандемии. Они накапливались с середины шестидесятых годов прошлого века. Образ жизни определяет структуру всего жизненного цикла современных поколений. Увеличение продолжительности жизни, демографическое старение, различие в уровнях и качестве жизни как между странами, так и внутри них – все это ставит новые, в том числе нравственные вопросы: как решаются проблемы с порогом пенсионного возраста, размером пенсий, социальным статусом старших поколений, эвтаназией и др. Пожилые люди, численность и доля которых постоянно растет, могут рассматриваются как полноценные участники общественных процессов, либо их считают социально уязвимыми и не имеющими возможности принимать решения, в том числе и в отношении собственной судьбы? В ходе пандемии на этот выбор накладываются «границы перехода в технологически новый – во многом дивный – мир». Сегодня вопрос о том, «каким будет тип личности в новой экономической модели и более широко – в новом миропорядке, начинает всплывать снова»¹⁵².

Одним из наиболее признанных инструментов человеческого развития три десятилетия остается Индекс человеческого развития ООН (ИЧР), учитывающий, в том числе, социально-демографические факторы. Наша страна в рейтинге ООН по этому показателю занимает позиции в районе 50 места. Например, по ИЧР 2014 г. Россия находилась на 57 строке, затем несколько лет держалась на 49-й позиции, а в 2020 г. сместилась на 52-е место. Обратимся к сравнению показателей Норвегии и России по

¹⁵¹ Бочкарёва Т., Ткачёв И. Ожидаемая продолжительность жизни в России в пандемию снизилась на 2 года // РБК. 11 марта 2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2021/604a3c099a7947c4afb996b7> (дата обращения 14.10.2021).

¹⁵² Александр Агеев: «Когда затихнет распространение эпидемии, придет время психиатров...»: [интервью] // Бизнес Online : [сайт]. 24.05.2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/469554> (дата обращения 14.10.2021).

этому индексу в 2020 г. Лидер рейтинга – Норвегия имеет показатель Индекса человеческого развития – 0.957. ИЧР нашей страны – 0.824. Мы отстаем по показателям ожидаемой продолжительности жизни при рождении (для обоих полов) почти на 10 лет, по ожидаемой продолжительности обучения в школе более чем на 3 года, по валовому национальному доходу (ВНД) на душу населения – примерно в 2,6 раза¹⁵³.

В Послании Президента Федеральному Собранию¹⁵⁴ говорится: «Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей, об укреплении социальных гарантий, развитии экономики, образования и культуры. Наша стратегия в том, чтобы вновь выйти на устойчивый рост численности населения, добиться, чтобы в 2030 г. средняя продолжительность жизни в России составила 78 лет». Одной из основных задач социального государства является обеспечение высокого качества жизни своих граждан. От этого зависит не только продолжительность жизни, но и продолжительность активного долголетия.

Ключевые проблемы ближайшего десятилетия: бедность и демография

За прошедшие после принятия поправок в Конституцию время социальное неравенство в России не уменьшилось, что подтверждают исследования¹⁵⁵.

Социологические опросы в условиях пандемии COVID-19 показывают, что у 35% населения сократились доходы. 15% респондентов уже потратили большую часть своих сбережений, отложенных «на черный день»¹⁵⁶. Экстренные меры, предпринятые Правительством Российской Федерации для оказания помощи гражданам и наиболее пострадавшим отраслям экономики, в определенной мере смягчили ситуацию, но не остановили процесс обеднения россиян.

¹⁵³ Доклад о человеческом развитии 2020 (резюме): Следующий рубеж: Человеческое развитие и антропоцен. Нью-Йорк: Программа развития Организации Объединенных Наций, 2020. 36 с.

¹⁵⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения 14.10.2021).

¹⁵⁵ Ашмаров И. А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 4. С. 556-570; Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104-127; Черныш М. Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 7-28; Ильин В. А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 6. С. 9-23.

¹⁵⁶ Четверикова А. Окна с видом на COVID: Социологи вышли с удаленки, чтобы узнать мнение россиян о последствиях коронавируса // Российская газета. № 250(8304) от 6 ноября 2020.

Около 20 млн человек в России, или 13,5% населения, находятся за чертой бедности. По мнению первого вице-премьера А. Белоусова, ключевыми проблемами ближайшего десятилетия для России являются «бедность и демография»¹⁵⁷.

Согласно последним опросам общественного мнения респонденты определили, что старость в нашей стране наступает в 62 года. Основными проблемами пожилых россиян являются бедность и низкие пенсии (71%), ухудшение здоровья и болезни (44%), ощущение ненужности и невостребованности (19%), одиночество (17%). При этом больше половины респондентов (54%) отметили, что окружающие уважают пожилых, но 43% не разделяют это мнение¹⁵⁸.

В современных условиях обострения международной конкуренции, роста напряженности на международной арене, ситуации пандемии COVID-19 повышается значимость оценки собственных возможностей и трудностей как на макро-, так и на микроуровнях.

Международные документы, в том числе «Глобальная стратегия и план действий ВОЗ по проблемам старения и здоровья на 2016–2020 гг.»¹⁵⁹ показывают направления и меры, которые необходимо принимать для обеспечения широким слоям населения более счастливой и долгой жизни. Это особенно актуально в условиях набирающего силу тренда демографического старения с учетом того, что фундаментальной особенностью переживаемого в настоящее время периода является структурная перестройка мировой экономики.

Социальные инновации как направление решения демографических проблем

В книге Ю. Н. Харари «Sapiens. Краткая история человечества»¹⁶⁰ сформулирован философский вопрос нашего будущего: «Чего мы хотим хотеть»? «Человек разумный» – во многом исследователь, открывающий новое в себе и мире. Новизна, изобретения, инновации: в теоретическом аспекте эти понятия связаны с различными подходами. Дефиниция «инновации» впервые применена в начале XX века известным экономистом Йозефом Шумпетером и в значительной степени связывалась им с деятельностью в предпринимательской сфере, в первую очередь, с изменениями в целях реализации и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в

¹⁵⁷ Белоусов назвал ключевые проблемы ближайшего десятилетия для России // Газета «Известия»: [сайт]. 10 ноября 2020. URL: <https://iz.ru/1084990/2020-11-10/belousov-nazval-kliuchevye-problemy-blizhaishego-desiatiletia-dlia-rossii> (дата обращения 14.10. 2021).

¹⁵⁸ Россияне назвали возраст, когда наступает старость // Москва 24: [сайт]. 04 декабря 2020. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/04122020/144235> (дата обращения 14.10.2021).

¹⁵⁹ Global strategy and action plan on ageing and health (2017) World Health Organization. Geneva. 56 p. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/329960/9789241513500-eng.pdf> (last request 04.11.2021).

¹⁶⁰ Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2017. 499 с.

промышленности¹⁶¹. Различные аспекты теории инноваций и инновационных процессов широко представлены как отечественными, так и зарубежными исследователями. Базисные инновации – это продукты, процессы или услуги, обладающие либо невиданными ранее свойствами, либо известными, но значительно улучшенными по производительности или по цене свойствами. Эти радикальные инновации создают такие значительные изменения в процессах, продуктах или услугах, что приводят к трансформации существующих рынков или отраслей, или же создают новые рынки и отрасли, к примеру, сферу электронного бизнеса благодаря распространению Интернета.

В широком спектре инноваций выделяют базисные инновации. Именно они лежат в основе динамики технологических укладов. Совокупность технологий определяет тот или иной технологический уклад, обобщающий цикл общественного воспроизводства:

1. механические системы;
2. технологии с использованием пара;
3. технологии с использованием электричества;
4. автоматизация и химизация;
5. биотехнологии, компьютеризация;
6. нанотехнологии, геновая инженерия.

В основе теории технологических укладов лежат идеи Н. Д. Кондратьева о больших циклах экономической конъюнктуры¹⁶². В начале каждого большого цикла происходят глубокие изменения в обществе на основе научно-технологических инноваций нового, более прогрессивно уклада¹⁶³.

В Федеральном законе от 21 июля 2011 г. N 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”» было закреплено законодательное определение инноваций, инновационной деятельности. Инновации определяются как «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». В документе указано, что «государство оказывает поддержку инновационной деятельности в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения»¹⁶⁴.

¹⁶¹ Schumpeter J. A. Business cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York - Toronto – London : McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.

¹⁶² Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002. 767 с.

¹⁶³ Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России : сб. СПб.: Гуманистика, 2003. С. 104.

¹⁶⁴ О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 21.07.2011 г. № 254-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33682> (дата обращения 14.10.2021).

С 2007 г. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), входящая в структуру ООН рассчитывает Глобальный инновационный индекс, который включает два субиндекса (ресурсы инноваций и результаты инноваций), включающий 81 показатель. Первое место в рейтинге 2021 г. принадлежит Швейцарии. Второе и третье места – у Швеции и США. В десятку лидеров вошли Великобритания, Южная Корея, Нидерланды, Финляндия, Сингапур, Дания и Германия, у Китая двенадцатое место. Из 132 стран, включенных в анализ, Россия заняла сорок пятое место. В субиндексе ресурсов инноваций Россия заняла 43-е место, по результатам инноваций – 52-е. Самый лучший результат Россия продемонстрировала по показателю развития человеческого капитала и науки (29-е место), худший — по показателю верховенства закона (109-е место). По качеству регулирования Россия заняла 100-е место, регулятивной среды — 92-е, по развитию институтов — 67-е. Однако этот показатель улучшен после прошлогоднего 71-го места¹⁶⁵.

В докладе ВОИС 2021 г. отмечается, что инвестиции в инновации продемонстрировали большую устойчивость во время пандемии COVID-19, часто достигая новых пиков, но они различны в разных секторах и регионах. Подчеркнуто, что технический прогресс на передовых рубежах сулит значительные перспективы. Например, появление вакцин против COVID-19. Прогресс также продолжается быстрыми темпами в других областях технологий – например, ИКТ и возобновляемые источники энергии – с потенциалом для повышения уровня жизни, улучшения здоровья людей и защиты окружающей среды. При этом только несколько экономик стабильно демонстрируют высокие показатели инновационной деятельности. Так Швейцария, Швеция, США и Великобритания вошли в топ-5 за последние три года, в то время как Республика Корея впервые вошла в пятерку лидеров в 2021 г. Из 25 наиболее инновационных экономик большинство по-прежнему являются европейскими. Ряд стран со средним уровнем дохода меняют инновационный ландшафт, начиная с Китая, Турции, Вьетнама, Индии и Филиппин, которые в настоящее время набирают вес в области инноваций. Китай остается единственной страной со средним уровнем дохода среди 30 наиболее инновационных экономик мира. Немногим другим странам со средним уровнем дохода удалось наверстать упущенное в области инноваций. Турция (41-е место), Таиланд (43-е), Вьетнам (44-е), Российская Федерация (45-е)¹⁶⁶.

Безусловно, ни одна из инноваций не сможет осуществиться, если победят эпохальные и базисные антиинновации. При пессимистическом сценарии мирового развития реальной может стать крупнейшая эпохальная антиинновация, когда

¹⁶⁵ GII 2021 at a glance : Global Innovation Index. URL:

https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2021/GII_at_a_glance.pdf (last request 14.10. 2021).

¹⁶⁶ Там же.

человечество окажется на грани самоуничтожения в результате глобального столкновения цивилизаций¹⁶⁷.

Исследователи отмечают, что глобализация и четвертая промышленная революция становятся причинами изменения функций и структуры государства всеобщего благосостояния¹⁶⁸. С одной стороны, увеличивается экономическая уязвимость населения и возникают новые формы неравенства. При этом, по мнению ряда ученых, ценность гражданина все чаще определяется в обществе его значимостью как работника и налогоплательщика. С другой стороны, в результате комплекса возникающих проблем сокращаются социальные выплаты. В настоящее время установлен консенсус в отношении необходимости изменения политического дизайна института социального государства, находящегося в экзистенциальном кризисе. Проблему изменения конфигурации социальной политики следует рассматривать в ракурсе понимания гражданами ценностей жизни для перехода, по-видимому, к новому общественному договору¹⁶⁹.

Российские ученые утверждают, что «народ может поверить только конкретным делам, наглядно демонстрирующим намерение власти восстановить социальную справедливость». Например, С. Глазьев говорит о необходимости поворота к новому мирохозяйственному укладу, подчеркивая, что без идеологического обоснования это будет непросто¹⁷⁰.

Заслуживает внимания идея Хосе Ортеги-и-Гассета (José Ortega y Gasset, 1883–1955 гг.) о том, что «человек — не вещь, а некое усилие быть или тем, или другим. И каждая эпоха, и каждый народ, и даже каждый индивид по-разному формируют такое общечеловеческое стремление»¹⁷¹. В условиях интенсивного процесса демографического старения населения и необходимости технологической модернизации экономики главным вызовом для России становится отсутствие четкой идеологии свободного жизненного выбора¹⁷². Представляется, что с принятием поправок к Конституции началось движение в сторону повышения эффективности социального государства в России.

¹⁶⁷ Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. Москва : Экономика, 2004. 219 с.

¹⁶⁸ Atkinson A. Globalisation and the European welfare state at the opening and the closing of the twentieth century // *Europe and Globalisation*. New York : Palgrave-MacMillan, 2002. Pp. 249-273; Becker S. Digital structural change and the welfare state in the 21st century. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research, 2019; Berger S. Globalisation and politics : *Annual Review of Political Science*, 2019. No 3. Pp. 43–62.

¹⁶⁹ Khoma N., Vdovychyn I. Deconstruction of the welfare state: the impact of globalization and technological factors // *Croatian journal of social policy*. 2020. Vol. 27. No 3. Pp. 285-285.

¹⁷⁰ Глазьев С. Урок Белоруссии // *Изборский клуб*. 25.08.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19799/> (дата обращения 14.10.2021).

¹⁷¹ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // *Избранные труды / Пер. с исп. М.: «Весь Мир», 1997. С. 164-232.*

¹⁷² Доклад о человеческом развитии 2019 (резюме): «За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке». Нью-Йорк: Программа развития Организации Объединенных Наций, 2019. 40 с.

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 особое значение приобретает тезис о том, что «перед лицом трудностей прогресс должен принять адаптивное качество, основанное на обучении на практике, сопровождаемое всесторонними инновациями, закрепленное совещательным и совместным принятием решений...»¹⁷³.

Технологии и инновации имеют решающее значение — но картина современного мира более сложна и динамична. Любое, даже самое многообещающее решение может привести к опасным непредвиденным последствиям. Необходимо переориентировать подход от решения отдельных изолированных проблем к включению в поле анализа многомерных, взаимосвязанных и становящихся все более повсеместными трудностей с учетом демографической динамики¹⁷⁴.

В исследованиях последнего десятилетия особое внимание уделяется социальным инновациям, которые рассматриваются как в широком, так и в узком контексте. В широком значении социальными возможно считать абсолютно все существующие виды инноваций: технико-технологические, экономические, политические, правовые, собственно социальные, психологические, педагогические, научные, культурные и иные, в связи с тем, что представляют собой общественные феномены в различных сферах. При узком подходе к социальным инновациям относятся процессы обновления именно социальной сферы жизни общества, ведущие к изменению социальных групп, общностей и их отношений, социальной среды, социальных институтов и организаций. В центре внимания социальных инноваций всегда находятся люди, их отношения, интересы, потребности и цели¹⁷⁵.

Рабочая группа Совета Северных Стран по вопросам демографии и социального обеспечения *социальными* считает те инновации, которые «социальны как по своим целям, так и по средствам». В концепции территориальных социальных инноваций, представленной этой группой, особое внимание в социальных инновациях уделяется процессу, с помощью которого создаются новые способы реагирования на демографические проблемы (а не требованиям для успешного поддержания социальных предприятий или других видов решений)¹⁷⁶.

Выводы

Таким образом, по общему мнению отечественных исследователей¹⁷⁷, для нашей страны наиболее важными трендами послекоронавирусного мира являются проблема безопасности, включающая в себя продовольственную безопасность, социальную

¹⁷³ Доклад о человеческом развитии 2020 (резюме): «Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен». Нью-Йорк: Программа развития Организации Объединенных Наций, 2020. 36 с.

¹⁷⁴ Батенева Т. Топчемся на месте: Результаты инновационной деятельности в России ниже ожидаемых // Российская газета. Спецвыпуск № 269(8323) от 30 ноября 2020.

¹⁷⁵ Царев А. С. Социальная инновация как универсальное начало общественного бытия // Власть. 2010. № 1. С. 64-66.

¹⁷⁶ Copus A. Territorial Social Innovation: Clarification of the concept // Rapport fra Nordic Council Working Group on Demography and Welfare. 2016. 11 p.

¹⁷⁷ Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 17-32.

безопасность, медицинскую безопасность и биологическую безопасность, и формирование посткоронавирусного мира как общества глобального риска, экономические последствия пандемии и мирового экономического кризиса, включая бедность, экономическое неравенство и безработицу.

К этому следует добавить поиски выхода из «синдемической» ситуации, основанные на стратегических подходах к формированию общественного здоровья в течение всего жизненного цикла, в том числе в старших возрастах; а также необходимость разработки социальной политики в области эффективного и одобряемого обществом сочетания новых технологий контроля, включая цифровой, с правами и свободами в том числе старшего поколения.

2.3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА РОЖДАЕМОСТИ¹⁷⁸

Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие россиян»

Объективная оценка эффективности семейно-демографической политики невозможна без широкого использования данных выборочных обследований, позволяющих охарактеризовать трансформации ценностных ориентаций общества, репродуктивные планы и состояние репродуктивного здоровья населения, выявить основные факторы, влияющие на демографическое развитие. Сегодня применение выборочных обследований в области анализа результативности демографической политики в отношении рождаемости определяется как необходимостью корректного определения перспектив динамики рождаемости, так и, видимо в еще большей мере, необходимостью определить пути совершенствования направлений и мер демографической политики. Решение второй задачи предполагает формирование методик, позволяющих получать детальные оценки результативности отдельных направлений и мер демографической политики, что позволит сформировать предложения по совершенствованию семейно-демографической политики с учетом мнений и потребностей целевых групп. Успешная попытка такой оценки может быть осуществлена на основе выборочного исследования.

Материалы данного раздела основаны на данных Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенного с участием авторов в 2019-2020 гг. на территории 10 субъектов Российской Федерации: г. Москва, Московская область, Республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области¹⁷⁹. Объем выборочной совокупности составил 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет.

Выборочное социологическое обследование проводилось путем анкетного опроса. В опросе была реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе были отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). На втором этапе в каждом из выбранных регионов осуществлен систематический отбор (квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности).

---

¹⁷⁸ В разделе представлены результаты социологических исследований, проведенных в рамках проекта Российского научного фонда № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

¹⁷⁹ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. Рук. д.соц.н., профессор Т. К. Ростовская.

Путем использования многоступенчатой выборки обеспечена высокая точность результатов, доверительный интервал расчета данных составил для общероссийской выборки +/- 0,4% (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок +/-4% (при уровне достоверности 95,4%). Результаты являются репрезентативными для России в целом и для включенных в выборочную совокупность регионов. Объектом исследования явились представители различных поколений (возрастных групп) жителей России: респонденты в возрасте от 18 до 50 лет – люди бракоспособного и репродуктивного возраста. В совокупности опрошенных, участвующих в обследовании и указавших пол и возраст, наблюдалось примерное гендерное равенство: 49,86 % - мужчин и 50,14 % - женщин. Средний возраст женщин составил 31,8 лет, мужчин – 31,1 года.

Таблица 1

Половозрастной состав опрошенных, человек (число указавших пол и возраст)

Пол	Возраст		
	17-29 лет	30-39 лет	40-50 лет
Мужской	1040	910	646
Женский	977	851	776

Выбор возрастной структуры объекта исследования обусловлен необходимостью сравнения взглядов мужчин и женщин различных возрастных групп, выявлением поколенческих различий в демографическом поведении россиян. Для решения задач исследования были использованы такие методы, как анализ рядов распределения и таблиц сопряженности, дескриптивные методы анализа данных, расчет непараметрических критериев для оценки значимости различий в распределениях ответов респондентов. Результаты исследования позволили выявить демографические установки россиян, а также основные препятствия для увеличения детности семей и охарактеризовать различия в их приоритетности для женщин и мужчин¹⁸⁰.

Гендерная оценка мотивов вступления в брак

Для выявления мотивов вступления в брак, создания семьи, в значительной степени определяющих и репродуктивные установки, в программу исследования были включены следующие вопросы:

- Собираетесь ли Вы вступить в брак?
- Если «Да», то предполагаете ли Вы зарегистрировать его?

¹⁸⁰ Результаты исследований отражены в публикациях: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // Женщина в российском обществе. 2021. Специальный номер. С. 121-135; Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 86-103.

- Насколько могут быть для Вас значимы перечисленные факторы начала Вашей будущей супружеской жизни (оцените, пожалуйста, значимость каждого из перечисленных факторов по пятибалльной шкале: «1» означает, что он не будет иметь практически никакого значения, а «5» – что он будет иметь очень большое значение).
- Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то почему?

В совокупности респондентов большинство как мужчин, так и женщин состоят в браке (см. табл. 2). При этом удельный вес женщин, состоящих в зарегистрированном браке, выше, чем мужчин в данном статусе (соответственно 49,40% против 45,55%). Состоящих в незарегистрированном браке среди мужчин, напротив, больше: удельный вес мужчин составляет 7,74%, женщин – 6,60% от числа ответивших соответственной гендерной категории. В опросе также участвовали респонденты, никогда не состоящие в браке (среди них удельный вес мужчин выше, чем у женщин в процентах от совокупности ответивших соответствующего пола), а также вдовы и разведенные. Большинство респондентов состоит в первом браке (84,1% мужчин и 86,2% женщин, состоящих в браке).

Таблица 2

Семейное положение респондентов, % к числу опрошенных

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	
	Женщины	Мужчины
Состою в зарегистрированном браке	49,40	45,55
Состою в незарегистрированном браке	6,60	7,74
Вдовец (вдова)	1,98	0,87
Разведен (а)	9,67	6,80
Никогда не состоял(а) в браке	32,33	39,04
Итого	100,00	100,00

Из тех, кто не состоит в браке: собираются вступить в брак – 44,53% (при этом большинство как женщин, так и мужчин указали, что зарегистрировать его предполагают после проверки своих чувств и апробации совместного проживания год или два); не собираются создавать семью – 32,88%; затруднились с ответом – 22,59%. Отметим, что намерения респондентов вступить в брак не зависят от пола (коэффициент сопряженности 0,089, что не является статистически значимым).

Среди лиц, ответивших, что собираются вступить в брак, 98,0% женщин и 96,6% мужчин подтвердили намерение брак зарегистрировать. При этом большая часть респондентов указали, что предполагают заключение брака, но сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем зарегистрировать: 60,8% женщин и 67,3% мужчин. Факт будущего рождения ребенка на регистрацию брака, по мнению респондентов, существенного влияния не оказывает: указали, что предполагают

регистрацию брака, но только, если должен будет родиться ребенок, 3,6% женщин и 5,4% мужчин.

В исследовании демографического поведения населения особое практическое значение приобретает оценка значимости мотивов, побуждающих начать супружескую жизнь. Анализировалось влияние следующих 5 факторов на создание семьи:

- желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком;
- желание в ближайшее время иметь ребенка;
- желание иметь постоянного сексуального партнера;
- желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства;
- желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким.

Характеризуя значимость мотивов начала будущей супружеской жизни, отметим, что как мужчины, так и женщины довольно высоко оценивают повышение степени самостоятельности при создании своей семьи. При этом женщины несколько в меньшей степени ориентируются на данный мотив (на отсутствие связи между вступлением в брак и желанием тем самым стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком указали 28,5% женщин и 18,6% мужчин от совокупности ответивших лиц каждого пола, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак).

Среди женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, на вопрос о значимости желания в ближайшее время иметь ребенка для создания семьи: 29,7% ответили, что данный фактор практически не значим, и 23,9%, наоборот, указали его приоритетное значение. Среди мужчин, собирающихся вступить в брак, на большую значимость рождения ребенка указали лишь 13,4% от ответивших.

Практически нет различий в мнениях мужчин и женщин по поводу значимости мотива «иметь постоянного сексуального партнера» для создания семьи: как женщины, так и мужчины высоко оценили его значение (34,6% и 32,6% соответственно). Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства более важно для женщин, чем для мужчин (28,2% женщин и 18,3% мужчин указали, что данный фактор имеет очень большое значение).

Среди всех мотивов создания семьи ведущее значение как для мужчин, так и для женщин отдается желанию иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким (80,5% женщин и 75,3% мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак указали, что данный фактор имеет очень большое значение).

Полученные результаты говорят о том, что существующие гендерные расхождения во мнениях о значимости рассматриваемых мотивов для создания семейного союза нельзя назвать слишком существенными. Это подтверждается

рассчитанными значениями коэффициента сопряженности Пирсона для оценки значимости различий в распределении ответов мужчин и женщин (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели зависимости между мотивами вступить в брак и полом респондентов (уровень значимости 0,05)

Исследуемые признаки	χ^2 - критерий Пирсона	Коэффициент сопряженности	Мера Крамера	Сила взаимосвязи
Желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком	26,909	0,132	0,133	слабая
Желание в ближайшее время иметь ребенка	32,471	0,145	0,146	слабая
Желание иметь постоянного сексуального партнера	42,281	0,165	0,167	слабая
Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства	18,894	0,111	0,112	слабая
Желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким	15,581	0,100	0,101	слабая

Согласованность мнений мужчин и женщин в отношении приоритетности мотивов начала будущей супружеской жизни подтверждается рассчитанными коэффициентами ранговой корреляции Спирмена и Кендела, которые соответственно составили 0,7 и 0,6. Уточнить, в чем же конкретно наблюдаются различия, позволяет расчет средних баллов для различных мотивов вступления в брак (см. табл. 4).

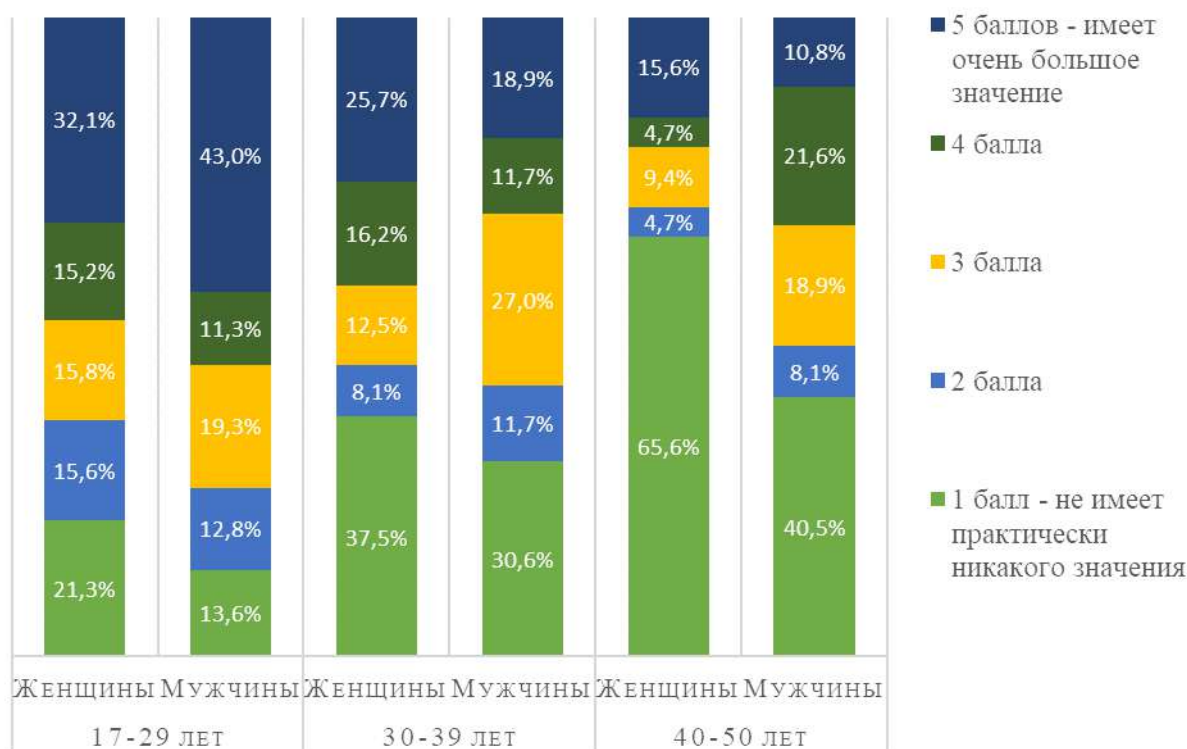
Таблица 4

Оценка приоритетности мотивов вступления в брак

Факторы	Средний балл по 5-балльной шкале (ранг)	
	Женщины	Мужчины
Желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким	4,702 (1)	4,600 (1)
Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства	3,567 (2)	3,309 (4)
Желание иметь постоянного сексуального партнера	3,513 (3)	3,537 (2)
Желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком	3,036 (4)	3,342 (3)
Желание в ближайшее время иметь ребенка	2,882 (5)	2,739 (5)

Как для мужчин, так и для женщин первичным для создания семьи является желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким. Однако, у женщин на втором месте по значимости – материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства, на третьем – наличие постоянного сексуального партнера, на четвертом – самостоятельность и на пятом – ребенок. В то время как у мужчин вторым по значимости является фактор наличия постоянного сексуального партнера, третьим – самостоятельность, четвертым – материальные преимущества и пятым – ребенок.

Логично, что с возрастом вне зависимости от пола респондентов значимость фактора обретения самостоятельности после вступления в брак снижается: 65,6% женщин и 40,5% мужчин в возрасте 40-50 лет, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали что данный мотив для начала будущей супружеской жизни не имеет практически никакого значения (см. рис. 1).

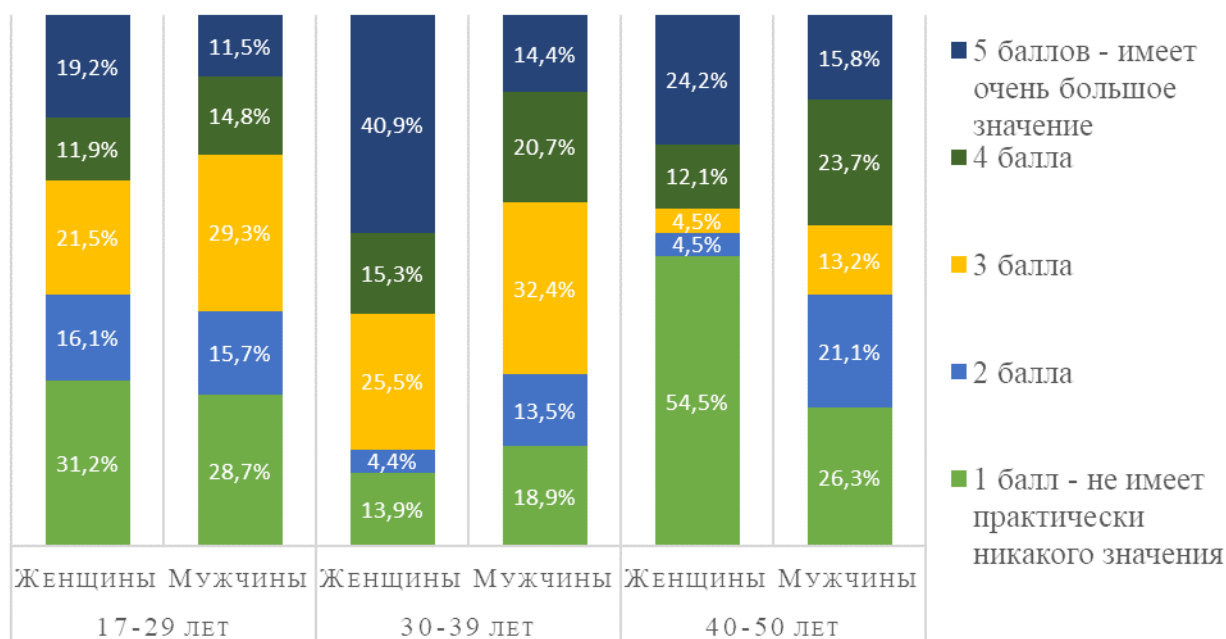

Рисунок 1. Структура ответов на вопрос о значимости желания стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком, при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

По возрастам значимо отличается структура ответов о роли такого мотива для вступления в брак, как «в ближайшее время иметь ребенка». В молодом возрасте, от 17 до 29 лет, в структуре ответов гендерные различия менее существенные, чем в более старших возрастах, но о тождественности речь не идет. При этом иметь ребенка в

молодых возрастах не столь важно, как для мужчин, так и для женщин (см. рис. 2), что определяется тенденцией «откладывания рождения ребенка» ради обучения и карьеры, сложившейся в последние десятилетия. Важно отметить существенную роль для женщин такого мотива, как родить ребенка в браке в возрасте 30-39 лет (40,9% женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что иметь в ближайшее время ребенка для начала будущей супружеской жизни имеет очень большое значение), в то время как мужчины этого возраста не считают этот фактор приоритетным для создания семьи (14,4% указали его очень большое значение; большинство оценили этот фактор в 3 балла по пятибалльной шкале – 32,4%). Это говорит о ценности для женщин «традиционной» семьи, когда дети рождаются в браке.

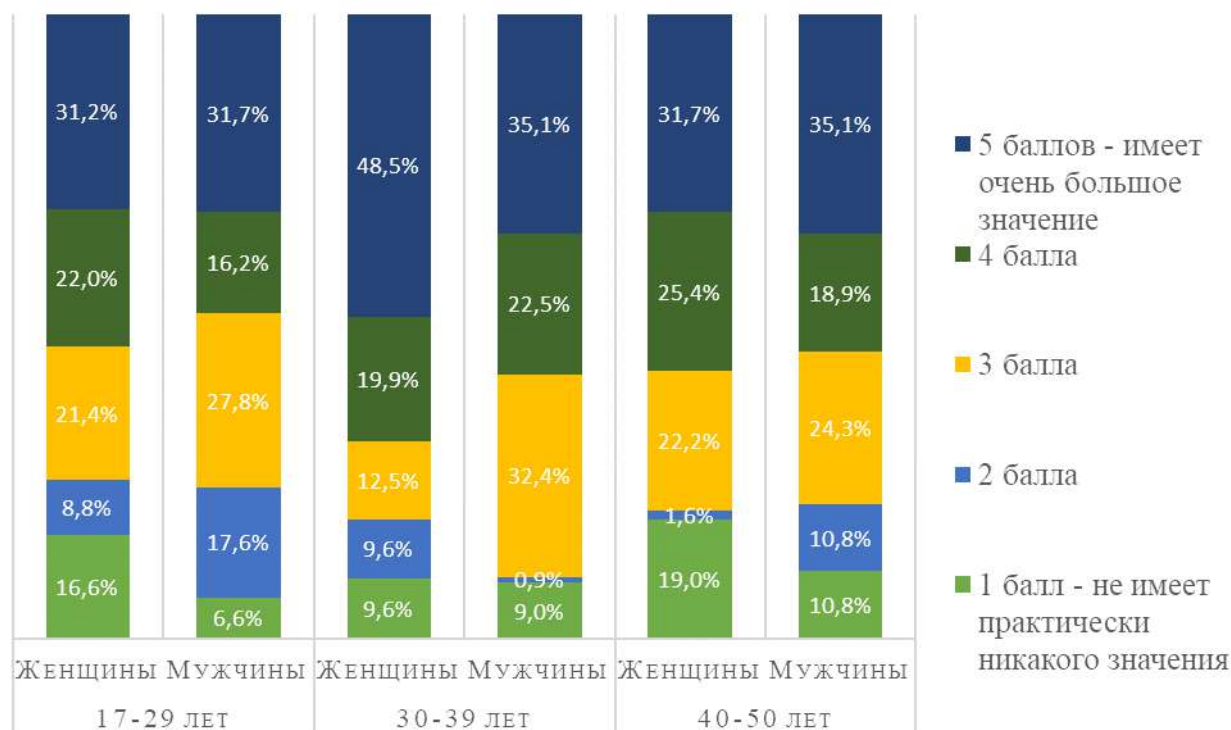
В возрасте 40-50 лет женщины высказывают более независимую позицию: 54,5% женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что желание иметь в ближайшее время ребенка для начала будущей супружеской жизни не имеет практически никакого значения; мужчин – 26,3%. Более того, в данном возрасте женщины для себя роль данного фактора создания семьи оценивают более четко: либо он имеет значение (36,3% от ответивших оценили значимость на 5 и 4 балла из возможных 5), либо – нет.

Рисунок 2. Структура ответов на вопрос о значимости желания в ближайшее время иметь ребенка при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших.

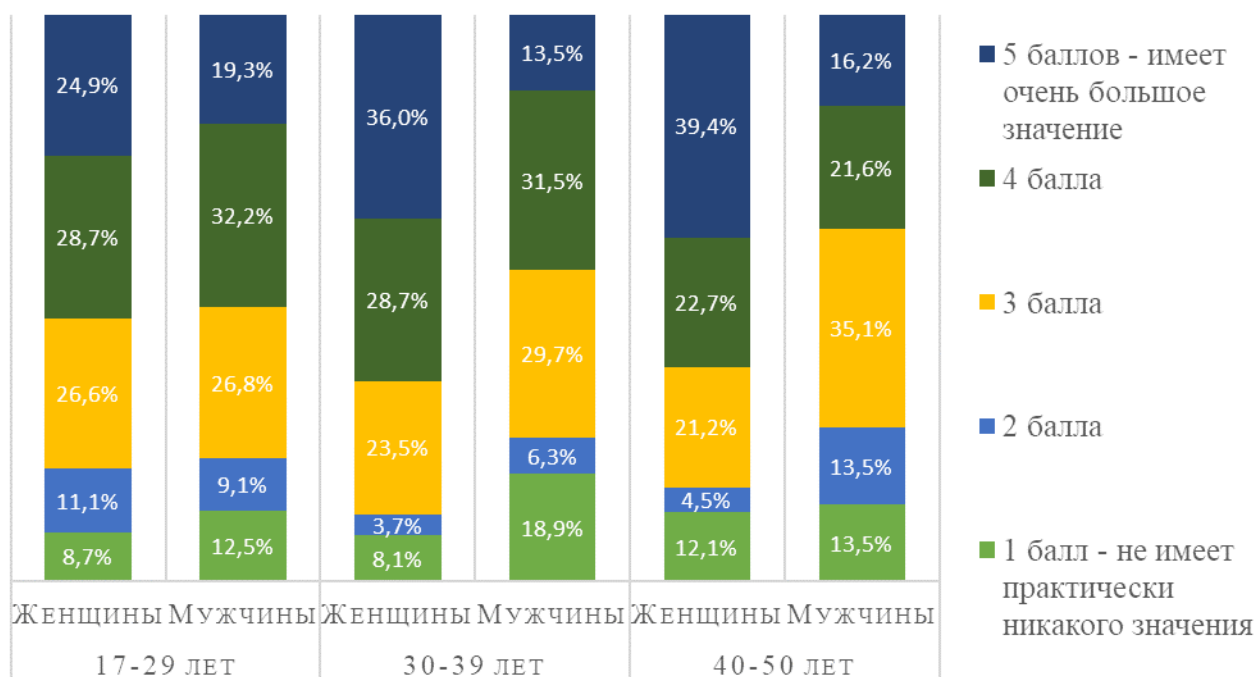
В каждой из рассматриваемой групп возрастов выявлена важность иметь постоянного сексуального партнера. Отметим, что у женщин данный фактор при создании семьи более значим, чем у мужчин, особенно это выявлено в возрасте 30-39

лет (см. рис. 3). С возрастом для женщин возрастает значимость получения материальных преимуществ от более рационального ведения общего домашнего хозяйства как фактора создания семьи.

Рисунок 3. Структура ответов на вопрос о значимости желания иметь постоянного сексуального партнера при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших.

При этом наибольшую независимость от данного фактора высказывают мужчины в возрасте 30-39 лет: 13,5% от ответивших мужчин данного возраста указали его очень большую значимость; 29,7% оценили его в 3 балла из 5 возможных; 18,9% отметили, что он не имеет практически никакого значения (см. рис. 4). Более 90% ответивших женщин каждой возрастной группы, указали, что при намерении создать семью желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким, имеет очень большое значение (5 баллов) или оценили роль этого фактора на 4 балла из 5.

Рисунок 4. Структура ответов на вопрос о значимости желания получить материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

Среди ответивших мужчин данный мотив для создания семьи также обладает существенной значимостью, но не настолько однозначно для представителей всех возрастов. В молодом возрасте в структуре ответов этот мотив для вступления в брак на 5 и 4 оценили 94,5%, в старших возрастах удельный вес так ответивших меньше: 77,7% и 74,3% соответственно среди возрастов 30-39 лет и 40-50 лет.

Таблица 5

Структура ответов о значимости мотива «иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким» при решении о начале будущей супружеской жизни, % от ответивших

Вариант ответа	17-29 лет		30-39 лет		40-50 лет	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
1 балл - не имеет практически никакого значения	1,3	1,0	4,3	4,5	0,0	5,1
2 балла	0,2	1,0	0,7	1,8	0,0	7,7
3 балла	5,0	3,5	2,9	16,1	4,5	12,8
4 балла	10,9	15,1	21,0	18,8	13,6	5,1
5 баллов - имеет очень большое значение	82,6	79,4	71,0	58,9	81,8	69,2

Менее всего различается структура ответов женщин и мужчин на вопрос о приоритетности для начала супружеской жизни фактора «иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким» в рамках каждого возраста. В каждой из рассматриваемых половозрастных категорий он однозначно лидирует среди мотивов начать супружескую жизнь (средний балл выше 4). Наиболее значительные расхождения в структуре мнений между мужчинами и женщинами зафиксированы в старших возрастах по ответам на вопрос о роли для начала супружеской жизни в ближайшее время иметь ребенка. Исследование подтвердило происходящую трансформацию в системе мотивов создания семьи в России: от репродуктивных мотивов, значимости создания семьи для рождения и воспитания детей, приоритет в настоящее время перешел к социально-психологическим (прежде всего, в контексте весомой значимости желания иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким).

Отношение к регистрации брака

Значительная часть респондентов при вступлении в брак подразумевает именно официальную регистрацию брака. В отношении к регистрации брака гендерно тождественно выглядит структура ответов о значимости такого фактора, как «соответствие нормам общественной морали, мнению окружающих». Как женщины, так и мужчины разделились почти в равных долях на тех, для кого роль данного фактора имеет существенное значение (5 и 4 балла из возможных 5 указали 42,3% женщин и 41,2% мужчин от совокупности ответивших лиц каждого пола) и тех, кому этот мотив безразличен (1 и 2 балла поставили 36,8% женщин и 38,0% мужчин). Стоит отметить, что значимость этого фактора как у женщин, так и у мужчин увеличивается

с возрастом респондентов (указали очень большое значение для регистрации брака, поставив 5 баллов, необходимости соответствовать нормам общественной морали, мнению окружающих 38,9% женщин и 40,2% мужчин от ответивших в возрасте от 40 до 50 лет).

Вне зависимости от пола довольно велика роль регистрации брака ради ребенка. Этот фактор приоритетный, среди всех рассматриваемых как для женщин, так и для мужчин (см. табл. 6). Низко оценили значимость иметь ребенка в зарегистрированном браке, поставив 1 или 2 балла из 5, только 13,1% от ответивших женщин и 19,7% от ответивших мужчин.

Необходимо отметить, что более существенную значимость регистрации брака ради ребенка признают женщины. 56,9% женщин сказали, что регистрация брака имеет очень большое значение в случае рождения ребенка, поставив в ответе 5 баллов, среди мужчин 42,9% ответили так же.

Весьма низкий уровень гендерных различий зафиксирован в структуре ответов о роли для регистрации брака «проверки "на прочность" (или уверенности в том, что уже хорошо узнали друг друга)». Как женщины, так и мужчины оценили роль данного фактора невысоко: 5 и 4 балла из возможных 5 указали 43,4% женщин и 43,0% мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории; 3 балла поставили 25,5% женщин и 28,5% мужчин; 1 и 2 балла – 31,1% женщин и 28,5% мужчин.

При этом по ответам женщин определена большая зависимость регистрации брака от мотива «обеспечить материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода»: оценили в 5 баллов данный фактор 38,0% женщин, в 4 балла – 20,3% (суммарно 58,3% считают факт регистрации брака фактором, способствующим обеспечению материальных прав родителя, остающегося с детьми в случае возможного развода). Отметим, что удельный вес среди мужчин, высоко оценивших данный мотив как фактор регистрации брака, также существенен – 50,5% его оценили в 5 и 4 балла. Как женщины, так и мужчины факт регистрации брака не связывают с гарантией, что они вместе проживут долгую жизнь. 38,2% женщин и 30,9% мужчин указали, что данный фактор не имеет практически никакого значения (средний балл 2,6 и 2,8 соответственно).

Обобщая структурные различия по полу в распределении ответов респондентов на вопросы о значимости мотивов регистрации брака, стоит отметить, что наибольшее сходство в ответах между мужчинами и женщинами достигнуто по признакам нравственного / психологического / морально-этического характера. Существенный уровень гендерных различий наблюдается только в ответах респондентов в возрасте 30-39 лет при оценке значимости для регистрации брака такого фактора, как «желание иметь ребенка в зарегистрированном браке» (разрыв между долями женщин и мужчин, указавшим очень большую значимость этого мотива – 5 баллов составил 15 п.п., 61,6% и 44,7% соответственно).

Таблица 6

Оценка приоритетности мотивов зарегистрировать брак

Факторы	Средний балл по 5-балльной шкале (ранг)	
	Женщины	Мужчины
Желание иметь ребенка в зарегистрированном браке	4,107 (1)	3,771 (1)
Обеспечивает материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода	3,629 (2)	3,364 (2)
Если есть уверенность в том, что совместная жизнь в незарегистрированном браке "проверила брак на прочность" (или уже хорошо узнали друг друга)	3,157 (3)	3,208 (3)
Это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих	3,071 (4)	3,028 (4)
Это дает супругам гарантию, что они вместе проживут долгую жизнь	2,627 (5)	2,827 (5)

В целом, характеризуя приоритетность мотивов регистрации брака, отметим, что наиболее сильным фактором выступает демографический – «желание иметь ребенка в зарегистрированном браке». Существенное влияние на регистрацию брака оказывает фактор обеспечения материальных прав родителя, остающегося с детьми в случае возможного развода. Можно сказать, что довольно сильно за последние десятилетия трансформировались морально-этические основы семьи, зарегистрированный брак уже не дает гарантии на долгую совместную жизнь и не становится приоритетом для формирования благополучного образа семейной пары в глазах окружающих. Отметим, что зафиксирована согласованность распределений ответов мужчин и женщин в отношении значимости мотивов регистрации брака. Существенное значение для мужчин такого фактора как «обеспечение материальных прав родителя, остающегося с детьми в случае возможного развода» может говорить об изменении роли отца в семье в контексте концепции «гендерного перехода».

Обобщая результаты анализа ответов о мотивах регистрации брака представителей различных возрастных групп необходимо обратить внимание, что более привержены традиционным семейным ценностям лица в возрасте 40-50 лет. При этом в старших возрастах более значимой становится проблема одиночества, чаще задумываются об этом женщины.

Реальные демографические потребности и причины, сдерживающие их удовлетворение: анализ мнений женщин и мужчин

Желаемая детность является одной из важных характеристик предпочитаемого типа семьи. Согласно результатам опроса, большинство как женщин, так и мужчин имеют одного или двух детей, то есть живут в малодетных семьях (одного ребенка среди опрошенных женщин и мужчин имеют соответственно 24,6% и 21,7%, двух – 28,9% и 22,0%). Трех детей имеют 5,7% женщин и 4,4% мужчин; четверых – 0,6% женщин и 1,1% мужчин; пять детей – соответственно 0,2% и 0,3%. При этом 39,9% женщин и 50,4% мужчин указали, что у них нет детей. Значение индекса Рябцева, равное 0,114, говорит о незначительных различиях в структуре ответов мужчин и женщин о числе рожденных детей.

Данные опроса подтверждают, что среди россиян превалирует двухдетная модель семьи. И среди опрошенных, имеющих детей (в возрастах 30-39 лет и 40-50 лет), и среди мнений о желаемом числе детей – два ребенка оптимальный / предпочтительный вариант (либо как свершившейся факт, либо в оценке на перспективу). Стоит отметить, что наличие всех необходимых условий для рождения детей и их воспитания не влияет на представления об ожидаемом числе детей, наиболее популярный ответ – рождение двух детей (см. табл. 7).

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопросы о желаемом и перспективно возможном числе детей, % от числа опрошенных по каждой гендерной категории

Вариант ответа	Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»		Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?»	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Ни одного	3,2	5,0	4,6	5,8
1 ребенка	8,8	10,0	18,9	17,3
2 детей	43,2	39,4	44,0	39,7
3 детей	28,5	23,2	14,7	14,4
4 детей	3,0	2,9	1,4	2,0
5 детей и более	2,9	4,7	1,0	2,3
Трудно сказать	10,4	14,9	15,3	18,6

При «создании необходимых условий» увеличивается доля желающих иметь троих детей (и у мужчин, и у женщин) и сокращается доля тех, кто считал бы для себя возможным родить только одного ребенка. Реализация комплекса мер демографической политики позволила бы реализовать россиянам свои репродуктивные намерения. В этом контексте относительно значимой выступает оценка сдерживающих факторов / препятствий иметь желаемое число детей, большее, чем намерения (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?» и характеристика гендерных различий в ответах

Признаки, препятствующие иметь большее число детей	Пол респондентов	Варианты ответа на вопрос «в какой степени конкретный фактор мешает лично Вам иметь желаемое число детей?», % от числа ответивших соответствующей гендерной категории				Индекс Ряцева	Характеристика гендерных различий в структуре ответов
		Очень мешает	Мешает	Не мешает	Затрудняюсь ответить		
Сложности во взаимоотношениях в семье	женщины	9,3	14,2	60,2	16,4	0,040	весьма низкий уровень различия
	мужчины	9,0	16,1	56,1	18,7		
Отсутствие работы	женщины	19,7	22,8	43,4	14,2	0,052	весьма низкий уровень различия
	мужчины	23,3	23,2	39,2	14,3		
Большая занятость на работе	женщины	16,3	30,8	40,1	12,9	0,029	тождественность структур
	мужчины	13,7	32,1	40,0	14,1		
Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	женщины	9,0	17,9	59,1	14,0	0,068	весьма низкий уровень различия
	мужчины	10,3	21,3	52,0	16,5		
Стремление достичь успехов в работе	женщины	10,8	21,2	55,5	12,5	0,024	тождественность структур
	мужчины	9,4	20,1	55,7	14,9		

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?» и характеристика гендерных различий в ответах

Продолжение таблицы

Признаки, препятствующие иметь большее число детей	Пол респондентов	Варианты ответа на вопрос «в какой степени конкретный фактор мешает лично Вам иметь желаемое число детей?», % от числа ответивших соответствующей гендерной категории				Индекс Рябцева	Характеристика гендерных различий в структуре ответов
		Очень мешает	Мешает	Не мешает	Затрудняюсь ответить		
Материальные трудности	женщины	32,1	33,8	23,9	10,3	0,022	тождественность структур
	мужчины	31,0	35,2	22,6	11,2		
Неуверенность в завтрашнем дне	женщины	28,7	34,3	26,7	10,3	0,039	весьма низкий уровень различия
	мужчины	25,9	33,5	27,5	13,1		
Стремление интереснее проводить досуг	женщины	7,9	14,0	65,4	12,7	0,048	весьма низкий уровень различия
	мужчины	8,4	16,8	60,1	14,7		
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребенка (детей)	женщины	11,4	23,3	45,9	19,5	0,050	весьма низкий уровень различия
	мужчины	12,0	20,0	50,2	17,9		
Неудовлетворительное состояние моего здоровья (респондент)	женщины	12,8	27,0	43,0	17,2	0,141	низкий уровень различия
	мужчины	7,2	18,6	55,8	18,4		

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?» и характеристика гендерных различий в ответах

Продолжение таблицы

Признаки, препятствующие иметь большее число детей	Пол респондентов	Варианты ответа на вопрос «в какой степени конкретный фактор мешает лично Вам иметь желаемое число детей?», % от числа ответивших соответствующей гендерной категории				Индекс Рябцева	Характеристика гендерных различий в структуре ответов
		Очень мешает	Мешает	Не мешает	Затрудняюсь ответить		
Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены) (<i>супруг(а) респондента</i>)	женщины	9,3	17,9	50,2	22,6	0,023	тождественность структур
	мужчины	7,6	18,9	51,8	21,6		
Жилищные трудности	женщины	21,5	27,3	41,9	9,2	0,105	низкий уровень различия
	мужчины	23,0	31,1	32,4	13,6		
Боязнь ущемить интересы имеющихся детей	женщины	7,4	17,0	58,2	17,3	0,022	тождественность структур
	мужчины	8,1	17,2	56,0	18,7		
Нежелание мужа (жены)	женщины	11,4	15,2	50,2	23,1	0,051	весьма низкий уровень различия
	мужчины	10,9	18,6	45,8	24,7		
Отсутствие мужа (жены)	женщины	19,6	15,4	43,2	21,8	0,061	весьма низкий уровень различия
	мужчины	14,7	14,0	46,3	24,9		

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?» и характеристика гендерных различий в ответах

Продолжение таблицы

Признаки, препятствующие иметь большее число детей	Пол респондентов	Варианты ответа на вопрос «в какой степени конкретный фактор мешает лично Вам иметь желаемое число детей?», % от числа ответивших соответствующей гендерной категории				Индекс Рябцева	Характеристика гендерных различий в структуре ответов
		Очень мешает	Мешает	Не мешает	Затрудняюсь ответить		
Трудно устроить ребенка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	женщины	10,7	18,5	54,9	15,9	0,089	низкий уровень различия
	мужчины	10,2	24,3	46,7	18,8		
Неудобный режим работы	женщины	10,9	22,0	52,3	14,8	0,038	весьма низкий уровень различия
	мужчины	10,6	23,8	48,7	16,8		
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому, сильно устаю (жена сильно устает) из-за «двойного рабочего дня»	женщины	12,2	27,8	43,6	16,4	0,056	весьма низкий уровень различия
	мужчины	11,6	27,3	39,9	21,2		
Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	женщины	14,0	30,0	40,3	15,7	0,024	тождественность структур
	мужчины	11,9	30,6	40,3	17,2		
Родственники пока против рождения еще ребенка (детей)	женщины	5,1	7,2	67,8	20,0	0,027	тождественность структур
	мужчины	5,1	7,5	64,9	22,5		

Основным препятствием, не позволяющим иметь большее число детей, чем собираются, как женщины, так и мужчины назвали материальные трудности (соответственно по полу: 32,1% и 33,8% от ответивших указали, что данный фактор «очень мешает»; 31,0% и 35,2% – «мешает»). Значимость данного фактора как препятствия оценивается мужчинами и женщинами одинаково (значение индекса Рябцева, равное 0,022, говорит о тождественности структур ответов мужчин и женщин).

Также среди основных сдерживающих факторов, которые весомы по доле ответов «очень мешают» и «мешают» иметь большее число детей, чем собираются респонденты, выявлены: неуверенность в завтрашнем дне (63,0% женщин и 59,4% мужчин); жилищные трудности (48,8% женщин и 54,1% мужчин); большая занятость на работе (47,1% женщин и 45,8% мужчин) и отсутствие работы (42,5% женщин и 46,5% мужчин). Отсутствуют различия по полу в структуре ответов о роли большой занятости на работе (индекс Рябцева составил 0,029). Различия по полу в распределении ответов по степени существенности таких препятствий, как неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие работы можно признать весьма низкими (индекс Рябцева соответственно по факторам равен 0,039 и 0,052). В распределении ответов о роли жилищных трудностей зафиксирован низкий уровень различия структур по полу (особо следует выделить более существенный удельный вес ответа «не мешает» среди женщин, составивший 41,9%).

Гендерная тождественность наблюдается в структурах ответов на вопрос о степени значимости таких препятствий как:

- «не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать»: 44,0% женщин и 42,5% мужчин указали «очень мешает» и «мешает» – гендерно нейтральный проблемный фактор;
- «стремление достичь успехов в работе» как женщинам, так и мужчинам в равной степени не мешает иметь большее число детей: так считают 55,5% женщин и 55,7% мужчин – гендерно нейтральный слабо влияющий фактор.

Следует отметить, что преимущественно положительно как женщины, так и мужчины отвечают на вопрос «В настоящее время Ваш(а) супруг/супруга (партнер/партнерша) по состоянию здоровья может иметь детей?» (75,9% женщин и 73,6% мужчин сказали: «Да»). Намерение иметь ребенка (первого, если нет детей, или еще одного) имеют 30,4% женщин (из них 23,3% отметили, что рождение ребенка пока откладывают) и 27,5% мужчин (из них 20,4% ответили, что иметь ребенка намерены несколько позже, пока откладывают). При этом из тех, кто намерен иметь ребенка (первого или еще одного), но пока откладывает его рождение, в большинстве указали период не более 3-х лет: на 2 года – 25,6% женщин и 24,5% мужчин от числа тех, кто ответил, что рождение ребенка откладывает; на 3 года – 22,2% женщин и 30,8% мужчин.

При характеристике факторов, влияющих на решение отложить рождение ребенка, было выявлено, что в большинстве своем мнения мужчин и женщин схожи, однако, по некоторым параметрам есть существенные разногласия. Для мужчин факт брака не столь существенен как для женщин. Среди анализируемых причин, по которым рождение ребенка откладывается, факт отсутствия официального брака у женщин занимает одно из лидирующих мест (3 место), у мужчин носит менее значимый характер – 7 место. Таким образом, подтверждена традиционная ценность для женщин – рождение ребенка в браке.

Отметим, что на первом и втором месте среди причин как у женщин, так и у мужчин находятся факторы, связанные с материальным благополучием, соответственно: 48,9% женщин и 47,2% мужчин указали, что необходимость найти более оплачиваемую работу очень сильно влияет на откладывание рождения ребенка (5 баллов из 5 возможных); 39,8% женщин и 38,5% мужчин указали, что откладывают рождение ребенка, так как пока это не позволяют материальные возможности (5 баллов из 5 возможных). По данным факторам откладывания рождения ребенка можно говорить о совпадении мнений мужчин и женщин и о независимости ответа от пола респондентов. На третьем месте у женщин, как было сказано ранее, стоит наличие брака, в то время как у мужчин – отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка. У женщин отсутствие собственного жилья стоит на 5 месте.

Женщины и мужчины в равной степени осознают социальную ответственность за ребенка, фактор «воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени» стоит на 4 месте по значимости. При этом у мужчин замыкает пятерку значимых факторов, из-за которых принимается решение отложить рождение ребенка – «жена пока хочет подождать с рождением ребенка». Также отметим, что на 6 месте указана причина получения образования (одинаково важно для мужчин и для женщин).

Центральное место занимают факторы самореализации, удовлетворения собственных желаний. Инфраструктурные факторы, как и состояние здоровья существенно не оказывают влияние на решение отложить рождение ребенка. Обратим внимание также на то, что в качестве мер социальной помощи и поддержки, необходимых семьям, указали как абсолютно необходимые (первые пять мест по приоритетности для женщин): консультативно-медицинские услуги (43,0% ответивших женщин и 36,0% ответивших мужчин); дополнительное образование для детей (40,3% – женщин; 34,6% – мужчин); помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику (39,3% – женщины; 27,8 – мужчины); помощь «по уходу за ребенком дошкольного возраста» (38,4% – женщин; 32,8% – мужчин); помощь «по присмотру за ребенком школьного возраста» (33,4% – женщин; 26,7% – мужчин). При этом, велика вероятность, что под консультативно-медицинскими услугами подразумевалось получение рекомендаций в отношении здоровья детей.

Полученные данные прежде всего говорят о желании как мужчин, так и женщин дать более охватывающее/полное образование своим детям, а также значимости вопросов занятости для женщин. Интересен и важен факт ответа мужчин на вопрос о роли помощи в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику. Опрос показал формирование определенной готовности мужчин разделять ответственность между супругами за воспитание детей и оказание помощи в присмотре за детьми, для чего необходимо создание условий для сочетания профессиональных и семейных обязанностей.

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что репродуктивные установки, рост детности в семьях (как по мнению мужчин, так и женщин) прежде всего зависят от материального благосостояния респондентов, уверенности в завтрашнем дне, стабильной занятости. Сегодняшнее социально-экономическое положение в стране не способствует преодолению барьеров для роста рождаемости: снижение реальных доходов населения, неуверенность в завтрашнем дне при существующих внешних шоках, пандемии, определяют сохранение в обозримом будущем двухдетной модели семьи и препятствуют реализации репродуктивных установок россиян.

2.4. ВКЛАД ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В БРАЧНОСТЬ И РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИИ

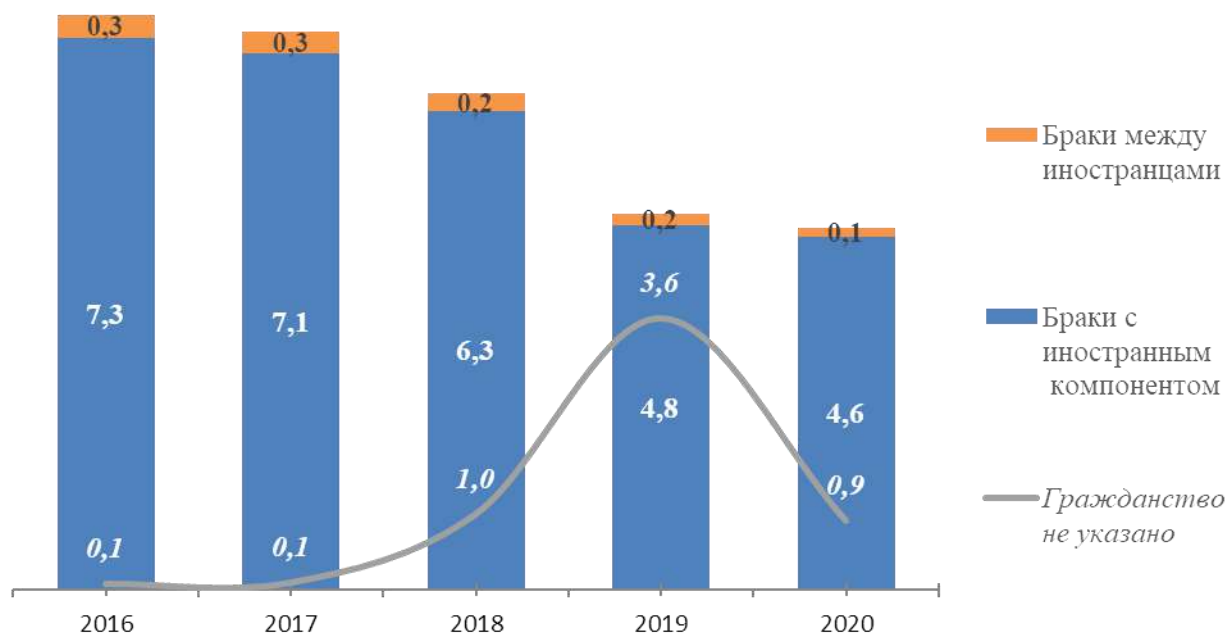
Анализ динамики брачности в России в разрезе гражданства женихов и невест

Динамика брачности является одним из важнейших факторов воспроизводства населения. В России около 80% детей рождаются у родителей, состоящих в зарегистрированном браке. Поэтому изменение числа браков во многом будет влиять на развитие процессов рождаемости в стране.

Согласно международным и национальным правовым нормам на территории государства могут вступать в брак как граждане данной страны, так и иностранцы. При этом возможны три условные модели брачных союзов:

- российские браки, когда и невеста, и жених являются гражданами Российской Федерации;
- иностранные браки, в которых оба партнера являются гражданами иностранного государства;
- браки с иностранным партнером, то есть браки между гражданином (гражданкой) Российской Федерации и гражданкой (гражданином) иного государства.

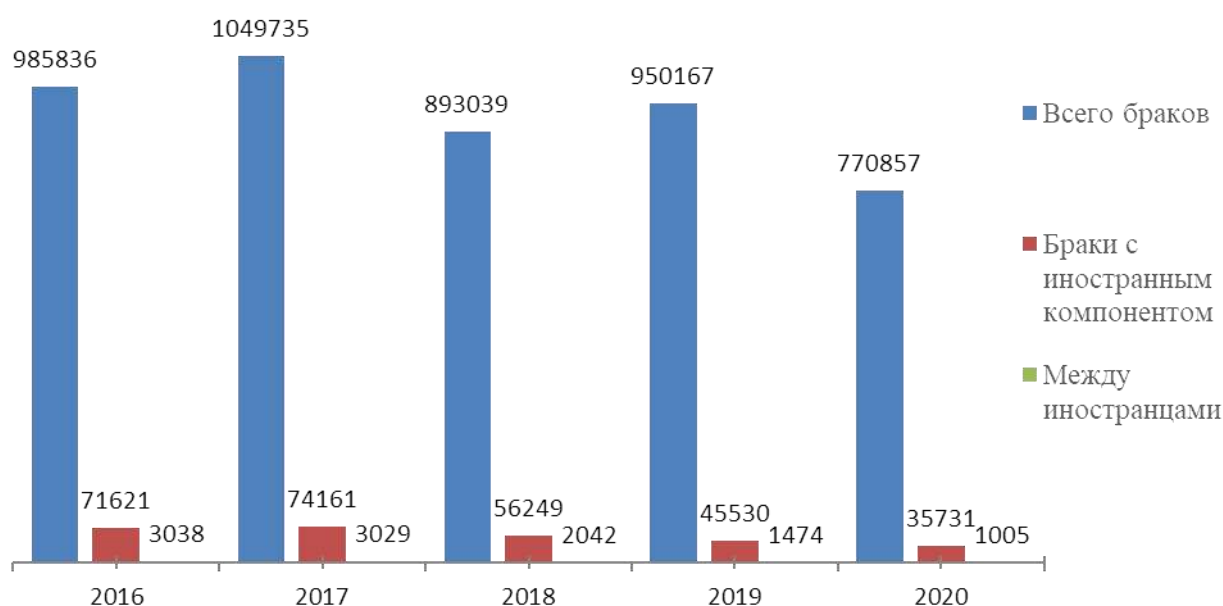
В России статистика брачности в разрезе гражданства жениха и невесты ведется с 2016 г. Согласно имеющимся данным иностранные браки и браки с иностранным компонентом в 2016-2018 гг. суммарно составляли около 6,5 – 7,5% (см. рис. 1).

Рисунок 1. Доля иностранных браков, браков с иностранным компонентом и браков, в которых гражданство вступающих в брак не указано, в общем числе браков, зарегистрированных в России, %

Ситуация заметно изменилась в 2019 г., когда доля браков с иностранным компонентом сократилась до 4,8% от общего числа браков, зарегистрированных в России. Однако, следует отметить, что в этот год резко возросла доля браков, в которых гражданство жениха или невесты (или обоих сразу) не указано (до 3,6%). Причины такого увеличения пока не ясны, но если предположить, что это были также браки с иностранным партнером, то общая доля иностранных браков и браков с иностранным партнером увеличилась бы до 8,6%. То есть, в нашей стране доля браков с иностранцами и между иностранцами достаточно стабильна на протяжении рассматриваемого периода. Кроме того, динамика числа браков, в которых хотя бы один из партнеров или оба сразу являются гражданами иностранного государства, в целом коррелирует с динамикой численности иностранных мигрантов, прибывших в страну.

Пандемийный 2020 г. внес коррективы как в динамику брачности в целом, так и в динамику брачности среди мигрантов в частности (см. рис. 2).

Рисунок 2. Число браков в России

Так, общее число браков, зарегистрированных на территории России, сократилось почти на 180 тыс., составив 770,9 тыс. браков. Одновременно снизилось число браков, в которых хотя бы один из супругов является гражданином иностранного государства: на 10,0 тыс. уменьшилось число браков с иностранным компонентом и на 469 – иностранных браков. Следует отметить, что значительно сократилось число браков, в которых супруги не указали своего гражданства, составив в 2020 г. менее 1% от общего числа браков. Таким образом, в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и реализации ограничительных мер популярность брачного

канала миграции заметно снизилась. Такая ситуация, вероятно, может быть связана с несколькими причинами: во-первых, с сокращением числа мигрантов, находящихся и прибывающих в Россию; во-вторых, с введением дополнительных правил, несколько усложняющих процедуру регистрации брака; в-третьих, с введением норм, отменяющих необходимость продления разрешительных документов пребывания в стране для иностранцев, и следовательно, снизилась необходимость поиска способов легализации в России в упрощенном порядке (например, через регистрацию брака, в том числе «фиктивного»).

Среди браков с иностранным партнером браки, в которых невеста является гражданкой России, а жених – гражданином иностранного государства, заметно превышают число браков между иностранными женщинами и российскими мужчинами. На протяжении 2016-2020 г. разница составляла около 10,0 тыс. браков. При этом, если в 2017-2019 гг. темпы изменения числа данных двух типов браков были схожими (рост около 103,5% в 2017 г. по сравнению с 2016 г., падение примерно в 75% в 2018 г. по сравнению с 2017 г. и в 81% в 2019 г. по сравнению с 2018 г.), то в 2020 г. темп сокращения числа браков между иностранками и россиянами заметно превысил темп сокращения количества браков между россиянками и иностранцами (73,2% и 81,9% соответственно). Такая динамика привела к тому, что если число браков между россиянами в России в 2016-2020 г. сократилось в 1,3 раза, число браков между невестами – россиянками и женихами – иностранцами – в 1,9 раза, то число браков между невестами – иностранками и женихами – россиянами уменьшилось в 2,2 раза. То есть, пандемия COVID-19 в большей степени сказалась на брачном поведении иностранных мигранток, чем мужчин-иностранцев.

Таким образом, представленные данные дают основания полагать, что, во-первых, вероятнее всего, число «фиктивных» браков, в которые вступают иностранные граждане в России, довольно велико; во-вторых, пандемия коронавирусной инфекции оказала заметное влияние на брачное поведение иностранных мигрантов в стране. Исходя из этого, можно сделать вывод, что звучащие в научном дискурсе и медийном пространстве оценки о существенном влиянии миграции на процессы естественного воспроизводства населения России заметно преувеличены. Вместе с тем, оставлять тему брачности среди мигрантов без внимания является ошибочным решением, так как брачность, осложненная иностранным партнером, влечет за собой демографические, социальные, юридические, экономические и психологические последствия как для страны, так и для самих супругов, нередко, к сожалению, негативного характера.

Принципы приобретения гражданства и репродуктивное поведение мигрантов

Исследования показывают, что два фактора имеют особенно сильный эффект на рождаемость среди женщин-иммигранток: страна происхождения и продолжительность пребывания в стране иммиграции. Можно выделить три гипотезы,

которые объясняют, почему рождаемость среди иммигрантов имеет тенденцию меняться в зависимости от продолжительности их пребывания. Гипотеза создания семьи подчеркивает, что многие женщины мигрируют с помощью брака, поэтому среди них рождаемость будет особенно высокой сразу после переезда¹⁸¹. Гипотеза адаптации указывает на то, что поведение человека в отношении рождаемости зависит от его социального окружения, поэтому, когда женщина переезжает в новую страну, она со временем адаптируется к местным нормам¹⁸². Гипотеза «сбоя», с другой стороны, утверждает, что миграция может быть стрессом и часто связана с разлукой супругов и снижением доходов, поэтому можно ожидать временное снижение рождаемости среди новоприбывших мигрантов¹⁸³. Все эти три гипотезы подразумевают, что подгруппы с разной продолжительностью пребывания имеют разные нормы рождаемости. Следовательно, изменение состава женщин-иммигранток по продолжительности пребывания также изменит средний суммарный коэффициент рождаемости среди иммигрантов.

Вторая группа гипотез призвана изучить роль региона происхождения мигрантов. Согласно гипотезе социализации, люди формируются под влиянием своего детского опыта, поэтому, даже если они переезжают в новую страну, их рождаемость определяется нормами той среды, в которой они когда-то социализировались¹⁸⁴. В дополнение к этому, гипотеза отбора утверждает, что иммигранты имеют отличительные черты, которые подталкивают их к переезду. Например, женщины, мигрирующие ради работы, могут иметь более низкие ориентации в отношении рождаемости, чем среднестатистические женщины из того же региона происхождения¹⁸⁵.

Влияние продолжительности пребывания и региона происхождения на показатели рождаемости у мигрантов являются доминирующими в исследованиях. Кроме того, часто упоминаются такие факторы, как возраст на момент миграции, образование, сегрегация по месту жительства и количество родов до миграции.

Однако важным фактором в репродуктивном поведении мигрантов может также выступать наличие гражданства принимающей страны. Получение гражданства открывает для мигрантов лучшие экономические и социальные перспективы. Гражданство обеспечивает неограниченный доступ к рынку труда страны, кроме того,

---

¹⁸¹ Mulder C. H., Wagner M. The connections between family formation and first-time home ownership in the context of West Germany and the Netherlands // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 17. No 2. Pp. 137-164.

¹⁸² Kulu H. Migration and fertility: Competing hypotheses re-examined // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. 2005. Vol. 21. No 1. Pp. 51-87.

¹⁸³ Ng E., Nault F. Fertility among recent immigrant women to Canada, 1991: An examination of the disruption hypothesis // *International Migration*. 1997. Vol. 35. No 4. Pp. 559-580.

¹⁸⁴ Martine G. Migrant fertility adjustment and urban growth in Latin America // *International Migration Review*. 1975. Vol. 9. No 2. Pp. 179-191.

¹⁸⁵ Hertz H. M. Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: The case of Brazil // *International Migration Review*. 1985. Vol. 19. No 2. Pp. 293-317.

данные из многих стран показывают, что иммигранты, ставшие гражданами, зарабатывают больше, чем те, кто этого не сделал.

Если следовать традиционному способу классификации закона о гражданстве, то большинство стран можно разделить на две группы: *jus soli* (лат. – «право земли») и *jus sanguinis* (лат. – «право крови») ¹⁸⁶. В первом случае, если ребенок рождается от родителей-мигрантов, он автоматически получает гражданство принимающей страны, даже если родители не являются гражданами. Во втором случае, ребенок не сможет получить гражданство страны, поскольку не связан с ней своей родословной. В этом случае натурализация становится единственной возможностью стать гражданином принимающей страны. Россия, как и подавляющее число стран Европы, обладает именно этой системой получения гражданства.

По оценке экспертов и результатам опросов самих мигрантов, невозможность быстрого и прозрачного получения вида на жительство и гражданства является главной преградой для желающих переселиться в Россию ¹⁸⁷. Кроме того, иммигранты часто не пользуются возможностью получения гражданства, поскольку это требует от них отказа от своего прежнего гражданства во многих странах. В России до 2020 года при подаче заявления на гражданство иностранцы должны были подтвердить, что они обратились в уполномоченные органы в своей стране с заявлением об отказе от гражданства. Однако 14 апреля 2020 г. был принят Федеральный закон, позволяющий иностранцам получать гражданство РФ без отказа от иностранного ¹⁸⁸. Стоит отметить, что исследователи еще до принятия этой упрощенной схемы отмечали низкую селективность при допуске к российскому гражданству и возможные связанные с этим проблемы интеграции мигрантов ¹⁸⁹. То, как данное нововведение отразится на показателях рождаемости в России в долгосрочной перспективе, еще только предстоит изучить.

Интересным примером в отношении изучения связи фертильности женщин-иммигранток и гражданства может выступать опыт Германии. С принятием закона о гражданстве 2000 г. Германия перешла от системы «права крови» к системе «права места рождения». До 2000 г. дети иммигрантов могли получить немецкое гражданство путем натурализации в возрасте 18 лет, выполнив требование о 8-летнем проживании в Германии и отказавшись от гражданства своих родителей. После 2000 г. дети, рожденные от родителей-иммигрантов, получают немецкое гражданство при

---

¹⁸⁶ Scott J. B. Nationality: *jus soli* or *jus sanguinis* // *American Journal of International Law*. 1930. Vol. 24. No 1. Pp. 58-64.

¹⁸⁷ Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л. Доминанта миграционной политики современной России // *Социологические исследования*. 2017. № 8(401). С. 59-65.

¹⁸⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства : Федеральный закон от 24.04.2020 г. № 134-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240038> (дата обращения 24.09.2021).

¹⁸⁹ Чудиновских О. С. Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // *Вопросы статистики*. 2018. Т. 25, №. 9. С. 3-26.

рождении, если хотя бы один из родителей легально проживал в Германии не менее 8 лет. Как оказалось, эта реформа привела к снижению рождаемости среди иммигрантов¹⁹⁰. Авторы исследования приводят два возможных объяснения этого явления. Во-первых, иммигранты могли понять, что для того, чтобы их дети могли лучше использовать новые возможности, данные гражданством, им необходимо больше интегрироваться в местную культуру, и, как следствие, приблизиться к образцу местных жителей с точки зрения репродуктивного поведения и инвестиции в своих детей. Во-вторых, если ребенок получает гражданство, родители могут решить остаться в Германии дольше, и это может стимулировать их развивать свой собственный человеческий капитал. Это, в свою очередь, может приводить к вовлечению женщин на рынок труда, что объясняет снижение рождаемости.

Анализ рождаемости в контексте гражданства родителей в 2020 г.

Актуализация научных исследований рождаемости в контексте гражданской принадлежности родителей связана с рядом обстоятельств. Во-первых, сама демографическая политика страны в целом ориентирована на увеличение численности населения, имеющего гражданство Российской Федерации. Во-вторых, произошли существенные изменения в «Законе о гражданстве Российской Федерации», которые упрощают получение статуса гражданина России, тем самым влияют и на гражданство родившихся детей¹⁹¹. В-третьих, обострение социального напряжения в пандемийный период в отношении миграционной политики способствовало распространению ненаучных взглядов о влиянии внешней миграции на процессы рождаемости в России, что, соответственно, требует детального рассмотрения взаимосвязи рождаемости и гражданства. Это позволит получить объективные знания, основанные на научном подходе к данной проблематике.

Определение термина «гражданство», в принципе, достаточно устойчивое. Но в различных источниках правоведами предлагаются некоторые особенности. Так, например, Большой юридический словарь формулирует понятие «гражданство» следующим образом: «гражданство – устойчивая правовая связь лица с конкретным государством. В монархических странах, как правило, термину Г. соответствует термин подданство. Проявляется как взаимоотношение между государством и лицами, находящимися под его властью: государство признает и гарантирует права и свободы человека, защищает и покровительствует ему за границей; в свою очередь гражданин, безусловно, соблюдает законы и предписания государства, выполняет установленные им обязанности. Совокупность этих прав и обязанностей составляет политико-

¹⁹⁰ Avitabile C., Clots-Figueras I., Masella P. Citizenship, fertility, and parental investments // American Economic Journal: Applied Economics. 2014. Vol. 6. No. 4. P. 35-65.

¹⁹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства : Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. N 22-ФЗ // Российская газета. № 8392 от 26 февраля 2021.

правовой статус гражданина, отличающий его от иностранных граждан и лиц без гражданства. Термин Г. используется также для обозначения особого правового режима унификации статуса граждан государств – членов конфедерации (напр., Г. Европейского Союза)¹⁹².

Юридические науки, детализируя разные аспекты понятия «гражданства», различают три его значения:

- гражданство как право субъекта принадлежать к определенному государству;
- гражданство как правоотношение между государством и гражданином, которое содержит взаимные права и обязанности;
- гражданство как правовой институт, формирующий и закрепляющий нормы взаимоотношения между государством и гражданином.

В Российской Федерации политико-правовая взаимосвязь между государством и гражданином, кроме Конституции и других нормативно-правовых актов, регулируется Законом о гражданстве, последняя версия которого была принята в 2002 г.¹⁹³ В нем определение гражданства РФ дается следующим образом: «гражданство Российской Федерации – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»¹⁹⁴. Кроме того, данный Закон также выделяет и иные категории населения, связанные с гражданским статусом: иностранный гражданин, лицо без гражданства (апатрид), лицо, имеющее двойное гражданство (бипатрид).

С учетом того, что Российская Федерация использует смешанный принцип филиации (приобретение гражданства по факту рождения), в Законе о гражданстве РФ даются подробные нормы (статьи 9, 11, 12), обуславливающие гражданский статус родившегося ребенка на территории страны:

1. «Ребенок приобретает гражданство Российской Федерации по рождению, если на день рождения ребенка:

а) оба его родителя или единственный его родитель имеют гражданство Российской Федерации (независимо от места рождения ребенка);

б) один из его родителей имеет гражданство Российской Федерации, а другой родитель является лицом без гражданства, или признан безвестно отсутствующим, или место его нахождения неизвестно (независимо от места рождения ребенка);

в) один из его родителей имеет гражданство Российской Федерации, а другой родитель является иностранным гражданином, при условии, что ребенок родился на

¹⁹² Большой юридический словарь. Инфра-М, 2001. URL: <https://juridical.slovaronline.com/1413-GRAZH DANSTVO> (дата обращения 24.08.2021).

¹⁹³ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ; Принят Государственной Думой 19 апреля 2002 года; Одобрен Советом Федерации 15 мая 2002 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076357> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁹⁴ Там же.

территории Российской Федерации либо если в ином случае он станет лицом без гражданства;

г) оба его родителя, проживающие на территории Российской Федерации, являются иностранными гражданами или лицами без гражданства, при условии, что ребенок родился на территории Российской Федерации, а государства, гражданами которых являются его родители, не предоставляют ему свое гражданство.

2. Ребенок, который находится на территории Российской Федерации и родители которого неизвестны, становится гражданином Российской Федерации в случае, если родители не объявятся в течение шести месяцев со дня его обнаружения»¹⁹⁵. Поэтому, исследуя проблему рождаемости в контексте гражданства родителей, становится важным понимание состава населения России по гражданскому статусу.

Переписи населения выделяют следующие категории гражданской принадлежности (см. табл. 1). Данная статистическая база позволяет выделить две большие группы населения в зависимости от гражданского статуса:

- детерминированные жители России по гражданскому статусу, то есть, определенные точно по гражданству (граждане России, иностранцы, бипатриды);
- недетерминированные, то есть, лица, неопределенные точно по гражданскому статусу (лица без гражданства (апатриды), лица, не указавшие гражданство).

Таблица 1

Распределение населения России по гражданству (по данным переписей населения 2002 и 2010 г.), чел.

	2002	2010
Все население	145 166 731	142 856 536
Граждане России	142 442 404	137 856 227
из них имеющие два гражданства	43 648	78 615
Иностранные граждане	1 025 413	686 993
Без гражданства	429 891	178 245
Гражданство не указано	1 269 023	4 135 071

Анализ рождаемости в контексте точно определенной гражданской принадлежности родителей, дающий возможность оценить вклад граждан Российской Федерации и иных стран в процесс воспроизводства населения, позволил выделить три категории, которые условно можно представить следующим образом:

- 1) российская рождаемость – это абсолютные и относительные показатели рождаемости у родителей, которые оба имеют гражданство Российской Федерации.

¹⁹⁵ Там же.

- 2) иностранная рождаемость – это абсолютные и относительные показатели рождаемости у родителей, которые оба имеют иностранное гражданство или подданство.
- 3) рождаемость с иностранным компонентом – это абсолютные и относительные показатели рождаемости у родителей, один из которых обладает гражданством Российской Федерации, а второй – иным гражданством или подданством.

Результаты анализа по предложенным категориям статистических показателей в 2020 г. позволили выявить ряд обстоятельств:

Во-первых, в целом по России в общем числе рожденных детей в 2020 г. рождаемость с точно определенным гражданством родителей составила 1 252 916 человек или 87,2%. Остальные 12,8% приходятся на число детей, гражданство родителей которых не определено точно или из-за его отсутствия, или из-за того, что в статистической базе оно не указано.

Во-вторых, в совокупности, точно определенной гражданской принадлежности родителей родившихся, подавляющий компонент принадлежит российской рождаемости. По России в целом он составляет 1 195 884 детей или 95,4%. Иностранная рождаемость, то есть, число родившихся у родителей, оба которых являются иностранцами, в 2020 г. в Российской Федерации составляла всего 18 429 детей или 1,5%. Рождаемость с иностранным компонентом в этом же году была в два раза выше и достигла 38 603 детей или 3,1%. Из этого следует, что сумма двух последних элементов рождаемости, то есть, рождаемости или полностью иностранной, или с одним иностранным компонентом достигла 57 032 детей, что в относительном измерении равно 4,6%.

В-третьих, если судить по распределению абсолютных показателей числа родившихся в контексте категорий гражданской принадлежности родителей рожденных детей в 2020 г. и федеральных округов, можно заметить существенные различия между ними (см. рис. 3).

Рисунок 3. Распределение числа родившихся в 2020 г. по федеральным округам и категориям гражданской принадлежности родителей, (чел).

В-четвертых, по данным относительных показателей российская рождаемость является приоритетной во всех федеральных округах страны. Так, в 2020 г. российская рождаемость в пределах федеральных округов дифференцируется от 98,5% в Северо-Кавказском федеральном округе до 92,8% в Северо-Западном федеральном округе (см. рис. 3).

Рождаемость у родителей, оба из которых имеют иностранное гражданство, распределяется по федеральным округам в пределах от 2,7% в Северо-Западном федеральном округе до 0,4% в Северо-Кавказском федеральном округе. То есть, частота распространения этой категории рождаемости различается в разных регионах России почти в 7,5 раза. Такой разрыв, скорее всего, объясняется, с одной стороны, геополитическим положением Северо-Западного федерального округа, с другой стороны, структурой присутствия на территории различных округов населения с иностранным гражданством.

Учитывая, что рождаемость с иностранным компонентом распространена более интенсивно, чем просто иностранная рождаемость, заметим, что ее дифференциация в различных округах страны – ниже. Так, максимальную долю рождаемости с иностранным компонентом можно наблюдать в 2020 г. в Северо-Западном федеральном округе. Она составляет 4,6%. А минимальная доля рождаемости с иностранным компонентом отмечена, уже предсказуемо, в Северо-Кавказском федеральном округе, в пределах лишь 1,1%. Это незначительное участие жителей Северо-Кавказского округа в данной категории рождаемости, возможно, объясняется спецификой брачных и репродуктивных паттернов его населения.

Рисунок 4. Удельные веса числа родившихся 2020 г. по федеральным округам и категориям гражданской принадлежности родителей, (%)

При суммировании двух последних категорий (иностранной рождаемости и рождаемости с иностранным компонентом) можно оценить общий вклад иностранного населения в процессы рождаемости в России в 2020 г. Этот вклад по федеральным округам различался почти в 5 раз: от 7,2% в Северо-Западном федеральном округе до 1,5% в Северо-Кавказском федеральном округе. Все эти данные характеризуют

вариативность распространения рождаемости в зависимости от категорий гражданской принадлежности родителей по территории Российской Федерации в 2020 г.

В-пятых, кроме того, можно определить также вклад по каждой категории рождаемости каждого федерального округа в общероссийскую ситуацию в 2020 г. Так, относительно российской рождаемости следует отметить, что наибольший вклад в нее в 2020 г. был сделан населением Центрального федерального округа (см. рис. 4). Удельный вес Центрального федерального округа в рождаемости этой категории гражданской принадлежности родителей составил 23,6%. На втором месте находится Приволжский федеральный округ с долей участия в российской рождаемости равной 19,7%.

Рисунок 5. Удельные веса федеральных округов в числе родившихся по разным категориям гражданской принадлежности родителей, %

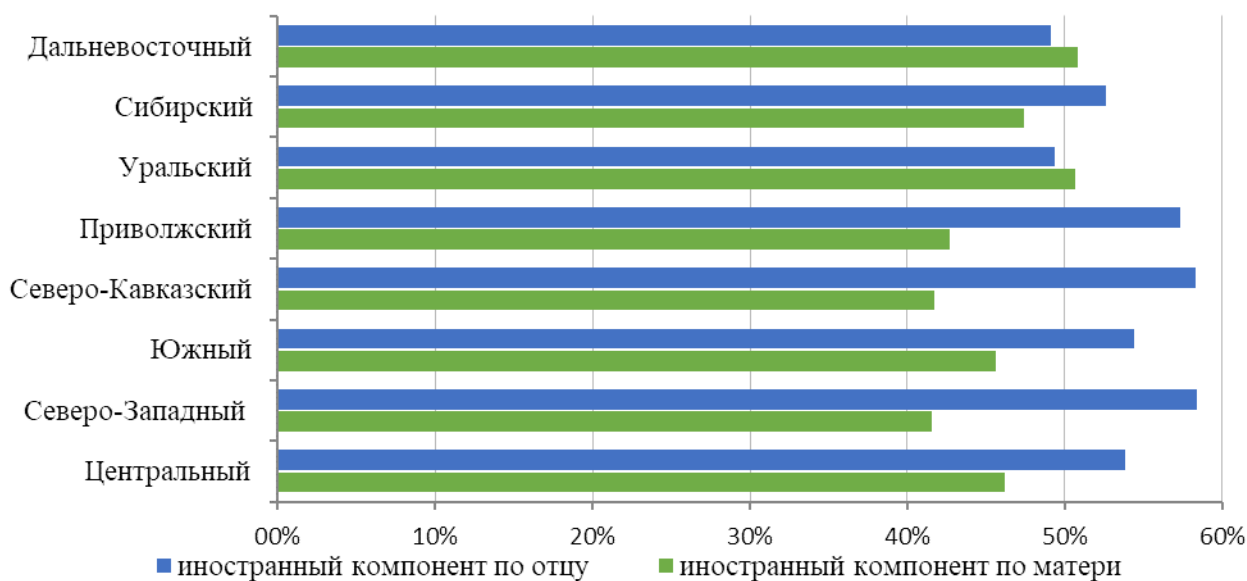
Наименьший вклад в российскую рождаемость в 2020 г. внес Дальневосточный федеральный округ. Его доля составила всего 6%. В остальных федеральных округах вклад в эту категорию рождаемости оценивался, примерно, одинаково: от 11% до 9%.

Иностранная рождаемость России в 2020 г. существенным образом сформирована участием в ней Центрального федерального округа. Его доля в иностранной рождаемости составила в 2020 г. почти 2/5 от всей иностранной

рождаемости страны (39,2%). Также значительный вклад в иностранную рождаемость РФ ожидаемо внес Северо-Западный федеральный округ с долей участия в 16,6%. Наименьшее вложение в иностранную рождаемость страны предсказуемо сделал в 2020 г. Северо-Кавказский федеральный округ, всего – 2,4%. Невелико было влияние на иностранную рождаемость и Южного федерального округа (3,6%). Остальные федеральные округа участвовали в иностранной рождаемости примерно в равных долях: от 7% до 11%.

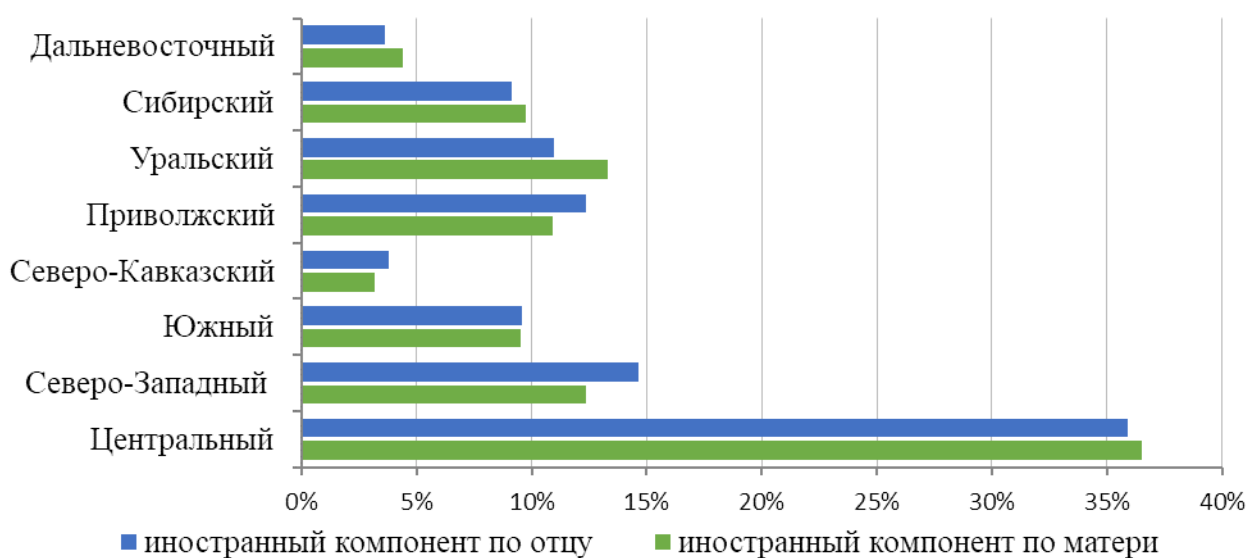
Центральный федеральный округ обладал также исключительно высокой долей в рождаемости с иностранным компонентом. Его «лепта» в эту категорию рождаемости составила 36,2% и многократно превысила доли других федеральных округов. Напротив, Северо-Кавказский федеральный округ менее всего имел значение для формирования параметров рождаемости с иностранным компонентом. Его доля составила всего 3,5%. Также отметим и незначительный вклад в эту категорию рождаемости и Дальневосточного федерального округа (4%).

В-шестых, более детальный анализ рождаемости у родителей, относящихся к смешанным в отношении гражданства семьям, показывает, что в целом по Российской Федерации соотношение матерей с иностранным компонентом меньше, чем отцов с иностранным компонентом: 45,8% против 54,2%. Кроме того, это соотношение не всегда соблюдается, если рассматривать данную пропорцию в разрезе федеральных округов. Так, иностранный компонент гражданства по материнской линии различается в пределах от 41,6% в Северо-Западном федеральном округе до 50,8% в Дальневосточном федеральном округе (см. рис. 5). По отцовской линии иностранный компонент гражданства дифференцируется, соответственно, от 58,4% в Северо-Западном федеральном округе до 49,2% в Дальневосточном округе. Получается, что в крайних в географическом отношении регионах страны наиболее сильно различается рождаемость у родителей, входящих в категорию смешанного гражданства. На Северо-Западе, если и рождаются дети в семьях с иностранным компонентом гражданства, то, скорее всего, у отца – иностранца и у мамы – гражданки РФ. То есть, здесь существенно преобладают отцы – иностранцы над матерями-иностранками. Этот феномен также свойственен в разной степени еще пяти федеральным округам: Северо-Кавказскому, Приволжскому, Южному, Центральному и Сибирскому. На Дальнем Востоке, напротив, если ребенок рождается в семье, имеющей иностранный компонент по гражданскому статусу, скорее всего, он будет наблюдаться у матери. Следует отметить, что в Дальневосточном федеральном округе, как и в Уральском федеральном округе, это преобладание иностранного гражданства у матерей минимальное. На этих территориях имеет место почти равное участие мам-иностранок и отцов-иностранцев в рождении детей в семьях данной категории.

Рисунок 6. Удельные веса числа родившихся у матерей и отцов, входящих в категорию родителей с иностранным компонентом гражданства и федеральным округам, (%)

В-седьмых, вклад разных территорий России в рождаемость семей с иностранным компонентом гражданства резко дифференцирован (см. рис. 6). Центральный федеральный округ является непререкаемым лидером по уровню участия его населения в рождаемости в семьях с иностранным компонентом гражданства. Так, например, его доля в рождаемости семей, где отец является гражданином РФ, а мать иностранка, составляет 36,5%. Почти такое же участие Центральный федеральный округ принимает в рождаемости в семьях, где мать – гражданка РФ, а отец – иностранец (35,9%).

Рисунок 7. Удельные веса федеральных округов в рождаемости матерей и отцов, входящих в категорию родителей с иностранным компонентом гражданства, (%)

Кроме Центрального федерального округа в рождаемость с иностранным компонентом по материнской линии также серьезным образом вносят свой вклад Уральский (13,3%) и Северо-Западный (12,3%) федеральные округа. В совокупности эти три территории определяют свой «взнос» в рождаемость семей, где отец гражданин РФ, а мать – иностранка, в размере более 62%. Иностранный компонент рождаемости по отцовской линии, кроме Центрального федерального округа также завышен и в Северо-Западном (14,6%) и Приволжском (12,4%) федеральных округах. Совокупный их вклад в рождаемость с иностранным компонентом гражданства у отца также составляет 62,9%. Минимальным значением вклада в рождаемость с иностранным компонентом гражданства, как матери, так и отца прогнозируемо отличаются Северо-Кавказский федеральный округ (3,2% и 3,8% соответственно) и Дальневосточный федеральный округ (4,4% и 3,6% соответственно).

Подводя итоги данного анализа, следует отметить, что в целом по России, как и в разрезе отдельных федеральных округов, подавляющее значение имеет российская рождаемость, то есть, рождение детей в семьях, где мать и отец, являются гражданами РФ. Иностранный фактор рождаемости играет незначительную роль в формировании общих процессов рождаемости. Кроме того, его значение сильно дифференцировано по разным регионам России.

К вопросу об оценке различий в уровне рождаемости у иностранных граждан по гражданству в России

Иностранные граждане вносят заметный вклад в число родившихся в России. В 2020 г. доля родившихся, у которых мать и отец иностранные граждане, составила 1,3%. Отец был в 2020 г. иностранным гражданином у 2,8% родившихся, мать – у 2,9% (в обоих случаях включая 1,6% родившихся, у которых оба родителя иностранные граждане). Это были самые высокие показатели за последние годы. В 2019 г. доля родившихся, у которых оба родителя иностранные граждане составляла 0,8% (иностранный гражданин отец – 2,0%, мать – 2,0%), в 2018 г. – 0,9% (соответственно, 2,4% и 2,5%), в 2017 г. – 1,2% (2,9% и 3,0%), в 2016 г. – 1,1% (2,7% и 2,8%), в 2015 г. – 1,1% (2,6% и 2,8%)¹⁹⁶.

Текущая ежегодная статистика не позволяет сделать хотя бы косвенную оценку уровня рождаемости у иностранных граждан по гражданству, так как знаменатель для расчета относительных показателей в этом случае (т.е. численность иностранных граждан, их распределение по гражданству, по полу и возрасту) есть только по данным переписи населения.

Одним из подходов, позволяющих косвенно, очень приближенно, оценить соотношение уровня рождаемости у иностранных граждан разных стран является анализ соотношения их структур среди прибывших в Россию и среди родителей. В этом

¹⁹⁶ Здесь и далее все приведенные показатели рассчитаны по данным Росстата.

случае структура ежегодно прибывающих мигрантов – иностранных граждан по странам гражданства, с большой степенью условности, по сути дела, идентифицируется с их структурой в населении России. Понимая очень большую степень условности такой идентификации, исходим все же из того, что никакой иной статистической информации о структуре иностранных граждан в России по странам гражданства за межпереписные годы нет.

Сопоставляя структуры прибывающих мигрантов и родителей иностранных граждан по странам гражданства, нельзя, конечно, оценить уровень рождаемости у них в тех или иных показателях. Можно, видимо, лишь сказать, что более высокая или, наоборот, более низкая доля иностранных граждан той или иной страны среди родителей, по сравнению с их долей среди прибывающих мигрантов, дает основания для предположения о том, что у граждан этих стран в России относительно более высокая или, наоборот, низкая рождаемость по сравнению с иностранными гражданами других стран гражданства.

В 2020 г. среди прибывших в Россию 378634 иностранных граждан 17,8% составляли граждане Таджикистана, 11,8% – Армении, 11,5% – Украины, 10,4% – Казахстана, 10,3% – Узбекистана, 10,1% – Киргизии, 6,5% – Азербайджана, 3,0% – Туркмении, 2,9% – Беларуси, 2,5% – Молдовы, 1,9% – Китая, 1,6% – Вьетнама, 1,2% – Индии, 1,0% – Грузии, 0,9% – Египта, 0,5% – Сирии.

С точки зрения сопоставления с этими данными распределения родившихся по странам гражданства родителей, целесообразно, видимо, во-первых, ориентироваться на структуру не всех прибывших по странам гражданства, а только лиц в репродуктивном возрасте, а, во-вторых, делать такое сопоставление отдельно по полу: прибывшие мужчины и отцы, прибывшие женщины и матери. В данной работе сопоставление структур по странам гражданства прибывших иностранных граждан и родителей делалось для женщин, т.е. сопоставлялись структуры прибывших иностранных граждан женщин в возрасте 15–49 лет и матерей.

Структура прибывших иностранных граждан женщин в возрасте 15–49 лет по странам гражданства в 2020 г. не очень сильно отличается от приведенной выше по всем прибывшим иностранным гражданам. Немного выше среди женщин репродуктивного возраста доля имеющих гражданство Украины (12,9%), Казахстана (11,4%), Киргизии (11,4%), Туркмении (4,0%). Наоборот, несколько ниже среди них доля гражданок Таджикистана (15,4%), Узбекистана (8,8%), Египта (0,5%), Сирии (0,3%). Почти такой же, как и среди всех прибывших в 2020 г. в Россию иностранных граждан, среди прибывших женщин репродуктивного возраста была доля имеющих гражданство Армении (11,4%), Азербайджана (6,9%), Беларуси (3,1%), Молдовы (3,0%), Вьетнама (1,8%), Китая (1,7%), Индии (1,4%) и Грузии (1,0%).

Степень корректности сопоставления структур прибывших иностранных граждан женщин в возрасте 15–49 лет и матерей по странам гражданства для сравнительной оценки рождаемости граждан разных стран зависит от того, насколько

меняется ежегодно структура по гражданству прибывших женщин в возрасте 15–49 лет (см. табл. 2). Вероятно, чем меньше она меняется, тем в большей мере отражает структуру живущих в России женщин по странам гражданства. В этом случае сопоставление двух рассматриваемых структур даст более корректную сравнительную оценку рождаемости у иностранных граждан – женщин репродуктивного возраста по странам гражданства.

Таблица 2

Распределение по гражданству иностранных гражданок в возрасте 15-49 лет, прибывших в Россию в 2015-2020 гг.

Страна гражданства ¹⁹⁷	Доля женщин в возрасте 15-49 лет по странам гражданства в общем числе прибывших в Россию иностранных гражданок этого возраста (%)					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Таджикистан	6,8	7,7	9,1	10,2	11,3	15,4
Украина	36,4	33,9	27,3	25,4	19,7	12,9
Армения	7,7	8,1	8,1	8,0	10,6	11,4
Казахстан	10,3	12,6	12,6	12,8	13,2	11,4
Киргизия	4,2	4,8	8,6	10,0	9,5	11,4
Узбекистан	11,1	9,3	9,1	8,5	7,8	8,8
Азербайджан	5,8	5,6	5,6	5,6	6,0	6,9
Туркмения	1,3	1,6	2,3	3,2	3,4	4,0
Беларусь	2,0	2,0	2,7	2,9	2,8	3,1
Молдова	5,6	4,8	4,0	3,9	3,0	3,0
Вьетнам	1,1	1,1	1,2	1,3	1,5	1,8
Китай	2,5	2,2	2,4	2,0	2,6	1,7
Индия	0,9	1,5	1,8	1,7	2,4	1,4
Грузия	1,1	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0
Египет	0,0	0,0	0,1	0,1	0,3	0,5
Сирия	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3
Афганистан	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Латвия	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2
Германия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Литва	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Эстония	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Распределение прибывших женщин в возрасте 15–49 лет по странам гражданства существенно менялось в 2015-2020 гг.: доля прибывших в Россию женщин этого возраста, имеющих гражданство Украины, сократилась с 36,4% в 2015 г. до 12,9% в 2020 г., Молдовы – с 5,6% до 3,0%. Доля женщин репродуктивного возраста, имеющих гражданство Узбекистана, существенно сократилась с 11,1% в 2015 г. до 7,8% в 2019 г., но несколько возросла в 2020 г. (8,8%).

В то же время значительно повысилась среди иностранных гражданок репродуктивного возраста доля имеющих гражданство Таджикистана: с 6,8% в 2015 г. до 15,4% в 2020 г. Постоянно повышалась в рассматриваемый период доля имеющих

¹⁹⁷ Страны расположены в порядке сокращения величины показателя в 2020 г.

гражданство Туркмении (с 1,3% до 4,0%), Вьетнама (с 1,1% до 1,8%). Почти постоянным ее существенное повышение было у Киргизии (с 4,2% в 2015 г. до 11,4% в 2020 г.) и совсем небольшим у Белоруссии (с 2,0% до 3,1%). Доля женщин репродуктивного возраста, имеющих гражданство Азербайджана и Армении, среди прибывших в Россию, мало менялась в 2015-2018 гг., но существенно повышалась в 2019 и 2020 гг. Доля женщин в возрасте 15–49 лет с гражданством Казахстана несколько возрастала с 2015 (10,3%) по 2019 (13,2%) гг., но существенно снизилась в 2020 г. (см. табл. 2).

Учитывая столь существенные изменения, происходившие в 2015-2020 гг. в структуре прибывших в Россию женщин в возрасте 15-49 лет по гражданству, к результатам сравнительной оценки рождаемости на основе сопоставления этой структуры и структуры матерей по гражданству (см. табл. 3) нужно подходить с большой осторожностью.

Таблица 3

Распределение по гражданству иностранных гражданок, родивших детей в России в 2015-2020 гг.

Страна гражданства ¹⁹⁸	Доля женщин по странам гражданства в общем числе родивших детей в России иностранных гражданок (%)					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Таджикистан	14,9	15,8	17,6	22,1	26,5	29,7
Узбекистан	10,3	10,8	10,8	12,9	14,8	17,4
Киргизии	11,7	13,7	16,1	10,5	7,9	16,3
Азербайджан	10,2	10,4	10,2	11,1	11,9	9,7
Украина	25,3	21,3	18,5	18,6	19,4	8,8
Армения	11,1	11,2	10,8	10,2	4,5	6,1
Казахстан	4,0	4,3	4,2	4,6	4,3	3,6
Молдова	5,1	4,7	4,0	3,3	4,1	2,5
Беларусь	2,7	2,9	3,0	2,9	1,8	1,9
Грузия	1,4	1,4	1,3	1,3	1,6	1,2
Китай	0,2	0,4	0,4	0,4	1,1	1,2
Вьетнам	1,0	1,1	0,9	1,0	1,1	0,8
Туркмении	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4
Афганистан	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Сирии	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
Германия	0,1	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1
Израиль	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Индия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
Латвия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
США	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Эстония	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1
Литва	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0

¹⁹⁸ Страны расположены в порядке сокращения величины показателя в 2020 г.

Сопоставление распределения по странам гражданства прибывших в Россию женщин 15-49 лет и матерей за 2015-2020 гг. дает основания полагать относительно более высокий уровень рождаемости у женщин с гражданством Таджикистана (от 14,9% до 29,7% среди матерей – иностранных граждан и от 6,8% до 15,4% среди прибывших), Азербайджана (соответственно, от 9,7% до 11,9% и от 5,6% до 6,9%), Узбекистана (от 10,3% до 17,4% и от 7,8% до 11,1%), Киргизии (от 7,9% до 16,3% и от 4,2% до 11,4%), Грузии (от 1,2% до 1,6% и от 0,9% до 1,1%), Афганистана (соответственно, 0,3%-0,4% и 0,1%–0,2%) (см. табл. 2 и 3).

Доля женщин с гражданством Армении среди матерей в 2019-2020 гг. (соответственно, 4,5% и 6,1%) очень значительно снизилась по сравнению с 2015-2018 гг. (10,2%–11,2%). Если их доля среди матерей в 2015–2018 гг. была выше, чем доля среди прибывших в эти годы (7,7%–8,1%), что позволяло предполагать у них относительно более высокую рождаемость, то резкое снижение доли среди матерей в 2019-2020 гг. при повышении доли среди прибывших (соответственно, 10,6% и 11,4%) не дает для этого оснований.

Наоборот, относительно более низкий уровень рождаемости можно предполагать у женщин с гражданством Украины (от 8,8% до 25,3% среди матерей – иностранных граждан в 2015-2020 гг. и от 12,9% до 36,4% среди прибывших в эти годы женщин репродуктивного возраста), Казахстана (соответственно, от 3,6% до 4,6% и от 10,3% до 13,2%), Туркмении (от 0,3% до 0,4% и от 1,3% до 4,0%), Китая (от 0,2% до 1,2% и от 1,7% до 2,6%), Вьетнама (от 0,8% до 1,1% и от 1,1% до 1,8%), Латвии (0,1% среди матерей иностранных граждан в 2015-2020 гг. и, в основном, 0,2% (кроме 2018 г.) среди прибывших женщин репродуктивного возраста) и, как не странно, Индии (соответственно, 0,0%–0,1% и 0,9%–2,4%) (см. табл. 2 и 3).

Представляется, что предложенный подход может быть, с некоторой долей условности, использован для оценки соотношения уровня рождаемости у женщин с гражданством разных стран. При этом, безусловно, необходимо его совершенствование.

2.5. ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

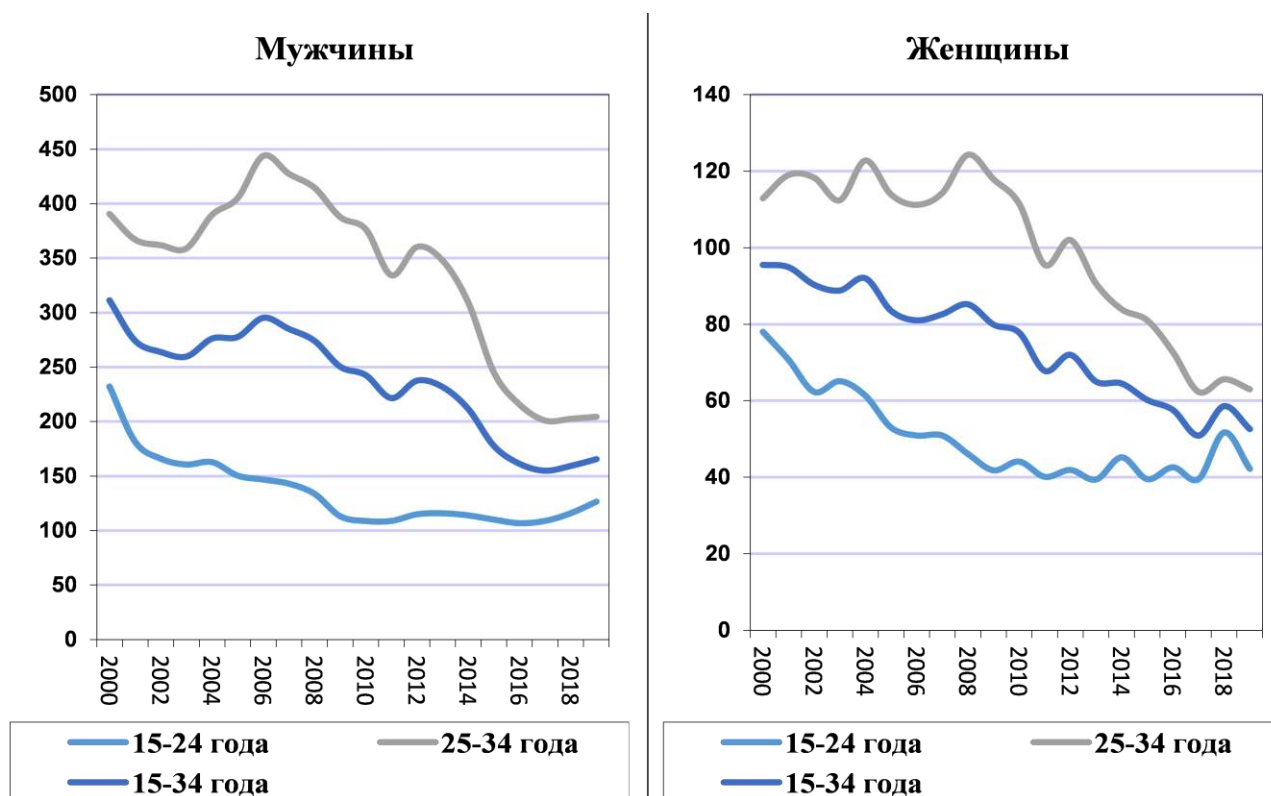
Московская молодежь: особенности самосохранительного поведения

Москва – лидер в России по продолжительности жизни, что является индикатором не только состояния здоровья, но также уровня и качества жизни населения. В допандемийное 15-летие (2004–2019 гг.) в России сформировались самые длительные более чем за столетия позитивные тренды продолжительности жизни: показатель мужчин вырос на 9,2 года, женщин – на 5,9 года, достигнув 68,3 и 78,2 года соответственно (2019 г.). Еще более осязаемыми представляются достижения Москвы: продолжительность жизни населения столицы составила 75,9 года у мужчин и 82,2 года у женщин, что приближает Москву не только к среднеевропейским, но – к западноевропейским показателям. Однако проведенные исследования показали, что сходство показателей формируется за счет населения старших и старческих возрастов на фоне кратного проигрыша в смертности населения трудоспособных возрастов, особенно молодежи¹⁹⁹.

Смертность московской молодежи в рассматриваемый период носила весьма непоследовательный характер. Так, в 2000–2003 гг. смертность молодых москвичей снизилась на 16,6%, в последующие четыре года (2003–2006 гг.) выросла на 13,7%, достигнув максимума, составившего 295,3 человек на 100 тыс. населения, в последующие 12 лет снизилась почти вдвое, достигнув в 2017 г. минимума (154,8 человек на 100 тыс. населения). К сожалению, в последние годы (2017–2019 гг.) начали формироваться негативные тренды смертности молодых москвичей, вследствие чего показатели выросли на 6,8%.

---

¹⁹⁹ Перспективы снижения смертности в Москве с учетом реализации мер демографической политики / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, К. В. Лопаков [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2016. № 4(50). С. 1.

Рисунок 1. Динамика смертности молодежи Москвы в 2000-2019 гг. (стандартизованный коэффициент на 100 тыс. населения, европейский стандарт).

В женской популяции в течение всего периода исследования потери достаточно стабильно, хотя и не всегда последовательно, снижались, вследствие чего смертность 15-34-летних москвичек в 2000-2019 гг. сократилась почти вдвое (на 44,9%). Однако нельзя не заметить, при всей флуктуационности трендов, что в 2017-2019 гг. у 15-34-летних москвичек, как и у их ровесников, отмечен рост смертности (показатели выросли на 3,3%).

При этом сколько-нибудь отчетливых возрастных закономерностей темпов изменения смертности не наблюдалось. Парадоксальным образом при всей несогласованности локальных тенденций (и возрастной, и гендерной), общие сдвиги смертности московской молодежи в целом за рассматриваемый период оказались сходными: так, темпы снижения потерь 15-24-летних москвичей составили 45,5%, их ровесниц – 45,9%, «взрослой» молодежи (25-34 года) – соответственно 47,7% и 44,2%. Вследствие этого смертность молодых москвичей в 2000-2019 гг. снизилась на 46,9%, москвичек – на 44,9% (см. табл. 1, 2).

Закономерным представляется вопрос: какими причинами обусловлена подобная динамика потерь московской молодежи в рассматриваемый период? Из табл. 1 видно, что в разные периоды складывались разнонаправленные локальные тренды смертности молодежи от отдельных причин, имеющие, в том числе, и возрастную и гендерную специфику.

Таблица 1

Уровень и структура смертности московских мужчин 15-34 лет в 2000-2019 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 тыс. населения, европейский стандарт)

Причины смерти	2000		2003		2006		2017		2019	
	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%
15-24-летние										
Все причины	232,3	100,0	160,6	100,0	146,8	100,0	108,8	100,0	126,5	100,0
Инфекционные болезни	5,3	2,3	4,2	2,6	3,8	2,6	1,6	1,5	2,1	1,7
Новообразования	9,1	3,9	7,3	4,5	4,6	3,1	10,1	9,3	7,4	5,8
Болезни системы кровообращения	28,3	12,2	10,4	6,5	12,3	8,4	14,7	13,5	11,3	8,9
Болезни органов дыхания	3,7	1,6	2,7	1,7	2,5	1,7	1,8	1,7	1,4	1,1
Болезни органов пищеварения	2,4	1,0	4,4	2,7	5,2	3,5	1,8	1,7	1,6	1,3
Неточно обозначенные состояния	33,5	14,4	20,1	12,5	24,5	16,7	5,3	4,9	23,8	18,8
Внешние причины	145,5	62,6	108,4	67,5	86,6	59,0	65,6	60,3	71,1	56,2
25-34-летние										
Все причины	390,5	100,0	358,8	100,0	443,8	100,0	200,8	100,0	204,3	100,0
Инфекционные болезни	15,9	4,1	18,1	5,0	39,6	8,9	15,8	7,9	11,6	5,7
Новообразования	11,1	2,8	11,6	3,2	11,8	2,7	11,4	5,7	10,1	4,9
Болезни системы кровообращения	67,2	17,2	52,1	14,5	68,2	15,4	50,4	25,1	33,5	16,4
Болезни органов дыхания	10,7	2,7	14,7	4,1	15,1	3,4	6,0	3,0	3,4	1,7
Болезни органов пищеварения	15,6	4,0	22,7	6,3	26,2	5,9	11,2	5,6	10,1	4,9
Неточно обозначенные состояния	56,2	14,4	61,2	17,1	111,0	25,0	8,1	4,0	44,5	21,8
Внешние причины	206,8	53,0	171,3	47,7	158,6	35,7	87,6	43,6	83,7	41,0

Наименее цивилизованными выглядят причины роста смертности в последние годы исследования: у 15–24-летних он был обусловлен ростом на 31,3% потерь от инфекционных болезней, на 8,4% – от внешних причин и 4,5-кратным – от неточно обозначенных состояний; у 25–34-летних негативные тренды 2017–2019 гг. определялись единственной причиной – неточно обозначенными состояниями, смертность от которых выросла 5,5-кратно.

Тем не менее, сложная нозологическая конфигурация разнонаправленных трендов привела к снижению в рассматриваемый период смертности от всех ведущих причин, при этом наиболее существенно (в 2,6 и 3,1 раза) снизилась смертность молодых москвичей от болезней органов дыхания, наименее выраженные позитивные тренды продемонстрировала онкологическая смертность (снижение на 18,7% и 9%).

В женской популяции нозологическая конфигурация трендов также является достаточно сложной (см. табл. 2).

Рост смертности в последние годы исследования и у 15–24-летних, и у 25–34-летних москвичек был обусловлен неточно обозначенными состояниями (5,4- и 3,7-кратным соответственно), а также ростом на 18,8% смертности от внешних причин в младшей возрастной группе, на 18,6% – онкологической смертности и на 36,4% – от болезней органов пищеварения в старшей возрастной группе.

В целом за период 2000–2019 гг. позитивные тренды смертности 15–24-летних москвичек были обусловлены всеми причинами, кроме болезней органов пищеварения (рост на 14,3%), у 25–34-летних исключением оказалась инфекционная смертность (2,1-кратный рост), а также онкологическая смертность, показатели которой в период исследования в результате разнонаправленных тенденций практически не изменились (выросли на 0,8%).

Таблица 2

Уровень и структура смертности московских женщин 15-34 лет в 2000-2019 гг.
(стандартизованный коэффициент на 100 тыс. населения, европейский стандарт)

Причины смерти	2000		2008/2009		2017		2019	
	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%
15-24-летние								
Все причины	78,0	100,0	41,8	100,0	39,5	100,0	42,2	100,0
Инфекционные болезни	2,6	3,3	1,6	3,8	1,7	4,3	1,4	3,3
Новообразования	6,6	8,5	4,9	11,7	4,7	11,9	4,7	11,1
Болезни системы кровообращения	7,8	10,0	2,7	6,5	5,2	13,2	1,6	3,8
Болезни органов дыхания	2,2	2,8	2,1	5,0	1,2	3,0	0,2	0,5
Болезни органов пищеварения	0,7	0,9	2,5	6,0	0,8	2,0	0,8	1,9
Неточно обозначенные состояния	9,6	12,3	5,7	13,6	1,5	3,8	8,1	19,2
Внешние причины	44,1	56,5	18,4	44,0	17,0	43,0	20,2	47,9
25-34-летние								
Все причины	112,9	100,0	124,3	100,0	62,3	100,0	63,0	100,0
Инфекционные болезни	2,9	2,6	13,9	11,2	8,8	14,1	6,0	9,5
Новообразования	13,3	11,8	14,2	11,4	11,3	18,1	13,4	21,3
Болезни системы кровообращения	17,3	15,3	18,6	15,0	11,1	17,8	9,1	14,4
Болезни органов дыхания	3,6	3,2	4,7	3,8	1,6	2,6	0,9	1,4
Болезни органов пищеварения	6,8	6,0	9,9	8,0	3,3	5,3	4,5	7,1
Неточно обозначенные состояния	12,7	11,2	24,2	19,5	2,7	4,3	9,9	15,7
Внешние причины	47,5	42,1	28,0	22,5	17,0	27,3	14,1	22,4

Анализируя общие сдвиги в структуре смертности молодых москвичей, следует указать, во-первых, на безусловное доминирование внешних причин, даже с учетом снижения их доли с 62,6% до 56,2% у 15–24-летних и с 53% до 41% у 25–34-летних. Впрочем, это компенсируется ростом вклада неточно обозначенных состояний с 14,4% до 18,8% и 21,8% соответственно (2-е место). Вклад сердечно-сосудистой смертности снизился с 12,2% до 8,9% и с 17,2% до 16,4% (3-е место), онкологической – вырос с

3,9% до 5,8% и с 2,8% до 4,9% соответственно (4-е место). Особо следует указать на снижение значимости инфекционной смертности с 2,3% до 1,7% у 15–24-летних и ее рост с 4,1% до 5,7% у 25–34-летних, вследствие чего у «взрослых» москвичей вклад инфекционных болезней в 2019 г. превысил долю новообразований (5,7% против 4,9%).

В женской популяции ситуация представляется принципиально сходной: в 2000–2019 гг. доминировали внешние причины, доля которых снизилась с 56,5% и 42,1% до 47,9% и 22,4% соответственно на фоне роста вклада неточно обозначенных состояний с 12,3% и 11,2% до 19,2% и 15,7% соответственно. Доля новообразований выросла с 8,5% и 11,8% до 11,1% и 21,3%, сердечно-сосудистых заболеваний – снизилась с 10% и 15,3% до 3,8% и 14,4% соответственно. Значимость инфекционных болезней у 15–24-летних москвичек в первый и последний год исследования оказалась одинаковой (3,3%), у 25–34-летних – выросла с 2,6% до 9,5%.

Особо примечательной представляется ситуация 2017 г., года минимальной смертности московской молодежи, парадоксально совпавшего с годом минимального вклада неточно обозначенных состояний, составивших у мужчин 4,9% и 4%, у женщин – 3,8% и 4,3% соответственно. Из таблиц 1 и 2 видно, что в этот год и в мужской, и в женской популяции отмечена максимальная в рассматриваемый период доля новообразований и болезней системы кровообращения, и, что достаточно неожиданно – максимальная доля инфекционных болезней в женской популяции (как среди 15–24-летних, так и среди 25–34-летних).

Особо подчеркнем, что кратно выросшая в 2017-2019 гг. значимость неточно обозначенных состояний сопровождалась, как правило, снижением доли травм, онкологической и инфекционной смертности, а также потерь от болезней органов пищеварения (собственно, кроме новообразований, все остальные причины смерти в молодых возрастах ассоциируется либо с алкоголем, либо с наркотиками).

Отметим, что аномально высокая значимость неточно обозначенных состояний заметно «смазывает» возрастную эволюцию нозологического профиля смертности молодежи²⁰⁰.

---

²⁰⁰ Возрастной вектор факторов риска смертности московской молодежи / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдокушкина // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2, № 2. С. 15-25.

Таблица 3

Нозологический профиль смертности московской молодежи в 2019 г.

Причины смерти	15-19 лет		20-24 года		25-30 лет		30-34 года	
	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%	На 100 тыс.	%
Мужчины								
Все причины	87,9	100,0	165,1	100,0	162,1	100,0	246,4	100,0
Инфекционные болезни	1,2	1,4	3	1,8	6,2	3,8	17,1	6,9
Новообразования	8,6	9,8	6,2	3,8	7,2	4,4	12,9	5,2
Психические расстройства	0,4	0,5	0,9	0,5	2,2	1,4	5,3	2,2
Болезни системы кровообращения	4,3	4,9	18,2	11,0	25,6	15,8	41,4	16,8
Болезни органов дыхания	0,8	0,9	2,1	1,3	2,4	1,5	4,5	1,8
Болезни органов пищеварения	2,3	2,6	0,8	0,5	4,7	2,9	15,6	6,3
Неточно обозначенные состояния	12,8	14,6	34,8	21,1	37,4	23,1	51,6	20,9
Внешние причины	49,6	56,4	92,7	56,1	73,4	45,3	93,9	38,1
Женщины								
Все причины	40,1	100,0	44,3	100,0	48,3	100,0	77,6	100,0
Инфекционные болезни	0,4	1,0	2,4	5,4	3,1	6,4	9	11,6
Новообразования	3,9	9,7	5,5	12,4	9,6	19,9	17,1	22,0
Психические расстройства			0,4	0,9	0,3	0,6	1,7	2,2
Болезни системы кровообращения	2,4	6,0	0,8	1,8	5,6	11,6	12,6	16,2
Болезни органов дыхания			0,4	0,9	0,5	1,0	1,3	1,7
Болезни органов пищеварения	1,2	3,0	0,4	0,9	2,5	5,2	6,5	8,4
Неточно обозначенные состояния	8	20,0	8,1	18,3	9,1	18,8	10,7	13,8
Внешние причины	21,3	53,1	19,1	43,1	13,6	28,2	14,7	18,9

Тем не менее, следует указать, что значимость внешних причин снижается с 56,4% и 53,1% у 15–19-летних до 38,1% и 18,9% у 30–34-летних (соответственно мужчин и женщин) на фоне роста доли болезней системы кровообращения с 4,9% и 6% у 15–19-летних до 16,8% и 16,2% соответственно у 30–34-летних. Отметим, что если в мужской популяции доля новообразований с возрастом снижается (5,2% против 9,8%), то в женской – растет (22% против 9,7%). Следует указать на рост значимости с возрастом болезней органов пищеварения (с 2,6% и 3% до 6,3% и 8,4% соответственно) и, что особенно тревожно, инфекционных болезней (с 1,4% и 1% до 6,9% и 11,6% соответственно) и психических расстройств (с 0,5% и нулевых значений до 2,2% в мужской и женской популяции) (см. табл. 3).

Рассматривая полученные результаты, следует отметить, что несмотря на положительную динамику, характеризующую основные классы причин смерти молодежи, доминирующими в структуре смертности представителей данной социально-демографической группы неизменно остаются внешние причины смерти, включающие в себя убийства, самоубийства, несчастные случаи, повреждения с неопределенными намерениями и прочие случаи, являющиеся следствием поведения, сопряженного с реализацией острых или накопленных рисков для здоровья и жизни.

В контексте изучаемой проблематики существенный интерес представляет подход к оценке потерь российской молодежи (в первую очередь, от внешних причин) «с позиций ценности человеческой жизни на уровне индивидуума и общества». По мнению сторонников данного подхода, «все потери от внешних причин обусловлены либо неосторожным (девиантным, рискованным) поведением конкретных людей, либо недостатками работы социальных институтов, которые должны учитывать эти особенности и минимизировать вытекающие из них риски. Таким образом, все потери от внешних причин можно ассоциировать, прямо или косвенно, с недооценкой ценности человеческой жизни в личностном либо общественном сознании»²⁰¹.

Вместе с тем, при интерпретации полученных данных важно отметить: при существующей в столице системе учета их можно рассматривать как сугубо оценочные вследствие аномально высокого уровня смертности московской молодежи от симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний. Этот класс причин, на первый взгляд, не имеющий никакой социальной нагрузки и не привлекающий внимания ни лиц, принимающих решения, ни СМИ, в трудоспособных возрастах практически полностью формируется за счет одного диагноза – «Причина смерти не установлена»²⁰² (R99).

²⁰¹ Потери Российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65. № 6. Ст. 4; Юмагузин В. В., Винник М. В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 4(38). Ст. 18.

²⁰² Качество медико-статистических данных как отражение кризиса современного российского здравоохранения / В. Г. Семенова, Н. С. Гаврилова, Г. Н. Евдокушкина, Л. А. Гаврилов // Общественное здоровье и

К сожалению, начиная с 1999 г. Москва была абсолютным аутсайдером среди российских регионов по смертности от этой размытой причины и в 2019 г. уступала только Ивановской области по смертности 15–34-летних мужчин и Чеченской республике – по смертности их ровесниц.

За период исследования существенного снижения показателей от этой причины удалось достичь только в 2015–2017 гг., когда в трудоспособных возрастах (в том числе среди молодежи) потери снизились кратно, и Москва оказалась среди трети наиболее благополучных российских регионов по уровню смертности от неточно обозначенных состояний молодых мужчин и продемонстрировала среднероссийские показатели по уровню потерь среди их ровесниц.

Анализ ситуации за этот короткий период показал, что смертность московской молодежи от неточно обозначенных состояний формировалась за счет наркотических и алкогольных отравлений, но в основном за счет последствий наркомании, приведших к массовой эпидемии москвичей от неуточненной кардиомиопатии (I42.9)²⁰³.

В силу неизвестных обстоятельств, вряд ли носящих академический характер, в последние три года исследования ситуация вернулась на традиционные для Москвы тренды, что существенно затрудняет оценку картины смертности молодежи.

Второе обстоятельство – это слишком широкий возрастной диапазон населения, относящегося к «молодежи»: возможно, это оправдано в правовом и социальном контексте, но в демографическом – приводит, как показал проведенный анализ, к размыванию особенностей смертности.

Детальный анализ повозрастной структуры смертности московской молодежи показал, что с возрастом картина потерь менялась достаточно существенно: значимость внешних причин снижалась на фоне нарастания вклада болезней системы кровообращения, инфекционных болезней, болезней органов пищеварения, психических расстройств и новообразований (в женской популяции).

Таким образом, можно констатировать, что с возрастом внешние причины, обусловленные сиюминутными факторами риска, замещались экзогенными патологиями (болезни системы кровообращения и органов пищеварения, инфекционные болезни, психические расстройства). Чтобы выяснить факторы риска этих патологий, укажем, что потери от болезней системы кровообращения среди 30–34-летних в 2019 г. определялись в первую очередь уже упомянутой неуточненной кардиомиопатией (с высокой степенью вероятности наркотической этиологии); болезни органов пищеварения – алкогольным циррозом печени и острым панкреатитом (в этих возрастах также зачастую алкогольной этиологии)²⁰⁴, инфекционные болезни –

профилактика заболеваний. 2004. № 3. С. 11-18; Russian mortality crisis and the quality of vital statistics / N. S. Gavrilova, L. A. Gavrilov, V. G. Semyonova [et al.] // Population Research and Policy Review. 2008. Vol. 27. No 5. P. 551.

²⁰³ Факторы риска роста смертности молодежи и особенности их учёта в Москве / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, А. В. Зубко [и др.] // Здоровье Российской Федерации. 2019. Т. 63, № 6. С. 322-330.

²⁰⁴ Немцов А. В. Алкогольная история России: Новейший период. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

СПИДом; психические расстройства также были обусловлены не большими психозами, а употреблением алкоголя и наркотиков.

Таким образом, можно констатировать, что факторы риска смертности московской молодежи имеют выраженный возрастной вектор, меняясь от острых, которыми определялись потери от внешних причин, на длительные поведенческие, обусловленные соответствующим образом жизни (сексуальное поведение, чреватое ВИЧ/СПИД, злоупотребление алкоголем, следствием чего является алкогольный цирроз печени, острый панкреатит и соответствующие психические расстройства, употребление наркотиков, приводящее к формированию кардиомиопатии и психическим расстройствам).

Смертность от причин, обусловленных социальным стрессом, в период пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19, очередную волну которой Россия переживает в настоящее время, характеризуется тем, что потери от нее не исчерпываются непосредственно смертностью от коронавирусной инфекции, как таковой, а также обострениями ранее отмеченных хронических заболеваний. Пандемия привела к целому ряду социальных последствий, затрагивающих различные сферы жизни современного общества, включающих ограничения привычной свободы передвижения, вплоть до жесткого карантина в собственном жилище, потерю работы, и, как следствие, снижение доходов. Общество столкнулось с физической замкнутостью в прямом смысле этого слова, – во-первых, экономической нестабильностью – во-вторых, и с личными потерями во многих семьях – в-третьих, причем все эти обстоятельства, жестко нарушившие привычную жизнь социума, оказались, с одной стороны, совершенно неожиданными (их практически невозможно было бы спрогнозировать и заранее к ним подготовиться), с другой – универсальными (они затронули весь мир). Последнее – глобальность происходящего – представляется принципиальным: в сущности, с пандемией подобного масштаба мир не сталкивался в течение столетия, со времен «испанки» 2018 г., и оказался совершенно к ней не готов.

Подобные сдвиги, затронувшие все сферы жизни современного общества, следовало бы охарактеризовать как социальный стресс. Этим понятием было принято определять ситуацию в бывших республиках Советского Союза и, отчасти, социалистического лагеря, в 1990-е годы²⁰⁵. Но на наш взгляд, негативные сдвиги того периода имеют существенно более глубинную природу и, во всяком случае, их нельзя было назвать неожиданными – во всяком случае, проводившиеся в России реформы в

---

²⁰⁵ Leon D. A., Shkolnikov V. M. Social stress and the mortality crisis // JAMA. 1998. No. 279. Pp.790-791; Shapiro J. Russian health care policy and Russian health // Russian Political Development. London : Macmillan, 1997; Shapiro J. The Russian mortality crisis and its causes // Economic reform at Risk. London, 1995. Pp. 149-178; Vlassov V. The role of alcohol and social stress in Russia's mortality rate // JAMA. 1999. No 281. Pp. 321-322.

принципе не могли привести к иным последствиям для здоровья населения и в целом – демографической ситуации²⁰⁶.

Что же касается современной обстановки, то она действительно укладывается в понятие социального стресса, во-первых, в силу неожиданности, во-вторых, в силу экономических и социальных последствий, что не может не привести к росту косвенных потерь, не связанных с ухудшением соматического здоровья, о чем свидетельствуют исследования, проведенные в 2020 г.²⁰⁷

Объектом нашего исследования является Москва, именно в мегаполисе активность пандемии по очевидным причинам являлась максимальной, как, впрочем, во всех крупнейших городах мира.

Основываясь на гипотезе о социальном стрессе как принципиально новом тренде жизни общества (и не только российского) в период пандемии, можно предположить, что к числу его маркеров, в первую очередь, относятся суициды, а также последствия употребления психоактивных веществ (алкоголя и наркотиков). В этом контексте развитие социального стресса может реализовываться по двум вариантам, которые нельзя назвать альтернативными, т.к. оба они подразумевают рост потерь от этих причин. Тем не менее, в первом варианте наибольшие потери следует ожидать в первую волну COVID-19, сопряженную с полной неожиданностью происходящего и полной неизвестностью его последствий, с одной стороны, и наиболее жесткими социальными ограничениями, с другой, на фоне более мягких последствий второй (осеннее-зимней волны). Второй вариант подразумевает более тяжелые последствия второй волны пандемии: напомним, что в этот период практически не было ограничений личной свободы, но общественная жизнь столицы была в значительной мере ограничена. Однако социально-экономическим фоном являлось наложение нерешенных проблем первой волны на новые негативные явления²⁰⁸.

Последним годом, на который в России пандемия никоим образом не сказалась, в России (как и во всем мире, кроме Китая), оказался 2019, поэтому логичным

²⁰⁶ Иванова А. Е., Семенова В. Г. Новые явления российской смертности // Народонаселение. 2004. № 3. С. 85-93; Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: ЦСП, 2005. 287 с.

²⁰⁷ Укрепление системы эпиднадзора за состоянием здоровья населения: инструмент для отбора показателей, необходимых для мониторинга более широких последствий пандемии COVID-19 и оповещения о них. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2021. 46 с. Номер документа: WHO/EURO:2021-2297-42052-57961.

²⁰⁸ Анализ основан на данных Росстата и базы РФС-ЕМИАС г. Москвы (медицинские свидетельства о смерти, выданные в медицинских организациях Департамента здравоохранения г. Москвы) за 2019-апрель 2021 гг. Поскольку все инциденты с подозрением на суицид, а также употребление психоактивных веществ проходят через Московское бюро судебно-медицинской экспертизы, учет этих инцидентов в базе РФС-ЕМИАС является наиболее полным и достоверным и лежит в основе официального учета Росстата.

В ходе исследования проведен ежемесячный анализ потерь от внешних причин и психических расстройств в указанный период. При анализе смертности от внешних причин потери от отравлений алкоголем (X45 и Y15), с одной стороны, а также наркотиками и психотропными препаратами (X41-X42 и Y11-Y12), с другой, учитывались совокупно, без указаний на преднамеренность инцидента. Кроме того, в число отравлений психоактивными веществами были включены инциденты, входящие в число отравлений неуточненными медикаментами (X44 и Y14) и неуточненными химическими веществами (X49 и Y19), если в качестве токсического агента по XIX классу оказались наркотики (T40), седативные (T42) и психотропные препараты (T43), а также алкоголь (T51).

представляется рассматривать ситуацию 2019 г. как контрольную по сравнению с дальнейшими изменениями.

Анализ данных по эволюции пандемии показывает, что до апреля 2021 г. в Москве проявились 2 волны пандемии: судя по нарастанию избыточной смертности в столице, первая пришлась на май-июнь 2020 г., когда избыточная смертность (т.е. превышение над показателями 2019 г.) в столице составила 57,2% и 41,6% соответственно, затем последовало снижение избыточной смертности до 7,1% в июле с последующим последовательным ростом. Максимальная в Москве избыточная смертность наблюдалась в конце 2020 – начале 2021 года, с пиком в декабре (56,7%) и экстремальными значениями в ноябре и январе (48,6% и 49,8%), с последующим снижением до 8,2% в апреле 2021 г.²⁰⁹. К сожалению, показатели последнего периода, когда, судя по оперативным данным в Москве отмечена третья (и наиболее масштабная) волна пандемии штамма Дельта, пока по данным Росстата не доступны. Указанное развитие эпидемии показывает, что реперными точками должны выступать апрель-июнь 2020 г. и ноябрь 2020 г. – январь 2021 г.: для повышения устойчивости результатов потери в первую и вторую волну пандемии будут оцениваться совокупно в указанные месяцы.

Среди проявлений социального стресса наиболее выраженными маркерами из внешних причин представляются суициды, а также отравления алкоголем и наркотиками.

Говоря о суицидах, первое, на что следует обратить внимание – это существенное сходство помесечного распределения суицидальной смертности: единственный период, когда наблюдались принципиальные расхождения помесечной динамики суицидальной смертности москвичей в период пандемии по сравнению с контролем – это октябрь-декабрь 2020 г. (рост показателей в указанный период против их снижения в 2019 г.).

Вторым достаточно неожиданным обстоятельством является тот факт, что число суицидов в столице в разгар пандемии снижалось даже в периоды локальных максимумов: так, потери апреля-июня 2020 г. оказались на 28,2%, ноября 2020 г. – января 2021 г. – на 6,3% ниже соответствующих периодов 2019 г.

В целом же, сравнивая потери москвичей от суицидов в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, с соответствующими показателями предковидного 2019 г., укажем, что они оказались ниже более чем на треть.

Третий факт, на который следует обратить внимание: несмотря на общее снижение числа погибших от суицидов в 2020 г. по сравнению с 2019 г., локальные максимумы 2020 г. наблюдались в 2 из 3 месяцев первой (апрель и июнь) и второй (ноябрь и декабрь) волны пандемии (см. табл. 4).

---

²⁰⁹ Демография // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 15.10.2021).

Таблица 4

Помесячное распределение потерь населения Москвы от официально зарегистрированных и латентных суицидов в 2019-апреле 2021 гг. (случаи)

Месяц смерти	Официально зарегистрированные (X60-X84)			Латентные (Y20, Y30)		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Январь	10	11	9	45	104	57
Февраль	15	13	9	51	78	77
Март	23	12	15	99	96	101
Апрель	23	16	12	102	103	80
Май	14	7		106	115	
Июнь	13	16		130	114	
Июль	21	9		102	103	
Август	21	11		86	90	
Сентябрь	16	16		96	104	
Октябрь	19	7		96	120	
Ноябрь	13	13		84	113	
Декабрь	10	14		103	107	
Итого	198	145	45	1100	1247	315

Однако, обсуждая потери от внешних причин, нельзя забывать, что существенная их часть остается «в тени», переходя в латентную форму за счет «повреждений с неопределенными намерениями» (Y10-Y34). Напомним, что, согласно МКБ-10, этот блок формируется за счет инцидентов, когда доступной информации недостаточно, чтобы медицинские и юридические эксперты могли сделать вывод о том, является ли данный инцидент несчастным случаем, самоубийством или убийством, т.е. латентные суициды входят в него по условию. Проведенные ранее исследования показали²¹⁰, что с высокой степенью вероятности потенциальной базой латентных самоубийств являются повешения и падения/прыжки и высоты с неопределенными намерениями (Y20 и Y30 соответственно).

Из табл. 4 видно, что ежемесячное распределение потерь от потенциальных суицидов в 2019 и 2020 гг. в целом определяется сходными закономерностями: рост

²¹⁰ Качество медико-статистических данных как отражение кризиса современного российского здравоохранения / В. Г. Семенова, Н. С. Гаврилова, Г. Н. Евдокушкина, Л. А. Гаврилов // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2004. № 3. С. 11-18; Семенова В. Г., Антонова О. И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // Социальные аспекты здоровья населения. 2007. № 2(2). Ст. 2; Russian mortality crisis and the quality of vital statistics / N. S. Gavrilova, L. A. Gavrilov, V. G. Semyonova [et al.] // Population Research and Policy Review. 2008. Vol. 27. No 5. P. 551; Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4(32). Ст. 1; Васин С. А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 1. С. 89-124; Андреев Е. М. Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 103-142.

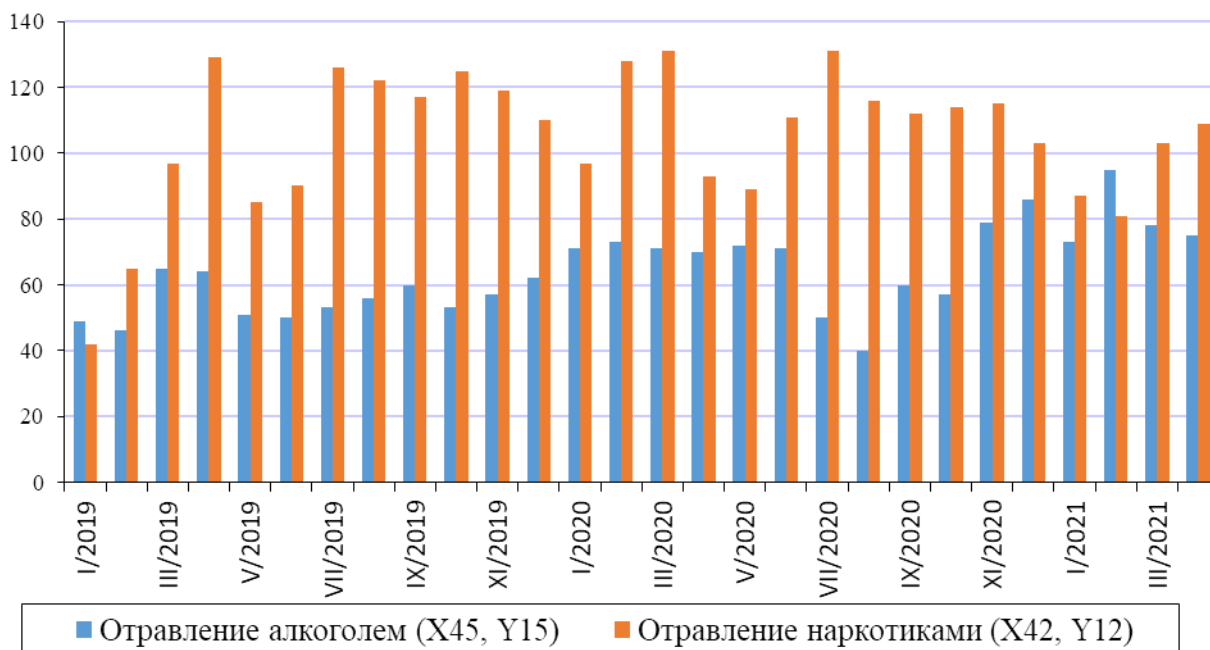
показателей до июня, снижение в июле-августе, дальнейший рост до октября со снижением в ноябре с единственным различием – в декабре 2019 г. искомый показатель рос, в 2020 г. – снижался. Отметим, что противоположные тенденции отмечены для потерь от суицидов в конце 2019 и 2020 гг., однако векторы этих сдвигов для официальных и латентных суицидов являются зеркальными, что, на наш взгляд, является еще одним косвенным доказательством перевода части суицидов в латентную форму за счет повреждений с неопределенными намерениями.

Сравнивая потери москвичей от латентных суицидов в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, с соответствующими показателями предковидного 2019 г., укажем, что, в отличие от официально зарегистрированных суицидов, они превысили предковидные показатели на 7,1%, причем это превышение формируется в основном за счет 4 месяцев (январь-февраль и октябрь-ноябрь): в январе-феврале отмечено максимальное (2,3- и 1,5-кратное) превышение потерь, в октябре-ноябре показатели 2019 г. были превышены соответственно на 25% и 34,5%.

Что касается реперных точек – первой и второй волны пандемии, отметим, что в этот период потери населения Москвы от латентных суицидов, в отличие от суицидов официально зарегистрированных, превышали показатели контрольного периода, но крайне незначительно (соответственно на 1,8% и 5,1%) (см. табл. 4).

В отличие от суицидов (официальных и латентных), ежемесячное распределение алкогольных отравлений в 2019 и 2020 гг. различается достаточно существенно (см. рис. 1). Тем не менее, общим трендом является не всегда последовательное возрастание потерь от алкогольных отравлений, независимо от социальных ограничений в этот период.

Отметим, что и в первую, и во вторую волну наблюдалось превышение потерь в период пандемии по сравнению с предковидным 2019 г., причем этот проигрыш в период пандемии вырос с 19,4% до 61,8%.

Рисунок 1. Помесячное распределение умерших вследствие отравлений алкоголем и наркотиками в Москве в 2019-апреле 2021 гг. (случаи)

В целом же потери москвичей от алкогольных отравлений в апреле-декабре 2020 г., в период развития эпидемии в России, превысили соответствующие показатели предковидного 2019 г. на 15,6%.

В отличие от алкогольных отравлений, отравления наркотиками характеризуются рядом сходных черт месячного распределения смертности от этих причин (см. рис. 1): можно констатировать, что месячные потери москвичей от наркотических отравлений растут в начале года, выходят на достаточно высокий уровень и стабилизируются летом-осенью и снижаются в конце года, причем подобный месячный профиль в 2019-2021 гг. сохранялся независимо от развития пандемии и обусловленных ею социальных ограничений. Еще одно, достаточно важное обстоятельство: в отличие от алкогольных отравлений, потери от наркотических отравлений не продемонстрировали сколько-нибудь отчетливой тенденции к росту в ходе пандемии.

Тем не менее, и в первую, и во вторую волну пандемии потери от наркотических отравлений превышали показатели контрольного периода, однако в ходе пандемии этот проигрыш сократился с 20,6% до 7,1%.

В целом же можно констатировать, что потери москвичей от наркотических отравлений в апреле-декабре предковидного 2019 г. на 4% превысили соответствующие показатели 2020 г.

Характеризуя смертность москвичей в последние годы, следует указать на еще одно, не имеющее отношения к развитию пандемии, но достаточно важное обстоятельство: в настоящее время смертность москвичей от наркотических

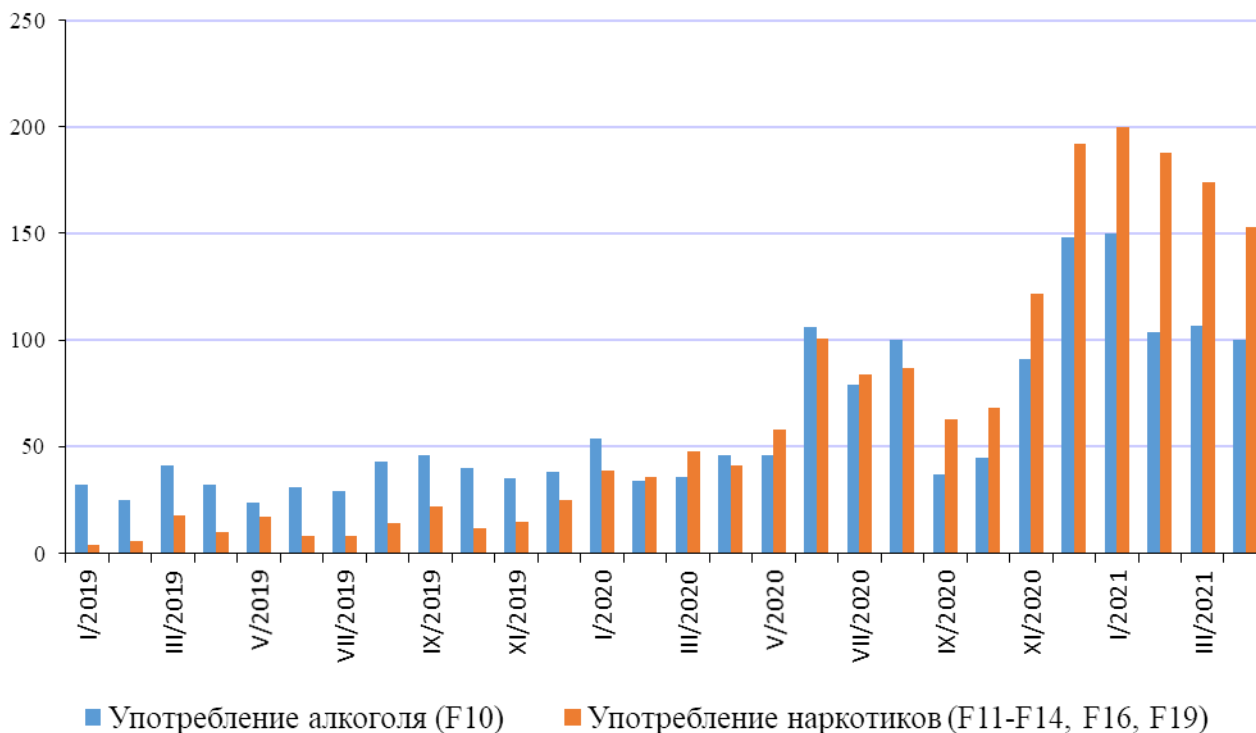
отравлений существенно превышает потери от отравлений алкогольных – во всяком случае, за 28 месяцев исследования исключением оказались только январь 2019 и февраль 2021 гг., когда число умерших от отравлений алкоголем превысило количество умерших от наркотических отравлений соответственно на 16,7% и 17,3% (см. рис. 1).

Однако, характеризуя потери, обусловленные потреблением психоактивных веществ, нельзя не обратить внимание на такой класс, как психические расстройства, смертность среди которых в основном определяется психическими расстройствами, связанными с употреблением алкоголя (F10) и наркотиков (F10-F14, F16, F19).

Первое, на что следует обратить внимание при анализе помесячного распределения потерь москвичей от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя – отсутствие общих закономерностей динамики в 2019 и 2020 гг. (см. рис. 2). Второе – ярко выраженный тренд к росту показателей, отчетливо проявившийся летом 2020 г. и окончательно оформившийся к 2021 г.: достаточно указать, что если в первую волну пандемии потери от этих причин превышали соответствующие показатели 2019 г. в 2,3 раза, то во вторую волну этот проигрыш вырос до 3,1-кратного.

В целом же можно констатировать, что потери москвичей от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, в апреле-декабре 2020 г. в 2,1 раза превысили соответствующие показатели 2019 г.

Что же касается психических расстройств, связанных с употреблением наркотиков, то, характеризуя помесячное распределение потерь от них в 2019–2020 гг., можно отметить достаточно высокую степень их сходства в доковидный и в ковидный год при принципиально более высоком уровне показателей: достаточно указать, что и в первую, и во вторую волну пандемии показатели 2020 г. превышали уровни 2019 г. кратно, при этом менее чем за год это превышение проигрыш выросло с 5,7- до 6,5-кратного (см. рис. 2).

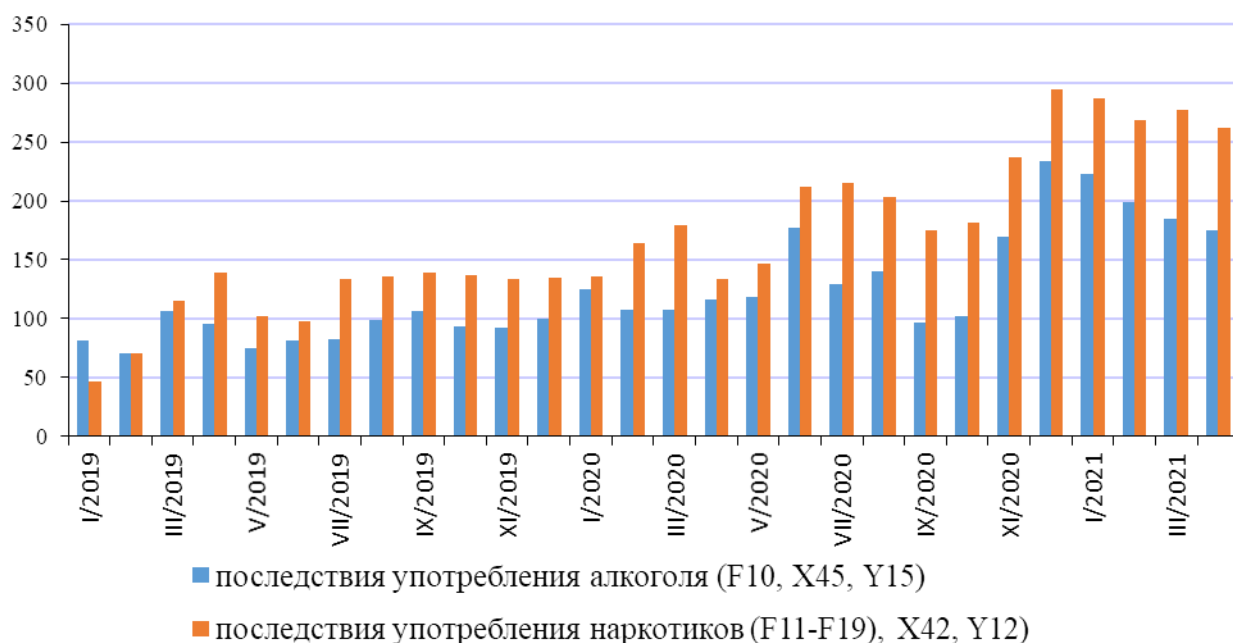
Рисунок 2. Помесячное распределение умерших от психических расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ (F10-F19), в Москве в 2019-апреле 2021 гг. (человек)

В целом же укажем, что потери москвичей от психических расстройств, связанных с употреблением алкоголя, в апреле-декабре 2020 г. превысили соответствующие показатели 2019 г. в 2,2 раза (против 15,6%-го роста потерь от алкогольных отравлений), от психических расстройств, связанных с употреблением наркотиков – в 6,2 раза (против 4%-го снижения смертности от наркотических отравлений). Таким образом, помесячное распределение последствий употребления психоактивных веществ в острой (отравления) или в хронической (соответствующие психические расстройства) форме характеризуется различными закономерностями: если динамика смертности от отравлений носит эволюционный характер, то изменения потерь от психических расстройств оказались совершенно непредсказуемыми (неожиданный рост летом 2020 г. и особенно в 2021 г.).

Однако, анализируя особенности диагностики смертей от этих причин, нельзя исключать конъюнктурные факторы: если алкогольные и наркотические отравления входят в число причин социально значимых и мониторируемых, то психические расстройства остаются «в тени» и социальной нагрузки не несут. Поэтому представляется, что масштабы потерь, обусловленных употреблением психоактивных веществ, корректно оценивать, как совокупную смертность от этих причин. При таком подходе помесячное распределение потерь от употребления алкоголя и наркотиков приобретает гораздо более осмысленный характер (см. рис. 3).

Так, можно отметить тренд к росту показателей до августа 2020 г. со снижением в сентябре-октябре, с ростом до максимума в декабре 2020 г. и снижением в первые месяцы 2021 г. При этом если в первую волну пандемии превышение смертности от употребления алкоголя и его последствий над соответствующими месяцами 2019 г. составило 63,1%, то во вторую волну приблизилось в 2-кратному.

Что же касается последствий наркомании, первое, что следует отметить – это «ступенчатый» характер динамики в период исследования (первая ступень – показатели 2019 г., вторая (очень нестабильная – 2020 г., третья – с декабря 2019 г.), причем каждая ступень – это принципиально более высокий уровень показателей (см. рис. 3). Отметим, что в первую волну пандемии употребление наркотиков и его последствия привели к 1,5-кратному росту потерь по сравнению с соответствующим периодом 2019 г., то во вторую волну – уже к 2-кратному.

Рисунок 3. Помесячное распределение совокупного числа умерших от последствий употребления алкоголя (F10, X45, Y15) и наркотиков (F11-F19, X42, Y12) в Москве в 2019-апреле 2021 гг. (человек)

В целом же и потери от последствий алкоголизма, и от последствий наркомании в апреле-декабре 2020 г., т. е. в период пандемии, превысили соответствующие показатели 2019 г. более чем в 1,5 раза (на 55,7% и 56% соответственно).

Еще одно обстоятельство, которое нельзя не отметить, характеризуя смертность от поведенческих рисков в Москве: только в январе 2019 г. потери от последствий наркомании были ниже, нежели от последствий алкоголизма, уже в феврале 2019 г. они сравнялись, и в течение последующих месяцев стабильно превышали последние.

Первое, что следует отметить, обсуждая полученные результаты – это их оценочный характер, поскольку они основаны на абсолютных, а не интенсивных

показателях. При этом необходимо учитывать, что численность наличного населения в период пандемии в Москве в 2020-2021 гг. очевидно ниже, чем в 2019 г., поскольку в период пандемии при введении жесткого карантина в столице число мигрантов не могло не снизиться. Однако это сокращение численности не является равномерно распределенным на всем возрастном интервале: поскольку миграция (как внешняя, так и внутренняя) определяется в первую очередь трудоспособными возрастными группами, то ее сокращение также более всего затронуло численность трудоспособного населения.

Из этого следует, во-первых, что негативные тренды, отмеченные в период пандемии, будут актуальными и при анализе, основанном на интенсивных показателях (последствия употребления алкоголя и наркотиков), вопрос о слабо выраженных негативных и позитивных трендах (официально зарегистрированные и латентные суициды) остается открытым – расчет интенсивных показателей может дать более отчетливые результаты, особенно в возрастном контексте.

Вообще вопрос о реальном уровне суицидов в Москве (даже не в кризисный период пандемии) явно требует особого внимания: достаточно указать, что показатели столицы в 2019 г. оказались вчетверо меньшими, нежели в «старом» Евросоюзе, т.е. в Западной Европе, в 2016 г. (2 против 8 на 100000) на фоне 16-кратного превышения смертности от повреждений с неопределенными намерениями (17,5 против 1,1 на 100000), которая в Западной Европе формируется в основном за счет латентных самоубийств²¹¹.

Сразу укажем, что классификация инцидента как убийства, самоубийства, несчастного случая или смерти, род которой не установлен, входит в компетенцию не статистических, а правоохранительных органов. Однако само определение «род смерти не установлен» расширяет потенциальную базу латентных внешних причин смерти за счет класса «Симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния», а именно – диагноза «Причина смерти не установлена» (R99): укажем, что по этим показателям среди трудоспособного населения (до 65 лет) в 2000-е годы Москва стабильно входила в число аутсайдеров (даже в 2019 г. она входила в пятерку худших регионов России). Таким образом, выводы о некотором снижении потерь от суицидов во время пандемии в столице требуют в дальнейшем верификации. При этом нельзя забывать еще одно достаточно важное обстоятельство: напомним, что понятие «социальный стресс» впервые было использовано для характеристики ситуации в России в разгар гайдаровских реформ в середине 1990-х годов, и согласно прогнозам, наиболее существенно этот кризис должен был сказаться на картине суицидов. Однако в первой

²¹¹ Bjorkenstam C., Jahansson L.-A., Nordstrom P. [et al.] Suicide or undetermined intent? A register-based study of signs of misclassification // *Population Health Metrics*. 2014. No. 12. Pp. 1-11.; Breiding M. J., Wiersema B. Variability of undetermined manner of death classification in the US // *Injury prevention*. 2006. 12 (Suppl. 2): ii49-ii54; Kapusta N. D., Tran U. S., Rockett I. R. H. [et al.]. Declining autopsy rates and suicide misclassification: A cross-national analysis of 35 countries // *Archives of General Psychiatry*. 2011. No 68(10). Pp. 1050-1057; Rockett I. R., Kapusta N. D., Bhandari R. Suicide misclassification in an international context: revisitation and update // *Suicidology Online*. 2011. No 2. Pp. 48-61; Suicide worldwide in 2019: global health estimates. WHO, 2021. 35 p.

половине 1990-х годов суицидальная смертность, как и смертность от ДТП, выросла минимально на фоне катастрофического роста потерь от алкогольных отравлений и убийств²¹².

Что касается поведенческих рисков, то не надо забывать – сейчас не середина 1990-х, и Москва стала респектабельным европейским городом. Тем не менее, рост потерь вследствие алкоголизма и наркомании в столице в период пандемии сомнений не вызывает. Более того, можно констатировать, что рост алкоголизма в период пандемии – проблема не только российская, но универсальная²¹³. При этом нельзя забывать, что в ходе настоящего исследования зафиксированы наиболее очевидные показатели. Между тем, говоря о последствиях алкоголизма, нельзя забывать, что масштабы их гораздо шире, в частности, в настоящее время 2/3 их обусловлены такими соматическими причинами, как алкогольная кардиомиопатия (I42.6) и алкогольный цирроз печени (K70)²¹⁴. Более того, не только в Москве, но и во всей России алкогольные отравления обусловлены уже не суррогатами, а превышением дозы выпитого²¹⁵.

Последствия наркомании также далеко не исчерпываются очевидными причинами: недавнее исследование показало, что масштабы их существенно превышают последние за счет смертности от неуточненной кардиомиопатии (I42.9). В свою очередь, потери от неуточненной кардиомиопатии в Москве в значительной мере минимизируются за счет уже упомянутых симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний²¹⁶.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что общие масштабы потерь, обусловленных алкоголизмом и наркоманией, в столице значительно выше, нежели только от отравлений психоактивными веществами и психических расстройств, ими обусловленных. Подводя итоги анализу социальных последствий пандемии COVID-19, укажем, что в целом она мало сказалась на суицидальной смертности, но привела к существенному росту потерь, обусловленных употреблением алкоголя и наркотиков, причем этот эффект наиболее отчетливо проявился в конце 2020 г. – начале 2021 г.

Это совпадение второй волны пандемии (осень 2020 г.) с ростом потерь, обусловленных алкоголем и наркотиками, представляется достаточно неожиданным и, на первый взгляд, не вытекающим из самого факта пандемии: напомним, что в этот период социальные ограничения были достаточно условными и в основном

²¹² Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: ЦСП, 2005. 287 с.

²¹³ Немцов А. В., Гридин Р. В. Косвенные показатели потребления алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // Вопросы наркологии. 2020. № 10. С. 16-33.

²¹⁴ Смертность населения России от причин алкогольной этиологии в 2000-е годы / В. Г. Семенова, Т. П. Сабгайда, А. Ю. Михайлов [и др.] // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2018. № 1(59). Ст. 3.

²¹⁵ Немцов А. В. Алкогольная история России: Новейший период. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

²¹⁶ Факторы риска роста смертности молодежи и особенности их учёта в Москве / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, А. В. Зубко [и др.] // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2019. Т. 63, № 6. С. 322-330.

затрагивали посещение общественных и культурных мероприятий, а также мест развлечений (ночные клубы, рестораны и т.п.).

Представляется, что все более расширяющиеся масштабы алкоголизма и наркомании в столице определяются не столько эпидемиологическими, сколько социальными факторами, а именно, закрытием предприятий, сокращением рабочих мест, ростом безработицы снижением доходов москвичей, от чего столица отвыкла в 2000-е годы. Обсуждая эти сдвиги в контексте выдвинутых ранее гипотез, подчеркнем, что последствия второй волны, т.е. последствия в основном экономические, оказались для столицы более тяжелыми, нежели результаты первой волны, когда в Москве наблюдался даже не стресс, а шок от неожиданности происходящего.

Тем не менее, можно констатировать, что в Москве наблюдалась вполне логичная картина социального стресса, с острой реакцией (суициды) в начале пандемии, в период жесткого карантина, и гораздо более длительные ее последствия (алкоголизм и наркомания), обусловленные социально-экономическими факторами, в ходе второй волны. Эти негативные сдвиги вызывают особую тревогу в связи с новой волной пандемии, нарастающей в настоящее время: к объективным экономическим факторам не может не присоединиться массовая депрессия – ведь еще в апреле, когда избыточная смертность в столице снизилась до 8%, казалось, что москвичи преодолели пандемию, и им уже ничего не грозит.

Из этого следует, что осенью 2021 г. Москва столкнется с новым ростом потерь и от алкоголизма, и от наркомании, более того – и от суицидов (конечно, если их объективно учитывать): социальный стресс в столице не только не преодолен, но получил новый толчок к развитию.

2.6. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Введение

С тех пор, как Россия (тогда РСФСР) вступила во вторую фазу демографического перехода в конце 1980-х гг., ее постоянное население начало постепенно сокращаться и стареть. Ситуацию усугубил социальный кризис, вызванный распадом Советского Союза в начале 1990-х гг., который способствовал настолько стремительному сокращению темпов рождаемости и росту смертности, что данное явление получило название «русского креста» (из-за формы соответствующих кривых на графиках естественного движения населения)²¹⁷. Эту кризисную тенденцию не удастся переломить и по сей день. Так, в сумме за последние 10 лет (2011–2020 гг.) Россия потеряла более 1,4 млн человек населения из-за его естественной убыли (т. е., превышения смертности над рождаемостью). Но за тот же период страна приняла 2,4 млн мигрантов, и благодаря этому численность населения в целом увеличилась. В сложившихся условиях миграция стала рассматриваться и учеными-демографами, и представителями власти как практически единственное средство сдержать демографическую катастрофу²¹⁸. Особенно быстро сокращается население в трудоспособном возрасте и младше, что ведет к росту коэффициента демографической нагрузки (соотношению численности граждан, не относящихся к трудоспособному населению, и относящихся к нему) и дефициту трудовых ресурсов. Кроме того, ситуация усугубляется также все возрастающими диспропорциями в территориальном распределении населения. Так, за десятилетие с 2011 г. по 2020 г. население таких стратегически важных регионов как Сибирь и Дальний Восток сократилось на 1,3% (324 тыс. чел.), а население западной части страны (Центрального, Северо-Западного, Южного, Северокавказского, Приволжского и Уральского федеральных округов) возросло на 3,3% (3822 тыс. чел.) Решающую роль в этом играет устойчивое направление миграционных потоков, известное как «западный дрейф»²¹⁹.

Названные нами тенденции уже были выявлены и описаны ранее российскими учеными, специализирующимися в области демографии и миграции, экономики труда,

²¹⁷ Халтурина Д. А., Коротаев А. В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. Москва : КомКнига, 2006. 128 с.

²¹⁸ Ионцев В. А., Прохорова Ю. А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3(193). С. 83-91.

²¹⁹ Вызовы внутренней миграции // Демографические вызовы России : Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753-754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 17.04.2021).

такими как Л.Л. Рыбаковский²²⁰, Ж.А. Зайончковская²²¹, А.Г. Вишневский²²², С.В. Рязанцев²²³, В.А. Ионцев²²⁴, А.В. Топилин, О.Д. Воробьева²²⁵ и др. Целью же данного исследования является определение роли миграции в формировании трудовых ресурсов страны на современном этапе демографического развития. В задачи исследования входят количественная и качественная оценка тенденций последних пяти лет (2016–2020 гг.) во внутренних и внешних миграционных потоках, их роли в пополнении и территориальном перераспределении трудоспособного населения, предоставление прогнозов и анализ различных сценариев влияния миграции на численность и возрастной состав населения, а также предоставление рекомендаций относительно возможных направлений совершенствования миграционной политики в целях обеспечения устойчивости демографического развития страны и ситуации на рынке труда.

Вклад миграции в демографическое развитие России

Естественная убыль населения в России начала наблюдаться с 1992 г. В 2013–2015 гг. наблюдался короткий период роста, но с 2016 г. число смертей вновь стало превышать число рождений, и объективно существующие на данный момент особенности возрастной структуры населения не позволяют надеяться, что данная ситуация изменится в обозримом будущем, даже если удастся достичь некоторого роста суммарного коэффициента рождаемости (числа рождений на одну женщину в детородном возрасте). В то же время миграционный обмен России с другими странами давал положительное сальдо, на всем протяжении ее современной истории, начиная с 1991 г., и за последние пять лет (2016–2020 гг.) компенсировал 72% естественной убыли населения, дав стране почти 1 млн новых жителей (см. табл. 1).

²²⁰ Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2005. № 3 (251). С. 71–81.

²²¹ Миграция и демографический кризис в России / Ж. А. Зайончковская, Е. В. Тюрюканова, Ю. Ф. Флоринская [и др.]. М.: Макс пресс, 2010. 94 с.

²²² Вызовы внутренней миграции // Демографические вызовы России : Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 17.04.2021).

²²³ Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.

²²⁴ Ионцев В. А., Прохорова Ю. А. Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3(193). С. 83–91.

²²⁵ Воробьева О. Д., Топилин А. В., Аликова А. С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156–1163.

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения России

Год	Общий прирост		Естественный прирост		Миграционный прирост	
	чел.	‰	чел.	‰	чел.	‰
1990	608 665	4,1	332 865	2,2	456 062	1,9
1995	-168 299	-1,3	-840 005	-5,7	603 198	4,4
2000	-586 517	-4,1	-958 532	-6,6	241 755	2,5
2005	-564 464	-3,9	-846 559	-5,9	107 432	2,0
2010	31 931	0,2	-239 568	-1,7	158 078	1,9
2015	277 422	1,9	32 038	0,2	245 384	1,7
2020	-577 575	-3,9	-702 072	-4,8	106 474	0,9
2035	-134 974	-0,9	-398 451	-2,8	263 477	1,9

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата, включая средний вариант демографического прогноза на 2035 г.

Однако согласно инерционному (среднему) варианту демографического прогноза Росстата до 2035 г., миграционный приток населения в страну значительно не увеличится, но при этом естественная убыль населения будет продолжаться, поэтому начнется заметное сокращение численности населения в целом. Чтобы просто компенсировать потери населения, вызванные естественной убылью, в 2035 г. стране будет нужно привлечь на 113 тыс. мигрантов больше, чем в 2019 г., предшествовавшем пандемии COVID-19, когда перемещение населения еще не было ограничено эпидемиологическими мерами, или на 292 тыс. мигрантов больше, чем в 2020 г., когда локдаун уже значительно затруднял любые заграничные поездки.

При этом сокращение общей численности населения как таковое является не единственной и не самой трудной проблемой. С точки зрения экономики, рынка труда и социального обеспечения еще больше трудностей вызывает сокращение численности населения в трудоспособном возрасте и младше. По среднему варианту демографического прогноза, коэффициент демографической нагрузки в ближайшее время будет даже снижаться: с 0,77 в 2020 г. до 0,62 в 2035 г. Но при этом доля населения младше трудоспособного возраста заметно сократится: с 18,7% в 2020 г. до 14,3% в 2035 г. Это означает, что в будущем численность населения, которое будет вступать в трудоспособные возраста и входить в рабочую силу, заметно уменьшится (см. табл. 2).

Таблица 2

**Численность населения России по основным возрастным группам
(на 1 января)**

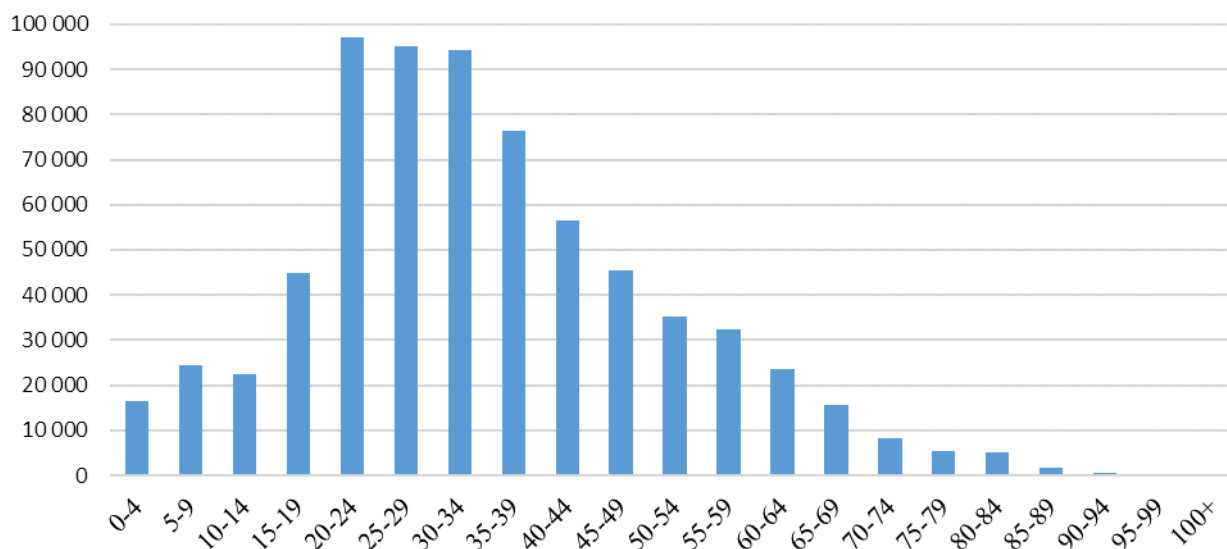
Год	Младше трудоспособного возраста		В трудоспособном возрасте		Старше трудоспособного возраста	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1990	36 100 900	24,4	83 943 392	56,8	27 620 789	18,7
1995	34 252 110	23,1	84 331 542	56,8	29 876 285	20,1
2000	29 579 756	20,1	87 172 272	59,3	30 138 100	20,5
2005	24 349 368	16,9	90 098 674	62,7	29 353 004	20,4
2010	23 086 254	16,2	88 561 160	62,0	31 186 088	21,8
2015	25 689 215	17,6	85 414 747	58,4	35 163 326	24,0
2020	27 442 371	18,7	82 677 671	56,3	36 628 548	25,0
2035	20 535 100	14,3	88 458 600	61,8	34 134 500	23,8
2050	22 490 884	15,4	66 888 473	45,8	56 519 299	38,7

Источник: Составлено авторами на основе данных Росстата, включая средний вариант демографического прогноза на 2035 г., а также на основе среднего варианта прогноза Национального демографического доклада²²⁶.

Поскольку большинство иностранных граждан приезжают в Россию на работу или учебу, то возрастное распределение мигрантов достаточно благоприятное. Например, в допандемийном 2019 г. 70% из них были в трудоспособном возрасте. Причем почти половина (47% в 2019 г.) – это молодые люди в возрасте от 15 до 35 лет (см. рис. 1). Таким образом, уровень участия иммигрантов в рабочей силе, соответственно, довольно высок. Поэтому и ученые, и официальные лица склонны рассматривать проблему иммиграции в связи с состоянием рынка труда²²⁷.

²²⁶ Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры : Национальный демографический доклад – 2020 / В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, В. И. Гневашева [и др.]. Москва : Объединенная редакция, 2020. 155 с.

²²⁷ Воробьева О. Д., Топилин А. В., Аликова А. С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156-1163.

Рисунок 1. Распределение мигрантов, прибывших в Россию в 2019 г., по возрасту

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

Однако, по нашим оценкам, чтобы компенсировать сокращение численности рабочей силы к 2050 г. по сравнению с ее сегодняшней численностью, России будет нужно принимать ежегодно более 500 тыс. постоянных мигрантов, что примерно в два раза больше, чем в 2019 г., и в 4,5 раза больше, чем в 2020 г. Этот прогноз можно считать достаточно точным, поскольку близкие цифры озвучивались и в других работах^{228, 229}. В то же время, согласно прогнозам, представленным ранее ИДИ ФНИСЦ РАН, при сохранении имеющихся тенденций, то есть, при реализации инерционного сценария, миграционный прирост России к 2050 г. составит порядка лишь 313 тыс. человек²³⁰. Этого будет достаточно, чтобы компенсировать естественную убыль населения, но не сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Однако, согласно тому же прогнозу, если будут успешно реализованы адекватные меры миграционной политики и улучшится экономическая ситуация, то в случае реализации оптимистического сценария, сальдо внешней миграции в 2050 г. может достигнуть 815 тыс. человек. Этого будет достаточно, чтобы численность рабочей силы вновь достигла исторического максимума, который фиксировался в 2000 г.

²²⁸ Вызовы внутренней миграции // Демографические вызовы России : Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753-754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 17.04.2021).

²²⁹ Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры : Национальный демографический доклад – 2020 / В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, В. И. Гневашева [и др.]. Москва : Объединенная редакция, 2020. 155 с.

²³⁰ Там же.

При этом, согласно демографическому прогнозу ООН²³¹, в таком случае более ¼ населения России будут составлять мигранты, прибывшие в страну после 1995 г., а также их потомки. Эта ситуация несет в себе потенциальные социокультурные риски, поскольку возможности любого принимающего общества по адаптации и интеграции мигрантов ограничены, и многие исследования доказывают, что резкий рост доли мигрантов может привести к учащению межэтнических конфликтов и росту социальной напряженности²³².

Кроме того, сама возможность привлечения такого количества мигрантов в Россию остается под вопросом. Это потребует значительных усилий, поскольку сегодня конкуренция принимающих стран за иностранных граждан и иностранную рабочую силу продолжает возрастать. Все больше мигрантов из традиционных стран-доноров уезжают жить и работать в другие, более экономически развитые страны. Например, в различных исследованиях отмечалось, что граждане стран Центральной Азии все чаще выезжают в страны Персидского залива или Китай²³³, а все больше уроженцев стран Восточной Европы стремятся переехать в страны Европейского Союза²³⁴.

Кроме того, при составлении прогнозов нельзя забывать, что популяция мигрантов, оставшихся в стране на постоянное место жительства, также неизбежно стареет, как и коренное население. При этом показатели рождаемости среди мигрантов со временем начинают стремиться к тем же значениям, что и показатели рождаемости среди коренного населения, как было подтверждено рядом социологических исследований, проводившихся и в зарубежных странах, и в России²³⁵. Таким образом, чтобы поддерживать численность трудовых ресурсов на постоянном уровне в условиях старения и естественного сокращения численности населения, стране в перспективе потребуется постоянно возрастающее количество мигрантов. Из этого можно с большой степенью уверенности заключить, что возможности так называемой заместительной миграции ограничены. Она помогает замедлить развитие негативных демографических тенденций, но в долгосрочной перспективе не позволит полностью избежать вызванных ими проблем в экономике и социальной сфере.

---

²³¹ United Nations. Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations? New York : UN Population Division, Department of Economic and Social Affairs, 2001. ESA/P/WP.160.

²³² Gadzhimuradova G. I. Muslims in Europe: Identity Crisis between European and Islamic Values // *Balkan Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 12. No 2. Pp. 133-138.

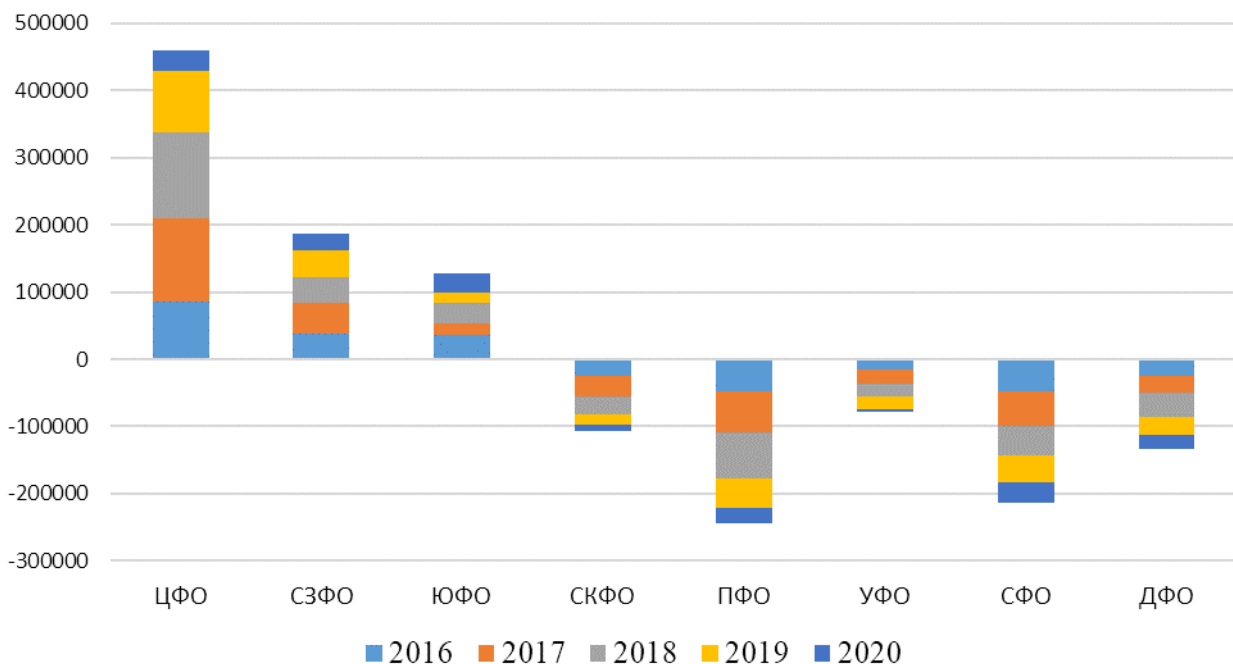
²³³ Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. K. Labor Force Recruitment to the OECD and Middle Eastern Countries in The Republic of Tajikistan: Trends, Mechanisms, Consequences // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. T. 21. No 4. Pp. 96-111.

²³⁴ Рязанцев С. В., Русу С. В., Медведь В. А. Факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015-2016 годов // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020. № 4. С. 19-28.

²³⁵ Казенин К. И. Демографические процессы среди иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации // *SSRN*. 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3361019> (дата обращения: 15.03.2021).

Место миграции населения в территориальном развитии России

Внутренняя миграция играет определяющую роль в территориальном перераспределении населения России. Попытки стимулировать внутреннюю миграцию населения с целью привлечения рабочей силы в трудодефицитные восточные регионы страны предпринимались ее руководством еще с XIX века. В советское время переселение в Сибирь и на Дальний Восток происходило не только в добровольной форме, но в ряде случаев было вынужденным (во время голода 1920-х гг., Великой Отечественной войны), а некоторые группы населения перемещались в принудительном порядке (например, в 1940-е гг. имела место депортация целых народов), действовали и различные программы для привлечения молодых специалистов (распределение после окончания вузов, популяризация участия молодежи в строительстве БАМа, системы льгот и т. д.) Однако после распада СССР, когда вступили в действие механизмы рыночной экономики, начался массовый отток населения из восточных регионов. Несмотря на многочисленные программы развития, принятые и реализуемые как федеральными, так и региональными органами власти, эта тенденция сохраняется и даже усиливается с 2005 г.²³⁶ В целом, население России «дрейфует» на запад, и только три федеральных округа (Центральный, Северо-Западный и Южный) имели положительное сальдо миграции в 2016–2020 гг. (см. рис. 2).

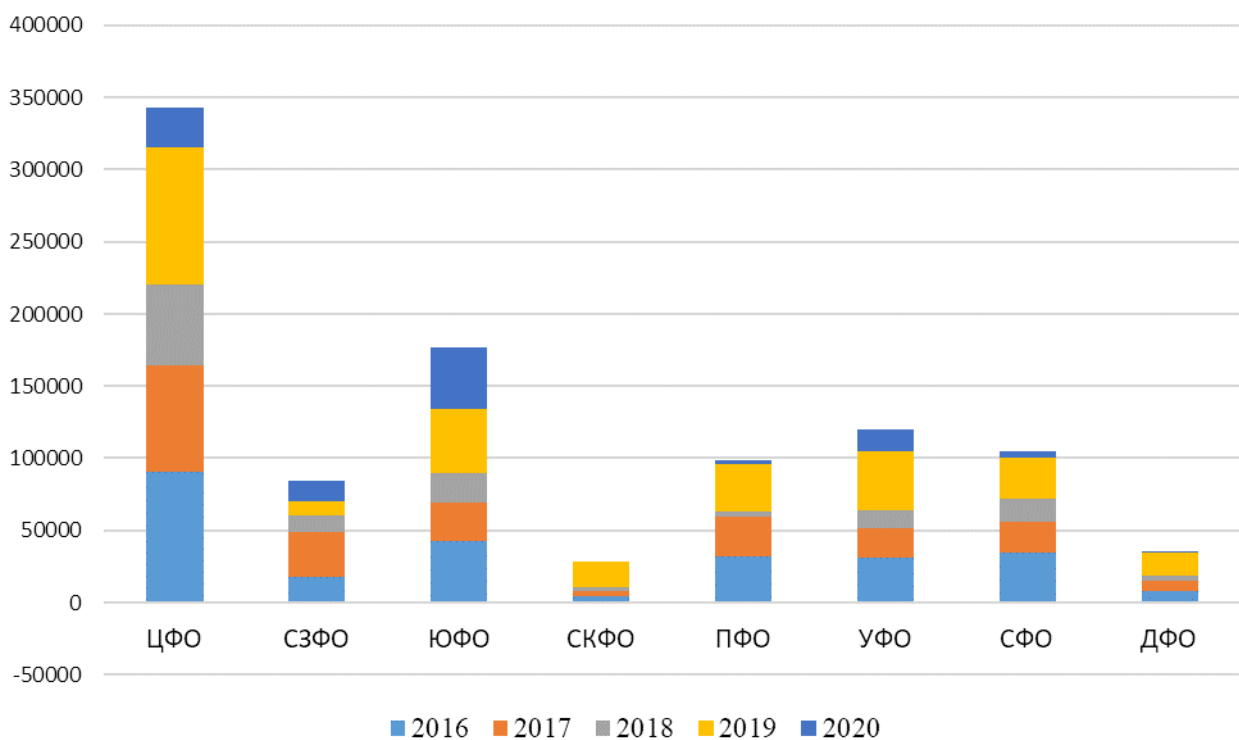
Рисунок 2. Сальдо межрегиональной миграции по федеральным округам России в 2016–2020 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

²³⁶ Маньшин Р. В., Лукьянец А. С. Проблемы оценки источников возможной компенсации трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // Экономика и предпринимательство. 2016. № 12-2 (77). С. 205-210.

Более того, миграционный прирост неравномерно распределяется по территории этих регионов: внутри них сформировались центры притяжения мигрантов – крупные городские агломерации, где и концентрируется большая часть вновь прибывших. Так, в 2020 г. на Москву и Московскую область пришлось 130% от сальдо межрегиональной миграции по Центральному федеральному округу, на Санкт-Петербург и Ленинградскую область – 112% по Северо-Западному федеральному округу, на Краснодарский край – 75% по Южному федеральному округу.

При этом за 2016–2020 гг. все федеральные округа России имели положительное сальдо в обмене населением с зарубежными странами. Наибольший миграционный прирост наблюдался в экономически активном Центральном федеральном округе, Южном федеральном округе, который более близок географически к государствам Центральной Азии и Кавказа, а также отличается более дешевыми ценами на аренду жилья и т. д.; и в промышленных Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах (см. рис. 3).

Рисунок 3. Сальдо международной миграции по федеральным округам России в 2016–2020 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата

В целом, направление миграционных потоков во многом определяется экономическими факторами. По данным Росстата, работа стала причиной 9,5% всех миграций в России в 2020 г.; еще 6,3% сменили место жительства из-за учебы; 10,6%

мигрировали по причине покупки или наследования жилья; 30,5% переселились по неуточненным личным причинам. В качестве причины 33,7% всех миграционных перемещений в 2020 г. было указано «возвращение после временного отсутствия», что объясняется спецификой учета миграции в России. На практике такая отметка означает лишь, что срок регистрации этих людей по месту пребывания истек, хотя в действительности они не обязательно вернулись домой.

Это наблюдение подтверждается результатами корреляционно-регрессионного анализа, где миграционный прирост использовался в качестве зависимой переменной и логарифмированные значения валового регионального продукта в качестве регрессора для всех 85 субъектов Российской Федерации по состоянию на 2019 г. (см. табл. 3). Р-значение ($<0,0001$) показывает, что существует статистически значимая зависимость (на 1%-ном уровне) между миграционным приростом и валовым региональным продуктом. Т. е., чем более экономически развит регион, тем больше людей желают туда переехать.

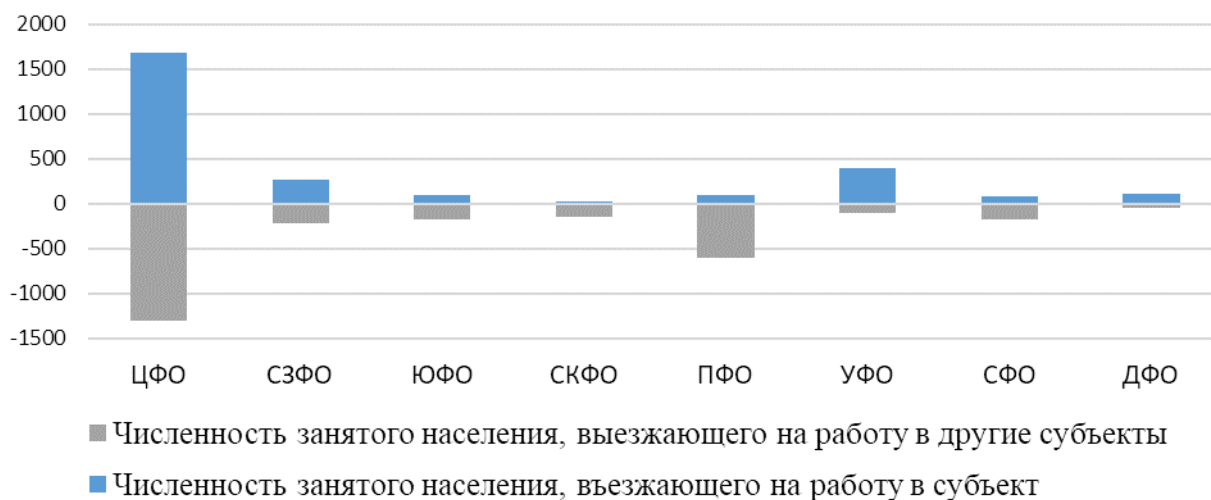
Таблица 3

Регрессионный анализ зависимости миграционного прироста населения региона от величины валового регионального продукта

<i>Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1-85</i>				
<i>Зависимая переменная: Миграционный прирост</i>				
	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Const	-108997	27464,6	-3,969	0,0002
ВРП (лог.)	5575,23	1360,91	4,097	9,70e-05

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Данные выборочных обследований рабочей силы в России также косвенно подтверждают эту тенденцию. Все больше людей приезжают на заработки в наиболее экономически развитые регионы: «столичные» Центральный и Северо-Западный федеральные округа, а также «богатый» нефтегазовый Уральский федеральный округ (см. рис. 4). По тому же принципу работники перемещаются внутри этих регионов: в 2020 г. 96% трудовых мигрантов, въезжающих в Центральный федеральный округ, направлялись в Москву и Московскую область; 82% трудовых мигрантов в Северо-Западном федеральном округе ехали в Санкт-Петербург и Ленинградскую область; в Краснодарском крае сосредоточилось 66% всех выехавших на заработки в Южный федеральный округ; а нефтегазовая Тюменская область притянула 90% трудовых мигрантов Уральского федерального округа. Большое количество выезжающих с целью работы из субъектов ЦФО объясняется перемещением работников из этих субъектов в Москву. В целом, территориальное распределение трудовых мигрантов очень напоминает описанное выше распределение общего миграционного прироста.

Рисунок 4. Межрегиональная трудовая миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по регионам России в 2020 г. (тыс. человек)

Источник: составлено авторами на основе данных Выборочного обследования рабочей силы 2020 г.²³⁷

Хотя большинство как внутренних, так и международных мигрантов составляют лица трудоспособного возраста (в 2020 г. – 70% всех мигрантов в стране), с чисто статистической точки зрения, корреляция между долей трудоспособного населения и миграционным приростом по региону отсутствует (см. табл. 4). Например, доля населения в трудоспособном возрасте относительно высока в Ямало-Ненецком автономном округе (64,3% в 2020 г.), Камчатском крае (61%) и Республике Дагестан (60,6%), где на протяжении последних пяти лет (2016–2020 гг.) в целом наблюдался отток населения. В то же время доля населения в трудоспособном возрасте ниже среднего по стране в таких регионах, как Республика Крым (54,2% в 2020 г.) или Краснодарский край (55,6%), Республика Адыгея (55,6%), которые имели положительное сальдо миграции за период 2016–2020 гг.

²³⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 28.04.2021).

Таблица 4

**Регрессионный анализ зависимости доли населения в трудоспособном возрасте
от миграционного прироста**

<i>Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1-85</i>				
<i>Зависимая переменная: Доля населения в трудоспособном возрасте</i>				
	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Const	0,552824	0,00238719	231,6	1,93e-118
Средний миграц. прирост за 2015-2019 гг.	1,46969e-07	1,57792e-07	0,9314	0,3543

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Отсутствие корреляции между величиной миграционного прироста и долей населения в трудоспособном возрасте можно объяснить тем, что не все мигранты остаются в регионах въезда достаточно долго для того, чтобы образовать там значительный контингент, который мог бы изменить возрастную структуру населения. С другой стороны, опыт как России, так и зарубежных стран свидетельствует, что вместе с мигрантами зачастую переселяются и их иждивенцы (дети, пожилые родственники и т. д.), в особенности если имеет место переезд на постоянное место жительства²³⁸. Также в случае постоянной миграции происходит старение контингента мигрантов и изменение их показателей рождаемости, о чем упоминалось выше. Кроме того, существуют определенные особенности состава мигрантов, отмечающиеся в потоках, направленных с севера и востока на юг и запад страны: как статистические данные, так и эмпирические исследования показывают, что нередко жители трудодефицитных, но климатически неблагоприятных регионов переселяются в трудоизбыточные, но климатически благоприятные районы после выхода на пенсию²³⁹.

В Концепциях демографического развития России²⁴⁰ миграция традиционно рассматривается как некий вспомогательный инструмент для решения проблем экономики народонаселения, в частности, проблем рынка труда. Представляется, что миграционные процессы легче поддаются управлению, чем естественное движение населения, а миграционная политика позволит достичь поставленных целей быстрее, чем, например, меры, направленные на повышение рождаемости, которые начнут приносить результаты для народного хозяйства только через 15–25 лет, когда новое

²³⁸ Методология и методы изучения миграционных процессов: учебное пособие / И. Молодикова, К. Б. Бреттелли, Д. Ф. Холлифилд [и др.]. Москва, 2007. 370 с.

²³⁹ Лукьянец А. С. Факторы миграционного оттока населения из районов крайнего севера России // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты : Сборник трудов Международной научно-практической конференции. М.: Знание-М, 2020. С. 78-93.

²⁴⁰ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351) // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру». URL: <https://base.garant.ru/191961/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33> (дата обращения 14.10.2021).

поколение повзрослеет и станет экономически активным. В то же время, результаты научного анализа свидетельствуют, что на практике переориентировать миграционные потоки оказывается не столь простой задачей: «западный тренд» сохраняется не только во внутрироссийской, но и в международной миграции. Поскольку определяющим среди всех факторов притяжения мигрантов является экономический, то очевидно, что задачу привлечения мигрантов в восточные регионы страны невозможно решить с помощью точечных мер и краткосрочных программ. Необходим комплексный подход к развитию региона, направленный на улучшение экономической ситуации в нем, развитие инфраструктуры, повышение уровня жизни населения в целом.

Демографические факторы развития рынка труда России

Сегодня рынок труда представляет собой сложную систему социально-экономических и правовых отношений, правил и актов, направленных на обеспечение функционирования процесса воспроизводства рабочей силы, а также рационального использования труда. Дефицит трудовых ресурсов возникает, когда общее количество новых вакансий превышает количество квалифицированных кадров в национальной экономике в течение длительного периода. Более того, системная нехватка рабочей силы хоть и распространяется на широкий спектр профессий и групп рабочих, но чаще всего возникает среди специалистов среднего звена, инженеров, строителей. Данный дефицит говорит, с одной стороны, о развитии экономики (появление новых рабочих мест), но, с другой, отсутствие квалифицированных рабочих кадров можно оценить, как демографические проблемы.

Системную нехватку рабочей силы можно наблюдать и в историческом контексте, когда страны переходили от экономики военного времени к экономике мирного времени, во время эпидемий или крупных инновационных циклов, при которых происходила трансформация рынка труда. Сегодня потенциальным катализатором долгосрочного системного дисбаланса на рынке труда можно считать национальные и глобальные демографические изменения. Проявления дефицита трудовых ресурсов на национальном уровне имеют существенные последствия, которые включают снижение уровня жизни, более высокую инфляцию, вызванную ростом заработной платы, потенциальное снижение международной конкурентоспособности и даже подрыв будущих внутренних производственных мощностей.

Принимая во внимание тот факт, что с точки зрения экономики, нельзя анализировать данную проблему только исходя из демографических потерь, необходимо также рассматривать аргументы в пользу потенциальной системной нехватки, которая показывает, почему управление дефицитом в определенных отраслях происходит сложнее во время данной системной нехватки. В качестве причин сохраняющейся системной нехватки можно выделить три основных фактора: демографические изменения, изменение структуры рабочей силы и необходимость

повышения производительности труда. Данные факторы являются важными индикаторами, которые необходимо учитывать при определении окончательного размера и глубины системного дефицита. Целью данного исследования мы ставим оценить роль демографической ситуации в формировании нехватки рабочей силы.

Таблица 5

Отдельные показатели развития рынка труда России

Год	Население в трудоспособном возрасте (чел.)	Уровень участия населения в трудоспособном возрасте в рабочей силе (%)	Потребность организаций в работниках		Безработица (%)
			чел.	% от рабочих мест	
2008	89 744 837	78,2	898 855	2,8	6,5
2010	88 561 160	78,6	619 464	2,1	7,7
2012	87 055 243	79,5	835 580	2,8	5,7
2014	85 161 578	80,3	820 521	2,8	5,4
2016	84 198 808	81,4	637 612	2,2	5,8
2018	82 264 105	82,4	723 548	2,8	5,0
2020	82 677 671	82,0	1 029 753	3,7	6,1

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

В качестве количественной характеристики нехватки рабочей силы нами использовались данные Росстата о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест²⁴¹ и уровне безработицы. В качестве характеристик демографической ситуации были проанализированы численность населения в трудоспособном возрасте и уровень его участия в рабочей силе²⁴² (см. табл. 5). За рассмотренный нами период (2008–2020 гг.) не было обнаружено корреляции между численностью трудоспособного населения, а также его уровнем экономической активности и потребностью организаций в работниках. Кроме того, удельный вес потребности в работниках не имеет корреляции и с уровнем безработицы. Эта особенность российского рынка труда действительно обращает на себя внимание и ранее уже отмечалась другими исследователями²⁴³. Причиной этому ими называлась системная разбалансировка спроса и предложения на рынке труда в составе занятых в

²⁴¹ О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266> (дата обращения 25.05.2021).

²⁴² Итоги выборочного обследования рабочей силы // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 25.05.2021).

²⁴³ Башина О. Э., Матраева Л. В., Васютина Е. С. Анализ трансформационных процессов на российском рынке труда: вызовы и последствия // Вопросы статистики. 2017. № 11. С. 35-43.

разрезах видов занятий и профессиональных групп. Соответственно, путь решения этой проблемы заключается, прежде всего, в изменении приоритетов системы образования и подготовке кадров тех специальностей и того уровня квалификации, на которые сегодня существует спрос со стороны работодателей.

То есть, при анализе рынка труда необходимо учитывать не только демографическую ситуацию. Поскольку количественное воспроизводство трудовых ресурсов напрямую зависит от воспроизводства населения, необходимо брать во внимание их качественное воспроизводство, а именно, существующие тенденции в подготовке специалистов разного уровня квалификации. Переход от плановой экономики к рыночной и реформа высшего образования в 90-х годах привели к десинхронизации рынка труда и рынка образовательных услуг. Абитуриенты зачастую ориентируются на социокультурные стереотипы о тех или иных профессиях, нежели на ситуацию на рынке труда²⁴⁴, вследствие чего, около 60% выпускников вузов вынуждены сменить род деятельности²⁴⁵.

При этом субъекты России сильно дифференцированы по уровню социально-экономического развития, демографическим, экономическим, социальным, географическим, климатическим и иным характеристикам, что непосредственно сказывается на формировании спроса на рабочую силу на региональном рынке труда²⁴⁶. В связи с этим остро стоит вопрос перераспределения трудовых ресурсов между российскими регионами в условиях низкой внутренней мобильности населения.

Поэтому также нами было проанализировано, изменяется ли потребность предприятий в работниках по мере изменения численности населения на уровне регионов России. Корреляционно-регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной использовалось изменение потребности организаций в работниках для замещения рабочих мест за 2018–2020 гг., а в качестве регрессора – изменение численности постоянного населения за тот же период по 85 субъектам Российской Федерации, показал, что между этими двумя переменными существует слабо выраженная обратная зависимость (статистически значимая на 10%-ном уровне) (см. табл. 6). Иными словами, потребность в рабочей силе, как правило, больше растет в тех регионах, где наблюдается общая убыль населения. Из этого мы можем заключить, что при прочих равных условиях благоприятная демографическая ситуация способствует сглаживанию структурного дисбаланса на рынке труда.

²⁴⁴ Гнатюк А. Н., Гнатюк М. А., Самыгин С. И. Проблемы трудовой занятости современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 34-37.

²⁴⁵ Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 12-36.

²⁴⁶ Кокшарова М. Я., Круглов Д. В., Плотников В. А. Проблемы регулирования региональных рынков труда в России // Управленческое консультирование. 2019. № 6(126). С. 54-66.

Таблица 6

**Регрессионный анализ зависимости изменения потребности организаций в
работниках от изменения численности населения**

<i>Модель 1: МНК, использованы наблюдения 1-85</i>				
<i>Зависимая переменная: Рост потребности в работниках</i>				
	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
Const	2115,59	1096,10	1,930	0,0570
Рост численности населения	-0,00337703	0,00183583	-1,840	0,0694

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Кроме того, нами была обнаружена выраженная положительная корреляция (коэффициент корреляции 0,74) между ростом потребности в работниках за 2018–2020 гг. и суммарным миграционным приростом за этот период при анализе данных по 85 субъектам РФ. Это может свидетельствовать о том, что динамично развивающиеся регионы, где создаются новые рабочие места и возникает нехватка трудовых ресурсов, привлекают по этой причине больше мигрантов. Таким образом, миграция в России на современном этапе также способствует достижению баланса на рынке труда. На следующем этапе исследований планируется проанализировать, соответствуют ли образовательные и профессиональные характеристики мигрантов потребностям рынка рабочей силы²⁴⁷, а также в каком количестве мигрантов, в том числе иностранных, нуждается рынок труда того или иного региона.

При этом следует принимать во внимание и прогнозы демографического развития страны, поскольку несмотря на существующую убыль населения в России, прогнозируется, что в ближайшие годы численность населения трудоспособного возраста увеличится. По прогнозу Минэкономразвития, с 2021 г. по 2024 г. рост составит 1 млн чел. При этом, по низкому варианту прогноза Росстата, рост за этот же период составит 1,7 млн чел., а по высокому варианту – 2,6 млн чел.²⁴⁸ Во многом, это обусловлено пенсионной реформой, в результате которой был повышен нормативный возраст выхода на пенсию. Кроме того, по прогнозам НИУ ВШЭ, во всех субъектах России ожидается демографический рост – численность населения в возрасте 15–19 лет вырастет с 6,6 млн. в 2016 г. до 8,9 млн. в 2030 г.²⁴⁹ Увеличение численности

²⁴⁷ Красинец Е. С. Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // Народонаселение. 2020. Т. 23, №. 1. С. 104-118.

²⁴⁸ Прогноз численности населения России по данным Минэкономразвития и Росстат. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/scenarnye_usloviya_osnovnye_parametry_prognoza_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2022_god_i_na_planovyy_period_2023_i_2024_godov.html; <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/progn3.xls> (дата обращения 27.05.2021).

²⁴⁹ Система среднего профессионального образования Российской Федерации в 2005–2030 гг.: влияние демографических факторов / Ф. Ф. Дудырев, В. А. Козлов, Ю. В. Кузванова, А. И. Шабалин; НИУ «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 28 с.

трудоспособного населения создает новые вызовы для государства, например, существуют высокие риски повышения уровня безработицы, в первую очередь, среди лиц предпенсионного возраста и молодежи²⁵⁰. Так, снижение уровня безработицы в 2000–2010-х гг. до 5% было связано не с экономическим ростом, а с сокращением трудоспособного населения из-за низкой рождаемости в 1990-х гг., высокой смертности и старения населения²⁵¹.

Заключение

Характер демографических процессов, протекающих на территории нашей страны, позволяет говорить о продолжающемся демографическом кризисе, когда с каждым годом, все в большей части регионов страны фиксируется естественная убыль населения (по итогам 2020 г. таких регионов было 70 из 85). Долгий период постсоветского развития миграция компенсировала естественную убыль населения, но уже с 2018 г. общий прирост населения становится отрицательным и численность населения страны уменьшается. Так, по итогам 2020 г., население России уменьшилось более чем на 577 тыс. чел., чему способствовали последствия пандемии COVID-19 и вызванные ей ограничения миграционных процессов.

Данная проблема ведет к росту демографической нагрузки и дефициту трудовых ресурсов, которые осложняются растущими диспропорциями в региональном распределении населения России. Во многих нормативных документах демографического развития федерального и регионального уровней, миграции отводится роль главного инструмента решения проблем народонаселения и проблем рынков труда. Неравномерность социально-экономического развития регионов России является определяющей при формировании «миграционной привлекательности» как для внешних, так и для внутренних мигрантов. Поэтому сегодня миграционный прирост, способный решить проблемы рынков труда и демографического развития, фиксируется в небольшом количестве экономически развитых регионов России (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодарский край, Тюменская область). Поэтому задачу привлечения мигрантов в трудодефицитные и стратегически важные регионы нашей страны невозможно решить с помощью краткосрочных программ и отдельных мер. Необходим комплексный подход к развитию таких регионов, направленный на развитие объектов инфраструктуры, создание крупных предприятий различных отраслей хозяйства, что будет способствовать повышению уровня жизни населения, сокращению его оттока, а также привлечению необходимых категорий мигрантов из трудоизбыточных регионов России, а также зарубежных стран.

---

²⁵⁰ Лохтина Т. Н., Метелица В. И. Рынок труда и социально-экономические проблемы населения России // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 1. 24 с.

²⁵¹ Влияние демографического фактора на региональный рынок труда / А. Г. Пухова, Т. К. Беляева, С. Г. Толкунова, А. С. Курбатова // Государственный советник. 2019. № 1(25). С. 33-39.

2.7. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЫНКОВ ТРУДА В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Распространение пандемии COVID-19 приобрело затяжной, долговременный характер, с чередованием волн подъема и спада заболеваемости. Пандемия оказала серьезное влияние на все стороны жизни общества: экономику, международные отношения, рынок труда, занятость, поведение и мотивацию людей. В этих условиях потребовалась мобилизация всех ресурсов для борьбы с пандемией, разработка мер государственной поддержки по сохранению демографического и трудового потенциала страны, повышению его эффективного использования. В воздействии пандемии COVID-19 на рынок труда выделяются два этапа.

Первый этап – с марта по октябрь 2020 г., который характеризовался ростом безработицы с 3,5 млн до максимума 4,8 млн в сентябре. Уровень безработицы увеличился с 4,7% до 6,3%.

Второй этап – с ноября 2020 г. по июнь 2021 г., отличающийся постепенным восстановлением занятости и сокращением безработицы. В июне 2021 г. безработица снизилась до 3,6 млн человек и составила 4,8%. Практически она вернулась на уровень марта 2020 г., т.е. до начала распространения пандемии.

Первый этап – меры поддержки граждан, потерявших работу из-за пандемии COVID-19

На первом этапе Правительством РФ были приняты оперативные меры по борьбе с распространением коронавирусной инфекции. С 17 марта 2020 г. было прекращено железнодорожное и авиасообщение с зарубежными странами. С целью максимального сохранения здоровья и жизни населения период с 30 марта по 30 апреля был объявлен нерабочим, который был позднее продлен до 11 мая.

Введение карантина, самоизоляция и другие меры привели к изменению ситуации на рынке труда: выросла структурная безработица, связанная с увольнениями из-за сокращения штатов, банкротством малых и средних предприятий. Одновременно снизилась фрикционная безработица, то есть увольнение по собственному желанию, поскольку в период кризиса работники стараются удержаться на рабочем месте. Но главным риском остается массовая долгосрочная и застойная безработица, сопровождаемая шлейфом негативных социальных явлений: обнищанием населения, ростом социальной несправедливости. Потребовалась разработка не только превентивных мер, направленных на снижение негативных эффектов пандемии, но и выработка стратегии по социально-экономическому развитию страны в постпандемийный период. В соответствии с Общенациональным планом действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике осуществлены следующие меры

поддержки рынка труда и граждан, оставшихся без работы из-за пандемии COVID-19²⁵².

Увеличен максимальный размер пособия по безработице в связи с коронавирусом до уровня показателя МРОТ – 12 130 рублей. С 1 апреля 2020 г. максимальный размер пособия по безработице стали получать граждане, потерявшие работу и вставшие на учет после 1 марта 2020 г. Увеличен и минимальный размер пособия по безработице с 1500 до 4500 рублей для выплат в период с мая по июль 2020 г. Кроме того, с апреля 2020 г. введены дополнительные выплаты безработным родителям, имеющим детей, по 3000 рублей на каждого ребенка. Затем сроки этих выплат были пролонгированы до августа 2020 г.²⁵³

Для поддержки занятости в сфере малого и среднего бизнеса предусмотрено выделение более 81,1 млрд рублей на предоставление в 2020 г. субсидий из федерального бюджета. Условием предоставления субсидии является сохранение предпринимателями не менее 90% работников от численности в марте 2020 г.²⁵⁴ Для поддержки самозанятых государство обязалось вернуть налог, уплаченный ими в 2019 г. за счет средств резервного фонда Правительства РФ²⁵⁵.

Выделено более 4 млрд рублей для создания временных рабочих мест, что дало возможность временно трудоустроить в субъектах РФ более 80 тыс. человек в строительстве, агропромышленном комплексе, транспорте, ЖКХ, на благоустройстве территорий²⁵⁶. Обучение и подготовка граждан, оставшихся без работы из-за коронавируса, включая не только безработных, но и тех, кто находится под риском увольнения (занятые неполный рабочий день, отправленные в неоплачиваемые отпуска, выпускники вузов и колледжей).

Были приняты временные меры по урегулированию положения иностранных трудовых мигрантов в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Эти меры явились своего рода миграционной

²⁵² Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике от 02.10.2020 N П13-60855. Одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол N 36, раздел VII.

²⁵³ О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год : Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2020 г. № 346.

²⁵⁴ Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2020 г. № 1229-р.

²⁵⁵ Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 году специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции : Постановление Правительства РФ от 29 мая 2020 г. N 783.

²⁵⁶ Об утверждении Правил предоставления и распределения в 2020 году иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 04.07.2020 № 980.

амнистией для нарушителей порядка пребывания в России²⁵⁷. Принятые меры по поддержке рынка труда способствовали снижению негативного воздействия пандемии COVID-19 на занятость и доходы населения, однако оказались недостаточными для преодоления кризиса. Обвальной безработицы удалось избежать, однако уровень занятости 2019 года не был достигнут в 2020 году (см. табл. 1).

Таблица 1

Занятость и безработица в 2020 г. (млн человек)

	I квартал	II квартал	III квартал	Октябрь
	в (среднем) за месяц			
Рабочая сила	74,8	74,6	75,2	75,0
В % к соответствующему периоду предыдущего года в том числе:	99,7	99,4	99,4	99,3
Занятые	71,3	70,1	70,4	70,3
В % к соответствующему периоду предыдущего года в том числе:	99,8	97,9	97,4	97,5
Безработные	3,5	4,5	4,8	4,7
В % к соответствующему периоду предыдущего года в том числе:	95,9	130,3	143,3	135,0
Уровень безработицы, %	4,6	6,0	6,3	6,3
Безработные, зарегистрированные в органах службы занятости населения по данным Роструда (на конец месяца)	0,7	2,1	3,5	3,5
В % к соответствующему периоду предыдущего года в том числе:	91,8	в 2,7 р.	в 5,1 р.	в 5,4 р.
Уровень зарегистрированной безработицы (на конец месяца) %	1,0	2,8	4,7	4,6

Источник: Составлено на основе данных Росстата.

²⁵⁷ О временных мерах по урегулированию положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ N 274 от 18 апреля 2020 г.

Численность занятого населения снижалась в течение первой половины 2020 г. до 70,0 млн человек, сократившись по сравнению с маем 2019 г. на 1,6 млн человек, или на 2,2%. Число безработных увеличивалось в весенние и летние месяцы, достигнув максимума – 4,8 млн человек в августе и в сентябре. Уровень безработицы составил 6,3-6,4%. Эти показатели отражают самые глубокие провалы рынка труда.

В период пандемии поведение безработных изменилось – резко увеличилось (в 4,5 раза) число тех, кто стал обращаться в службы занятости за регистрацией и получением пособия по безработице. Как было отмечено выше, связано это с тем, что с апреля 2020 г. был увеличен максимальный размер пособия по безработице гражданам, потерявшим работу из-за коронавируса до уровня МРОТ – 12 130 рублей. В результате разрыв между численностью безработных, учитываемых по методологии МОТ и зарегистрированных в службах занятости, уменьшился с соотношения 4,7 к 1 в августе 2019 г. со соотношения 1,3 к 1 в августе 2020 г. При этом количество вакансий, заявленных работодателями в службы занятости, увеличилось с 1464 тыс. в январе 2020 г. до 1746 тыс. в ноябре этого же года, то есть на 282 тыс. вакансий, или на 19,3%. Увеличение спроса на рабочую силу при сохранении высокой безработицы свидетельствует о дисбалансе между спросом и предложением рабочей силы по профессиям и уровню квалификации.

Численность безработных в августе-октябре 2020 г. (в среднем за месяц) увеличилась по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. во всех субъектах Российской Федерации. Наиболее значительно удельный вес безработных вырос в Санкт-Петербурге – на 271,4%, в Москве – 246,7%, Новгородской области – 213,3%, Удмуртской республике – на 193,9%, Волгоградской и Вологодской областях – на 185,0%. Наименьший рост безработицы отмечался в регионах Дальнего Востока, Сибири, ряде национальных республик (см. табл. 2).

В целом принятые меры способствовали сдерживанию роста безработицы, однако были недостаточны для восстановления уровня занятости 2019 г. По данным исследования сервиса подбора персонала «Работа.ру», августовский опрос 2020 г. 3,5 тыс. респондентов показал, что более 30% россиян увольняются с работы из-за того, что им не повышают зарплату. Еще 15% опрошенных отметили профессиональное выгорание и стресс на работе, 13% – отсутствие карьерного роста. Кроме того, 10% и 7% указали, что веской причиной увольнения для них может стать желание работать ближе к дому и уделять больше времени семье соответственно²⁵⁸.

По оценкам экспертов фактические масштабы безработицы превышают официальные данные. По исследованиям FinExpertiza во II квартале 2020 г. около 4,6

---

²⁵⁸ Россияне назвали основные причины увольнения с работы // РИА Новости. 05.08.2020. URL: <https://ria.ru/20200805/1575379629.html> (дата обращения 07.10. 2021).

млн человек трудились лишь формально: либо числясь в штате организации и получая часть заработной платы, либо находясь в отпуске за свой счет²⁵⁹.

Таким образом, первый этап влияния пандемии COVID-19 на рынок труда для большинства регионов завершился в октябре 2020 г. и характеризовался значительными провалами рынка труда, сокращением занятости населения, достижением пиковых значений показателей безработицы. Рост численности потерявших работу из-за коронавируса отмечался по всей территории России. Для 17 регионов России пик уровня безработицы сместился с октября 2020 г. на первый квартал 2021 года.

Таблица 2

Группировка регионов по темпам роста уровня безработицы за август - октябрь 2020 г. к соответствующему периоду 2019 г.

№ п/п	Десять регионов с максимальным ростом уровня безработицы	Уровень безработицы в %		2020 в % к 2019	№ п/п	Десять регионов с минимальным ростом уровня безработицы	Уровень безработицы в %		2020 в % к 2019
		2019	2020				2019	2020	
		В среднем за август/октябрь					В среднем за август/октябрь		
1	Санкт-Петербург	1,4	3,8	271,4	1	Смоленская область	5,0	5,5	110,0
2	Москва	1,5	3,7	246,7	2	Забайкальский край	9,1	10,0	109,9
3	Новгородская область	3,0	6,4	213,3	3	Камчатский край	3,3	3,6	109,1
4	Удмуртская республика	3,3	6,4	193,9	4	Республика Калмыкия	9,3	10,1	108,6
5	Волгоградская область	4,8	8,9	185,4	5	Ростовская область	4,9	5,3	108,2
6	Вологодская область	4,0	7,4	185,0	6	Республика Саха-Якутия	6,7	7,2	107,5
7	Калининградская область	4,1	7,4	180,5	7	г. Севастополь	4,2	4,4	104,8
8	Мурманская область	4,5	8,1	180,0	8	Приморский край	5,0	5,2	104,0
9	Томская область	5,6	9,7	173,2	9	Республика Адыгея	8,1	8,4	103,7
10	Чеченская республика	13,5	23,3	172,6	10	Еврейская авт. область	5,5	5,5	100,0

²⁵⁹ Без денег по соглашению сторон: число работников на урезанной ставке превысило официальную безработицу : исследование // FinExpertiza. 07.10.2020. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2020/bez-deneg-po-soglasheniyu-storon/> (дата обращения 07.10.2021).

Второй этап – восстановление региональных рынков труда

На втором этапе с 2021 г. начался процесс восстановления рынка труда – постепенное снижение уровня безработицы, расширение занятости. Возросла деловая активность, увеличилась потребность экономики в дополнительной рабочей силе. Индекс промышленного производства в марте 2021 г. составил по сравнению с мартом предыдущего года 101,1%. По данным государственной службы занятости дополнительная потребность в рабочей силе, заявленная работодателями, увеличилась в июне 2021 г. до 2190 тыс. человек против 1700-1800 тыс. в ноябре–феврале 2021 г., или на 21,7 – 28,8% больше. Однако второй этап восстановления рынка труда еще не завершился. Ситуация на рынке труда на втором этапе (ноябрь 2020 г. – июнь 2021 г.) представлена в табл. 3.

Таблица 3

Занятость и безработица в период ноябрь 2020 г. - июнь 2021 г. (млн человек)

	ноябрь 2020 г.	декабрь 2020 г.	январь 2021 г.	февраль 2021 г.	март 2021 г.	апрель 2021 г.	май 2021 г.	июнь 2021 г.
Рабочая сила	75,3	75,2	75,0	75,0	75,0	75,1	75,3	75,3
В % к соответствующему периоду предыдущего года	98,9	99,1	100,3	100,7	100,2	100,8	101,0	100,9
Занятые	70,7	70,8	70,7	70,8	71,0	71,2	71,6	71,7
В % к соответствующему периоду предыдущего года	97,3	97,7	99,1	99,5	99,4	101,4	102,3	102,4
Безработные	4,6	4,4	4,3	4,2	4,1	3,9	3,7	3,6
В % к соответствующему периоду предыдущего года	131,6	127,6	124,0	123,9	116,4	90,9	81,7	77,7
Уровень безработицы	6,1	5,9	5,8	5,7	5,4	5,2	4,9	4,8
Безработные, зарегистрированные в органах службы занятости населения	3,1	2,8	2,5	2,2	1,7	1,5	1,4	1,2
В % к соответствующему периоду предыдущего года	в 4,7 раз	в 4,0 раз	в 3,6 раз	в 3,0 раз	в 2,4 раз	115,4	62,9	42,4
Уровень зарегистрированной безработицы (на конец месяца, %)	4,2	3,7	3,4	3,0	2,3	2,1	1,8	1,6

Источник: Итоги выборочного исследования рабочей силы «Занятость и безработица в июне 2021 г.».

Из таблицы видно, что в течение первого полугодия 2021 г. происходило постепенное восстановление рынка труда. Численность занятых в экономике увеличилась с 70,3 млн человек в октябре 2021 г. до 71,7 млн в июне 2021 г., т.е. на 1,4 млн, или на 2,0%. По отношению к июню 2019 г. занятость составила 102,4%. К середине 2021 г. сократилась и безработица, практически до значений допандемийного периода марта 2020 г., составив 3,6 млн человек, или 4,8%. Провалы рынка труда по основным показателям достигли дна для большинства регионов за пять месяцев – с апреля по август 2020 года. Для восстановления прежнего допандемийного уровня безработицы потребовалось времени в 2 раза больше – с октября 2020 г. по июнь 2021 года. При этом скорость восстановления рынка труда по регионам существенно различалась. Причины этого кроются не только в состоянии экономики, но обусловлены неодинаковыми темпами и масштабами распространения коронавирусной инфекции по регионам, достигая максимальных показателей в местах скопления людей в городах-миллионниках, различной готовностью регионов противостоять пандемии, разной результативностью мер, принимаемых местными органами власти по поддержке рынка труда.

Возникает вопрос, как оценить гибкость региональных рынков труда, их способность восстанавливаться до уровня докризисного состояния. Для анализа из всех показателей рынка труда нами выбран показатель уровня безработицы, наиболее рельефно отражающий региональные особенности занятости населения. Все регионы по динамике уровня безработицы в период пандемии распределяются на четыре группы:

1. регионы с максимальным превышением докризисного уровня безработицы на 20% и более;
2. регионы со значительным превышением докризисного уровня безработицы на 10 – 20%;
3. регионы с минимальным превышением докризисного уровня безработицы, на 10% и ниже;
4. регионы, достигшие докризисного или более низкого уровня безработицы. (см. табл. 4).

Таблица 4

Группировка регионов по динамике уровня безработицы

Группы	Количество регионов	Уровень безработицы в апреле-июне 2021 г. в % к августу - октябрю 2019 г.	Уровень безработицы в августе - октябре 2020 г. в % к августу - октябрю 2019 г. (max-min по регионам)
1 группа	20	120,0% и выше	271,4% – 136,9%
2 группа	17	110,0% – 120,0%	185,4% – 119,1%
3 группа	23	100,1% – 110,0%	168,4% – 109,9%
4 группа	25	67,6% – 100,0% достижение докризисного уровня безработицы	157,4% – 104,0%

Динамика уровня безработицы по отдельным регионам представлена в таблицах 5 – 8.

Таблица 5

**Регионы с максимальным превышением докризисного уровня безработицы
на 20% и более**

	Уровень безработицы, %			апрель - июнь 2021 г., % к августу - октябрю 2019 г.	август - октябрь 2020 г., % к августу - сентябрю 2019 г.
	август- октябрь 2019 г.	август- октябрь 2020 г.	апрель- июнь 2021 г.		
г. Москва	1,5	3,7	2,7	180,0	246,7
г. Санкт-Петербург	1,4	3,8	2,2	157,1	271,4
Удмуртская Республика	3,3	6,4	4,7	142,4	193,9
Мурманская область	4,5	8,1	6,3	140,0	180,0
Новгородская область	3,0	6,4	4,2	140,0	213,3
Рязанская область	3,4	5,7	4,7	138,2	167,6
Карачаево-Черкесская Республика	10,1	15,0	13,9	137,6	148,5
Республика Дагестан	11,9	16,5*	15,8	132,7	138,7
Московская область	2,7	4,1	3,5	129,6	151,9
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,7	2,7	2,2	129,4	158,8
Томская область	5,6	9,7	7,2	128,6	173,2
Республика Хакасия	6,1	8,9	7,8	127,9	145,9
Вологодская область	4,0	7,4	5,0	125,0	185,4
Калининградская область	4,1	7,4	5,1	124,4	180,5
Ульяновская область	3,7	5,2	4,6	124,3	140,5
Тюменская область	3,8	5,2	4,7	123,7	136,9
Кабардино-Балкарская Республика	9,9	15,3	12,2	123,2	154,5
Ивановская область	3,8	6,0	4,6	121,1	157,9
Чеченская Республика	13,5	23,3	16,3	120,7	172,6
Саратовская область	3,9	6,5	4,7	120,5	166,7

Примечание: * – данные за январь-март 2021 г.

Таблица 6

**Регионы со значительным превышением докризисного уровня
безработицы на 10 – 20%**

	Уровень безработицы в %			апрель - июнь 2021 г., % к августу - октябрю 2019 г.	август - октябрь 2020 г., % к августу - сентябрю 2019 г.
	август - октябрь 2019 г.	август- октябрь 2020 г.	апрель- июнь 2021 г.		
Белгородская область	3,7	5,3	4,4	118,9	143,2
Ярославская область	4,9	7,6	5,8	118,4	155,1
Чувашская Республика	4,2	6,0	4,9	116,7	142,9
Липецкая область	3,7	5,0*	4,3	116,2	135,1
Республика Ингушетия	26,8	32,4*	31,1	116,0	120,9
Республика Тыва	13,8	21,5	16,0	115,9	155,8
Омская область	5,9	8,9	6,7	113,6	150,8
Курская область	3,7	4,7*	4,2	113,1	127,0
Кировская область	4,6	5,6*	5,2	113,0	121,7
Курганская область	6,9	8,2	7,8	113,0	118,8
Нижегородская область	4,0	4,8	4,5	112,5	120,0
Республика Башкортостан	4,1	6,6	4,6	112,2	161,0
Кемеровская область	5,0	7,9	5,6	112,0	158,0
Алтайский край	5,1	6,6*	5,7	118,8	129,4
Республика Крым	5,3	6,2	5,9	111,1	117,0
Волгоградская область	4,8	8,9	5,3	110,4	185,4
Республика Бурятия	8,9	10,6*	9,8	110,1	119,1

Примечание: * – данные за январь-март 2021 г.

Таблица 7

**Регионы с минимальным превышением докризисного уровня
безработицы, на 10% и ниже**

	Уровень безработицы в %			апрель - июнь 2021 г., % к августу - октябрю 2019 г.	август - октябрь 2020 г., % к августу - сентябрю 2019 г.
	август- октябрь 2019 г.	август - октябрь 2020 г.	апрель - июнь 2021 г.		
Астраханская область	7,1	8,2*	7,8	109,9	115,5
Магаданская область	4,5	6,0*	4,9	109,9	150,0
Архангельская область	6,1	7,8	6,7	109,8	127,9
Республика Северная Осетия Алания	12,9	14,9*	14,1	109,3	115,5
Республика Алтай	10,9	15,8	11,9	109,2	145,0
Воронежская область	3,4	4,5	3,7	108,8	132,4
Краснодарский край	4,8	5,8	5,2	108,3	120,8
Республика Марий-Эл	5,2	7,1	5,6	107,7	136,5
Ханты-Мансийский автономный округ	2,6	3,4	2,8	107,7	130,8
Челябинская область	5,0	8,0	5,3	106,0	160,0
Сахалинская область	5,0	5,7	5,3	106,0	114,0
Калужская область	3,8	5,2	4,0	105,3	136,8
Тамбовская область	3,8	4,9	4,0	105,3	128,9
Республика Мордовия	3,9	5,5*	4,1	105,1	141,0
Костромская область	4,1	6,0	4,3	104,9	146,3
Республика Коми	6,6	7,6	6,9	104,5	115,2
Еврейская автономная область	5,5	6,4*	5,7	103,6	116,4
Брянская область	3,5	4,2	3,6	102,9	120,0
Владимирская область	3,8	6,4	3,9	102,7	168,4
Республика Адыгея	8,1	8,5*	8,3	102,5	104,9
Свердловская область	4,0	6,1	4,1	102,5	152,5
Забайкальский край	9,1	10,0	9,3	102,2	109,9
Смоленская область	5,0	5,6*	5,1	102,0	112,0

Примечание: * – данные за январь-март 2021 г.

Таблица 8

**Регионы, достигшие докризисного или более низкого уровня
безработицы**

	Уровень безработицы, %			апрель - июнь 2021 г., % к августу - октябрю 2019 г.	август - октябрь 2020 г., % к августу - сентябрю 2019 г.
	август - октябрь 2019 г.	август - октябрь 2020 г.	апрель - июнь 2021 г.		
Чукотский авт. округ	3,7	4,2	2,5	67,6	113,5
Хабаровский край	3,7	4,5	2,7	73,0	121,6
Ростовская область	4,9	5,3	3,8	77,6	108,2
Самарская область	4,2	4,9	3,3	78,6	116,7
Красноярский край	4,5	6,9	3,6	80,0	153,3
Орловская область	5,2	6,4	4,2	80,8	123,1
Приморский край	5,0	5,2	4,2	84,0	104,0
Псковская область	5,3	6,7	4,5	84,9	126,4
Республика Карелия	7,7	9,1	6,7	87,0	118,2
Республика Татарстан	3,1	3,8	2,7	87,1	122,6
Ленинградская область	4,2	6,5	3,7	88,1	154,8
Пермский край	5,1	5,7	4,6	90,2	111,8
Ненецкий автономный округ	8,0	8,8	7,3	91,3	110,0
Пензенская область	4,4	5,6	4,1	93,2	127,9
Оренбургская область	4,7	7,4	4,5	95,7	157,4
Иркутская область	6,3	7,7	6,1	96,8	122,2
г. Севастополь	4,2	4,6*	4,1	97,6	109,5
Тульская область	3,7	5,1	3,7	100,0	137,8
Тверская область	3,7	4,8	3,7	100,0	129,7
Республика Калмыкия	9,3	10,1	9,3	100,0	108,6
Ставропольский край	4,9	7,2	4,9	100,0	146,9
Новосибирская область	6,2	7,3	6,2	100,0	117,7
Республика Саха Якутия	6,7	7,2	6,7	100,0	107,5
Камчатский край	3,3	3,9*	3,3	100,0	118,2
Амурская область	5,3	6,4	5,3	100,0	120,8

Примечание: * – данные за январь-март 2021 г.

Анализ приведенных данных позволяет сделать следующие выводы. К середине 2021 г. (апрель-июнь) допандемийного уровня безработицы достигли лишь 25 регионов, или 29,4% от общего их числа. Из них в 17 регионах уровень безработицы опустился даже ниже докризисного уровня. В большинстве же регионов (в 60 из 85, или 70,6%) к середине 2021 г. сохраняется более высокая безработица, чем была до пандемии.

Выявлена зависимость между провалами региональных рынков труда и степенью их восстанавливаемости. Чем сильнее сжатие занятости и выше рост безработицы, тем длительнее процесс восстановления рынка труда. Наиболее рельефно эта тенденция проявилась в первой группе, в которую вошли 16 регионов Европейской части России, включая обе столицы, и четыре региона Урала и Сибири. Расчет коэффициента Спирмена между ростом уровня безработицы в 2020 г. и ее снижением в 2021 г. показал, что между этими показателями, согласно шкале Чеддока, существует весьма высокая теснота корреляционной связи, равная +0,914. Несколько выпадают из этого ряда две национальные республики: Карачаево-Черкессия и Дагестан, имеющие высокий уровень безработицы – соответственно 13,9 и 15,8%. В Республике Дагестан пик роста уровня безработицы пришелся на первый квартал 2021 года.

Во вторую группу вошли 11 регионов Центральной части России, в том числе 4 автономных республики и 4 региона Урала и Сибири. В этой группе также значительна корреляционная связь между рассматриваемыми показателями – коэффициент Спирмена составляет +0,858, что свидетельствует о высокой тесноте связи.

В третьей группе сосредоточено 15 регионов Европейской части России, в том числе 7 областей ЦФО, и 8 территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Коэффициент корреляции связи между показателями роста и снижения уровня безработицы также высок и составляет +0,867.

Во второй и третьей группе находятся 13 регионов, в которых пик уровня безработицы сместился с августа-октября 2020 г. на I квартал 2021 г. Среди них шесть национальных республик – Ингушетия, Северная Осетия (Алания), Адыгея и Мордовия, Бурятия, Еврейская автономная область, имеющие более высокие показатели безработицы.

В четвертой группе регионов, где процесс восстановления рынка труда идет наиболее быстро – в ряде регионов Европейской части России уровень безработицы не только восстановился, но и стал ниже среднероссийского показателя (Псковская – 4,5%, Орловская – 4,2%, Ростовская – 3,8%, Оренбургская область – 4,5%, Пермский край – 4,6%).

Территориальная дифференциация уровня безработицы наиболее высока в регионах первой группы, превышая в 2-3 раза амплитуду колебаний в других группах. Разная скорость восстановления занятости и рынка труда в регионах отразилось на территориальной дифференциации уровня безработицы. Наиболее высока амплитуда колебаний уровня безработицы в регионах первой группы, превышая в 2-3 раза соответствующий показатель в других группах (см. табл. 9).

Таблица 9

Соотношения между максимальными и минимальными уровнями безработицы по группам регионов (в %)

Группы регионов	август – октябрь 2019		август – октябрь 2020		август – октябрь 2021		Соотношение между max и min уровнями		
	min	max	min	max	min	max	август-октябрь 2019	август-октябрь 2020	август-октябрь 2021
1 группа	1,4 г. Санкт-Петербург	13,5 Чеченская Республика	2,7 ЯНАО	23,3 Чеченская Республика	2,2 г. Санкт-Петербург	16,3 Чеченская Республика	9,64	8,63	7,41
2 группа	3,7 Белгородская, Курская, Липецкая	26,8 Республика Ингушетия	4,7 Курская	32,4 Республика Ингушетия	4,2 Курская	31,1 Республика Ингушетия	7,24	6,89	7,40
3 группа	2,6 ХМАО	12,9 Республика Северная Осетия-Алания	3,4 ХМАО	15,8 Республика Алтай	2,8 ХМАО	14,1 Республика Северная Осетия-Алания	4,96	4,65	5,04
4 группа	3,1 Республика Татарстан	9,3 Республика Калмыкия	3,8 Республика Татарстан	10,1 Республика Калмыкия	2,5 Чукотский автономный округ	9,3 Республика Калмыкия	3,00	2,66	3,72

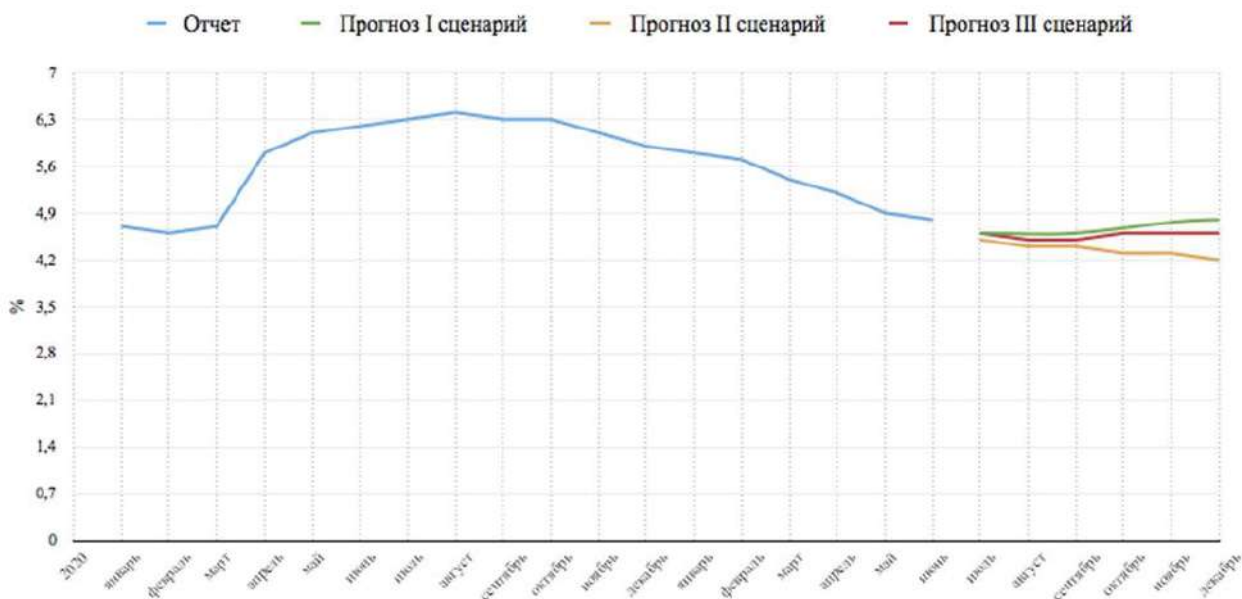
При этом в регионах первой группы дифференциация последовательно уменьшалась как в период первой волны пандемии в 2020 г. с 9,64 до 8,63 раза, так и в период восстановления рынка труда в первом полугодии 2021 г. с 8,63 до 7,41 раза. В трех же других группах в 2021 г. отмечается противоположная тенденция увеличения территориальной дифференциации уровня безработицы. Таким образом, региональная динамика уровня безработицы на большей части территории России возвращается в общее русло роста региональных диспропорций основных макроэкономических показателей. Это свидетельство того, что, во-первых, возможности регионов в восстановлении занятости за счет сокращения безработицы и структурной перестройки экономики далеко не одинаковы, а, во-вторых, принятые программные документы о стратегическом планировании и стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. не выполняются. Как показывает практика, проще решать вопрос за счет привлечения дешевой иностранной рабочей силы, чем вкладывать средства в создание новых высокотехнологичных рабочих мест.

Каковы перспективы восстановления рынка труда? Можно предположить три сценария.

Первый – инерционный с сохранением помесечной динамики численности занятых в 2019 г. В этом случае изменение уровня безработицы во II полугодии 2021 г. будет колебаться в пределах 4,7 – 4,9% аналогично помесечной динамике за 2019 г. Потери экономики из-за неполного восстановления численности занятых и превышения числа безработных в апреле-июне 2021 г. по сравнению с мартом 2020 г. на 100 тыс. человек, могут достигать порядка 200 млрд рублей в год или более 0,2% ВВП. Помимо прямых потерь общество несет косвенный ущерб из-за депрессивного состояния работников, утраты трудовых навыков, снижения производительности труда.

Второй сценарий – расширение занятости исходя из уточненного прогноза Минэкономразвития России, предусматривающего увеличение темпа прироста ВВП до 3,8% и рост инвестиций до 4,5%. В случае достижения этих показателей можно ожидать снижения уровня безработицы до 4,5 – 4,2% (см. рис. 1).

Более реальным вариантом представляется достижение промежуточного результата по уровню безработицы между первым и вторым сценариями. В любом случае во II полугодии 2021 г. следует ожидать роста числа регионов, которые достигнут докризисного уровня безработицы. Однако в ряде регионов – Архангельской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, Иркутской областях – безработица сохраняется на более высоком уровне 6-8% по сравнению со среднероссийским уровнем (4,5-4,7%). В целом к концу 2021 г. полное восстановление рынка труда весьма проблематично.

Рисунок 1. Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше (%).

Пандемия наиболее зримо высветила острые проблемы развития российского общества: высокий уровень бедности, неэффективное здравоохранение и образование, низкий уровень социальной ответственности бизнес-сообщества. В ряде регионов снижению безработицы препятствует активная политика работодателей и региональных властей по привлечению и использованию дешевой иностранной рабочей силы. Например, власти Москвы в период пандемии неоднократно заявляли об острой нехватке рабочих в строительстве и других отраслях экономики города.

Уровень оплаты труда и потребность в работниках

Изменения в наступившем 2021 г., после острой фазы самоизоляции и закрытия ряда предприятий и организаций, коснулись и таких параметров рынка труда, как оплата труда и потребность в работниках.

Официальные данные Росстата по основным показателям социально-экономического развития за 1 полугодие 2021 г.²⁶⁰, зафиксировали, что уровень оплаты труда восстановился, по сравнению с 1 полугодием 2020 г. лишь в 38 субъектах Российской Федерации (см. табл. 10).

²⁶⁰ Основные показатели социально-экономического положения регионов Российской Федерации и исполнение бюджетов // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). 2021. URL: https://gks.ru/bgd/free/B02_83/Main.htm (дата обращения 20.09.2021).

Таблица 10

Темпы изменения уровня номинальной среднемесячной оплаты труда по регионам России
(1 полугодие 2021 г. в %% к 1 полугодию 2020 г.)

	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 94-98,7%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 98,8-100%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 100-100,3%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (свыше 101,4%)
1.	Ненецкий авт. Округ	94	Ханты-Мансийский авт.о. - Югра	98,8	Рязанская область	100,1	Калининградская область	101,4
2.	Самарская область	95,9	Архангельская область без авт.о.	98,9	Республика Ингушетия	100,1	Новосибирская область	101,4
3.	Омская область	96,3	Республика Калмыкия	98,9	Приморский край	100,1	Владимирская область	101,5
4.	Свердловская область	96,4	Удмуртская Республика	99	Тюменская область	100,2	Кабардино-Балкарская Республика	101,9
5.	Республика Коми	97,2	Кемеровская область	99	Магаданская область	100,2	Ленинградская область	102,1
6.	Липецкая область	97,4	Калужская область	99,1	Красноярский край	100,3	Мурманская область	102,2
7.	Вологодская область	97,4	Смоленская область	99,1	Нижегородская область	100,4	Ямало-Ненецкий авт. округ	102,8
8.	Томская область	97,4	Саратовская область	99,1	г. Севастополь	100,5	Республика Крым	102,9

Темпы изменения уровня номинальной среднемесячной оплаты труда по регионам России
(1 полугодие 2021 г. в % к 1 полугодию 2020 г.)

Продолжение таблицы

	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 94-98,7%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 98,8-100%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 100-100,3%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (свыше 101,4%)
9.	Оренбургская область	97,6	Ивановская область	99,2	Чеченская Республика	100,5	Брянская область	103,2
10.	Пензенская область	97,7	Курская область	99,2	Амурская область	100,6	Московская область	104,1
11.	Сахалинская область	97,7	Орловская область	99,3	Республика Алтай	100,7	Ростовская область	104,7
12.	Республика Карелия	97,8	Орловская область	99,3	Ставропольский край	100,8	Республика Адыгея	104,9
13.	Ульяновская область	97,8	Воронежская область	99,4	Республика Мордовия	100,8	г. Санкт-Петербург	105
14.	Курганская область	97,8	Республика Башкортостан	99,4	Челябинская область	100,8	Краснодарский край	105,2
15.	Алтайский край	97,9	Тульская область	99,5	Камчатский край	100,8	г. Москва	105,6
16.	Хабаровский край	98	Республика Тыва	99,5	Республика Северная Осетия-Алания	100,9	Чукотский авт. Округ	106,5

Темпы изменения уровня номинальной среднемесячной оплаты труда по регионам России
(1 полугодие 2021 г. в % к 1 полугодию 2020 г.)

Продолжение таблицы

	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 94-98,7%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 98,8-100%)	Регионы	Номинальная среднемесячная оплата труда в 1 полугодии 2021 в % к 1 полугодию 2020 (от 100-100,3%)
17.	Республика Бурятия	98,1	Кировская область	99,6	Республика Марий Эл	100,9
18.	Астраханская область	98,3	Иркутская область	99,6	Чувашская Республика	100,9
19.	Республика Хакасия	98,3	Белгородская область	99,8	Костромская область	101,1
20.	Архангельская область	98,4	Псковская область	99,9	Ярославская область	101,2
21.	Забайкальский край	98,5	Волгоградская область	99,9	Республика Дагестан	101,2
22.	Пермский край	98,6	Карачаево-Черкесская Республика	99,9	Республика Саха (Якутия)	101,3
23.	Тверская область	98,7				
24.	Еврейская авт. область	98,7				

В среднем у работников только 12 регионов произошел некоторый рост номинального размера начисленной заработной платы после резкого спада начала 2020 года. Два основных фактора повлияли на рост этого показателя: более значительное, чем в других регионах, падение оплаты труда в пандемийный период, то есть в 2020 по сравнению с 2019 г., и более значительный дефицит рабочей силы, который отмечался на локальных рынках труда в постпандемийный период 2021 г. Следовательно, произошло сокращение конкуренции между местной и иностранной рабочей силой. Это убедительно отражают данные о региональных различиях в росте потребности в работниках. (см. табл. 11).

Таблица 11

Темпы роста потребности в работниках по регионам России (в %)

Часть А

Регионы с наименьшими темпами роста потребности в работниках	потребность в работниках в 1 полугодии 2021 г. в % к 1 полугодию 2020 г.
Кабардино-Балкарская Республика	78,1
Еврейская авт. область	88,3
Забайкальский край	98,5
Приморский край	100,4
Сахалинская область	100,8
Амурская область	102
Ненецкий авт. округ	104,2
Тамбовская область	105,3
Камчатский край	107
Белгородская область	107,8
Чукотский авт. округ	107,9
Тюменская область без авт. округов	108,5
Республика Коми	111

Темпы роста потребности в работниках по регионам России (в %)*Продолжение таблицы***Часть Б**

№	Регионы с максимальным уровнем роста потребности в работниках	Потребность в работниках в 1 полугодии 2021 г. в % к 1 полугодию 2020 г.	№	Регионы с максимальным уровнем роста потребности в работниках	Потребность в работниках в 1 полугодии 2021 г. в % к 1 полугодию 2020 г.
1.	Алтайский край	149,6	1.	Рязанская область	166,9
2.	Воронежская область	150,2	2.	Удмуртская Республика	169,4
3.	Республика Крым	152,7	3.	Республика Бурятия	169,9
4.	Ульяновская область	153	4.	г. Москва	170,6
5.	Орловская область	154,4	5.	Ростовская область	170,6
6.	Ивановская область	154,6	6.	Оренбургская область	171,8
7.	Респ. Северная Осетия-Алания	156,4	7.	Краснодарский край	174,1
8.	Самарская область	156,9	8.	Ставропольский край	175,9
9.	Республика Тыва	156,9	9.	Республика Марий Эл	175,9
10.	Ханты-Мансийский авт. О. – Югра	157,5	10.	Ярославская область	189
11.	Свердловская область	157,9	11.	Калининградская область	195,2
12.	Ямало-Ненецкий авт. округ	158,2	12.	Астраханская область	198,8
13.	Волгоградская область	158,4	13.	Магаданская область	в 2,3 р.
14.	Челябинская область	160,1	14.	Республика Адыгея	в 2,4 р.
15.	Республика Мордовия	163,2	15.	Республика Дагестан	в 2,6 р.
16.	Курская область	166,6	16.	Ленинградская область	в 2,9 р.
17.	Московская область	166,9	17.	Республика Ингушетия	в 22,3 р.

Оживление в экономике не вызвало роста потребности в рабочей силе в большинстве дальневосточных регионов и некоторых северокавказских (Кабардино-Балкарии), при этом максимальный уровень дополнительной потребности в рабочей силе демонстрируют северокавказские Республика Ингушетия и Дагестан, дальневосточная Магаданская область и северо-западная Ленинградская. Высокие показатели уровня дополнительной потребности в работниках отмечаются также и в некоторых регионах, где был наиболее высок в допандемийный период уровень присутствия иностранной рабочей силы (ИРС) – Москва и область, Краснодарский и Ставропольский края, Калининградская и Астраханская области. Практически все эти регионы вошли в группу с относительно высоким уровнем роста номинальной начисленной заработной платы, что подтверждает тесную взаимосвязь между дефицитом рабочей силы и ростом оплаты труда.

Таким образом, поддержание темпов роста оплаты труда и благосостояния населения, как одна из приоритетных стратегических социально-экономических задач, представляется выполнимой в случае регулирования ситуации на рынке труда с помощью балансирования спроса и предложения рабочей силы путем регулирования спроса, на уровне, обеспечивающем рост производительности труда, конкурентоспособности национальной рабочей силы.

Выводы и рекомендации

Для восстановления региональных рынков труда и их развития в постпандемийный период представляется целесообразным:

- Перейти от политики латания дыр и раздачи одноразовых пособий к системной социальной политике, нацеленной на обеспечение расширенного воспроизводства трудовых ресурсов на стадии формирования новой рабочей силы, ее первичного распределения и перераспределения, эффективного использования трудового потенциала.
- Перезагрузить всю систему подготовки и переподготовки кадров в соответствии с потребностями экономики в условиях цифровизации и роботизации.
- Обеспечить бесплатное повышение квалификации для работников, высвобождаемых в процессе структурной перестройки экономики.
- Для повышения эффективности работы государственных служб занятости в регионах устанавливать размер заработной платы работникам этих служб в зависимости от количества трудоустроенных безработных.
- Поддерживать трудовую активность лиц старших возрастов, сократить их переход в неформальный сектор занятости, предусмотрев отмену налоговых отчислений за работника пенсионного возраста. Пенсионеры должны иметь приоритет при трудоустройстве перед иностранными трудовыми мигрантами при поиске работы через региональные службы занятости.

- Увеличить государственную поддержку безработных, изъявивших желание получить работу в другом регионе за счет расширения социального пакета, включая не только поддержку по переезду, но и обустройство на новом месте как работника, так и членов его семьи.
- Для мобилизации всех ресурсов в борьбе с пандемией необходимо обеспечить координацию действий государства, бизнеса и гражданского общества, сформировать общественные фонды развития и потребления за счет перераспределения части прибыли в пользу общества.

Реализация этих предложений потребует принятия системы мер программного свойства, которые будут сфокусированы на решении каждой конкретной задачи и иметь под собой социально-экономическое обоснование.

2.8. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Проблемная ситуация и характеристика исследования

Воздействие пандемии существенно отразилось на динамике демографических показателей Евразийского экономического союза в рамках интеграции. Последствия пандемии привели к замедлению экономической конвергенции государств-членов и увеличению разрыва в доходах между странами с высоким уровнем дохода относительно среднего уровня по ЕАЭС и странами с низким уровнем дохода. Закрывание государственных границ привело к снижению трансграничной мобильности населения и масштабному сокращению миграции внутри Союза. В частности, миграционный прирост России из других государств – членов ЕАЭС сократился более чем в десять раз. В сложившихся условиях, представляющих риск и угрозы демографической безопасности населения государств-членов Евразийского экономического союза представляется целесообразным усилить наднациональную составляющую регулирующей деятельности по демографическому развитию каждого государства ЕАЭС, особенно в условиях возникшей пандемии COVID-19, обеспечивающему их национальную безопасность и демографическую безопасность союза. Рост вынужденной из-за мер социальной изоляции безработицы, падение доходов населения и экономической активности вызвали повсеместное сокращение спроса и объемов производства. Прямые и косвенные потери для ведущих экономик мира существенно превысили потери, которые были вызваны как мировым финансово-экономическим кризисом 2008-2009 годов, так и Великой депрессией 1930-х годов за полтора года, с учетом демографических потерь.

В исследовании проведен анализ современного состояние динамики демографического потенциала Евразийского экономического союза, дана оценка индекса развития человеческого потенциала государств-членов Евразийского экономического союза, рассмотрена динамика значений индексов человеческого потенциала государств-членов ЕАЭС, исследованы резервы повышения человеческого потенциала, тенденций и перспектив устойчивого развития ЕАЭС в контексте интеграционных процессов. В качестве информационной базы были задействованы интернет-ресурсы Евразийской экономической комиссии, органов государственной статистики стран-членов ЕАЭС и различных зарубежных статистических агентств. Данному исследованию предшествовал ряд работ по схожей проблематике.

Методической основой данного исследования послужили труды ряда отечественных и зарубежных экономистов и социологов, экспертов по вопросам формирования и развития Евразийского экономического союза. Основная часть проанализированных источников была построена на данных Евразийской экономической комиссии за последние пять календарных лет.

Настоящее исследование закладывает основу для дальнейшего изучения тенденций демографического развития государств-членов Евразийского экономического союза и оценке перспектив их развития, как в отдельности, так и в рамках единого интеграционного объединения. Без дальнейшего углубления интеграции государств-участников ЕАЭС невозможно решить текущие и перспективные задачи по демографическому развитию каждой из стран союза. Только совместными действиями этих стран можно достичь мультипликативного эффекта в укреплении и устойчивом развитии их демографического потенциала.

Демографический потенциал Евразийского экономического союза

Демографический потенциал Евразийского экономического союза представляет собой важный фактор успешности достижения основных целей функционирования Евразийского экономического союза²⁶¹. Динамика демографического потенциала ЕАЭС характеризуется изменениями структуры населения: численностью и половозрастными характеристиками населения, социально-демографическими показателями, включая миграцию. Демографический потенциал населения ЕАЭС – важнейший фактор развития человеческого потенциала Союза. Согласно данным национальных статистик государств-членов ЕАЭС по состоянию на начало 2019 года по сравнению с началом 2014 года отмечалось уменьшение численности постоянного населения только в Армении и рост в Казахстане, Кыргызстане и России, а соответственно в целом в Союзе (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность постоянного населения на 1 января т. г. (тыс. чел.)

Государство-член ЕАЭС	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения	3 017,079	3 010,598	2 998,577	2 986,151	2 972,9	2 965,269
Беларусь	9 468,154	9 480,868	9 498,364	9 504,704	9 491,823	9 475,174
Казахстан	17 160,855	17 417,15	17 669,896	17 918,214	18 157,1	18 395,567
Кыргызстан	5 776,570	5 895,062	6 019,480	6 140,200	6 256,7	6 389,5
Россия	143 666,931	146 267,288	146 544,710	146 804,372	146 880,4	146 780,72
ЕАЭС	179 089,589	182 069,531	182 731,027	183 353,641	183 758,9	184 006,230

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020.

²⁶¹ Договор о Евразийском экономическом союзе : Подписан в Астане 29.05.2014; Ратифицирован Федеральным законом от 03.10.2014 N 279-ФЗ (в ред. от 01.10.2019 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://pravo.eaeunion.org/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

На изменение демографического потенциала ЕАЭС негативное влияние оказывает естественная убыль населения в Беларуси и России и снижение естественного прироста населения в Армении. Так, естественный прирост населения в ЕАЭС за период с 2014 по 2019 гг. снизился в 2,6 раза (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели естественного движения населения в государствах - членах ЕАЭС
(чел.)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения						
Число родившихся	43 031	41 763	43 031	41 763	43 031	41 763
Число умерших	27 714	27 878	28 226	27 157	25 751	26 200
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	15 317	13 885	12 366	10 543	10 823	9 900
Беларусь						
Число родившихся	118 534	119 028	117 779	102 556	94 042	87 800
Число умерших	121 542	120 026	119 379	119 311	120 053	120 900
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	-3 008	-998	-1 600	-16 755	-26 011	-33 100
Казахстан						
Число родившихся	399 309	398 458	400 694	390 262	397 799	403 100
Число умерших	132 287	130 811	131 231	129 009	130 448	133 500
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	267 022	267 647	269 463	261 253	267 351	269,6
Кыргызстан						
Число родившихся	161 813	163 452	158 160	153 620	171 149	173 500
Число умерших	35 564	34 808	33 475	33 166	32 989	33 300
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	126 249	128 644	124 685	120 454	138 160	140 200
Россия						
Число родившихся	1 942 683	1 940 579	1 888 729	1 690 307	1 604 344	1 484 500
Число умерших	1 912 347	1 908 541	1 891 015	1 826 125	1 828 910	1 800 700
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	30 336	32 038	-2 286	-135 818	-224 566	-316 200
ЕАЭС						
Число родившихся	2 665 370	2 663 280	2 605 954	2 374 445	2 303 908	2 185 000
Число умерших	2 229 454	2 222 064	2 203 326	2 134 768	2 138 151	2 114 600
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	435 916	441 216	402 628	239 677	165 757	70 400

Источник: Статистические данные ЕЭК²⁶².

²⁶² О демографической ситуации // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения 12.10.2021).

Характер изменения показателей естественного движения населения в государствах – членах ЕАЭС связан не столько с социально-экономическими трудностями, которые, безусловно, отрицательно влияют на состояние здоровья, в том числе репродуктивного, рост смертности и заболеваемости, других качественных характеристик воспроизводства населения, но и с традициями государств-членов, изменением типа брачного и повседневного поведения людей, прежде всего молодежи, сокращением репродуктивного периода женщины из-за поздних браков, изменением стандартов потребления, превращением гедонизма в терминальную ценность. Учитывая уменьшение год от года числа родившихся на 1000 человек, можно предположить снижение в перспективе рождаемости во всех странах (см. рис. 1).

Рисунок 1. Число родившихся на 1000 чел. в январе декабре населения

Источник: Евразийская экономическая комиссия²⁶³.

²⁶³ О демографической ситуации // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения 12.10.2021).

Отрицательно на демографическом потенциале Армении, Казахстана, Кыргызстана сказывается сохранение миграционной убыли населения, хотя она характеризуется разными темпами и причинами. Так, в Армении после 2017 года наметилась тенденция сокращения миграционной убыли. Если в 2015 году она составила -25 900 человека, то в 2019 – 16 000 человек, т.е. сократилась в 1,6 раза. А в Казахстане и Кыргызстане миграционная убыль росла. В Казахстане в 2019 г. по сравнению с 2015 годом её рост составил 2,5 раза (2015 г. – 13 466 человек, 2019 г. – 32 973 человек), в Кыргызстане 1,5 раза (2015 г. – 4 229 человек, 2019 г. – 6 160 человек). Отметим колебания миграционного прироста по годам в Беларуси и России. В итоге в 2019 г. в Беларуси он составил 13 870 человек, что меньше, нежели в 2015 г. (18 494 человек) в 1,3 раза, но больше, нежели чем в предыдущие годы (2016 г. – 7 940 человек; 2017 г. – 3 874 человек, 2018 г. – 9 362 человек). В России миграционный прирост в 2019 г. по сравнению с 2015 годом несколько вырос (2015 г. – 245 384 человек, 2019 г. – 285 792 человек), но имел разные значения в 2016 г. – 261 948 человек, 2017 г. – 211 878 человек и наименьшее значение в 2018 г. – 124 854 человек (см. табл. 3).

Таблица 3

Сальдо международной миграции. 2012-2019 гг.

(чел., зарегистрировано в органах внутренних дел при перемене постоянного места жительства)

Миграционный прирост/убыль	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2012	-9 400	9 328	-1 426	-7 487	294 930
2013	-24 400	11 643	-279	-7 203	295 859
2014	-21 800	15 722	-12 162	-7 757	270 036
2015	-25 900	18 494	-13 466	-4 229	245 384
2016	-24 792	7 940	-21 145	-3 965	261 948
2017	-23 962	3 874	-22 130	-3 925	211 878
2018	-18 286	9 362	-29 121	-5 390	124 854
2019 ²⁶⁴	-16 000	13 870	-32 973	-6 160	285 792

Источник: Статистика Евразийского экономического союза²⁶⁵

²⁶⁴ Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2019 года: Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. С. 9.

²⁶⁵ Население: Показатели международной миграции в государствах - членах ЕАЭС. 2005-2018 гг. // ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения 12.10.2021); Социально-демографические индикаторы. Статистика Евразийского экономического союза. Январь – декабрь 2019 года: Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. С. 9.

По данным проведенных нами исследований²⁶⁶, основными причинами миграционной убыли в Армении, Казахстане, Кыргызстане чаще всего являются отсутствие предпочитаемой человеком работы, перспектив личностного и профессионального роста, доходного статуса, на которые человек ориентирован, политическая неопределенность, обеспокоенность сменой вектора интеграционной, этнической политики или личностные причины (получение образования, воссоединение с семьей).

При этом каждый период активизации миграционных процессов на евразийском пространстве имеет свои объяснения. Колебания по годам миграционного оттока в этих странах, а также миграционного прироста в Беларуси и России можно объяснить, прежде всего, изменениями экономической и социально-политической ситуации, как в странах исхода, так и в принимающих странах. Но есть и особенные причины. Так, рост миграционной убыли эксперты по Кыргызстану объясняют не только бедностью, но и высокими темпами роста численности населения и молодой возрастной структурой населения, что создает условия для избытка рабочей силы²⁶⁷. Нарастание оттока граждан Казахстана из Республики обостряется уходом Казахстана «от широкого использования русского языка, переход с кириллического алфавита на латиницу»²⁶⁸. Возникающий отток в этих государствах наиболее активной, молодой части населения, ведет к потере трудового и человеческого капитала. К негативным последствиям следует отнести сложности обустройства мигрантов на новом месте, формирования новой идентичности приемлемой как для них, так и для доминирующего большинства населения. Хотя очевидны и плюсы. Отдающие страны получают средства для поддержания повседневной жизни населения страны, уменьшают социальную нагрузку, снижают уровень социальной напряженности. Известно, что если прирост молодого населения не сопровождается увеличением занятости в различных секторах национальной экономики или эмиграционным оттоком трудовых мигрантов, то «избыток» безработной и маргинализованной молодежи может формировать предрасположенность к возникновению гражданских и военных конфликтов. Выигрывают и переселенцы, приобретая новые возможности для самореализации.

Еще одной проблемой для демографического потенциала отдающих стран является привлечение другими государствами мигрантов - квалифицированных специалистов из стран ЕАЭС. С позиций геополитики, по мнению экспертов, это имеет «скорее только минусы». Противоречивые последствия миграции имеют и

²⁶⁶ Осадчая Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М.: Экон-Информ, 2019. С. 105-154.

²⁶⁷ Данилова И. А., Дмитриев Р. В. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС: Сборник статей VIII Уральского демографического форума, Екатеринбург, 08–09 июня 2017 года / Отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. II. С. 83.

²⁶⁸ Колосков Ф. Миграционные потери Казахстана: есть над чем задуматься : Ритм Евразии : [сайт]. 07 марта 2020. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-03-07--migracionnye-poteri-kazahstana-est-nad-chem-zadumatsja-47866> (дата обращения 20.08.2020).

принимающие страны. С одной стороны, страны, имеющие миграционный прирост, увеличивают свой демографический потенциал, получают дополнительный трудовой ресурс. С другой, в принимающих регионах возможно появление социальной напряженности, увеличение социальной нагрузки на бюджеты, рост ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостояний; националистических проявлений, правонарушений, усиление давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов. Могут иметь место риски социальной дестабилизации.

Распространение коронавируса вызвало нарушение глобальных цепочек поставок и нестабильность на финансовых рынках, оказало негативное влияние на ключевые сектора экономики. Как следствие, прогнозы развития экономической ситуации, связанной с пандемией коронавируса, показывают, что в 2020 г. международная торговля может сократиться от 15% до 35%²⁶⁹. Так, по итогам 2020 года реальный ВВП ЕАЭС уменьшился по сравнению с 2019 годом, что объясняется рядом таких факторов, как: пандемией Covid-19, неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, общим состоянием мировой экономикой и торговлей и др.

Таблица 4

Валовый внутренний продукт на душу населения

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	В текущих ценах; единиц национальной валюты 1)					
Армения	1 679	1 693	1 868	2 027	2 209	2 087
Беларусь	9	10	11	13	14	16
Казахстан	2 330	2 640	3 015	3 382	3 756	3 771
Кыргызстан	76	82	89	94	100	95
Россия	568	584	625	707	744	730
	Долларов США 2)					
ЕАЭС	8 919	8 097	9 892	10 448	10 626	9 440
Армения	3 512	3 524	3 869	4 196	4 597	4 269
Беларусь	5 829	5 014	5 783	6 352	6 848	6 369
Казахстан	10 510	7 715	9 248	9 813	9 813	9 131
Кыргызстан	1 163	1 179	1 296	1 364	1 430	1 224
Россия	9 356	8 725	10 723	11 310	11 499	10 152

Примечания:

1) Армения – армянских драмов, Беларусь – белорусских рублей, Казахстан – тенге, Кыргызстан – сомов, Россия – российских рублей.

2) Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси – по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России – по средним курсам национальных валют к доллару США.

²⁶⁹ Евсеев В. ЕАЭС в условиях пандемии коронавируса // Сочинский форум евразийской интеграции : [сайт]. 30.04.2020. URL: http://civilshos.ru/publication/news_post/caes-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa (дата обращения 26.05.2020).

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. С. 68.

Эпидемия коронавируса, на время остановившая глобальную экономику, привела к снижению ВВП всех участвующих в этом интеграционном объединении государств: спад составил от минимальных 0,9% в Беларуси до 7,5% в Армении и 8,6% в Кыргызстане (официальная оценка чиновниками Евразийской экономической комиссии снижения совокупного ВВП ЕАЭС составляет 3,9%) (см. табл. 5).

Таблица 5

Объем и динамика валового внутреннего продукта (млн долл. США)

	2016	2017	2018	2019	2020
ЕАЭС	1 481,9	1 815,3	1 920,7	1 956,4	1 738,3
Армения	10,5	11,5	12,4	13,6	12,7
Беларусь	47,5	54,7	60,0	64,5	59,8
Казахстан	137,3	166,8	179,3	181,8	171,2
Кыргызстан	6,8	7,7	8,3	8,9	7,7
Россия	1 279,8	1 574,6	1 660,7	1 687,6	1 486,9

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2021. С. 38.

Меры политики и стратегии борьбы с пандемией и поддержки экономики в государствах ЕАЭС были разными и адаптировались к изменяющимся условиям. Чем более жесткими были меры социальной изоляции, тем, как правило, глубже было падение экономической активности. Наибольшее падение ВВП наблюдалось в Армении и Кыргызстане (на 7,6% и 8,6% соответственно), наименьшее в Беларуси – 0,9%. Таким образом, краткосрочные индикаторы экономической активности с 2015 по 2019 годы указывают на завершение фазы активного подъема и постепенное замедление экономик в 2020 году. Данное замедление обусловлено как глобальными факторами (постепенным ужесточением денежно - кредитной политики в ряде развитых и развивающихся странах в ответ на нарастающие дисбалансы, эскалацией напряженности в торговой сфере), так и усилением торговых споров на региональном уровне, сокращением влияния локальных факторов. Восстановление после пандемии экономик государств-членов и ЕАЭС в целом требует урегулирования множества нерешенных проблем, устранения имеющихся противоречий и на этой основе обеспечения стабильного развития, активизации евразийских интеграционных процессов, направленных на повышение ее глобальной конкурентоспособности и устойчивости к внешним шокам.

Индекс развития человеческого потенциала

С нашей точки зрения, категория «человеческий потенциал» представляет собой исчерпывающую в смысловой интерпретации характеристику качеств человека. Под

человеческим потенциалом общества понимается «целостная характеристика основного условия и важнейшего фактора осуществления жизнедеятельности социума, его возможностей, способности и готовности к самоорганизации и развитию. Этот социетальный индикатор представляет собой наиболее значимые социальные качества составляющих данное общество граждан (демографическая структура, здоровье, долголетие и жизненная активность; уровень образования, квалификации и культуры; совокупность ценностей, потребностей и интересов; особенности мировоззрения и менталитета; уровень правового сознания, морали и нравственности; специфика национального характера, идеологии, духовных черт)».

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧ) рассчитывается на основе трех показателей: долголетия, измеряемого при рождении как продолжительность предстоящей жизни – количество лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из некоторого модельного поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен данный показатель; достигнутого уровня образования, определяемого как совокупный индекс грамотности взрослого населения, в основе которого лежит оценка уровня грамотности (для развитых стран уровень грамотности признается равным 99% и агрегированные данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения (ожидаемая продолжительность обучения и средняя продолжительность обучения); уровня жизни, оцениваемого на базе реального валового внутреннего продукта – ВВП на душу населения (валового национального дохода – ВНД) по паритету покупательной способности в долларах США.

Индекс измеряет человеческий капитал следующего поколения, как объем человеческого капитала, который родившийся сегодня ребенок может рассчитывать накопить, с поправкой на риск, связанный с ненадлежащим качеством здравоохранения и образования в стране, где этот ребенок живет. ИЧК включает три компонента:

1. *Выживаемость*. Этот компонент отражает тот факт, что ребенку, родившемуся сегодня, необходимо дожить до момента начала накопления человеческого капитала в системе официального образования. Уровень выживаемости измеряется по данным о смертности детей в возрасте до 5 лет.
1. *Ожидаемая продолжительность обучения в школе*, скорректированная на результаты обучения. Информация об объеме образования, которое ребенок может рассчитывать получить к 18-летнему возрасту, используется в сочетании с данными о качестве, т. е., о том, чему ребенок может научиться в школе, судя по показателям страны в международных тестированиях учебных достижений школьников. Эти данные в сочетании позволяют рассчитать ожидаемую продолжительность обучения в годах с поправкой на качество. Благодаря корректировке на качество обучения этот компонент отражает тот факт, что дети в одних странах получают

гораздо меньше знаний, чем дети в других странах, хотя и обучаются в школах в течение примерно одинакового времени.

2. *Состояние здоровья.* Для оценки общей ситуации с состоянием здоровья жителей страны этот компонент использует два показателя – (1) распространенность низкорослости среди детей в возрасте до 5 лет и (2) показатель выживаемости взрослых, определяемый как доля 15-летних, которые доживут до своего 60-летия. Первый показатель отражает состояние здоровья плода, младенца и ребенка младшего дошкольного возраста. Вторым показателем используется в качестве измерителя состояния здоровья, которое ребенок, родившийся сегодня, может иметь во взрослом возрасте²⁷⁰.

Анализ компонентов индекса человеческого капитала показывает, что страны-члены имеют сопоставимые со странами-лидерами показатели по индексу «Вероятность достижения возраста 5 лет», неплохо выглядит показатель «Ожидаемая продолжительность обучения в школе, лет». И уступают по показателю «Унифицированные результаты тестирования (УРТ)», «Продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения», особенно в Кыргызстане и Армении, отражающие качество образования. А также «Выживаемость взрослых», в основе которого лежит показатель «Продолжительность жизни населения» (см. табл. 6).

---

²⁷⁰ Доклад о мировом развитии 2019 : Изменение характера труда. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019.

Таблица 6

Индекс человеческого капитала и его компоненты, 2018 г.

Страна / территория	Вероятность достижения возраста 5 лет	Ожидаемая продолжительность обучения в школе, лет	Унифицированные результаты тестирования (УРТ)	Продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения	Выживаемость взрослых	Доля детей в возрасте до 5 лет, не страдающих низкорослостью
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80						
31. Казахстан	0,99	13,3	537	11,5	0,80	0,92
34. Российская Федерация	0,99	13,8	538	11,9	0,78	—
СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80						
Эстония	1,00	13,1	542	11,4	0,88	—
Латвия	1,00	13,3	530	11,3	0,85	—
Литва	1,00	13,6	514	11,2	0,83	—
СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 3 ГРУППЫ 0,60 < ИЧК < 0,70						
Украина	0,99	13,0	490	10,2	0,81	—
Грузия	0,99	12,5	445	8,9	0,85	0,89
Азербайджан	0,98	11,6	472	8,7	0,87- 0,82	0,82
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60						
Кыргызская Республика	0,98	12,6	420	8,4	0,82	0,87
Армения	0,99	11,1	443	7,9	0,88	0,91
СПРАВОЧНО. ДРУГИЕ СТРАНЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60						
Молдова	0,98	11,8	436	8,2	0,83	0,94
Таджикистан	0,97	10,8	444	7,7	0,87	0,73
СТРАНЫ-ЛИДЕРЫ						
1 Сингапур	1,00	13,9	581	12,9	0,95	—
2 Корея, Респ,	1,00	13,6	563	12,2	0,94	0,98
3 Япония	1,00	13,6	563	12,3	0,94	0,93
4 Гонконг, САР, Китай	0,99	13,4	562	12,1	0,95	—
5 Финляндия	1,00	13,7	548	12,0	0,93	—

Источник: Доклад о мировом развитии 2019²⁷¹.

²⁷¹ Доклад о мировом развитии 2019 : Изменение характера труда. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019.

Динамика основных компонентов ИЧК свидетельствует об улучшении в последние годы значений показателей «Вероятность достижения возраста 5 лет (см. табл. 7), ожидаемая продолжительность обучения в школе и ухудшении индексов «Унифицированные результаты тестирования (УРТ)», «Продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения» и как следствие к снижению самого ИЧК в целом (см. табл. 7, 8).

Индекс человеческого капитала фиксирует те же проблемы и возможности развития человеческого потенциала устойчивого развития Евразийского экономического союза, что и индекс развития человека, подтверждает, что резервы его развития связаны с повышением качества образования и медицинского обслуживания в государствах-членах ЕАЭС.

Таблица 7

Детская смертность, до 5 лет на 1000 рожденных живыми

	2015		2016		2017		2018		2019	
	Значение	Изменение	Значение	Изменение	Значение	Изменение	Значение	Изменение	Значение	Изменение
Армения	14,4	-4,64%	13,7	-4,86%	13,0	-5,11%	12,4	-4,62%	11,8	-4,83%
Беларусь	4,0	-6,98%	3,8	-5,00%	3,6	-5,26%	3,4	-5,56%	3,2	-6,25%
Казахстан	11,8	-9,23%	11,0	-6,78%	10,5	-4,55%	10,3	-1,90%	10,4	+0,96%
Кыргызстан	22,3	-5,11%	21,2	-4,93%	20,1	-5,19%	19,2	-4,48%	18,3	-4,91%
Россия	8,2	-8,53%	7,5	8,5%	6,9	-8,6%	6,3	-9,52	5,8	-8,62%

Источник: UN Inter-agency Group for Child Mortality Estimation²⁷²

Таблица 8

Динамика компонентов ИЧК в странах ЕАЭС за 2018-2020 гг.

Страна	Вероятность достижения возраста 5 лет		Ожидаемая продолжительность обучения в школе, лет		Унифицированные результаты тестирования (УРТ)		Продолжительность обучения в школе, скорректированная на результаты обучения		Выживаемость взрослых		Доля детей в возрасте до 5 лет, не страдающих низкорослостью	
	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020	2018	2020
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 2 ГРУППЫ 0,70 < ИЧК < 0,80												
Республика Беларусь*	-	1,00	-	13,8	-	488	-	10,8	-	0,85	-	-
Казахстан	0,99	0,99	13,3	13,7	537	416	11,5	9,1	0,80	0,84	0,92	0,92
Российская Федерация	0,99	0,99	13,8	13,7	538	498	11,9	10,9	0,78	0,80	—	—
СТРАНЫ-ЧЛЕНЫ ЕАЭС СО ЗНАЧЕНИЕМ ИЧК 4 ГРУППЫ 0,50 < ИЧК < 0,60												
Кыргызская Республика	0,98	0,98	12,6	12,9	420	420	8,4	8,7	0,82	0,85	0,87	0,88
Армения	0,99	0,99	11,1	11,3	443	443	7,9	8,0	0,88	0,89	0,91	0,91

Примечание: *В 2018 г. расчеты ИЧК по Республике Беларусь не производились.

Источник: Human Capital Index 2020 Update²⁷³

²⁷² UN Inter-agency Group for Child Mortality Estimation. URL: <https://childmortality.org/data/Russian%20Federation> (last request 14.10.2021).

²⁷³ Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. Washington, DC: World Bank, 2020.

Анализ динамики человеческого развития

Проанализированные нами социально-демографические аспекты интеграционных процессов в ЕАЭС показали, что сохранение данных тенденций может привести к сокращению общей численности населения Евразийского экономического союза, а также в ряде стран численности экономически активного населения. Реальная ситуация в сфере рождаемости в государствах-членах, тенденции старения населения, рост числа выбывающих работников уже в ближайшей перспективе не позволят компенсировать потери, связанные со снижением числа молодых работников. Естественная убыль трудового потенциала стран будет осложняться неравномерностью динамики населения в трудоспособном возрасте в ЕАЭС. В этих условиях возможна конкуренция стран за сохранение этого ресурса стран-членов. Можно предположить негативное влияние на стабильность социально-экономического развития, на человеческий потенциал Кыргызстана увеличения доли молодого поколения среди трудоспособного населения, так называемого «молодежного пузыря» и миграции. На стабильность социально-экономического развития Беларуси и России – старения населения и снижения численности рождаемости, ведущих к депопуляции, к увеличению демографической нагрузки пожилыми, а взаимосвязанность старения и депопуляции к «демографическому дефициту». Негативно на экономике стран ЕАЭС сказывается высокая смертность молодого мужского населения, которая обусловлена в первую очередь неинфекционными заболеваниями и травмами. Наибольшее число потерянных лет жизни в Беларуси, России обусловлено ишемической болезнью сердца, инсультами, самоповреждениями, раком легкого и дорожными травмами. В Армении, Казахстане, Кыргызстане – ишемической болезнью сердца, инсультами, инфекцией нижних дыхательных путей, энцефалитом у новорожденных и родовыми осложнениями у недоношенных новорожденных²⁷⁴. Изменение численности населения может приводить к изменению структуры населения по полу, возрасту, этническому составу, семейному положению, диспропорциям, к обезлюдению территорий.

В соответствии с Указом Президента о национальных целях развития России до 2030 года²⁷⁵ работа по обеспечению демографической безопасности ведется в рамках Национального проекта «Демография» включающего 5 федеральных проектов (ФП): [«Финансовая поддержка семей при рождении детей»](#); [«Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет»](#); [«Старшее поколение»](#); [«Укрепление общественного здоровья»](#); [«Спорт – норма жизни»](#). В качестве срока завершения их реализации обозначен, в связи с пандемией,

²⁷⁴ GBD 2015 Mortality and Causes of Death Collaborators : Global, regional, and national life expectancy, all-cause mortality, and cause-specific mortality for 249 causes of death, 1980–2015: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2015 // Lancet. 2016. No 388. Pp. 1459–1544.

²⁷⁵ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 13.10.2021).

2030 год. При этом целый ряд государств-членов ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Россия) уже активно включились в практическую работу, направленную на разработку и принятие законодательства, регламентирующего принципы и способы обеспечения демографической безопасности²⁷⁶.

Анализ показывает (см. табл. 9) рост инвестиций в образование практически во всех странах ЕАЭС. При этом меньше всего в образование инвестирует Армения, что не позволяет ей выйти на уровень стран с очень высоким показателем индекса человеческого развития и человеческого капитала (именно по показателю «унифицированные результаты тестирования» Армения отстает в значительной степени от других стран). Более всего в образование инвестирует Кыргызстан, если такие темпы инвестирования в образование не будут снижаться, страна может выйти на более высокий уровень по человеческому развитию.

Таблица 9

Расходы консолидированного бюджета на образование
(в процентах от ВВП)

Страна/год	2016	2017	2018	2019
Армения	8,4	8,3	8,4	8,0
Республика Беларусь	16,8	17,1	17,0	17,8
Казахстан	17,7	14,8	17,1	17,2
Кыргызстан	26,2	25,8	25,9	26,4
Россия	9,9	10,1	10,7	10,8

Источник: составлено авторами по данным Финансовой статистики ЕАЭС, 2020.

По данным Евразийской экономической комиссии наиболее низкие расходы в здравоохранение в Кыргызстане и Армении, при этом в Кыргызстане, они снизились в 2019 году по сравнению с 2018 г. практически в 4 раза (см. табл. 10). В целом по ЕАЭС расходы на здравоохранение составляют не более 10%, что соответственно негативным образом влияет на все показатели здоровья населения. Объем ресурсов, направляемых в сферу здравоохранения в развитых экономиках, превышает половину доли всей промышленности в ВВП.

Таблица 10

Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение
(в процентах от ВВП)

Страна/год	2016	2017	2018	2019
Армения	6,1	5,5	5,5	6,1
Республика Беларусь	14,5	15,0	14,8	15,3
Казахстан	11,0	9,0	10,3	9,5
Кыргызстан	11,5	12,9	10,5	2,4
Россия	10,0	8,7	9,7	10,1

Источник: составлено авторами по данным Финансовой статистики ЕАЭС, 2020.

²⁷⁶ Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета/ 2014. № 3(81). С. 14-25.

Очевидно, что для стран-членов ЕАЭС возникает необходимость переоценки и корректировки существующих подходов к формированию человеческого потенциала, а также своевременного решения новых проблем, возникающих в процессе экономических преобразований. Нужна научно-обоснованная концепция развития человеческого потенциала, фундаментом которой являются инвестиции государств в человека. Такая постановка вопроса требует консолидации усилий государств не только в экономической сфере, но и в формировании единой социальной политики.

Заключение

Евразийский экономический Союз сегодня по-новому видит и ставит проблему человеческого фактора в интеграционных процессах²⁷⁷. В этих условиях представляется важной оценка человеческого потенциала устойчивого развития ЕАЭС в рамках двух концепций: человеческого развития и человеческого капитала на основе анализа динамики индекса человеческого развития, рассчитываемого Организацией Объединенных Наций в рамках Программы развития (ПРООН) и индекса человеческого капитала, рассчитываемого Всемирным банком, выявление проблем в государствах-членах в области его развития, обоснование мер, которые необходимо принять государствам и ЕАЭС. Наш анализ позволяет зафиксировать позитивную динамику значений индексов человеческого потенциала во всех государствах-членах, начиная с 2000 годов при более низких, по сравнению со странами лидерами, стартовых значениях. Так, ЕАЭС по индексу человеческого развития занимает 50 место в рейтинге из 189 экономик. Россия, Беларусь, Казахстан относятся к странам с очень высоким уровнем человеческого развития, Армения к числу стран с высоким уровнем человеческого развития и Кыргызстан – среднего. Индекс человеческого капитала Евразийского экономического союза не рассчитывался, т.к. Беларусь не участвовала в расчете рейтинга. Казахстан и Россия занимают в рейтинге ИЧК 31 и 34 места соответственно, попадая во 2 группу со значением $0,70 < \text{ИЧК} < 0,80$, Кыргызстан и Армения отнесены к 4 группе ИЧК. По оценке Всемирного банка страны – члены ЕАЭС в меньшей мере готовы к изменениям характера труда в условиях роста важности человеческого капитала. В этом контексте актуализируется задача разработки мер по оптимизации социальной политики и на уровне Союза, и на уровне каждой страны-члена, единой концепции в отношении повышения качества образования и медицинского обслуживания, развития системы гарантий социального обеспечения старости, поддержки материнства и детства, начиная с увеличения инвестиций в социальную сферу. Но развитию интеграции в настоящее время

²⁷⁷ О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения 12.10.2021).

препятствует ряд факторов, среди которых присутствуют не только внешнеполитические, связанные с экономическими санкциями против России, но и проблемы внутри самого Евразийского союза, нежелание определенной части национальных элит и предпринимателей поступиться хотя бы частью функций по контролю над сферами их экономических интересов, отсутствие Программы обеспечения демографической безопасности ЕАЭС, учитывающей влияние интеграционных процессов на демографическую безопасность, как союза, так и каждого государства-члена; не разработаны показатели, которые могут в режиме мониторинга контролировать результаты демографических изменений на евразийском пространстве.

Очевидно, что в центре этой программы должно быть повышение качества человеческого ресурса, увеличение и улучшение человеческого потенциала, предотвращение возможных угроз демографической безопасности, за счет эффективных мер в таких ключевых областях государственной политики, как здравоохранение, семейная политика, образование и экономика. Поэтому так важна для решения возникающих при этом проблем политическая воля руководителей государств-участников ЕАЭС. Итоги 2020 года, как и каждого предшествующего, требуют от стран-участниц ЕАЭС поиска внутренних источников роста своих экономик.

2.9. ДИНАМИКА ДЕНЕЖНЫХ ПЕРЕВОДОВ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Анализ показывает, что Россия наряду с США, ЕС и странами Персидского залива, является одним из ведущих доноров соседних стран по каналам переводов личных средств. Потоки переводов увеличились благодаря созданию в 2015 г. ЕАЭС: для трудовых мигрантов из стран Союза были созданы более благоприятные условия²⁷⁸. Внутри ЕАЭС основные средства идут в Армению и Кыргызстан, чьи мигранты в России конкурируют с работниками из Узбекистана, Таджикистана, Украины и других стран²⁷⁹.

Общий объем полученных переводов в Киргизии (член ЕАЭС), Таджикистане и Узбекистане в 2019 г. составил 8,9 млрд долл. США (из них около 7 млрд – из России). Для стран Центральной Азии, как правило, характерны довольно высокие темпы экономического роста, которые даже в период предыдущего кризиса 2008–2009 гг. оставались положительными, в том числе благодаря высоким объемам финансовых переводов из-за рубежа. Распространение нового типа коронавируса стало причиной глобального экономического кризиса в 2020 г. Согласно предварительным оценкам, из-за пандемии в 2020 г. глобальный ВВП потерял около 2–4,1 трлн долл. США.

Одной из самых незащищенных категорий занятого населения в России стали трудовые мигранты, экономические потери которых, как правило, в периоды экономического кризиса гораздо выше, чем у коренного населения. Данный процесс привел к массовому росту безработицы среди мигрантов и, как следствие, к снижению объемов денежных переводов. Пандемия COVID-19 подорвала положение трудовых мигрантов за рубежом, а отрасли с высокой концентрацией мигрантов оказались под наибольшим давлением из-за введения ограничительных мер. Для стран-экспортеров трудовой миграции и получателей денежных переводов эта ситуация стала фактором влияния на динамику ВВП, рост безработицы и бедности населения.

Учитывая отраслевую специфику этого кризиса, его негативное влияние на трудовую миграцию и финансовое положение мигрантов может быть сильнее, чем в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., так как под основным ударом оказались отрасли с высокой концентрацией мигрантов в числе занятых: туризм (в частности, гостиничный бизнес и все сопутствующие услуги), предприятия общественного питания, оптовая и розничная торговля, транспорт, строительство и производство, а также сельское хозяйство.

²⁷⁸ Экономические связи и развитие ЕАЭС : Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Выпуск № 23, август 2017 г. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14124.pdf> (дата обращения 15.10.2021).

²⁷⁹ Международные денежные переводы мигрантов — важнейший источник финансирования развивающихся стран : Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ. Выпуск № 48, сентябрь 2019.

В частности, в России около 27% мигрантов были заняты в строительстве, еще 18% – в торговле, 7% – на предприятиях общественного питания. В том числе среди высококвалифицированных мигрантов в России распределение следующее: 35,4% заняты в оптовой и розничной торговле, 12,4% – в строительстве, 10,3% – в оказании коммунальных, социальных и прочих услуг, 7,4% – в гостиничном и ресторанном бизнесе, 7,8% – в отрасли транспорта и связи²⁸⁰.

В 2019 г. в Российской Федерации на миграционный учет было поставлено более 19 миллионов человек. В основном в миграционных потоках преобладали представители Средней Азии и Украины. Число трудовых мигрантов, указавших цель своего приезда «работа» в 2019 г. составило более 5,5 млн человек. Ежегодно на территории Российской Федерации находится около 10 миллионов мигрантов. Эта количественная оценка включает как мигрантов, работающих с официально полученными разрешительными документами, так и без них. Представители ГУВМ МВД России считают, что количество недокументированных, а точнее, нелегальных мигрантов в России составляет порядка двух-трех миллионов²⁸¹, однако по мнению некоторых экспертов, таких мигрантов в два раза больше²⁸².

В 2020 г. в связи с принятием ограничительных мер из-за пандемии COVID-19, поток мигрантов резко сократился, но не прекратился совсем: несмотря на то, что официально границы были закрыты, по данным ГУВМ МВД в 2020 г. на миграционный учет было поставлено около 8,5 млн человек²⁸³.

После закрытия границ и приостановки транспортного сообщения между странами лишь малая доля трудовых мигрантов вернулась на родину – в основном в случаях, когда у страны-экспортера и страны-импортера рабочей силы была единая граница или с помощью чартерных рейсов, организованных правительствами, которые позволили частично эвакуировать своих граждан из-за рубежа²⁸⁴. Большая часть трудовых мигрантов осталась в принимающей стране на время кризиса в условиях повышенного уровня безработицы на родине, но и те, кто стремились вернуться обратно – в основном, из-за потери работы – физически не смогли это сделать.

Вследствие сокращения миграционных потоков и роста безработицы среди мигрантов уже в марте 2020 г. в мире было зафиксировано снижение объемов международных денежных переводов в годовом выражении. Среди основных причин

²⁸⁰ Мукомель В. Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 31–59.

²⁸¹ МВД насчитало в России 2,3 млн незаконных мигрантов // Рамблер.Новости. 27 октября 2017. URL: <https://news.rambler.ru/community/38228003-mvd-naschitalo-v-rossii-2-3-mln-nezakonnyh-migrantov/> (дата обращения 15.10.2021).

²⁸² В МВД заявили о снижении числа нелегальных мигрантов в России // РИА Новости. 29 сентября 2021. URL: <https://ria.ru/20210929/migranty-1752345956.html> (дата обращения 15.10.2021).

²⁸³ Статистические сведения по миграционной ситуации // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения 15.10.2021).

²⁸⁴ Бондаренко К. А. Масштабы влияния пандемии на экономику стран – нетто-получателей денежных переводов // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 3. С. 109–128.

– снижение экономической активности в ЕС (что особенно значимо, например, для Украины и Молдавии), продление карантина в России до конца июня, а также повторное введение карантинных мер в ряде стран региона, в том числе в Казахстане (чистом импортере мигрантов) и Узбекистане (чистом экспортере трудовых ресурсов).

Пандемия коронавирусной инфекции в Российской Федерации и все, что с ней связано в текущей жизни, обозначили острые проблемы миграционной сферы. Для их решения необходимо было принять ряд мер в системе миграционного регулирования. В целях минимизации проблемных вопросов, связанных с пребыванием, проживанием, трудовой деятельностью иностранных граждан и лиц без гражданства был издан указ Президента РФ «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»²⁸⁵. Эти меры, с одной стороны, были направлены на помощь мигрантам в легальном трудоустройстве, а с другой – противостояли развитию теневых сервисов по содействию теневой занятости и оказанию других теневых услуг в период кризиса²⁸⁶.

Из-за эпидемии коронавируса, которая негативно повлияла как на внешний, так и на внутренний сектор, в России уже в марте началось ослабление экономической активности производителей – например, объем промышленного производства в марте 2020 г. вырос только на 0,3% по отношению к предыдущему году, а рост строительства был фактически нулевым – всего 0,1%. Во втором квартале из-за введения карантинных мер наблюдалось снижение оборота розничной торговли (– 16,6% по отношению к предыдущему году) и промпроизводства (– 8,5%). На фоне приостановки работы торгово-сервисных и некоторых строительных предприятий многие трудовые мигранты остались без работы, а снижение реальных располагаемых доходов населения (в первом квартале 2020 г. на 0,2%, а во втором квартале – на 8,0% по отношению к предыдущему году) затронуло и уровень благосостояния представителей национальных диаспор из стран СНГ. Дополнительное давление оказало и падение рубля в марте 2020 г., в результате чего, согласно данным Банка России²⁸⁷, средняя сумма одного трансграничного перевода в иностранной валюте из России во втором квартале 2020 г. сократилась до 230 долл. США (по сравнению с 413 долл. США за аналогичный период прошлого года).

В периоды кризисных явлений в экономике, а также в период современной пандемии COVID-19 мигранты сталкиваются с теми же трудностями, что и местное население. Однако воздействие кризисов различной природы для трудовых мигрантов

²⁸⁵ О временных мерах по урегулированию положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ N 274 от 18 апреля 2020 г.

²⁸⁶ Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 26-32

²⁸⁷ Бондаренко К. А. Масштабы влияния пандемии на экономику стран – нетто-получателей денежных переводов // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 3. С. 113.

может быть более значительным и пролонгированным, нежели для россиян. В мае многие карантинные меры в России начали постепенно снимать. Однако и сейчас неопределенность относительно масштабов влияния коронавируса на экономическую активность все еще остается высокой. Говорить об окончании кризиса пока не приходится, можно лишь констатировать, что нынешний кризис существенно отличается от предыдущих экономических кризисов. Карантинные меры, снижение объемов экспорта, спад российской экономики, ослабление рубля и потеря мигрантами рабочих мест снизили вдвое объемы переводов мигрантов в Киргизию, Узбекистан и Таджикистан в 2020 г. Это, в свою очередь, стало фактором дополнительного давления на динамику ВВП стран Центральной Азии, их платежный баланс, и привело к росту бедности населения.

В 2019 г. Узбекистан лидировал среди стран региона по объему полученных денежных переводов – в 2019 г. 4,2 млрд долл. США (или 7,5% ВВП), однако и эта оценка занижена из-за невысокого качества статистической отчетности в стране²⁸⁸. В частности, общий объем личных переводов, отправленных в Узбекистан только из России и Казахстана, по данным центральных банков этих двух стран, в прошлом году составил 4,5 млрд долл. США в номинальном выражении, и потому реальная доля денежных переводов в ВВП Узбекистана может быть выше в 1,5-2 раза, то есть около 10-15%. Увеличение объемов денежных переводов было одним из ключевых факторов сокращения бедности. Если в 2013 г. денежные переводы в Узбекистан обеспечивали 7% от доходов домохозяйств, то в 2019 г., только по официальным данным, доля внешних трансфертов трудовых мигрантов в доходах населения увеличилась до 15%²⁸⁹.

Согласно данным Центрального банка Узбекистана, в январе – июне 2020 г. объем полученных денежных переводов в долларах США снизился более чем на 6% по отношению к предыдущему году²⁹⁰. В целом по итогам года прогнозировалось падение объемов трансфертов на 30-35%. Однако из-за длительного карантина в России и повторного введения карантинных мер в Узбекистане (в том числе закрытия границ и принудительного карантина прибывающих лиц) эта оценка была занижена²⁹¹. Для поддержания экономики Международный валютный фонд предоставил Узбекистану льготный кредит 375 млн долл. США, Всемирный банк – 38 млн долл. США на укрепление национальной системы здравоохранения (на закупку медицинского оборудования и аппаратов искусственной вентиляции легких) и еще 57 млн долл. в целях помощи бедным и наиболее пострадавшим от пандемии COVID-19 слоям

²⁸⁸ Там же. С. 114.

²⁸⁹ По данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике (<http://stat.uz>) и Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан (<https://mineconomy.uz>).

²⁹⁰ Объем трансграничных денежных переводов в январе – июне 2019–2020 гг. // Центральный Банк Республики Узбекистан. 15 июля 2020. URL: https://cbu.uz/ru/press_center/news/365892 (дата обращения 15.10.2021).

²⁹¹ Узбекистан вводит новые ограничения из-за роста числа случаев коронавируса // Reuters. 30 июня 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/orutp-health-coronavirus-uzbekistan-idRUKBN24112X-ORUTP> (дата обращения 15.10.2021).

населения, и одобрил еще 200 млн долл. США²⁹² на борьбу с последствиями ограничительных мер. Все это смягчило последствия пандемии для Узбекистана и оказало позитивное влияние на систему здравоохранения страны. Но так как цели грантов – точечные, они не смогли коренным образом решить проблемы Узбекистана, связанные со слабостью внутренней экономической активности.

В Киргизии, по официальным данным, общий объем трансфертов в 2019 г. составил 2,4 млрд долл. США, а их доля в ВВП – 28,9%²⁹³. По данным Центрального банка Киргизии, в январе – мае 2020 г. приток денежных трансфертов снизился более чем на 26% в сравнении с прошлым годом, что в совокупности с падением доходов от туризма может не только спровоцировать рост бедности, но также стать ключевым фактором усиления и без того достаточно значительного дефицита текущего счета платежного баланса страны. Бюджет страны в 2020 г. также был дефицитным, частично его покрыл транш МВФ (40 млн долл. США) на поддержку экономики страны. МВФ выделил Киргизии два гранта, в марте и в мае, в размере 120,9 и 121,1 млн долл. США. Со стороны Всемирного банка для борьбы с последствиями пандемии Киргизия получила 12,15 млн долл. США и в дальнейшем еще дополнительно 9 млн долл. США. Азиатский Банк Развития (далее – АБР) направил в Киргизию транш в размере 120 млн долл. США в рамках программы «Активное реагирование и поддержка расходов» (CAREC), где 50% суммы – безвозмездные выплаты²⁹⁴. С учетом грантов, полученных от ЕС, Германского общества международного сотрудничества (GIZ) и других доноров, общая сумма поддержки составила около 1 млрд долл. США или 12% ВВП, что позволило несколько смягчить масштабы рецессии, однако вряд ли остановило падение экономики.

Пандемия COVID-19 также существенно повлияла на масштабы трудовой миграции из Таджикистана в Россию и объемы денежных переводов. Традиционно именно в весенний период происходила активизация процессов трудовой миграции после зимнего затишья. В результате введения в России режима самоизоляции с конца марта текущего года произошло сжатие российского рынка труда, многие трудовые мигранты лишились работы либо были отправлены в неоплачиваемые отпуска. Часть мигрантов попытались покинуть Россию и вернуться в свои страны, однако далеко не всем это удалось сделать, так как Россия закрыла свои воздушные границы. Многие потенциальные трудовые мигранты по той же причине не могли въехать в Россию. Предсказать, какими будут последствия этой ситуации для стран, чья экономика

²⁹² Uzbekistan to Receive World Bank Emergency Financing to Combat COVID-19 // The World Bank. April 24, 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/24/uzbekistan-to-receive-world-bank-emergency-financing-to-combat-covid-19> (last request 15.10.2021).

²⁹³ Kyrgyz Republic Gets World Bank Financing to Respond to COVID-19 Pandemic // The World Bank. April 02, 2020. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/02/kyrgyz-republic-gets-world-bank-financing-to-respond-to-covid-19-pandemic> (last request 15.10.2021).

²⁹⁴ ADB's \$50 Million Package to Help the Kyrgyz Republic Mitigate the Impact of COVID-19 // Asian Development Bank. 04 May 2020. URL: <https://www.adb.org/news/videos/adb-s-50-million-package-help-kyrgyz-republic-mitigate-impact-covid-19> (last request 15.10.2021).

сильно зависит от денежных переводов мигрантов, довольно сложно, однако понятно: это влияние будет практически шоковым и длительным по времени²⁹⁵. Влияние денежных переводов мигрантов на социально-экономическое развитие Республики Таджикистан весьма значительно. Благодаря внешним переводам происходит:

- увеличение ВВП Таджикистана;
- рост малого бизнеса и предпринимательства – некоторые мигранты или их родственники открыли свое дело (кафе, магазины, пекарни и т.п.);
- стимулирование роста сектора экономики – строительства: многие таджикостанские мигранты вложили свои деньги в ремонт жилья, покупку квартир, строительство новых домов;
- стимулирование дополнительного потребления, рост внутреннего рынка: жители Таджикистана стали более активно удовлетворять основные потребности в продуктах питания, товарах широкого потребления, жилья, образовании;
- стимулирование развития общественных инициатив на местах.

Следует отметить, что большая часть денежных переводов в Таджикистан в отличие от других стран поступает через легальные банковские каналы. Еще в начале двухтысячных годов в Таджикистане был отменен 30%-й налог на денежные переводы, а также приравнивание их к банковским операциям и улучшение разных видов платежных систем²⁹⁶. В Таджикистане денежные переводы в 2019 г. составили 2,3 млрд долл. США (около 28,7% ВВП), однако в действительности объем транзакций может быть выше. В 2014-2016 гг. из-за рецессии в России объем денежных трансфертов в Таджикистан сократился с почти 44% ВВП в 2013 г. до 27% ВВП в 2016 г., что фактически стало одной из основных причин замедления экономического роста таджикостанской экономики. Однако на протяжении последних трех лет ускорение темпов экономического роста страны поддерживалось за счет роста потребления на фоне увеличения денежных переводов трудовых мигрантов и роста государственных инвестиций.

В целях стабилизации ситуации МВД России с 19 марта 2020 г. приняло решение о продлении виз и разрешительных документов на работу до 15 июня 2020 г. Однако ежемесячные выплаты за патенты сохранились в прежнем виде. Из-за потери работы у большинства трудовых мигрантов из Таджикистана просто не было ресурсов на оплату патентов, многие люди оказались перед выбором: оплатить ли патент и арендуемое жилье или купить самые необходимые продукты питания.

²⁹⁵ Рахмонов А. Х. Трудовая миграция и денежные переводы в Таджикистан в условиях пандемии COVID-19 // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы науч.-практич. конф. (Москва, 10 декабря 2020 г.) М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 143-149.

²⁹⁶ Шарипов Б. Роль денежных переводов мигрантов в обеспечении макроэкономической стабильности Республики Таджикистан // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17, № 4. С. 103-117.

Дополнительной проблемой стало то, что часть трудовых мигрантов оказались фактически в безвыходном положении в аэропортах России, не имея возможности улететь на родину. Понятно, что в условиях значительных потерь заработков трудовые мигранты оказались не в состоянии отправлять денежные переводы на родину. Уже в апреле 2020 г. многие системы денежных переводов зафиксировали существенное падение объемов переводов во все страны, в том числе в Таджикистан. Так, по данным системы «Золотая корона», в марте денежные переводы сократились на 30% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. По мнению аналитиков, в апреле ожидалось снижение еще на 50%. Система «Юнистрим» указывала на снижение объемов переводов в марте до 35%²⁹⁷.

Трудовые мигранты из Таджикистана входят в группу риска, имея, как правило, более стесненные условия проживания, нежели местное население. Часть мигрантов смогли перепрофилироваться, устроившись в доставку, аптеки и продовольственные магазины, однако в период пандемии работодатели в первую очередь принимают на работу граждан России. С этой точки зрения, риски потери дохода для трудовых мигрантов также выше. Переводы работающих в России мигрантов составляют значительную часть денежных поступлений в Таджикистан, поэтому любое уменьшение объемов транзакций создает риски для экономики республики. По данным Национального банка Таджикистана, в 2020 г. валовый внутренний продукт (ВВП) страны составил \$7,3 млрд. За то же время физические лица перевели из России в республику \$1,41 млрд, что составило почти 20% ВВП Таджикистана.

При этом нужно учитывать, что данные по переводам традиционно приводятся в долларах США. За первые три месяца 2021 г. курс российского рубля снизился на 12% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года – это обстоятельство также ухудшает общую динамику. Уже отмечалось, что для многих семей в Таджикистане денежные переводы из России являются существенным, а иногда и единственным источником дохода. Поэтому понятно, что пандемия COVID-19 нанесла значительный ущерб национальной экономике страны и из-за снижения объемов денежных переводов, и из-за невозможности трудоустроиться в других странах для потенциальных трудовых эмигрантов. Доля семей с низким доходом в постпандемический период в Таджикистане значительно увеличилась²⁹⁸. Кризисные явления в экономике Таджикистана помимо роста цен будут сопровождаться и ростом безработицы, особенно в сельской местности, поскольку значительное число потенциальных мигрантов еще в течение неопределенного времени не смогут уехать на заработки. В настоящее время, по данным опроса Научно-исследовательского

---

²⁹⁷ Объем денежных переводов из России упал на треть из-за коронавируса // ИА «Фергана». 07 апреля 2020. URL: <https://fergana.media/news/116834/> (дата обращения 15.10.2021).

²⁹⁸ Эпидемия коронавируса в России обрекла тысячи таджикских семей на нищету // Информационный портал Migrant.News.Tj. 14.04.2020. URL: <https://migrantnews.info/ru/7425/> (дата обращения 15.10.2021).

института Национального банка Таджикистана²⁹⁹, в той или иной мере за счет переводов в стране живут около 70% населения. Сокращение трансфертов негативно скажется на потреблении и, вероятно, не только станет причиной замедления роста экономики, но также спровоцирует рост бедности и даже может в конечном счете стать фактором социально-экономической нестабильности.

Для поддержки малообеспеченного населения правительство Таджикистана выделяет дополнительные средства из бюджета, дефицит которого в этом году будет финансироваться из выданных по кредитной линии средств МВФ в объеме 189,5 млн долл. США. С учетом грантов Всемирного банка и АБР общий объем кредитования составит около 2-3% ВВП. В общей сложности предоставленные странам Центральной Азии гранты МВФ и Всемирного банка покрывают около 9-16% от общего объема переводов (см. табл. 1). Поскольку ожидается снижение объемов трансфертов на 30-50%, этого может быть недостаточно. Вторым вопросом остается направление использования привлеченных средств, так как из-за низкого качества государственных институтов в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане эффективность распределения средств кредитования может быть крайне невысокой.

Таблица 1

Объем финансирования некоторых стран Центральной Азии МВФ и Всемирным банком в целях борьбы с последствиями пандемии и денежные трансферты, млн долл. США

Страна	Объем финансирования, 2020 г.		Полученные трансферты, 2019 г.	Коэффициент покрытия, ** %
	МВФ	ВБ		
Узбекистан	375	295	4 150	16,1
Киргизия	242	21	2 410	10,9
Таджикистан	190	11	2 298	8,7

Источник: Всемирный банк, Международный валютный фонд.

Какие же тенденции наблюдаются в системе денежных переводов в 2021 г.?

1. Переводов стало меньше. В первом квартале 2021 г. денежные переводы трудовых мигрантов из России в страны СНГ заметно снизились – на 13,5% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., до \$1,85 млрд³⁰⁰.

Сильнее всего сократились переводы в Туркменистан – на 87,5% (до \$0,1 млн), Молдову – на 50,6% (до \$44,8 млн) и Таджикистан – на 37,3% (до \$224,9 млн). Меньше денег мигранты стали отправлять на Украину, в Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь и Армению.

²⁹⁹ Бакозода Х. До 70% населения Таджикистана живут за счет переводов трудовых мигрантов // Радио Озоди : [сайт]. 13 октября 2019. URL: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html> (дата обращения 15.10.2021).

³⁰⁰ Чикунов Н. Перевод спасения: вытянут ли мигранты экономику Таджикистана? // Sputnik Tajikistan. 20 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210720/migranty-ekonomika-tajikistan-1041027569.html> (дата обращения 15.10.2021).

2. Увеличились переводы в Узбекистан. Несколько иная картина складывается на основе статистических данных российских кредитных организаций. Эти данные отражают фактические трансграничные денежные потоки, но очищенные от перевозки наличности, например, на самолетах и в поездах. Согласно им, первый квартал 2021 г. примерно соответствует первому кварталу 2020-го. За год объемы переводов в Узбекистан выросли на 27%. Уменьшение затронуло Таджикистан (-9%) и Азербайджан (-38%)³⁰¹.

Единственным государством ближнего зарубежья, продемонстрировавшим положительную динамику, стал Узбекистан. За год переводы в республику выросли на 12,4% – до \$680,4 миллионов. Выбивающийся из общего тренда рост трансграничных переводов из России в Узбекистан может частично объясняться численностью трудовых мигрантов из этой страны. С января по март 2021 г., согласно данным МВД РФ, на миграционный учет встали 638 тысяч граждан республики – это рекордный показатель среди всех стран. Ближайший конкурент – Таджикистан (393 тыс. человек). Однако в первом квартале 2020-го на учет встали 1,060 млн узбекистанцев.

В 2021 г. ситуация с денежными переводами поменялась, по данным Центрального Банка России (далее – ЦБ) в июне 2021 г. системы денежных переводов Российской Федерации отправили в страны СНГ \$720 миллионов³⁰². Это самый высокий результат за последние три года. Хотя число трудовых мигрантов, выступающих основными клиентами систем денежных переводов, в 2020–2021 гг. снизилось, их доходы заметно выросли, что и обеспечило рост вывода средств на родину. В условиях пандемии, когда семьям требуется дополнительная поддержка, эта тенденция набирает обороты.

В январе-мае среднемесячный объем переводов в страны СНГ (на них приходится около 90% всех денежных переводов из России) составил \$496 млн, в июне – \$720 миллионов. Июньский результат по объему переводов из России в страны СНГ не только превысил результат аналогичного периода 2020 г. (\$631 млн), но и допандемийного июня 2019 г. (\$527 млн). В целом июньский результат стал рекордным с 2018 г. Рост переводов из России в СНГ происходит несмотря на то, что пандемия коронавируса сократила приток иностранцев в РФ. Их число падало с 11,2 млн человек в 2019 г. до 7,1 млн в 2020 г. и до 5,66 млн человек в начале 2021 г. Причинами такого роста специалисты называют резкий рост доходов мигрантов — на фоне закрытых границ конкуренция за рабочую силу возросла и по ряду профессий выплаты мигрантам сравнялись с зарплатами граждан РФ. В результате среднемесячный оборот отправки средств на одного клиента из РФ вырос: если в

³⁰¹ Там же.

³⁰² Деменьева К., Буйлов М. Трудовые резервы пандемии : Мигранты перевели домой \$720 млн за месяц // Газета «Коммерсант»: [сайт]. 13 августа 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4938688> (дата обращения 15.10.2021).

первом квартале 2020 г. он был 33 тыс. руб., то в первом квартале 2021 г. – 48 тыс. рублей.

За период июля-августа 2021 г. приток мигрантов в Россию еще больше увеличился, что способствовало росту объема денежных переводов в страны СНГ. Еще одной причиной роста объемов переводов могли стать нацпроекты, реализация которых связана со строительством и инфраструктурой, где рабочие-мигранты наиболее востребованы, оживление экономики могло повлиять на рост их доходов и, соответственно, рост объемов переводов на родину.

В целом отмечается стабильная тенденция увеличения переводов, пандемия усилила стремление мигрантов финансово помогать своим семьям, живущим в других странах. Люди стали переходить на более квалифицированную и лучше оплачиваемую работу. Несмотря на экономический спад, динамика денежных переводов неизбежно восстановится. Во втором и третьем кварталах года объемы переводов обычно возрастают – сказывается сезонность. Поэтому реальную картину можно будет увидеть в конце 2021 г. Но из-за новых волн коронавируса что-либо прогнозировать сложно. В любом случае многие мигранты остаются в России, продолжают работать и отправлять деньги на родину.

Что касается влияния денежных переводов трудовых мигрантов на российскую экономику, можно с уверенностью утверждать, что растущие суммы трансграничных переводов, не компенсированные прямыми инвестициями, в условиях стагнации мировой и российской экономики могут нанести существенный ущерб экономическому потенциалу России. Если же принимать во внимание неучтенные суммы неофициальных переводов и вывоза денежных средств, то, очевидно, что негативный фактор влияния будет усиливаться.

Таким образом, можно констатировать, что увеличение доли трудовых мигрантов в структуре рынка трудовых ресурсов и отток денежных средств ведет к снижению финансовой независимости России, то есть к снижению экономической безопасности страны. Особенно это важно при учете следующих показателей:

- состояние рынка труда России характеризуется слабым уровнем и низкой эффективностью государственного контроля и регулирования, что приводит к росту неорганизованной иммиграции из стран СНГ и Китая и других азиатских стран низкоквалифицированной рабочей силы, создающей дополнительную конкуренцию на внутреннем рынке, снижающей стоимость рабочей силы (низкая стоимость рабочей силы становится основным фактором развития безработицы среди российских резидентов);
- превышение доли иммигрантов из государств СНГ с низкой квалификацией по сравнению с иммигрантами из стран дальнего зарубежья с высоким уровнем квалификации обуславливает технологическую деградацию тех отраслей экономики, в которых они в наибольшей степени присутствуют;

- российский рынок труда пока что остается наиболее привлекательным для иммигрантов из центральноазиатских государств СНГ (из-за существенной разницы в оплате труда и возможностей трудоустройства по сравнению со странами их происхождения);
- миграционный приток в Россию обуславливает постоянный рост оттока денежных ресурсов из России, что негативно отражается на инвестиционном потенциале страны и приводит к увеличению внешней зависимости от иностранных кредиторов. Возникновение дисбаланса в финансовом движении требует ужесточения контроля за вывозом денежных средств и разработки стратегий по стимулированию инвестиционной привлекательности российского рынка³⁰³.

Влияние глобальной рецессии, вызванной пандемией, окажет более негативное влияние на состояние экономики в странах Центральной Азии с низким и средним уровнем развития, чем финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., в том числе и вследствие более глубокого сокращения объемов полученных трансфертов. Это станет фактором давления на динамику ВВП и текущий счет платежного баланса для стран – реципиентов денежных переводов, и в отдельных случаях – причиной роста бедности (например, в Таджикистане, где переводы составляют пятую часть доходов домохозяйств). В случае затягивания кризиса или возникновения второй волны заражения ожидания мировых финансовых институтов и правительств по глубине экономического кризиса могут быть недооценены. При этом ситуация в Центральной Азии, будет особенно сложной из-за высокой доли денежных переводов в их ВВП, что требует дополнительной поддержки экономики и наиболее уязвимых слоев населения. После того как карантинные меры будут окончательно сняты, сохранятся проблемы трудоустройства мигрантов за рубежом, возвратной миграции и роли мигрантских сетей в поддержании уровня благосостояния диаспор. В долгосрочном периоде в фокусе будет расширение географии миграции и изменение структуры миграционных потоков.

---

³⁰³ Мигранян А. А. Влияние трансграничных денежных переводов трудовых мигрантов на экономику России // Труд и социальные отношения. 2013. № 11. С. 40-49.

2.10. ГЕОИНФОРМАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ РАССЕЛЕНИЯ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ И СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ³⁰⁴

Вводные положения

Дальневосточный федеральный округ является крупнейшим территориальным образованием в стране, превосходя площадь Сибирского федерального округа более чем в 1,5 раза. Вместе с тем, обширная часть этой территории является слабозаселенной, а плотность населения составляет менее 1,2 человек на один квадратный километр³⁰⁵. Последние тридцать лет негативные социально-экономические и демографические тенденции в регионе, напрямую граничащем со странами – сильнейшими экономиками мира, вызывают особые опасения.

Главная экономическая угроза сложившейся демографической ситуации заключается в том, что в ближайшие десятилетия Россия будет ежегодно терять в среднем около 400-500 тыс. трудоспособного населения, что может привести к резкому замедлению экономического и инновационного развития страны и росту дефицита трудовых ресурсов в большинстве регионов России. Демографический кризис оказывает негативный эффект на структуру трудоспособного населения, рынок труда, рост пенсионной нагрузки, что напрямую отражается на состоянии социальной инфраструктуры, темпах экономического развития и показателях национальной безопасности России. Кроме того, вследствие эффекта «демографической волны» 90-х гг., в России с 2015 г. начинает неуклонно снижаться население трудоспособных и молодых возрастов. Только согласно среднему прогнозному сценарию, к 2030 г. ожидается, что на двух трудоспособных граждан будет приходиться один гражданин старше трудоспособного возраста, что негативно отразится как на экономическом, так и на военном потенциале страны.

Данная проблема особенно актуальна для приграничных регионов РФ, где необходимость устойчивого социально-экономического развития связана не только с высоким ресурсным и географическим потенциалом этих территорий, но и современными задачами национальной безопасности. Из 46 приграничных регионов РФ, 26 находятся в крайне тяжелой демографической ситуации. Сказанное особенно актуально для территорий Сибири и Дальнего Востока. Так, в период 1994-2014 гг. численность населения Чукотского автономного округа сократилась на 54%, Магаданской области на 50%, Сахалинской области на 29%, Камчатского края на 27%, Еврейской автономной области на 21%, Амурской области на 20%. Кроме того, коэффициент демографической нагрузки наиболее высок именно в приграничных

³⁰⁴ Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 19-78-00148.

³⁰⁵ Доля городского населения в общей численности населения на 1 января // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://showdata.gks.ru/report/278932/> (дата обращения 15.10. 2021).

регионах России, включая Курганскую область, Псковскую область, Республику Тыва, Алтайский край, Курскую область и др. Опасность подобной ситуации связана не только с масштабным сокращением численности трудовых ресурсов и углублением уровня социально-экономического отставания приграничных регионов, но и с усилением «асимметричности» демографических потенциалов российских и зарубежных приграничных территорий.

Рассматривая демографическую ситуацию на пространстве России на региональном уровне приходится признать, что в большей части регионов России (в 52 из 86) происходят процессы «сжатия», уменьшения численности населения, и лишь в меньшинстве наблюдается его рост. Отрицательные миграционные тенденции обусловлены, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых мест приложения труда в большинстве регионов страны. В половине регионов России имеют место тенденции естественной убыли, обусловленные «постаревшей» структурой населения. В этой ситуации сложившиеся диспропорции в пространственном развитии Сибири и Дальнего Востока становятся серьезной проблемой, от решения которой зависит территориальная целостность страны и перспективы дальнейшего экономического развития. Для перелома негативных демографических тенденций в приграничных районах страны требуется «прорывной» подход. Отсутствие работы, перспектив для жизни, заброшенность социальной и транспортной инфраструктуры, суровые климатические условия – это те ключевые факторы, которые определяют негативные демографические тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке. Вышесказанное обуславливает высокую актуальность поставленной проблемы, а также необходимость разработки и моделирования перспективных сценариев трансформации систем расселения на восточных территориях России.

Методы и теоретическая основа работы

Изучением современных демографических и миграционных процессов в регионах Дальневосточного федерального округа занимается большое количество исследователей. Одной из наиболее значимых является работа Е. Л. Мотрич «Население Дальнего Востока России»³⁰⁶, в которой автор рассматривает этапы формирования населения Дальнего Востока и исследует современные процессы в регионе, связанные в том числе с национальным фактором. В своей статье Н. В. Мкртчян «Города востока России "под натиском" демографического сжатия и западного дрейфа»³⁰⁷ также анализирует актуальные демографические тенденции в Сибири и на Дальнем Востоке. Свою оценку социально-экономическому потенциалу городов ДФО дают С. Н. Найден и Е. О. Колбина в статье «Города Дальнего Востока:

³⁰⁶ Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.

³⁰⁷ Мкртчян Н. В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. Иркутск: «Оттиск», 2013. С. 41-61.

социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения»³⁰⁸. Авторы рассматривают возможности административных центров дальневосточных регионов России для целей наращивания демографического потенциала. В работе А. С. Бреславского «Сельско-городская миграция в Республике Бурятия и развитие пригородной зоны Улан-Удэ в 1989-2012 гг.»³⁰⁹ изучается процесс трансформации системы расселения Республики Бурятия с конца 80-х годов прошлого века. Анализируются причины происходящих процессов и дается оценка их влияния на социальную сферу и экономические перспективы региона.

В рамках настоящего исследования были проанализированы данные муниципальной статистики за 2011-2018 гг. В процессе исследования использовался в первую очередь картографический метод, который позволил комплексно оценить демографическую ситуацию внутри регионов. Ключевым преимуществом использования ГИС моделей является возможность рассмотрения процессов с точки зрения пространственного развития с привязкой к местности. Также данные статистики по муниципальным образованиям удобнее всего изучать, используя именно карты – они лаконично дают представление о ситуации на рассматриваемой территории³¹⁰. В работе были проанализированы показатели динамики численности населения 2011-2018 гг., коэффициента естественного прироста, коэффициента миграционного прироста, плотности населения и динамики ВРП с 2011-2017 гг.

Особенности трансформации системы расселения в Дальневосточном ФО

В большинстве исследований, в рамках изучения демографической ситуации в России рассматриваются данные региональной статистики. Во многом такой подход имеет смысл, когда речь идет о глобальных проблемах, рассматриваемых в масштабах всей страны. В настоящее время приоритет отдается вопросам сохранения населения в регионах, в то время как демографические проблемы на уровне муниципальных образований отходят на второй план.

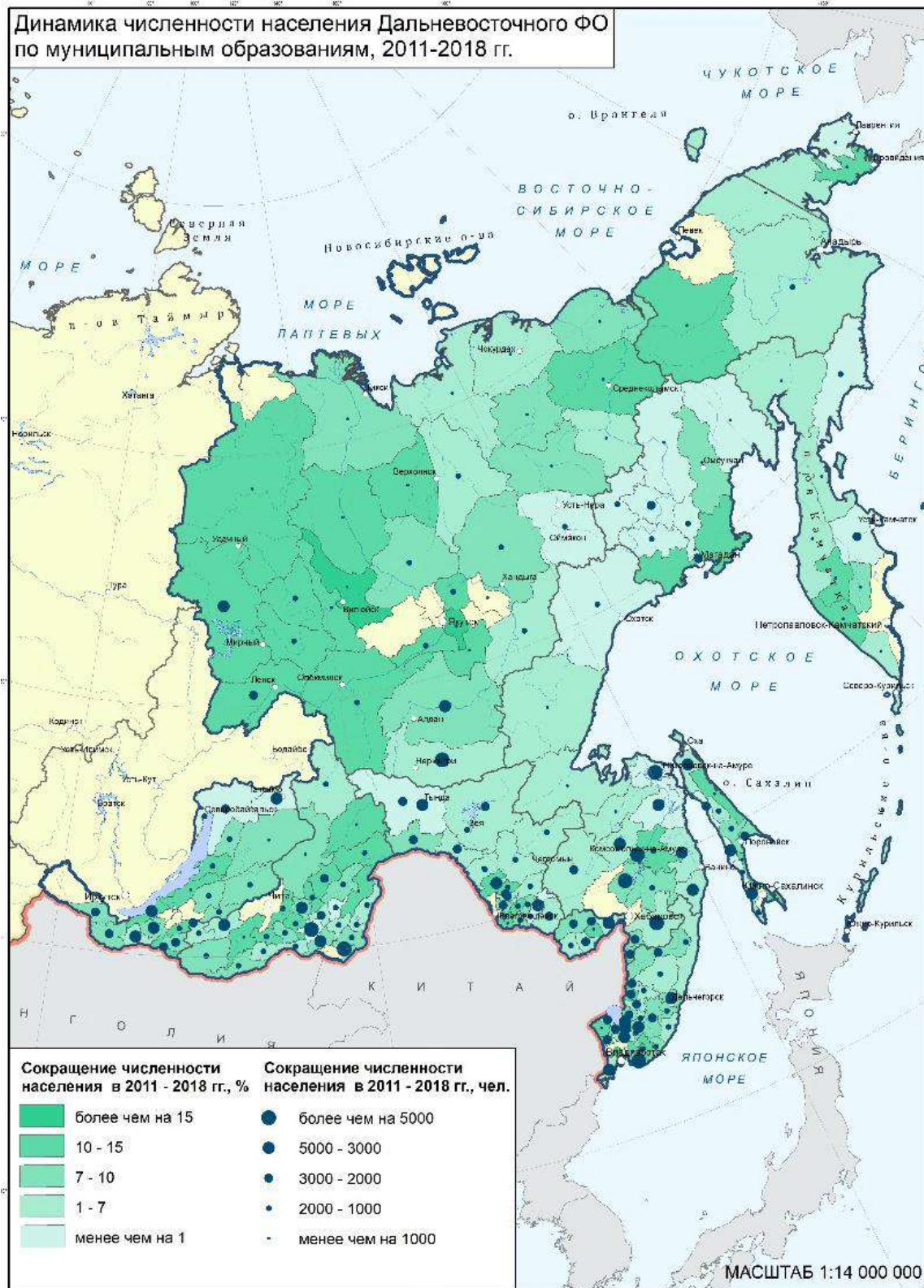
Как видно на Рис. 1, численность населения с 2011 г. сокращается повсеместно, в большинстве муниципальных образований. Исключение составляют районы, прилегающие к региональным столицам, или крупнейшим экономическим центрам. Больше всего численность населения выросла в Якутске, Чите, Владивостоке,

³⁰⁸ Найден С. Н., Колбина Е. О. Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. 2014. № 4. С. 23-35.

³⁰⁹ Бреславский А. С. Сельско-городская миграция в Республике Бурятия и развитие пригородной зоны Улан-Удэ в 1989-2012 гг. // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. Иркутск: «Отгиск», 2013. С. 90-110.

³¹⁰ Фомин М. В., Рязанцев С. В., Безвербный В. А., Мирязов Т. Р. Геоинформационное моделирование тенденций пространственного развития Сибири и Дальнего Востока // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25, № 1. С. 374-387.

Благовещенске, Южно-Сахалинске, в «пристоличных» районах Бурятии – Иволгинском, Тарбагатайском, Улан-Удэ и др.

Рисунок 1. Динамика численности населения ДФО, 2011 – 2018 гг.

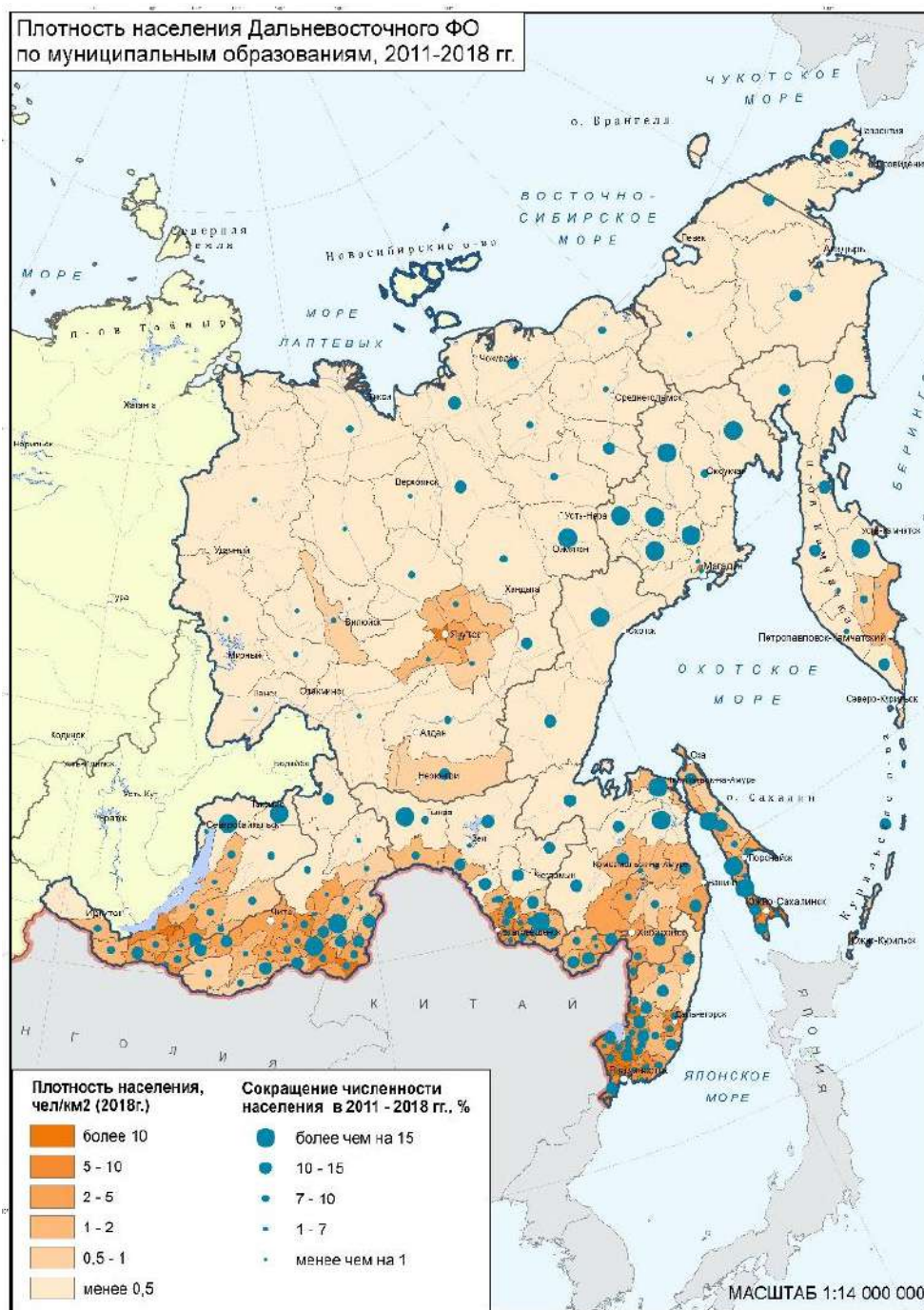
Источник: Составлено на основе данных Росстата.

Подобная ситуация характерна не только для районов Дальнего Востока. Пространственные сдвиги в системе расселения имеют место на всей территории России, включая центральную часть, в том числе Московский регион. Субъекты, которые в последние годы показывали рост численности населения или незначительный спад (Республика Саха, Чукотский АО, Бурятия), на большей части территории, также теряют в людности. Характерным является и то, что население значительно сокращается не только в отдаленных и труднодоступных районах, но часто и в непосредственной близости к «центрам притяжения». Неблагоприятная социально-экономическая ситуация в муниципальных образованиях, расположенных дальше 50 км. от развитого центра, вместе с относительно высокой транспортной связанностью влечет за собой еще больший отток населения. Такой эффект, но в более крупных масштабах, мы можем наблюдать в Центральной России. В то время как жители соседних с Москвой регионов стягиваются в столицу, рост численности населения сохраняется и в Московской области.

Таким образом становится очевидным, что на данном этапе пространственного развития страны упор на экономическую поддержку крупнейших агломераций приводит к потере альтернативных точек развития. Население, концентрируясь в региональных центрах покидает не самые отстающие и бесперспективные территории³¹¹.

---

³¹¹ Фомин М. В., Безвербный В. А. Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33-53

Рисунок 2. Плотность населения ДФО, 2018 г.

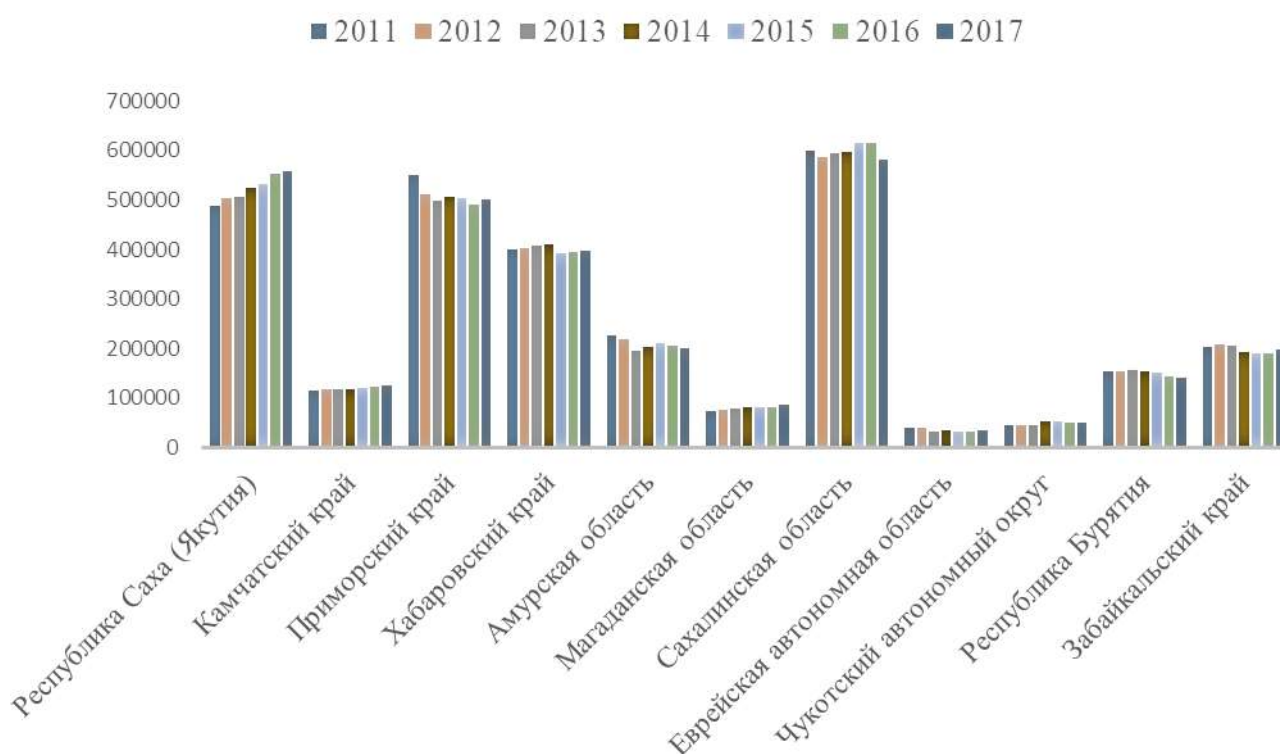
Источник: Составлено на основе данных Росстата.

Обращаясь к карте динамики численности населения ДФО (рис. 1), и карте плотности населения ДФО (см. рис. 2), можно заметить, что частые обращения к сложной климатической обстановке, как одному из ключевых факторов потери населения в регионе, оказываются не столь оправданными. Численность населения по

большей части сокращается в густонаселенных районах основной полосы расселения, с относительно благоприятным климатом.

В процессе пространственного сжатия выросшая доля «столиц» в экономике регионов не продуцирует очевидных положительных результатов (во всяком случае на данном этапе). Взглянув на динамику ВРП субъектов Дальневосточного ФО в сопоставимых ценах (см. рис. 3), можно заметить, что с 2011 по 2017 г. только четыре региона демонстрировали устойчивый рост (Республика Саха, Магаданская область, Камчатский край, Чукотский АО).

Рисунок 3. Динамика ВРП регионов Дальневосточного ФО в сопоставимых ценах 2011 г.

Источник: составлено на основе данных Росстата

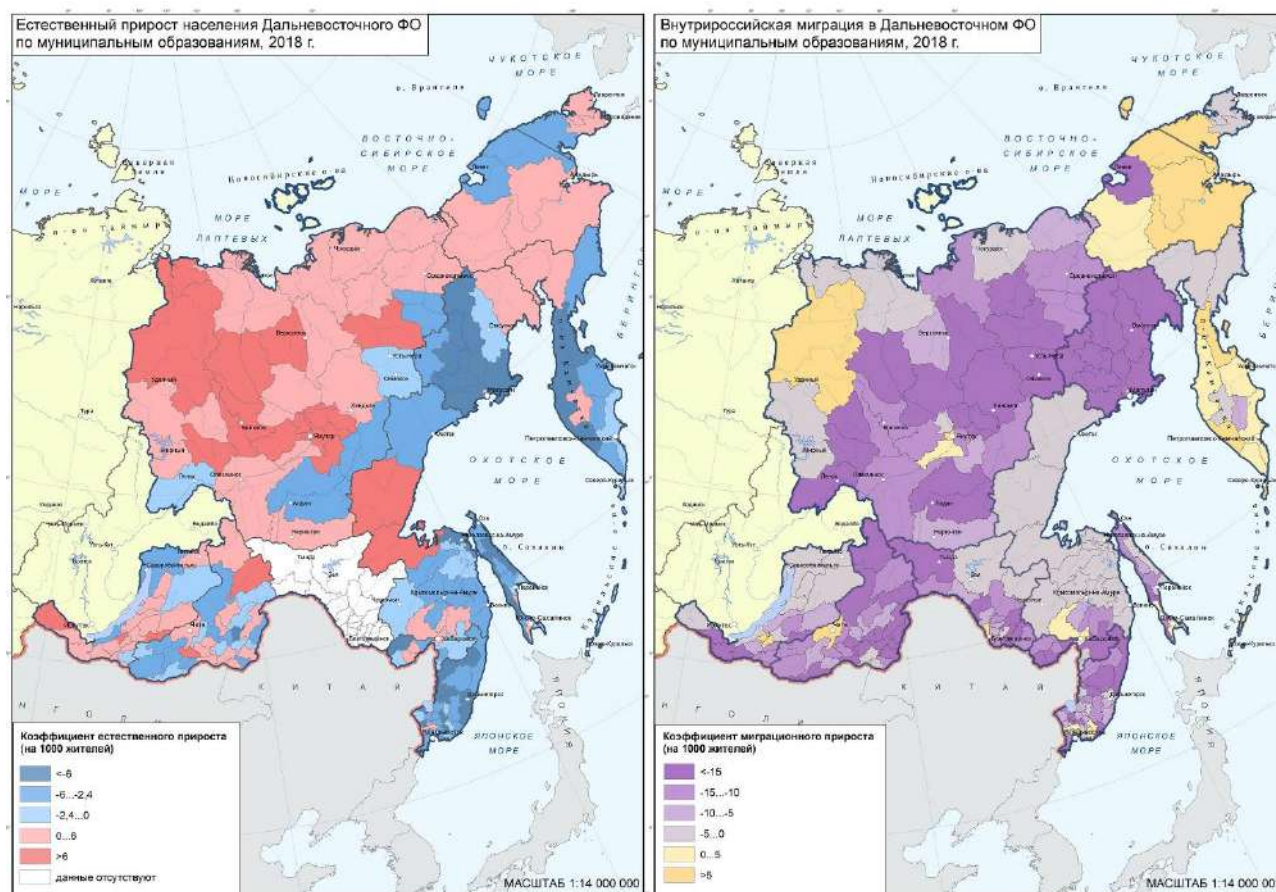
Возможной причиной отсутствия экономического роста может быть замещение населения менее квалифицированными мигрантами из других стран, регионов и сельской местности. Это напрямую сказывается на качестве трудовых ресурсов и экономическом потенциале регионов Дальнего Востока³¹². Ключевым фактором, влияющим на демографическую ситуацию в муниципальных районах ДФО, остается

³¹² Мкртчян Н. В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. Иркутск: «Оттиск», 2013. С. 41-61.

миграционный отток, который может провоцировать и снижение рождаемости, так как территорию покидает молодое поколение, которое учится или начинает работать.

В контексте перемещения жителей дальневосточных регионов имеет смысл рассматривать только внутрироссийскую миграцию, так как растущая международная иммиграция размывает общую картину. В 2018 г. большая часть регионов Дальневосточного федерального округа имела отрицательное сальдо миграции, в то время как естественный прирост наблюдался в большинстве муниципальных образований Якутии, во многих районах Забайкалья, Бурятии и Хабаровского края.

Сравнивая показатели миграции и естественного прироста (см. рис. 4), становится очевидным, что на сокращение численности населения в большей степени влияет именно миграционный отток (данный показатель заметно коррелирует с показателями динамики численности населения).

Рисунок 4. Естественный прирост населения и внутрироссийская миграция в ДФО, 2018 г.

Источник: Составлено на основе данных Росстата.

В 2018 г. население активно прибывало только в региональные центры и прилегающие к ним районы. Исключением стали Камчатский край и Чукотский автономный округ, в которых, по данным региональных статистических служб, в

последние несколько лет наблюдается рост численности трудовых мигрантов^{313, 314}. Более того, в 2017 г. в Камчатском крае был зафиксирован миграционный прирост.

Многоуровневость оттока из регионов Дальневосточного федерального округа наглядно демонстрируется при рассмотрении межрегионального сальдо миграции административных центров (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатель межрегиональной миграции административных центров ДФО, чел.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Якутск	-2079	-1993	-1980	-2097	-1676	-1812	-2057
Петропавловск- Камчатский	-2082	-1536	-2451	-1832	-1848	-1973	-596
Владивосток	-1932	-2063	-1770	-1373	-1067	-1372	-1481
Благовещенск		-1392	-917	-1064	-725	-936	-822
Магадан	-1696	-1803			-1167	-1100	-1374
Южно-Сахалинск	-217	-852	-1646	-1250	-967	-404	-599
Биробиджан	-608	-1001	-611	-804	-719	-823	-749
Анадырь							149
Хабаровск			2146	-1355	-2170	-1250	-1416
Улан-Удэ	-811	-592			-1728	-1114	-2033
Чита	-2284		-2159	-2314	-1914	-2259	-2495

Источник: составлено на основе данных Росстата.

В то время как постоянный приток переселенцев из периферии сохраняется, отток населения из столиц имеет устойчивый характер. На данный момент, даже аккумуляция населения в региональных центрах не решает проблемы миграционной убыли в регионах Дальнего Востока.

В перспективе процесс неконтролируемого притока населения в региональные столицы не только не способен эффективно решать проблему переселения людей на запад страны, но и может провоцировать снижение рождаемости. Коэффициент суммарной рождаемости остается выше в сельской местности, и молодые женщины, переселяясь в крупные города, меняют свое социальное поведение и могут не решиться на рождение больше одного или двух детей.

Более того, переселение в крупные города провоцирует строительный бум, который в свою очередь провоцирует строительство многоквартирных домов. Несмотря на экономию во время постройки такого жилья (меньше площадь приобретаемой земли, дома имеют типовые архитектурные решения), цены на него,

³¹³ Демография // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Камчатскому краю. URL: <https://kamstat.gks.ru/population> (дата обращения 15.10.2021).

³¹⁴ Население // Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/27977> (дата обращения 15.10.2021).

под воздействием постоянного прибывающего населения, продолжают расти, что не облегчает жизнь переселенцам³¹⁵. Кроме того, зачастую качество инфраструктуры в новых районах, при сдаче домов, бывает не самого высокого уровня (отсутствуют детские сады, не везде подведены дороги). Эти и многие другие факторы способны повлиять на принятие решения о рождении ребенка. Не стоит забывать и о том, что переезд в новый город сам по себе достаточно сложный процесс. Особенно трудно встать на ноги переселенцам, не имеющим возможности сразу приобрести жилье. Тогда рождение первого или следующего ребенка может откладываться.

Рассмотрим тенденции демографической динамики в регионах Сибирского федерального округа на муниципальном уровне. Интересна как ситуация в каждом из регионов в отдельности, так и общая картина процесса трансформации системы расселения, а также факторы ее обуславливающие. Для оценки демографической динамики были взяты показатели естественного прироста, а также миграционный прирост по внутрироссийской миграции. Именно показатель внутрироссийской миграции отражает картину тенденций механического движения населения, так как международная миграция зачастую включает в себя в том числе временных трудовых мигрантов. Международный компонент миграции целесообразно рассмотреть отдельно. Начать рассмотрение можно с самого восточного региона Сибирского федерального округа – прибайкальской Иркутской области. Для Иркутской области характерен типичный для подавляющего большинства регионов России процесс стягивания населения региона в агломерацию города – регионального центра. Большинство районов Иркутской области характеризуется естественной и миграционной убылью населения. Абсолютным лидером по приросту мигрантов как внутрироссийских, так и международных, является Иркутский муниципальный район, простирающийся от г. Иркутска до оз. Байкал вдоль р. Ангары. Растет по количеству прибывших мигрантов также Шелеховский район, находящийся поблизости и вытянутый вдоль трассы «Байкал». С 2018 г. миграционным приростом характеризуется также Эхирит-Булагатский район, находящийся к северо-востоку от Иркутска. Интересно, что сам городской округ Иркутск, начиная с 2015 г., характеризуется устойчивой миграционной убылью населения, которая с 2018 г. уже не перекрывается замедляющимся год от года естественным приростом.

В основном в районах Иркутской области преобладает отъезд населения внутри региона, скорее всего в Иркутскую агломерацию. Исключение составляют города Иркутск, Братск, Усть-Илимск, Зима, Саянск, откуда уезжают преимущественно в другие регионы. Приграничные с Красноярским краем Тайшетский и Нижнеудинский районы также характеризуются преобладанием межрегиональной эмиграции, по всей видимости в Красноярский край. Ряд районов центра Иркутской области отличаются

---

³¹⁵ Мкртчян Н. В. Города востока России «под натиском» демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI вв. Иркутск: «Оттиск», 2013. С. 41-61.

эмиграцией населения и приездом мигрантов из стран СНГ: таковы Киренский, Усть-Илимский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский, Нижнеилимский, Аларский, Боханский районы и города Зима, Усолье-Сибирское, Усть-Илимск.

Ростом населения в Иркутской области характеризуются только 3 района Иркутской агломерации: Иркутский, Шелеховский, Эхирит-Булагатский. Агломерация развивается в сторону Байкала в южном и в восточном направлении. Нет развития на север вдоль Транссиба или на юг в сторону Слюдянского района и трассы «Байкал». При этом основной ресурс роста агломерации связан с внутрорегиональной миграцией, переездом населения из других районов области в районы ближе к региональному центру. Принимая во внимание устойчивый миграционный отток населения из Иркутской области в целом, можно прогнозировать, что с исчерпанием внутреннего демографического ресурса, Иркутская агломерация также придет в упадок. Необходима срочная активизация конкурентных преимуществ каждого из районов области для сохранения населения на их территориях.

В Красноярском крае ситуация похожа, но имеет индивидуальные особенности. Ростом населения характеризуется Красноярская агломерация (г. Красноярск, окружающие его Емельяновский и Березовский районы, г. Дивногорск, г. Сосновоборск). В самом Красноярске замедляется рост населения, с 2017 г. набирает объемы отток населения в другие регионы. Рост агломерации связан с переездом населения из удаленных районов и городов Красноярского края, что говорит о его экстенсивном характере и исчерпаемости в будущем. Приростом населения характеризуется также город Норильск: в нем наблюдается высокий естественный прирост за счет молодого населения при миграционной убыли.

Более половины муниципальных районов Красноярского края характеризуются замещающей миграцией: отъездом местного населения и приездом мигрантов из стран СНГ и других стран. Особенно большое сальдо миграции из стран СНГ наблюдалось в 2018 г. в Эвенкийском районе (667), что может быть связано с эксплуатацией нефтепровода Куюмба-Тайшет или освоением нефтегазовых месторождений. Аналогично, сильно выражена замещающая миграция в городах Лесосибирске (сальдо 149 чел. со странами СНГ и 11 чел. с другими странами), и Норильске (сальдо миграции со странами СНГ составляло более 800 чел. ежегодно в 2015-2016 гг., при активной эмиграции местного населения). В Красноярском крае ярко выражена замещающая миграция: переезд местного населения в другие регионы России и прирост иммиграции из других стран.

Демографические процессы в Республике Хакасия оказываются еще более сжатыми к региональному центру: ростом населения к 2018 г. характеризуется только г. Абакан. Замещающая миграция характерна, как и в Красноярском крае, для промышленного города Саяногорска, а также для Ширинского района возможно из-за золотодобычи на Коммунарском руднике.

Республика Тыва отличается от других регионов прежде всего высоким уровнем естественного прироста. В большинстве районов естественный прирост опережает миграционный отток населения, обеспечивая рост населения в целом. Только в Барун-Хемчикском и Каа-Хемском кожуунах отмечается убыль населения. Миграционным же приростом в Тыве, как и в других регионах, характеризуется только агломерация регионального центра: (Кызыльский, Тандинский кожууны). Сам город Кызыл отличается миграционной убылью населения.

В Кемеровской области к 2018 г. во всех городах и районах сложилась сплошная демографическая убыль. Даже агломерация регионального центра города Кемерово не отличается трендом устойчивого роста, в некоторые годы скатываясь в убыль. При постоянной естественной убыли город Кемерово в 2018 г. характеризовался общей убылью населения в связи со снижением миграционного притока в него. При этом международная миграция из стран СНГ в основном везде в регионе имеет положительное сальдо, особенно оно высоко в Кемерово и Новокузнецке. Новокузнецк характеризуется устойчивой убылью населения по показателям внутрироссийской миграции и естественной убыли.

Сплошная отрицательная динамика отмечается во всех городах и районах Омской области, особенно по миграционной убыли населения в пределах России.

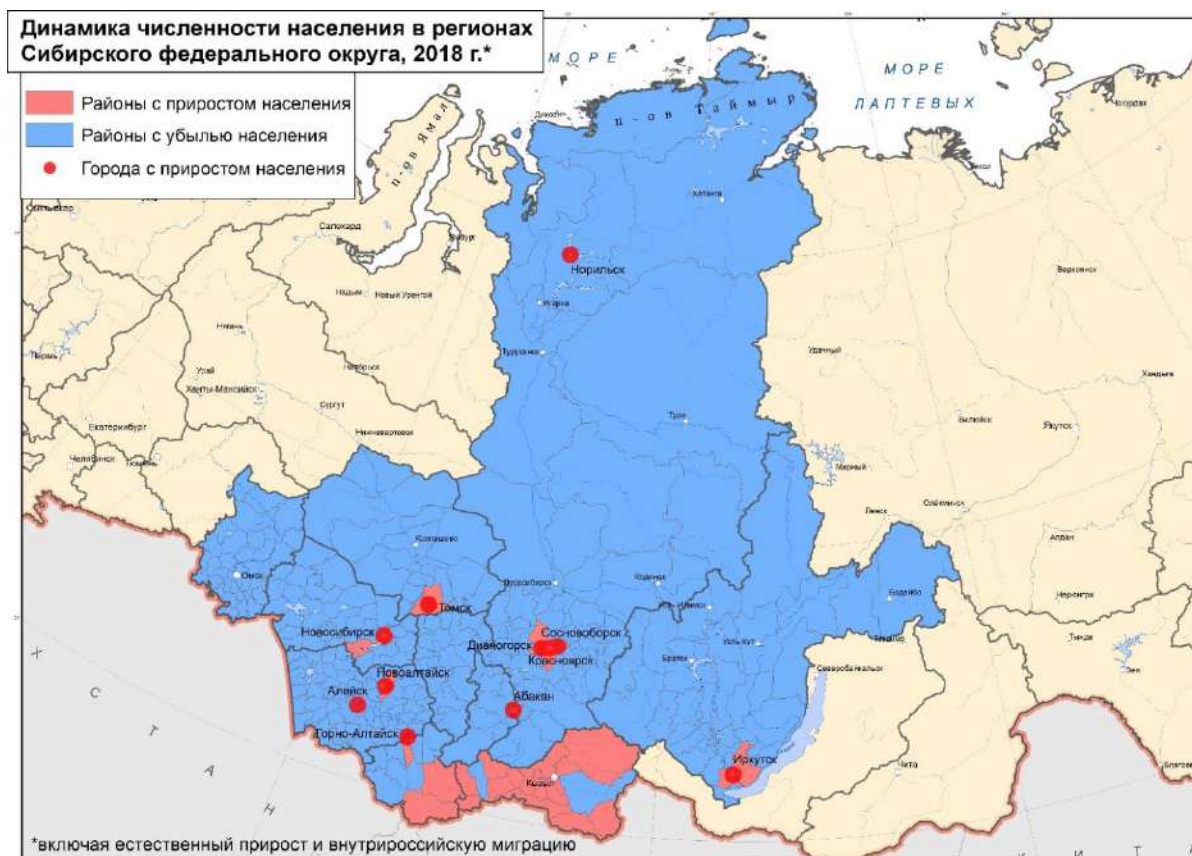
В Новосибирской области положительную демографическую динамику имеют только районы и города Новосибирской агломерации (Новосибирск, Новосибирский район, города Бердск, Обь, поселок Кольцово, Ордынский район). Ордынский район придает зоне демографического роста юго-западный уклон. Вытянутый вдоль Оби к югу от Новосибирска, он является одним из передовых районов области по количеству фермерских хозяйств, производству сельскохозяйственной продукции и продуктов питания.

В Алтайском крае ростом характеризуются только прилегающие к Барнаульской агломерации Первомайский район и г. Новоалтайск, а также город Алейск. Все они растут за счет внутрирегиональной миграции, значит с исчерпанием демографического ресурса внутри Алтайского края экстенсивный рост сменится убылью.

В Томской области ростом населения характеризуются только город Томск и прилегающий к нему Томский район.

Дифференцированная картина в плане демографической динамики наблюдается в Республике Алтай, где рост населения отмечен в приграничном Кош-Агачском, а также в Майминском, Улаганском, Чемальском районах и в городе Горно-Алтайске.

На рисунке 5 представлена карта демографических процессов в регионах Сибирского федерального округа.

Рисунок 5. Карта динамики роста и убыли населения в регионах Сибирского федерального округа

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Почти повсеместно в регионах Сибирского федерального округа рост численности населения отмечается только в агломерациях региональных центров. Демографическая ситуация такова, что в регионах отсутствуют какие-либо точки роста, кроме региональных центров, растущих за счет внутрирегионального демографического ресурса. Исключение составляет только город Норильск в Красноярском крае, растущий за счет естественного прироста и город Алейск Алтайского края, чей рост обусловлен переездом жителей из близлежащего района. Экстенсивная модель роста ведет к истощению демографического потенциала регионов, а также к исчерпанию демографического ресурса в самом ближайшем будущем. В Кемеровской и Омской областях к 2018 г. не осталось ни одной точки роста, а в агломерациях региональных центров большинства субъектов Сибири отмечается замедление темпов роста. Особняком держатся Республики Алтай и Тыва, сравнительно равномерный рост населения в которых обусловлен высоким естественным приростом, а в Республике Алтай – еще и высокой аттрактивностью ландшафтов, что обуславливает ее миграционную привлекательность.

Таким образом, имеют место усиливающиеся процессы сжатия населения, а строго говоря, деградации всей системы расселения Сибири. Миграционные тренды

обусловлены градиентами в уровне заработной платы. Система муниципального развития в настоящее время такова, что рост, за редким исключением, может иметь место лишь в столицах регионов и то лишь за счет наличия демографического ресурса внутри региона. Необходима активизация локальных экономик городов и сельской местности, иная система муниципального развития с большим распределением налоговых и неналоговых доходов на муниципальный уровень. Экономические рычаги помогут остановить процесс деградации опорного каркаса расселения, придав ему устойчивость, задействуя внутрорегиональный потенциал развития.

Заключение

Таким образом, российский Дальний Восток и Сибирь продолжают активно терять людей и большинство реализуемых в этом вопросе инициатив не решают проблемы естественной убыли и отрицательного сальдо миграции. Кроме того, в условиях второй волны депопуляции население в этом регионе будет сокращаться еще быстрее. Активная поддержка относительно развитых центров и недостаточное внимание к перспективным, но более проблемным точкам роста провоцирует концентрацию населения в крупных агломерациях, которые на межрегиональном уровне также имеют миграционный отток.

Вопросу межмуниципальной миграции уделяется не так много внимания. Между тем понимание причин, по которым люди переезжают из малых городов и сельской местности может дать ответ на вопрос о переселении людей с Дальнего Востока в целом. В первую очередь население едет в крупный город в поисках заработка. Однако на данный момент в региональных центрах, потребность в высококвалифицированных, а значит и высокооплачиваемых кадрах ниже, чем число прибывающих. Низкооплачиваемый труд при более высоких затратах на проживание толкает население на новый переезд в поисках лучших условий. Таким образом, утверждения о том, что сохранить население Дальнего Востока можно только в крупнейших городах являются весьма спорными.

Пока что нельзя дать однозначную оценку процессам трансформации системы расселения в Сибири и Дальнем Востоке. Однако уже сейчас становится очевидным, что нынешний подход к управлению этим вопросом не дает полных гарантий решения уже существующих проблем. В таком случае имеет смысл искать альтернативный путь, подразумевающий развитие в регионах новых перспективных экономических центров, которые будут концентрировать значительную часть населения, а также развивать современную модель расселения и пространственного развития Российской Федерации, адаптированную под природно-климатические и демографические условия в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Для этого высокой практической значимостью обладает разработанное в рамках настоящего исследования веб-приложение на основе современных технологий ГИС-

моделирования, позволяющее визуализировать динамику демографической ситуации и трансформации систем расселения в рассматриваемых регионах.

Данный подход позволяет наглядно и комплексно изучить проблему, оценить влияние демографических факторов на характер расселения населения Сибири и Дальнего Востока. Интерфейс приложения представляет собой область с картографической основой и возможностью отображения запрашиваемых статистических показателей как на карте, так и в виде диаграмм, графиков, таблиц и других способов визуализации. Веб-ГИС позволит в удобном формате не только оценивать актуальные данные, но и проследить за динамикой демографических показателей с помощью временной шкалы, а также ознакомиться с полученными в ходе исследования прогнозными моделями. В процессе дальнейшей разработки веб-приложения предполагается создание базы данных с использованием СУБД PostgreSQL с расширением PostGIS. База данных будет включать как пространственные данные в формате shapefile так и данные статистики по исследуемым регионам. Основным достоинством веб-ГИС является архитектура, позволяющая актуализировать показатели, отображаемые в веб-приложении посредством обновления базы данных.

2.11. ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Введение

Природные условия и климат являются одним из важнейших факторов, влияющих на социально-экономическое развитие регионов и определяют особенности размещения населения России. Переход к постиндустриальной, преимущественно сервисной и цифровой экономике стал оказывать существенное влияние на пространственное расселение населения страны. Еще во второй половине XX века концепция опорного каркаса размещения подразумевала создание экономических «узлов», привязанных к месторождениям полезных ископаемых, источникам дешевой электроэнергии и формирование транспортных связей между подобными крупными центрами развития. При этом продолжение процессов урбанизации обеспечивало относительно свободное перемещение населения из «старых», аграрных районов страны, в «новые», индустриальные центры.

В настоящее время производственные цепочки все меньше и меньше требуют сосредоточения большого числа населения в отдаленных и некомфортных для проживания районах страны. Цифровизация экономики позволяет современным корпорациям успешно использовать зонтичную структуру организации, не требующую концентрации всех людских ресурсов в одном месте. В свою очередь, это влияет на процессы расселения, позволяя все большему числу людей находить работу в своих городах. Свою роль внесла и пандемия COVID-19, которая продемонстрировала широкие возможности удаленной работы.

Безусловно, миграционные процессы обладают мощной инерцией, а ряд традиционных отраслей экономики (добывающая промышленность, сельское хозяйство и др.) по-прежнему создают спрос на рабочую силу в районах сосредоточения ресурсного потенциала. Однако можно утверждать, что тенденции развития экономики в будущем только снизят влияние факторов, притягивающих население в отдаленные районы страны, проживание в которых по тем или иным причинам является некомфортным. Таким образом, природно-климатический фактор в перспективе будет становиться все более и более значимым при расселении населения России.

Учитывая такую направленность естественных процессов, необходимо комплексно подходить к проблеме выработки государственной политики по управлению миграционными потоками внутри страны. При реализации госполитики в последние десятилетия в России вновь стало уделяться значительное внимание отдаленным и менее доступным регионам страны – Арктике, Дальнему Востоку, что привело в том числе и к созданию профильного министерства, курирующего развитие

данных территорий. Реализуемые государственные программы содействия заселению дальневосточных, северных и приграничных регионов в азиатской части страны свидетельствуют о том, что важным аспектом российской стратегии является стремление к оптимальному размещению населения, позволяющему территориям использовать свой потенциал развития. Подобное размещение должно учитывать и природно-климатические условия, оказывающие значительное влияние на структуру пространственного размещения населения.

Роль климатических факторов в размещении населения Сибири и Дальнего Востока

Значительная часть территории Сибири и Дальнего Востока подвержены негативным климатическим проявлениям. К ним относят температурный фактор (экстремальная жара или низкая температура, а также значительные перепады температур), изменчивость атмосферного давления, стихийные явления (землетрясения, наводнения, сели, тайфуны и др.), высокое суммарное количество осадков и др. На сегодняшний день не существует единой общепринятой классификации регионов или отдельных территорий по природно-климатическим особенностям (кроме наиболее простого деления на климатические зоны), однако ведется активная работа по ее составлению. Так, совсем недавно был подписан Приказ Минэкономразвития России от 13 мая 2021 г. № 267 «Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации к изменениям климата»³¹⁶, определяющий природно-климатические риски, которые должны учитываться при оценке безопасности регионов страны. Ранее, в октябре 2020 г. Приказом Минприроды России «Об утверждении Типового паспорта климатической безопасности территории субъекта Российской Федерации» был введен климатический паспорт регионов страны. Предполагается, что указанный паспорт будет использоваться для определения потенциальных природно-климатических рисков и оценки их возможных последствий для экономики и социальной сферы регионов страны, а также для выработки мер по предотвращению негативных последствий и формированию финансовых резервов для их устранения.

Таким образом, органами государственной власти в России проводится планомерная работа по изучению влияния природно-климатических факторов на различные аспекты жизни населения страны.

Следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, внимание при изучении климата сфокусировано на влиянии природных процессов на экономику страны и ее регионов, в то время как их воздействие на размещение населения

---

³¹⁶ Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации к изменениям климата : Приказ Минэкономразвития России от 13 мая 2021 г. № 267 // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b3cc582c24e7367170b5605f1199c6a9/267_13052021.pdf (дата обращения 15.09.2021).

рассматривается лишь косвенно. Во-вторых, климатические паспорта составляются на уровне субъектов РФ, в то время как внутри крупных субъектов страны возможно наличие совершенно разных с климатической точки зрения территорий.

В связи с этим целесообразно рассматривать не административные, а научные подходы к определению природно-климатических особенностей регионов. Так, в работе под редакцией А. Н. Золотокрылина, В. В. Виноградовой и О. Б. Глезер вводится классификация территорий на основании интегрального показателя природной дискомфортности, где вся территория России разделена на семь зон от наиболее благоприятной до абсолютно неблагоприятной³¹⁷. На территории Сибири и Дальнего Востока представлены шесть зон (кроме наиболее благоприятной). Абсолютно неблагоприятная зона занимает территорию арктического побережья севернее 70°с.ш. (в районе п-ва Таймыр – севернее 65°с.ш.), формирование постоянного населения в данной зоне не рекомендуется по медико-географическим показателям. Очень неблагоприятная зона проходит широкой полосой от 63°с.ш. до 70°с.ш. и характеризуется высокой степенью воздействия на адаптационные системы переселенцев, что также делает территории малопригодными для постоянного проживания (свыше 2-3 лет). Неблагоприятная и условно неблагоприятная зоны занимают большую часть Сибири и Дальнего Востока – кроме узкой полосы в Южном и Восточном Приамурье и южной равнинной части Западной Сибири. Здесь рекомендовано очаговое заселение территории, поскольку природное воздействие на организм человека также приводит к перенапряжению его адаптивных систем. Наконец, упомянутые территории в южной части Дальнего Востока и равнинная территория к западу от озера Байкал относятся к условно благоприятной и благоприятной зонам, однако их площадь составляет всего 6% в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) и 17% в Сибирском федеральном округе (СФО).

Негативную роль климатического фактора в расселении в Сибири и на Дальнем Востоке подтверждает и постановление Правительства РФ о местностях с особыми климатическими условиями – вся территория ДФО и практически вся территория СФО относятся к 4 основным категориям – сухопутные территории арктической зоны, районы Крайнего Севера, приравненные к районам Крайнего Севера, южные районы Восточной Сибири и Дальнего Востока, а на остальной территории СФО применяются районные коэффициенты, применяемые в связи с климатическими условиями.

Таким образом, на территории СФО и ДФО климатические характеристики являются выталкивающим фактором для населения, стимулируют миграционный отток из данных регионов, а привлечение переселенцев в субъекты федерации, входящие в рассматриваемые федеральные округа, требует дополнительного стимулирования и создания приемлемых условий проживания, т.е. провоцирует повышенные расходы бюджетных средств. При этом проживание постоянного

³¹⁷ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

населения на большей части территории Сибири и Дальнего Востока может быть целесообразно с экономической или политической точки зрения, однако учеными-демографами, климатологами и медиками эти территории рассматриваются как неблагоприятные. Здесь или не рекомендуется расселение постоянного населения, либо рекомендовано очаговое заселение.

Природно-климатический фактор традиционно называют в качестве одного из тех, которые напрямую влияют на особенности размещения населения. Тем не менее, степень этого влияния весьма неопределенная, особенно когда речь идет не о вынужденном переселении, а о долговременном процессе размещения, на который влияет целый ряд факторов. Исследователи отмечают, что роль климатического фактора возрастает, если направление его влияния совпадает с направлением влияния экономического фактора, и при исследовании воздействия климата и его изменений на жизнедеятельность населения необходимо учитывать, как действуют климатический и иные факторы – равно- или разнонаправленно³¹⁸.

При анализе размещения населения Сибири и Дальнего Востока с учетом природно-климатических факторов необходимо дать оценку характеру заселенности этих территорий относительно остальной части России. Рассматриваемые территории лишь частично входят в главную или основную полосу расселения страны, к которой относят своеобразный треугольник «Санкт-Петербург – Сочи – Владивосток»³¹⁹. При этом ряд авторов сужают этот треугольник, отмечая Иркутск или даже Красноярск или Абакан в качестве его восточной вершины. На этой территории, занимающей около 30% площади страны сконцентрированы около 93% населения. Основная полоса расселения характеризуется благоприятными условиями для производства и трудовой деятельности, наблюдается транспортная взаимная доступность территорий, упрощающая мобильность граждан и перевозку необходимых грузов.

Вместе с тем, ряд исследователей обращают внимание на то, что даже территории основного расселения в России частично расположены в неблагоприятных с климатической точки зрения районах страны. Практически на всей территории Дальнего Востока и на всей территории Сибири январские температуры ниже -16°C . При этом севернее этой изотермы в Северной Америке проживает крайне мало населения (плотность ниже 1 чел. на 1 км^2), в то время как в России в таких погодных условиях расположены города-миллионники (Омск, Новосибирск) и другие крупные населенные пункты³²⁰. Как уже было отмечено выше, причиной этого является необходимость освоения территорий с точки зрения добычи полезных ископаемых,

³¹⁸ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

³¹⁹ Обедков А. П. Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 14-1. С. 863-870.

³²⁰ Семенова И. С. Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северных и Восточных районах России: дис. ... кандидата географических наук: 25.00.36. Санкт-Петербург, 2003. 208 с.

создания производств в непосредственной близости от ресурсной базы, а также политические соображения, по которым как в период Российской Империи, так и во времена СССР руководство страны стремилось заселить эти территории, защищая суверенитет.

Рассматриваемые территории Сибири и Дальнего Востока характеризуются очаговым заселением – даже та часть макрорегионов, которая входит в основную полосу, отличается от европейской части России и южной части Уральского федерального округа значительными расстояниями между населенными пунктами, низкой связностью дорожной инфраструктуры, ограниченной доступностью транспорта. Таким образом, предметом анализа являются территории, заселение которых формировалось и продолжает формироваться по несколько иному принципу, чем в остальной части России.

Приведем несколько эмпирических соображений относительно анализа влияния природно-климатических факторов на демографические и миграционные процессы в Сибири и на Дальнем Востоке.

Во-первых, с учетом нахождения большей части региона вне основной полосы расселения следует отказаться от прямого сравнения численности и плотности населения между регионами. Именно климатические факторы делают значительную часть Сибири и Дальнего Востока экономически неэффективной (такой принято считать территорию, расположенную выше 2000 метров над уровнем моря или имеющую среднегодовую температуру ниже -2°C). Сравнение плотности населения допустимо с определенными оговорками.

Во-вторых, постсоветский период развития России продолжается достаточно длительное время, чтобы можно было говорить о том, что «административный» фактор расселения уже был нивелирован естественными экономическими и социально-демографическими процессами, однако при анализе лучше оценивать не абсолютные показатели численности населения, а относительные – его прирост или убыль за определенный период, интенсивность внутренней миграции и т.д.

В-третьих, проблемы анализа влияния природно-климатических факторов на расселение населения связаны с недостатком данных, которые можно напрямую соотносить между собой. Сведения о демографических показателях и миграционная статистика, как правило, доступны на уровне регионов России, т.е. учитывается административное деление страны. В то же время климатические показатели представлены в ином разрезе – либо по отдельным населенным пунктам (температура, осадки, сейсмическая активность и т.д.), либо по физико-географическим регионам, что практически исключает возможность их прямого сопоставления.

Особенно сложным становится анализ тех регионов, которые находятся за пределами основной полосы расселения населения России. Субъекты федерации в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах отличаются большой площадью и расположением сразу в нескольких климатических зонах, что позволяет дать им

слишком общую оценку благоприятности или неблагоприятности климата, которая может влиять на размещение населения страны.

Исследователи климата также отмечают, что использование усредненных показателей «по каждому региону лишь условно может характеризовать всю его территорию»³²¹. Те же авторы приходят к выводу, что «использование для сопряженного анализа природно-климатических условий и демо-социально-экономической обстановки районирования, основанного не на региональной, а на муниципальной статистике с соответствующей более дробной сеткой территориальных единиц, позволило бы делать меньше допущений при отнесении территорий к тем или иным типам». Тем не менее, муниципальная демографическая и миграционная статистика в России чрезвычайно фрагментирована и малодоступна, что затрудняет возможность верификации эмпирических предположений относительно влияния климатических факторов на расселение.

Ниже приведены таблицы для Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, в которых объединена классификация регионов с точки зрения благоприятности климата и основные демографические показатели. Источником приведенных критериев благоприятности и неблагоприятности климата являются работы российских ученых-климатологов и нормы, установленные приказом главного санитарного врача России, источником сведений о демографических показателях – база данных Росстата (см. табл. 1, 2).

---

³²¹ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

Таблица 1

Демографические и климатические показатели регионов СФО

	СФО	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Население, тыс. чел (конец 2019)	17118,0	220	327	534	2317	2866	2391	2658	2798	1927	1080
Население, тыс. чел (среднегодовая 2019)	17145,9	219,5	325,9	535,2	2325,0	2870,1	2394,5	2666,1	2795,8	1935,4	1078,4
Доля городского населения (% , 2019)	74,3	29,3	54,3	69,8	56,9	77,5	78,1	86,1	79,2	72,9	72,4
Коэффициент рождаемости (родившихся на 1000 человек, 2019)	10,4	13,6	18,6	10,4	9,1	10,5	11,8	9,0	10,7	9,8	9,9
Коэффициент смертности (умерших на 1000 человек, 2019)	12,9	10,1	8,3	12,5	14,0	12,2	13,2	14,2	12,7	12,6	11,3
Прирост /убыль (% к населению, 2019)	-0,3	0,4	0,8	-0,3	-0,7	-0,1	-0,3	-0,8	0,2	-0,8	-0,1
Естественный прирост /убыль (на 1000 человек, 2019)	-2,5	3,5	10,3	-2,1	-4,9	-1,7	-1,4	-5,2	-2,0	-2,8	-1,4

Демографические и климатические показатели регионов СФО

Продолжение таблицы

	СФО	Республика Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Иркутская область	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Миграционный прирост /убыль (на 10000 человек, 2019)	-7,0	25,0	-12,0	-15,0	-18,0	-10,0	-14,0	-9,0	37,0	-63,0	30,0
Площадь субъекта федерации, тыс. км ²	4361,7	92,9	168,6	61,6	168,0	2366,8	774,8	95,7	177,8	141,1	314,4
Плотность населения (чел/км ² 2019)	3,93	2,36	1,93	8,69	13,84	1,21	3,09	27,86	15,72	13,72	3,43
Климатические условия проживания ³²²		Нейтральные	Нейтральные	Нейтральные	Нейтральные	Нейтральные*	Нейтральные	Нейтральные	Нейтральные	Благоприятные	Нейтральные
Климатические условия по ГОСТ ³²³		II	II	-	-	Iб, II	Iб, II	II	II	II	Iа, Iб, II

³²² Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

³²³ Р 2.2.2006-05. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200040973> (дата обращения 15.09.2021).

Таблица 2

Демографические и климатические показатели регионов ДФО

	ДФО	Республика Бурятия	Республика Саха	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
Население, тыс. чел (конец 2019)	8169,0	986	972	1060	313	1896	1316	790	140	488	158	50
Население, тыс. чел (среднегодовая 2019)	8178,9	984,6	969,5	1062,7	313,9	1899,3	1318,6	791,6	140,7	488,9	159,1	50,0
Доля городского населения (% , 2019)	72,9	59,2	66,1	68,2	78,5	77,4	82,1	67,7	96,1	82,3	68,7	71,5
Коэффициент рождаемости (родившихся на 1000 чел., 2019)	11,1	12,7	13,2	11,8	10,5	9,6	10,9	10,0	9,1	11,9	10,6	10,5
Коэффициент смертности (умерших на 1000 чел., 2019)	12,2	11,0	7,8	12,4	11,0	13,6	13,3	14,0	11,6	12,5	14,2	9,1
Прирост /убыль (% к населению, 2019)	-0,4	-0,1	0,3	-0,7	-0,3	-0,5	-0,5	-0,7	-2,0	-0,1	-1,3	0,6
Естественный прирост /убыль (на 1000 чел., 2019)	-1,1	1,7	5,4	-0,6	-0,5	-4,0	-2,4	-4,0	-2,5	-0,6	-3,6	1,4

Демографические и климатические показатели регионов ДФО

Продолжение таблицы

	ДФО	Республика Бурятия	Республика Саха	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Еврейская АО	Чукотский АО
Миграционный прирост /убыль (на 10000 чел., 2019)	-13,0	11,0	-2,0	-52,0	-50,0	4,0	-21,0	0,2	-53,0	-22,0	-65,0	111,0
Площадь субъекта федерации, тыс. км ²	6952,6	351,3	3083,5	431,9	464,3	164,7	787,6	361,9	462,5	87,1	36,3	721,5
Плотность населения (чел/км ² , 2019)	1,18	2,80	0,31	2,46	0,68	11,53	1,67	2,19	0,30	5,61	4,38	0,07
Климатические условия проживания		Нейтральные	Неблагоприятные	Нейтральные	Неблагоприятные	Нейтральные	Неблагоприятные	Благоприятные	Неблагоприятные	Нейтральные	Благоприятные	Неблагоприятные
Климатические условия по ГОСТ		II	Ia, Ib	II	Ib	-	Ib, II	II	Ia, Ib	Ib, II	-	Ia

В представленной таблице представлены два критерия оценки климатических условий проживания. В первом учитывается интегральная оценка дискомфорта, которая позволяет разделить территории на 7 основных категорий (описано выше). При этом, с учетом масштаба рассматриваемых субъектов, дается укрупненная оценка – регион признается благоприятным, нейтральным или неблагоприятным с точки зрения проживания³²⁴. Вторым критерием обусловлен представленностью региона (или его отдельных территорий) в Руководстве по гигиенической оценке факторов рабочей среды³²⁵. Согласно этой классификации, территории Ia относятся к «особому», т.е. крайне неблагоприятному климатическому поясу, Ib – к неблагоприятному, II – условно благоприятному. Отсутствие в таблице какого-либо обозначения для региона означает отсутствие на его территории климатических зон, где требуется установление специальных условий труда из-за природных или погодных условий.

Теоретически, наибольшее влияние климатические условия могут оказывать на показатели миграционного прироста и, в меньшей степени, на показатели смертности. Неблагоприятные условия проживания должны оказывать выталкивающее воздействие на население, которое не будет закрепляться на подобных территориях даже несмотря на экономические стимулы (наличие большого числа рабочих мест, высокий уровень оплаты труда, льготный выход на пенсию и т.д.). Аналогично неблагоприятный климат оказывает негативное воздействие на адаптационные механизмы человеческого организма, провоцируя рост заболеваемости и, как следствие, снижение ожидаемой продолжительности жизни, повышение смертности.

Несмотря на это, анализ указанных показателей совместно с представленными данными по климату регионов не дает установить однозначную связь между климатическими условиями и демографическими показателями. Так, в ДФО наиболее высокий уровень смертности наблюдается в Еврейской автономной и в Амурской областях, где климат характеризуется как благоприятный, а в СФО – в Кемеровской области и Алтайском крае (нейтральный климат). Напротив, наименьшие показатели смертности зафиксированы в ДФО в Республике Саха и Чукотском автономном округе (неблагоприятные условия), а в СФО – в Республике Тыва (нейтральные).

Максимальная миграционная убыль в ДФО зафиксирована в Еврейской АО и в Магаданской области, где по указанным классификациям климат различается полярно – благоприятный и неблагоприятный соответственно, а максимальный прирост – в Чукотском АО (неблагоприятный климат). Даже если исключить из анализа Чукотский АО со сравнительно небольшой численностью населения, что может вызывать статистические ошибки, заметный миграционный прирост наблюдается в Бурятии, где климатические условия нейтральные. В СФО наблюдается аналогичная картина –

³²⁴ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

³²⁵ Р 2.2.2006-05. Руководство по гигиенической оценке факторов рабочей среды и трудового процесса // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200040973> (дата обращения 15.09.2021).

наибольшая миграционная убыль отмечена в Омской области с благоприятными климатическими условиями, а прирост – в Новосибирской, где условия нейтральные.

Таким образом, можно сделать вывод, что простой анализ базовых демографических показателей не позволяет однозначно идентифицировать климатические условия как заметный фактор при принятии населением решения о миграции. Также климатический фактор не может быть напрямую увязан с показателями смертности без предварительного очищения данных от более значимых факторов – доступности медицинских услуг и их развитость в регионе, вовлеченности населения в самосохранительное поведение, экономических аспектов, влияющих на качество жизни, и т.д.

Однако, в различных работах, охватывающих постсоветский период развития России, указывается на то, что Сибирь и Дальний Восток сразу после распада СССР потеряли больше населения (в % от общего числа), чем остальные территории страны. Так за 1992-2001 гг. численность населения снизилась на 5,5% против 2,4% по России в целом³²⁶. При этом в России основным драйвером этих процессов являлась естественная убыль населения, в то время как в регионах, впоследствии вошедших в состав ДФО и СФО, больший объем сокращения пришелся на отрицательное миграционное сальдо. В дальнейшем эта тенденция сохранилась, и несмотря на реализацию программ по поддержке численности населения на Дальнем Востоке, оно продолжает сокращаться за счет миграционного оттока.

Безусловно, причиной этого стали не только климатические условия, но и проблемы со снабжением региона товарами (в 1990-е годы), закрытием производств и сокращением числа рабочих мест, плохой инфраструктурой. Однако, в ряде работ отмечается как прямое негативное влияние природно-климатических факторов на миграционные процессы, так и возрастание роли климатических условий в размещении производства и населения при переориентации российской экономики³²⁷. Таким образом, природно-климатический фактор становится одним из наиболее значимых при формировании модели расселения населения, однако его опосредованное влияние (через экономику регионов) затрудняет оценку степени этого воздействия.

Степень влияния природно-климатических факторов на миграцию населения можно оценить по результатам социологических опросов и исследований, включающих в себя интервью с потенциальными мигрантами. В большинстве из них рассматриваемый аспект упоминается в качестве фактора второго-третьего порядка после экономических причин (уровень заработной платы, стоимость жизни, наличие рабочих мест) и наравне с социальными (возможность самореализации, потребность в

---

³²⁶ Семенова И. С. Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северных и Восточных районах России: дис. ... кандидата географических наук: 25.00.36. Санкт-Петербург, 2003. 208 с.

³²⁷ Там же.

качественном образовании)³²⁸. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2018 г. приводил результаты исследования «Демографическая ситуация в ДФО в зеркале социологии», согласно которому 28% жителей федерального округа хотели бы покинуть Дальний Восток. При этом 23% потенциальных мигрантов не устраивает уровень зарплат, на отсутствие возможностей для трудоустройства и профессиональной самореализации указывают 17 процентов респондентов, 28 процентов опрошенных не устраивает уровень развития инфраструктуры и условия жизни в целом, еще 18 процентов жалуются на неблагоприятный климат³²⁹. Схожие результаты показывают и соцопросы, проводимые СМИ, региональными органами власти и неправительственными организациями. Таким образом, можно сделать вывод, что природно-климатические причины являются вытесняющими для СФО и ДФО, оцениваются потенциальными эмигрантами как важные, но второстепенные, дополняющие более значимые экономические и социальные причины.

Опубликованные российскими географами исследования климата с привязкой к социально-экономическим и демографическим показателям также указывают на то, что в пространственном измерении корреляция между природными условиями и демографической статистикой отмечается эпизодически³³⁰. Демографически неблагополучные регионы, как было показано выше в представленных таблицах, могут располагаться как в благоприятных природных условиях, так и в неблагоприятных. Лишь на «экстремальных» территориях однозначно наблюдаются негативные демографические тенденции, что неудивительно, поскольку медицинские исследования указывают на нецелесообразность формирования постоянного населения в таких районах.

Одновременно с этим отмечается, что хуже всего коррелируют с природно-климатическими условиями показатели экономического развития регионов. То есть, территории с плохим климатом, как правило, оказываются более развитыми экономически. Этому есть логичное объяснение: такие регионы малолюдны, но при этом богаты природными ресурсами (в относительном измерении), что позволяет эффективно развивать инфраструктуру, платить высокие зарплаты и т.д. Такая особенность развития экономики страны порождает явление «долговременной вахты», когда население приезжает в города с экстремальным климатом (Норильск, Салехард, Новый Уренгой и т.д.) с готовностью покинуть их через 5-10 лет, накопив достаточно средств или получив соответствующие льготы к будущей пенсии. В этом контексте

³²⁸ Самаруха В. И., Краснова Т. Г., Плотникова Т. Н. Миграционное движение населения регионов Сибири // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 1. С. 56–62.

³²⁹ Дальневосточный форум «Сообщество» - «Дальний Восток: проблемы развития» // Минэкономразвития Хабаровского края. 08 октября 2018 г. URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/novosti/4368> (дата обращения: 21.09.2021).

³³⁰ Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бокучава, Т. Л. Бородин, В. В. Виноградова [и др.]. М.: Институт географии РАН, 2018. 154 с.

климатические условия заранее являются причиной предстоящей эмиграции из подобных регионов.

Существенные экономические различия между «сырьевыми» городами и другими населенными пунктами СФО и ДФО приводят также к ситуации, в которой соседние и схожие по природно-климатическим условиям регионы могут демонстрировать принципиально различный уровень демографической обстановки.

Таким образом, влияние климатического фактора на расселение населения значительно снижается при сильном влиянии экономического аспекта, а также этнических особенностей регионов. При разнонаправленном воздействии, как это было показано выше, природные условия фактически перестают играть роль. Особенно это заметно при совмещении неблагоприятной экономической обстановки с благоприятными климатическими условиями: климат сам по себе не привлекает население, не оказывает заметного воздействия на показатели смертности и т.д. (примеры: Еврейская АО, Омская область). Напротив, неблагоприятный климат не останавливает приток людей в экономически привлекательные регионы (сохраняя, однако, высокую интенсивность миграционного обмена и низкие показатели эффективности миграции).

Однако, при однонаправленном действии указанных факторов (для СФО и ДФО речь, как правило, идет о сочетании неблагоприятных экономических и климатических условий) природные условия усиливают эффект экономической обстановки в регионе. Это приводит, в частности, к массовому оттоку населения из ряда регионов Сибири и Дальнего Востока, где не удалось создать экономически привлекательные территории.

Влияние изменения климата на расселение

Заметное влияние на особенности расселения населения на Дальнем Востоке и в Сибири в долгосрочной перспективе будет оказывать изменение климата. Современные исследования позволяют рассмотреть несколько сценариев, каждый из которых указывает на серьезные последствия потепления климата для всей мировой экономики и для миграционных процессов.

Потенциальная численность климатических мигрантов в мире к 2050 г. оценивается в различных источниках от 50 млн до 1 млрд человек. Наиболее авторитетные источники называют цифры в 140-200 миллионов. Вместе с тем, Россия относится к странам, которые потенциально могут выиграть от изменения климата. Так, в докладе исследователей Принстонского университета «Экономическая география глобального потепления» указывается на то, что потери, связанные с ликвидацией последствий природных катастроф, не превысят положительного

эффекта от роста площади пригодных для жизни и хозяйственной деятельности территорий³³¹.

Ряд экспертов указывают на то, что потепление климата может сделать малонаселенную Сибирь и Дальний Восток перспективными регионами для размещения потенциальных климатических мигрантов. Наиболее вероятными странами происхождения называют государства Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Туркмения, Казахстан), где засуха и повышение температуры сделают непригодными для проживания значительные территории³³².

Повышение среднегодовых температур уже снизило долю территорий с крайне неблагоприятными и неблагоприятными природно-климатическими условиями проживания в СФО и ДФО по сравнению со средними значениями второй половины XX века, а дальнейшие изменения позволят перейти от рекомендованного очагового заселения или освоения вахтовым методом к статусу территорий, где проживание постоянного населения не несет существенной нагрузки на адаптивные системы организма человека. Вместе с тем, следует учитывать, что эти процессы будут сопряжены с таянием вечной мерзлоты на рассматриваемых территориях, что потребует существенных инвестиций в модернизацию транспортной, жилищной и иной инфраструктуры городов СФО и ДФО и транспортных артерий между ними.

Заключение

Дальневосточный регион России и Сибирь являются территориями, заселение которых стимулировалось как во времена Российской Империи, так и в СССР. Цели этого заселения хорошо изучены историками и сочетают в себе комплекс политических (высылка политических и уголовных преступников, подтверждение суверенитета над территориями) и экономических (необходимость разрабатывать месторождения полезных ископаемых, поддерживать транспортную инфраструктуру) факторов.

В постсоветский период Дальний Восток и Сибирь потеряли (в процентном соотношении) больше населения, чем другие территории России, причем климат являлся одним из существенных факторов оттока населения. Тем не менее, задачи, стоящие перед нашей страной, сохраняют необходимость заселения данной территории для освоения и развития. Тем не менее, большая часть двух федеральных округов расположена в климатических поясах, где формирование постоянного населения не рекомендовано, либо сопряжено со значительным напряжением адаптивных механизмов организма и, как следствие, высоким уровнем затрат для компенсации этих негативных эффектов.

---

³³¹ The Economic Geography of Global Warming / Jose Luis Cruz Alvarez and Esteban Rossi-Hansberg. NBER Working Paper No 28466 February 2021 JEL No. F63, F64, Q51, Q54, Q56. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28466/w28466.pdf (last request 19.09.2021).

³³² Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216, № 2. С. 236-256.

Таким образом, природно-климатические условия являются важным фактором, влияющим на размещение населения и демографические показатели в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако, в силу особенностей учета статистики и несопоставимости географических и административных регионов оценить степень влияния природно-климатических условий на демографические показатели можно лишь эмпирически.

Экономические и социальные факторы, влияющие на расселение, оказываются более значимыми, чем климатические. Однако в случае, когда и первые и вторые являются выталкивающими, то климатические выходят на первый план (в экономически благополучный регион население приедет при любом климате, а из депрессивного субъекта федерации с плохим климатом эмиграция будет существенно выше, чем из депрессивного с нейтральным климатом).

СФО и ДФО демонстрируют высокие показатели миграционной мобильности, при этом плохой климат в качестве причины возможного переезда называют до 20% населения. Значимость этого фактора нельзя недооценивать – потенциал экономической или иной привлекательности регионов данных федеральных округов имеет четкие ограничения со стороны климата: даже вложение огромных ресурсов в инфраструктуру и льготы жителям не позволят удержать население в наиболее неблагоприятных регионах ДФО и СФО.

Таким образом, в настоящее время депопуляция СФО и ДФО практически необратима, и решать эту проблему административными методами (включая создание новых городов или потенциальном переносе столицы, о чем в последнее время много говорится в заявлениях высших чиновников страны и в прессе) нецелесообразно. Большая часть территории должна осваиваться вахтовым методом, а население должно быть сконцентрировано на юге регионов, на более комфортных территориях. В этом случае развитие таких «якорных» городов может остановить миграцию населения в центральную и южную части России. В этом сценарии необходимо выбрать из наиболее благоприятных с точки зрения климата и удобных в логистике городов те, которые должны стать центрами развития и связи с богатыми ресурсами территориями, где постоянное население будет минимизировано. Подобная модель развития укладывается в озвученные руководством страны идеи по созданию «макрорегионов» в России.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что потепление климата может существенно изменить картину в регионе. Исследователи указывают на возможные экономические выгоды России от глобального потепления в целом, а с миграционной точки зрения – ожидают появления масштабных потоков климатических мигрантов из стран Средней Азии и, возможно, других регионов мира. Потенциальных климатических мигрантов следует привлекать в регионы Сибири и Дальнего Востока, для чего необходимо работать над созданием соответствующей инфраструктуры для развития в долгосрочной перспективе.

ГЛАВА III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

3.1. ФЕНОМЕН «ПОСТПАНДЕМИЙНОЙ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ³³³.

Новая социальная реальность

Пандемию COVID-19 справедливо называют «водоразделом», за которым начинает формироваться новая постпандемийная социальная реальность: «...Опасна не столько агрессивность вируса, сколько неизвестность, помноженная на панику и страх, которые она порождает среди людей...»³³⁴. Знакомый и комфортный для социума мир уступил место новой информационно-технологической³³⁵, экономической и социально-психологической реальности с новыми для общества условиями и вызовами, в которой технологии вызывают широкие социальные преобразования и создают новые ценности, определяющие грядущие перемены. «...Мир, каким мы его знали, растворился в пандемии и в соответствии с этим изменения приводят к глубинным внешним и внутренним изменениям второго, третьего и четвертого порядка, кумулятивным эффектам и непредсказуемым результатам, и именно таким образом формируется новая нормальность, та, что мы оставили позади»³³⁶.

---

³³³ По материалам публикаций: К вопросу о некоторых аспектах изучения новой социальной реальности: актуальные направления, угрозы и вызовы / С. Г. Кареева, А. Н. Пинчук, С. В. Некрасов, М. В. Костоломова // Вестник НГУЭУ. 2021. № 3. С. 167-186; Костоломова М. В. Феномен цифровых рисков: его концептуализация и воздействие на современную социальную реальность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 3. С. 22-27; Костоломова М. В., Кареева С. Г., Пинчук А. Н. Концепт техно-цифровой безопасности: социальный контекст становления и теоретико-методологические основания // Вестник НГУЭУ. 2021. № 2. С. 220-230.

³³⁴ Тилье Ф. Пандемия // Перевод с фр. Н. Хотинской. Москва : Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.

³³⁵ Актуализируется доминирующее влияние цифровых технологий. Переход к ключевой информационной фазе развития современного общества свершился в рамках беспрецедентных научно-технических достижений уже состоявшейся «третьей промышленной или цифровой революции». Продолжение заложенного технологического движения последовало в наступающей «четвертой» фазе (Industry-4.0), которая изменила современную социальную реальность, включив в нее ряд технологических достижений человечества, таких, как: развитие искусственного интеллекта, машинного обучения и робототехники, которые значительно расширяют возможности индивида; системная трансформация медиа, развитие дисплейных систем, рост потребительских свойств телевизионного и видео контента; внедрение технологии grid-сетей, реализующих новые принципы конфигурации компьютерных систем; интенсивное развитие сервис-ориентированных архитектур, обеспечивающих интеграцию массовых сервисов; возможность получать и изучать большие данные (big data); разработка технологий физического и когнитивного совершенствования человека; активное воздействие различных информационных технологий на сознание современного социума и др. Обозначенные технологические достижения повлекли глубинные процессы разрушения старого и создание нового инновационного уклада, формирование иных (экономических, политических, геополитических и др.) центров системного влияния, геометрический рост глобальных вызовов и рисков и т.д., а также закономерный поиск ответов, связанных с возникающими «экстерналиями». Данные процессы погрузили современное общество в поток информационной глобализации и информационной же уязвимости.

³³⁶ Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка : перевод с английского. М.: Эксмо, 2020.

Произошедшие фундаментальные *социетальные изменения сформировали новый формат «постпандемийной» социальной реальности*³³⁷ как в России, так и в глобальном пространстве. Речь идет о пока еще плохо изученном феномене новой реальности с иными траекториями развития в настоящем и будущем, где макросоциетальные и микросоциетальные изменения в социуме, порожденные пандемией, таят в себе значительный «взрывной» потенциал, требующий понимания и адекватного ответа от общества. Но, к сожалению, важнейшие сферы жизнедеятельности российского социума не отвечают новым вызовам и рискам, а также надлежащим критериям и целям устойчивого развития³³⁸. «...Мы никогда не вернемся к сломанному состоянию нормальности, которое доминировало до кризиса пандемии»³³⁹.

*Безопасное вхождение социума в новую «постпандемийную» реальность и выбор адекватных жизнеспасающих стратегий развития невозможен без понимания сути кризисных тенденций*³⁴⁰, доминирующих в обществе их причин и динамики развития.

Тенденции «постпандемийной» социальной реальности базируются на ряде ключевых противоречий, требующих решения от государства и общества. Целесообразно отметить лишь некоторые из них, имеющие наиболее важное и определяющее значение для цивилизационного будущего после COVID-19:

– *наличие высокотехнологического потенциала на фоне значительной непросчитываемости его социетальных «экстерналий»*³⁴¹, которые в будущем еще будут открыты обществом. Новые технологии при всей нацеленности на эффективный результат здесь и сейчас по своим качественным характеристикам рассчитаны на «будущие эффекты». В рамках жизни одного поколения их просчитать затруднительно. Оценивать эффекты внедрения предстоит будущим поколениям. Речь идет о результатах и последствиях, технологий в длинных временных циклах. Примером

³³⁷ Под «постпандемийной» социальной реальностью мы далее будем понимать социальную реальность глобального мирового и локального национального уровней, сложившуюся на социетальном уровне во время и после официально объявленного на государственном уровне карантина в рамках преодоления пандемии COVID-19 и ее последствий. Целесообразно вести речь о пролонгированном и все еще не преодоленном характере пандемии, продолжающейся в настоящее время.

³³⁸ В соответствии с разработанной ООН резолюцией Генассамблеи «Повесткой дня на период до 2030 года» сформулированы цели и задачи развития тысячелетия, носящие комплексный характер и состоящие из трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. 25 сентября 2015 года 193 страны, включая Россию, приняли 17 глобальных целей: рост благосостояния и уровня занятости, борьба с бедностью, повышение образовательного уровня, улучшение здоровья, совершенствование институциональных условий развития экономики и др.

³³⁹ Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка : перевод с английского. М.: Эксмо, 2020.

³⁴⁰ В их основе лежит примат оптимизации финансовой прибыли, бездумное вмешательство человека в природную среду, фетишизация либеральных принципов и т.д. в ущерб антропоцентристскому подходу.

³⁴¹ В социально-психологическом контексте используется экономический термин, подразумевающий под собой наличие неких долгосрочных негативных последствий от реализации социально значимого для общества проекта.

может служить дискуссия о целесообразности и безвредности проведения вакцинации от COVID-19.

Научно-исследовательские разработки в высокотехнологичных областях способствуют не только накоплению информации, но и ее последующей смысловой трансформации на новом уровне, где открытие одного явления часто провоцирует развитие параллельных отраслей знания и возникновение неожиданных социальных последствий для общества, в частности в области безопасности жизнедеятельности социума и ИКТ;

– новые «постпандемийного» технологии содержат не только созидательный или разрушительный потенциал для социума, но и коррелируют с процессами формирования новых правил жизни в новой реальности. В инновациях любого характера всегда присутствует рискованная составляющая и новые латентный для общества импульсы как положительные, так и отрицательные, трансформирующие глубоко устоявшиеся правила жизнедеятельности общества. Целесообразно вести речь о создании новых регулятивных правил и ментальных алгоритмов жизнедеятельности социума. Особого внимания требуют этические нормы, устоявшиеся и стабилизирующие общество;

– стремительное технологическое развитие «постпандемийной» социальной реальности обладает не только своими алгоритмами, но и требует адекватного социально-психологического соответствия от общества³⁴². Проблема кроется в глубоком когнитивном диссонансе, возникающем в высокотехнологичной реальности, в которой социуму приходится жить в ментальном отставании от своевременной рекогносцировки. Из-за высоких скоростей технологического развития отсутствует осмысление обществом общей «картины» изменений и, как следствие, происходит отставание от своевременного «встраивания» в них. Временная и содержательная невозможность успеть за данными изменениями порождает некоторую автономность «постпандемической» социальной реальности, где ее пространство самодостаточно и отчуждено от общества.

Разумно говорить не только о смене образа, глубине и скорости мышления человечества – мало просто ощущать скоростной масштаб изменений, но нужно ему соответствовать, иметь необходимые навыки жизни, уметь оперативно принимать

---

³⁴² Происходит значительное изменение самого человека как на уровне сознания, так и на уровне физиологического потенциала и его возможностей. Именно современные технологии оказывают влияние на то, как человек воспринимает реальность вокруг себя. Заложенный информационный и технологический контент практически уничтожает демаркационную границу между программным обеспечением и человеком, давая возможность ему обрести новые функциональные возможности. Речь идет как о психологическом влиянии, так и доступе к органам человеческого тела, где происходит интегрирование инновативных технологий в организм человека, изменяющих его природу. Подобная практика показала, что происходит размывание границ между технологиями и человеком, благодаря возможности создавать новые синтетические, функционирующие в социуме формы, похожие на живые существа. Такие синтетические организмы позволяют вести речь о способности новых технологий стать практически частью нас.

решения. Актуализируется качественное изменение самого человека, его внутренних ритмов и наличие некоей социально-психологической мимикрии в новых реалиях.

Обозначенному диссонансу особенно подвержены люди старшего возраста, маргинализирующиеся социальные группы и т.д., живущие по навыкам и правилам многолетней давности, имеющим к реальности уже относительное отношение. Молодое поколение легко осваивая технические навыки и погружаясь в техносциальное пространство, в рамках отсутствия единого понимания реальности со взрослым поколением утрачивает с ним связь и живет в условиях прерванной временной и социокультурной преемственности. Каждый прожитый день «пишется ими самостоятельно – набело», формируя новый языковой и поведенческий коды и сценарии. В обществе прослеживается явный социально-психологический разлом на фоне стремительного техносциального усложнения реальности;

– *новые технологии, укорененные в современной социальной реальности, благодаря карантинному периоду, в свою очередь, диктуют неотложную необходимость формирования новых умений, знаний и компетенций*³⁴³ у социума. Важно отметить прямую взаимозависимость современного высокотехнологичного «постпандемийного» рынка труда и необходимости приобретения обществом качественно иных и содержательно инновативных компетенций широкого круга профессий, что также формирует маргинализованную часть общества – «выпавших» из профессии людей. Тем более, что «почти треть работающих граждан (30%) считают, что *не становятся более профессиональными на своей работе*»³⁴⁴. Подобные тенденции отражены в результатах многочисленных исследований, проведенных за период пандемии. Например, согласно опросу, проведенному компанией Boston Consulting Group, только 3% опрошенных россиян не хотят переквалифицироваться ни при каких обстоятельствах. В то время как 56% высказали желание сменить сферу деятельности в любом случае, а 41% опрошенных готовы переквалифицироваться, *если будет необходимость*³⁴⁵.

Вызывает тревогу и заставляет задуматься о будущем социума еще одно фундаментальное противоречие, начало которому было положено в период третьей, а

³⁴³ «...На Всемирном экономическом форуме еще в 2016 году было представлено, что новые технологии, бизнес-модели и рынки приведут к изменению 35% навыков и умений, требуемых в разных сферах. Исследования консалтинговой компании McKinsey показывают, что, хотя доступные в настоящее время технологии позволяют полностью автоматизировать лишь 5% профессий, современные компьютеры могут справиться как минимум с 30% задач, выполняемых почти на 60% рабочих мест» [Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровые технологии в экономике и бизнесе // ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика. 2020. № 2. С. 85].

³⁴⁴ Человек и его работа: Аналитический обзор // ВЦИОМ. 24 августа 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chelovek-i-ego-rabota> (дата обращения 12.08.2021).

³⁴⁵ Эксперты BCG проанализировали влияние пандемии коронавируса на рынок труда. Исследование проходило в период с октября по начало декабря 2020 года. Специалисты опросили более 200 тыс. человек из 190 стран мира. В выборку вошли мужчины и женщины в равных долях. В основном представители компании опрашивали людей до 40 лет [Лиснянская В. Учись или будешь уволен: как пандемия изменила рынок труда // РБК-Тренды. 31 мая 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60ae308e9a7947daf82dcdd9> (дата обращения 12.08.2021).

теперь уже и четвертой технической революции и имеющее эффект своего рода социально-психологической экстерналии в «постпандемический» период. Противоречие заключено в *высокой степени технологического развития социума, сформировавшего соответствующий уровень жизни, и ставший основой для формирования нового типа современного человека – человека потребителя, человека, заключенного в комфортную среду и не способного созидать и поддерживать желательный уровень развития социальной реальности.* Произошел выход в рамках пандемии на новый уровень создания разнообразных благ, где одна инновация технологически и социально накладывается на другую, поддерживая бесконечный эвристический и потребительский потенциал социума. Технологии постоянно «обновляют» наш мир, влияя на все его сферы и создавая ранее не виданные продукты. Осуществляется всемерная стимуляция дальнейшего развития «общества потребления», где человек в среде предложенных благ и предпочтений безмерно культивирует свой потребительский потенциал. Вовлеченный в зону бытового комфорта («умный дом» и т.д.), *он перестает быть тружеником и заинтересованным создателем желательной для общества реальности и будущего.*

В рамках анализа обозначенных противоречий «постпандемийной» социальной реальности и ее детерминант *главным объектом изучения как ее ключевой актор, создатель и творец становится сам человек с его деятельностью, психологическими, социокультурными особенностями.* Прослеживается также его особая роль в инновационном пространстве как гаранта безопасности социума, где «постпандемийная» реальность с ее эвристическими технологическими рамками развивается путем приращения знания его носителями. Процессы сохранения и формирования новой формы «высокотехнологичной безопасности» полностью зависят от людей. Вопрос об обоснованности последствий внедрения технологий и нравственной ответственности также носит фундаментальный характер. В этой связи на первый план выходит *научный анализ и поиск выхода из диссонанса понимания обществом «постпандемийной» социальной реальности. С одной стороны, из осознания важности реализации приоритетных задач «...соответствия критериям и целям устойчивого развития общества, сохранения стабильности и национальной безопасности»³⁴⁶ на фоне устоявшегося менталитета, сложившихся картин мира и исторической памяти народа. А с другой стороны, из необходимости формирования «...нового безопасного образа будущего страны и его стратегического сценария развития»³⁴⁷.*

---

³⁴⁶ Карпова С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 38.

³⁴⁷ Там же, С. 38.

Угрозы и вызовы современной «постпандемийной» социальной реальности России

COVID-19, а также высокотехнологичные вызовы новой «постпандемической» социальной реальности изменили представление о роли человека в модернизированном мире, превратив современное социальное пространство в его техносociальный вариант с «открытыми» вопросами к социуму. Главный вопрос: комфортен ли новый мир человеку? Или реализуется возникшее «...дуальное противоречие риска, которое заключается в стремлении сохранить физическое и духовное здоровье, естественную среду, социальную справедливость, нравственность, повышение жизненных стандартов и тем самым ограничить риск; но сегодня это неизбежно связано именно с его увеличением»³⁴⁸.

Социальная реальность, порождающая обозначенные выше противоречия, таит угрозы национальной безопасности и охватывает как технологический, информационный, так и глубинный духовно-нравственный пласты развития социума, «...последствия развития технического уровня современной цивилизации часто лежат за пределами экономических сил и устоявшихся институциональных структур»³⁴⁹. К таким ключевым угрозам можно отнести следующий спектр современных проблем:

– *деструктивную преступную деятельность, основанную на применении новейших технологических средств, с «выходом» на системный уровень дестабилизации социетальной системы общества, включая уровень государственного устройства и суверенитета. Утечка данных может оказать решающее влияние на ключевые процессы в социуме, а их защита требует значительных финансовых инвестиций в техническую инфраструктуру. На фоне глобальной пандемии COVID-19 практически произошла легализация преступной деятельности в Интернет-пространстве, где мошенники, овладев персональными данными людей, освоили новый вид финансовой деятельности по ограблению, обману и вымоганию средств у технически не защищенного населения. По приблизительным данным «...уровень киберпреступности в России за последние семь лет вырос в 20 раз и продолжает увеличиваться» в виду «постпандемийных» условий, причём во всех регионах страны³⁵⁰;*

– *широкое использование в сфере управления и в финансовой сфере не защищенных от утечки информации иностранных технических программ, имеющих технологическую связь со своими создателями за рубежом. Об этом неоднократно*

³⁴⁸ Risk in the technological society. Boulder, CO : Westview Press, 1982. P. 169.

³⁴⁹ Ibid, P. 27.

³⁵⁰ Уровень киберпреступности в России за семь лет вырос в 20 раз // ТАСС. 15 января 2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10465313> (дата обращения 12.08.2021).

упоминали ведущие российские разработчики компьютерного обеспечения, такие как «Касперский» и «Крибрум». Данные компании нацелены на создание замкнутой технологической цепочки внутри России по производству всего круга компьютерного обеспечения без выхода на иностранного производителя;

– *взаимодействие в среднесрочной перспективе человеческого интеллекта с искусственным интеллектом.* Искусственный интеллект может отчасти служить основой для формирования нового типа самостоятельного «техногенного сознания», но уже не подконтрольного человеческому разуму. Подобный тип сознания порождает выход на уровень тотального контроля подотчетных компьютеру систем и создание неуправляемой извне инфраструктуры. Актуализируются уже озвученные вопросы кибербезопасности и т.д.;

– *тотальное внедрение информационно-коммуникационных технологий в привычный образ жизни человека* и замещение высокотехнологическими разработками любой интеллектуальной и бытовой активности («Интернет вещей» и т.д.), что порождает уже озвученные выше деградационные психологические и физиологические процессы. В целом, новейшие технологии в виде гаджетов с встроенными облачными технологиями, устройствами виртуальной и дополненной реальности и т.д., ориентированные на облегчение жизни современного человека в материальном мире, занимают в нем «тотальное» определяющее место. Социологические опросы показывают, что «...за три года на 8 п.п. увеличилась доля тех, кто считает, что исчезновение интернета коренным образом изменит их жизнь (с 5% в 2017 г. до 13% в 2020 г.). Чаще об этом говорит наиболее молодая аудитория пользователей интернета – 18-24-летние (34%). При этом снизилась (с 31% до 25%) доля тех, кто предполагает, что исчезновение интернета мало что изменит в их жизни или вовсе ничего не изменит (с 36% до 20%). Наибольшую устойчивость по отношению к возможным переменам в жизни, связанным с исчезновением интернета, проявляют пользователи Сети старшего возраста – от 60 и выше: по 30% утверждают, что подобные изменения мало или вовсе ничего не изменят в их жизни»³⁵¹;

– *отсутствие качественно новых подходов к управлению инновативными процессами,* включающими иные требования как к актерам новой «постпандемической» реальности (самому человеку, управляющим структурам, науке и т.д.), так и новым стратегиям управления. Создатели прорывных исследований и высокотехнологичных разработок должны стремиться предвидеть будущие социальные эффекты от полученных инновационных продуктов, выходя далеко за временные рамки и избегая метода «проб и ошибок». И именно эта сфера становится наиболее актуальной в будущем.

---

³⁵¹ Цифровой детокс: зачем, как и почему? //ВЦИОМ. 04 февраля 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czifrovoj-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (дата обращения 12.08.2021).

Технологическая «постпандемийная» трансформация рабочих мест и рабочих компетенций, ведёт к поляризации доходов и уходу с рынка труда ряда востребованных ранее профессий. Эта тенденция послужит развитию структурной безработицы и появлению в перспективе темы «лишних, не востребованных профессионально людей». Речь идёт о грядущей маргинализации ряда социальных групп. Анализ рынка труда показывает, что будет технологическое исключение ряда профессий с сохранением номенклатуры и с изменением их внутреннего содержания. Процесс этот происходит в результате вытеснения рутинных операций нерутинными. В соответствии с этим актуализируются:

– *автоматизация и «цифровизация труда» как в реальной, так и виртуальной экономике*, что подчёркивает возрастающую значимость гибких форм самозанятости. Глобальная автоматизация постепенно охватывает как физический труд, так и интеллектуальную деятельность, что может привести к сокращению не только многих видов ручных операций, но и аналитических работ. Анализируя будущий облик занятости, следует отметить именно автоматизацию производственных линий и неуклонное снижение прямого участия человеческого труда. Сам технологический прогресс создаёт два эффекта для занятости – деструктивное перераспределение трудовых ресурсов и одновременно эффект капитализации;

– *быстрая смена технологий, задающая непрерывный спрос на новые типы компетенций* (непрерывное образование, креативность, работники под узкий круг задач и т.д.) и, как следствие, новые формы их подготовки. Планируемое «цифровое образование» нацелено на отмену существующих образовательных моделей и переориентирование всей системы на подготовку ограниченного количества специалистов в сфере цифровых технологий (в основном руководящего профиля). В данном образовательном континууме отсутствует индивидуальный подход к обучению. Предлагаемые образовательные методики порождают узость решаемых задач, что не способствует воспитанию творческой личности. Несмотря на очевидную неоднозначность и сомнительный эффект такой стратегии, согласно данным ВЦИОМ, 37% опрошенных россиян считают, что нужно поддерживать дополнительное онлайн-образование для взрослых и после пандемии, а также сохранить возможность получения онлайн-образования в вузах и в школах (30% и 29% россиян соответственно)³⁵²;

– *высокие риски, связанные с поддержанием уровня профессиональных компетенций* и, как следствие, с сохранением физического и психического здоровья социума. Примером может служить набравшая в «постпандемический» период консультационная онлайн деятельность врачей на дистанционной основе, по существу, носящая номинальный характер. Допускают вероятность в будущем

³⁵² Пандемия пройдет. А что останется? : аналитический обзор // ВЦИОМ : [сайт]. 07 мая 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pandemiya-projdet-a-chto-ostanetsya> (дата обращения 12.08.2021).

обратиться за консультацией по телефону 53% тех, кто слышал о такой возможности. Среди них чаще респонденты, проживающие в крупных городах-миллионниках (58%) и в столицах (60%). Каждый второй россиянин (48%), возможно, обратится к врачу посредством интернета, чаще молодые люди 18-24 лет (57%). Самые распространенные ситуации, при которых наши соотечественники допускают возможность обратиться к врачу дистанционно: при признаках болезни (25%), если совсем плохо (10%) или, напротив, если ничего серьезного (10%). Также велика вероятность обращения дистанционно, если нет возможности прийти лично (5%) или нужна просто консультация (5%). Причины, по которым наши сограждане не допускают для себя возможности обратиться за дистанционной консультацией: личный осмотр обязателен (33%), сомнительное качество процедуры (13%), отсутствие необходимости (10%) или возможности обратиться (9%)³⁵³. В условиях внедрения компьютерных роботов - врачей, водителей и др., не способных к действию в экстремальных ситуациях, формируется крайне высокорисковый тренд;

Этические проблемы вторжения в личное пространство человека, внедрение в его психику и биологию. Обозначенные процессы значительно изменяют механизмы взаимодействия человека с миром. Этические проблемы подобного рода связаны с определенным инструментарием (новейшими разработками), требующим жесточайшего контроля социумом из-за их ориентира на включение в жизнь человека, поведение, возможности, права и обязанности. Данные технологии (нейротехнологии, роботизация, биотехнологии, устройства виртуальной реальности и др.) по своей сути нацелены на преодоление любых границ, очерченных ранее социумом, уровнем сознания человека, физическим телом и т.д. Жизнедеятельность человека в условиях технологически преодоленных рамок его индивидуальных границ трудно назвать защищенной и внушающей уверенность в завтрашнем дне, что закономерно порождает *возникновение ряда вопросов, связанных с формированием единого реестра данных граждан* и отказ от сохранения права на личное пространство. Существует значительная рискованная составляющая развития негативного сценария, при котором с помощью информационных технологий может быть установлен информационный диктат и шантаж, а также тотальный контроль за личностью. Закономерно появляются возможности манипулирования общественным мнением, искажение информации, спекуляции на «высоких» чувствах людей и т.д.

Информационные угрозы

Информационные угрозы как таковые занимают решающее место в современном мире, где информация стала источником борьбы за власть над разумом

³⁵³ Телемедицина в России: сегодня и завтра : аналитический обзор // ВЦИОМ : [сайт]. 26 мая 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (дата обращения 12.08.2021).

и сознанием общества. Имеется в виду не только глобальный уровень социума, где высока их концентрация в рамках монополизации информационной среды определенными группами влияния в целях получения личных преимуществ, но и локальный уровень сознания каждого человека. Степень опасности от реализации данных угроз может привести к созданию атмосферы напряженности, нестабильности, конфликтности в социуме. В соответствии с этим значительно актуализируются:

– *угрозы информационного воздействия на сознание социума*, основанное на выраженной информационной нагрузке, вызываемой негативными социально-экономическими, политическими, криминальными новостями, транслируемыми СМИ. Подобные массированные медиа атаки влекут за собой рост психологической напряженности, увеличение числа стрессовых ситуаций в социуме, делая психику людей более податливой и внушаемой для последующего *манипулирования*³⁵⁴ ей.

Процесс манипулирования сознанием осуществляется как с помощью самого информационно-психологического воздействия, так и навязывания чужой воли в скрытой форме через него. Происходит своего рода сознательная «эксплуатация эмоций» человека с помощью современных СМИ, где «закодированный» сигнал, заложенный в подаваемой извне информации, направлен на пробуждение в сознании тех образов, что необходимо вызвать манипулятору. В основе подобных манипулятивных практик всегда лежит принуждение, насилие над человеком, но оно ещё опаснее, чем обычное, поскольку искажает восприятие реальности, делает людей инструментом удовлетворения чьих-то потребностей. Происходит информационное навязывание чуждых человеку и обществу стереотипов поведения на фоне нивелирования и искажения исторического опыта, сложившегося экономического уклада и национальных традиций, без учета особенностей российского менталитета, что порождает изменение жизненных ценностей и вызывает снижение общей гуманитарной культуры социума.

---

³⁵⁴ Но есть «особые потенциальные зоны» бифуркации новой социальной реальности. К данным направлениям можно отнести *вопросы безопасности сознания социума*, на основе которого формируется, развивается, изменяется новая современная социальная реальность. Речь идет об используемых информационно-коммуникационных технологиях, оказывающих прямое воздействие на культуру и духовно-нравственную сферу, а, следовательно, и сознание социума. Данный аспект актуализирован в стратегических государственных документах: «...все большее влияние оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования сознанием и фальсификацией истории» [О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 25.05.2021)]. Постановка данной проблематики актуализирует сам феномен сознания общества и необходимость его защищенности в приоритетах государственной безопасности за счет реализуемых социально-культурных мер, затрагивающих зону личностных смыслов, субъективного восприятия и миропонимания. Речь идет о зоне, где наиболее возможно манипулятивное воздействие. Создание эффективной системы мер по укреплению безопасности страны невозможно без актуализации данного направления.

Осуществлять перечисление существующих угроз современной «постпандемической» социальной реальности можно бесконечно, а экстенсивный рост инновационных разработок потребует переосмысления результатов интеграции информационных технологий в социальный мир и уже ставит множество открытых для общества вопросов. Целесообразно обратить пристальное внимание не только на *обозначенные социетальные, но и важнейшие, с нашей точки зрения, противоречия и угрозы социально-психологического характера*. Данные процессы связаны с менталитетом (национальным характером, психологией и т.д.) общества, исторически сформированным способом мышления, а также коллективным/индивидуальным сознанием, на основе которого осуществляется мировосприятие людьми окружающей реальности и ее создание. Именно эти особенности ответственны как за формирование общей ситуации в социуме на всех уровнях, так и за специфику взаимодействия людей между собой и с окружающей социально-природной средой³⁵⁵.

«Постпандемийная» социальная реальность: ключевое направление бифуркационных процессов в социуме

Новая социальная реальность поставила человечество перед необходимостью оперативной социально-психологической адаптации к происходящим в обществе изменениям и преодолением основополагающего противоречия, что диктует целесообразность особого внимания к аспектам сознания социума.

---

³⁵⁵ В этой связи особое звучание, с нашей точки зрения, приобретают: - *менталитет россиян, исторически сформированный в рамках череды мировых войн, пройденных страной, нацелен на жизнь внутри сильного государства, обеспечивающего полную безопасность жизнедеятельности*. Даже при наличии детерминированных COVID-19 проблем в современном социуме – рост цен, коррупция [Коррупция: социально-психологическое измерение / Г. В. Осипов, Ю. Ю. Синелина, В. А. Безвербный [и др.]; под ред. Г. В. Осипова. Москва: ИСПИ РАН, 2015. 230 с.], социальное неравенство доминирующей темой всегда останется защищенность. «...Мы привыкли жить внутри сильного имперского государства, обеспечивающего безопасность и его проблемы для россиян, всегда личные проблемы, даже если граждане по роду своей профессиональной деятельности не относятся к сфере государственных органов и государственной власти» [Карепова С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В. Исторический и современный контекст становления концепта национальной безопасности страны как отражение динамики социальной реальности России: актуальное направление развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 32]; - *ориентация на абсолютную стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие социума*. В России стабильность важнее, чем перемены и это также основополагающая часть ментальности народа. Тяготение к отсутствию революционных рывков следует учитывать и при нивелировании последствий пандемии COVID-19, а также сложившегося потенциала развития кризисных явлений в ключевых институтах общества (семьи, морали, нравственности и т.д.). Речь идет только о поступательной и последовательной динамике социетальных реформаций; - *«возвращение» россиян в привычный культурно-исторический формат коллективизма*. Разумно следовать ментально устоявшейся соборности и комфортному для российской душевной организации единению как в духовной, так и в мирской общности. Целесообразно культивировать объединение социума при активном нивелировании разрушительных социально-психологических последствий карантина, вынужденного дистанцирования, «...информационных атак СМИ на массовое/индивидуальное сознание социума/человека» [Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015 - 2016 годы / Г. В. Осипов, С. В. Климовицкий, И. Б. Орлова [и др.]. М.: ИСПИ РАН, 2017. С. 25], связанных с COVID-19; - *примат духовных ценностей над материальными* и важность всемерной поддержки свойственного россиянам духа братства и взаимопомощи, что имело место в рамках гуманитарных акций помощи России странам Европы и Азии по борьбе с пандемией COVID-19 и др.

Стратегический уровень значимости приобрели именно процессы, происходящие на уровне массового и индивидуального сознания и связанные с рекогносцировкой (осмыслением), принятием или непринятием новой картины мира, планирования и конструирования будущего, поиска иной «точки сборки» для трансформации ее устоявшихся форм и т.д. Целесообразно вести речь как об индивидуальном сознании человека, так и о массовом сознании общества. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены и выступают как «...не простая совокупность индивидуальных сознаний, а целостное образование, обладающее внутренней структурой, которая включает в себя различные уровни (теоретическое, обыденное сознание, идеология, общественная психология) и формы сознания (политическое, правовое, этическое, эстетическое, научное, религиозное, философское). Оно обладает выраженными интегративными качествами, присущими ему как цельному социальному образованию»³⁵⁶. Массовое сознание, как правило, обладает своими характеристиками и неспособно к выработке собственных критических оценок происходящих в социуме событий, что значительно снижает возможность рационального восприятия событий и способствует повышению уровня управляемости. Здесь и таится основной потенциал бифуркаций, требующий внимания и защиты.

Воздействие на сознание социума ведется на глобальном и локальном уровне его функционирования. *Глобальный уровень* бифуркационных процессов представлен *необходимостью конструирования «картин нового мира», контуры которого через «призму» пандемии и кризис ключевых институтов человечество должно «очертить».* Пандемия выступила фактором сброса старого формата социальной реальности. На уровне сознания социума осуществлен отказ от ряда устоявшихся «картин мира», ценностей допандемийной эпохи (свобода передвижения, личное пространство, невмешательство в частную жизнь и т.д.) и положено начало формированию новых, еще четко «не сформулированных» обществом. Отмечается прогрессирующий антагонизм между рациональным началом и сформировавшимся в рамках пандемии COVID-19 иррационализмом, поднимающим «вечные» вопросы жизни и смерти, бытия и небытия. Происходит глубинное осмысление человечеством базовых ценностей, устоявшихся в социуме. Следует предположить, что на перспективу основные «завоевания» в обществе будут происходить именно в сфере его сознания. Особые требования выдвигаются к системе управления современным социумом и *важностью осознания особой роли государства как гаранта сохранения самоидентичности и основных свобод в «посткарантинном» мире.* Четвертая промышленная революция определила ряд тревожных для общества тенденций, грозящих ему системным переформатированием. Речь идет о новой социальной роли

---

³⁵⁶ Карпова С. Г. К вопросу о национальной безопасности страны: информационное воздействие СМИ на современное общество //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 52.

банков и ТНК, которые, «...превращаясь в социальные платформы, ставят под глобальный контроль нематериальные активы социума. Когда капитал приобретает нематериальную форму, он перестает быть капиталом, трансформируясь во власть. Четвертая промышленная революция к промышленности не имеет никакого отношения – собственность становится функцией власти и растворяется в ней»³⁵⁷. Развитие глобальных цифровизационных процессов, пронизывающих все сферы жизнедеятельности общества, позволило крупным корпорациям (ТНК) и банкам существенно расширить свои функции и начать формировать ключевые потребности социума на основе собранной о нем обширной информации. Строится многоуровневая система баз данных, начиная от технологических, финансовых параметров и заканчивая личными, репутационными аспектами. Именно в этой ситуации грядущих негативных перспектив государство должно взять реванш, делая акцент на социальную ответственность перед обществом, сохраняя его самоидентичность.

Фактически, исходя из вышесказанного, происходит отчуждение уже невещественных форм собственности в обществе (право на средства производства и т.д.), а осуществляется выход на уровень «присвоения» ТНК и банками сознания социума. *«Постпандемийная» реальность примечательна тем, что нацелена на формирование нового типа легко управляемого «глобального человека»³⁵⁸ как качественно новой единицы социума.* Человек теперь «присваивается» целиком через ментальный, духовный, физический, социальный и прочие уровни бытия.

Подобный введенный в норму еще в «допандемийный» период эксперимент уже осуществлен в Китае и в Северной Корее в виде создания так называемого «социального портрета» человека (или социального рейтинга). Суть данного нововведения состоит в сборе информации о каждом человеке по всем сферам его жизнедеятельности и внесении результатов его соответствия установленным государством нормам в единый социальный реестр. По факту анализа обозначенного соответствия осуществляется руководство им в виде социальных преференций (финансовые поощрения, скидки в супермаркетах и т.д.) или порицаний (штрафов, ограничений и т.д.). Человек в данной системе координат перестает быть свободным творцом своей реальности, буквально становясь обезличенной единицей в системе глобального информационного учета. Так, например, согласно отчету China's National Public Credit Information Center, уже в 2018 году по итогам пилотных

---

³⁵⁷ Фурсов А. О чем проговорился Клаус Шваб // Русское агентство новостей. 06 февраля 2021. URL: <http://ru-an.info/news/7948/> (дата обращения 20.05.2021).

³⁵⁸ Речь идет об аналогии с художественным образом, созданным советским философом и социологом А. А. Зиновьевым в своем социологическом романе антиутопии «Глобальный человек», вышедший в свет в 1997 году.

проектов в ряде провинций Китая 23 млн. человек *было отказано в покупке билета на самолет или поезд из-за низкого социального рейтинга*³⁵⁹. *Дальше – больше.*

Очевидны тенденции обнуления человека в некоем надличностном плане. Происходит создание общества внешнего и внутреннего контроля или общества социального глобализма, где доминирует полный цифровой, технологический, автоматический надзор.

Обозначенный выше опыт азиатских стран, выводимый на глобальный мировой формат, транслирует новые формы управления потребностями, поведением, мышлением, где контролирующие *организации стали выступать своего рода «мировоззренческими инженерами» ключевых социетальных процессов в обществе. Это спровоцировало не только отмену приватной сферы жизни и частного пространства, но, что важнее, породило отчуждение у человека воли и целеполагания.*

Информационно заданный извне отказ от участия в процессах целеполагания опасен для общества потерей управленческой воли, отрешением от системы социально ориентированного управления, стабильности и безопасности. В рамках обозначенных процессов разумно вести речь и о том, что пандемия COVID-19 оставит после себя на перспективу? С большой долей вероятности это будет широкий спектр систем контроля и учёта населения с перспективами последующего введения его в норму.

Обозначенные кризисные по своему содержанию процессы в социуме стимулируются и сопровождаются «...массированным информационным воздействием»³⁶⁰ СМИ через профильные технологии, что оказывают влияние напрямую на сознание общества. Кризис проявляется и в том, что хлынувший на общество поток информации о COVID-19 объёмен и разнороден. Сознание социума дезориентировано, что влечет за собой потерю критической оценки происходящего. Обширное и противоречивое информационное пространство, представленное обществу для ознакомления, не дает возможности объемного видения событий, переводя все в плоскостной сиюминутный контекст, что создает благодатную основу для дальнейшего воздействия на него и манипуляцию им. Инструментально, в рамках новой экзистенциальной угрозы COVID-19, с помощью СМИ сформировано «пространство страха». Люди запуганы информационным террором, на фоне которого произошел легкий отказ от массы социальных завоеваний, что также может служить индикативными контурами новой реальности, указывающими вероятные

³⁵⁹ Сысоев Т. Цифровая карма: как будет работать система социального кредита в Китае // РБК. 08 июля 2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/60e5ca569a7947a00440ba11> (дата обращения 12.08.2021).

³⁶⁰ Информационное воздействие на сознание общества в условиях пандемии: теория и методы исследования / Г. В. Осипов, С. Г. Каропова, М. В. Костоломова [и др.] // Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году. М. : ИТД «Перспектива», 2020. С. 488.

направления ее развития и требующими *введения соответствующих регулятивных административных практик в информационную сферу.*

Локальный уровень бифуркационных процессов в социуме формируется в рамках социально-психологических изменений самого человека и включает в себя на перспективу существенный потенциал трансформаций. «Постпандемическая» реальность по своим качественным характеристикам нацелена на своеобразную *«рассоциализацию» и изменение правил и норм социального поведения человека в обществе, направленное на дистанцирование.* Так называемое сохранение «безопасной» социальной дистанции, не архетипично для сознания русского человека с его исторически выработанными объединяющими общинными и коллективными установками. Приходится вести речь о формировании нового типа поведенческих сценариев, где в перспективе будет превалировать другая, более индивидуальная и дистанцированная по форме модель. Изменение структуры поведения человека осуществляется через трансформацию функционирования социальных институтов (семья, образование, культура, здравоохранение и т.д.), когда уходят коллективные сценарии социальной жизни, уступая место их онлайн модификации, что и диктует дистанцию. В рамках дальнейшего развития цифровизации подобное дистанцирование и психологическая отстраненность, «здоровый эгоизм» и т.д. будут только усиливаться.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что современный «постпандемийный» мир – это мир минимума социальных контактов, в котором люди сознательно будут сохранять как свое, так и чужое личное пространство. Метки для соблюдения дистанции, оставшиеся после пика пандемии, стали негласным сигналом дистанцирования в местах массового скопления людей. Это касается и строительства различных перегородок в общественных местах, транслирующих социуму через физическую дистанцию идеи социального несоприкосновения.

Происходит введение в норму такого поведенческого сценария, где люди заведомо в социальном пространстве будут искать места и возможности не соприкоснуться друг с другом. Привычки, связанные с близким физическим контактом, дружескими объятиями, поцелуями и приветствиями, уходят в прошлое. *Целесообразно вести речь о COVID-19 не столько как о вирусном заболевании, но как о своеобразном социально-психологическом феномене, разделяющем мир на до и после пандемии и формирующем новые правила взаимодействия в социуме.* В условиях отсутствия понимания времени окончания пандемии COVID-19 многие приобретенные людьми поведенческие схемы выйдут на постоянный нормативный уровень и будут иметь в будущем неясную пока социальную трансформацию.

Физическая дистанция положила начало для дистанцирования людей и на социально-психологическом уровне. Значительный и еще недавно футуристический по своим характеристикам обезличивающий потенциал заложен и в символе

«постпандемийной» реальности – медицинской маске, ношение которой также не способствует социальному сближению и объединению людей. «...Они приходят как тысячи масок без лиц»³⁶¹, порождая и так называемую «обезличенную» социальную реальность, наполненную похожими друг на друга людей. Подобная динамика в социуме попирает ключевой фактор цивилизационного развития, где именно человеческая индивидуальность во всех ее проявлениях является двигателем прогресса. Сюрреалистической заменой, данной природой каждому человеку, индивидуальности становится «суррогат» или авторский (дизайнерский) вариант масок. Креативные маски прочно вошли в обиход привычной жизни и стали деталью повседневного гардероба, а также частью самовыражения и самопрезентации людей в социуме.

COVID-19 сбил привычные для человека картины мира и алгоритмы социальных действий в обществе, что положило начало формированию иным и тоже «сбитым» в социально-психологическом плане картинам нормальности, границы которых значительно расширились до ранее табуированных социумом горизонтов.

Прослеживается также наличие негативных последствий пандемии на уровне нарушения психического и физического здоровья людей, где высокий уровень тревожности, спровоцированный изменением устоявшегося образа жизни, длительной социальной изоляцией, отсутствием общения оказал сильнейшее воздействие на здоровье социума и привел к таким долгосрочным психофизиологическим последствиям, как:

– *повышение уровня расстройств, тревожного спектра*, спровоцированные COVID-19, что создаётся риск развития различных психических заболеваний и состояний в обществе. Страхи, связанные с пока плохо изученной болезнью, смертностью, неуверенностью в будущем, порождают невротические или неврозоподобные расстройства. Следствием данных расстройств являются глубокие и затяжные депрессивные состояния, значительно повышается риск суицидального поведения в обществе. Любые травматические события, как правило, всегда сопровождаются изменениями психического здоровья, исключением не стало и состояние людей, перенесших вирус, соприкоснувшихся с ним через болезнь близких людей и др., что соответствует параметрам посттравматического стрессового расстройства (синдрома);

– *затяжной стресс от COVID-19 и страха заразиться им* как серьезный провоцирующий фактор усугубляет уже имеющиеся у людей психические и физические заболевания, переводя их в степень дискриминации и стигматизации, что провоцирует устойчивый уровень тревожности в социуме. Психические изменения, носящие затяжной или временный характер, как правило, негативно влияют и на все сферы взаимодействия человека с социумом (семья, работа, друзья и т.д.). В случае

---

³⁶¹ Чапек К. Война с саламандрами. Москва : Иностранка, 2015. 640 с.

закрепления негативных сценариев, человеку потребуется медицинская и социальная помощь;

– *COVID-19 или своего рода психическая эпидемия* не только предрасполагает к различного рода навязчивым идеям, приводящим к компульсивным действиям, протестным настроениям, но и обладает значительным потенциалом управляемости, о чем было сказано выше. Стрессированная психика податливо реагирует на любого рода импульсы извне. Подвергнутая информационному воздействию психика, крайне лабильна, что дает основание для очередного витка в обществе негативных идей, содержательно не связанных с пандемией;

– *формирование новых социокультурных и этических стандартов поведения в социуме* как негативных/положительных экстерналий воздействия на психику людей. В обществе формируются новые поведенческие тенденции, связанные с повышенным нервическим уровнем заботы о собственном здоровье, граничащем с фобией. COVID-19 придал зарождавшимся до пандемии тенденциям здорового образа жизни новые характеристики, где, *с одной стороны*, заботу о своем здоровье человечество стало обостренно воспринимать как высшую ценность и единственный способ сохранить социальную ответственность перед социумом. На данном фоне люди стали больше читать медицинскую литературу и серьезнее относиться к информационному контенту, связанному с вопросами психического и физического здоровья. *С другой стороны*, данное осознание стало проявляться в заботе о своем здоровье как заботе о здоровье других людей. Каждому человеку, ежедневно соблюдая пандемический режим, пришлось осознать себя частью большого «социального организма», за здоровье которого он несет персональную ответственность. Люди стали менее терпимо относиться к тем, кто открыто пренебрегает мерами, предупреждающими распространение инфекции (хождение без маски, кашель, чихание в общественных местах и т.д.). Происходит избегание любого контакта с теми, у кого есть признаки респираторного заболевания.

Подобная взаимообусловленность также породила *новые типы социально-психологических зависимостей в обществе*, проявляющихся в виде избыточной медикализации (регулярных и навязчивых измерений температуры в общественных местах, отказ от обслуживания без масок и перчаток в магазинах, обязательного тестирования на предприятиях и при выездах за рубеж, более частой диспансеризации работников и т.д.). Медицинский контроль здоровья людей, очевидно, становится новой формой социального контроля и регулирования жизнедеятельности социума.

Поведенческой антитезой тенденциям здорового образа жизни, социальному и медицинскому контролю может служить выраженный протестный потенциал антиковидных настроений части граждан, сознательно попирающих установленные меры безопасности (соблюдение социальной дистанции, ношение масок и перчаток,

мытью рук и т.д.). Подобное отношение к собственному здоровью и здоровью социума также свидетельствует о тенденциях индивидуализма и эгоизма в обществе.

Но, несмотря на доминирующее наличие негативных последствий пандемии COVID-19, для многих период самоизоляции стал новой «точкой сборки» для формирования качественно иных индивидуальных сценариев поведения и стратегий будущего. Пандемия была воспринята социумом как своеобразный социальный эксперимент, где участвовало все население страны, и длительное сознательное затворничество оказалось не только тяжелым испытанием, но и поводом задуматься о собственных целях, задачах и перспективах на будущее в различных сферах жизнедеятельности (семья, работа, образ жизни и т.д.).

Многим людям, как кризисным менеджерам, уставшим от длительного нахождения наедине с самими собой и переосмысления собственной жизни, пришлось искать новые «горизонты» жизни, качественно изменяя свои привычки, образ жизни, алгоритмы действий, жизненные установки, что нашло отражение в смене работы, места жительства и т.д. Следует отметить, что в отличие от спокойного и размеренного исторического сценария развития западной цивилизации, Россия и ее граждане привыкли к различного рода встряскам и кризисам и научились вырабатывать иммунитет к ним, изменяя как себя самих, так и социальную реальность вокруг. Противоречивость процессов «постпандемийной» социальной реальности оставляет открытыми многие вопросы, охватить которые не представляется возможным. Важнейшую роль, с нашей точки зрения, в динамике их развития и разрешения будут играть научные и временные факторы, направленные на помощь социуму в преодолении инерции во всех сферах его функционирования, а также в принятии новых правил организации жизнедеятельности и конструировании желательного будущего.

Таким образом, COVID-19 как своеобразная демаркационная черта «...сыграла роль великого «пробуждения риска» и стала тем рубежом современной социальной реальности, что радикально и качественно изменил ее навсегда³⁶².

Пандемия с ее новыми, привнесенными тенденциями и, как следствие обозначенными противоречиями, протестировала не только институциональный уровень «иммунной системы» общества, но затронула его психофизиологическую устойчивость и потенциал адаптации к качественно новым условиям жизнедеятельности. COVID-19 повлек за собой ряд серьезнейших проблем мировоззренческого характера, что подтверждается ее активным воздействием на установки, мотивации, диспозиции социума, являющиеся фундаментальной основой конструирования как самой «постпандемийной» социальной реальности³⁶³, так и

³⁶² Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка : Пер. с английского. М.: Эксмо, 2020.

³⁶³ Под социальной реальностью будем дальше понимать «... не что иное, как объективизацию субъективной деятельности человека, который действует на основе укорененных в его сознании ценностных

формирования желательного/нежелательного направления ее развития. Социальная реальность создается именно на основе ее глубоко субъективного миропонимания человеком³⁶⁴. Именно COVID-19 стал маркером и точкой бифуркации для «...глубинного изменения привычного уклада жизни социума»³⁶⁵ и основой для многоуровневых системных сдвигов. Современному социуму для дальнейшего поступательного развития необходима глубокая рекогносцировка новых контуров «постпандемидной» социальной реальности, где присутствует намеренный уход от превалирования устоявшихся картин мира, сформированных в условиях допандемийных событий.

Также необходимо констатировать тот факт, что противоречивый характер развития данного феномена закономерно формирует запрос к науке и требует на перспективу наличие углубленного знания о нем, что диктует необходимость выхода за рамки классического анализа и теоретизирования в поле научного поиска, отвечающего динамике его развития. Данная научная аналитика востребована обществом в рамках *необходимости изучения «бифуркационной природы» «постпандемийной» реальности* и не стоит забывать, что любой хаос³⁶⁶, подкрепленный неизвестностью, включая данный сложноорганизованный и пока плохо изученный феномен, как правило, имеет четкую причинно-следственную мозаику и те скрытые закономерности, выявить и предотвратить которые следует на научном уровне. Речь идет о единых звеньях взаимосвязанных процессов в социуме без их одномерной событийной фиксации, что позволит понять направления изменений структуры будущего, цели и задачи многих социетальных процессов, а также позволит определиться «зачем? и куда?» они ведут общество. Только тогда можно будет сложить «мозаику» происходящего и так называемый хаос «постпандемийной реальности» исчезнет.

Закономерно на перспективу озаботиться и тем, как будет изменяться в рамках феномена структура будущего, в соответствии с чем целесообразно осуществить:

– углубленный анализ последствий пандемии, включая ее мировоззренческий характер, оказывающий решающее воздействие на дальнейшее глобальное цивилизационное развитие;

установок, мотиваций и диспозиций» [Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносоциальном пространстве / Г. В. Осипов, С. Г. Карпова, С. В. Климовицкий [и др.]. М.-СПб: ООО «Нестор-История», 2020. С. 24].

³⁶⁴ Речь идет о точке зрения, высказанной академиком РАН Г. В. Осиповым на понимание социальной реальности как объективированного результата субъективной деятельности человека ее создателя. По мнению ученого, реальность формируется на основе субъективного фактора, личностных мотиваций и диспозиций человека.

³⁶⁵ Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015-2016 годы / Г. В. Осипов, С. В. Климовицкий, И. Б. Орлова [и др.]; отв. ред. Г. В. Осипов. М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. С. 51.

³⁶⁶ Речь идет об общих принципах теории хаоса, разработанной американским метеорологом и математиком Эдвардом Нортоном Лоренцем [Lorenz Edward N. The essence of chaos (The Jessie and John Danz lecture series). Seattle : University of Washington Press. 1995. 227 p.].

- провести исследование особенностей функционирования ключевых системообразующих социальных институтов «постпандемической» реальности;
- обратить внимание на изучение новых, пока еще не изученных наукой угроз и вызовов;
- актуализировать создание государственной структуры (Институт кризисного реагирования) и системы раннего распознавания проблем во всех сферах жизнедеятельности социума с включением междисциплинарных научных методов;
- формировать надлежащий потенциал нормативного реагирования на возникающие события для их решения на государственном уровне, что ставит фундаментальные задачи (изучение, контроль, регулирование «постпандемийной» реальности) как перед наукой, так и перед органами государственными власти и т.д.

COVID-19 и его «постпандемийная» динамика и далее будут иметь значимые и пролонгированные последствия для общества, что потребует введение в систему государственного управления значительной превентивной научной компоненты, поскольку на фоне высокой степени турбулентности и неизученности данного феномена происходит формирование ключевых направлений развития будущего для социума.

Исследовательский потенциал данного научного направления бесконечен, как и сама изменяющаяся «постпандемийная» реальность, являющаяся естественным базисом для выработки профильного эвристического знания о феномене.

3.2. «УМНЫЕ ГОРОДА» КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Урбанизация как глобальный тренд

Мировой тренд роста уровня урбанизации представляет собой практически прямую восходящую линию. В городах сконцентрированы основные производственные, финансовые, логистические, научные и культурные ресурсы и мощности. Успешность развития городских территорий определяют привлекательность городов для жителей и обуславливают рост городского населения.

В 1960 году количество населения, проживающего в городах, составляло чуть более 33%. В 2019 году – уже более 55%³⁶⁷. Уровень урбанизации в Российской Федерации составляет 73,72%³⁶⁸. То есть темпы урбанизации в нашей стране превышают среднемировые параметры данного процесса. Для сравнения, по данным China Statistical Yearbook 2019, уровень урбанизации в Китае составляет 59,58%³⁶⁹.

В территориально-географическом аспекте основные заселённые территории России приходятся на южную часть страны и столичные мегаполисы – Москву и Санкт-Петербург. Северные и арктические территории Российской Федерации слабо заселены и имеют низкую плотность расселения. Арктические и отдалённые территории России богаты полезными ископаемыми, но было бы однобоко рассматривать освоение северных, сибирских и дальневосточных земель исключительно только из-за разработки природных богатств. Северные российские территории, Сибирь и Дальний Восток обладают большим потенциалом для развития транспортных коридоров, формирования полноценной инфраструктуры переработки полезных ископаемых, наконец, для создания информационно-вычислительных дата-центров, для функционирования которых в этих широтах требуется меньше энергозатрат, по сравнению с их размещением в более тёплых климатических зонах. Тем более что в ряде стран, имеющих города, расположенные на арктических территориях, к примеру, в Дании, Норвегии, Финляндии и других такой положительный опыт уже накоплен.

В этом плане значительное место и роль отводится развитию городов, в том числе и на слабо освоенных территориях России. Именно становление и развитие городов как центров развития определённых территорий является тем двигателем, который будет способствовать экономическому росту регионов и отдельных граждан. В России имеется опыт строительства городов с нуля: Санкт-Петербург, Воркута,

³⁶⁷ Urban population (% of total population) // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения 30.05.2021).

³⁶⁸ Всероссийская перепись населения 2010 года Том 1. Численность и размещение населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol1pdf-m.html (дата обращения 30.05.2021).

³⁶⁹ China Statistical Yearbook 2019 // China Statistics Press, October 2019. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения 30.05.2021).

Норильск, Комсомольск-на Амуре, Магадан, Норильск. Современные города: Магас в Ингушетии, Доброград во Владимирской обл., Иннополис в Татарстане, Инноград «Сколково», Новое Ступино, Усть-Луга в Ленинградской обл. и др.

«Умные города» как новый этап глобальной урбанизации

Развитие уже существующих городов и проектирование новых должно производиться с учётом передового международного опыта, базирующегося на идеологии «умный город». «Умный город» – это город с принципиально новыми способами управления всеми своими структурами. Трансформация управления городом проявляется как в системе городского и муниципального управления городскими образованиями, так и более широкого привлечения жителей города к его управлению в различных аспектах, вплоть до возможности влиять на формирование и распределение городского бюджета и развитие городской инфраструктуры. Наиболее успешно такие кейсы были, к примеру, реализованы в г. Порту-Алегри в Бразилии и, в рамках взаимодействия стран БРИКС Россия может активно аккумулировать этот опыт и адаптировать к своим условиям.

Развитие умных городов предполагает создание комфортной, эффективной и безопасной среды проживания. Так, первые энергоэффективные здания в Москве появились в 2003 г. Примером может служить 18-этажный жилой дом на 260 квартир в Красностуденческом проезде. В этом здании затраты электроэнергии на отопление и вентиляцию почти в два раза ниже обычных. В 2011 г. в России началось строительство пилотных энергоэффективных домов в Казани, Белгороде, Уфе, Барнауле, Чебаркуле, Кондрово, Тюмени, Челябинске, Томске, Санкт-Петербурге, Московской, Ростовской и Иркутской обл., Якутии, Ставропольском и Пермском краях. Специальное расположение зданий в этих проектах позволяет увеличить теплоступление от солнечной радиации за счет ориентации фасадов со светопрозрачными конструкциями на стороны света по ходу движения солнца. Также осуществляется высокое сопротивление теплопередаче стен, производится максимальное использование энергии, её повторное применение. Модульная система обработки воздуха позволяет использовать 60% тепла удаляемого воздуха. Теплоснабжение качественно регулируется с автоматическим поддержанием температуры теплоносителей в зависимости от температуры наружного воздуха³⁷⁰. 2010 год стал прорывным в системе применения для учёта расхода воды, газа и электричества за счёт «умных приборов», получивших одобрение на федеральном уровне³⁷¹.

Важным аспектом развития умного города является эффективное и рациональное функционирование городского транспорта и создание «умной» транспортной инфраструктуры. Например, индийский город Ахмадабад реализует программу скоростного автобусного движения. Бремен в Германии держит пальму

³⁷⁰ Дома нового поколения // Энергосбережение. 2011. Спецвыпуск. С. 6-7.

³⁷¹ Осорин М. П., Лакшевич В. В. «Умные» приборы учёта // Энергосбережение. 2011. Спецвыпуск. С. 16.

первенства по развитию каршеринга. В России сейчас также активно развивается эта услуга. Ряд российских городов от тестирования электробусов уже перешли к закупкам техники и её активному использованию. Электробусы запущены в Москве, Абакане, Альметьевске, Великом Новгороде, Казани, Курске, Липецке, Сургуте, Ханты-Мансийске, Химках и Чебоксарах³⁷².

Кроме того, в связи с решением экологических проблем в последние годы резко расширилась сфера применения водорода: это большая энергетика, системы хранения электроэнергии, распределённое отопление и энергоснабжение жилых зданий, транспорт. Перспектива использования водорода в экономике заключается в переходе к низкоуглеродной модели использования сырьевых ресурсов и бережного отношения к природе.

На форуме «Открытые инновации» в Москве в ноябре 2019 года был представлен первый российский автомобиль с водородными ТЭ, а в Санкт-Петербурге 1 ноября 2019 года «Горэлектротранс» вывел на линию первый российский трамвай на водороде. При получении необходимых инвестиций разработчики обещают усовершенствовать водородный трамвай за 3-4 года³⁷³.

Но нужно учитывать риски использования водорода: он не встречается в чистом виде; у него высокая себестоимость производства, на его производство требуется постоянно расходовать углеводороды или энергоресурсы из возобновляемых источников энергии (ВИЭ), причём его производство требует больших затрат энергии, чем вырабатывается на его основе, поэтому есть смысл вырабатывать водород лишь в случае профицита мощности. Также надо учитывать, что водород взрывоопасен и легко воспламеняется при смешивании с кислородом в определённых условиях, что стало причиной прекращения использования дирижаблей в 50-е годы XX века.

Одним из аспектов реализации концепции умного города является деиндустриализация городской среды. В тесной связи с концепцией «Умный город» находится проблема развития жилья в городе. Это не только «умный дом», но и концепции развития «умных улиц» с адаптивным освещением, реинновационные программы по жилью, реализуемые в виде джентрификации, строительство экологичного жилья. В таком направлении двигаются наиболее старые города. В Москве мы можем проследить реализацию этой тенденции в районе бывшего автозавода «ЗИЛ».

Немаловажным фактором является развитие «умных» общественных пространств в системе «умного города». Эти «умные» общественные пространства весьма различны. Ряд авторов однозначно отождествляют «умный город» и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), развитие информационно-

---

³⁷² Яблоков П. «Это электробус»: города России продолжают осваивать новый вид транспорта. 11 сентября 2018. URL: <https://tr.ru/news/2973-eto-elektrobus-goroda-rossii-prodolzhayut-osvaivat-novyy-vid-transporta> (дата обращения 20.07.2021).

³⁷³ Там же.

коммуникационных технологий и «умного города». В то же время, на наш взгляд, есть и иное видение места и роли ИКТ в системе «умного города», где ИКТ рассматриваются как своего рода пронизывающие городскую среду нервные волокна. ИКТ рассредоточены в пространстве «умного города», они выступают не как самостоятельный феномен в городской системе, а как средство реализации различных городских практик в системе «умного города».

Найти какое-то универсальное консолидированное определение «умному городу» вряд ли удастся. Содержание этого феномена многими исследователями определяется исходя из своих научных интересов и воззрений, а реализуемые городами практики также обуславливаются насущными потребностями, запросами жителей и располагаемыми ресурсами. «Умные города – это скорее процесс постоянных изменений, а не статичный результат»³⁷⁴, поэтому стоит вести речь о качественной характеристике регулируемых и развиваемых умным городом городских пространств с учётом внедрения новых технологий и инновационных процессов.

Цифровизация как основа развития «умного города»

Лидерами по цифровой трансформации традиционно являются сфера информационных технологий и разработки программного обеспечения, однако и другие отрасли, например, ритейл, осуществили рывок в своём развитии. По словам партнёра Аего В. Синельникова, «в России традиционно правила игры в развитии цифровизации определяли IT-гиганты, такие, как Mail.ru и Яндекс. Ритейл и другие отрасли были в роли догоняющих».

В последнее же время на фоне пандемии коронавируса ситуация постепенно меняется: люди по разным причинам переводят все более значительную часть своих покупок в онлайн. В результате развития этой тенденции ритейлеры также вынуждены меняться, чтобы справиться с резко увеличивающимся потоком заказов и не растерять клиентов. Таким образом, отрасль, ещё вчера сомневавшаяся в том, нужен ли вообще онлайн-канал, становится одним из «флагманов цифровизации». «Магнит», X5 Retail Group и другие крупные (и не только) ритейлеры развивают предиктивные модели, совершенствуют логистику, внедряют голосовые ассистенты³⁷⁵.

Ключевыми трендами цифровизации ритейла в российских городах являются следующие три направления:

1. Автоматизация бизнес-процессов. В это понятие входит всё, что связано с оцифровыванием рутинных операционных процессов. Это касается и электронного документооборота, автоматизации логистики и использования складов, внедрения

³⁷⁴ Еремеев С. Г. Smart City: управленческие аспекты и компетенции Smart City – менеджера // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 57–62.

³⁷⁵ Цифровая трансформация в России – 2020: Аналитический отчет // KMDA: [сайт]. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения 12.02.2021).

искусственного интеллекта в процесс ценообразования, формирования и регулирования ассортимента, промо- активности и категорийного менеджмента.

2. Внедрение в управленческие модели так называемого «Data driven подхода», в основе которого лежат данные, их обработка и использование. Технология позволяет минимизировать возможность человеческой ошибки, используется для принятия самых различных управленческих решений, в том числе при работе с поставщиками, создании новых финансовых моделей, проведении А/В тестирования³⁷⁶ на основе аналитической платформы, которая позволяет на двух схожих выборках данных проводить экспериментальные вычисления, чтобы рассчитать эффект проведенного пилотажа.

3. Формирование нового цифрового опыта у покупателей. Сюда входит: создание комплексных систем самообслуживания для безопасных и быстрых покупок, создание цифровых платформ для онлайн покупок, внедрение «золотой записи клиента» – универсального профиля бесшовной идентификации (например, Сбербанк ID), создание персональных предложений для клиента³⁷⁷.

Учитывая, что город – место проживания населения, городская умная среда будет отражать структуру общества в целом. Ввиду этого в содержание «умного города» будут входить составляющие, которые регулируют и развивают политическое, экономическое, социальное, культурное и информационное (духовное) пространство.

Естественно, можно выделить и иные пространственные городские составляющие, которые обязательно должны находить отражение в концепции «умного города». К примеру, это повышение уровня безопасности жителей, проживающих в этом городе. В то же время надо отметить, что обеспечение безопасности является компонентом всех выделенных нами составляющих: и политической, и экономической, и социальной, и информационной. Сюда же относится и соблюдение экологических стандартов в умных городах.

На международной онлайн-конференции Artificial Intelligence Journey (AI Journey) 4 декабря 2020 года Президент России В. В. Путин заявил, что «в наступающее десятилетие нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных». В рамках данного глобального проекта цифровая трансформация «действительно затронет каждого человека, каждую семью, каждую отрасль экономики и социальной сферы, каждую организацию и каждый уровень власти, то

³⁷⁶ А/В-тестирование (англ. A/B testing, Split testing) — метод маркетингового исследования, суть которого заключается в том, что контрольная группа элементов сравнивается с набором тестовых групп, в которых один или несколько показателей были изменены для того, чтобы выяснить, какие из изменений улучшают целевой показатель. Таким образом в ходе теста сравнивается вариант «А» и вариант «В», и целью является определение лучшего из двух протестированных вариантов [А/В-тестирование // Википедия : [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/А/В-тестирование> (дата обращения 15.10.2021)].

³⁷⁷ Интервью Главного исполнительного директора X5 Retail Group И. В. Шахтермана медиахолдингу РБК от 23 октября 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/interview/business/23/10/2019/5da9ca769a7947ac3233d6c1> (дата обращения 15.10.2021).

есть всю систему государственного управления». При реализации этих задач Россия будет опираться на «суверенные технологические заделы», а также «использовать разработки отечественных инновационных компаний и стартапов»³⁷⁸.

В. В. Путин в основной дискуссии конференции по искусственному интеллекту отметил, что «Алгоритмы искусственного интеллекта в Москве применяются в здравоохранении, образовании, в сфере безопасности и в формировании так называемого умного города, причём многие технические решения значительно опережают развитие нормативно-правовой базы всей страны»³⁷⁹.

В Российской Федерации проект «Умный город» реализуется в рамках национального проекта «Жильё и городская среда» и национальной программы «Цифровая экономика». Проект «Умный город» направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан и базируется на пяти ключевых принципах:

- 1) ориентация на человека;
- 2) технологичность городской инфраструктуры;
- 3) повышение качества управления городскими ресурсами;
- 4) комфортная и безопасная среда;
- 5) акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды.

Основной инструмент реализации этих принципов – широкое внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре. Цель «Умного города» состоит не только в цифровой трансформации и автоматизации процессов, но и в комплексном повышении эффективности городской инфраструктуры³⁸⁰.

Таким образом, стандарт умного города включает в себя: городское управление; инновации для городской среды; интеллектуальные системы безопасности; оптимальная инфраструктура сетей связи; умное ЖКХ; умный городской транспорт; интеллектуальные и надёжные системы экологической безопасности; туризм и сервис.

Актуальные направления развития технологий «умного города» были представлены на Всероссийском конкурсе по определению лучшей муниципальной практики в номинации «Умный город». Так, в Мурманске ресурс вовлечения граждан в решение актуальных проблем и для обсуждения вопросов городского развития осуществляется через портал «Наш Север», состоящий из пяти функциональных

³⁷⁸ Конференция по искусственному интеллекту : Стенограмма выступления президента России В. В. Путина // Официальный сайт Президента России. 04 декабря 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения 15.10.2021).

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Минстрой России : официальный сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyu-gorod> (дата обращения 30.05.2021).

модулей, через которые производится приём и обработка сообщений, проведение голосований, приём инициатив, информирование о проектах благоустройства, карта работ. Для неопытных пользователей доступен бот-помощник. Этот портал разработан для улучшения качества жизни и облика Мурманской области через активное вовлечение жителей в развитие своего города и региона.

Пройдя короткую регистрацию или воспользовавшись своей учётной записью на портале gosuslugi.ru, любой житель Мурманской области может, к примеру, сообщить о проблеме, помочь властям контролировать и своевременно устранять недочёты по состоянию инфраструктуры коммунального хозяйства и благоустройства. Всего за 10 рабочих дней жителю придет ответ, а в личном кабинете можно отследить решение проблемы и оценить качество ее решения или принять участие в голосованиях, через которые жители влияют на развитие городской среды; ведётся учёт мнения, который встроен в управленческий процесс по выбору проекта благоустройства. Горожане могут выступить с инициативой по благоустройству: для этого существует инициативное бюджетирование как форма распределения финансовых средств.

Портал «Наш Север» также является информационным ресурсом о планах муниципальных образований региона по проектам благоустройства территорий, статусах их реализации, стоимости проектов, и о местах проведения ремонтных работ на инженерных сетях, газопроводах, системах коммунальной инфраструктуры, участках дорожной сети с подробным указанием начала работ, планируемого окончания и ответственной организации.

В городе Новомосковске Тульской области развитие системы повседневного управления городским хозяйством привело к необходимости объединения различных подсистем с минимальными затратами муниципального бюджета. В городе установлена интеграционная платформа и проведено поэтапное объединение уже имеющихся в городе подсистем мониторинга и управления. Платформа представляет собой цифровой двойник города, то есть – связующее звено внутренних структур города: водоснабжения, электроснабжения, теплоснабжения, загруженности дорог, осуществляет мониторинг экологического состояния, организацию комплексной безопасности, в которой представлена общая картина города и процессы обмена информацией между различными структурами. Проект реализуется по 16 направлениям в сферах жилищно-коммунального хозяйства, общественной безопасности, транспорта и городского управления.

В «цифровом двойнике» города были реализованы и интегрированы следующие модули:

- информирование жителей МКД через домофон при распознавании ключа (например, о нарушениях подачи коммунальных ресурсов);
- автоматизированная система управления дорожным движением в интеллектуальной транспортной системе;

- «умный пешеходный переход», предупреждающий водителей о приближении пешехода;
- интегрирование общегородских информационных систем (доведено до 25) и отраслевых информационных систем (доведено до 7);
- оснащение МКД автоматизированными системами учёта потребления тепловой энергии, горячей воды на коллективных (общедомовых) приборах учёта;
- обеспечение данных о техническом состоянии многоквартирных домов, включающих описание всех конструктивных элементов многоквартирного дома и степень их износа, определяемую по результатам технического обследования;
- в качестве пилотных решений установлены рабочие места, интегрированные с ЕДДС в ОМВД по г.Новомосковск, скорой медицинской помощи, тепловой компании.

Другим примером является реализуемая в Белгороде «Народная экспертиза» – региональная онлайн-платформа для эффективного взаимодействия жителей Белгородской области с органами власти, управляющими компаниями, коммунальными службами и ресурсоснабжающими организациями. В её рамках был внедрён алгоритм автоматического определения категории и темы сообщения, а также ответственного исполнителя. На платформе жители могут сообщить о проблеме, предложить идею для реализации, оценить работу муниципального учреждения, участвовать в опросах и высказать своё мнение. Алгоритм работает с точностью выше 90%, а это более 300 тематических линий и порядка 200 ответственных исполнителей.

В Новороссийске, в рамках проекта «Умный город» проведена цифровая трансформация городского управления: создана единая дежурная диспетчерская служба, которая обладает всей актуальной информацией о городской экосистеме, обеспечивает информирование жителей и оперативное реагирование на сообщения о проблемах от населения. В органах местного самоуправления внедрена система электронного документооборота.

Для оперативного обнаружения проблем функционирования транспортной системы внедрена единая информационная система мониторинга пассажиропотока общественного транспорта. Установлены новые остановочные павильоны. Организована безналичная система оплаты проезда и на платных парковочных пространствах. В городе появился городской велопрокат. Также переведены на безналичную оплату платежи в образовательных учреждениях города, услуги ЖКХ, покупка билетов в городской театр и в муниципальный кинотеатр через мобильное приложение. Создано мобильное приложение для жителей и гостей города – это дополнительный источник доступа к информации о городе и возможность отправить обращение в организации и органы власти. Также в приложении имеется доступ к видеокамерам в режиме реального времени.

В сфере ЖКХ осуществлено подключение автопарка дорожной и коммунальной техники к ГЛОНАСС. В рамках проекта в 2019 году был реализован энергосервисный

контракт, произведена эффективная замена 15,5 тысяч светильников наружного уличного освещения на энергосберегающие. Экономия энергопотребления составила 62% в сравнении с аналогичным периодом 2018 года.

На территории города в местах массового скопления людей были созданы точки притяжения: установлены арт-объекты с функцией подключения к Wi-Fi в целях организации комфортной и современной городской среды, популяризации культуры и искусства среди населения. Данные мероприятия расширяют культурное цифровое пространство города³⁸¹.

Рассмотренные здесь практики реализации в некоторых российских городах отдельных положений концепции умного города позволяют говорить о динамичном вовлечении в эту орбиту и внегородских поселений. Реалии сегодняшнего времени таковы, что в данный процесс будет включаться как российские города-миллионеры, так и более малые поселения. Естественно, учёт технологических возможностей умного города будет закладываться как для вновь проектируемых городов, так и для уже существующих, в целях формирования комфортной среды проживания.

Перспективы «умной урбанизации»

На 18-м Российско-Китайском экспертном Форуме «Ресурсная и технологическая основа устойчивого развития» 15-16 июня 2021 года был широко показан опыт по развитию умных городов Китая, который переживает период ускоренной урбанизации (в стране строятся 500 умных городов)³⁸². Как указывал Председатель КНР Си Цзиньпин: «Использование больших данных, облачных вычислений, блокчейна, искусственного интеллекта и других передовых технологий для продвижения инновационных методов городского управления, моделей и концепций управления ... – это единственный способ содействовать модернизации систем городского управления и возможностей управления»³⁸³. Эти практики успешно реализуются в Китае. К примеру, платформа Smart Community Service интегрирует систему сбора данных об услугах, используя мобильную измерительную систему Trimble MX7 и систему съёмки городских пространств SMUC. Платформа может поддерживать голосовое, графическое и текстовое взаимодействие в режиме реального времени между организациями и гражданами³⁸⁴.

³⁸¹ Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика»: номинация «Умный город»: Сборник лучших муниципальных практик, реализованных в 2019 году. URL: https://minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/e78/Sbornik_LMP_2020_v2_compressed.pdf (дата обращения 30.05.2021).

³⁸² 城市镜像 中国有500个智慧型城市, 形成了四大智慧城市群. 18.10.2005. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1613471886697164742> (last request 30.05.2021).

³⁸³ 人民网 人民日报报思想纵横: 推动智慧城市建设迈上新台阶. 20.06.2016. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1669616700062072981> (last request 30.05.2021).

³⁸⁴ 智慧社区服务平台便民服务数据普查系统及应用. URL: <http://tougao.njsuhu.cn/index.php?s=&c=content&a=issue &id=17072&key=6418>.

Для решения проблем логистической отрасли Китая создана современная система анализа отрасли, основанная на технологии географической информационной системы (GIS) с использованием мобильного Интернета и Интернета вещей (Internet of things, IoT), больших данных, блокчейна через производственную цепочку на основе интеллектуальной системы по сетевой транспортировке больших данных и использованию информационных технологий для оптимизации логистики, контроля за отгрузкой, транспортировкой, получением, расчётом и другими действиями предприятия, что снижает затраты и улучшает качество перевозок³⁸⁵.

На экспертном форуме были широко представлены китайские городские практики: универсальная платформа общественных услуг в Шанхае – Citizen Cloud, включающая 104 госуслуги, охватывающих личную информацию, медицину, здравоохранение, транспорт, социальное обеспечение, общественную жизнь, туризм и отдых, а также комплексную службу дорожного движения³⁸⁶, а город Чунцин, насчитывающий более 120 предприятий по производству промышленных роботов, с запуском инновационного центра больших данных и первого национального испытательного полигона 5G, становится важной инновационной базой для цифровой экономики и умной промышленности на юго-западе Китая. И здесь нам есть чему поучиться у наших китайских коллег.

Итак, процессы урбанизации в мире и в отдельных странах будут идти в нарастающей динамике. Урбанизация – это не просто тривиальный рост городов и городского населения. Урбанизационные процессы стоит отождествлять, в том числе, с развитием и внедрением технологий «умных городов» во вновь создаваемых населенных пунктах и привнесение «умных» городских технологий в уже сложившиеся города. Практики реализации «умных городов» в России позволяют заключить, что у нашей страны имеется потенциал для их успешного развития и для перенимания зарубежного положительного опыта развития «умных городов».

---

³⁸⁵ 基于GIS技术的分布式产业链智能协同系统研发与应用 作者：许毅刚; 陈飞; 廖洪.

URL: <http://tougao.njsuhu.cn/index.php?s=&c=content&a=issue&id=17072&key=6423>.

³⁸⁶ Quan C. Top 8 Smart Cities in China // ChinaHighlights. Oktober 1, 2021.

URL: <https://www.chinahighlights.com/travelguide/top-china-smart-cities.htm> (last request 30.05.2021).

3.3. ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОЦИОДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Методология исследования

В реализации программы цифровизации определяющую роль играет уровень её поддержки в социуме. Это учитывалось при организации социологического исследования «Социально-политические вызовы и риски», реализуемого Центром социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в рамках социологического мониторинга «Как живешь, Россия?».

Цифровое будущее предъявляет принципиально новые требования к социальной среде общества, к государственному и муниципальному управлению, к институтам гражданского общества. Цифровизация предполагает кардинальное социальное и технологическое переустройство базовых сегментов социально-экономических условий жизнедеятельности. Исходя из этого, разработанная методика исследования рассчитана на то, чтобы можно было в комплексе отслеживать изменения социальной среды цифровизации, характер восприятия её в сфере управления, в бизнес-среде, в научном сообществе. Наиболее оправданным в этом плане стала разработка целевой методики опроса экспертов, уровень компетентности которых позволяет давать комплексную оценку процессам цифровизации в основных сферах жизнедеятельности российского общества³⁸⁷.

Особое внимание при разработке методики уделено необходимости определения основных трендов в изменении социальной среды, в восприятии курса на цифровизацию российского общества. В анкете использованы индикаторы и показатели, разработанные д. социол. наук В. Левашовым для социологического мониторинга «Как живешь, Россия», а также для других исследовательских проектов.

Социологический опрос экспертов проведен в три этапа. Первый этап реализован в ноябре 2018 – феврале 2019 гг., второй этап в ноябре 2019 – феврале 2020 гг. Третий этап в октябре 2021 г.³⁸⁸ В качестве экспертов выступили специалисты, профессионально занимающиеся исследованием социально-политических процессов, а также представители управленческих структур, занятые в сфере регулирования социальных и властных отношений на региональном и муниципальном уровнях. На первом этапе опрошено 127 экспертов, на втором – 179, на третьем – 123.

³⁸⁷ Методика экспертного опроса (анкета эксперта): (концепция, структура, основные содержательные блоки) разработаны ведущим научным сотрудником Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН Н. Мерзликиным.

³⁸⁸ Полевой этап исследования осуществлен под руководством д. полит. наук проф. Л. Е. Ильичёвой, к. социол. наук А. В. Иванова. Компьютерная обработка результатов исследования выполнена ст. науч. сотр. О. П. Новожиной. Научный руководитель исследовательского проекта – д. экон. н., проф. С. В. Рогачев.

Отбор экспертов осуществлялся с учетом уровня их компетентности. В 2021 г. из числа экспертов 75,6% имели высшее образование, 22,8% более одного высшего образования, 1,6% с учеными степенями. Более половины (52,0%) заняты в сфере государственной службы, в органах муниципального управления – 28,5%, в науке и в области образования – 2,2%, в бизнес-среде – 7,3%.

Результаты опроса позволяют получить комплексную оценку социально-политических аспектов процесса цифровизации. Итоги первого этапа исследования представлены в главе «Социальные вызовы и риски цифровизации» коллективной монографии, изданной ИСПИ РАН в 2019 г.³⁸⁹, второго этапа – в главе «Социально-политические вызовы и риски перехода к цифровой зрелости» коллективной монографии, изданной ИСПИ ФНИСЦ РАН в 2020 г.³⁹⁰

Новый этап экспертного опроса позволяет рассмотреть изменения в оценках экспертами процесса цифровизации в социодинамике, в сравнении с результатами предыдущих исследований. Это позволяет в динамике определять те тренды в развитии цифровизации, которые носят долговременный и устойчивый характер, раскрыть те стороны в социально-политической сфере российского общества, которые выступают в качестве триггера или тормоза в цифровом развитии.

Взрывной рост – определяющая особенность процесса развития цифровизации в условиях пандемии covid-19

Сравнение результатов первого этапа экспертного опроса с последующими этапами позволяет сделать вывод, что пандемия covid-19 стала триггером взрывного развития процесса цифровизации российского общества. В общественное сознание вошло понимание, что в условиях пандемии без использования цифровых технологий победить пандемию невозможно. Решающая роль цифровых технологий как в создании ограничительных мер, сокращающих возможности распространения коронавируса, так и в обеспечении процессов управления в системе общественных отношений стала полностью осознанной.

Стратегическая значимость обеспечения роста процесса цифровизации обозначена в Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», включившего в перечень пяти целей национального развития страны «цифровую трансформацию». В рамках этой цели в 2020—2021 гг. началось не только перевооружение технологической основы процесса цифровизации, но и качественные изменения внутри социальной среды, ориентированной на включение в процесс цифровизации. Главной, определяющей в

³⁸⁹ Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году // Под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. Москва : ИТД «Перспектива», 2019. С. 71-80.

³⁹⁰ Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. Москва : ИТД «Перспектива», 2020. С. 88-109.

процессе цифровизации стала деятельность в рамках «Стратегии развития электронной промышленности до 2030 года», «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года», программы «Искусственный интеллект». В практической плоскости стала решаться имеющая стратегическую значимость задача перехода российских пользователей в органах госуправления на российское программное обеспечение и российское оборудование. Началось создание цифровых платформ – агрегаторов, охватывающих целые отрасли.

Пандемия covid-19 актуализировала не только значимость технологического развития, но и необходимость превращения российской юрисдикции в привлекательную для IT-индустрии сферу, стимулирующую разработку новых технологий, программное обеспечение, внедрение искусственного интеллекта в экономику и в систему управления. Важной вехой на этом пути стало создание Иннополиса – первого российского города, построенного в Татарстане для специалистов в области цифровых технологий. Основная задача его – создание особой социальной среды и условий жизнедеятельности, инициирующей создание технологий для цифрового будущего в России.

Все это кардинальным образом изменило отношение общества к процессу цифровизации. С одной стороны, произошло признание важности и необходимости стратегии технологического прорыва, развития процесса цифровизации. С другой, обозначилось появление в обществе тревоги, осознание той опасности, которую несет в себе цифровизация для конкретного индивида. Это отражено, в частности, в ответах на вопрос, «сформировалось ли в обществе атмосфера осознания важности и необходимости поддержки стратегического технологического прорыва и цифровизации и в какой степени?». Если в 2018 – 2019 гг. наличие такого осознания в обществе в «высокой степени» отмечено 10% экспертов, «в средней степени» – 50%, «в малой степени» – 40%, то в 2021 году необходимость перехода к новому технологическому укладу стала восприниматься с большим пониманием.

С позиций социологического измерения характера восприятия в обществе процесса цифровизации важное значение имеет определение уровня поддержки национальной программы цифровизации. Обращает на себя внимание, что по оценкам 70% экспертов переход к цифровой экономике, к новому технологическому укладу поддерживается в обществе лишь частично. Только пятая часть экспертов отмечает высокий уровень поддержки. Более половины экспертов (52,8%) обратили внимание на наличие у населения «высокой степени» боязни перемен, внедрения в ходе цифровизации новшеств, разрушающих привычный ритм трудовой деятельности, угрозу потери работы.

Существенной стороной восприятия процесса перехода к цифровой экономике выступает уровень уверенности социума в реальности выполнения провозглашенных программ по вхождению России в сферу нового технологического уклада, в русло цифровой экономики. В этом плане обращает на себя внимание социодинамика оценок

экспертами уверенности населения в реальности выполнения намеченных мер (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка сформированности в обществе уверенности в выполнении стратегии вхождения в русло нового технологического уклада, в сферу цифровой экономики
(2018-2019 гг. N=127, 2021 г. N=123, % от числа экспертов)

Оценки	2018-2019	2021
Такая уверенность в обществе есть	4,7	25,4
Такая уверенность сформировалась лишь частично	54,3	49,2
Такой уверенности не сформировалось	41,0	25,4

Приведенные в таблице данные показывают значимые изменения социодинамики экспертных оценок. Если в 2018-2019 гг. только 4,7% экспертов отмечали наличие в обществе уверенности в реальности реализации стратегии развития цифровизации, то в 2021 г. число экспертов, придерживающихся этой точки зрения, возросло более чем в пять раз (с 4,7% до 25,4%). Уменьшилось и число сомневающих в реальности выполнения намеченных программ развития (с 40,2% до 25,4%). В целом же, по мнению большинства экспертов, в обществе отсутствует уверенность в реализации провозглашённой стратегии вхождения России в новый технологический уклад. По мнению 49,2% экспертов, такая уверенность сформирована лишь частично, а 25,4% указали на полное отсутствие такой уверенности.

Все эти данные свидетельствуют о серьезном социально-политическом феномене. Разработаны масштабные национальные программы, призванные обеспечить переход России в цифровое будущее, предусмотрены серьезные финансовые ресурсы, а в обществе уверенности в их реализации нет.

Субъекты социальной среды цифровизации: социодинамика трансформации

Сравнение результатов опроса экспертов всех этапов исследования показывает, что внутри социальной среды процесса цифровизации произошли серьезные изменения (см. табл. 2).

Таблица 2

Социодинамика иерархии социальной среды цифровизации

Вопрос: «В какой мере, на Ваш взгляд, поддерживается необходимость ускоренного вхождения России в русло технологической революции следующими социальными субъектами? (Оцените по шкале, где «1» - «в наименьшей», а «5» - «в наивысшей мере» (2018-2019 гг., №=127; 2019-2020 гг., №=179, 2021 г., №=123. % от числа экспертов.

Ранжировано по параметру «в высокой степени»)

Субъекты социальной среды	В невысокой степени			В средней степени			В высокой степени		
	2018-2019	2019-2020	2021	2018-2019	2019-2020	2021	2018-2019	2019-2020	2021
Властные структуры федерального уровня	10,0	10,8	14,4	31,7	26,9	27,6	58,4	60,3	56,9
Государственный сектор экономики	13	17	10,6	37,0	32,0	34,1	49,6	58	55,3
Научная среда, сфера образования	5,7	12,5	24	30,3	25,6	22,8	63,9	61,9	52,9
Корпоративный бизнес	11,4	10,7	14,6	29,3	23,7	32,5	59,3	65,4	52,8
Властные структуры регионального уровня	24,6	17,7	20,5	35,2	32,0	42,6	40,2	50,0	36,9
Граждане России	35,0	40,0	49,5	33,3	33,2	29,3	31,7	26,8	26,9
Политические партии движения	35,0	40,3	38,8	33,9	26,6	24,4	30,6	32,7	26,9
Институты гражданского общества	-	-	46,7	-	-	27,5	-	-	25,8
Средний и малый бизнес	34,7	29,6	46,8	36,4	36,7	27,5	28,9	31,7	25,8

Из приведенных в таблице данных следует, что среди субъектов, поддерживающих необходимость ускоренного вхождения России в русло технологической революции, лидирующие позиции в структуре социальной среды цифровизации стали занимать властные структуры федерального уровня и государственный сектор экономики. Научная среда (сфера) образования и корпоративный (частный) бизнес, в отличие от 2018 – 2020 гг., отошли на третье и четвертое места. Обращает на себя внимание слабая, по мнению экспертов, вовлеченность в процесс цифровизации таких субъектов как политические партии и движения, а также институты гражданского общества. Не произошло позитивных сдвигов и в пассивном отношении к цифровизации со стороны граждан.

**Оценка степени включенности субъектов социальной среды
в управленческую деятельность по формированию нового
технологического уклада, цифровой экономики**

Принципиально важным в оценках социальной среды цифровизации является анализ степени включенности её субъектов в управленческую деятельность по формированию в стране нового технологического уклада, цифровой экономики (см. табл. 3).

Таблица 3

**Распределение ответов экспертов на вопрос: «Формирование нового
технологического уклада, цифровой экономики во многом зависит от
включенности в данный процесс властных структур и хозяйственных субъектов.
В какой мере на Ваш взгляд, это проявляется в их управленческой
деятельности?»**

(2021 г. №=123, % от числа экспертов)

Субъекты социальной среды	В малой, невысокой мере	В средней мере	В высокой и наивысшей мере
Управленческие структуры крупного бизнеса с государственным участием	5,7	25,2	69,1
Властные структуры федерального уровня	4,1	34,1	61,8
Властные структуры регионального уровня	20,0	39,0	52,0
Управленческие структуры крупного корпоративного бизнеса (частного)	19,5	37,4	43,1
Управленческие структуры среднего (малого) бизнеса	23,6	45,5	30,9

Соотношение приведенных в таблице 2 сведений с данными таблицы 3 позволяет сделать вывод, что основным локомотивом продвижения страны в новый технологический уклад, в сферу цифровой экономики выступают властные структуры федерального уровня и управленческие структуры крупного бизнеса с государственным участием. Значима, по оценкам экспертов, и роль управленческой деятельности со стороны властных структур регионального уровня. Это отметили более половины (52%) экспертов. Настораживают низкие оценки экспертов степени участия в управленческой деятельности по переходу в новый технологический уклад структур крупного корпоративного бизнеса.

**Социально-политические факторы отрицательного влияния на процесс
цифровизации**

Внутреннее состояние социальной среды общества во многом предопределяет направленность и темпы вхождения страны в эпоху нового технологического уклада. Повышенного внимания в этом плане требуют социально-политические факторы, замедляющие формирования цифровой экономики (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов экспертов на вопрос: «В какой мере, на ваш взгляд, отрицательно влияют на процесс формирования в России цифровой экономики следующие факторы?»

(оцените по шкале, где «1» - в малой степени, а «3» - в высокой степени. Ранжировано по периметру в высокой степени.
(ноябрь 2019-февраль 2020 N=199, 2021 N=123, % от числа экспертов).

	Факторы	В малой степени		В средней степени		В высокой степени	
		2019-2020	2021	2019-2020	2021	2019-2020	2021
1	Дефицит квалифицированных специалистов в сфере информационных технологий	54	18,9	21,1	29,5	73,5	51,7
2	Коррупция	12,6	2,4	23,3	35	65,1	62,6
3	Снижение жизненного уровня населения, бедность	13,8	13	21,7	28,5	64,4	58,5
4	Не достаточная компетентность управленческой деятельности в сфере экономики	7,5	18	28,4	24,6	64,1	57,4
5	Низкий уровень цифровой грамотности населения	6,6	4,9	31,1	42,3	62,2	52,8
6	Отсутствие необходимого уровня финансирования фундаментальных исследований	7,8	10,6	33,1	28,5	59,1	60,9
7	Падение уровня социального оптимизма	15,7	2,4	29,5	35	54,8	62,6
8	Высокая степень социального расслоения общества	16,1	13,8	32,7	35,8	51,2	50,4
9	Отсутствие консолидации общества и власти	16,25	16,4	32,5	56,6	50,9	27,1
10	Опасение лишиться своего рабочего места из-за внедрения цифровых технологий, робототехники, искусственного интеллекта	23,5	20,3	27,2	26,8	48,8	52,8
11	Реализуемая политика бюджетного финансирования нацпроектов	22,2	43,4	34,1	32	43,7	24,6
12	Конфликт интересов относительно цифрового будущего России внутри властных и экономических элит	18,6	33,6	28,1	30,3	43,3	36
13	Реализуемые формы и методы стратегии социально-экономического развития	27,4	41	32,7	25,4	39,9	33,6
14	Внешние вызовы и риски (санкции со стороны США, в целом со стороны коллективного Запада)	45,8	52	22,6	30,1	31,5	17,9
15	Вовлеченность страны в нестабильные межгосударственные конфликты	48,8	51,3	25,6	21,1	25,6	25,2

Анализ динамики факторов отрицательного влияния на процесс цифровизации показывает существенные изменения в их иерархии. Если в 2019–2020 гг. первое место в качестве основных факторов, тормозящих процесс цифровизации, занимали такие факторы как «дефицит квалифицированных кадров в сфере цифровых технологий» и соотносимый с ним «низкий уровень цифровой грамотности населения», то в 2021 г. ситуация изменилась. Интенсивной работой по подготовке специалистов в области цифровых коммуникаций, ликвидации цифровой неграмотности населения острота данных факторов была в значительной мере ослаблена. В современных условиях особую остроту приобрели социальные факторы долговременного действия. На первое место вышел фактор «падение социального оптимизма» в обществе». Подавляющая часть экспертов (62,6%) указали на этот фактор. С ним соотносятся такие факторы как «снижение жизненного уровня населения, бедность» (58,5%), «высокая степень социального расслоения общества» (50,4), «опасение лишиться своего рабочего места из-за внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта» (52,8%). Ведущее место по своему отрицательному влиянию на процесс цифровизации по-прежнему занимает коррупция (62,6%).

Отдельную группу социальных факторов, тормозящих процесс цифровизации, составляют такие факторы как «недостаточная компетентность управленческой деятельности в сфере экономики», «конфликт интересов относительно цифрового будущего России внутри властных и экономических элит» (36%), «реализуемые формы и методы стратегии социально-экономического развития», «политика бюджетного финансирования нацпроектов» (34%).

Обращает на себя внимание разница в оценке экспертов внешних и внутренних факторов, отрицательно влияющих на процесс цифровизации. Внешние факторы, такие как «вовлечение страны в нестабильные межгосударственные конфликты» (25,2%) и «санкции со стороны США, в целом со стороны коллективного Запада», не относятся к числу основных. Отсюда следует принципиальной важности вывод о том, что наиболее серьёзными факторами, тормозящими процесс развития в России цифровой экономики, выступают факторы, обусловленные внутренними процессами в российском обществе. Развернутый анализ факторов торможения процесса цифровизации, а также иерархии вызовов и рисков, которые несет в себе цифровизация дан по итогам анализа второго этапа исследования в главе «Социально-политические вызовы и риски перехода к цифровой зрелости» в монографии «Российское общество и государство в условиях пандемии»³⁹¹.

В целом результаты исследования процесса цифровой трансформации России позволяют сделать вывод, что реализуемая в стране стратегия формирования цифрового будущего поддерживается основными субъектами социальной сферы

³⁹¹ Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. Москва : ИТД «Перспектива», 2020. 532 с.

общества. Ведущее место в этом процессе занимают федеральные органы государственного управления и хозяйствующие субъекты с государственным участием. Слабым местом в этом процессе выступает недостаточная вовлеченность в него населения, институтов гражданского общества, а также политических партий.

Гражданское общество и цифровизация.

Цифровое государство и социальное доверие: новые возможности консолидации российского общества

Цифровизация общественной жизни, являясь элементом новой цифровой реальности, формирует новые механизмы социального взаимодействия, существенным образом влияющие на уровень социального доверия и в целом на процесс социальной консолидации общества. Цифровая среда взаимодействия граждан и государства лишена таких недостатков как бумажный бюрократизм, непрозрачность деятельности власти, недоступность чиновников, игнорирование мнения граждан при принятии ключевых решений о развитии территорий.

Таким образом, существовавшие ранее причины, приводящие к отчуждению власти от народа, социальной апатии и социальной атомизации граждан, росту недоверия к деятельности властных структур на всех уровнях государственного управления постепенно теряют свою остроту.

Сегодня государство уделяет постоянное внимание внедрению цифровых технологий на всех уровнях государственного управления. Для большинства граждан уже стали привычными безналичные расчеты с помощью пластиковых карт, цифровые сервисы оплаты услуг ЖКХ, цифровая запись в медучреждения, запись детей в школы и детские дошкольные учреждения, получение разнообразных государственных услуг в цифровой форме. Вышеперечисленные новые возможности в первую очередь направлены на повышение качества жизни населения, но есть и еще одна важнейшая задача, находящая свое решение в цифровизации общественной жизни – развитие и укрепление демократии в России.

За последние 5-7 лет в стране создано множество цифровых сервисов и платформ, призванных сделать взаимодействие власти и населения открытым и прозрачным, оперативным и эффективным, обеспечить возможности социального контроля деятельности власти, повысить степень её ответственности. Реализация этих целей направлена на рост гражданского участия в решении важнейших проблем развития территории проживания, позволяет снизить уровень отчуждения власти от народа, восполнить дефицит социального доверия и способствует процессу социальной консолидации в российском обществе.

В ходе опроса экспертам было предложено оценить степень влияния процессов цифровизации общественной жизни на решение фундаментальных задач социально-политического развития России (см. табл. 5).

Таблица 5

Мнение экспертов о том, в какой степени развитие процессов цифровизации общественной жизни позволит достичь следующих результатов³⁹²

(N=123, % от числа экспертов)

Результаты	В наименьшей степени	В невысокой степени	В средней степени	В высокой степени	В наивысшей степени
Построение правового государства, достижение равенства всех граждан перед законом	7,3	34,1	31,7	26,0	0,8
Развитие институтов гражданского общества, общественного самоуправления, политической активности населения	4,9	23,6	39,0	29,3	3,3
Рост доверия граждан к органам власти и управления	3,3	30,1	32,5	28,5	5,7

К числу таких задач относится «Построение правового государства, равенство всех граждан перед законом». Около двух третей экспертов (58,5%) считают цифровизацию общественной жизни позитивным фактором, способствующим решению этой задачи. Причем эксперты, придерживающиеся противоположной позиции, составляют всего 7,3% от общего количества экспертов.

Следующая важнейшая задача на пути российского общества к достижению подлинной демократии – всемерное развитие институтов гражданского общества, общественного самоуправления и политической активности граждан. В решении этой задачи эксперты также консолидированно дают высокую оценку положительного влияния цифровизации общественной жизни. Так, о низком уровне влияния заявляют всего 4,9%, а о наивысшей, высокой и средней степени влияния в сумме заявили 71,6% экспертов.

Цифровые технологии сегодня создают условия для участия граждан в принятии важнейших решений по развитию территорий (общественное обсуждение проектов развития территорий в режиме «on-line» на Интернет-ресурсах органов власти различного уровня), учета их мнений и предложений, позволяют оперативно реагировать на жалобы, вовремя оказывать необходимую помощь. Преимущества

³⁹² Экспертный опрос проведен центром социально безопасности и рискологии Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Центром государственно-частного партнерства Института государственной службы РАНХиГС при Президенте Российской Федерации в рамках реализации исследовательского проекта «Становление цифровой реальности: социально-политические вызовы и риски» 01.10–15.10.2021. Регион исследований: Москва, Московская область, Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Челябинск, Челябинская область, Южно-Сахалинск, Сахалинская область. Опрошено 123 эксперта, представляющих федеральные, региональные и муниципальные органы власти.

цифровых технологий позволяют повысить уровень доверия граждан к органам власти, сократить отрыв власти от народа, поддержать процесс консолидации общества, что и подтверждают результаты экспертного опроса. Большинство экспертов (66,7%) считают рост доверия граждан к органам власти и управления прямым следствием использования новых возможностей цифровизации общественной жизни.

Эта тенденция подтверждается экспертными оценками роли новых возможностей цифровизации в достижении высокого уровня консолидации в обществе, преодоления отчуждения власти от народа (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Считаете ли Вы, что новые возможности цифровизации способствуют процессу консолидации и укреплению социального доверия в обществе?»

	да	нет
Создание цифровых сервисов для участия граждан в управлении территориями, осуществления общественного контроля за деятельностью исполнительных органов власти	65,0	35,0

Однако результаты экспертного опроса свидетельствуют о наличии устойчивой группы экспертов, не столь оптимистичных в оценке роли и влияния процессов цифровизации общественной жизни в российском обществе. От 28,5% до 42,3% экспертов считают, что процессы цифровизации общественной жизни в невысокой и в наименьшей степени позволяют достичь вышеуказанных целей общественного развития. Эта группа экспертов состоит преимущественно из управленцев муниципального уровня, что свидетельствует о слабости и неоформленности структур гражданского общества на местах. Эксперты, представляющие муниципальный уровень власти, также заявляют о недостаточной эффективности и слабой адаптации цифровых сервисов, созданных для участия граждан в управлении территориями и осуществления контроля деятельности исполнительных органов власти к специфике регионов и муниципальных образований.

Проблема неразвитости структур гражданского общества на муниципальном уровне, где главным образом идёт их зарождение и институциональное оформление, приводит к ситуации «колосса на глиняных ногах», когда на федеральном уровне создаются номинальные институты гражданского общества, лишённые социального фундамента на местах (см. табл. 7).

Таблица 7

**Распределение ответов экспертов на вопрос:
«Что на ваш взгляд снижает возможности российских регионов обеспечивать становления в России цифрового будущего?»
(% от числа экспертов, N=123)**

	Сильно снижает возможности	Снижает в средней степени	Не оказывает существенного воздействия
Слабость институтов гражданского общества и неразвитость общественного контроля за деятельностью властных структур	14,8	54,9	30,3

Лишь треть экспертов (30,3%) уверены в отсутствии негативного влияния, остальные эксперты считают слабость институтов гражданского общества серьезным фактором торможения процесса становления в России цифрового будущего.

Преодоление описанных выше негативных тенденций лежит в плоскости обретения институтами гражданского общества реальных, законодательно и юридически оформленных полномочий, сфер ответственности и управленческих функций. В условиях стремительно наступающей цифровой реальности обретение институтами гражданского общества статуса социального субъекта и реального политического веса в системе властных отношений возможно лишь через создание эффективных цифровых платформ и сервисов, позволяющих эффективно реализовать главные функции и задачи гражданского общества, прежде всего, функцию социального контроля за деятельностью исполнительной власти и принципы гражданского участия в решении ключевых проблем развития российского общества (см. табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов экспертов на вопрос: «В какой мере, на ваш взгляд, поддерживается необходимость ускоренного вхождения России в новый цифровой технологический уклад следующими социальными субъектами?»
(% от числа экспертов, N=123)**

	В наименьшей мере	В невысокой мере	В средней мере	В высокой мере	В наивысшей мере
Институтами гражданского общества	13,8	33,3	26,0	13,8	13,0

Более половины экспертов (52,8%) заявили, что гражданское общество в России поддерживает процесс цифровизации общественной жизни, рассматривая его как

создание новых возможностей для институтов гражданского общества, формирующих основу для их интеграции в цифровое государство.

Таким образом, агрегация всех предыдущих блоков экспертных оценок позволяет выйти на уровень анализа базового социального процесса, отражающего актуальное состояние уровня социального доверия в российском обществе. Респондентам было предложено высказать своё согласие /несогласие с суждением о том, что принципы социального доверия и социальной справедливости станут ключевыми принципами в послевыборный период (см. табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Согласны ли Вы с суждением, что принципы социального доверия и социальной справедливости станут ключевыми принципами в послевыборный период?»
(% от числа экспертов, N=123)

	Да	Нет
Согласны ли Вы с суждением, что принципы социального доверия и социальной справедливости станут ключевыми принципами в послевыборный период	40,7	59,3

Большинство экспертов не видят предпосылок для роста уровня социального доверия в послевыборный период. Об основных причинах низкого уровня доверия в обществе уже сказано выше, однако надо иметь в виду многофакторную природу данного социального процесса. Негативное влияние на общий уровень социального доверия оказывает пандемия коронавирусной инфекции. Это прежде всего падение доверия к системе здравоохранения, ее способности противостоять пандемии, падение доверия к возможностям государства в преодолении пандемии, падение доверия к СМИ, падение уверенности граждан в завтрашнем дне (отсутствие перспектив стабильной жизни и трудовой деятельности, невозможность среднесрочного и долгосрочного планирования своей жизни и т.д.).

Тем не менее, значительная часть экспертов (40,7%) выступают сторонниками сохранения приоритетов социального доверия в общественном развитии России, и это именно та группа экспертов, которая связывает процесс цифровизации общественной жизни с ростом уровня консолидации российского общества.

3.4. КОРОНАВИРУС И ВАКЦИНАЦИЯ: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ, МЕДИЙНЫЙ КОНТЕКСТ

События последних лет, связанные с COVID-19, оказали фундаментальное влияние практически на все стороны жизни российского общества. Коронавирусная инфекция легко преодолевала границы стран и континентов, становясь глобальным явлением. Глобальными по своему содержанию являются также меры борьбы с COVID-19, лишь очень немногие страны являются исключениями из принятых универсальных подходов. Сложившаяся в нашей стране в связи с пандемией социальная и социально-политическая ситуация требует со стороны гражданского общества и государства ответов на актуальные вопросы жизнедеятельности страны. Каково содержание массовых представлений населения о COVID-19? Каким было отношение граждан к предпринимаемым властями мерам борьбы с заболеванием? Как соотносится отношение людей к возможности обязательной вакцинации и их доверие к российским властям? В чем состоят отличительные черты медийного дискурса о вакцинации?

В поиске ответов сначала приведем данные о том, в какой мере участники исследования ощутили влияние коронавирусной инфекции. Результаты показали, что COVID-19 как сложный медико-биологический и социальный феномен затронул самые широкие слои общества³⁹³. Среди участников исследования перенесли заболевание в легкой форме – 37%; перенесли заболевание в тяжелой форме – 10% респондентов. Существенная часть опрошенных отметили, что сами не болели, но болели члены их семьи, близкие родственники, знакомые (36%). Меньшая часть респондентов – 15% – указали, что они сами, члены их семей, близкие родственники и знакомые не болели. Другими словами, подавляющее большинство граждан, представленных в выборке либо лично, либо на уровне своей малой группы испытали негативное влияние COVID-19 на период исследования.

Информационный контекст формирования представлений о коронавирусе

Говоря о сложившихся в период исследования массовых представлениях о коронавирусе, нужно иметь в виду ряд важных обстоятельств. Прежде всего необходимо учитывать сложность и слабую изученность самого явления, широкое распространение которого было связано с высокой опасностью для жизни людей, включая летальные исходы. В этой ситуации от властей требовались оперативные и

---

³⁹³ Эмпирическую базу социологического анализа составляют данные, полученные в рамках многолетнего мониторингового проекта «Как живет Москва». В 2021 г. полевой этап исследования проходил в июне-июле. Общее число опрошенных N=793. Использовалась квотная выборка со связанными параметрами. Метод сбора первичной информации – онлайн опрос.

эффективные меры борьбы с массовым заболеванием. Как известно, с самого начала пандемии был введен ряд мер санитарной профилактики, направленных на предотвращение распространения инфекции – введение масочного режима, социальная дистанция, удаленная работа и учеба, в экстренных случаях – локдаун и закрытие предприятий. При этом ключевым инструментом в стратегии борьбы с коронавирусом, как в нашей стране, так и за рубежом изначально рассматривалась массовая вакцинация населения. Важным было и то, что COVID-19 изначально по своей природе приобрел глобальный характер. В борьбу с ним были включены субъекты как национального, так и глобального уровня, например, Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) и др., обеспечивающие координацию организационно-профилактических методов и решений в этой области.

Пандемия стала тем новым глобальным вызовом, который привел к усилению настроений, связанных с ощущением общей угрозы, нарастанием нестабильности и опасности на уровне индивида, группы и общества в целом. Согласно глобальному исследовательскому проекту Edelman Trust Barometer, пандемия была фактором, который усилил существовавшие страхи и опасения индивидуального и социального плана³⁹⁴. Так, в октябре-ноябре 2020 г. распространенность подобных настроений была следующей. Опасения потери работы – 84%; негативных климатических изменений – 72%; хакерских и кибер-атак – 68%; заражения COVID-19 – 65%; потери гражданских свобод – 61%³⁹⁵. Фактически COVID «вплетается» в социальную ткань, разрушая одни сложившиеся практики, и интенсифицируя другие, существовавшие ранее.

Поскольку москвичи на момент исследования прожили в условиях коронавируса более года, то новый негативный опыт не мог не сказаться на социальных настроениях. Проблема «распространения коронавирусной инфекции COVID-19» заняла второе место в лидирующей группе социальных проблем, беспокоящих участников исследования. Эту позицию отметили 49% опрошенных. Наибольшее число упоминаний в ряду беспокоящих людей социальных проблем стабильно в последнее десятилетие собирала позиция «дороговизны жизни». Не был исключением и 2021 год – 53% респондентов указали на эту проблему. В группу наиболее важных для респондентов социальных проблем также входили «рост тарифов на услуги ЖКХ», «произвол и бюрократизм чиновников», каждая из которых собрала по 46% упоминаний.

Другим важным обстоятельством, с которым соотносились существующие в обществе оценки коронавирусной инфекции, является состояние информационной среды. Распространение COVID-19, особенно в марте – мае 2020 г. было сопряжено с

³⁹⁴ Исследование 2021 Edelman Trust Barometer было проведено в период октября-ноября 2020 г.

³⁹⁵ Edelman Trust Barometer 2021 : Global report. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (last request 05.10.2021).

бурным ростом информационного потребления³⁹⁶. Основываясь на положениях теории медиа и массовой коммуникации, будем учитывать, что особую социальную значимость система медиа приобретает в критические моменты жизни общества и государства. Такие как войны, эпидемии, экономические кризисы, природные катастрофы, политические потрясения и социальные конфликты³⁹⁷. В эти периоды уровни неопределенности и психологической дезорганизации возрастают, граждане объективно оказываются зависимыми от внешней медиасреды. Медиа становятся одним из немногих источников, к которым население обращается с целью понимания происходящего, поиска ответов на вопрос о том, как снизить риски личной и общественной безопасности.

Информационная ситуация в связи с пандемией 2020 г. вполне адекватно, на наш взгляд, описывается с помощью приведенной выше модели. Без излишнего преувеличения можно говорить о том, что медиа оказались единственными (наряду с личным опытом людей) источником информирования и, в значительной мере, решающим средством формирования представлений о содержании и перспективах борьбы с пандемией. Воздерживаясь от ценностных суждений, констатируем, что именно медиа формировали информационную атмосферу о COVID-19, социально-политических, социально-экономических и социокультурных последствиях пандемии.

С самого начала распространения COVID-19 как в российском, так и в мировом информационном пространстве доминирующей оказывалась некоторая единая, официальная позиция медицинских властей о происхождении, подходах к лечению и профилактике этого заболевания. В силу глобальных масштабов явления, а также важной роли мировых информационных агентств, существенного проникновения глобальных интернет-ресурсов в национальные информационные среды, официальный медиа-дискурс о COVID приобрел универсальный характер.

Вместе с тем, поддержание когерентной «картины мира» в условиях современной информационной среды оказалось достаточно сложным. Упомянутая выше интенсификация информационного потребления в связи с коронавирусом была сопряжена с более активным обращением не только к традиционным онлайн-средствам (к телевидению, радио, прессе), но и повышением активности использования интернет. Причем здесь внимание аудитории получали не только массовые информационные ресурсы, но, прежде всего, социальные сети. Логика использования последних изначально предполагала высокую включенность пользователей в обсуждение самой разной проблематики, распространение точек зрения, зачастую далеких от медийного мейнстрима.

Это имеет прямое отношение к теме формирования представлений о COVID-19. В период «новой нормальности» информационная ситуация была сложной.

---

³⁹⁶ Назаров М. М., Ковалев П. А. Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления // *Общественные науки и современность*. 2021. № 4. С. 49–63.

³⁹⁷ DeFleuer M., Ball-Rokeach S. *Theories of Mass Communication*. New York : Longman, 1989. Pp. 305-321.

С одной стороны, как в нашей стране, так и в мире официальные оценки этого явления претерпевали изменения, причем, «сигналы» со стороны уполномоченных представителей медицинских властей оказывались зачастую противоречивыми. Кроме того, негативная социально-психологическая атмосфера в обществе (летальные исходы, локдауны, ограничения, нарушение сложившихся практик социального взаимодействия людей, новые практики режима труда и отдыха и др.) послужила основанием для формирования самых разных интерпретаций и представлений о COVID-19.

Далеко не случайно, что в условиях нарастания в мировой информационной среде «лакун» и неопределенностей в связи с ковидом, Всемирная Организация Здравоохранения стала активно использовать термин «инфодемии». Посредством этого описывают ситуацию «избытка или переполнения информацией, иногда точной, иногда нет, что делает для людей сложным нахождение заслуживающих доверия и надежных источников»³⁹⁸. Не менее важно и то, что инфодемия стала основанием для критики в адрес ведущих технологических интернет-игроков (Google, Facebook и некоторых других), чьи алгоритмические системы управления контентом способствовали выдвиганию на первые позиции поиска сенсационных и непроверенных материалов, которые объективно принижали значимость официальных комментариев ВОЗ, а также материалов национальных медицинских властей.

Нельзя не сказать и о том, что информационная ситуация вокруг коронавируса оказалось сопряженной с активным использованием известного клише «теория заговора». Не углубляясь в содержание и происхождение этого понятия, отметим, что применительно к проблематике COVID-19 оно зачастую использовалось для вывода за рамки дискуссии тех, кто не разделял официальные оценки, предлагал иные интерпретации, обращался к источникам, которые были сомнительными с точки зрения медицинских властей. Так, распространение теорий заговора считалось опасным для сдерживания COVID-19. Неприемлемым считался переход контента этого типа от периферии к мейнстриму популярного дискурса. Предпосылкой этого является то, что цифровые платформы способствуют сглаживанию коммуникативных иерархий, когда все источники кажутся эквивалентными, повышают показатели онлайн-взаимодействия вокруг сомнительной проблематики, повышают роль непроверенных источников в социальных сетях, снижают доверие к институциональной власти и профессиональной журналистике³⁹⁹.

Крупнейшие цифровые игроки, равно как и традиционные официальные медиа практически повсеместно приняли необходимые правила игры. Т.н. нежелательный

³⁹⁸ Novel Coronavirus (2019-nCoV) : Situation Report – 13 // World Health Organization. February 2, 2020. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200202-sitrep-13-ncov-v3.pdf> (дата обращения 05.10.2021).

³⁹⁹ Hakmeh J., Taylor E., Peters A., Ignatidou S. The COVID-19 pandemic and trends in technology. Transformations in governance and society. International Security Programme. Chatham House, 2021.

контент оказался минимизированным. Более того, были внедрены новые технологии проверки и контроля за сообщениями. На проблематику COVID стали распространяться принципы контроля за контентом, которые ранее были применены к массовой политической проблематике. В силу экстерриториальности цифровых платформ политической цензуре подвергались самые разные субъекты из разных стран (от президентов до малоизвестных граждан, мнения которых по тем или иным причинам были неуместны в пространстве платформы).

В качестве примера такого информационного контроля в связи с темой коронавируса можно привести нормы публикаций, принятые мировым видеохостингом YouTube. «Безопасность наших создателей, зрителей и партнеров – наш главный приоритет. ... YouTube не разрешает размещать контент о COVID-19, который несет риск нанесения серьезного вреда. На YouTube запрещен контент, распространяющий медицинскую дезинформацию, противоречащую медицинской информации местных органов здравоохранения или Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) о COVID-19. Это включает контент, который противоречит рекомендациям ВОЗ или местных органов здравоохранения в отношении: ухода, профилактики, диагностики, передачи инфекции, рекомендаций по социальному дистанцированию и самоизоляции, существованию COVID-19»⁴⁰⁰. Аналогичные меры контроля были применены Facebook, Twitter и другими популярными сетями.

Оценивая подобные меры, надо учитывать, что в дискуссии о коронавирусе изначально были сосредоточены вокруг положений, сформулированных ВОЗ и позиций национальных медицинских властей. Альтернативные мнения о происхождении и особенностях заболевания, способах профилактики и лечения были выведены за рамки осуждаемого. Причем это касалось не только массовой аудитории, но и профессионального медицинского сообщества. Очевидно, что продолжительное существование коронавирусной инфекции, мутация штаммов, появление т.н. «новых волн» заболевания и нарастание в ряде случаев смертных случаев объективно приводило к нарастанию нервозности в обществе, поиску альтернативных точек зрения, активному использованию в этой связи интернета.

Показательно, что при ответе на вопрос о том, насколько объективно российские СМИ освещают проблемы коронавирусной инфекции, распределение ответов было следующим: объективно – 15,4%, иногда объективно, иногда нет – 44,0%, необъективно – 31,8%, затруднились ответить – 8,8%. Эти данные стоит рассматривать на фоне общего падения доверия официальным российским медиа – телевидению, радио, газетам, наблюдающееся в последние годы. Так, доля опрошенных москвичей, доверявших СМИ, составила 30,8% в 2016 г., 25,2% в 2018 г., 11,5% в 2021 г. В этих условиях далеко не случайным является то, что в массовом сознании существовали самые разные оценки коронавирусной инфекции.

⁴⁰⁰ COVID-19 medical misinformation policy // YouTube Help. May 20, 2020. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/9891785> (дата обращения 05.10.2021).

Типология массовых представлений о COVID-19

В рамках исследования были изучены массовые представления о феномене COVID. На основе анализа текстов массовой информации были определены одиннадцать суждений об этом явлении, охватывающие основные содержательные моменты в предметном поле повестки дня о ковиде – как в официальной, так и альтернативной. Суждения эти имели различную оценочную направленность, что отражало наличие неоднозначных, зачастую противостоящих друг другу представлений о COVID-19, циркулирующих в информационном поле. Распределение оценок к суждениям участников исследования приведено в таблице 1.

Таблица 1

Отношение к оценочным суждениям о коронавирусной инфекции COVID-19 (% от числа опрошенных)

	Согласен	Не согласен	Затруднились ответить
Коронавирус COVID-19 продолжает угрожать здоровью и жизни людей, поэтому мы должны относиться к этой проблеме очень серьезно	77,6	8,8	13,6
В связи с коронавирусом школы переводят на удаленный режим (онлайн-занятия), что разрушительно для образования	69,4	17,0	13,6
Переориентация медицинских учреждений на борьбу с коронавирусом негативно сказалась на смертности населения, в том числе от других заболеваний	61,9	12,0	26,1
Я настолько устал(а) от всех этих разговоров о коронавирусе, что даже не хочу думать об этом	55,5	31,1	13,4
Через один-два года влияние коронавируса ослабнет и жизнь людей вернется в привычное русло	53,6	14,8	31,7
Под прикрытием опасности от коронавируса власти нарушают права человека и вводят тотальный контроль над жизнью людей	46,2	27,0	26,9
Коронавирус Covid 19 – это искусственно созданный вирус, биологическое оружие	34,7	23,2	42,1
Опасность коронавируса преувеличена – за счет этого фармацевтические компании получают огромные прибыли	31,0	41,6	27,4
Жесткие ограничения против коронавируса доказывают, что государства поставили жизнь человека выше экономических выгод	30,4	39,2	30,4
Ссылки на коронавирус используются глобальными элитами для преднамеренного сокращения роста мировой экономики	20,8	27,5	51,7
Коронавирус – это реакция природы, призванная ослабить негативное влияние человека на окружающую среду	19,5	47,2	33,3

В таблице оценочные суждения ранжированы по величине согласия, проявленного к каждому из них. Очевидным является тот факт, что подавляющее

большинство респондентов (77,6%) рассматривали коронавирус как серьезную угрозу здоровью и жизням людей. Два других лидирующих суждения с точки зрения согласия с ними опрошенных относятся к негативному влиянию COVID-19 на социальную сферу – образование и здравоохранение. Речь идет о практике перевода школ на удаленные занятия (69,4%), а также переориентации части клиник на борьбу с коронавирусом и, как следствие, общем росте смертности (61,9%).

Другая группа суждений, которые поддержали более половины участников исследования, относится к состоянию социально-психологической усталости и переизбытка негативной информации о заболевании (55,5%). Также общим для значительного числа опрошенных являются ожидания завершения пандемии в обозримом будущем и возвращении жизни людей к прежним условиям (53,6%).

В приведенном перечне также можно выделить группу суждений, каждое из которых собирает различные оценки, т.е. существенно дифференцирует респондентов. Эти суждения относятся политико-экономическим процессам, сопряженным с коронавирусом, его возможными причинами и источниками. Речь идет об интерпретации роли государства в борьбе с COVID-19; представлении об искусственном происхождении вирусной инфекции; ситуацией с правами человека в условиях кризиса, интересами глобальных элит и производителей вакцин. Показательно, что в отношении большей части этих суждений мнения участников исследования разделились примерно поровну между согласными, не согласными и затруднившимися ответить.

Можно ли определить группы респондентов, ответы которых являются однородными – т.е. близкими между собой по знаку оценок в отношении приведенных суждений? Сначала был использован метод латентно-структурного анализа (или метод выделения латентных классов). С его помощью можно выделить внутреннюю неявную структуру, которая обуславливает именно данный характер ответов в пространстве изучаемых переменных. Было реализовано несколько итераций этой процедуры, предполагающих разбиение эмпирического массива на устойчивые однородные группы респондентов кластеров (имелось 8 решений с количеством кластеров от 2 до 8). Имеющиеся результаты показали, что средние оценки ряда переменных в выявленных группах являются примерно одинаковыми. Другими словами, они не являются значимыми дифференцирующими признаками и могут быть опущены на следующем шаге анализа.

Далее при помощи двухэтапного кластерного анализа была осуществлена процедура классификации, фиксирующая наличие устойчивых типологических групп – кластеров в связи с отношением к коронавирусу (см. табл. 2). Еще раз отметим, что кластеризация осуществлялась в пространстве тех признаков, которые значимо дифференцируют отношение опрошенных к изучаемому явлению.

Таблица 2

Средние значения переменных в кластерах*

Переменные / Кластер	1	2	3	Среднее
Преувеличение опасности коронавируса	2,47	1,26	1,25	1,89
Психологическая усталость от коронавируса	2,47	2,41	1,39	2,24
Нарушение прав человека под прикрытием коронавируса	2,58	2,10	1,26	2,19
Позитивная роль у государства в борьбе за жизнь людей в условиях ковида	1,72	1,66	2,79	1,91
Коронавирус как предлог элит для замедления мировой экономики	2,28	1,36	1,81	1,93
Искусственное происхождение коронавирусной инфекции	2,44	1,51	2,10	2,11
Доля в массиве, %	52,7	27,7	19,5	100

Примечание: * Приводятся краткие смысловые формулировки переменных. В таблице приведены средние значения переменных в группе (кластере); шкальные признаки: «3 – согласен», «1 – не согласен».

Результаты показывают, что в массиве существуют три внутренне однородные и отличные друг от друга группы респондентов в связи с их отношением к оценочным суждениям.

Первую группу или кластер составляют респонденты, склонные считать, что опасность коронавируса является преувеличенной; соглашающиеся с идеей искусственного происхождения инфекции; выражающие опасения в связи нарушением гражданских норм в условиях коронавируса; сомневающиеся в том, что меры локдауна действительно отражают борьбу государства за здоровье граждан. Респондентам этой группы присущей является усталость от избытка информации по теме коронавируса. Доля представителей этого кластера составляет в общем массиве 52,7%.

Респондентам второго кластера, также как и респондентам первого кластера, присущей является психологическая усталость от коронавирусной темы. Однако в отношении других переменных им были свойственны другие оценки: они были не согласны с идеей о преувеличении опасности инфекции; ее искусственном происхождении; связи распространения COVID-19 с задачами сокращения роста экономики. Ближе к нейтральным были позиции представителей этой группы по вопросам позитивной роли государства и ограничении гражданских прав в связи с антивирусными мерами. Доля кластера в массиве – 27,7%.

Представители кластера 3 в большей части своих оценок являются противоположными респондентам кластера 1. Они поддерживают жесткие ограничения от коронавируса, которые вводятся государством; не согласны, что при

этом нарушаются гражданские права людей; согласны с позитивной ролью государства и жесткими мерами борьбы. При этом им не свойственна психологическая усталость от обсуждения проблематики коронавируса. Представители третьего кластера составляет 19,5% от всех опрошенных.

Приведенная типология дает количественное представление о том, что в обществе существует далеко не однозначные представления о феномене COVID-19. Анализ показывает, что доля респондентов, разделяющих неконвенциональные оценочные суждения, составляет около половины опрошенных.

Коронавирусная инфекция: отношение к мерам борьбы с заболеванием

Как известно, с самого начала COVID-19 был введен ряд мер санитарной профилактики, направленных на предотвращение распространения инфекции. При этом ключевым инструментом в стратегии борьбы с коронавирусом, как в нашей стране, так и за рубежом рассматривалась массовая вакцинация населения.

В июне-июле 2021 г. распределение ответов на вопрос о том, собираются ли респонденты сделать прививку, было следующим: прививку уже сделали – 21%; собирались сделать прививку в ближайшее время – 20%; не собирались делать прививку – 47%; затруднились ответить – 12%.

Намерение сделать прививку связано, по всей видимости, с рядом обстоятельств. Можно предположить, что одним из важных в этой связи моментов является личный опыт контактов с заболеванием. Данные об этом приведены в таблице 3.

Таблица 3

Намерение сделать прививку в группах с разным опытом контактов с COVID-19
(% от числа опрошенных в группе)

	Собираетесь ли Вы сделать прививку от коронавирусной инфекции COVID-19?			
	Да, прививку уже сделал (сделала)	Да, собираюсь сделать прививку в ближайшее время	Нет, не собираюсь	Затруднились ответить
Перенесли заболевание в легкой форме	18,4%	22,1%	48,0%	11,6%
Перенесли заболевание в тяжелой форме	18,8%	28,7%	45,0%	7,5%
Сам не болел, но болели члены, близкие родственники, знакомые	28,1%	19,6%	38,6%	13,7%
Ни я, ни члены моей семьи, близкие родственники и знакомые не болели	15,3%	14,4%	64,4%	5,9%

Согласно исследованию, тот факт, что респонденты в той или иной форме переболели COVID-19, соотносится с более активной ориентацией на постановку прививки. Причем тяжесть перенесенного заболевания играет определенную роль. Так, среди переболевших в легкой форме собирались сделать прививку в ближайшее время 22% опрошенных; среди болевших в тяжелой форме – 28% участников исследования. Существенно меньшей является доля собиравшихся сделать прививку среди тех, кто не болел – 14% респондентов. В этой же логике правомерно, на наш взгляд, рассматривать распределение ответов тех, кто не собирался делать прививку. Наибольшая доля таковых в группе не болевших – 64%. Среди тех, кто болел легко или тяжело не собирались делать прививку - 48% и 45% опрошенных, соответственно.

Согласно медицинским властям и официальным медиа, для успеха вакцинации требовался массовый коллективный иммунитет, который следовало обеспечить максимально быстрыми темпами. В этой связи в первой половине текущего года в средствах массовой информации стали обсуждать идею обязательной или принудительной вакцинации.

Каким было отношение респондентов к возможности обязательной вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19? Применительно ко всему массиву опрошенных распределение оказалось следующим: «положительное» – 14.6%;

«нейтральное» – 19,3%; «отрицательное» – 61,0%; затруднились ответить – 5,0%. Таким образом, большая часть опрошенных негативно отнеслись к факту обязательности вакцинирования, как меры борьбы с инфекцией. Рассмотрим подробнее, какими были установки по отношению к обязательной вакцинации в различных социально-демографических группах опрошенных (см. табл. 4).

Таблица 4

Отношение к обязательной вакцинации в социально-демографических группах

	Отношение к обязательной вакцинации					
	Положительное		Нейтральное		Отрицательное	
	%	Индекс *	%	Индекс	%	Индекс
Пол						
Мужской	15,3%	105	22,7%	118	58,6%	96
Женский	14,0%	96	16,2%	84	63,3%	104
Возраст						
14-29	9,7%	66	16,6%	86	71,4%	117
30-49	11,3%	77	19,2%	100	64,9%	106
50 +	22,3%	152	21,5%	112	48,5%	80
Образование						
Начальное / Среднее общее	13,3%	91	25,5%	132	59,2%	97
Среднее специальное	16,7%	114	24,0%	124	53,1%	87
Высшее	14,1%	97	16,3%	85	64,4%	106
Доход						
Высокий	14,0%	96	22,4%	116	61,7%	101
Средний	15,5%	106	18,4%	95	60,8%	100
Средне-низкий	13,3%	91	20,5%	106	60,8%	100
Низкий	22,9%	156	15,7%	81	57,1%	94

Примечание: * Индекс показывает отношение к обязательной вакцинации в социально-демографической группе к отношению к вакцинации среди всех опрошенных, умноженное на 100. Если индекс больше 100, то относительная доля в группе больше, чем доля среди массива в целом; если индекс меньше 100, то справедливо обратное.

Наиболее яркие отличия в отношении к обязательной вакцинации связаны с возрастом. В возрастной группе 14-29 лет индекс положительного отношения к обязательной вакцинации составил 66. Это означает, что среди молодых респондентов доля поддерживающих обязательную вакцинацию оказалась на 44% меньше, чем среди всех опрошенных. Для возрастной группы 50 лет и старше индекс поддержки составил 152. Т.е. здесь доля поддерживающих обязательную вакцинацию оказалась на 52% больше, чем в массиве в целом. Эти показатели уточняют цифры положительного отношения к обязательной вакцинации среди молодых (14-29 лет) и более старших (50 лет и старше) респондентов: 9% против 22%. Негативное отношение к обязательной вакцинации также достаточно значимо разделяет представителей этих возрастных

групп – 71% против 48%, соответственно. Таким образом, в отношении обязательности вакцинации более молодые респонденты настроены более мягко, тогда как представители более старшего возраста – более жестко. Поддержка обязательной вакцинации также оказывается в несколько большей степени присущей лицам с низкими доходами. В целом негативное отношение к обязательной вакцинации оказывается свойственным представителям различных социально-демографических групп в равной степени (за исключением упомянутых выше возрастных особенностей).

Как соотносится доверие к властным институтам с отношением к обязательной вакцинации?

Низкий уровень доверия к властным институтам является устойчивой характеристикой российской социально-политической системы в течение всего постсоветского периода. Причем здесь наблюдались свои пики и периоды снижения. Во втором десятилетии нынешнего века пик доверия практически ко всем институтам центральной власти приходился на период 2014-2015 гг. По нашему мнению, решающим обстоятельством был национальный подъем, связанный с возвращением Крыма в состав Российской Федерации и сопряженные с этим события.

В последующие годы наблюдалось неуклонное снижение уровня доверия. Так, например, в интервале времени 2015-2021 гг. доля москвичей, доверяющих властным структурам, упала примерно вдвое⁴⁰¹. Учитывая важность российских традиций персонализации власти для устойчивости системы в целом, особую озабоченность вызывает отрицательная динамика доверия к Президенту РФ. В 2015 г. этот показатель был равен 77,2%; в 2016 г. – 71,9%; в 2017 г. – 62,3%; в 2018 г. – 58,4%; в 2020 г. – 43,8%; в 2021 г. – 37,1%. В полтора-два раза меньшим было в 2021 г. доверие к Правительству РФ, Совету Федерации, Государственной думе и другим институтам. Можно предположить, что кризисные проблемы в ковидные годы наложили свой негативный отпечаток на уровень доверия большей части граждан к властям.

Как отмечалось выше, массовой вакцинации отводилась центральная роль среди мер по предотвращению распространения инфекции COVID-19. Полномасштабная программа вакцинации осуществлялась на государственном уровне, в нее были включены представители властей различного уровня. В этой связи правомерно рассмотреть следующий вопрос. Существует ли связь между доверием респондентов к властным институтам, с одной стороны, и отношением людей к возможности обязательной вакцинации – с другой?

Поскольку шкалы переменных доверия к институтам власти и отношения к вакцинации являются номинально-упорядоченными, то для анализа был применен однофакторный дисперсионный анализ Краскела–Уоллиса. Была проведена проверка модели влияния группирующей переменной (доверие к властным институтам) на

⁴⁰¹ Шкальные признаки переменных доверия к институтам власти: «1 – доверяю», «2 – не доверяю», «3 – затрудняюсь ответить».

анализируемую переменную (отношение к возможности обязательной вакцинации). В таблице 5 приведены результаты проверки статистической гипотезы, что средние ранги в отношениях к вакцинации равны в каждой из сравниваемых групп доверяющих и не доверяющих тем или иным институтам власти. Фактически эта гипотеза эквивалентна гипотезе об отсутствии влияния группирующей переменной на анализируемую переменную.

Таблица 5

Результаты проверки модели связи доверия к властям и отношения к возможности обязательной вакцинации

Доверие институтам власти			Отношение к возможности обязательной вакцинации от COVID-19	
	N	Средний ранг		
Президент РФ				
Доверяют	281	358,26	Хи-квадрат	47,762
Не доверяют	340	271,94	Значимость	,000
Правительство				
Доверяют	183	380,94	Хи-квадрат	64,812
Не доверяют	427	273,17	Значимость	,000
Совет Федерации				
Доверяют	145	364,11	Хи-квадрат	55,526
Не доверяют	429	261,61	Значимость	,000
Государственная Дума				
Доверяют	125	390,70	Хи-квадрат	48,756
Не доверяют	486	284,22	Значимость	,000

Какой результат отражает приведенная модель социологических данных? Имеются все основания отвергнуть исходную гипотезу об отсутствии влияния доверия к власти на отношение к вакцинации на уровне значимости $\alpha = 0,000$ применительно ко всем группирующим переменным – властным субъектам. Правомерно говорить о наличии связи между доверием к властным институтам и отношением к обязательной вакцинации.

Остановимся кратко на характере выявленной зависимости. Кто проявляет большую поддержку обязательной вакцинации – доверяющие или не доверяющие субъектам российской власти? Напомним, что анализируемая переменная – отношение к обязательной вакцинации – имеет определенный порядок⁴⁰². Обращаясь к таблице, можно проследить, что средний ранг поддержки вакцинации среди доверяющих

⁴⁰² Шкальные признаки переменной отношения к возможности обязательной вакцинации: «1 – отрицательно»; «2 – нейтрально»; «3 – положительно».

субъектам власти (Президенту РФ, Правительству, Совету Федерации, Государственной Думе) выше, чем среди не доверяющих. Таким образом, эмпирические данные показывают, что отношение к обязательной вакцинации оказывается связанным с доверием граждан к властным институтам общества. Причем невысокий уровень установок на согласие с обязательной вакцинацией очевидным образом соотносится с низким уровнем доверия к ведущим социально-политическим институтам.

Заметим, что настороженное отношение населения к заявлениям и инициативам российских властей имеет под собой разные основания. Думается, что не последнюю роль здесь сыграли ряд знаковых случаев того, как первые лица страны представляли свое отношение к ряду ключевых социально-экономических вопросов, оказавших влияние на жизнь широких слоев населения. При всех отличиях эпохи 90-х и периода двухтысячных, здесь можно увидеть общее – сначала первые лица говорили о недопустимости тех или иных болезненных для населения действий со стороны власти, а затем поступали ровно противоположным образом.

Так, представителям поколений, живших в начале 90-х годов прошлого века, наверняка памятно заявление Б. Н. Ельцина о его готовности «лечь на рельсы» в случае, если радикальные экономические реформы приведут к резкому повышению цен. В аналогичной тональности было выдержано его заявление о том, что девальвации не будет, за которым на следующий день последовал августовский дефолт 1998 г. Новейший пример – из второго десятилетия двухтысячных – связан с реализацией пенсионной реформы. Показательно, что долгое время многие представители высших законодательных и исполнительных властей, включая Президента, страны говорили о нецелесообразности повышения пенсионного возраста. Однако в 2018 г. мнение властей по этому вопросу изменилось на обратное, решение о повышении пенсионного возраста было оперативно принято.

Массовый дискурс о вакцинации: признаки ценностного раскола

Проблематика пандемии, в том числе тема вакцинации получила активное отражение в информационном пространстве, как в официальных офлайн- и онлайн-медиа, так и социальных сетях. Причем интенсивность дискуссий здесь была высокой, а эмоциональная окраска далека от радужных тонов. Понятно, что это определялось как ростом заболеваемости, с одной стороны, так и фактом того, что на период исследования большая часть населения негативно относилась к возможности обязательной или принудительной вакцинации – с другой. Информационный контекст отражал ситуацию, когда в обществе возникли группы поддерживающих и не поддерживающих обязательную вакцинацию. При этом в массовом социально-политическом и культурном языке новейшего времени укоренились черно-белые понятия, делящие людей на правильных и неправильных – «ваксеров» и «антиваксеров», «прививочников» и «антипрививочников», «вакциноманов» и «ковид-

диссидентов» и т.п. Показательно, что дискурс мировых медиа, а также медиа многих зарубежных стран не слишком отличался в этом вопросе от российского. Более того, по нашим оценкам, степень свободы выражения альтернативных мнений по отношению к оценкам официальных властей в российском информационном пространстве была выше, нежели в зарубежных.

Изначально подход российских властей в части использования вакцинирования был достаточно умеренным, преобладала точка зрения о необходимости самостоятельного решения каждого в этом вопросе. Постепенно, по мере приближения третьей волны коронавируса в июне-июле 2021 г. тональность подачи информации в этом вопросе изменилась. Несмотря на заявления Президента, руководства Совета федерации и Государственной думы о необходимости соблюдения принципа добровольности вакцинации, активно стали звучать оценки другой направленности. Делалось это зачастую руководителями Роспотребнадзора, Министерства здравоохранения, руководителями и главами российских регионов, которые непосредственно отвечали за борьбу с коронавирусной инфекцией. Соответственно, это нашло выражение в медийном пространстве.

Можно выделить несколько типов причин – критических аргументов в адрес граждан, не желающих делать прививки и, соответственно, почему вакцинация должна быть обязательной. Первая из них связана с присутствием, по мнению оппонентов, низким уровнем просвещенности или невежеством как таковым. Причем это не является собственно российским феноменом. Известная либеральная публицистка А. Латынина писала о том, что «российские антиваксеры не являются чем-то уникальным. В Африке не хотят вакцинироваться, чтобы белые не поставили чипы, в Пакистане не хотят вакцинироваться, чтобы неверные не поставили чипы, в Америке реднеки и чернокожие отказываются вакцинироваться, причем, согласно либеральным медиа, реднеки отказываются из-за своего вопиющего невежества, а чернокожие – из-за многовекового расизма и угнетения, а также «глубокого недоверия к существующим институтам»⁴⁰³.

Среди большого числа оценок в сети близким к теме невежества была идея о поразившем массы «безумии», неприятии вакцинации из-за широко распространившихся косности и страха. Звучали и более жесткие оценки. Показательным было мнение Депутата Госсовета Республики Татарстан и телеведущего И. Аминова: «Люди – это те же животные. Существует закон стада. Необходимо привить больше 60% особей, чтобы сформировался коллективный иммунитет. И если безмозглому барану уже ничего не объяснить, нужно заставить его ради выживания всего стада», – прямо заявил депутат в эфире⁴⁰⁴.

⁴⁰³ Латынина Ю. Бунт невежд // Новая газета: [сайт]. 07 августа 2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/07/bunt-nevezhd> (дата обращения 05.10.2021).

⁴⁰⁴ Савельев М. «Маски брошены, это что-то нереальное»: россияне врезали депутату, назвавшему их «безмозглыми баранами» // Собеседник.Ru. 27 июля 2021. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210727-maski-broseny-eto-cto-to-nerealnoe> (дата обращения 05.10.2021).

В дискурсе о необходимости обязательной вакцинации присутствовала тема национального характера и традиций, которые в отдельных своих проявлениях обладают «дефектностью». Именно это предопределяет необходимость авторитарных решений. «Что же делать? Мне кажется, надо перестать играть в свободный выбор, а действовать старым добрым приказом. Похоже, московские власти дрейфуют в эту сторону. ... Ведь русский человек и сам чувствует в душе своей некий анархизм, неорганизованность, слабую способность к самодисциплине и оформлению жизни. И в глубине души взывает начальника, который бы ввёл его в рамки, принял на себя труд наведения порядка в его жизни»⁴⁰⁵.

Более того, апелляция к «сильной руке» зачастую обосновывалась принципиальной неспособностью «неправильных» граждан сделать разумный выбор. Так, например, популярный российский писатель С. Лукьяненко в эмоциональном посте в Фейсбуке охарактеризовал свое отношение следующим образом: «Вы – короноотрицатели и вакцинофобы – придурки. Вы тупые бестолочи. ... Ну что, дождались третьей волны? Красавы. А я – будь я Темным Властелином – прививал бы принудительно. Мои чёрные штурмовики ходили бы по квартирам, вышибали двери и ставили прививки. Злобно хохоча при этом. Ну или – год ссылки и поражение в правах за отказ прививаться. Дуракам нельзя давать право выбора. Дурак всегда выберет неправильно»⁴⁰⁶. Причем здесь, по нашему мнению, с очевидностью просматривается намерение разделить в связи с вакцинацией россиян на избранных и отверженных. Причем последние заслуживают со стороны продвинутых граждан лишь ненависть и стыд – не более того.

Известный политолог С. Марков, отмечая сложную эпидемиологическую обстановку в стране в середине 2021 г., сделал такие выводы: «В России пик эпидемии. Наступает катастрофа. Уже более 20 тысяч в день. Только 11% вакцинированных. Буря антиваксеров в социальных сетях. Половина врачей антиваксеры. Полный провал государственной пропаганды. Очень робкие меры запуганных властей по полуобязательной вакцинации. ... В стране пора вводить медицинскую диктатуру. Напрашивается комплекс мер. ... Жесткое заявление властей, что теперь навсегда права вакцинированных и невакцинированных будут отличаться. И вакцинирование это общественно необходимое действие. Вакцинация это гражданский долг, это патриотический долг, это семейный долг, – это должно быть лозунгом медицинской диктатуры»⁴⁰⁷.

⁴⁰⁵ Воеводина Т. Прививаться не хотят // Завтра. 17 июня 2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/privivat_sya_ne_hotyat (дата обращения 05.10. 2021).

⁴⁰⁶ Писатель Сергей Лукьяненко живописал, что сделал бы с противниками вакцинации // Новые известия. 21 июня 2021. URL: <https://newizv.ru/news/society/21-06-2021/pisatel-sergey-lukyanenko-zhivopisal-chto-sdelal-by-s-protivnikami-vaktsinatsii> (дата обращения 05.10. 2021).

⁴⁰⁷ Сергей Марков. ВКонтakte. 24 июня 2021. URL: https://vk.com/wall382620481_25939 (дата обращения 05.10.2021).

Информационное давление, связанное с доведением властной повестки до населения, далеко не всегда и не везде встречало понимание. Как отмечалось выше, сомнение у многих вызывали, например, сам способ вакцинации, как единственного средства борьбы с COVID-19; требование информированного согласия вакцинирующихся, в условиях недостатка знаний о механизмах и побочных эффектах от действия вакцин; противоречивые заявления руководства медицинских и надзорных органов об источниках, причинах и статистике распространении коронавирусной инфекции. Как известно, практическая реализация мер борьбы с инфекцией была переведена центральными органами власти на уровень регионов. Меры эти осуществлялось в рамках указов и предписаний административного порядка, не всегда соотносящихся с конституционными нормами страны в целом.

При этом в условиях цифровой информационной среды практически невозможным оказалось «заглушить» альтернативные – по отношению к официальным – точки зрения. Более того, интерактивная природа интернета и особенно социальных сетей способствовала включенности людей в обсуждения актуальной проблематики. Важной особенностью этих средств является и то, что технологически сети являются средством формирования сообществ, в которых участники согласны между собой по ключевым вопросам дискуссии – носители иных представлений здесь, скорее, маргинализуются (известный эффект «эхо-камер» социальных сетей). Это со всей очевидностью проявилось в обсуждениях ковидной проблематики и особенно темы обязательной вакцинации. Информационная среда способствовала радикализации альтернативных взглядов, которые в ряде случаев базировались на представлениях, далеких от реальности. Тем не менее, не последнюю роль здесь также играли административные меры по борьбе с инфекцией, которые не всегда встречали понимание.

Немаловажным фактором, усугубляющим ситуацию, является отсутствие показа в массовых медиа реально существующих различных точек зрения в профессиональном медицинском сообществе по широкому кругу ковидной проблематики. Как в российском, так и в мировом информационном пространстве точки зрения, отличающиеся от рекомендаций ВОЗ и российского медицинского истеблишмента, были выведены за поле обсуждений. Это обстоятельство становилось все более важным по мере того, как действительность демонстрировала противоречивые примеры протекания и результатов лечения и последствия COVID-19. Хорошо известно, что престиж медиа зачастую играет меньшую роль в формировании представлений по тем или иным актуальным вопросам, нежели межличностные контакты даже в стабильной ситуации. Применительно к кризису, предметом которого является здоровье людей, это тем более так. В условиях агрессивного давления официальных медиа, граждане еще активнее обращаются опыту родных и близких, знакомых врачей. На этой основе происходит формирование взглядов и оценок. Причем и здесь мы видим радикализацию и противопоставление людей, что имеет далеко идущие негативные последствия с точки зрения консолидации общества в целом.

Заключение

На период исследования в июне-июле 2021 г. большинство москвичей лично или на уровне своей малой группы столкнулись с негативными последствиями COVID-19. Респонденты рассматривали коронавирусную инфекцию как опасное заболевание, к которому следует относиться со всей серьезностью. Изначально феномен коронавируса в силу своей сложности, слабой изученности, массовости распространения приобрел не только медико-биологическое, но и политико-экономическое и медийное измерение. В эту проблематику оказались включенными субъекты самого разного уровня – от международных организаций в области здравоохранения и транснациональных корпораций до национальных государств и региональных властей. Информационное поле о происхождении, источниках и мерах борьбы с заболеванием характеризовалось зачастую противоречивостью.

Этому не в последнюю очередь способствовало само развитие ситуации с коронавирусом, переходом борьбы с инфекцией в затяжную стадию – к жизни в условиях «новой нормальности». Массовую озабоченность населения вызывали социальные последствия коронавируса, которые проявились в сферах здравоохранения, образования и др. (рост избыточной смертности, падение качества обучения при переходе на дистанционное обучение и т.п.). Вопросы вызывали неоднозначные действия властей, а также официальные интерпретации событий в этой области. В официальном медийном дискурсе практически отсутствовали дискуссии представителей профессионального медицинского сообщества. Более того, налицо была практика глобального регулирования повестки дня по проблематике COVID-19. Однако это было не слишком успешным в условиях современной цифровой среды и социальных сетей. В общественном сознании широкое распространение получили альтернативные по отношению к официальным представления о коронавирусе.

Акцент на вакцинации, которая изначально рассматривалась как фактически единственное средство борьбы с распространением инфекции, был встречен населением неоднозначно. Большинство москвичей были против перспектив введения обязательной вакцинации. Согласно исследованию, недоверие к российским властям было связано, среди прочего, с неприятием идеи обязательной вакцинации. Российский медийный дискурс о необходимости массовой вакцинации сопровождался широким распространением построений, жестко дифференцирующих российских граждан. Очевидно, что это не может не вызывать озабоченности в связи с задачами обеспечения социальной стабильности и единства общества.

3.5. САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ГРУППОВЫЕ МОДЕЛИ

Социокультурная саморегуляция жизнедеятельности: концептуальный подход

Общественная жизнь характеризуется упорядоченностью и организованностью, что обеспечивается не только внешними, по отношению к человеку, управляющими воздействиями, но и его внутренними побуждениями.

Побудительные мотивы, по Э. Гуссерлю, возникают в сознании не сами по себе, а в процессе его «отношений с объектами мира», в виде приданий им (объектам) определенного смысла. Подобная нацеленность человеческого действия в этнометодологии именуется интенциональностью. Интенция формируется как в индивидуальном, так и в групповом сознании и проявляется в прямых и опосредованных интеракциях. Связи между людьми, образующиеся в процессе социальных взаимодействий, нацеливают их на совместные, т.е. упорядоченные действия. Когда упорядочение общественной жизни становится равнодействующей в различных смыслах жизнедеятельности, общественная система приобретает способность к саморегуляции – «деятельности, направленной на предупреждение и преодоление возникающих отклонений от такого состояния условий бытия и способов жизнедеятельности, которые индивид (группа) принимает для себя как должные и ожидаемые»⁴⁰⁸.

Представления молодых людей о должных условиях и способах жизнедеятельности являются отражением в их сознании социальной реальности. В разрабатываемой концепции социальная реальность рассматривается с теоретических позиций феноменологической социологии, согласно которой она «существует только в сознании его субъектов» (М. Хайдеггер). Молодые люди непосредственно воспринимают ту часть объективной действительности, о которой располагают собственными знаниями. В процессе жизнедеятельности они конструируют собственную реальность⁴⁰⁹, как бы приспособившая изменяющуюся действительность для реализации своих целей и потребностей. Поэтому социальная реальность субъективно воспринимается молодыми людьми, как изменяющаяся. Поскольку различные объекты реальности конструируются в образной форме, то в процессе ее изменения переконструируются и образы ее объектов. Данный процесс является саморегулируемым и рассматривается в предлагаемой концепции *социокультурного механизма* саморегуляции жизнедеятельности молодежи.

⁴⁰⁸ Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи: учебник. М.: Норма, 2011. С. 285.

⁴⁰⁹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.; Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. М.: Социум. 1999. С. 152-188.

Под жизнедеятельностью понимается «система исторически сложившихся способов его общественного и индивидуального бытия, проявляющаяся в особенностях познания и преобразования им окружающей действительности и самого себя»⁴¹⁰. Особенность *жизнедеятельности молодежи* связана с особой ролью этой социальной группы в воспроизводстве культуры. Преемственность традиционной культуры и новаторство в производстве ее современных образцов определяют направленность основных форм жизнедеятельности молодых людей. В отличие от единичного действия, мотивом которого является непосредственное побуждение к активности, жизнедеятельность регулируется «динамической системой смысла жизни», представляющей собой «мотивацию, как некое смысловое единство»⁴¹¹. Конструируя образы объектов реальности, молодые люди наполняют их собственным смыслом, что придает объектам ценностную форму. Образующееся в совокупности смысловое единство, как интегральный образ социальной реальности, является ценностной основой мотивации жизнедеятельности. В этой связи можно сказать, что в качестве мотива жизнедеятельности выступает субъективное понимание молодым человеком *смысла жизни*, в котором сходятся деятельность, направленная на других и ценностная основа самой жизни – смысложизненные ценности.

Понимание молодыми людьми сущности и значения процессов, объектов и явлений обыденной жизни – их смыслов формируется на основе различных форм исторического и актуального опыта, усвоенного в качестве жизнепрактических установок⁴¹².

При этом не все, с чем молодые люди сталкиваются в процессе жизнедеятельности, немедленно подвергается рефлексии. Многие входят в их жизненные установки в виде неотрефлексированного опыта. Однако в процессе жизнедеятельности осмысливается, соотносится с представлениями других, уточняется и выстраивается в систему жизненных позиций и убеждений. Как осмысленные позиции, так и неосмысленные участвуют в саморегуляции жизнедеятельности, выражаясь в интенциональных импульсах субъектов. Если на бессознательном уровне смыслы переживаются как ощущение эмоциональной близости со всеми, кто разделяет схожий опыт и общие представления, то в осознанном – отражают знания и понимания реальности, приобретая ценностное значение. Следовательно, в механизме социокультурной саморегуляции необходимо рассматривать различные элементы, действия которых по-своему влияют на саморегуляционный процесс.

---

⁴¹⁰ Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ», 2006.

⁴¹¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 611.

⁴¹² Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов ; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; Научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 89.

К таким элементам относятся, во-первых, архетипические и ментальные структуры: «специфические бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся феномены внешнего и внутреннего миров»⁴¹³, «способы восприятия и оценки людьми окружающего мира, мышления и чувствования, имеющие надситуативный характер и проявляющиеся в их своеобразной поведенческой активности»⁴¹⁴. Содержащие обобщенный образ прошлого и отражающие своеобразие практической организации жизни людей, социализировавшихся *в рамках общей культуры и территории*, они отмечаются у представителей разных групп⁴¹⁵. Опыт и знания, приобретенные в ходе социализации, закрепляются в социальных практиках – привычных способах активности – и в устойчивых образах Других. Так в механизм саморегуляции включаются *габитусы* и *стереотипы*. Базируясь на «практическом смысле» и реализуясь в актуальных практиках, габитус соединяет в активности молодого поколения прошлое и настоящее. А упрощенный – *стереотипный* – образ Другого служит быстрому определению его смысла и выбору способа взаимодействия. Оба этих элемента ускоряют саморегуляцию⁴¹⁶.

Осознание молодыми людьми смыслов в качестве оснований мотивации жизнедеятельности является важным этапом саморегуляции. Осознанные смыслы образуют в совокупности «смысловые единства»⁴¹⁷, лежащие в основе мотивации жизнедеятельности. Они приобретают ценностную форму, благодаря связи с различными типами *базовой культуры*⁴¹⁸. Образы среди носителей данной культуры ценностно-ориентационные комплексы – по Вал. А. Лукову, тезаурусы, определяют смысловое содержание жизнедеятельности.

Базовые типы культуры встречаются у представителей разных поколений и являются связующими нитями между молодежью и обществом. Однако пространство жизнедеятельности молодежи формируется под активным влиянием современности. Появляется новый опыт, знания и новые смыслы, которыми наделяются явления окружающей жизни. А основания саморегуляции, сформированные под влиянием

⁴¹³ Юнг К. Г. Психология бессознательного : Собрание сочинений. М.: Канон+, Реабилитация, 2013. С. 142; Руткевич М. Н. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991 С. 21.

⁴¹⁴ Гаршиц Е. Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. С. 15.

⁴¹⁵ Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб: Питер, 2005. 266 с.; Голосовкер Я. Э. Избранное: Логика мифа. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 499 с.

⁴¹⁶ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма, 2014. 350 с.; Зубок Ю. А. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма : Доклад // Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 7. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 6-25.

⁴¹⁷ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения : Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 611.

⁴¹⁸ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 431.

базовой культуры, дополняются и развиваются смыслами, сконструированными в интерсубъективных взаимодействиях сверстников в субкультурах. В жизненных смыслах, отмечает Ж. Т. Тощенко, отражается осознание человеком своего предназначения, а выявить смыслы жизни – «означает определить ее основную сущность, ее главные ориентации, а также средства их достижения; то, что имеет наибольшую ценность и характеризует главные функции деятельности в основных сферах современного общества...»⁴¹⁹.

В разные эпохи акцентируются не только разные смысловые компоненты. Меняется само содержание смыслов. А, поскольку фундаментальные изменения растягиваются во времени, то в смысловом пространстве накапливаются разнообразные смыслы и значения. Объединение и наложение смысловых проекций в сознании людей выражается в феномене *социокультурной гибридизации* и является одной из особенностей современной молодежи. На основе смысловых композиций складываются *типы саморегуляции*, аккумулирующие локальное и глобальное, традиционное и современное, духовное и материальное, ценностное и рациональное.

Распределение групп молодежи в соответствии со смысловыми ориентациями отражает разность темпомиров и «кластеризованность» групповых характеристик. Если разность темпомиров связывается с неодинаковой интенсивностью изменений и проявлений разных культурных образцов в среде молодежи, то «кластеризованность означает множество синкретизмов либеральных и традиционных компонентов ... либеральные экономические ценности уживаются с традиционными политическими и этическими. По сути, институционализируется кластеризованное общество, находящееся между традиционным и либеральным социальными порядками»⁴²⁰. Выбор конкретных культурных проекций и смысловых ориентиров определяется *доверием* молодежи к заложенным в них идеям.

Итак, элементами социокультурного механизма в данном исследовании выступают: *типы базовой культуры; смыслы, культивируемые в молодежных субкультурах, смысложизненные ценности; архетипы, менталитет, габитусы, стереотипы, базовое доверие.*

Изменение социокультурных оснований саморегуляции жизнедеятельности молодежи

На основе результатов сравнительных исследований⁴²¹, проведенных в 2017 и 2020 гг. выделяются следующие смысложизненные ценности молодежи (см. табл. 1).

⁴¹⁹ Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1(381). С. 9.

⁴²⁰ Колбановский В. В. Антропосоциетальная теория и её значение для теоретической социологии: размышления над «Общей социологией» Н. И. Лапина // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 149.

⁴²¹ Анализ основан на данных социологических исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН по репрезентативной выборке в 28 населенных пунктах 7 субъектов Российской Федерации, методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Выборка включала в 2017 году молодежь в возрасте от 15 до 29 лет (N=803 чел.); в 2020 году – молодежь в возрасте от 15 до 35 лет (1155 чел.).

Таблица 1

Понимание молодежью смысла жизни, %

Смыслжизненные ценности	2017*	2020*
Стремление к истине	27,6	31,6
Любовь	58,0	61,6
Борьба за справедливость	21,0	25,5
Спокойная безбедная жизнь	42,2	53,9
Политическая борьба (за власть)	4,0	2,5
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	37,1	43,5
Продолжение себя в будущих поколениях	31,5	33,9

Примечание: *Сумма ответов больше 100%, поскольку допускалось несколько вариантов ответа.

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как видно в таблице 1, в относительно благополучном 2017 г. свое представление о смысле жизни большинство молодежи связывали с любовью (58%), причем понимаемой весьма расширительно, от одухотворенного наполнения любви как воплощения возвышенных чувств и отношений до любви, понимаемой как секс.

Почти каждый второй респондент (42,2%) связывал смысл жизни с гедонистическими ценностями – со спокойной безбедной жизнью. Чуть ниже доля молодежи (37,1%), для которой высшей ценностью, определяющей смысл жизни, являлась самореализация – проявление своей индивидуальности. Однако в кризисном 2020 г. представления молодежи о смысле жизни претерпевают заметные изменения. Значение любви, как смысложизненной ценности, возрастает (61,6%). А спокойная безбедная жизнь увеличивает свое значение до 53,9%, сохраняя вторую позицию. Третью позицию занимает самореализация (43,5%). Соответственно в первую тройку значений входят базовые смысложизненные ценности, связанные с обеспечением материальных благ и проявлением своей индивидуальности. Четвертую и пятую позиции занимают стремление к истине (31,6%), т.е. к познанию истинных ценностей добра и красоты, практически разделяя свое значение с продолжением себя в будущих поколениях (33,9%). Каждый четвертый (25,5%) видит смысл своей жизни в борьбе за справедливость, в которой отражается представление о должном положении в обществе. Политическую борьбу признает высшей ценностью незначительная доля молодежи (2,5%).

Для обеспечения репрезентативности опроса была использована *случайная маршрутная выборка* для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно *квотному* заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей. Руководители исследования – В. И. Чупров и Ю. А. Зубок (г. Москва). Партнер – Институт общественного мнения «Квалитас» - рук. Н. А. Романович (г. Воронеж).

Понимание молодым человеком смысла жизни непосредственно связано с культурой, присущей его окружению. Различные объекты и явления традиционной и современной культуры, с которыми молодые люди сталкиваются в повседневной жизни, отражаются в их сознании, приобретая упорядоченную форму в структуре культурного пространства. *Культурное пространство* представляет собой особую форму существования культуры в сознании людей. Упорядочение (структурирование культурного пространства) происходит в процессе взаимодействий людей в социокультурном мире (термин А. Шюца), в результате чего объекты культуры воспринимаются как реальность. Представляя собой культурное наследие, они отражаются в сознании в *ценностной* форме – как материальные и духовные ценности культуры, а выступая в качестве предмета потребления – в форме *потребностей и интересов*.

Таблица 2

Типы базовой культуры, разделяемой молодежью, %

Типы культуры	Разделяют в полной мере	
	2017	2020
Духовная	23,2	55,8
Инновационная	40,6	51,4
Физического развития	37,9	48,0
Гедонистическая	21,4	49,0
Адаптационная	38,4	30,9
Моральной аномии	20,8	32,0

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как следует из таблицы 2, в кризисных условиях заметно активизируются потребности, интересы и ценности: духовной культуры, определяющей направленность духовной жизни молодых людей (55,8%); гедонистической культуры, отражающей стремление получить от жизни как можно больше удовольствий (49%); инновационной культуры, определяющей их активность и предприимчивость в различных сферах жизнедеятельности (51,4%); культуры физического развития, отражающей потребность в преобразовании себя (48%). Вместе с тем возросло значение культуры моральной аномии, характеризующейся отрицанием абсолютных норм, «у каждого – своя мораль» (32%). Характерно снижение значения адаптационной культуры (30,9%), свидетельствующее о достаточно высоком потенциале активности молодежи, нежелающей приспосабливаться к кризисным условиям.

Важной составляющей культурного пространства является *молодежная субкультура*. Присущее молодежным субкультурам стремление к формированию собственных мировоззрений, оппозиционных, хотя и необязательно враждебных мировоззрению старших поколений, отражает специфику группового сознания молодежи, определяя особенности саморегуляции жизнедеятельности различных ее

групп. И, хотя сегодня этот термин в понятийном арсенале социологии отражает, скорее, собирательный образ, символизирующий множество культурных сцен (Е. Омельченко), репрезентирующих разные группы молодежи, мы применяем его для обозначения важных смысловых пересечений в мозаичном пространстве культуры.

Таблица 3

Типы молодежной субкультуры, %

Типы субкультуры	Разделяют в полной мере	
	2017	2020
Стремление самовыразиться, быть непохожим на других	37,0	50,6
Самоощущение избранности, исключительности	16,9	26,3
Стремление к объединению со сверстниками	40,7	54,1
Противостояние «свой-чужие»	16,6	22,3
Патриотизм	19,2	26,7
Быть в центре внимания, эпатировать окружающих	19,7	24,9
Протест против официоза, бунтарство	10,0	19,4
Свобода без ограничений, в т.ч. сексуальная свобода	12,7	22,9
Уход в себя. Бегство от действительности	9,1	17,0

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В таблице 3 прослеживается тенденция активизации в условиях кризиса мировоззренческих установок молодежи во всех анализируемых типах субкультуры. Наиболее заметно возрастают их значения в следующих типах субкультуры: в стремлении к объединению со сверстниками (54,1%); в стремлении быть непохожим на других (50,6%), свидетельствующие об усиливающейся в кризисных условиях самоидентификации молодежи со своим поколением. Наиболее значимый рост (почти вдвое) отмечается по таким типам, как протест против официоза, бунтарство; свобода без ограничений, в т.ч. сексуальная свобода; уход в себя, бегство от действительности.

Потребление культуры активизирует деятельностный аспект культурного пространства, что отражается в понимании молодыми людьми смысла собственной жизни и проявляется в долгосрочной перспективе в реализации смысложизненных ценностей.

Таблица 4

**Связь смысложизненных ценностей молодежи
с различными типами культуры, %**

Смысложизненные ценности	Связь с типами культуры*											
	Духовная культура		Инновационная культура		Культура физического развития		Гедонистическая культура		Адаптационная культура		Культура моральной анонии	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Любовь	24,0	69,5	41,4	52,7	41,4	51,0	36,5	51,9	19,5	29,1	19,1	30,4
Спокойная безбедная жизнь	16,5	51,6	32,2	48,1	32,7	43,5	36,6	52,3	21,5	27,4	19,5	28,4
Проявление своей индивидуальности, самореализация	30,5	56,5	46,3	51,9	40,6	45,1	41,9	51,9	16,8	22,5	24,2	26,8
Продолжение себя в будущих поколениях	25,7	54,7	41,5	55,1	39,5	42,0	41,1	43,8	24,1	24,5	21,7	28,5
Стремление к истине	27,9	48,9	44,1	48,2	43,2	49,3	39,2	50,7	18,5	27,0	26,1	33,8
Борьба за справедливость	26,0	60,6	43,8	56,6	43,8	52,7	42,6	56,6	23,1	31,9	27,8	42,9
Политическая борьба (за власть)	21,9	50,0	40,6	54,5	53,1	45,5	53,1	45,5	16,6	27,3	31,2	45,5

Примечание: *Сумма ответов больше 100%, поскольку допускалось несколько вариантов ответа.

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Данные таблицы 4 указывают на наличие связи смысложизненных ценностей со всеми анализируемыми типами базовой культуры. Причем значения тесноты этих связей заметно различаются в относительно стабильных и кризисных условиях. В наибольшей степени в условиях кризиса усиливается связь следующих смысложизненных ценностей: любви с духовной культурой (69,5%); спокойной безбедной жизни с культурой физического развития (43,5%); продолжения себя в будущих поколениях с инновационной культурой (55,1%); борьбы за справедливость с духовной культурой (60,6%) и с гедонистической культурой (56,6%); политической борьбы с адаптационной культурой (27,3%).

Образцы базовой культуры воспроизводятся в коллективном бессознательном в форме *архетипов*. Отражая опыт прежних поколений, архетипы играют важную роль в саморегуляции жизнедеятельности современной молодежи.

Таблица 5

Динамика архетипов 2017-2020, %

Архетипы	Согласны с пословицами	
	2017	2020
«Судьбы»	68,6	69,3
«Добра»	58,6	61,2
«Совести»	60,6	63,5
«Правоты власти»	27,3	21,1
«Вины»	43,5	43,8
«Славы»	58,4	62,1
«Спасителя»	52,8	55,3
«Идеализации прошлого»	72,1	75,8

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как видно в таблице 5, значения архетипов практически не изменяются в относительно стабильных и кризисных условиях, что свидетельствует об устойчивости воспроизводимых молодежью смыслов, исторически сформировавшихся в коллективном бессознательном россиян. Наибольшей устойчивостью отличаются смыслы, содержащиеся в следующих архетипах: идеализации прошлого (72,1% в 2017 г. и 75,8% в 2020 г.), обуславливающего генетизм восприятия прошлого опыта, в качестве эталона истинности; судьбы (соответственно 68,6% и 69,3%), отражающего зависимость от стечения обстоятельств; совести (60,6% и 63,5%), как способности испытывать чувство стыда за проявления неправоты, несправедливости по отношению к другим; добра (58,6% и 61,2%), основанного на вере в победу Добра над Злом. Благодаря архетипам, саморегуляция жизнедеятельности приобретает исторически обусловленный, устойчивый характер.

Особенности природных, исторических, социально-политических, этнических и культурных условий среды обитания молодежи отражаются в их коллективном

бессознательном в стандартных формах социального поведения, заимствованных из прошлого и реализуемых в привычках, традициях, обычаях. Становясь общераспространенными в ее среде, и закрепляясь в ментальных структурах, они определяют своеобразие коллективной жизни молодых людей, наполняя ее смыслами, отражающими природу национального характера россиян. В этом проявляется роль *менталитета* в саморегуляции жизнедеятельности молодежи.

Таблица 6

Динамика ментальных черт национального характера, 2017-2020 гг., %

	Разделяют полностью и частично	
	2017	2020
Любовь к своему отечеству	83,1	92,7
Милосердие, сострадание	74,4	95,7
Честь, достоинство	80,9	96,9
Любовь к ближнему	88,8	96,5
Подозрительность в отношении к иностранцам	57,6	60,0

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Из таблицы 6 следует, что молодежь разделяет все анализируемые ментальные черты национального характера, о чем свидетельствует высокий уровень их значений. Причем в 2020 г. значения большинства ментальных черт заметно выше, чем в 2017 г. Это означает, что в условиях кризиса актуализируется значимость таких черт, как честь, достоинство (96,9%), любовь к ближнему (96,5%), милосердие и сострадание (95,7%).

В изменяющейся социальной реальности в современных условиях перечисленные качества наполняются новым, нередко противоположным смыслом. Условно назовем их *современными чертами*, как стиль поведения, признанный в современных обществах. Они играют важную роль в саморегуляции жизнедеятельности, связывая этот процесс с тенденциями глобализации и с современными типами рациональности.

Таблица 7

Динамика современных черт национального характера, 2017-2020 гг., %

Современные черты	Разделяют полностью и частично	
	2017	2020
Отношение к стране как к месту проживания	59,9	65,3
Жалостливость как демонстрация своего сочувствия	69,5	76,8
Стремление отстаивать права человека	69,6	95,6
Рационализм	60,3	90,8
Открытость ко всему иностранному	63,1	82,2

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Современные черты, формирующиеся в изменяющейся реальности, особенно подвержены изменениям в различных условиях, что проявляется в ситуационном характере их влияния на саморегуляцию жизнедеятельности молодежи. Это отражается на процессе смыслообразования, который также характеризуется ситуационными изменениями. Наиболее значимые изменения в условиях кризиса отмечены в связи со стремлением отстаивать права человека (95,6%) и с рационализмом (90,8%), но также с открытостью ко всему иностранному (82,2%), с жалостливостью, проявляющейся в демонстрации своего сочувствия нуждающимся в помощи (76,8%), с отношением к стране просто как к месту проживания (65,3%).

В процессе саморегуляции смысложизненные ценности, сформировавшиеся в архетипических и ментальных структурах, преобразуются в поведенческие установки, закрепляясь в социальных практиках посредством *габитусов*. Габитус, по определению П. Бурдьё, рассматривается как «система прочных приобретенных предрасположенностей (диспозиций), предназначенных для функционирования в качестве структурирующих оснований, принципов, которые порождают и организуют практики и представления, объективно приспособленные для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют целенаправленного усилия⁴²². Саморегуляция происходит в результате хабитуализации – превращения форм жизнедеятельности, обусловленных определенным смыслом, в привычку в результате многократного повторения. «Опривыченные» (проверенные практикой) смыслы становятся значимой частью «габитуальной установки», по К. Марбе, определяя содержательную направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций). Благодаря диспозициям, осуществляется трансформация смыслов от бессознательных форм, содержащихся в архетипических и ментальных структурах, к осознанным, отрефлексированным в процессе жизнедеятельности.

⁴²² См.: Бурдьё П. Практический смысл : [пер. с фр.] / Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. Санкт Петербург : Алетейя, 2001. 562 с.

Таблица 8

Динамика габитусов, 2017-2020 гг., %

Габитус	2017	2020
Активной жизненной позиции	86,7	94,0
Убежденного коллективизма	61,8	88,9
Постоянства в выборе жизненной стратегии	73,8	62,6
Предсказуемости в выборе модели поведения	73,2	73,8

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Анализ данных в таблице 8 показывает, что в условиях кризиса заметно возрастают предрасположенность молодежи к проявлению активности (94,0%), а также коллективистские установки (88,9%). Вместе с тем, габитуальная установка на предсказуемость в выборе модели поведения остается неизменной (73,8%), а установка на постоянство в выборе жизненной стратегии снижает свое значение (62,6%).

Поведенческая предрасположенность (диспозиция) приобретает устойчивость в форме *стереотипов*, представляющих собой стандартизированный, упрощенный образ объекта, явления социальной реальности. Посредством стереотипов формируются некие шаблонные, раз и навсегда усвоенные представления о социальной реальности. Согласно У. Липману, базовыми признаками стереотипа являются: иррациональность, массовость, и устойчивость⁴²³. Эти признаки проявляются в реализации основной социальной функции стереотипов – поддержания идентификаций. Среди оснований идентификации в молодежной среде выделяются ориентации на «своих» и «чужих». Разделение окружающих на «своих» и «чужих» служит маркировкой социальных дистанций и границ социальной идентичности.

Поэтому в регулировании стереотипных форм социальных взаимодействий важную роль играют *фреймы*, устанавливающие рамки восприятия реальности. Они представляют собой «некую совокупность определенным образом структурированных данных, в которых закодирована стереотипная ситуация» (М. Минский), «идеальный образ реального предмета или явления, удобное упрощение действительности»⁴²⁴. Фреймы служат каркасом смысловых границ, устанавливающих рамки восприятия реальности.

В разрабатываемой концепции доверие выступает в качестве интегрального критерия социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Реализация данной функции обусловлено самой сущностью доверия, как уверенности людей в адекватности конструируемых ими образов партнеров взаимодействий их реальному состоянию. Применительно к целям исследования, обобщенное доверие рассматривается в качестве мировоззренческой установки на готовность относиться к

⁴²³ См.: Lipman W. Public opinion. Toronto. 1965.

⁴²⁴ Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия. 1979. С. 7.

окружающим как к заслуживающим доверие. Оно является мерой результативности саморегуляции жизнедеятельности молодежи, в которой отражается степень соответствия ожидаемых и реальных знаний молодых людей о партнерах взаимодействий - личностей, групп, организаций, институтов, как значимых объектах социальной реальности. Обобщенное доверие окружающим проявляется в осознанной форме, как уверенность в их надежности при вступлении в партнерские отношения, а на уровне бессознательного – как ощущение определенности, уверенности и чувства безопасности.

В процессе жизнедеятельности возникают ситуации, когда представления о различных объектах социальной реальности не совпадают с ожидаемыми. Обобщенное доверие в таких ситуациях переходит в состояние *недоверия*, утрачивая свою нормативную роль. Эта роль переходит к недоверию, которое означает не просто недостаток доверия, а является качественно иным состоянием субъектов взаимодействий, связанным с несоответствием ожидаемых и реальных знаний друг о друге, придающем их взаимодействиям особый характер.

Для анализа процесса фреймирования в ситуации противостояния «своих» и «чужих» в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи были использованы ответы на вопрос: «При общении с другим человеком, по каким признакам Вы испытываете к нему расположение (признаете «своим»), либо недоверие (отнесете к «чужим»)?».

Таблица 9

Динамика смысловой структуры фреймов «свои» и «чужие», 2017- 2020 гг., %

Смысловая структура фреймов	Признаки доверия «своим»		Признаки недоверия «чужим»	
	2017	2020	2017	2020
Устремленность к высоким идеалам	85,2	80,3	14,8	19,7
Прагматичность, практичность	83,2	89,0	16,8	11,0
Пренебрежение принятыми нормами, эпатаж	26,9	39,7	73,1	60,3
То, что он одной с Вами национальности	89,9	91,8	10,1	8,2
То, что он представитель другого этноса	61,6	72,4	38,4	27,6

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Анализ данных, содержащихся в таблице 9, показывает, что в условиях кризиса практически не изменяются, по сравнению с относительно стабильными условиями, идентификация молодых людей с лицами одной с ними национальности (91,8% в 2020 г. и 89,9% в 2017 г.). То есть данный признак традиционного образа «своего» остается значимым основанием самоидентификации молодежи. При этом принадлежность человека к другой национальности, как признак недоверия «чужим», снижает свое значение (с 38,4% в 2017 г. до 27,6% в 2020 г.), что свидетельствует о

появлении новых оснований идентификации и ослабления традиционной ксенофобии. В пользу данного вывода говорит и некоторое снижение значения другого традиционного признака – устремленность человека к высоким идеалам (с 85,2% до 80,3%), сопровождающееся возрастанием его значения, как признака недоверия «чужим» (с 14,6% в 2017 г. до 19,7% в 2020 г.). В условиях кризиса вырастает значение прагматизма (на 6%), и особенно взрывной рост пренебрежения принятыми нормами, как свойства «своего» (на 13%).

В качестве новых оснований самоидентификации молодежи в условиях кризиса выступают современные признаки доверия «своим». Об этом свидетельствует возрастание значений прагматичности, практичности (с 83,2% в 2017 г. до 89,4% в 2020 г.) и пренебрежения принятыми нормами, проявления эпатажа (с 26,9% до 57,8%), сопровождающееся снижением их значений как признаков недоверия «чужим». Иначе говоря, попадание во фрейм доверия способствует отнесению признака к образу «своего». А нахождение во фрейме недоверия – к образу «чужого».

Если в 2017 г. считали, что отношения с окружающими должны строиться на доверии 70,9% респондентов, то в 2020 г. – 83,7%, что свидетельствует об активизации саморегуляционных процессов в условиях кризиса.

Данный вывод подтверждается и результатом анализа связей доверия/недоверия молодых людей к окружающим с таким показателем, как их отношение к пандемии. Эмпирическим референтом отношения к пандемии был вопрос о том, какое значение молодые люди придают пандемии, как определяют ее опасность.

Таблица 10

Связь доверия/недоверия окружающим с отношением к пандемии, 2020 г., %

	Доверие окружающим	Недоверие окружающим
Ситуация серьезная, но она под контролем	51,7	44,5
Опасность не в самом вирусе, а в панике вокруг него	52,8	66,7
Вирус опасен, т.к. наша система здравоохранения с ним не справится	43,0	49,2
Распространение вируса – результат деятельности западных спецслужб	15,9	13,4
Никакой пандемии на самом деле нет	30,2	36,4

Источник: Центр социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Как видно в таблице 10, доверие окружающим является значимым стабилизирующим фактором в оценках пандемии. Молодежь с высоким уровнем обобщенного доверия чаще видит не только серьезность пандемической ситуации, но и возможность контроля над ней (51,7% против 44,5%), реже проявляет недоверие системе здравоохранения, отказывая ей в способности справиться с ситуацией (43% против 49%). Но и склонность к конспирологической версии происхождения пандемии

(«Распространение вируса – результат деятельности западных спецслужб») несколько больше среди доверяющих окружающим (15,9%), чем не доверяющих (13,4%).

Напротив, недоверие окружающим повышает и уровень тревожности, и уровень нигилизма, увеличивая к тому же численность «ковид-скептиков». Это заметно в сопоставлении двух групп молодежи, считающих, что никакой пандемии нет (36,4% против 30,2%) и еще более выразительно различается в группе, усматривающей «опасность не в самом вирусе, а в панике вокруг него» (66,7% против 52,8%). Следовательно, обобщенное доверие (окружающим) является значимым фактором саморегуляционных процессов в молодежной среде.

Таким образом, разрабатываемая концепция саморегуляции представляет собой взаимодействие молодежи в пространстве ее жизнедеятельности, в результате которого образуются структуры связей, репрезентирующие группы молодых людей, объединенных общими смыслами, формирующимися в этих структурах. Смыслы определяют место каждого в сложной многослойной сетевой структуре, представляющей собой целостный механизм саморегуляции жизнедеятельности.

Групповые модели саморегуляции

В анализе социокультурных оснований саморегуляции применяется целостный подход, учитывающий различные элементы ее механизма – архетипические, ментальные, габитуальные и стереотипические компоненты, смысложизненные ценности, типы культуры и доверие окружающим. Функционируя во взаимосвязи с другими элементами, тем не менее, каждый из них по-своему влияет на процесс саморегуляции жизнедеятельности. Для понимания особенностей такого влияния применялось структурно-таксономическое моделирование⁴²⁵. Таксономическому анализу подверглись 48 элементов механизма социокультурной саморегуляции⁴²⁶.

Этот метод представляет собой набор *формализованных процедур* иерархической кластеризации, или автоматической классификации; процедуры структурно-таксономической интерпретации полученных разбиений; структуры

⁴²⁵ Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986; Любутов А. С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 4. С. 58-79.

⁴²⁶ Приведенные показатели ранее уже использовались применительно к другим предметным областям. См. результаты: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 306 с.; Зубок Ю. А., Любутов А. С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 167-181; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3-13; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164-186; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи малых городов: общее и особенное в сферах образования и труда // Малые города в социальном пространстве России. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 174-188; Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13-25; Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59-75.

самых значимых (по критерию «максимальной близости») связей между параметрами-образами («подлежащими») и выделенными таксонами (смысловыми объединениями). Значимость смыслов определяется путем расчётов тесноты связи между показателями. Используемые алгоритмы позволяют автоматически выделить среди элементов наиболее близкие друг к другу по достаточно большому числу характеристик и сгруппировать в *естественные* таксоны. Попавшие в них смыслы распределяются не хаотично, а выстраиваются в определенную иерархию по степени выраженности (значению).

В результате взаимодействия различных элементов социокультурного механизма складываются различные модели саморегуляции. Выделено девять моделей саморегуляционного поведения молодежи.

Первая модель образуется взаимосвязью различных типов культуры. Социальный состав ее приверженцев - юноши и девушки, преимущественно в возрасте 18-24 лет, имеющие среднее образование и среднее материальное положение. *Вторая* модель определяется преобладанием ментальных черт характера и скорее присуща молодым мужчинам и женщинам более старшей возрастной группы (25-29 лет), со средним профессиональным и высшим образованием 2-го уровня (магистратура) и материальным достатком ниже среднего. *Третья* модель отражает интернализацию молодежью современных ценностей и тенденцию рационализации ее сознания. Такая модель чаще встречается среди юношей и девушек младших возрастных групп 15-17 и 18-24 лет с неполным средним образованием и материальным положением ниже среднего. *Четвертая* модель основана на габитусах стабильности, которые проявляются в выборе жизненной позиции и способов жизнедеятельности. Ее выбирают женщины возрастной группы 25-29 лет, со средним профессиональным и высшим образованием 2-го уровня (магистратура), чье материальное положение определяется как среднее. *Пятая* модель, напротив, основывается на габитусе изменения и риска и присуща большинству юношей 18-24 лет, преимущественно, со средним общим образованием, материальным положением, в основном, выше среднего уровня и реже – ниже среднего. *Шестая* модель формируется на основе эгоцентризма и исключительности как субкультурных проявлений в молодежной среде. Каждый второй юноша в возрасте 18-24 лет, имеющий среднее профессиональное образование, чаще средний и реже выше среднего уровень достатка склонен к такой модели саморегуляции. *Седьмая* модель в своей основе имеет стереотип, сформированный противостоянием «мы-они» и склонностью к протесту как способу самовыражения. Она одинаково присуща юношам и девушкам 18-24 лет со средним общим образованием, средним уровнем материального положения и чуть меньше тем, у кого, по самооценкам, материальный достаток выше среднего. *Восьмая* модель, основана на стереотипе «мы-они» и эскапизме, больше характерна для молодых мужчин 25-29 лет, с высшим образованием первого уровня (бакалавриат) и средними доходами. *Девятая* модель в своей основе имеет архетипы коллективного бессознательного, объединяет

половину девушек в возрасте 18-24 лет, имеющих среднее общее образование и такое же среднее материальное положение.

Таким образом, первые три модели со смысловой доминантой разных типов культуры, а также ментальных и современных черт, а также седьмая с доминантой стереотипа мы-они и субкультурой протеста практически не различаются в гендерном плане. Главные гендерные различия наблюдаются в моделях саморегуляции под влиянием габитуса стабильности и архетипов коллективного бессознательного, более присущих женской гендерной группе. А также габитуса изменения и риска и субкультурных проявлений избранности, исключительности и эгоцентризма, характерных, для юношей и молодых мужчин.

Возрастные различия проявляются в приверженности современным ценностям самых младших групп в диапазоне от 15 до 24 лет; старших женщин – стабильности и младших мужчин – изменениям и риску, а также старших мужчин – противостоянию с «чужими» и эскапизму.

Связь с материальным положением ниже среднего уровня наиболее ярко проявляется в моделях саморегуляции с доминантой ментальных и современных черт национального характера, а среднего – с типами культуры, габитусом стабильности и архетипами. Остальные модели не имеют однозначной связи с материальным достатком. Но только две из них – модель, основанная на субкультуре эгоцентризма и исключительности, а также модель, основанная на стереотипе «мы-они» и самовыражении через протест, связаны с более высоким уровнем материального положения.

Более высокий уровень образования молодежи проявляется во взаимосвязи с ментальными чертами и габитусом стабильности.

3.6. СОЦИАЛЬНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОСКВИЧЕЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

В условиях глобального кризиса базовые материальные и духовные основания современной цивилизации испытывают разнообразные вызовы. Религия как форма общественного сознания и принадлежавшие ей социальные институты будут находиться в эпицентре возможных социетальных трансформаций. Религиозный фактор из элемента «надстройки» постепенно перерастает в один из значимых элементов не только современных обществ, но и государственных структур. Поэтому изучение роли, функций религии и ее акторов в общественной системе и их взаимовлияние имеет очевидную актуальность и значимость с точки зрения оценки перспектив и разработки управленческих рекомендаций, направленных на устойчивое развитие российского общества, особенно в условиях «рисков» и «угроз» текущей пандемии COVID-19. Социологические исследования феноменов, характеризующих религиозную ситуацию в стране, рассматриваются в отечественной религиоведческой литературе в аспектах динамики массового сознания (характеристики религиозности и атеистичности населения в целом, социальных, мировоззренческих групп) и состояния институциональной структуры (деятельность религиозных организаций)⁴²⁷.

Исследования в регионах России продолжают фиксировать факт принадлежности большей части населения к христианскому культурно-цивилизационному ареалу. Православие сыграло большую роль в становлении российской государственности, культуры и специфически российского, во многом противоположного западному образу жизни⁴²⁸. Традиционные конфессии (православие, ислам) и их социальные институты занимают значимое место в системе общественных отношений. Но как показала социальная практика уже нельзя говорить о религиозном возрождении в России. С начала 2000-х годов наблюдается тенденция снижения доверия к Церкви и деятельности других традиционных религиозных организаций. Это объясняется многими причинами и, прежде всего, неоправданной идеализацией обществом некоторых религиозных деятелей и религиозных институтов, их возможностей по переустройству жизнедеятельности граждан в постсоветский период государственного строительства. Следует также учитывать, что сегодняшняя религиозная социализация населения России происходит в условиях нарушенной в советское время межпоколенческой преемственности православной религиозной традиции. Приобщение к религиозным традициям и ритуалам происходило уже в условиях секулярных общественных отношений. Секулярное сознание присутствует

⁴²⁷ Лопаткин Р. А. Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений // Государственно-церковные отношения в России : сборник / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, Н. А. Трофимчук. М.: РАГС, 1996. С. 198.

⁴²⁸ Возьмитель А. А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2(274). С. 110-117.

во всех сферах жизнедеятельности общества. Религиозная идеология секуляризируется в сознании современных людей и постепенно теряет в их представлениях прежде необходимый теоцентрический, сверхъестественный план, превращаясь в способ демонстрации культурной и национальной идентичности. Тем не менее, в современном в значительной степени секуляризованном обществе религия продолжает играть роль нравственного ориентира не только для людей старшего поколения, но и молодежи. В то же время молодежным группам свойственно постоянно находиться в поиске «нового» во всех сферах общественной жизни, в том числе и религиозной.

Учитывая сложившуюся мировую ситуацию в последние два года, вызванную распространением коронавируса SARS-CoV-2 и признанную Всемирной организацией здравоохранения с марта 2020 года – пандемией COVID-19, которая стала причиной серьезных социально-экономических, экологических последствий, роста протестных настроений, дискриминации и прочих негативных явлений, основными предметными областями исследования 2021 года стали:

- включенность населения в религиозные и секуляризационные процессы, их социальные портреты. Направленность процесса десекуляризации в мегаполисе в условиях пандемии COVID-19;
- сравнительный анализ социально-политических, этноконфессиональных ориентаций религиозного и нерелигиозного населения в условиях пандемии;
- определение значимых социальных следствий процессов, происходящих в социополитической, этноконфессиональной и социокультурной жизни религиозного и нерелигиозного населения мегаполиса.

Исследовательские рамки настоящей работы отражают методологические принципы изучения традиционной религиозности, сформулированные автором ранее⁴²⁹. Не вдаваясь в методические детали индикаторов религиозности, считаем необходимым отметить, что основанием дихотомического деления религиозного и нерелигиозного населения выступает наличие или отсутствие веры в Бога и существование сверхъестественных сил. Для получения достоверной информации об уровне и степени религиозности применялась сбалансированная система показателей, отражающих как религиозную, так и атеистическую убежденность на уровне сознания и поведения индивидов.

Таким образом, методика исследования предполагала последовательное сведение понятия «религиозность» к операционально определяемым показателям, что позволило с помощью их эмпирического наполнения выявить сущностные черты для более полного понимания феномена религиозности и его различных форм. С 1998 года

---

⁴²⁹ Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103; Кублицкая Е. А. Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 98.

для определения уровня традиционной религиозности и уровня атеистичности, мы используем стандартные типологические группы по отношению к религии и атеизму: верующие, колеблющиеся между верой и неверием, неверующие и атеисты. Уровень религиозности фиксировался через группу верующих (**религиозное население**).

При измерении уровня религиозности (с 90-х гг. XX столетия) в наших исследованиях группы «колеблющихся» москвичей не причисляются к религиозному населению. До настоящего времени в результате кардинальной перестройки всех сфер жизнедеятельности общества и, в частности, в духовной сфере, религиозное мировоззрение постоянно модифицируется, трансформируется и изменяется. Сегодня типичной чертой мировоззрения «колеблющегося» является «незавершенность» его религиозного выбора. «Промежуточное состояние» (религиозно-нерелигиозного) сознания характеризуется мировоззренческой неопределенностью в оценке религиозной веры и своего к ней отношения. Результаты последних эмпирических данных по столице показывают, что до 60% респондентов, идентифицирующих себя с «колеблющимися» – «допускают существование Бога или другой сверхъестественной силы, но не убеждены в этом» или «не верят в бога и другие сверхъестественные силы».

Эту группу по социологическим показателям религиозного сознания и поведения скорее можно характеризовать как группу «религиозно-индифферентных», так как они безразлично относятся к религии и атеизму и практически не включены в религиозные отношения и религиозно мотивированную деятельность. Уровень атеистичности рассматривался через суммирование групп неверующих и атеистов (**нерелигиозное население**). В данном материале были сконструированы для сравнительного анализа социальных ориентаций групп только две типологические группы: религиозное и нерелигиозное население без учета так называемого «болота» (группы «колеблющихся между верой и неверием»).

Главное, что система показателей и эмпирических индикаторов традиционной религиозности и атеистичности неизменна. Это дает возможность зафиксировать эти характеристики в сравнительной перспективе⁴³⁰.

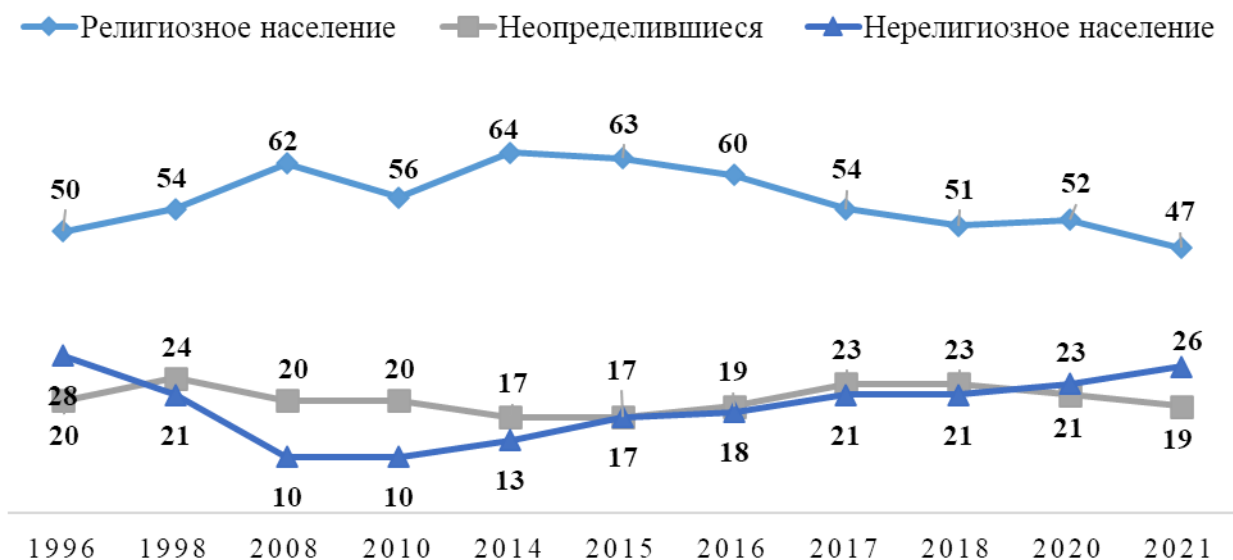
---

⁴³⁰ Мониторинг социологических опросов религиозной ситуации проводится в столичном мегаполисе Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, а с 2020 года совместно с Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН. Исследования проводятся по репрезентативной квотной выборке со связанными параметрами: пол, возраст, административный округ мегаполиса. Сбор первичной информации осуществляется методом раздаточного анкетирования, а также с 2020 года в условиях карантина и самоизоляции с помощью сети Интернет в онлайн-сервис опросов по программе SurveyMonkey. Обработка данных реализуется с помощью программы статистического анализа SPSS. Объем выборочной совокупности среди населения Москвы по годам: 1996 г. – N = 502, 1998 г. – N = 506, 2008 г. – N = 650, 2010 г. – N = 650, 2014 г. – N = 747, 2015 г. – N = 741, 2016 г. – N = 705, 2017 г. – N = 730, 2018 г. – N = 726, 2020 г. – N = 872, 2021 г. – N = 793.

Направленность процесса десекуляризации населения в московском регионе (мониторинг)

Выбор столичного мегаполиса в качестве эмпирического объекта анализа обусловлен тем, что, как показывает исторический опыт, именно столицы выступают эпицентром зарождения, формирования и развития различных социальных движений от религиозных до возможных социально-демографических, социально-политических и властных трансформаций. Москва – исторически является культурно-образовательным, научным и политическим центром России. За Москвой – «Третьим Римом» укрепилась слава верной хранительницы исконно русских и православных традиций несмотря на то, что столица – традиционно интернациональный российский город.

«Религиозный ренессанс» в Москве переживает период относительной стабилизации. Причём показатель уровня религиозности по данным сравнительных замеров в столице за последние семь лет снизился на 17%. В 2014 г. отнесли себя к верующим: 64% опрошенных (самый высокий уровень религиозности в изучаемый период) и 47% – в 2021 г. Нерелигиозное население (группа неверующих» + группа «атеистов») мегаполиса с 2014 года увеличилось в 2 раза и составило 26%. Постепенно растет не только типологическая группа «неверующих», но и группа «атеистов» (см. рис. 1, табл. 1).

Рисунок 1. Динамика пост/де/секуляризации населения Москвы (1996-2021 гг.)
(% от числа опрошенных).

Таблица 1

Динамика уровня религиозности и атеистичности москвичей за 26 лет
(на основе самоидентификации респондента, % от числа опрошенных)

Характеристики населения (отношение к религии и атеизму)	Типологические группы	1996	1998	2008	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2021
Религиозное население	Верующие	50	54	62	56	64	63	60	54	51	52	47
«Неопределившиеся»	Колеблющиеся между верой и неверием	20	24	20	20	17	17	19	23	23	21	19
	Неверующие	28	21	4	6	7	8	10	10	12	13	11
	Атеисты	-	-	6	4	6	9	8	11	9	10	15
Нерелигиозное население	Неверующие + атеисты	28	21	10	10	13	17	18	21	21	23	26

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Анализ социологических данных последних лет выявил тенденцию снижения традиционной религиозности населения столичного мегаполиса. Количественные показатели групп населения, колеблющихся между верой и неверием - группа «неопределившихся», более чем за четверть века не растеряла свои позиции и остается на уровне 19%-20%.

Рассмотрим показатели религиозного поведения, то есть «воцерковленности» верующих (частота и религиозная мотивация участия в различных религиозных ритуалах, обрядах и праздниках) значительно ниже показателей религиозного сознания. Включенность в религиозную практику демонстрируют не более трети религиозного населения. Каковы мотивы участия в религиозных обрядах и праздниках в 2021 году? По религиозным мотивам совершают обряды до 37% верующих. В большинстве случаев мотивы имеют общекультурную направленность, а также, зачастую, увязаны с семейными, родственными и национальными традициями. Об этом свидетельствуют следующее распределения ответов среди верующих:

- «совершаю обряды по традиции, потому что у нас так принято (в семье, у родственников)» – 46%;
- «эти обряды являются национальными традициями» – 52%;
- «встречаюсь во время праздников с людьми своей национальности – 10%;
- «желаю отдохнуть душой, поговорить с единовверцами о жизненных проблемах» – 13%;
- «совершаю обряды потому, что они красочны, интересны» - 13%;
- «на всякий случай необходимо совершать религиозные обряды» – 7%.

Только 25% религиозного населения постоянно совершают молитвы, а регулярно посещают храм – 19%. Такие показатели религиозного поведения верующих, как строгое соблюдение постов, причащение, исповедание, чтение религиозной литературы значительно ниже: 7% – 11%. Таким образом, можно фиксировать низкую культовую активность («воцерковленность») традиционных верующих в столичном мегаполисе.

Социально-демографические портреты религиозного и нерелигиозного населения мегаполиса значительно различаются. На уровне самоидентификации чаще относят себя к группе «верующих» женщины, чем мужчины. Несколько больше верующих в возрастных группах от 50 лет и старше, а также в средних и низкодоходных группах населения. «Колеблющиеся» респонденты чаще присутствуют среди мужчин в возрастных группах 14-18 лет и 40–49 лет, а также среди лиц с начальным и средним общим образованием. Неверующих больше среди мужчин, в молодой возрастной группе 14–24 года, среди лиц с неоконченным высшим образованием, среди студентов и ИТР, в высокодоходной группе населения. Показательно, что социально-демографические особенности нерелигиозного

населения в типологических группах «неверующие» и «атеисты», оказываются сходными.

Соотношение религиозного и нерелигиозного населения в большой степени зависит во многом от комплекса социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. На основании изложенного социологического материала можно делать выводы, не только о снижении уровня традиционной религиозности, но и степени религиозной убежденности москвичей, характеризующейся, прежде всего, низкой культовой активностью верующих, которая колеблется от 37% до 11%.

Отметим, что наиболее распространённые причины проявления религиозности на уровне поведения зачастую обусловлены этнокультурными, нежели собственно религиозными факторами. В условиях нарастающей угрозы коронавирусной инфекции COVID-19 религиозное население не всегда находит должную поддержку со стороны традиционных конфессий. Они не всегда могут оправдать весь ряд негативных явлений, которые происходят в российском обществе.

Происходит некая «дезорганизация в мыслях» религиозного населения, которое пытается по-новому осмыслить мировоззренческий подход в отношении религии и общества, религии и нации, религиозных идей и отстаивающих эти идеи различных религиозных организаций, взаимодействие между Церковью (РПЦ) и государством. Поэтому зачастую население, особенно молодежь, начинают искать помощи на возникшие проблемы, в частности, во время пандемии в мистических и многих других нетрадиционных религиозных учениях и практиках. Нередко нетрадиционные религиозные учения для определенной части населения становятся начальной фазой новой религиозной практики.

Естественно, молодые люди, как наиболее восприимчивые к новым духовным воззрениям, часто становятся последователями какой-либо яркой субкультуры, начинают интересоваться неохристианскими религиозными течениями, неоязычеством, эзотерическими и мистическими учениями, проявляя заметный интерес к конкретным духовным практикам.

Мониторинговые социологические исследования в Москве в последние годы фиксируют значительные слои населения, которые можно отнести к «внеконфессиональным» верующим. Происходит постепенное нарастание числа верующих «невоцерковленных». Если в 2020 году 12% респондентов отметили позицию: «Верю в существование сверхъестественных сил, но ни к какой Церкви не принадлежу», то через год данный показатель религиозного сознания составил 16% населения московского мегаполиса. Как показывают наши исследования, именно «внеконфессиональные» верующие в первую очередь пополняют группу нетрадиционных верующих: проявляют интерес к восточным религиям, новым религиозным учениям и их практикам и пр. На фоне сложной коронавирусной эпопеи,

вполне логично вытекает следующая мотивация обращения к нетрадиционным религиозным культам групп «колеблющихся» и «невоцерковленных» верующих:

- «нетрадиционные религиозные учения открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии» (от 51% до 57% соответственно);
- «повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия» (от 43% до 59% соответственно);
- «расширяют физиологические возможности человека» (от 39% до 44% соответственно);
- «способствуют нравственному совершенствованию человека» (от 51% до 61% соответственно).

Таким образом, в настоящее время с ростом пандемии и всех ее последствий и угроз жизнеобеспечению населения идет значительный рост интереса к нетрадиционным религиозным и мистическим практикам и идеям при постепенном снижении как уровня традиционной религиозности, так и степени «воцерковленности» религиозного населения города. К 2021 году соотношение религиозного и нерелигиозного населения в Москве составляет примерно 2:1.

Этноконфессиональные, этнодемографические, социально-политические ориентации религиозного и нерелигиозного населения в условиях пандемии

Одна из поставленных задач исследования: рассмотреть в сравнительном анализе воздействие мировоззренческих аспектов религиозной и нерелигиозной идентичностей на некоторые национальные, религиозные, социально-демографические и социально-политические ориентации и установки. Насколько мировоззренческие позиции этих групп населения могут влиять на направленность их социальных ориентаций.

В социологическом инструментарии выделен ряд показателей, характеризующих отношение населения к этим процессам:

- отношение к Церкви и религиозным организациям как социальным институтам;
- отношение к различной деятельности традиционных конфессий в российском обществе;
- отношение к религиям и религиозным организациям;
- оценка уровня межнациональной напряженности;
- отношение к национальностям;
- отношение к миграционным и интеграционным процессам в условиях текущей пандемии COVID-19;
- отношение к межконфессиональным и межнациональным бракам;
- отношение к государственным органам власти и общественным институтам;
- оценка обеспечения государством норм демократии в российском обществе;

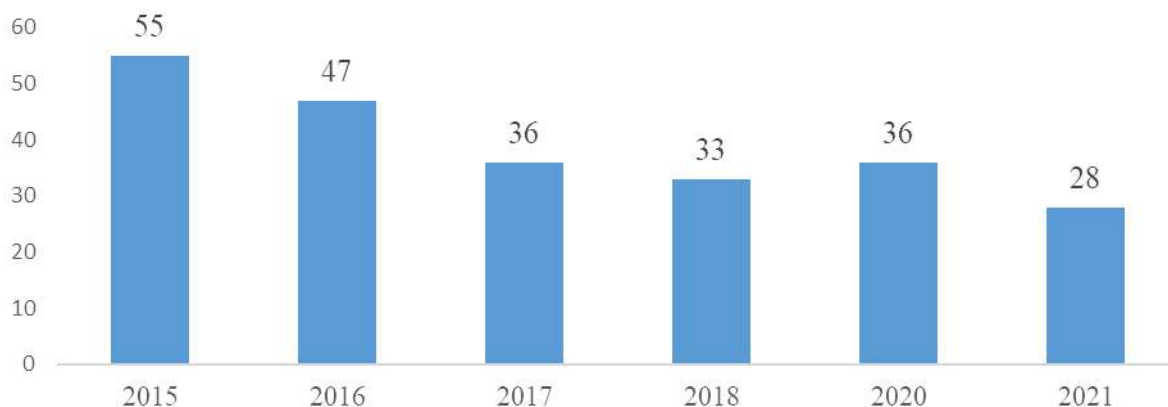
- оценка политической системы российского общества;
- оценка показателей общенациональной идеи в российском обществе.

Конфессиональные и религиозные ориентации. Прежде всего рассмотрим общественное мнение о фактических функциях Церкви в российском обществе. Результаты социологических исследований указывают на то, что доверие к Церкви, как социальному институту остается в оценках массового сознания достаточно значимым. Фактически в постсоветский период Церковь вернула себе статус важного субъекта общественной жизни. Именно Церковь и государство, являясь важнейшими регуляторами общественных отношений оказывают во многом определяющее воздействие на развитие социального регулирования общества, в условиях глобальных миграционных процессов этнических групп. Ряд общественных и политических лидеров, чиновников государственного аппарата ищут поддержку у Церкви по всем направлениям функционирования духовного, нравственного и социального жизнеобеспечения россиян.

Насколько это целесообразно, рассмотрим при изучении тематических эмпирических данных в сводной таблице 3. На базе представленных эмпирических данных проведем сравнительный анализ различных позиций и ориентаций указанных двух типологических групп (сформированных по показателям традиционной религиозности и атеистичности).

В последние годы прослеживается снижение доверия к Церкви как социальному институту. Если в 2015 г. доверяли Церкви 55% жителей столицы, то в 2021 г. этот показатель у населения сократился до 28% (см. рис. 2). Вполне логично, что нерелигиозное население значительно меньше доверяет РПЦ по сравнению с религиозными людьми, тем не менее за семь лет Церковь потеряла доверие и у трети православных прихожан: с 72% до 43% (см. табл. 2).

Рисунок 2. Доверие РПЦ как религиозному институту
(Москва, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 2

**Отношение населения, религиозных и нерелигиозных москвичей
к Русской Православной Церкви**
(Москва, % от числа опрошенных по массиву и в типологических группах)

Доверяют РПЦ как социальному институту	2015	2016	2017	2018	2020	2021
Население	55	47	36	33	36	28
Религиозное население	72	67	58	47	52	43
Нерелигиозное население	15	13	3	6	5	5

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Таблица 3

**Позиции религиозных и нерелигиозных групп населения
по отношению к тезисам национально-религиозного,
социально-демографического и социально- политического характера
(Москва, 2021 г. % от числа опрошенных в типологических группах)**

	ТЕЗИСЫ и утверждения:	Религиозное население (верующие)	Нерелигиозное население (неверующие+ атеисты)
I	Религиозные:		
1	«Я доверяю Церкви как социальному институту»	43	5
2	РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)	45	63
3	РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям	46	64
4	Некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	31	36
5	Некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни	16	36
6	«Есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь»	15	31
7	Деятельность традиционных конфессий помогает сглаживать противоречия и устранять конфликты в обществе	46	19
8	Руководство РПЦ поддерживает кампанию вакцинации от COVID-19	34	20
9	Некоторые религиозные деятели недооценивают опасность COVID-19 в религиозных практиках (массовые общения без средств защиты во время богослужений), занимаются пропагандой в СМИ против вакцинации и пр.)	34	56
10	Церковь (любой конфессии) должна быть отделена от государства	56	81
11	«Я считаю, что поправка в главе 3 Основного закона Конституции противоречит статусу России как светского государства»	19	59

**Позиции религиозных и нерелигиозных групп населения
по отношению к тезисам национально-религиозного,
социально-демографического и социально- политического характера**

Продолжение таблицы

	ТЕЗИСЫ и утверждения:	Религиозное население (верующие)	Нерелигиозное население (неверующие+ атеисты)
II	Этнодемографические и этноконфессиональные:		
12	«Я полностью согласен или в определенной степени, что мигранты вносят напряженность в межнациональные отношения»	75	68
13	«Я полностью согласен или в определенной степени, что рост заболевания COVID-19 в Москве связан с неконтролируемым притоком нелегальных мигрантов, оставшихся в России (несоблюдение основных правил безопасности, формальные медсправки для работы в торговой сфере и т.д.)»	69	53
14	В Москве налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	20	23
15	В нашем государстве идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей	42	43
16	«Есть национальности, к которым я испытываю неприязнь»	35	34
17	«Безразлично отнесусь, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности»	22	42
18	«Безразлично отнесусь, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания»	22	50

**Позиции религиозных и нерелигиозных групп населения
по отношению к тезисам национально-религиозного,
социально-демографического и социально- политического характера**

Продолжение таблицы

	ТЕЗИСЫ и утверждения:	Религиозное население (верующие)	Нерелигиозное население (неверующие+ атеисты)
III	Социально-политические:		
19	Расслоение общества на богатых и бедных	39	43
	<i>Государство обеспечивает такие нормы демократического общества, как:</i>		
20	Равенство граждан перед законом	26	16
21	Безопасность граждан	39	27
22	Права человека	31	20
23	Социальные гарантии	38	26
24	Свободу политического выбора	35	22
25	«Меня не устраивает политическая система нашего общества и ее надо радикально изменить»	26	40
26	«Я доверяю Президенту РФ»	48	23
27	«Я доверяю мэру города»	36	25
28	«Я доверяю армии»	46	30
29	«Я доверяю профсоюзам»	30	25

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Показательным в этой связи является содержание отдельных оценочных суждений, с которыми были согласны москвичи религиозной и нерелигиозной групп. Вполне естественно, что при сравнении оценок тезисов о роли РПЦ и других религиозных институтов в современном обществе, нерелигиозное население менее толерантно, чем верующие.

Прежде всего, следует заметить, что 64% из опрошенных нерелигиозных людей считают, что «РПЦ находится в привилегированном положении по отношению к остальным конфессиям». Примечательно, что этот факт подтверждают около половины из группы верующих (46%).

Далее. Очевиден факт возрастающей тенденции «клерикализации» общественных отношений согласно опросам, начиная с 2016 г. (см. табл. 4, рис. 3). С 2018 г. более половины москвичей считают, что «РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)». С данным утверждением в 2021 г. согласны 63% нерелигиозной группы и 45% религиозных людей.

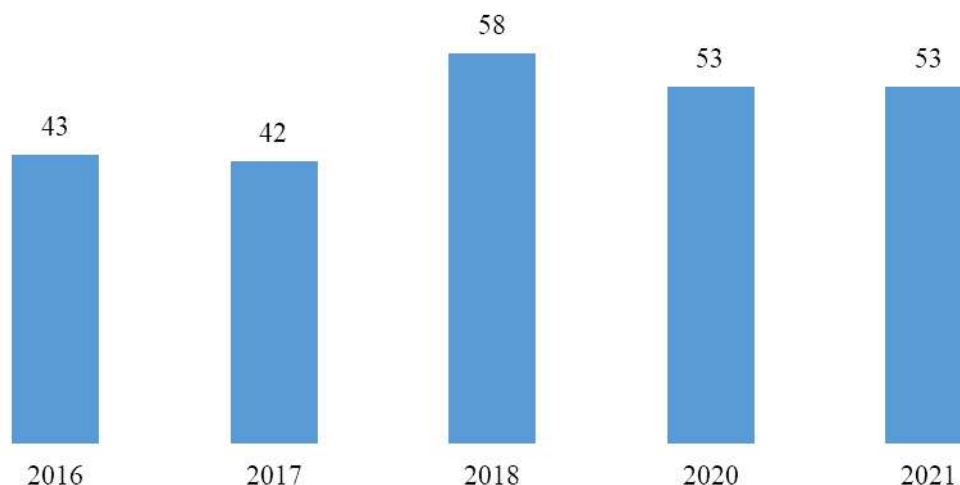
Таблица 4

«Согласен, что РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)»

(Москва, % от числа опрошенных по массиву и в мировоззренческих группах)

	2016	2017	2018	2020	2021
Население	43	42	58	53	53
Религиозное население	36	35	52	48	45
Нерелигиозное население	62	65	66	66	63

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 3. «Согласен, что РПЦ частично берет на себя функции государственных структур власти (политические, образовательные, пропагандистские и т.п.)» (Москва, % от числа опрошенных).

В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно подчеркивал светский характер российского государства, указывая на неоправданную политизацию государственно-конфессиональных отношений⁴³¹. Между тем, деятельность религиозных организаций, придание политическим вопросам религиозных смыслов, имеющиеся противоречия между светскими и религиозными мировоззрениями ведут к нормативно-правовым коллизиям и конфликтам. Подобные противоречия свидетельствуют и о ценностном кризисе, и о сложности социальной и политической коммуникации между государством, гражданским обществом и религиозными институтами.

Религиозные организации в первую очередь должны играть значительную роль в духовно-просветительской, образовательной, воспитательной, благотворительной и культурной деятельности, способствующей консолидации российского общества. Наиболее конструктивными направлениями такого сотрудничества также может быть в миротворческой и патриотической деятельности, сохранении традиционных нравственных ценностей, противодействуя деструктивным тенденциям в сфере семейных традиций, выражая интересы как религиозных организаций, так и общества в целом.

Основная часть неверующей группы населения скептически относится к миротворческой деятельности РПЦ. Только 20% из них согласны с утверждением, что «Русская Православная Церковь (РПЦ) осуществляет миротворческую и патриотическую деятельность в российском обществе». Тем не менее большинство из группы верующих согласны с этим тезисом (60%). На позитивную роль религиозных институтов в улаживании конфликтов в религиозной и межнациональной сферах указывает 46% верующих. Среди нерелигиозного населения незначительная доля считает, что «деятельность традиционных конфессий помогает сглаживать противоречия и устранять конфликты в обществе» (19%).

В то же время конфликтная, негативная роль некоторых религиозных деятелей и их лидеров не обошла вниманием значительную часть респондентов г. Москвы. 33% москвичей считают, что «некоторые российские мусульманские общины способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни» и 24% из них утверждают, что «некоторые действия РПЦ способствуют разжиганию межнациональной или межрелигиозной розни». Разница подобных высказываний у верующих и неверующих в отношении православных организаций составляет 20%. В отношении мусульманских организаций разницы между типологическими группами практически не наблюдается: 31% и 36% соответственно (см. табл. 3, п.п. 4, 5).

Степень недоверия к деятельности традиционных конфессий фиксируется, например, в условиях общественной угрозы от последствий пандемии. Позиция и

---

⁴³¹ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента РФ. 8 декабря 2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/53440> (дата обращения 11.10.2021); Путин: Россия – светское государство, таким и останется // ТАСС. 15 июня 2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4339083> (дата обращения 11.10.2021) и др.

практика религиозных институтов во время эпидемии не всегда оказываются безупречными. С одной стороны, духовные лидеры РПЦ по-прежнему объединяют людей, молясь и окропляя «святой водой» местные территории от вирусного заражения, сестры милосердия и священнослужители оказывают также духовно-нравственную поддержку в больницах и приютах, с другой стороны, некоторые служители религиозного культа повели себя неосмотрительно, даже безответственно: значительно позже отреагировали на правила самоизоляции, до сих пор допускают богослужения в храмах без средств защиты прихожан, несмотря на новую волну пандемии, провоцируя, таким образом, вспышку распространения инфекции в своей среде. Такое поведение вызывает непонимание и осуждение в обществе.

42% населения мегаполиса, 36% религиозного населения и 54% нерелигиозного населения считают, что «некоторые религиозные деятели недооценивают опасность COVID-19 в религиозных практиках (массовые общения без средств защиты во время богослужений), занимаются пропагандой в СМИ против вакцинации и пр.)».

На основании вышеизложенного, можно говорить о том, что если нерелигиозное население города с большей степенью недоверия относится к деятельности традиционных конфессий и, в частности, РПЦ, чем религиозное население, то это вполне закономерно. Тем не менее, и значительная часть верующих с долей некоторого скептицизма относится к действиям РПЦ. Возможно, это связано, прежде всего, из-за возрастающей тенденции клерикализации общественных и государственных отношений, активной миссионерской и прозелитической деятельности ряда конфессий и религиозных организаций, политической ангажированности некоторых религиозных лидеров, нежели с утратой основных духовно-нравственных ценностей традиционных конфессий. Многолетние социологические исследования показывают, что такие ролевые функции религии в жизни человека, как в сохранении традиций и национальной культуры, воспитание нравственных позиций, сохраняют значение для всех изучаемых мировоззренческих групп населения и составляют от 60% до 80%. Большую положительную роль они придают также компенсаторной функции религии: психологической и духовной через различные формы культовой обрядности (молитва, покаяние, исповедь, пост и др.).

Население Москвы продолжает оставаться достаточно терпимым к различным религиозным взглядам и религиям. Анализ социологических данных за последние 8 лет указывает на снижение показателей религиозной неприязни. Уровень межрелигиозной и межконфессиональной толерантности населения, начиная с 2014 года достиг практически 80%. Это высокий, оптимистичный показатель индифферентизма и терпимости. В целом, за последние годы фиксируется стабильная позиция в 21% – 25% москвичей, согласных, что есть религии и религиозные организации, к которым они испытывают неприязнь.

Однако, ориентация населения на религию, как общенациональную идею, способную объединить россиян не находит серьезной поддержки, тем более в группе

нерелигиозного населения. На сегодняшний день социально-политические ценности превалируют в сознании даже религиозного населения. Подобного характера ценности вышли на передний план, учитывая назревшие на сегодняшний день в обществе проблемы, такие как: расслоение общества на богатых и бедных, произвол и бюрократизм чиновников, зачастую неконтролируемый поток мигрантов, рост преступности, наркомании и алкоголизма, экономические и духовно-нравственные «риски» в условиях COVID-19 и пр. Поэтому вполне закономерно, что среди представленных номинаций в социологическом опросе 2020 г.: «патриотизм», «социальная справедливость и равенство», «национальная гордость», «общественный порядок», «безопасность», «державность», «свобода и права человека», «демократия», «интернационализм», «духовность», «социализм», «самодержавие», «общественное самоуправление» – «религия и религиозные традиции» занимают 11 место (18%), 10 место среди религиозного населения (27%) и последнее место в группе неверующих (1%). В обеих типологических группах первые места в рейтинге ценностей одни и те же приоритеты: «свобода и права человека», «безопасность» и «социальная справедливость». Следует отметить, что если идеи патриотизма, державности, национальной гордости не занимают лидирующих позиций в ценностных ориентациях нерелигиозного населения (с 7 по 10 места в рейтинге номинаций), то среди верующих больше половины респондентов отметили значимость идей патриотизма и национальной гордости в консолидации российского общества (4-5 места в рейтинге номинаций).

Мониторинговые исследования выявляют изменяющиеся представления населения о сущности государственно-конфессиональных отношений и складывающейся государственной политики в отношении религиозных объединений. Светский характер российского государства одобряет значительная доля москвичей. «Церковь (любой конфессии) должна быть отделена от государства» – так утверждают 66% населения Москвы и большинство нерелигиозного населения (81%). Согласны с этим тезисом и 56% верующих.

Новая поправка в Основной закон Конституции с введением в 3 главу религиозных терминов вызвала неоднозначную реакцию в общественном дискурсе. Эта поправка вызвала в обществе определенное сомнение в том, не противоречит ли она светскому характеру российского государства (см. табл. 5).

Таблица 5

**Считаете ли Вы, что поправка в главе 3 Конституции,
в которой *вера в Бога* употребляется в историческом контексте,
не противоречит статусу России как светского государства?**

(Москва, 2020-2021 гг. % от числа опрошенных)

ПОЗИЦИИ	Население		Религиозное население		Нерелигиозное население	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021
1. Считаю, что не противоречит	36	32	46	45	15	14
2. Считаю, что противоречит	37	35	26	19	59	59
3. Затрудняюсь ответить	27	33	28	36	26	27

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН, Отдел этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

«Я считаю, что поправка в главе 3 Основного закона Конституции в которой *вера в Бога* употребляется в историческом контексте, не противоречит статусу России как светского государства» так считает более трети опрошенных москвичей. Несколько большее количество респондентов ответили, что поправка противоречит статусу России как светского государства. Эмпирические данные указывают что за 2 года распределение ответов практически не изменилось: до трети респондентов в каждой позиции (в 2021 г. 32%, 35%, 33% соответственно). К 2021 г. более трети опрошенных верующих не определили свою позицию к поправке 3 главы Конституции. Положительно отметили эту поправку 46% – 45% верующих и 14% неверующих. Позиции нерелигиозного населения к данной поправке с 2020 г. не изменилась: 59% – 59% из них утверждают, что поправка к 3 главе Конституции противоречит статусу России как светскому государству (см. табл. 5).

Можно согласиться о необходимости разработки более ясных формулировок понятий «религиозной сферы» в Новой законодательной базе в Конституции для четкого понимания разделения функций государства, общества и религии, связанных с базисными ценностными принципами российской действительности. Без широкого общественного диалога различных общественных движений и организаций закрепить общие критерии нравственных норм и разделения функций не представляется возможным. Естественно, без активного подключения к этому диалогу традиционных конфессий, как показывает исторический опыт, это вряд ли осуществимо.

Этнодемографические и этноконфессиональные ориентации. Продолжая изучение межличностных отношений мировоззренческих групп в межнациональной сфере, следует учитывать, что их развитие в наибольшей степени зависит от уровня толерантности населения в этноконфессиональном взаимодействии. Повышение уровня этноконфессиональной толерантности в социальной сфере необходимо для

снижения уровня межэтнической и межрелигиозной напряженности, достижения консенсуса в способах и формах выражения духовно-нравственных ценностей, тем самым, способствуя социальной интеграции и политической устойчивости общества.

Отметим, что выявлен достаточно высокий уровень национальной нетерпимости к «другим» национальностям как среди москвичей в целом, так и в изучаемых типологических группах: 34%, 35%, 34% соответственно. Нет различий между религиозным и нерелигиозным населением и в оценке уровня межнациональной напряженности, а также по позициям «ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей» (см. табл. 3, п.п. 14, 15, 16)⁴³². Тем не менее, следует помнить, что уровень толерантности/интолерантности этих отношений напрямую связан с отражением в массовом сознании реалий повседневной жизни москвичей. Респонденты считают, что в результате увеличения интенсивности миграционных потоков, ухудшается весь спектр жизнедеятельности: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания, образование, здравоохранение, транспортные передвижения и культурно-духовные запросы населения.

Религиозное население более болезненно реагирует на нарушение миграционного дисбаланса:

- 75% этой группы полностью согласен или согласны в определенной степени, что мигранты вносят напряженность в межнациональные отношения». Среди нерелигиозного населения чуть меньше поддерживают эту точку зрения (68%);
- с учетом третьей волны нарастающей пандемии 69% религиозного и 53% нерелигиозного населения частично или полностью согласны с тем, что «рост заболевания COVID-19 в Москве связан с неконтролируемым притоком нелегальных мигрантов (несоблюдение основных правил безопасности, формальные медицинские справки для работы в торговой сфере и т.д.)».

Как известно, воспроизводство национальных и религиозных традиций, обычаев, духовно-нравственных ценностей, норм поведения, в первую очередь, закладываются в семейном коллективе, микрочайке общества, а следовательно, и основы этноконфессиональной толерантности или наоборот: национальной и религиозной нетерпимости.

Обратимся в этой связи к показателям, отражающих близость или отдаленность религиозных и нерелигиозных групп – к *межконфессиональным бракам и межнациональным бракам*. Если в целом по массиву в 2021 году лишь 17% населения отметили крайний этноцентристский показатель: «отрицательно отнесусь, если кто-то

---

⁴³² При расширении типологии (на основании соответствующих показателей): «воцерковленные верующие» – «невоцерковленные верующие» – «колеблющиеся» – «неверующие» – «атеисты», – крайние группы типологии сильно отличаются по оценке межэтнического взаимодействия. Так, первая группа «воцерковленных» практически по всем показателям межэтнического общения имеет более скептические характеристики по сравнению с «неверующими» и «атеистами».

из моих родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания» и 14% москвичей отметили, что: «отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности», то между нерелигиозным и религиозным населением (особенно в группе «воцерковленных» верующих) выявилась значительное различие в позициях этноцентристской направленности. 27% респондентов из группы «воцерковленных» и 17% из группы «нерелигиозных» отрицательно отнеслись к многонациональным бракам. К поликонфессиональным бракам также более отрицательно отнеслись 37% «воцерковленных» верующих и 14% из группы нерелигиозного населения. В целом, определяется более оптимистичный показатель уровня индифферентизма и толерантности к многонациональным и многонациональным бракам у нерелигиозного населения:

- «безразлично отнесусь, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности» – 42% нерелигиозного и 22% религиозного населения;
- «безразлично отнесусь, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания – в два раза больше толерантных неверующих по сравнению религиозными людьми (50% и 22% соответственно).

Социологический материал фиксирует, религиозную и национальную исключительность значительной части «воцерковленных» верующих в сфере семейно-бытовых отношений. И это вполне естественно, исходя из того, что конфессия в силу исторических причин напрямую связана с определенной национальностью. И показатели толерантности в межэтническом взаимодействии на порядок выше в группе «нерелигиозного населения. Таким образом, конфессиональная исключительность не только укрепляет этническую идентичность, но, к сожалению, имеет больше интолерантных характеристик по отношению к «другим», то есть: «чужим» национальностям.

Социально-политические ориентации. Отношение к социально-политическим процессам в стране у изучаемых типологических групп религиозного и нерелигиозного населения не имеет кардинально противоположных ориентаций. Во всех группах выявлено преобладающее критическое отношение к социально-политическим реформам, проводимым в стране в последние двадцать лет. Однако эти общие тенденции проявляются у них с различной степенью интенсивности. Так, результаты социологического опроса 2021 г. Продолжают показывать, что верующие более оптимистично смотрят на социально-экономическое и социально-политическое положение в стране, реформирование общества по сравнению с неверующими людьми (см. табл. 3, пп. 19-29). Нерелигиозное население значительно активнее выступают за преобразование государственной системы, более революционно настроены по

сравнению с группой «верующих»: «политическую систему общества надо радикально изменить» (40% и 26% соответственно).

Кроме того, «верующие», как уже было проанализировано в исследованиях с 2014 г., имеют чуть более высокий уровень гражданской и патриотической самоидентификации по сравнению с нерелигиозной группой, больше доверяют государственным органам власти и общественным институтам:

- «Я доверяю Президенту РФ» - в два раза больше респондентов среди религиозного населения по сравнению с нерелигиозным населением (48% и 23% соответственно);
- «Я доверяю мэру города» - 36% и 25% соответственно;
- «Я доверяю армии» - 46% - 30% соответственно;
- «Я доверяю профсоюзам» - 30% и 25% соответственно.

Социологические измерения показывают, что такие нормы демократического общества, как равенство граждан перед законом, социальные гарантии, права человека и безопасность, не обеспечиваются государством в полной мере. Существенная часть граждан обеспокоены выполнением в стране социальных обязательств. Тем не менее, до 40% верующих позитивно оценивает деятельность государства по безопасности граждан и социальным гарантиям. Среди нерелигиозного населения – таковых менее 30% (см. табл. 3, пп. 20-24).

Выводы

Социологические исследования последних лет показывают, что процесс секуляризации в обществе продолжается. В условиях пандемии и ее последствий выявлен значительный рост интереса граждан к нетрадиционным религиозным и мистическим идеям и практикам среди «внеконфессиональных» верующих и «колеблющихся» групп, при постепенном снижении как уровня традиционной религиозности, так и степени «воцерковленности» религиозного населения города. К 2021 году соотношение религиозного и нерелигиозного населения в Москве составляет примерно 2:1.

Очевиден факт возрастающей тенденции «клерикализации» общественных отношений, что подтверждается оценками деятельности религиозных институтов не только населением мегаполиса в целом, но и религиозным населением. Прослеживается снижение доверия к Церкви как социальному институту. Если в 2015 г. доверяли Церкви 55% жителей столицы, то в 2021 г. этот показатель у населения сократился вдвое. За семь лет Церковь потеряла доверие и у трети православных прихожан: с 72% до 43%. Возможно, это связано, прежде всего, с активной миссионерской и прозелитической деятельностью ряда конфессий и религиозных организаций, политической ангажированности некоторых религиозных лидеров, нежели с утратой основных духовно-нравственных ценностей традиционных

конфессий. Значительная часть населения, независимо от мировоззренческих позиций по отношению к религии и атеизму, придерживается традиционных ценностей, возлагая на религию функцию сбережения национальных традиций и обычаев, нравственных и духовных устоев. При соответствующей государственной политике в области этноконфессионального взаимодействия, как показывает социологический анализ, есть серьезные основания для развития духовного объединительного движения независимо от пола, возраста, национальности и конфессиональной принадлежности, несмотря на глобальные «угрозы» и «вызовы» самоизоляции в период пандемии.

На сегодняшний день социально-политические, социально-экономические ценности преобладают в сознании даже религиозного населения. Подобного характера ценности вышли на передний план, учитывая назревшие на сегодняшний день в обществе проблемы, такие как: расслоение общества на богатых и бедных, произвол и бюрократизм чиновников, зачастую неконтролируемый поток мигрантов, рост преступности, наркомании и алкоголизма, экологические, экономические и духовно-нравственные «риски» в условиях COVID-19 и пр. Выявлена наибольшая лояльность религиозного населения к политическим и общественным институтам, равно как и их более высокий уровень гражданских и патриотических предпочтений. За последние десятилетия в российском обществе произошла полная трансформация религиозного сознания по отношению к государственной политике. Если раньше социологи фиксировали взаимосвязь религиозного мировоззрения и политико-экономических ориентаций с отрицательным вектором: «чем выше степень религиозности, тем негативней позиция верующих к социально-политическим и социально-экономическим процессам в стране», то, сегодня с точностью наоборот: чем выше степень религиозной убежденности, тем лояльнее и терпимее позиция верующих к социально-политическим и экономическим трансформациям российского общества.

3.7. МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА О МОТИВАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ

Введение в программные положения

В 2021 году весь мир столкнулся с последствиями COVID-кризиса, отразившимися во всех сферах жизни общества. Первые успешные опыты изготовления и внедрения вакцин, оптимизация системы медицинской помощи под нужды пандемии и т.д. позволили учёным обратить своё внимание на перемены в социально-политической жизни, в которых в результате кризиса обострились имевшиеся проблемы.

Одной из самых опасных для общества в периоды кризиса является проблема экстремизма в религиозной сфере – это явление, ставшее следствием политического и культурного и – самое значительное – затянувшегося социально-экономического кризиса в нашей стране.

К концу 90-х годов XX века институты власти, сдерживавшие криминалитет, в том числе и на религиозной почве, значительно ослабли. Одновременно глубокие изменения в российском обществе, связанные с развитием рыночных отношений и распространением в общественной психологии свободы индивидуального и группового предпринимательства, привели к развитию экономических интересов и последующему росту мелкого и среднего бизнеса. Это, в свою очередь, послужило хорошей приманкой для различных криминальных организаций и группировок, в том числе и религиозно окрашенных⁴³³. Экстремистские организации на постсоветском пространстве были нередко исламистского толка, значительная доля нападков на предпринимательство совершалась выходцами из республик Северного Кавказа и Закавказья.

Развитие взаимоотношений религиозных группировок и организаций с экономическими институтами в нашей стране прошло те же этапы развития, что и во всем мире. Как отмечали военные эксперты Вашингтонского института ближневосточной политики, религиозные организации экстремистского толка в процессе своего развития переживают следующие стадии: сначала они совершают приступообразные нападения на государственные и коммерческие объекты по принципу «бей-беги», потом, набрав силы и став более стабильными, предпочитают облагать данью коммерческие структуры, стараясь выбрать «кусочек пожирнее»⁴³⁴. Не

⁴³³ Юсупова Г. И. Влияние социально-политических трансформаций на этнополитические процессы в регионе // Этнополитические и конфессиональные аспекты обеспечения региональной безопасности. Махачкала. РЦЭИ ДНЦ РАН, 2019. С. 18; Магомедсултанов И. И., Магомедсултанов Н. И. Конституционный кризис 1993 года и формирование новой парламентской системы в России // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : Сборник статей / Под общ. ред. М. К. Горшкова и А-Н. З. Дибирова. Москва-Махачкала, 2011. С. 162.

⁴³⁴ Цит. по: Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ : Программа и материалы массового опроса населения

стоит забывать, что в экстремистских организациях, по данным тех же экспертов, состоят не более 9,0% населения региона. Аналитики отмечают, что инсургенты с годами демонстрируют все больший профессионализм, одним из их инструментов является применение таких морально-психологических рычагов воздействия на потенциальных «спонсоров», как угрозы и шантаж⁴³⁵.

С другой стороны, не следует сбрасывать со счетов факт повышенной криминализации самих коммерческих структур или криминальное происхождение капитала, предшествующее возникновению этой структуры. Бизнес и криминальные структуры порой функционируют как сообщающиеся сосуды. Следствием такого союза являются новообразования, распространяющие свое влияние и на государственно-правовые институты.

Проблема религиозных экстремистских организаций сегодня в России становится всё более актуальной⁴³⁶ и требует социологического осмысления – важно выяснить как причины, так и механизмы организации и функционирования преступных организаций экстремистского толка для предупреждения их становления и оперативного вычисления и обезвреживания.

Целью представляемого исследования является выяснение мнения жителей СКФО РФ о мотивах, по которым крупные предприниматели финансируют неформальные группировки и организации религиозного толка⁴³⁷.

Гипотеза предполагает, что все виды поддержки религиозных организаций со стороны деловых людей искренними не являются. Северокавказскому обществу ведомо, что происхождение состояния нынешних бизнесменов в большинстве случаев имеет криминальное происхождение. Кроме того, известно, что происходит криминализация и коммерческих, и властных структур. Житейский опыт также показывает, что человек не любит расставаться с нажитыми деньгами и неохотно их «жертвует» на какие-то неясные цели. Поэтому жертвования деловых людей религиозным организациям не являются добровольными, а происходят по

республик СКФО РФ. Июнь, 2015 г. / Х. В. Дзуцев, З. А. Атабиева, С. С. Бирагова [и др.]. Москва-Владикавказ : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2016. С. 42.

⁴³⁵ Simon A.-C. Named Abdel-Samad “Moderate Muslimbrüder? Wie naiv!” // Die Presse. 03.07.2013.

⁴³⁶ Петров И. В столичных вузах вербовали студентов в религиозные экстремисты // Российская газета. 05 октября 2021. URL: <https://rg.ru/2021/10/05/reg-cfo/v-stolichnyh-vuzah-verbovali-studentov-v-religioznye-ekstremisty.html> (дата обращения 12.10.2021); ФСБ пресекла деятельность религиозных экстремистов в Екатеринбурге // Известия. 22 сентября 2021. URL: <https://iz.ru/1225460/2021-09-22/fsb-presekla-deiatelnost-religioznykh-ekstremistov-v-ekaterinburge> (дата обращения 12.10.2021); В Самарской области задержали членов запрещённой религиозной организации, которую признали террористической // ГТРК Самара. 21 сентября 2021. URL: <https://tvsamara.ru/news/religioznaya-gruppa-dzhamaat-krasnyi-pakhar-priznana-terroristicheskoi-organizaciei/> (дата обращения 12.10.2021) и т.д.

⁴³⁷ Исследование проведено Центром исследования приграничных регионов Юга России ИПИ ФНИСЦ РАН и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова в 2021 году. Объектом исследования послужили население республик СКФО РФ, включающий в себя: Республику Северная Осетия – Алания, Чеченскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Ингушетия, Республику Дагестан, Кабардино-Балкарскую Республику. Объем выборки составил 1200 человек, по 200 в каждой республике, и 50 экспертов. В опросе участвовали жители республик старше 18 лет, выборка репрезентативна по уровню образования, возрасту, полу и типоселенческим характеристикам. Ошибка выборки не превышает 5%. Анкета для респондентов включала закрытые вопросы, для экспертов – открытые.

принуждению. Исключение составляют денежные вливания, с помощью которых бизнесмен намеревается распространить свое влияние на политику для получения, опять же, еще большей выгоды.

Для подтверждения этой гипотезы респондентам и экспертам были предложены для обсуждения следующие **предположения о мотивах действий состоятельных людей, финансирующие неформальные группировки и организации:**

- a. являются истинно верующими людьми, признающими религиозные ценности абсолютно верными, не преследуют никаких корыстных целей, только выполняют свой долг;
- b. это настоящие патриоты, которые ради процветания своего народа и его религиозных ценностей готовы отдать свое состояние, не преследуют личных корыстных целей;
- c. используют самый сильный из инструментов власти – этнорелигиозный – для захвата политической власти и укрепления своего экономического положения, реализуют личные капиталистические интересы;
- d. состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки и организации под давлением политических сил экстремистской направленности.

Результаты исследования

Абсолютное большинство респондентов не верят в искренность состоятельных людей, финансирующих деятельность неформальных группировок и организаций. В среднем эта цифра составляет 78,7%. Об этом говорили 89,0% ингушей, 86,0% осетин, 84,9% дагестанцев, 82,9% русских и русскоязычных, 74,8% кабардинцев и балкарцев, 67,7% чеченцев и 65,9% карачаевцев и черкесов. Категорически не согласны с данным утверждением менее половины опрошенных кабардинцев и балкарцев (45,2%) и осетин (43,8%), треть русских и русскоязычных (38,0%) и респондентов Дагестана (34,6%), 28,0% карачаевцев и черкесов и 19,2% чеченцев.

В среднем 16,7% считают, что бизнесмены, финансирующие неформальные организации, являются искренне верующими людьми и на этой основе оказывают финансовую помощь неформальным организациям, как бы выполняя свой долг. Так предпочли ответить ровно треть карачаевцев и черкесов, 19,9% кабардинцев и балкарцев, 17,1% русских и русскоязычных, 15,1% дагестанцев, 13,7% чеченцев, каждый десятый житель Северной Осетии (10,1%) и 7,9% ингушей. Из них в среднем 11,0% респондентов на этот вопрос ответили «скорее, согласен». Так предпочли ответить 21,2% карачаевцев и черкесов, 13,3% кабардинцев и балкарцев, 12,5% русских и русскоязычных, 12,3% дагестанцев, 7,0% осетин, и 6,1% чеченцев. 12,1% карачаевцев и черкесов, 9,1% кабардинцев и балкарцев, 7,6% чеченцев, 3,1% осетин, 3,0% ингушей и 2,8% народов Дагестана согласны с данным высказыванием (см. табл. 1).

Подавляющее большинство респондентов не согласны с утверждением о том, что состоятельные люди добровольно финансируют неформальные религиозно-националистические организации. Ответы «скорее не согласен» и «не согласен» сопоставимы между собой и отличаются друг от друга не более чем на 20%. В среднем 42,0% участников опроса ответили «скорее не согласен», 30,9% – «не согласен». Исключение составили ответы респондентов Ингушетии: большинство категорически не согласны (65,2%) с тем, что бизнесмены искренне и добровольно финансируют неформальные организации и группировки. В отрицательных ответах было больше единодушия, о чем свидетельствует меньший коэффициент варьирования: 10,9 против 43,7% в случае положительных ответов.

Абсолютное большинство опрошенных не верят, что обеспеченные люди, спонсирующие неформальные организации, делают это добровольно, ради процветания своего народа и из личных бескорыстных мотивов (см. табл. 2).

Таблица 1

Согласие с утверждением, что состоятельные люди, финансирующие неформальные группировки и организации, – истинно верующие люди, признающие религиозные ценности абсолютно верными. Они не преследуют никаких корыстных целей, только выполняют свой долг (%)

	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласны	4,6	9,6	12,1	2,8	3,0	3,1	7,6	6,1±3,43	56,2
Скорее согласны	12,5	13,3	21,2	12,3	4,9	7,0	6,1	11,0±5,21	47,3
Всего согласны	17,1	19,9	33,3	15,1	7,9	10,1	13,7	16,7±7,3	43,7
Скорее не согласны	44,9	29,6	37,9	50,3	23,8	42,2	48,5	42,0±9,11	21,7
Не согласны	38,0	45,2	28,0	34,6	65,2	43,8	19,2	30,9±13,5	43,7
Всего не согласны	82,9	74,8	65,9	84,9	89,0	86,0	67,7	78,7±8,58	10,9
Не знаю	0,0	2,2	0,8	0,0	3,0	3,9	18,7	-	-
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-	-

Таблица 2

Состоятельные люди, финансирующие неформальные группировки и организации, – это настоящие патриоты, которые ради процветания своего народа и его религиозных ценностей готовы отдать свое состояние. Они не преследуют личных корыстных целей (%)

	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласны	3,8	6,7	9,1	0,6	3,7	2,4	5,6	4,6±2,61	56,7
Скорее согласны	10,3	14,1	25,0	7,9	2,4	11,2	9,1	11,4±6,45	56,6
Всего согласны	14,1	20,8	34,1	8,5	6,1	13,6	14,7	16,0±8,58	53,6
Скорее не согласны	42,2	34,1	38,6	55,1	23,8	37,6	35,9	38,2±8,71	22,8
Не согласны	43,0	44,4	26,5	36,5	68,3	43,2	26,3	41,2±13,15	31,9
Всего не согласны	85,2	78,5	65,1	91,6	92,1	80,8	62,2	79,4±11,0	13,9
Не знаю	0,8	0,7	0,8	0,0	1,8	5,6	23,2	-	-
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-	-

Отрицательно на этот вопрос ответили в среднем 79,4% респондентов, среди них: 92,1% ингушей, 91,6% народов Дагестана, 85,2% русских и русскоязычных, 80,8% осетин, 78,5% кабардинцев и балкарцев, 65,1% карачаевцев и черкесов и 62,2% чеченцев. Разница в ответах между «согласен» и «скорее согласен» в этой части опроса составила всего 3,0%. Скорее несогласными с данным высказыванием оказались в среднем 38,2% респондентов, среди них: более половины опрошенных в Дагестане (55,1%), 42,2% русских и русскоязычных, 38,6% карачаевцев и черкесов, 37,6% осетин, 35,9% чеченцев, 34,1% кабардинцев и балкарцев и 23,8% ингушей. Несогласными с данным высказыванием оказались в среднем 41,2% респондентов, из них: 68,3% ингушей, 44,4% кабардинцев и балкарцев, 43,2% осетин, 43,0% русских и русскоязычных, 26,5% карачаевцев и черкесов и 26,3% чеченцев.

Наибольший разрыв в ответах «скорее не согласен» и «не согласен» оказался среди опрошенных в Ингушетии: несогласных среди них было в три раза больше (68,3%), чем скорее, несогласных (23,8%). 16,0% опрошенных верят в искренность намерений состоятельных людей, финансирующих неформальные группировки и объединения. Так ответили треть (34,1%) карачаевцев и черкесов, 20,8% кабардинцев и балкарцев, 14,7% чеченцев, 14,1% русских и русскоязычных, 13,6% осетин, 8,5% дагестанцев и 6,1% ингушей.

В среднем 11,4% респондентов предпочли ответ «скорее согласен». Из них ровно четверть карачаевцев и черкесов указали, что они «скорее согласны» с данным высказыванием, такой же ответ предпочли 14,1% кабардинцев и балкарцев, 11,2% осетин, 10,3% русских и русскоязычных и 9,1% чеченцев. 4,6% опрошенных в среднем были однозначно «согласны» с приведенным высказыванием; из них 9,1% карачаевцев и черкесов, 6,7% кабардинцев и балкарцев, 5,6% чеченцев, 3,8% русских и русскоязычных, 3,7% ингушей, 2,4% осетин и 0,6% представителей Дагестана.

Подавляющее большинство опрошенных не согласны с утверждением, что состоятельные люди, финансирующие религиозные организации и группировки, – это настоящие патриоты, которые ради процветания своего народа и его религиозных ценностей готовы отдать свое состояние. Разница в ответах между «согласен» и «скорее согласен» в этой части опроса составила всего 3,0%. Наибольший разрыв в ответах «скорее не согласен» и «не согласен» оказался среди опрошенных Ингушетии: несогласных среди них было в три раза больше (68,3%), чем скорее, несогласных (23,8%). В отрицательных ответах было больше единодушия, о чем свидетельствует невысокий коэффициент варьирования: 13,9 против 53,6% в случае ответов положительных. Большой разброс мнений наблюдался в случае положительных ответов по сравнению с отрицательными. Пределы колебаний положительных ответов «согласен» и «скорее согласен», а также их суммы были примерно одинаковыми.

Большинство опрошенных считают, что бизнесмены, финансирующие неформальные религиозные организации, используют этнорелигиозные рычаги, чтобы добиться своих корыстных целей. В среднем 64,6% опрошенных согласны с данным утверждением. Об этом свидетельствуют данные таблицы 3.

Таблица 3

Согласие с суждением: «Состоятельные люди, финансирующие неформальные группировки и организации, используют самый сильный из инструментов власти – этнорелигиозный – для захвата политической власти и укрепления своего экономического положения. Они реализуют личные капиталистические интересы»

	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласны	38,5	29,6	29,5	20,1	49,4	35,7	16,2	31,3±10,4	33,2
Скорее согласны	34,7	22,2	43,9	19,6	33,5	41,1	38,4	33,3±8,5	25,7
Всего согласны	73,2	51,8	73,4	39,7	82,9	76,8	54,6	64,6±14,7	22,8
Скорее не согласны	17,9	26,7	19,7	44,1	11,0	7,8	16,7	20,6±11,1	54,1
Не согласны	8,4	18,5	6,8	16,2	4,3	5,4	4,5	9,2±5,4	58,5
Всего не согласны	26,3	45,2	26,5	60,3	15,3	13,2	21,2	29,7±15,8	53,2
Не знаю	0,4	3,0	0,0	0,0	1,8	10,1	24,2	-	-
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-	-

Так пожелали ответить 82,9% ингушей, 76,8% осетин, 73,4% карачаевцев и черкесов, 73,2% русских и русскоязычных, 53,6% чеченцев и 51,8% кабардинцев и балкарцев. Ровно треть респондентов СКФО оказались скорее, согласными, из них: 43,9% карачаевцев и черкесов, 41,1% осетин, 38,4% чеченцев, 34,7% русских и русскоязычных, 33,5% ингушей, 22,2% кабардинцев и балкарцев, 19,6% дагестанцев. В среднем 31,3% респондентов указали, что согласны с утверждением о том, что состоятельные люди финансируют группировки и организации небескорыстно, а ради достижения своих целей. Так предпочли ответить 49,4% ингушей, 38,5% русских и русскоязычных, 29,6% кабардинцев и балкарцев, 29,5% карачаевцев и черкесов, 20,1% дагестанцев и 16,2% чеченцев.

В среднем менее трети опрошенных (29,7%) были не согласны с данным высказыванием, среди них: 60,3% дагестанцев, 45,2% кабардинцев и балкарцев, 26,3% русских и русскоязычных, 26,5% карачаевцев и черкесов, 21,2% чеченцев, 15,3% ингушей и 13,2% осетин. Скорее, не согласны с данным высказыванием 20,6% респондентов, из них: 44,1% дагестанцев, 26,7% кабардинцев и балкарцев, 19,7% карачаевцев и черкесов, 17,9% русских и русскоязычных, 16,7% чеченцев, 11,0% ингушей и 7,8% осетин. Четверть респондентов Чечни (24,2%) не ответили на этот вопрос.

9,2% опрошенных в северокавказских республиках считают, что состоятельные люди, финансируя религиозно-национальные организации, не преследуют никаких корыстных целей. Так пожелали ответить 18,5% кабардинцев и балкарцев, 16,2% дагестанцев, 8,4% русских и русскоязычных, 6,8% карачаевцев и черкесов, 5,4% осетин, 4,5% чеченцев и 4,3% ингушей.

Подавляющее большинство согласны с утверждением, что состоятельные люди, финансирующие неформальные группировки и организации, используют самый сильный из инструментов власти – этнорелигиозный – для захвата политической власти и укрепления своего экономического положения. Так считает половина опрошенных жителей Ингушетии. Опрошенные в Дагестане более других склонны верить в искренность желания бизнесменов поддержать неформальные религиозные и национальные группировки. В утвердительных ответах данной части опроса респонденты проявили больше единодушия, чем в отрицательных, о чем говорит меньший коэффициент варьирования положительных ответов: 22,8 против 53,2% отрицательных. То есть граждане проявили большее единодушие в утверждении о том, что бизнесмены реализуют самый сильный инструмент власти – этнорелигиозный – и преследуют корыстные интересы.

В материалах таблицы 4 содержатся данные о мнении граждан об использовании неформальными группировками политических рычагов воздействия на представителей бизнес-сообщества с целью получения от них финансирования своей экстремистской деятельности.

Таблица 4

Состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки и организации под давлением политических сил экстремистской направленности (%)

	Национальность							Среднее арифметическое	Коэффициент варьирования
	Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
Согласны	30,9	31,9	15,9	34,1	42,7	26,8	11,1	27,6±10,1	36,6
Скорее согласны	35,5	22,2	31,1	23,5	34,1	30,7	30,3	29,6±4,64	15,7
Всего согласны	66,4	54,1	47,0	57,6	76,8	57,5	41,4	57,3±10,9	19,0
Скорее не согласны	20,2	25,2	42,4	31,3	12,2	21,3	22,2	25,0±8,87	35,5
Не согласны	12,2	16,3	8,3	11,2	8,5	7,9	9,6	10,6±2,76	26,0
Всего не согласны	32,4	41,5	50,7	42,5	20,7	29,2	31,8	35,6±9,24	25,9
Не знаю	1,1	4,4	2,3	00,0	2,4	13,4	26,8	7,4	-
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	-	-

Более половины опрошенных в республиках СКФО (57,3%) считают, что состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки и организации под давлением политических сил экстремистской направленности. Так пожелали ответить 76,8% ингушей, 66,4% русских и русскоязычных, 57,6% представителей народов Дагестана, 57,5% осетин, 54,1% кабардинцев и балкарцев, 47,0% карачаевцев и черкесов и 41,4% чеченцев. При этом согласны с этим высказыванием в среднем более четверти опрошенных (27,6%), среди них: 42,7% ингушей, 34,1% жителей Дагестана, 31,9% кабардинцев и балкарцев, 30,9% русских и русскоязычных, 26,8% осетин, 15,6% карачаевцев и черкесов, 11,1% чеченцев. Скорее согласны в среднем 35,5% русских и русскоязычных, 34,1% ингушей, 31,1% карачаевцев и черкесов, 30,7% осетин, 30,3% чеченцев и 22,2% кабардинцев и балкарцев. В среднем 29,6% респондентов были скорее согласны с данным высказыванием. В среднем более трети респондентов (35,5%) не согласны с тем, что состоятельные люди вынуждены финансировать данные организации под давлением политических сил экстремистской направленности. Эту точку зрения разделили половина опрошенных (50,7%) карачаевцев и черкесов, 42,5% дагестанцев, 41,5% кабардинцев и балкарцев, 32,4% русских и русскоязычных, 31,8% чеченцев, 29,2% осетин и 20,7% ингушей. В среднем ровно четверть респондентов скорее не согласны с этим. Ими оказались 42,4% карачаевцев и черкесов, 31,3% дагестанцев, 25,2% кабардинцев и балкарцев.

Более половины опрошенных (57,3%) верят в то, что состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки и организации под давлением политических сил экстремистской направленности. Более трети граждан (35,6%) в это не верят. Число согласных (27,6%) и скорее согласных (29,6%) с данным утверждением оказалось примерно равным, несогласных было в два раза меньше (10,6%), чем скорее несогласных (25,0%). Ответы опрошенных во всех республиках примерно в равных долях распределились между «согласен» и «скорее согласен». Исключение составили данные из Чеченской Республики: обтекаемых ответов «скорее согласен» и «скорее не согласен» было примерно в три раза больше, чем категорических ответов «согласен» и «не согласен». Более четверти респондентов этой республики не знали, что ответить на этот вопрос. В утвердительных ответах в данной части опроса респонденты проявили немного больше единодушия, чем в отрицательных: коэффициент варьирования в случае утвердительных ответов составил 19,0%, в случае отрицательных – 25,9%. Разрыв утвердительных и отрицательных ответов тоже оказался невелик по сравнению с таковым в других частях опроса данного раздела исследования. Это говорит о том, что граждане разделяют примерно в равных долях две точки зрения: «пожертвования» бизнесменами делаются и под давлением политических сил, то есть под угрозами, и без угроз, то есть добровольно.

Другие ответы респондентов:

- боятся за свои деяния перед Богом;
- состоятельных людей часто запугивают;
- с каждой организацией и каждым финансируемым субъектом все индивидуально;
- могут быть разные причины, не могу знать;
- каждый случай индивидуален;
- для привлечения дополнительных доходов.

Мнение экспертов о финансировании религиозных экстремистов

Высказывание одного из экспертов КБР: «Я не знаю, чем это объясняется, но на фоне любого такого хаоса можно сделать очень много дел. Финансируется это, я думаю, специально, чтобы сделать дополнительные финансовые операции, махинации на этом фоне. Я слышал, что при введении режима КТО на определенной территории регион не платит налоги. Если это так, то можно представить, какие доходы за это получают. Это миллиарды, наверное. Ребята погибали, а регион был заинтересован в том, чтобы продлить режим КТО».

Мнение эксперта РД: «Скорее всего, это объясняется добыванием каких-то политических дивидендов и поиском опоры в решении определенных вопросов. Ну, скажем так, все богатые люди в этом плане поступают как бизнесмены, вкладывая в политику свои деньги. Я не видел таких людей, которые без задних мыслей занимались бы политической благотворительностью. Такого у нас нет и не может быть. Они через определенное время, даже финансируя газету, скажут «отразите наши взгляды». Единственной газетой, которая не была в это вовлечена, была «Зов предков», ее издатель – покойный Ахмед Абашилов. Он всегда издавал ее на свои деньги и говорил: «Если взять у кого-то деньги, придется писать то, что они хотят». А этого он не мог себе позволить, так как это была трибуна для отражения взглядов всех народов».

Мнение эксперта РИ: «Зачастую они преследуют свои корыстные цели. Согласен, часто адресно пытаются этим заниматься».

Высказывание эксперта из КЧР: «Экономика и политика взаимосвязаны между собой на Северном Кавказе, и чтобы обезопасить себя от критики и получить симпатию от населения, предприниматели и состоятельные люди делают это в корыстных целях, объясняя это их политическими интересами».

Мнение эксперта РСО-А: «Состоятельные люди делают это также для захвата политической власти и укрепления своего экономического положения. Они реализуют личные капиталистические интересы. Также на них может оказываться давление со стороны политических сил экстремистской направленности».

11,1% экспертов считают, что в половине случаев предприниматели подвергаются шантажу и угрозам и поэтому вынуждены делать пожертвования, а остальные пожертвования делаются добровольно, но не всегда бескорыстно.

Эксперты ЧР и КБР дали следующие оценки: «Финансирование неформальных группировок и организаций зачастую объясняется тем, что состоятельные люди, которые используют один из самых сильных инструментов власти – этнорелигиозный, с одной стороны, для захвата власти, укрепления своего экономического положения, но с другой – некоторая часть вынуждена финансировать неформальные и где-то легальные организации под давлением политических сил не только экстремистской направленности».

«Это механизм привлечения большей части электората или для использования религиозных или национальных групп в качестве ресурса для реализации каких-то целей. Бывают случаи, когда они поддерживают неформальные организации добровольно, но, бывает, и принудительно, по необходимости. Религиозные лидеры просто вымогают эти деньги посредством угроз и давления».

Мнение эксперта из РД: «Крупные предприниматели поддерживают неформальные группировки (различные движение на местах, если хотят скинуть главу администрации). Или же рэкетируют, шантажируют этого предпринимателя».

В трети случаев высказываний экспертов говорилось о том, что предприниматели преследуют корыстные интересы, жертвуя материальные средства подобным организациям. Это обстоятельство особенно часто упоминали эксперты Северной Осетии: «Идеологическая борьба как была между сторонами, так и не закончилась и проявляется с большей жестокостью. Финансирование идет от всех заинтересованных лиц. Особенно на Кавказе это может послужить разжиганию национальной розни. Объясняется это тем, что состоятельные люди хотят стать еще более состоятельными и влиятельными. И когда есть вакуум в государственной системе, они берут на себя функции этих госструктур, пытаясь расширить пространство для себя. Оставаясь в тени, они создают вооруженные группировки (армии) или группы, ведущие определенную пропаганду, и пытаются воздействовать на общественное мнение. Это результат кризиса официальной власти»; «Возможно, это формат лоббирования собственных интересов. Если предприниматель не может добиться успеха в том или ином проекте в правовом, рыночном аспекте, он прибегает к помощи бандитов. Одним словом, осуществляется их наем за деньги для решения своих «коммерческих вопросов»; «Любая общественная организация, во-первых, выражает свое мнение. Для этого всего необходима пропаганда. А это возможно лишь благодаря материальной обеспеченности. Во-вторых, часто сами общественные организации участвуют в мероприятиях, направленных на помощь и поддержку больных детей и т.д. для создания себе хорошего имиджа. Эта организация должна быть полезной для общества. Создание таких организаций может быть также связано с преследованием определенных политических целей, далеко не связанных с созиданием

и общественным развитием. И в этом могут быть заинтересованы только состоятельные люди».

28,6% экспертов считали, что предпринимателей подвергают шантажу и угрозам и они вынуждены делать пожертвования. Об этом в основном говорили эксперты Кабардино-Балкарии (18,5% от общего числа опрошенных): «Я в большей степени согласна с пунктом, где состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки, организации под давлением политических сил экстремистской направленности. Я в этом убеждена, потому что неоднократно встречалась с людьми, которые вынуждены были это делать, а тех, кто отказывался, к сожалению, уже даже нет в живых. Поэтому склонна думать, что это так, при этом не сомневаюсь, что есть некий процент людей, которые финансируют неформальные группировки, я имею в виду местные, для того чтобы решить свои цели, либо убрать каких-то своих противников, либо добиться карьерного роста. Момент корысти исключать нельзя. Но все-таки в большей степени это происходит под влиянием насилия»; «Боязнь, страхом. Их вынуждают. Я не думаю, что добровольно кто-то это делает. О том, что делается, знают все, но исключительно под давлением, под страхом. И второе, население однозначно осуждает таких горе-предпринимателей и требует разобраться. Я думаю, что такой полной защищенности они не чувствуют. Обращаться в МВД, хорошо, обратись. Охрану выделяют? Не выделяют. Таких средств и нет. У меня такое ощущение, что правоохранные органы скажут: «Это твои проблемы»»; «Население КБР считает, что предприниматели вынуждены финансировать неформальные группировки под давлением угроз уничтожения имущества»; «Я думаю, что это боязнь. Потому что, как правило, этого от них требуют ваххабиты под угрозой. Естественно, частники, предприниматели с боязнью вынуждены. А тех, которые не боятся, как правило, убирают. Не из-за веры, не по идеологическим соображениям, а именно из-за боязни. В большинстве случаев, по крайней мере. К сожалению, государство не может защитить их в полной мере, поэтому они вынуждены откупаться»; «В народе бытует мнение о том, что таким образом состоятельные люди и предприниматели откупаются от этих религиозных экстремистских организаций, с тем чтобы как-то защитить себя и членов своих семей. Как говорят, возможно, им делают предложение, от которого они не могут отказаться, и они вынуждены платить. Есть альтернатива – не так давно одного из числа вымогателей ваххабитской религиозной группы предприниматель застрелил, когда тот попытался у него отобрать деньги, и до этого был такой прецедент. Я думаю, что основная часть боится, что те могут бросить гранату или сделать что-то в этом роде. Они не уповают на власти, на то, что правоохранные органы их защитят, и предпочитают откупиться. Люди так думают. Я не думаю, что власть намеренно отказывается помогать. Наверное, в каких-то случаях нет доверия к власти, что она сможет защитить. В этом проблема, а не в том, что власть не защищает, я не могу об этом так голословно заявлять. Конечно, власть обладает какими-то полномочиями и может это сделать. Люди просто теряют доверие,

потому что есть прецеденты, когда реальной помощи от власти они не получили. Недавно я разговаривала с девушкой, у которой разрушили дом. Не так давно там была спецоперация, из гаубиц стреляли по их домам, по соседскому, где террористы. Это случилось ровно полгода назад. Кстати, наша сотрудница говорит, что до сих пор ни одной копейки не выделили им, чтобы восстановить то, что разрушили. Были выбиты все окна, двери, стена одна разрушена. Полгода они не могут добиться вразумительного ответа, кто возместит им расходы из-за приведения в негодность их жилого дома. А речь идет о нашей сотруднице, которая работает техничкой, собственных сбережений у них нет, семья нуждающаяся...».

Приведем мнение эксперта из Дагестана: «Главное – шантаж. Бандитские группировки вымогают средства на свои нужды шантажом. Думается, по доброй воле наши толстосумы не расстались бы с деньгами, в том числе и на религиозные нужды».

11,2% экспертного сообщества затрагивали тему сращивания предпринимательских интересов с интересами криминального мира, который «примеряет религиозно-националистическую личину». Об этом чаще других говорили эксперты Дагестана и Карачаево-Черкесии.

Эксперт из Дагестана высказался следующим образом: «Наверное, имеется в виду собственная охрана некоторых очень амбициозных чиновников. Мало того, что они состоят в охране у такого человека, так еще и занимаются «отжатием» денежных и материальных средств у бизнесменов и более слабых конкурентов. Они создают целый штат. Чтобы на них непосредственно не подумали, могут и бороду приклеить, хотя к исламу имеют самое незначительное отношение. Прикидываются мусульманами. 80 – 90% служат чиновникам, олигархам. Потом наиболее из них толковые отделяются, образуют собственные криминальные сообщества. Ислам похож на острый нож: можно зарезать человека, а можно разрезать мясо и раздать нуждающимся. Под прикрытием джихада и другими религиозными лозунгами с этим же ножом в руках по заданию «тузов» расправляются с тем человеком, который мешает или много знает, стоит на пути».

Эксперт из КЧР отметил следующее: «Вслед за громкими преступлениями появляются новые решения, законы. Когда произошли теракты в Волгограде, началась антикавказская, антимусульманская истерика. В это же время в Москве в метро поднялись цены на 10 рублей. Никто и не подумал на этом фоне возмущаться. Пойди и пойми, кто тут заказчик?»

В 10,7% случаев эксперты воздержались от оценочных суждений, сославшись на отсутствие у них соответствующей информации.

Заключение

Подавляющее большинство респондентов – жителей северного Кавказа не согласны с тем, что состоятельные люди добровольно финансируют неформальные религиозно-националистические организации и что эти люди – настоящие патриоты,

которые ради процветания своего народа и его религиозных ценностей готовы отдать свое состояние. В отрицательных ответах было больше единодушия: об этом свидетельствует меньший коэффициент варьирования – 10,9 против 43,7% в случае утвердительных ответов. Подавляющее число респондентов Ингушетии были категорически не согласны с этим утверждением.

Большинство респондентов согласны с утверждением, что состоятельные люди, финансирующие неформальные группировки и организации, используют самый сильный из инструментов власти – этнорелигиозный – для захвата политической власти и укрепления своего экономического положения. Так считают половина опрошенных жителей Ингушетии. Респонденты Дагестана более других склонны верить в искренность желания бизнесменов поддержать неформальные религиозные и национальные группировки. В отрицательных ответах было больше единодушия, о чем свидетельствует их невысокий коэффициент варьирования: 13,9% против 53,6% в случае ответов положительных. Большой разброс мнений наблюдался в случае положительных ответов по сравнению с отрицательными. Пределы колебаний положительных ответов «согласен» и «скорее, согласен», а также их суммы были примерно одинаковыми.

Более половины опрошенных (57,3%) верят в то, что состоятельные люди чаще всего вынуждены финансировать неформальные группировки и организации под давлением политических сил экстремистской направленности. Более трети граждан (35,6%) в это не верят. Число согласных (27,6%) и скорее согласных (29,6%) с данным утверждением оказалось примерно одинаковым, несогласных было в два раза меньше (10,6%), чем скорее несогласных (25,0%). Ответы опрошенных во всех республиках примерно в равных долях распределились между «согласен» и «скорее согласен». Исключение составили данные Чеченской Республики: обтекаемых ответов «скорее согласен» и «скорее не согласен» было примерно в три раза больше, чем категорических «согласен» и «не согласен». Более четверти респондентов этой республики не знали, что ответить на этот вопрос. В утвердительных ответах данной части опроса респонденты проявили больше единодушия, чем в отрицательных, о чем говорит меньший коэффициент варьирования положительных ответов: 22,8 против 53,2% отрицательных. То есть, граждане проявили большее единодушие в утверждении о том, что бизнесмены реализуют самый сильный инструмент власти – этнорелигиозный – и преследуют корыстные интересы.

Наибольший разрыв в ответах «скорее не согласен» и «не согласен» оказался среди опрошенных в Ингушетии: категорических ответов «не согласен» было в среднем в три раза больше, чем «скорее, не согласен». В утвердительных ответах в данной части опроса респонденты проявили немного больше единодушия, чем в отрицательных: коэффициент варьирования в случае утвердительных ответов составил 19,0%, в случае отрицательных – 25,9%. Разрыв утвердительных и отрицательных ответов тоже оказался невелик, по сравнению с таковым в других частях опроса

данного раздела исследования. Это говорит о том, что граждане разделяют примерно в равных долях две точки зрения: «пожертвования» бизнесменами делаются и под давлением политических сил, то есть под угрозами, и без угроз, то есть добровольно.

Данные экспертного опроса сопоставимы с результатами опроса массового. Так, более половины экспертного сообщества считают, что денежные и другие материальные пожертвования со стороны состоятельных людей неформальным религиозным и религиозно-экстремистским организациям являются добровольными, при этом «спонсоры» могут руководствоваться различными мотивами. Каждый десятый эксперт считает, что пожертвования наполовину могут быть добровольными, в другой половине случаев предприниматели подвергаются шантажу и угрозам и поэтому вынуждены делать пожертвования. В трети случаев высказываний экспертов говорилось о том, что предприниматели преследуют корыстные интересы, жертвуя материальные средства подобным организациям. Это обстоятельство особенно часто упоминали эксперты Северной Осетии. Каждый четвертый считает, что предпринимателей подвергают шантажу и угрозам и они вынуждены делать пожертвования. Об этом в основном говорили эксперты Кабардино-Балкарии (18,5% от общего числа опрошенных). Каждый десятый говорил о сращивании предпринимательских интересов с интересами криминального мира, который «примеряет религиозно-националистическую личину». Об этом чаще других говорили эксперты Дагестана и Карачаево-Черкесии. Десятая часть экспертов воздержались от оценочных суждений, сославшись на отсутствие у них соответствующей информации.

Подводя общие итоги исследования, мы приходим к выводу, что население, проживающее в республиках северного Кавказа, достаточно реалистично с гражданских позиций оценивает причины и мотивы финансирования бизнес-сообществом религиозных экстремистов.

Многие экстремистские религиозные организаций в России объявляли себя мусульманами, и нередко экстремистские ячейки формировались именно на Кавказе и в Закавказье, однако сами кавказцы (как мусульмане, так и последователи других религий) осознают, что такие организации только выдают себя за сторонников «чистого» ислама, а также, как показало приведённое исследование, что пожертвования и сотрудничество с экстремистскими организациями никогда не происходит добровольно и бескорыстно.

Нормализация ситуации и оздоровление общественной атмосферы в регионе требует совершенствования форм и методов антитеррористической пропаганды среди всех слоёв населения. Важно создать условия, при которых у политической и социальной верхушки существует реальная возможность противостоять давлению со стороны экстремистских организаций, а риски для попытавшихся использовать подобные силы в своих интересах многократно превышали возможную выгоду.

Религиозный экстремизм является крайним проявлением религиозно-националистической идеи, которую продвигают, по мнению большинства кавказцев,

далёкие от религии криминальные структуры, активизировавшиеся в ситуации политической нестабильности. Особого внимания требует молодежь, политическая культура которой находится в стадии формирования и не приобрела необходимую степень стойкости в убеждениях и практиках противостояния религиозному экстремизму.

Кризисная ситуация, вызванная пандемией, с одной стороны, обострила социально-политическую обстановку, с другой – дала толчок для пересмотра сложившихся механизмов управления обществом, осознания и исправления пороков, которые не должны оставаться частью российского общества.

ГЛАВА IV. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: СТИМУЛЫ И РЕЗЕРВЫ

4.1. ЕВРАЗИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЦЕЛЕВАЯ МОДЕЛЬ, СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Состояние и перспективы развития интеграционной модели Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) целесообразно рассматривать в широком стратегическом контексте, поскольку проект евразийской экономической интеграции является одним из механизмов решения сложного комплекса более масштабных, многоуровневых задач, связанного с реализацией идей реинтеграции бывшего постсоветского пространства и становления на Евразийском континенте одного из мощных полюсов современного многополярного мира. Не менее важным для формулирования работоспособных оценок и рекомендаций является критическое соотнесение теории с объективной действительностью. Как известно, политика является искусством возможного, а потому стремление к идеалу в реальности может оказаться менее эффективным решением, чем создание различных «окон возможностей» для стимулирования интеграции.

Существует обширный массив научной литературы и множество разнообразных теоретических представлений о природе современных интеграционных процессов⁴³⁸, потенциально возможных моделях и путях интеграции, о ее возможных стадиях и неких идеальных уровнях предельной интегрированности. Среди них – теории федерализма и неофедерализма (Ж. Моннэ, Ш. Мюре, К. Уэйр, А. Марк, Ф. Кински, Д.С. Валлак, Т.Н. Сринтвасан, М. Томмази, Д.Р. Маддан, Р.М. Бирд, Р. Бан, Ф. Рохас, Дж. Пиндер)⁴³⁹, институционализма (П. Пиерсон, М.А. Поллак)⁴⁴⁰, трансакционализма

⁴³⁸ См., например: Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М. М. Гурвица [и др.]; Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.; Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. Москва : НП «III тысячелетие», 2001. 478 с.

⁴³⁹ Federalism and Economic reform : International Perspectives / Ed. by J. S. Wallack, T. N. Srinivasan. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 498 p.; Pinder J. European Communities: The building of a Union. Oxford: Oxford University Press, 1991. 248 p.; Inman R., Rubinfeld D. Rethinking Federalism // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11. No 4. Pp. 43–64; Dixit A., Londregan J. Fiscal Federalism and Redistributive Politics // Journal of Public Economics, 1998. Vol. 68. No 2. Pp. 153–180; Zhuravskays E. Incentives to provide local public goods: Fiscal Federalism, Russian style // Journal of public economics. 2000. Vol. 76. No 3. Pp. 337–368; Kinsky F. Federalism. Nice: CIFE, 2003. Pp. 153–180; Натан Р. П., Хоффманн Э. П. Современный федерализм // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 34–49; Spinelli A., Rossi E. The Ventotene Manifesto. Ventotene: Altiero Spinelli Institute for Federalist Studies, 1988. 68 p.; Элейзер Д. Д. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115; Etzioni A. Political Unification : A Comparative Study of Leaders and Forces. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1965. 368 p.; Etzioni A. Political Unification Revisited : On Building Supranational Communities. Lanham: Lexington Books, 2001. 346 p.

⁴⁴⁰ Pierson P. The Path to European Integration: a historical – institutionalist analysis / European Integration and Supranational governance. Oxford : Oxford University Press, 1998. Pp. 27–58; Pollack M. A. Delegation, Agency and Agenda setting in the EC // International Organization. 1997. Vol. 51. No. 1. Pp. 99–134.

(К. Дойч)⁴⁴¹, функционализма и неофункционализма (П. Райнш, Л. С. Вульф, Д. Митрани, Э. Хаас, Л. Линдберг)⁴⁴², «либеральный межправительственный подход» (Э. Моравчик)⁴⁴³, социальный конструктивизм, нормативная теория интеграции и многие другие⁴⁴⁴.

Но поскольку на практике речь идет о конкретных проектах, движимых политической волей государств-участников, то количество вариантов объективно ограничено особенностями национальных политико-правовых систем и представлениями о «должном будущем», то есть, о целевой модели интеграционного объединения. Эти обстоятельства, в свою очередь, влияют на выбор принципиального пути интеграции и специфику инструментов, помогающих создать институционально-правовые основы для интеграции (своего рода «каркас» еще не существующей новой реальности) и механизмы управления проектом, необходимые для претворения задуманного (формальная модель) в жизнь (фактическая модель).

Исторический опыт показывает, что наиболее прочную основу для становления и устойчивого функционирования интеграционных объединений дает полномасштабная экономическая интеграция⁴⁴⁵, однако ее запуск и развитие невозможны без удачно сконструированной институционально-правовой базы – матрицы, на которой будет вырастать интеграционное объединение, и эффективных механизмов управления интеграционными процессами с ведущей ролью политико-правовых инструментов.

Целевая модель ЕАЭС и ее место в системе других интеграционных проектов постсоветского пространства

В качестве стратегического подхода реинтеграции постсоветского пространства изначально была выбрана модель разноуровневой и разноскоростной интеграции, которая реализуется с момента принятия в декабре 1991 г. «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» и Алма-Атинской декларации⁴⁴⁶ по

⁴⁴¹ Deutsch K. W. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. Cambridge, MA: The M.I.T. Press, 1966. 358 p.

⁴⁴² Haas E. B. *The Uniting of Europe : Political, Social and Economic Forces 1950–1957*. Notre Dame : University of Notre Dame Press. 2004. 552 p.; Stone S. A., Sandholtz W. *European Integration and Supranational Governance // Journal of European Public Policy*. 1997. Vol. 4. No 3. Pp. 3–12; Haas E. B. *Beyond the Nation state*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1964. 565 p.; Lindberg L. N. *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1963. P. 10.

⁴⁴³ Moravcsik A. M. *National Preference Formation and Interstate Bargaining in the European Community: 1955–1986*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992; Moravcsik A. M. *Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach // Journal of Common Market Studies*. 1993. Vol. 31. No 4. Pp. 473–524.

⁴⁴⁴ Diez T., Wiener A. *Introducing the Mosaic of Integration Theory // KFG Working Paper Series No 88*. Berlin : Freie Universität, 2018. 32 p.

⁴⁴⁵ Костюнина Г. М. Ливенцев Н. Н. *Интеграционные объединения мира // Мировая экономика и международные экономические отношения : учебник*. М.: Магистр, 2008. С. 164–187.

⁴⁴⁶ Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» (вместе с Соглашением от

сегодняшний день. Помимо СНГ, как «широкой рамки» для сохранения и стимулирования многообразных связей независимых государств постсоветского пространства, развиваются два интеграционных процесса другого уровня (более «узких» в сравнении с СНГ, а потому более быстрых и глубоких): проект российско-белорусской политической интеграции - Сообщество (1996)⁴⁴⁷ – Союз (1997)⁴⁴⁸ – Союзное государство (1999)⁴⁴⁹ и проект евразийской экономической интеграции⁴⁵⁰ – ЕврАзЭС (2000)⁴⁵¹ – Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана в рамках ЕврАзЭС (2012)⁴⁵² - ЕАЭС (2014)⁴⁵³ со «страховочным механизмом» в виде проекта таможенного союза – Таможенный союз в рамках СНГ (1995)⁴⁵⁴ – Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС (2007)⁴⁵⁵ с единым Таможенным кодексом (2009)⁴⁵⁶ – Таможенный союз в рамках ЕАЭС с новым Таможенным кодексом (2017)⁴⁵⁷.

В программной статье Президента Российской Федерации В.В. Путина 2011 г. изложены базовые и предельно конкретные характеристики целевой модели будущего ЕАЭС с учетом роли этого проекта в широком контексте интеграционных процессов

08.12.1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств», Протоколом от 21.12.1991 г., «Соглашением о координационных институтах Содружества Независимых Государств», «Протоколом совещания глав независимых государств», решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 21.12.1991 г., «Соглашением о совместных мерах в отношении ядерного оружия», «Алма-Атинской декларацией») // Ведомости СНГ и ВС РФ. 1991. № 51. Ст. 1798.

⁴⁴⁷ Об образовании Сообщества России и Белоруссии : Договор от 02 апреля 1996 г. // СЗ РФ. 1996. № 47. Ст. 5300.

⁴⁴⁸ О Союзе Беларуси и России : Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 02 апреля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3596; Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси от 25 декабря 1998 г. // Российская газета. № 246 от 26 декабря 1998.

⁴⁴⁹ О создании Союзного государства : Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08 декабря 1999 г. // СЗ РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

⁴⁵⁰ Попытки середины 1990-х годов запустить в рамках СНГ механизмы экономической интеграции в виде экономического и таможенного союза не удалось – см. О создании Экономического союза : Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 4/ С. 20; О Таможенном союзе : Соглашение стран СНГ от 20 января 1995 г. // Российская газета. № 87 от 05 мая 1995 г.

⁴⁵¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Официальный сайт Президента России. 10 октября 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3402> (дата обращения 20.09.2021).

⁴⁵² Декларация о Евразийской экономической интеграции // Официальный сайт Президента России. 18 ноября 2011. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1091> (дата обращения 20.09.2021).

⁴⁵³ Договор о Евразийском экономическом союзе : Подписан в Астане 29.05.2014; Ратифицирован Федеральным законом от 03.10.2014 N 279-ФЗ (в ред. от 01.10.2019 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://pravo.eaeunion.org/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

⁴⁵⁴ Неудавшийся в рамках СНГ проект Таможенного союза (1995) трансформировался в ЕврАзЭС.

⁴⁵⁵ О создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза : Договор Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 6 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1552.

⁴⁵⁶ О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза» (вместе с «Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза» (Подписан в г. Минске 27.11.2009 г.) : Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 17 // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

⁴⁵⁷ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : Подписан 11.04.2017 г. Ратифицирован Федеральным законом от 14.11.2017 N 317-ФЗ // ЕАЭС : официальный сайт. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 (дата обращения: 20.09.2021).

на евразийском континенте и продвижения к новому многополюсному мировому порядку⁴⁵⁸.

1. Тесная интеграция государств на новой ценностной, политической и экономической основе. Модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и одновременно – эффективной «связкой» между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

2. Формат – полноценный экономический союз. Поступательное углубление экономической интеграции путем слияния Единого экономического пространства с Таможенным союзом России, Белоруссии и Казахстана.

3. Не противопоставление, а тесная связь и взаимодействие проектов ЕАЭС и СНГ. Евразийский экономический союз способен стать мотором экономической интеграции для СНГ, а СНГ – дать стимулы для того, чтобы «вытянуть» государства-члены ЕАЭС за пределы исключительно экономической сферы в другие интеграционные пространства (в рамках СНГ возможно сотрудничество в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной, правоохранительной и иных областях, включая обеспечение международного мира и безопасности, координацию внешнеполитической деятельности, сотрудничество в области оборонной политики и охраны внешних границ⁴⁵⁹).

4. Открытый характер ЕАЭС – модель строится на универсальных принципах интеграции как интероперабельная «площадка» с тем, чтобы «стыковочные узлы» интеграционного объединения (институционально-правовые решения) не создавали проблем для присоединения как европейских, так и азиатских стран.

Особенности институционально-правовой модели ЕАЭС

Анализ формальной и фактической модели евразийской интеграции объективно требует соотнесения с опытом Европейского Союза. Как уже было отмечено, ряд подходов к целевой модели ЕАЭС были сознательно заимствованы из практики ЕС для обеспечения интероперабельности (функциональной совместимости и открытости) евразийской интеграционной платформы, построенной «на вырост». Кроме того, учет позитивного и негативного опыта экономической интеграции в рамках Евросоюза помогает повысить реализуемость и качество управления евразийским проектом, поскольку в распоряжении государств-членов ЕАЭС имеются не только сложившиеся теоретико-методологические подходы, но также обширный прикладной инструментарий, позволяющий контролировать прохождение различных стадий «зрелости» экономического объединения.

⁴⁵⁸ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10-14.

⁴⁵⁹ См. ст. 4, 6-8 Соглашения от 08.12.1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств»; ст. 4 Устава Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г.

Что касается рассмотрения дизайна евразийской интеграции в институционально-правовых координатах, то в данном случае работоспособным является подход, предлагающий различать два принципиально возможных пути реализации интеграционных проектов - коммунитарную и конвенциональную (традиционную) модель⁴⁶⁰.

Как известно, идеи коммунитаризма, характерные для послевоенной Европы, были связаны с поиском нового соотношения индивидуальных прав и прав сообществ. Политологи и социологи предпочитают говорить о коммунитарной модели интеграции как о «модели Монне-Шумана», названной так в честь «отцов Европы» Ж. Монне и Р. Шумана, создавших Европейское объединение угля и стали (1951), что положило начало европейской экономической интеграции⁴⁶¹. Правоведы считают отличительной чертой коммунитаризма наличие «наднационального права, поскольку коммунитарная модель предполагает делегирование странами-участницами части своих суверенных полномочий наднациональным институтам интеграционного проекта⁴⁶².

В философском плане, формирование коммунитарной модели европейской интеграции стало результатом идейного противоборства так называемых «суверенов» - сторонников приоритета национального суверенитета и, соответственно, идеи Европы как конфедерации государств, и «федератов» – сторонников единой Европы, создающейся на принципах федерализма и демократии.

Принято говорить о трех движущих силах европейской интеграции: (1) постоянная функциональная и технократическая динамика перемен, (2) политический приоритет идей федерализма, (3) углубление интеграции через право. Благодаря этим механизмам, Европейский союз, как интеграционный проект, обрел новое, более высокое положение баланса (равновесия), но ценой успеха стало «приручение суверена» (фр. *le souverain apprivoisé*)⁴⁶³, то есть – ограничение национальных суверенитетов.

Правовые инструменты играют исключительно важную роль в интеграционных процессах. Наряду с проектами Ж. Монне и Т. Шумана уже 70 лет назад в европейской практике стала внедряться технология «интеграции через право» (фр. *l'intégration par le droit*), которая продемонстрировала свою прикладную ценность в качестве механизма, помогающего преодолеть национальный эгоизм послевоенных государств, отягощенных множеством проблем своего экономического выживания. Идея заключалась в возможности принимать политические решения, прямо не вытекающие

⁴⁶⁰ Пименова О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 1. С. 76–93.

⁴⁶¹ Молчанов А. В. Коммунитаризм как альтернатива классическим идеологиям // Pro nunc. Современные политические процессы. 2017. № 1(17). С. 51-57.

⁴⁶² Чиркин В. Е. Наднациональное право: возникновение, содержание, действие // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 18-25.

⁴⁶³ Magette P. L'Europe, l'État et la démocratie. Le Souverain apprivoisé. Bruxelles: Collection Etudes Européennes, Editions Complexe, 2000. 261 p.

из формальных норм права в некотором «третьем пространстве», на пограничной территории между политикой и правом⁴⁶⁴. При этом творческая, проактивная функция права как инструмента создания новой реальности противопоставлялась его механистической трактовке.

Развитие этих идей и их реализация в практике ЕС привели к полноценной правовой интеграции стран-участниц, которая выступает сегодня одной из ключевых основ европейского интеграционного проекта. В ЕС отношения между странами-участницами и их гражданами регулируются правовыми актами, издаваемыми наднациональными институтами ЕС (Европейский парламент, Европейский совет), которые не требуют ратификации на национальном уровне. Правоведы говорят о синтезе прецедентного и формально-правового способа формирования интеграционного права ЕС⁴⁶⁵. Специфика подобного регулирования заключается в том, что принятые в такой процедуре директивы и регламенты ЕС действуют, как правило, не в качестве самостоятельных правовых актов, а в рамках практики Суда ЕС (суда первой инстанции), который задает конкретные условия их применения⁴⁶⁶. Причем, нацеленность интеграционного права ЕС на регулирование статуса и прав отдельных лиц (одновременно граждан своих государств и ЕС), не только обеспечивает реальность его действия в рамках национальных правопорядков, но способствует возрастанию их нормативно-регулирующего потенциала⁴⁶⁷.

Выбор коммунитарной модели обеспечивает более быструю и глубокую интеграцию с переходом интеграционного образования к государствовидным формам⁴⁶⁸, но требует наличия развитого «федералистского мышления» и готовности к ограничению национального суверенитета. Необходимо отметить, что вопрос об ограничении национального суверенитета, представляющийся политическим элитам технической необходимостью в рамках коммунитарной модели интеграции, приобретает исключительную остроту и дискуссионность при переходе в сферу публичного дискурса. Эксперты отмечают, что большая часть населения стран-членов ЕС отрицательно относится к факту «передачи национальных суверенных прав на наднациональный уровень». Поэтому термин «наднациональный» не фиксируется ни в одном из учредительных и базовых документов ЕС, а эксперты предпочитают

⁴⁶⁴ Byberg R. The History of the Integration through Law Project: Creating the Academic Expression of a Constitutional Legal Vision for Europe // German Law Journal. 2017. Vol. 18. No 6. Pp. 1531-1556; Azoulai L. "Integration through law" and us // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14. No 2. Pp. 449-463; Volkman U. Was ist Europa? // Merkur. 2014. 1061 s.

⁴⁶⁵ См., например: Пименова О. И. Правовая интеграция в ЕС и ее «национальное» измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 136-153.

⁴⁶⁶ Voßkuhle A. European Integration Through Law : The Contribution of the Federal Constitutional Court // European Journal of Sociology. 2017. Vol. 58. No 1. Pp. 145-168; Moorhead T. European Union Law as International Law // European Journal of Legal Studies. 2012. No 1. P. 126-143.

⁴⁶⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 752 с.

⁴⁶⁸ Известный российский правовед В. Е. Чиркин определял модель ЕС как «региональное международно-государствовидное несuverенное публично-правовое образование». – см. Чиркин В. Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2(242). С. 131-137.

использовать термин «совместно разделяемый суверенитет» (англ. *shared sovereignty*)⁴⁶⁹.

Что касается конвенциональной модели, то уже из названия следует, что она исходит из примата верховенства действия «суверенов» (органов государственной власти стран-участниц интеграционного проекта)⁴⁷⁰. Таким образом, первичным является достижение согласия между суверенными государствами по тому, или иному вопросу в рамках институциональных структур интеграционной платформы.

Анализ литературы показывает, что сравнение преимуществ и недостатков коммунитарной и конвенциональной моделей применительно к сюжетам евразийской интеграции остается предметом для бесконечных дискуссий⁴⁷¹. Однако необходимо принять как данность то обстоятельство, что модель, избранная государствами-членами ЕАЭС, является конвенциональной.

Более того, коммунитарная модель не является образом «желаемого будущего» для государств-участников ЕАЭС даже на уровне политических интенций, что доказывается не только заявлениями лидеров стран⁴⁷², но также принятием на национальном уровне превентивных защитных мер от потенциальной угрозы «сокращения суверенитета», которая может возникнуть, если решения наднациональных органов будут носить все более обязывающий характер.

Так, например, Россия в рамках национальной правовой системы целенаправленно сформировала для себя законные основания быть субъектом интеграционных процессов, предусмотрев в Конституции 1993 г. норму, согласно которой страна вправе «участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации» (ст. 79). Однако в марте 2020 г. эта статья была дополнена положением, которое конституционно закрепляет право Российской Федерации не исполнять решения межгосударственных органов,

⁴⁶⁹ Зуев В. Н. Механизм ЕС как модель для глобальных институтов // Вестник международных организаций. 2009. Т. 4, № 2(24). С. 126–131; Зуев В. Н. Наднациональные механизмы интеграции. М.: Магистр, 2013. 288 с.

⁴⁷⁰ Puetter U. Governing Informally: The Role of the Eurogroup in EMU and the Stability and Growth Pact // Journal of European Public Policy. 2014. Vol. 11. No 5. Pp. 854-870.

⁴⁷¹ Ишуков А. А., Бедрин Е. Б. Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 80-95.

⁴⁷² См., например: Интеграция в ЕАЭС не должна ограничивать суверенитет стран, заявил Токаев // РИА Новости. 19 мая 2020. URL: <https://ria.ru/20200519/1571669037.html> (дата обращения 20.09.2021); Президент Кыргызстана о ЕАЭС: Мы видим негласную блокаду со стороны наших соседей // ИА «24.kg». 1 декабря 2016. URL: <https://24.kg/vlast/40849/> (дата обращения 20.09.2021); Королев А. Союз с неясными границами: с чем ЕАЭС пришел к своему пятилетию // РБК. 10 июня 2019. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/10/06/2019/5cfa4b749a7947c4365f7e9b> (дата обращения 20.09.2021).

принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации «в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации»⁴⁷³.

Особенности международного контекста евразийской интеграции

Важнейшим внешним фактором, влияющим на фактическую модель евразийской интеграции, является увеличение числа конкурирующих интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Прекращение существования социалистического блока государств и распад СССР дали старт политике преобразования (переформатирования) постсоветского пространства на новых интеграционных основаниях. Исторически, первым проектом стало Содружество Независимых Государств (СНГ), а с начала 2000-х гг. появились конкурирующие интеграционные процессы, оформившиеся в два полюса идей: дальнейшей экономической интеграции государств СНГ и формата постепенной, или «мягкой интеграции» в рамках паневропейского плана действий. Наряду с развитием уже упомянутых выше проектов Евразийского экономического сообщества (2001-2014), Таможенного союза (2010-2014) и Единого экономического пространства (2012), продвигались проекты «Европейской политики соседства» (2004) и «Восточного партнерства» (2009).

К 2010 г. окончательно сформировался феномен интеграционной конкуренции на пространстве СНГ⁴⁷⁴. При этом конкурирующие проекты формально не были противостоящими друг другу, поскольку темы политической повестки дня и модели взаимодействия постсоветских государств были вдохновлены опытом Европейского Союза. Например, принципы евразийской интеграции, продекларированные в 2011 г., включали «свободный выбор места жительства, учебы или работы», международному бизнесу обещались «все преимущества отечественного производителя» в странах Союза, а государствам-членам – «партнерство» с ЕС и возможную интеграцию в «Большую Европу», объединенную «общими ценностями свободы, демократии и рыночных законов»⁴⁷⁵. В результате государства постсоветского пространства стали участниками конкурирующих интеграционных проектов⁴⁷⁶.

Главная цель ЕАЭС – обеспечение свободы «четырех пространств», связанных с перемещением товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Когда велись переговоры о

⁴⁷³ См. п. 12 ст. 1: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁴⁷⁴ Цыбаков Д. Л. Международная интеграция на постсоветском пространстве: новый этап конкуренции проектов России и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 177-186.

⁴⁷⁵ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10-14.

⁴⁷⁶ См., например: Погосян Г. А. Перспективы Евразийской интеграции в пространстве европейской гравитации // Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции / Под общей редакцией С. В. Рязанцева, Г. И. Осадчей. М.: Издательство «Экон-Информ», 2019. Выпуск № 4. С. 20-23.

нормативной базе ЕАЭС, общее понимание состояло в том, что организация будет сосредоточена на экономических вопросах и останется максимально аполитичной. В частности, Казахстан особенно настаивал на приоритизации экономического аспекта и блокировал все российские предложения наделить ЕАЭС компетенциями в области координации внешней политики, пограничной обороны, визовой политики, здравоохранения, образования и культуры⁴⁷⁷.

Нормативная база Таможенного союза и ЕврАзЭС (переименованных в ЕАЭС с незначительными изменениями) была, в целом, согласована в 2009-2012 гг. в относительно благоприятном для России международном политическом и экономическом контексте. Например, в 2010-2012 гг. объем взаимной торговли государств-членов ЕврАзЭС возрос почти в два раза (рост на 29% в 2010 г., на 34% в 2011 г. и на 9% в 2012 г.) Падение глобальных нефтяных цен в 2013 г., события в Украине (2014), введенные режимы международных санкций и контрсанкций, привели к началу рецессии в российской экономике, валюты государств-членов ЕАЭС были сильно девальвированы. Объем взаимной торговли сократился в 2013-2015 гг. на треть, по мере стабилизации нефтяных цен начал неустойчиво расти в 2017 г., затем в 2018 г. темпы роста опять практически обнулились.

По мере нарастания напряженности в отношениях с США и ЕС Россия стала рассматривать ЕАЭС не только как модель экономической интеграции, но также как политический проект, способствующий повышению международного авторитета страны как гаранта порядка и «мотора» регионального развития, прежде всего, в Средней Азии. В основу была положена философия большого евразийского партнерства, так же известная как концепция «Большая Евразия»⁴⁷⁸.

В экспертном сообществе существовал относительный консенсус по поводу того, что создание в конце 2014 г. Евразийского экономического союза стало своеобразным политическим «ответом» России на вызовы со стороны Запада и «единой Европы»⁴⁷⁹. Однако символично, что практически одновременно с презентацией концепции «Большой Евразии» на Петербургском экономическом форуме (2016), международный институт прикладного системного анализа (IIASA) представил доклад, посвященный перспективам «Большой Евразии» (Greater Eurasia) – проекту интеграции ЕС и ЕАЭС с участием соседей, прежде всего Китая⁴⁸⁰. По мнению экспертов IIASA, при условии разрешения к середине 2020-х гг. политических споров,

⁴⁷⁷ См. например: Лаумулин М. Т. Пределы и возможности евразийской интеграции // Международный научный центр «Астана». 23 апреля 2019. URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247> (дата обращения 14.10.2021).

⁴⁷⁸ Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43; Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.

⁴⁷⁹ Лагутина М. Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. № 11. С. 124-136.

⁴⁸⁰ EU-EAEU in Greater Eurasia: Long-Term Agenda for Economic Cooperation : Workshop Report / E. Vinokurov, P. Balás, M. Emerson [et al.]. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2016. 37 p.

экономических и торговых проблем между ЕС и Россией сохраняется принципиальная возможность заключения так называемой «Большой сделки» (mega deal) - соглашения о более глубоком экономическом сотрудничестве и кооперации между ЕС и ЕАЭС, по крайней мере, по двадцати направлениям интеграции от торговли товарами до интеллектуальной собственности⁴⁸¹.

Создание ЕАЭС свидетельствует о новом, по сравнению с СНГ, подходе России к региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве. Этот подход связан, в том числе, с «подражанием» (emulate) институциональному дизайну ЕС и предполагает использование определенных правовых режимов, усиленных механизмами разрешения споров⁴⁸². Причем степень «подражания» ЕС в более раннем проекте Таможенного Союза выше, чем в проекте ЕАЭС, поскольку исходит из проведения «согласованной и скоординированной» политики при создании общих рынков и общего экономического пространства.

Однако, внешнее институциональное сходство между ЕС и ЕАЭС делает возможное углубление взаимодействий этих двух организаций не менее, а гораздо более, сложным процессом, поскольку мотивы и контекст этих проектов интеграции принципиально отличаются⁴⁸³. Например, за долгое время существования ЕС сложилось согласие относительно права Европейской Комиссии⁴⁸⁴ единолично устанавливать стандарты, на основе которых строится все многообразие современных интеграционных форматов Европейского Союза⁴⁸⁵.

В случае ЕАЭС роль «задающего центра», инициатора идей и разработчика практических механизмов интеграции объективно принадлежит России. Такое положение дел не всегда принимается другими государствами-членами, которые, порой, намеренно демонстрируют принципиальную несовместимость своих интересов⁴⁸⁶. При этом заимствование из практики управления ЕС принципа консенсуса при принятии решений, позволяет государствам-членам ЕАЭС затягивать или блокировать реализацию различных инициатив, стимулирующих углубление интеграции.

⁴⁸¹ В развитие сюжета см.: Kuznetsova A. (2017) Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China. In: Core Europe and Greater Eurasia. A Roadmap for the Future. Frankfurt/New York: Campus Verlag. Pp. 177-196; Бордачев Т. В., Пятачкова А. С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 33-51.

⁴⁸² Vicari M. S. The Eurasian Economic Union - Approaching the Economic Integration in the Post-Soviet Space by EU-Emulated Elements // Revue Interventions économiques (Online). 2016. Vol. 55.

⁴⁸³ Libman A. M. Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the “Global Script” // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 247-268.

⁴⁸⁴ Это право Европейской Комиссии, в частности, было зафиксировано положениями Единого Европейского акта (ЕЕА, 1986) в рамках полномочий регулирования единого внутреннего рынка.

⁴⁸⁵ Nugent N., Rhinard M. The ‘political’ roles of the European Commission // Journal of European Integration. 2019. Vol. 41. No. 2. Pp. 203-220; Bickerton C. J., Hodson D., Puetter U. The New Intergovernmentalism: European Integration in the Post-Maastricht Era // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 53. No 4. Pp. 703–722.

⁴⁸⁶ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Роль России в развитии интеграционных процессов на развивающихся рынках // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 625-636.

Определенные проблемы создает также широкое использование в публичном интеграционном дискурсе концепта евразийства, который пока не получил четкого правового и организационного закрепления в актах ЕАЭС в качестве официальной ценностной платформы интеграционного проекта⁴⁸⁷. Несмотря на мощный объединяющий посыл об уникальности цивилизационного развития Евразии как континента⁴⁸⁸, внутренняя противоречивость философского наследия евразийства⁴⁸⁹, в котором идеи, близкие европейским представлениям о федерализме (например, «единство во множестве»), сочетаются с ярко выраженным противостоянием европоцентризму, создает проблемы «идеологического самоопределения» для государств, участвующих в конкурирующих интеграционных проектах и вынужденных прокладывать свою внешнеполитическую траекторию, лавируя в полях тяготения противостоящих «полюсов».

Необходимо отметить, что в настоящее время фактор интеграционной конкуренции на постсоветском пространстве приобрел новое измерение в свете начавшейся гонки «интеграции интеграций» – ускоренного развития новых форматов внешнеэкономического взаимодействия⁴⁹⁰. Для ЕАЭС, помимо традиционного западного трека – ЕС, возникли конкурирующие проекты на восточном треке: китайская инициатива «Один пояс-один путь», проект «Экономического пояса Шелкового пути», Шанхайская организация сотрудничества, проект Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), на южном треке: МЕРКОСУР (общий рынок стран Южной Америки), БИМСТЕК (Инициатива стран Бенгальского залива для многоотраслевого технического и экономического сотрудничества), Южноафриканский таможенный союз и другие проекты⁴⁹¹. Все это формирует для

⁴⁸⁷ Цымбурский В. Л. Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Издательство «Европа», 2011. 372 с.

⁴⁸⁸ Вернадский Г. В. Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов: сб. / Отв. ред. Л. В. Пономарева. М.: ИВИ, 1992. С. 100-110; Ламанский В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: типо-хромолит. А. Траншель, 1892. С. 2, 14; Савицкий П. Н. Евразийство // Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 84; Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. СПб.: Общество памяти игуменьи Таисии, 2015. 112 с.; Соловьев Вл. С. Три силы (1877 г.) // Библиотека «Вехи»: [сайт]. 2004. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/trisily.html> (дата обращения 14.10.2021); Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. М.: Изд. группа «Прогресс». 1995; ГАРФ. Ф. П. Н. Савицкого 5783. Ед. хр. 262. Статья: «Личное, национальное, общечеловеческое». Л. 1; Пономарева Л. В., Степанов Н. Ю., Хачатурян В. М. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов: сб. / Отв. ред. Л. В. Пономарева. М.: ИВИ, 1992. С. 46–301.

⁴⁸⁹ Карсавин Л. П. Идеализм и реализм в евразийстве // Евразия. 1929. № 16. С. 1-2; Базавлук С. В. Критика евразийства и неоевразийства // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 726-735.

⁴⁹⁰ Лапенко М. В. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 746-755.

⁴⁹¹ Королев А. С., Калачигин Г. М. Новые контуры внешнеэкономической стратегии ЕАЭС // Российский совет по международным делам. 2020. 14 июля; Канаев Е. А., Королев А. С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 64-72; Ткаченко И. Ю. Перспективы общей экономической повестки ЕАЭС - ШОС – АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 12. С. 7-21.

ЕАЭС новые вызовы и угрозы, поскольку именно с ним ассоциируется политическая субъектность и связность проекта «Большой Евразии».

Экономические форматы интеграции

В зависимости от конкретных региональных особенностей, классификации (перечни форм региональной экономической интеграции) могут отличаться по количеству форматов и их конкретному наполнению. Например, интеграционный проект ЕС реализуется в форматах экономического и политического союза, когда наряду с унификацией экономической политики и созданием наднациональных институтов государства стремятся проводить единую политику в самых различных сферах.

Региональная экономическая интеграция предлагает участникам проекта несколько опций (уровней или степеней глубины) в зависимости от целей, пожеланий и интересов национальных государств. «Опционность» регулятивного наполнения каждого уровня подразумевает, что те или иные элементы снятия ограничений в рамках единого экономического пространства на новом уровне добавляются к предыдущему уровню.

Среди множества схем классификации, предложенных теоретиками разных направлений, наибольшее распространение за рубежом и в России получила интерпретация Б. Балашши, выделившего пять форм экономической интеграции в последовательных стадиях восхождения от низшей к высшей: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и «полная экономическая интеграция». В его интерпретации каждая последующая стадия отличается от предыдущей более высокой степенью либерализации движения факторов производства⁴⁹².

Соответственно, в рамках ОЭСР сложилась практика различать четыре из вышеупомянутых форматов региональной экономической интеграции⁴⁹³, при этом, под общим рынком понимается таможенный союз, нормативная база которого дополнена положениями о либерализации движения региональных факторов производства, т.е. капитала и людей, а экономический союз – это общий рынок, «дополненный» положениями о гармонизации определенных экономических политик (см. табл. 1).

---

⁴⁹² Balassa B. A. The Theory of Economic Integration. Homewood, IL : Richard D. Irwin, Inc, 1961. 304 p.

⁴⁹³ Rodrik D. How Far Will International Economic Integration Go? // Journal of Economic Perspectives. 2001. Vol. 14. No 1. Pp. 177-186; Lloyd P. J. Regionalisation and World Trade // OECD Economic Studies. 1992. No 18. Pp. 7-43.

Таблица 1

Форматы региональной экономической интеграции

Формат	Характеристики
Зона свободной торговли	устранение тарифов и некоторых нетарифных барьеров в торговле товарами между странами-участницами
Таможенный союз	установление общей импортной политики, включая общие таможенные тарифы, а также общие экспортные меры, в сочетании со свободным перемещением товаров между странами-участницами
Общий рынок	свобода передвижения товаров, услуг, капитала и людей, (обычно включает согласование политики в таких областях, как конкуренция, защита интеллектуальной собственности, государственные закупки)
Экономический союз	общий рынок, который, как правило, включает меры структурной, налоговой, денежно-кредитной и социальной политик

Источник: Официальный сайт ОЭСР

ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, функционирующей в формате экономического союза, которая строит свои собственные внешние партнерские отношения с другими государствами. Международные отношения ЕАЭС выстраиваются по трем плоскостям сотрудничества, пяти перспективным переговорным трекам и реализуются в четырех основных формах⁴⁹⁴.

Плоскости сотрудничества предполагают: (1) развитие уже существующих механизмов интеграции (меморандумы о взаимодействии, переговоры о заключении торговых соглашений), (2) взаимодействие с третьими странами для выработки институциональных инструментов сотрудничества, (3) информационные обмены по предоставлению актуальной информации. Приоритетные переговорные треки сфокусированы на взаимодействии со странами, с которыми ЕАЭС предполагает в первоочередном порядке формирование зоны свободной торговли (ЗСТ): Египет, Индия, Индонезия, Иран, Монголия.

Формы отношений ЕАЭС с другими странами реализуются в виде: (1) соглашений о зоне свободной торговли, (2) неpreferенциальных торговых соглашений, (3) меморандумов о сотрудничестве с третьими странами и международными организациями, (4) взаимодействий с государствами-

⁴⁹⁴ Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апреля 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишнеvский, М. К. Глазатова [и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.; ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина, Ю. К. Кофнер // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7-33.

наблюдателями. Перечень государств, участвующих в международном партнерстве с ЕАЭС, приведен в табл. 2.

Таблица 2

Государства – партнеры ЕАЭС

Государства-участники ЗСТ	Государства-наблюдатели
Республика Сербия (2021)	Республика Узбекистан (2020)
Республика Сингапур (2019)	Республика Куба (2020)
Исламская Республика Иран (временное, 2018)	Республика Молдова (2018)
Социалистическая Республика Вьетнам (2015)	

Источник: Официальный сайт ЕАЭС

Политические пределы экономической интеграции

При всем разнообразии интеграционных инициатив в современном мире, общим, что их объединяет, является стремление к обретению экономических преимуществ на новом уровне баланса между интересами объединения и интересами государств-участников. Таким образом, регулирование отношений внутри интеграционного объединения всегда опирается на определенные принципы и контекст, что позволяет говорить об особенностях теоретической (политической) модели, лежащей в основе того или иного проекта.

В силу институционального сходства проектов ЕС и ЕАЭС, внимание к различиям, лежащим в основе соответствующих моделей, дает возможность делать заключения о «пределах прочности» интеграционных связей, оценить устойчивость (выживаемость) проекта перед различными внутренними и внешними вызовами, а значит - повысить эффективность управления евразийской интеграцией.

Безусловно, в ходе реализации любых интеграционных проектов возможны тактические проблемы и неудачи, но устойчивость развития ЕС и ЕАЭС определяется не степенью «внутреннего совершенства» избранных моделей интеграции, а способностями (capacity) интеграционных объединений эффективно отвечать на вызовы и угрозы.

Очевидно, что созданный в рамках ЕС новый правопорядок, субъектами которого являются не только страны-участницы, но также их правовые системы и сами граждане, позволяет выходить за пределы собственно экономической интеграции в плоскость интеграции политической⁴⁹⁵. Это обстоятельство существенно расширяет устойчивость и выживаемость интеграционной платформы.

Что касается права ЕАЭС, то оно сохраняет все черты традиционного международного права и опирается на международные договоры. Существующие наднациональные органы ЕАЭС изначально лишены возможности создавать правовой порядок, отличный от имеющихся международных договоров, а их решения,

⁴⁹⁵ Белых А. Г., Иншакова А. О. Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2005. № 7. С. 43-54.

формально обязательные для государств-членов, не имеют приоритета по отношению к национальным законодательствам. С этой точки зрения, ЕАЭС остается межправительственным проектом, ограниченным исключительно рамками выбранного дизайна экономической интеграции.

Эти обстоятельства понижают «предел прочности» проекта ЕАЭС, поскольку в будущем возможно наступление момента, когда дальнейшие выгоды от экономической интеграции могут быть получены только за счет поиска нового компромисса (англ. cost-benefits trade-off) между издержками в одной политике или секторе и выгодами в другой. В такой ситуации прежний баланс интересов государств-членов неизбежно разрушается, что при отсутствии в рамках интеграционного проекта внутренних механизмов поиска и обретения нового баланса становится серьезным испытанием на прочность. Такая потенциальная возможность разрушения баланса (утраты равновесия) свидетельствует о том, что экономическая интеграция достигла своего политического предела⁴⁹⁶.

Почему сюжет о политических пределах экономической интеграции представляется критически важным несмотря на то, что утрата равновесия не означает автоматического прекращения интеграционного проекта? Дело в том, что момент утраты баланса может наступить неожиданно, и ситуация поиска нового компромисса потребует неотложных политических действий и новых предложений, которые в случае неготовности к такому развитию событий могут оказаться стратегически неудачными, экономически невыгодными или политически спорными.

Причины плохой управляемости и неудач переговорных процессов о новом балансе интересов могут быть разными – от ограниченности фактора времени до неумышленного вторжения в чувствительную сферу национальной политики страны-участницы интеграционного проекта или прямого манипулирования со стороны партнера, обладающего большими ресурсами и возможностями. Но в любом случае поиск нового устойчивого состояния для интеграционного проекта объективно будет сопровождаться шлейфом позитивных и негативных последствий, одним из которых станет неизбежное «пробуждение к жизни» сил, стремящихся препятствовать дальнейшей интеграции⁴⁹⁷. Таким образом, выгодные (привлекательные) соглашения, которые делают экономическую интеграцию возможной и желанной, по сути своей, всегда политически нестабильны.

Обычно считается, что если прежние условия интеграционного компромисса государств меняются в худшую сторону, либо происходит трансформация политических предпочтений участника интеграции, то лучшим компромиссом между

⁴⁹⁶ Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R. Economic Integration and Political Disintegration // American Economic Review. 2000. Vol. 90. No 5. Pp. 1276-1296.

⁴⁹⁷ Scheller H., Eppler A. European Disintegration: non-existing Phenomenon or a Blind Spot of European Integration Research? Preliminary thoughts for a Research Agenda. Working Paper 02/2014. Vienna: Institute for European Integration Research, 2014. 46 p.; Zielonka J. Disintegration Theory: International Implications of Europe's Crisis // Georgetown Journal of International Affairs. 2012. Vol. 13. No 1. Pp. 51-59.

затратами и выгодами для государства будет выход из объединения⁴⁹⁸. Однако потеря баланса (утрата равновесия) интеграционного проекта может быть вызвана, как ни парадоксально, именно успехом и скоростью экономической интеграции. Импульс к сотрудничеству максимален, когда выгоды от участия в проекте очевидны для всех, а транзакционные издержки малы. Наступление политического предела экономической интеграции означает, что получаемые от проекта выгоды перестают быть симметричными (одинаковыми, или подобными) для его участников⁴⁹⁹. Идея нарушения симметрии выгод обладает большим эвристическим потенциалом как для анализа фактической модели интеграции ЕАЭС, так и для поиска технологий сохранения устойчивости интеграционного проекта в случае наступления критических ситуаций.

Так, например, этот подход помогает понять, что за порогом нарушения симметрии экономических выгод дальнейшее углубление политического сотрудничества возможно только на более широкой базе - на основе соглашений по гораздо более широкому кругу вопросов, или пакетных соглашений, которые призваны объединить разрозненные стратегии с тем, чтобы общие выгоды от участия в интеграции вновь превысили издержки каждого.

Пример ЕС свидетельствует, что политическая устойчивость может быть также достигнута при помощи специальной внутренней политики, которая делает преимущества интеграционного проекта очевидными для граждан стран-участниц, снижая тем самым неизбежные издержки интеграции для отдельных социальных групп, или секторов экономики. Использование пакетных соглашений в форме общих стратегий, программ или повесток (дорожных карт) дает возможность «сдвинуть вправо» по шкале времени наступление нового политического предела проекта (эта вероятность повышается в случае достаточной однородности и связности стран-участниц). Однако сами по себе пакетные соглашения также являются уязвимыми для политических рисков, а потому реализация этой технологии в качестве антикризисного инструмента требует качественного научного и экспертного сопровождения.

Еще одним тактическим инструментом удержания стабильности в кризисный период являются финансовые ресурсы («сколько нужно заплатить, чтобы стало как раньше»), которые могут предоставлять стабилизационные или компенсационные фонды на национальном уровне. Однако реализация такой возможности зависит от степени однородности экономических потенциалов стран-участниц. Что касается использования в качестве антикризисного инструмента стабилизационных фондов на наднациональном уровне, то это создает еще больше трудностей. Фонд с символическими финансовыми ресурсами объективно не сможет разрешить проблему нарушения симметрии выгод, а фонды, обладающие крупными ресурсами, как

---

⁴⁹⁸ См., например: Alesina A., Spolaore E. (2003) *The Size of Nations*. Cambridge, MA: MIT Press. 272 p.

⁴⁹⁹ Hornik J., Nicolaidis P. A. *The Political Limits of Economic Integration // Intereconomics*. 2017. Vol. 52. No 5. Pp. 315–322.

показывает опыт ЕС, отличаются низкой операционной эффективностью вследствие постоянных разногласий между управляющими, донаторами и получателями помощи.

Выводы и прогнозы

Анализ политического дискурса и прагматических интересов государств-членов ЕАЭС показывает различия между декларируемыми и реальными мотивами участия в интеграции.

В политических координатах к выбору евразийского вектора развития участников ЕАЭС подталкивали не только географическая близость, экономические связи и культурно-исторический опыт. Важным мотивом было самоопределение каждой страны в новой ситуации, стремление реализовать возможности в условиях нового мирового порядка и укрепить свои позиции на международной арене. Евразийство оценивалось лидерами этих стран как путь выхода из кризиса, способ вхождения в мировое сообщество как цивилизованных наций с высокоразвитой экономикой и демократическими принципами устройства, путь к сотрудничеству, взаимопониманию и интеграции.

Наряду с этим, для Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана выгоды от доступа на рынок Российской Федерации (по внутренним ценам) перевешивали возможные риски интеграции за счет различия уровней экономического развития государств-членов, степени их экономической открытости и уровня политической готовности к объединению.

Для Беларуси и Казахстана наиболее актуальными были вопросы обеспечения доступа своих производителей на российский рынок и привлечения дополнительных финансовых ресурсов в свои экономики. Для Армении и Кыргызстана – главную роль играли потребности в решении собственных экономических проблем и новые возможности геополитического позиционирования. Армения была вынуждена отказаться от своей давней цели заключения соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Кыргызстан, который стремился, но оказался не готовым к ассоциации с ЕС на фоне серии внутренних политических кризисов, также дал согласие на членство в ЕАЭС.

В российском официальном дискурсе, связанном с обоснованием мотивов интеграции, проект ЕАЭС также рассматривается, прежде всего, как ресурс динамичного экономического развития.

Однако в рамках объединенного рынка экспорт России в государства-члены ЕАЭС и встречный импорт пока имеют довольно скромную долю, порядка 10%. Гораздо большее значение имеют объемы товарооборота в рамках различных зон свободной торговли. Тем не менее, анализ страновой структуры внешней торговли России за период 2014 г. – середина 2021 гг. показывает устойчивый тренд «поворота на Восток» - доля рынка ЕС в российском внешнеторговом обороте снижается, доли рынков ЕАЭС и АТЭС – растут (см. табл. 3).

Таблица 3

Страновая структура внешней торговли России

Годы	СНГ	ЕС	ЕАЭС	АТЭС
2014	12,3	48,1	7,1	26,9
2015	12,5	44,8	7,8	28,1
2019	12,2	41,6	8,7	31,8
2020	12,9	38,5	9,1	33,8
2021 (январь-июль)	12,0	35,8	8,8	34,2

Источник: ФТС России.

Что касается доли России в финансировании бюджета ЕАЭС (определяется долей доходов от импортных пошлин), то она не падает ниже 85%. Формальное уравнивание России с другими странами-членами при принятии решений оборачивается для нее ростом транзакционных издержек, помноженным на пассивность постоянно растущей наднациональной бюрократической надстройки. Это происходит на фоне того, что Евразийская экономическая комиссия не обладает функцией инициирования решений (в рамках конвенциональной модели эта прерогатива принадлежит органам государственной власти государств-членов) и не несет ответственности за их выполнение. В результате, формирование полноценного единого экономического пространства заметно затягивается, а сроки его завершения перенесены с 2017 на 2024 г.

Риск нарушения симметрии выгод для государств-членов интеграционного проекта возник уже в момент заключения Договора о ЕАЭС, который сыграл роль временного компромисса. Эта ситуация маскировалась ожиданиями дальнейших выгод от роста объемов взаимной торговли в предыдущие годы и перспективами прогресса в торговле услугами (в январе 2015 г. были либерализованы сорок три сектора услуг). Тем не менее, потенциал факторов нового экономического роста был довольно быстро исчерпан. В 2015-2019 гг. в ЕАЭС наблюдался регресс свободного перемещения товаров между странами-членами по сравнению с 2011-2013 гг. Не имея возможности использовать тарифы и квоты для получения конкурентных преимуществ, государства-члены ЕАЭС прибегли к широкомасштабному использованию санитарного и ветеринарного контроля, а также административных барьеров для продвижения своих индивидуальных политических и экономических интересов. В 2020 г. ситуацию дополнительно осложнили ограничения, связанные с пандемией COVID-19. Наблюдатели заговорили о приближении политических пределов экономической интеграции в рамках проекта ЕАЭС⁵⁰⁰.

Однако те же самые факторы ускорили развитие нового измерения модели евразийской интеграции. Еще в 2017 г. Российская Федерация инициировала

⁵⁰⁰ См., например: Troitskiy E. The Eurasian Economic Union at Five: Great Expectations and Hard Times // Wilson Center. A blog of the Kennan Institute: The Russian Life. 2020. January 14.

масштабный проект «цифрового переформатирования» Евразийского экономического союза. Цифровая повестка ЕАЭС⁵⁰¹ стала первым примером масштабного пакетного соглашения, которое должно было не просто отодвинуть наступление внутреннего кризиса интеграционного проекта в будущее, но и реально ускорить развитие и повысить устойчивость союза. Еще одной попыткой стало соглашение 2020 г. о стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции⁵⁰². Его основным содержанием стала идея дополнить механизмы интеграции (уже как политического проекта) новыми формами и сферами экономической интеграции, прежде всего, за счет расширения взаимодействия со странами-наблюдателями и странами-участниками зоны свободной торговли.

Среди факторов, влияющих на замедление темпов продвижения проекта евразийской экономической интеграции к его целевой модели, можно указать следующие: (1) недостаточно высокий уровень доверия между участниками; (2) неразвитость и формальный характер механизмов согласования интересов, поскольку решение стратегических вопросов доверено только главам государств и правительствам; (3) сохраняющийся разрыв в уровнях развития национальных экономик; (4) макроэкономическая нестабильность и волатильность курсов национальных валют; (5) отсутствие единой эффективной системы взаиморасчетов; (6) риски достижения политических пределов экономической интеграции.

Для устойчивого развития Евразийского экономического союза, как крупного интеграционного проекта критически важно его дальнейшее расширение. Помимо общего роста ресурсов ЕАЭС, увеличение числа государств-членов позволило бы использовать механизмы временных союзов для достижения баланса интересов во взаимодействии с самым крупным участником проекта – Российской Федерацией. Такое динамичное конкурентное партнерство государств-членов в рамках ЕАЭС могло бы стать сильным фактором ускорения интеграции и обеспечения устойчивости проекта. В текущих условиях безусловного политического и экономического доминирования России, другие участники ЕАЭС не имеют стимулов и ресурсов для поиска баланса интересов и предпочитают не искать компромисс, а уклоняться от настойчивости более сильного партнера, чтобы продолжать пользоваться уже имеющимися экономическими привилегиями.

Дополнительно следует отметить, что проникновение в евразийское пространство сильных внешних акторов (США, Китай, ЕС и Турция) и происходящие социальные изменения в государствах-членах продуцируют угрозы российскому доминированию, тогда как другого равноценного «внутреннего мотора» у проекта

---

⁵⁰¹ О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 21.

⁵⁰² О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12.

ЕАЭС пока нет⁵⁰³. В рамках существующих структурных и политических ограничений международной и внутренней политики, наиболее рациональным (но тактическими и краткосрочным) выбором для России остается поддержание нынешнего уровня ограниченной евразийской интеграции (модели неполной экономической интеграции) путем избирательного использования механизма санкций и вознаграждений⁵⁰⁴.

Анализ исторической ретроспективы интеграционных проектов показывает, что экономическая и политическая сферы интеграции, рассматриваемые по отдельности, объективно конфликтуют между собой, порождая разнообразные кризисы. Однако тот факт, что идеальных способов разрешения конфликта между экономическими и политическими интересами не существует, является не только вызовом для устойчивости интеграционных образований, но и стимулом для творческого развития моделей интеграции. Очевидно, что диалектическая взаимосвязь экономической и политической интеграции является источником для возникновения множества различных моделей и форматов, дизайн которых должен определяться индивидуально не только для различных интеграционных объединений, но также для одного и того же интеграционного проекта, проходящего разные стадии зрелости.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Любая региональная интеграция представляет собой результат сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира. При этом развитие интеграционных проектов не устраняет противоречий и конкуренции ни между входящими в них государствами, ни между самими интеграционными объединениями. Региональная интеграция всегда сродни крепости, ее важнейшее назначение – защищать своих от чужих. Это детерминирует появление глобального фактора риска: складывающиеся альянсы не дополняют друг друга, как предполагали страны-победительницы, формулируя послевоенную миросистемную парадигму, а начинают острую конкуренцию между собой⁵⁰⁵. Эта конкуренция будет неуклонно расти, генерируя соответствующие риски. Прогнозы показывают, что характерной приметой нового этапа мирового развития станет именно интеграционно-конфронтационный полицентризм⁵⁰⁶, в котором евразийское интеграционное объединение стремится занять позицию мощного, динамично развивающегося центра регионального притяжения и глобального влияния.

⁵⁰³ Stronski P. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia // Carnegie Endowment for International Peace. 2020. 26 p.

⁵⁰⁴ Busygina I. Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of Trust in Russia Limits the Possible // PONARS Eurasia Policy Memo. February 2019. No 571.

⁵⁰⁵ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М.: Праксис, 2004. 575 с.; Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3(13). С. 136–145; Gruber L. Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions. Princeton: Princeton University Press, 2010. 20 p.

⁵⁰⁶ Костин А. И., Изотов В. С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 2. С. 7–32.

4.2. РАЗВИТИЕ «ЦИФРОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ» ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Создание «цифрового измерения» для различных интеграционных объединений – характерная примета современности. Отличаясь по своему дизайну и набору конкретных инициатив, проекты цифровой трансформации пространства, в котором развиваются интеграционные процессы, имеют общие исходные посылки, а именно уверенность государств в том, что цифровые технологии дают возможности более эффективно управлять социально-экономическим развитием, сокращать транзакционные издержки, создавать новые рынки и сектора экономики. Цифровой переход представляется источником новых стимулов для экономического роста и ресурсом в глобальной конкуренции.

Однако цифровизация является лишь инструментом, создающим дополнительные возможности для развития⁵⁰⁷, но не гарантирует социально-экономический рост. Более того, цифровая трансформация всех сфер общественных отношений сопровождается неизбежными сдвигами в социально-политической структуре государств-участников и углублением различий в их экономическом потенциале, что создает новые риски для прочности интеграционных образований. Кроме того, опыт США и КНР показывает, что продвижение стандартов, технологических решений и моделей, разработанных одной страной в качестве общей платформы для остальных участников объединений, является ничем иным, как инструментом «мягкой силы». О такой роли цифровизации активно говорится и в российском публичном дискурсе⁵⁰⁸.

Исходя из этого, проект развития «цифрового измерения» Евразийского экономического союза является одновременно как механизмом, создающим условия для ускорения и углубления интеграционных процессов, так и своеобразным стресс-тестом – проверкой на устойчивость баланса интересов (политического консенсуса) государств-членов ЕАЭС и уровня их взаимного доверия.

Основы для цифровой трансформации ЕАЭС

Разработка и реализация совместной цифровой повестки, рассматриваемой в качестве одной из движущих сил Евразийской экономической интеграции, была предусмотрена Договором о Евразийском экономическом союзе (2014)⁵⁰⁹. Практическая работа в этом направлении была начата Высшим Евразийским

⁵⁰⁷ Vectors of Digital Transformation. OECD Digital Economy Papers No 273. Paris : OECD Publishing, 2019. 38 p.

⁵⁰⁸ Канделаки Т. Цифровизация как «мягкая сила» // Russia Today. 23 мая 2019. URL: <https://ru.rt.com/dl89> (дата обращения 20.09.2021).

⁵⁰⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе : Подписан в Астане 29.05.2014; Ратифицирован Федеральным законом от 03.10.2014 N 279-ФЗ (в ред. от 01.10.2019 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021) // Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://pravo.eacunion.org/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 20.09.2021).

экономическим советом в декабре 2016 г.⁵¹⁰. Формально цифровой переход в ЕАЭС стартовал в октябре 2017 г., когда была принята соответствующая среднесрочная стратегия в виде «Основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года»⁵¹¹. В декабре 2018 г. Совет ЕЭК рекомендовал государствам-членам, помимо «Основных направлений», учитывать при осуществлении «цифрового перехода» Концепцию создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и цифровой трансформации промышленности государств - членов Союза⁵¹².

Модель цифровой интеграции, основные направления Цифровой повестки ЕАЭС, а также упомянутая выше концепция разрабатывались в основном российскими специалистами с использованием опыта других интеграционных и межстрановых объединений, в частности, Европейского Союза (ЕС), Ассоциации государств юго-восточной Азии (АСЕАН), а также стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ). Общая идея заключалась в том, что поскольку «суверенная» цифровая трансформация каждого государства-члена Союза объективна и неизбежна, то обеспечение функциональной совместимости (интероперабельности) национальных цифровых повесток в рамках общей интеграционной Цифровой повестки может дать синергетический эффект и позволит добиться существенного ускорения темпов цифрового перехода и роста объемов экономик.

Предполагалось, что созданная на основе этого подхода единая, безопасная и масштабируемая цифровая инфраструктура для развития цифровой экономики ЕАЭС позволит к 2025 г. дополнительно увеличить совокупный ВВП государств-членов Союза на 11% от его общего ожидаемого роста, создать от 2 до 4 млн новых рабочих мест (из них около 1 млн. непосредственно в ИКТ) и достичь прироста производительности труда более чем на 1,7%. Что касается дополнительных «цифровых дивидендов» ЕАЭС, то, по разным оценкам, они должны были достичь к 2025 г. не менее 45 млрд. долл. США (за счет устранения правовых барьеров, цифровизации государственных закупок, развития услуг электронных правительств и расширения электронной торговли).

В рамках Цифровой повестки ЕАЭС на период до 2025 г. предусмотрены три этапа:

⁵¹⁰ О формировании цифровой повестки Евразийского экономического союза : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 21 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71652312/> (дата обращения 27.09.2021).

⁵¹¹ Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71708158/> (дата обращения 27.09.2021).

⁵¹² О Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и цифровой трансформации промышленности государств - членов Союза : Рекомендация Совета ЕЭК от 5 декабря 2018 г. № 1 // Евразийская экономическая комиссия : официальный сайт. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/Decisions/DispForm.aspx?ID=905> (дата обращения 27.09.2021).

- первый этап (2018-2019) - проработка первых инициатив и запуск приоритетных проектов;
- второй этап (2020-2022) - формирование «институтов цифровой экономики и цифровых активов, а также развитие цифровых экосистем»;
- третий этап (2023-2025) - реализация проектов цифровых экосистем и цифрового сотрудничества на «глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях».

Приоритетные вопросы Цифровой повестки ЕАЭС:

- создание электронных систем учета (прослеживаемости) движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в ЕАЭС;
- расширение электронной торговли между государствами – членами Союза;
- организация цифровых транспортных коридоров ЕАЭС;
- развитие цифровой промышленной кооперации между государствами-членами Союза;
- создание системы «регулятивных песочниц» ЕАЭС – экспериментальных режимов для разработки и использования оптимальных правовых решений в новых сферах.

В таблице 1 представлены основные стратегические документы и элементы национальных механизмов, создающих необходимую основу для реализации странами-членами ЕАЭС проектов цифрового перехода.

Таблица 1

**Основные стратегические документы и национальные механизмы
цифровой трансформации государств-членов ЕАЭС**

Государство-член ЕАЭС	Документы/Механизмы
Республика Армения	<ul style="list-style-type: none"> – Фонд «Цифровая Армения» (создан Правительством Республики Армения в 2017, ликвидирован в 2018); – проект долгосрочной стратегии «Цифровая повестка дня Армении 2030» (2017); – СЭЗ «ЭКОС» с фабрикой криптовалют для ИКТ-компаний в Раздане (2018); – проект рамочного документа «Повестка дня цифровой трансформации Армении на 2018-2030 гг.» (2018); – проект «Стратегии цифровизации Армении на 2020-2025 гг.» (2020); – Стратегия цифровизации Армении 2020-2025 г. (2021)
Республика Беларусь	<ul style="list-style-type: none"> – Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы»; – Указ Президента Республики Беларусь от 31 января 2017 г. № 31 «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы»; – Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»; – новый правовой институт особой экономической зоны (специальный налогово-правовой режим на принципах экстерриториальности) и правовой эксперимент по имплементации отдельных институтов английского права (common law): траста, опционного договора, конвертируемого займа, соглашения о неконкуренции и др.
Республика Казахстан	<ul style="list-style-type: none"> – Указ Президента Республики Казахстан от 8 января 2013 г. № 464 «"О Государственной программе "Информационный Казахстан – 2020" и внесении дополнения в Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 957 "Об утверждении Перечня государственных программ"» (утратил силу); – Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827 (ред. от 20.12.2019) «Об утверждении Государственной программы "Цифровой Казахстан"» – создание международного технопарка ИКТ-стартапов (Astana Hub), реализация проектов «Интеллектуальное месторождение» и компонентов Smart City

Основные стратегические документы и национальные механизмы цифровой трансформации государств-членов ЕАЭС

Продолжение таблицы

Кыргызская Республика	<ul style="list-style-type: none"> – Закон Кыргызской Республики от 19 июля 2017 г. (ред. от 24.07.2020) «Об электронном управлении»; – Концепция цифровой трансформации "Цифровой Кыргызстан" – 2018-2023»; – Указ Президента Кыргызской Республики от 31 октября 2018 г. «Об утверждении Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы»; – создание парка высоких технологий (Бишкек) на основе специального налогового режима (нулевой налог на прибыль и НДС, сниженный НДСЛ)
Российская Федерация	<ul style="list-style-type: none"> – Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»; – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утратило силу); – Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁵¹³; – «Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7); – Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»; – новый правовой институт экспериментальных правовых режимов и формирование института специальных режимов проработки и пилотирования решений (регулятивные песочницы)

⁵¹³ Согласно ст. 11, п. «б», абз. 10, Правительству РФ при реализации национальной программы «"Цифровая экономика Российской Федерации» поручено обеспечить в 2024 году разработку и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики государств - членов Евразийского экономического союза при реализации планов в области развития цифровой экономики.

В 2019 г. были утверждены Механизмы реализации проектов в рамках цифровой повестки ЕАЭС⁵¹⁴, Порядок взаимодействия центров компетенций государств – членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии в рамках реализации цифровой повестки Союза⁵¹⁵, Концепция трансграничного информационного взаимодействия⁵¹⁶, подведены итоги первого этапа реализации Цифровой повестки⁵¹⁷.

В портфель совместных цифровых инициатив ЕАЭС, в частности, вошли следующие проекты⁵¹⁸:

- совершенствование интегрированной информационной системы (ИИС) - распределенной информационной системы (ИС) межгосударственного обмена данными и электронными документами, а также реализации общих процессов деятельности органов ЕАЭС⁵¹⁹;
- создание унифицированной системы поиска «Работа без границ» - платформы доступа к информации о свободных рабочих местах и соискателях вакансий, содержащейся в информационных системах государств-членов в сфере трудоустройства и занятости (проект финансируется из Бюджета ЕАЭС);
- формирование экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС - открытой цифровой среды для обмена логистической информацией как государственных, так и частных структур (информация о транспортных средствах, экипажах, грузах, разрешительных и сопроводительных документах на всех этапах перевозки, технологических операциях и др. данные);
- построение трансграничного пространства доверия, под которым понимается совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами между уполномоченными органами ЕАЭС;
- создание Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий с целью вовлечения малых и средних предприятий (далее –

⁵¹⁴ Механизмы реализации проектов в рамках цифровой повестки Евразийского экономического союза (утв. решением Евразийского межправительственного совета от 1 февраля 2019 г. № 1).

⁵¹⁵ Об утверждении Порядка взаимодействия центров компетенций государств - членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии в рамках реализации цифровой повестки Союза : Решение Евразийского межправительственного совета от 25 октября 2019 г. № 9 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336384/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/ (дата обращения 27.09.2021).

⁵¹⁶ Концепция трансграничного информационного взаимодействия (утв. решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 7).

⁵¹⁷ Цифровая повестка ЕАЭС: 2016-2019-2025 : сборник. М.: Евразийская экономическая Комиссия, 2019. 199 с.

⁵¹⁸ Евразийский Экономический Союз: Цифры и факты : Внутренние рынки, информатизация и ИКТ. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. 16 с.

⁵¹⁹ Идея проекта возникла в 2009 году – речь шла о создании интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли Таможенного союза (Решение Комиссии Таможенного союза от 21 октября 2009 года № 104 (утратило силу)).

МСП) в производственные цепочки крупных производителей и обеспечения продвижения продукции субъектов промышленности с использованием международных цифровых экосистем государств-членов ЕАЭС и третьих стран.

Реализация цифровых инициатив ЕАЭС

Проблемой для мониторинга развития цифровой интеграции в рамках ЕАЭС является определенный дефицит открытой сопоставимой и детальной информации о социально-экономическом развитии и цифровой экономике государств-членов. Недостаточный уровень гармонизации статистических методов государств-членов Союза ограничивает возможности объективного моделирования развития ЕАЭС, а также содержит риски политического манипулирования статистическими данными со стороны отдельных государств-членов или стран-кандидатов. Тем не менее, параллельный анализ политико-правовых источников, национальной и международной статистики, научных публикаций и «серой литературы» (материалов и исследований, подготовленные правительственными структурами, частными компаниями, некоммерческими и прочими организациями вне традиционных каналов научной публикации) позволяет довольно надежно представить общую картину продвижения проекта по созданию евразийского цифрового пространства.

Шаги, предпринятые к настоящему моменту на общеевразийском уровне для реализации портфеля цифровых инициатив в рамках ЕАЭС, суммированы в таблице 2.

Таблица 2

Шаги по реализации цифровых инициатив ЕАЭС

Инициатива	Шаги по реализации (принятые акты, мероприятия)
Интегрированная информационная система (ИИС)	<ul style="list-style-type: none"> – Стратегия развития интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на период до 2025 года (утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 22 августа 2017 г. № 100). – Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 2 апреля 2019 г. № 55 «О техническом задании на развитие интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза» – Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 3 «Об использовании национальных криптографических стандартов электронной цифровой подписи (электронной подписи) при трансграничном информационном взаимодействии хозяйствующих субъектов Республики Армения, Кыргызской Республики и Российской Федерации с органами исполнительной власти Республики Армения, Кыргызской Республики и Российской Федерации». – Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 11 сентября 2020 г. № 22 «О некоторых вопросах совершенствования интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза» (принято решение о проведении комплексной технической экспертизы ИИС и определении возможностей использования инструментов ИИС для реализации проектов в рамках Основных направлений реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года). – Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 апреля 2021 г. № 42 «О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на 2021 год» – Паспорт проекта «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза» (утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14 июля 2021 г. № 63)
Унифицированная система поиска «Работа без границ»	<ul style="list-style-type: none"> – Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 1 февраля 2019 г. № 1 «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2018 году» – Паспорт проекта «Унифицированная система поиска "Работа без границ"» (утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 9 сентября 2019 г. № 89; ред. от 23.11.2020) – Запущена в эксплуатацию унифицированная система поиска «Работа без границ» (2021) – переход в национальные базы Информационно-аналитическая система Общероссийская база вакансий «Работа в России» (https://trudvsem.ru/landing-rbg/); Информационная система «Горц» (Армения) (https://www.workforall.am/); Информационный портал Государственной службы занятости Республики Беларусь (http://gsz.gov.by/); Электронная биржа труда «Епбес»(Казахстан) (https://www.enbek.kz/ru/); Государственный портал «Занятость» Информационной системы рынка труда Кыргызской Республики (https://zanyatost.kg/)

Шаги по реализации цифровых инициатив ЕАЭС

Продолжение таблицы

Экосистема цифровых транспортных коридоров ЕАЭС	<ul style="list-style-type: none"> – Соглашение от 29 мая 2019 г. «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (вступило в силу 3 февраля 2021 г.) – План мероприятий по формированию экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза (утв. распоряжением Евразийского межправительственного совета от 31 января 2020 г. № 4) – Создан Консорциум «Цифровые транспортные коридоры Евразийского экономического союза» (2020) – Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 г. № 29 «О перечне сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» – Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 июня 2021 г. № 72 «Об утверждении Порядка взаимодействия органов государственной власти и (или) организаций государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии при реализации Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза, от 29 мая 2019 года» – Практическая реализация создания ЭЦТК предполагает более 100 проектов, первым из которых стало внедрение навигационных цифровых пломб, представляющих из себя бортовой компьютер, несущий всю необходимую для осуществления перевозки информацию.
Трансграничное пространство доверия ЕАЭС	<ul style="list-style-type: none"> – Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.) – Стратегия развития трансграничного пространства доверия, (утв. решением коллегии Евразийской экономической комиссии от 27 сентября 2016 г. № 105) – Концепция трансграничного информационного взаимодействия (утв. решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 7).
Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракции и трансфера технологий	<ul style="list-style-type: none"> – Паспорт проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракции и трансфера технологий» (утв. решением Евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 8; ред. 05.07.2021) – Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 17 июля 2020 г. № 15 «О карте индустриализации Евразийского экономического союза».

Таким образом, на текущий момент (сентябрь 2021 г., т.е. половина срока, отведенного для реализации Цифровой повестки ЕАЭС) до стадии внедрения дошла только одна цифровая инициатива – унифицированная система поиска «Работа без границ». Платформа была запущена 1 июля 2021 г. с ограниченным функционалом (без запланированных опций в виде информационной поддержки соискателей и работодателей, электронных трудовых договоров и мобильного приложения).

Проект интегрированной информационной системы ЕАЭС находится в «полуразобранном» состоянии. Хотя исходная версия ИИС была введена в строй еще в 2009 г. для обеспечения внешней торговли в рамках Таможенного союза, она по-прежнему представляет собой не унифицированную цифровую платформу, а эклектичную совокупность слабо связанных распределенных национальных сегментов. В 2020 г. комплексная техническая экспертиза, инициированная Советом ЕЭК, выявила, что за десять лет автоматизировано только 19 из 80 общих процессов между уполномоченными органами государств-членов. Как следствие, принято решение, что в течение 2021 г. ИИС должна быть, фактически, перезапущена заново⁵²⁰.

Потеря темпов наблюдается также в реализации инициативы по созданию экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС. Еще в 2018 г. были разработаны проект Договора об экосистеме цифровых транспортных коридоров ЕАЭС и модельный закон «О цифровой платформе государств-членов Евразийского экономического союза экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза». В 2019 г. АНО «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», НИРУП «Институт прикладных программных систем» (Республика Беларусь) и АО «Транстелеком» (Республика Казахстан) завершили разработку концепции создания экосистемы цифровых транспортных коридоров (ЭЦТК). Однако потребовался еще год, чтобы только определить перечень необходимых сервисов и элементов инфраструктуры.

Для того чтобы инициатива была воплощена в жизнь, необходимо согласованно реализовать большое количество проектов, связанных с обеспечением прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию ЕАЭС. Первым шагом стало внедрение цифровых навигационных пломб – реализация этих пилотных проектов началась во второй половине 2018 года в России и Казахстане⁵²¹. Как отмечают эксперты, результаты мониторинга были высоко оценены таможенными структурами ЕАЭС, которые договорились о создании единой системы такого

---

⁵²⁰ О плане мероприятий по созданию, обеспечению функционирования и развитию интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза на 2021 год : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 апреля 2021 г. № 42 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/603608587> (дата обращения 20.09.2021).

⁵²¹ План мероприятий («Дорожная карта») по созданию национальной системы прослеживаемости товаров Россия утвердила в июне 2018 г.

отслеживания⁵²². В мае 2019 года государства-члены ЕАЭС подписали Соглашение о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза, однако документ вступил в силу только 3 февраля 2021 года. Россия и Беларусь ратифицировали это соглашение в декабре 2019 года⁵²³, Казахстан – в мае 2020 года⁵²⁴, Армения – в июне 2020 года, Кыргызстан – в январе 2021 года⁵²⁵.

Национальные сегменты общей евразийской системы по отслеживанию товаропотоков с помощью цифровых навигационных пломб в России и Беларуси были разработаны в 2019 году. Начиная с 1 июля 2020 года Россия поэтапно развивает систему прослеживаемости для различных групп импортных товаров⁵²⁶, решая в широком контексте задачу повышения эффективности налогового контроля за импортными товарами и операциями с ними⁵²⁷. О полномасштабном запуске системы было заявлено в июле 2021 года. Армения приступила к внедрению национальной системы прослеживаемости товаров ЕАЭС в мае 2021 года⁵²⁸, а Казахстан – в июне 2021 года⁵²⁹. Несмотря на очевидные экономические выгоды и логистические удобства цифровизации товарных потоков для всех стран, бессменным драйвером проекта остается Российская Федерация, которая разрабатывает, реализует на национальном

⁵²² Захаркин И. Цифровые транспортные коридоры – будущее ЕАЭС // Ритм Евразии. 20 февраля 2020. URL: <https://www.ritim Eurasia.org/news--2020-02-22--cifrovye-transportnye-koridory-budushee-eaes-47633> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵²³ О ратификации Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза : Федеральный закон от 02 декабря 2019 г. № 386-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 49 (часть IV). Ст. 6945; О ратификации Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза : Закон Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 258-З. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19b10258/> (дата обращения 20.09.2021).

⁵²⁴ О ратификации Соглашения о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза : Закон Парламента Республики Казахстан от 29 мая 2020 г. № 338-VI ЗРК // Таможенные документы «Альта Софт» : [сайт]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/20kz0338/> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵²⁵ О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза : Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 28 ноября 2018 г. № 17 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551782135> (дата обращения 22.10.2021).

⁵²⁶ С 1 июля 2020 г. национальная система прослеживаемости была введена в отношении десяти групп товаров: бытовые холодильники и морозильники, дорожные катки и экскаваторы, стиральные и сушильные машины, телевизоры, мобильные телефоны.

⁵²⁷ Национальная система прослеживаемости импортных товаров // ФНС России : официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/spt/ (дата обращения 20.09.2021); Заверняева С. Контрафактные холодильники и коляски выдаст регистрационный номер: В России внедрят национальную систему прослеживаемости товаров // Парламентская газета. 21 октября 2020. URL: <https://www.pnp.ru/economics/kontrafaktnye-kholodilniki-i-kolyaski-vydast-registracionnyu-nomer.html> (дата обращения 20.09.2021).

⁵²⁸ В Армении внедрили систему прослеживаемости товаров ЕАЭС // Arka News Agency. 26 мая 2021. URL: http://arka.am/ru/news/economy/v_armenii_vnedrili_sistemu_proslezhivaemosti_tovarov_eaes/ (дата обращения: 20.09.2021).

⁵²⁹ В Казахстане внедряют Национальную систему прослеживаемости товаров // KazInform : [сайт]. 23 сентября 2021. URL: https://www.inform.kz/ru/v-kazahstane-vnedryayut-nacional-nuyu-sistemu-proslezhivaemosti-tovarov_a3840236 (дата обращения 23.09.2021).

уровне и предлагает партнерам по ЕАЭС модельные правовые и технологические решения, способствующие развитию транспортно-логистического потенциала Евразийского экономического союза. Так, например, 14 сентября 2021 года Совет Евразийской экономической комиссии одобрил инициативу России о запуске нового цифрового проекта - по созданию информационно-коммуникационной витрины сервисов, позволяющей сформировать экосистему цифровых транспортных коридоров Союза. Это событие – попытка дать очередной импульс продвижению инициативы. Минэкономразвития России в своем официальном релизе назвало заявленный проект «первым шагом на пути формирования цифровой экосистемы для развития логистических цепочек поставок товаров на всём пространстве Союза»⁵³⁰. В качестве стимулов к реализации инициативы указаны такие мотивы, как возможность увеличения прибыльности транспортной отрасли государств-членов ЕАЭС не менее, чем на 80 млрд рублей в год, сокращение сроков контрольно-надзорных мероприятий не менее чем на 10% на железнодорожном транспорте и на 25% на автотранспорте, а также повышение привлекательности международных транспортных коридоров ЕАЭС с перспективой вхождения стран Союза в ТОП-50 мировых государств по показателю Индекса эффективности логистики LPI (Logistics Performance Index)⁵³¹.

В настоящее время Россия занимает 85 место среди 167 стран по показателю LPI, Казахстан – 77, Беларусь – 110, Армения – 116, Кыргызстан – 132⁵³². Что касается такого важного инструмента импортозамещения и инновационного развития в рамках ЕАЭС как Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, то, несмотря на объявленный еще в апреле 2019 г. старт проекта⁵³³, на сегодняшний день он реализован пока в виде «карты индустриализации ЕАЭС» - интернет-ресурса (цифрового перечня), содержащего информацию примерно о 180 инновационных проектах государств-членов ЕАЭС, реализуемых в 18 отраслях и 550 технологических направлениях.

Помимо мониторинга конкретных шагов в рамках реализации Цифровой повестки ЕАЭС, общее представление о состоянии дел и темпах евразийской цифровой интеграции дает также анализ различных международных индексов, характеризующих позиции стран и их объединений. Так, например, для оценки успехов экономической интеграции Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) анализирует позиции государств-членов ЕАЭС в таких международных рейтингах, как Индекс Doing Business, Индекс глобальной конкурентоспособности, Индекс человеческого развития,

⁵³⁰ Совет ЕЭК одобрил инициативу России по развитию транспортно-логистического потенциала ЕАЭС // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 14 сентября 2021. URL: https://economy.gov.ru/material/news/sovet_eek_odobril_iniciativu_rossii_po_razvitiyu_transportno_logisticheskogo_potenciala_eaes.html (дата обращения 20.09.2021).

⁵³¹ Logistics Performance Index (LPI) — индекс Всемирного банка, оценивающий простоту поставок товаров и состояние торговой логистики на национальном и международном уровне.

⁵³² Aggregated LPI // The World Bank. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/aggregated-ranking> (last request 15.10.2021).

⁵³³ Цифровая повестка ЕАЭС: 2016-2019-2025 : сб. М.: Евразийская экономическая Комиссия, 2019. 199 с.

Индекс социального прогресса и многих других⁵³⁴. Как представляется, в рамках мониторинга развития «цифрового измерения» интеграции в рамках ЕАЭС, помимо Индекса развития электронного правительства, следует использовать также такие международные индикативные показатели, как Индекс готовности к сетевому обществу и Индекс состояния электронной торговли.

В табл. 3–5 приведены соответствующие данные и их динамика для государств-членов ЕАЭС. Для сравнения в указанные таблицы добавлены показатели рейтингов так называемой «Большой пятерки» (Big 5) государств-лидеров общеевропейской цифровой трансформации (до 2021 года включала Соединенное Королевство), а также Польши - крупнейшей страны региона Центральной и Восточной Европы, входящей в группу «Цифровых претендентов» ЕС (Digital Challengers)⁵³⁵.

Как следует из данных таблицы 3, несмотря на позитивную динамику показателей Индекса готовности к сетевому обществу трех из пяти государств-членов ЕАЭС (Армения, Казахстан, Россия), в целом ЕАЭС существенно отстает в этом отношении от стран-участниц общеевропейской цифровой интеграции.

Таблица 3

**Индекс готовности к сетевому обществу
(Networked Readiness Index)⁵³⁶, место стран в рейтинге**

Страна	2019	2020
Евразийское интеграционное пространство		
Армения	62	55
Беларусь	61	65
Казахстан	60	56
Кыргызстан	91	94
Российская Федерация	48	48
Европейское интеграционное пространство		
Германия	9	9
Испания	25	25
Италия	34	32
Соединенное Королевство	10	10
Франция	18	17
Польша	37	33

Источник: Институт Портуланс и Всемирный альянс информационных технологий и услуг

⁵³⁴ См., например: Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2020 году: международные рейтинги : Аналитический доклад. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. 131 с.

⁵³⁵ The rise of Digital Challengers: How digitization can become the next growth engine for Central and Eastern Europe / J. Novak, M. Purta, T. Marciniak [et al.]. Digital McKinsey, 2018. 94 p.

⁵³⁶ Индекс готовности к сетевому обществу - комплексный показатель, характеризующий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой (цифровой) экономики. Рассчитывается для 134 государств, учитывает 62 различных показателя, объединенных в четыре группы: технологии (Technology), люди (People), управление (Governance) и эффекты влияния (Impact). В 2002-2018 выпускался World Economic Forum и INSEAD.

Несмотря на близкие к европейским уровни Индекса развития электронного правительства у Казахстана, России и Беларуси (благодаря росту объема и качества государственного онлайн-обслуживания и приращения ИКТ-инфраструктуры) и позитивную динамику Армении и Кыргызстана (см. табл. 4), общая позиция ЕАЭС (средневзвешенный показатель рейтингов государств-членов с учетом их вкладов в суммарный ВВП ЕАЭС) медленно ухудшается. Наилучшее значение средневзвешенного показателя этого показателя для пяти государств-членов ЕАЭС наблюдалось в 2014 г., когда ЕАЭС формально не был создан. Представляется, что снижение средневзвешенного рейтинга ЕАЭС является относительным, поскольку глобальное сравнение происходит на фоне ускорения темпов цифрового перехода в странах – цифровых лидерах.

Таблица 4

**Индекс развития электронного правительства
(E-Government Development Index)⁵³⁷, место в рейтинге**

Страна	2016	2018	2020
Евразийское интеграционное пространство			
Армения	87	87	68
Беларусь	49	38	40
Казахстан	33	39	29
Кыргызстан	97	91	83
Российская Федерация	35	32	36
Европейское интеграционное пространство			
Германия	15	12	25
Испания	17	17	17
Италия	22	24	37
Соединенное Королевство	1	4	7
Франция	10	9	19
Польша	36	33	24

Источник: Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (ДЭСВ).

Важными для оценки успеха цифровой интеграции ЕАЭС являются также показатели развития цифровой экономики, ключевая характеристика которой является состояние и объемы цифровой (электронной) торговли. Феномен цифровой торговли, помимо собственно продаж через интернет, включает различные системные факторы (например, взаимодействие с использованием ИКТ, цифровых платформ, информационных и социальных сетей) и более широкий спектр бизнес-моделей

⁵³⁷ Индекс ООН развития электронного правительства представляет собой средневзвешенное значение нормализованных показателей 193 стран мира по трём основным аспектам электронного правительства: объем и качество государственного онлайн-обслуживания; состояние развития телекоммуникационной инфраструктуры; состояние внутреннего человеческого капитала.

(например, когда стирается разница между, собственно, товаром (вещью), ее цифровым двойником и/или услугой)⁵³⁸.

Региональная среда цифровой торговли предполагает наличие развитых цифровых платформ и возникших на их основе цифровых экосистем, которые взаимодействуют с глобальными системами или становятся их частью. В такой структуре благоприятные регуляторные условия обеспечиваются на глобальном уровне (по принципу «снизу-вверх», чтобы устранять неблагоприятные конкурентные условия для местных игроков) и зависят от поддержания лояльности потребителей (не столько маркетинг, сколько защита прав и качество сервисов). Необходимо учитывать эти обстоятельства при рассмотрении динамики показателей Индекса электронной торговли государств-членов ЕАЭС, представленных в таблице 5.

Таблица 5

**Индекс электронной торговли
(UNCTAD B2C E-Commerce Index)⁵³⁹, место в рейтинге**

Страна	2017	2018	2019	2020
Евразийское интеграционное пространство				
Армения	78	66	78	84
Беларусь	44	37	37	35
Казахстан	51	53	56	60
Кыргызстан	117	114	110	97
Российская Федерация	43	42	40	41
Европейское интеграционное пространство				
Германия	9	16	9	6
Испания	34	36	34	24
Италия	41	44	36	29
Соединенное Королевство	6	4	4	5
Франция	20	23	16	17
Польша	38	35	32	28

Источник: Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)

Замедление цифровой интеграции: причины

Мониторинг интеграционных процессов показал, что в период 2018-2021 годов темпы общеевразийской цифровой трансформации замедлились, несмотря на то что все страны-члены ЕАЭС активно стимулируют цифровой переход на национальном уровне: развивают государственные онлайн-сервисы, расширяют электронную

⁵³⁸ Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. 80 с.

⁵³⁹ Индекс ООН электронной торговли определяется для 152 стран мира, в том числе, с учетом доли населения, использующего интернет, доли населения в возрасте 15 лет и старше, имеющих банковский счет, числа безопасных серверов (на млн. жителей) и индекса почтовой надежности Всемирного почтового союза.

торговлю, наращивают ИКТ-инфраструктуру, совершенствуют правовое регулирование цифровой сферы⁵⁴⁰.

Несмотря на существование различных концепций (от глубоко теоретических до предельно прагматических), объясняющих торможение темпов цифровой интеграции в рамках ЕАЭС, единых представлений о причинах пока не сложилось. Это обстоятельство затрудняет поиски решений, способных вернуть должную динамику в развитие «цифрового измерения» евразийского интеграционного пространства.

Например, бывший премьер-министр Армении, председатель Коллегии ЕЭК, а ныне заместитель председателя правления Евразийского банка развития Т. С. Саркисян обосновывает происходящее драматическим изменением ценностей государства в современном цифровом мире. Речь идет о том, что в условиях глобального цифрового перехода цифровые корпорации неизбежно становятся влиятельными акторами в политических процессах на национальном уровне, что необратимо изменяет привычные условия функционирования государств. Проблема в том, что цифровые корпорации, обладая большой ресурсной мощностью и огромным влиянием на пользователей (граждан), являются политически стерильными: они не знакомы с правилами игры на политическом поле, их не интересует сложившийся баланс политических договоренностей, а тем более – его поддержание. В результате новый актер становится источником мощных политических рисков, которые невозможно предсказать и предупредить. Фактически, цифровая трансформация открыла неуправляемым «слонам» дверь в «посудную лавку» традиционной политики. Как следствие, национальные государства начинают сильнее ценить и жестко защищать те зоны, в которых они сохраняют свой авторитет и возможности контроля, а значит, объективно усиливается тренд на укрепление цифрового суверенитета как способа противостояния нежелательным изменениям⁵⁴¹. Если эта логика верна, то борьба за цифровой суверенитет не может не сопровождаться переосмыслением ценностей интеграции, включая ее цифровое измерение.

Еще одно объяснение может быть связано с тем, что из всех моделей цифрового перехода в рамках ЕАЭС в 2017 г. был выбран проект ускоренной цифровой интеграции – своего рода вариант евразийских «радикальных цифровых реформ». Но на практике быстрого перехода не получилось, поскольку реализовывать эти планы пришлось в условиях пандемии COVID-19 и перманентных региональных кризисов, когда для государств-членов необходимость срочно решать свои внутренние проблемы отодвинула на второй план задачи интеграции. Фактически, происходит медленное, но обладающее большой инерцией расхождение политической и прагматической реальностей: в последние годы все страны-члены, за исключением России,

---

⁵⁴⁰ Годовой доклад за 2020 год. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. 80 с.

⁵⁴¹ См., например: Саркисян Т. С. Интеграционный «План ГОЭЛРО» для XXI века // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 3. С. 136-149.

предпочитают решать свои задачи, без оглядки на интеграционные цели, тогда как на политическом уровне неизменно декларируются ценности гармонизации совместных усилий, чтобы сохранить преимущества общего рынка ЕАЭС.

Для иллюстрации этого тезиса можно привести несколько фактов, свидетельствующих о разновекторности цифровых повесток государств-членов ЕАЭС, которые формируются под влиянием конкурирующих интеграционных проектов, развивающихся на Евразийском континенте и в его «геополитических окрестностях».

Например, для Беларуси на протяжении многих лет стратегическим приоритетом является развитие Парка высоких технологий (Минск), ориентированного на разработку массовых ИКТ-продуктов и подготовку кадров для глобального рынка в сфере развлечений и медиа. Беларусь также активно развивает связи с КНР в рамках проекта «Один пояс – Один путь» (например, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Большой камень»).

Различные стратегии развития, обсуждаемые в Армении и Кыргызстане, предполагают встраивание в повестки ЕС или АСЕАН, которые на экспертном уровне рассматриваются как более глобальные и успешные по сравнению с проектом евразийской интеграции⁵⁴².

Что касается Казахстана, то, наряду с такими решениями, как переход с кириллицы на латинский алфавит (октябрь 2017 г.), страна принимает масштабные шаги, чтобы, согласно новой Концепции внешней политики, закрепить за собой статус «лидирующего государства в регионе»⁵⁴³, включенного во все глобальные процессы и проекты в качестве регионального управляющего центра. В частности, этот документ содержит положения о перспективах получения Казахстаном статуса межрегионального центра ООН по Целям устойчивого развития и продвижения его деятельности в государствах Центральной Азии и Афганистане. Особое место занимают вопросы поддержки таких инициатив как Международный финансовый центр «Астана» (региональный цифровой хаб рынков капитала Центральной Азии, Западного Китая, Ближнего Востока и Европы), Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» (форпост инициативы КНР «Один пояс – один путь») и создаваемый Центр торгово-экономического сотрудничества «Центральная Азия» (совместно с Узбекистаном). В целом, новая Концепция (предшествующий документ (2014-2020) носил закрытый характер) более детально излагает видение перспектив сотрудничества с США, ЕС, АСЕАН и Лигой арабских государств, чем с Российской Федерацией и ЕАЭС.

⁵⁴² Лаумулин М. Т. Пределы и возможности евразийской интеграции // Международный научный центр «Астана». 23 апреля 2019. URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247> (дата обращения 14.10.2021).

⁵⁴³ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы : Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения 24.09.2021).

В таком контексте систематические попытки России стимулировать цифровой переход в рамках ЕАЭС с настоятельным предложением заимствовать в качестве образца российские решения в области регулирования и развития цифровой трансформации, не вызывают встречного энтузиазма. Уклонение государств-членов ЕАЭС от ускоренной общей «цифровой перезагрузки» стало настолько очевидным, что на форуме в Алма-Ате 5 февраля 2021 г. глава российского правительства М. В. Мишустин даже пригрозил «применить закон» к партнерам по союзу. Он, в частности, заявил: «...Если затягивать цифровизацию и унификацию, в том числе таможенного администрирования и других видов контроля на внешнем контуре, для всех одинакового, придется вернуться к контрольным мерам на внутренней границе ... Необходимо формировать условия для справедливой и прозрачной взаимной торговли, активнее снимать инфраструктурные ограничения, вести и диалог, конечно, с Европейским Союзом, а также продолжить сопряжение евразийской интеграции с китайской инициативой "Один пояс - один путь". Реализовать все это можно только на основе общей цифровой платформы. На практике мы видим, скажу откровенно, осторожный подход партнеров к цифровизации на пространстве "пятерки"»⁵⁴⁴.

В августе 2021 года председатель Коллегии ЕЭК М. В. Мясникович в своем интервью сообщил, что ЕЭК совместно с профильными структурами государств-членов ЕАЭС «в сжатые сроки разработала проект плана (дорожную карту) по развитию торгово-экономического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с Китайской Народной Республикой по направлению "Формирование, развитие и цифровизация транспортных маршрутов"», которую направила на согласование в Министерство коммерции КНР⁵⁴⁵.

Реализация этого плана, включающего переход на безбумажный документооборот, должна еще больше облегчить и ускорить прохождение транзитных грузов через территорию ЕАЭС. Согласно данным ЕЭК, в 2020 году грузоперевозки по маршруту «Китай - Европа – Китай» выросли в сравнении с 2015 годом более, чем в 11 раз. А в первой половине 2021 года – этот показатель увеличился в полтора раза по сравнению с первой половиной 2020 года.

Несмотря на то, что сопряжение евразийской интеграции с китайской инициативой «Один пояс – Один путь» является одной из стратегических задач в повестке ЕАЭС, необходимо дополнительно оценить будущие риски, связанные с планами КНР «обустраивать» территорию ЕАЭС в своих интересах - в качестве транзитного пространства, которое не должно создавать затруднений Китаю в торговле с Европой.

⁵⁴⁴ Цит. по пресс-релизу: Михаил Мишустин принял участие в работе международного форума «Цифровое будущее глобальной экономики» // Официальный сайт Правительства России. 5 февраля 2021. URL: <http://government.ru/news/41467/> (дата обращения 01.08.2021).

⁵⁴⁵ Мясникович о торговле ЕАЭС и Китая, цифровых проектах и роли в них Беларуси // Белта. 21 августа 2021. URL: <https://www.belta.by/economics/view/intervju-mjasnikovich-o-torgovle-eaes-i-kitaja-tsifrovyyh-proektah-i-roliv-nih-belarusi-455895-2021/> (дата обращения 20.09.2021).

Опыт цифровой трансформации ЕС – уроки для ЕАЭС

Опыт государств Европейского союза – крупнейшего реализованного проекта экономической и политической интеграции, позволяет понять какие *типовые проблемы*, связанные с цифровой трансформацией единого пространства, могут возникать у стран-участниц, находящихся на разных этапах развития экономики и обладающих разными экономическими возможностями. Этот опыт особенно важен для Евразийского экономического союза, специфической чертой которого является внутренняя асимметрия. Эта асимметрия проистекает из того, что мэйджором и безусловным лидером проекта является одна страна - Российская Федерация, чьи ресурсы и экономический потенциал многократно превышают аналогичные показатели других государств-членов. Как известно, по итогам 2020 г. совокупный ВВП Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана составил 18% от ВВП России (1470 млрд. долларов США в текущих ценах), при этом ВВП Беларуси в 5 раз превысил ВВП Армении, а ВВП Казахстана был в 26 раз больше ВВП Кыргызстана.

Международная консалтинговая компания в области стратегического управления McKinsey & Company готовит систематические доклады в рамках общеевропейского проекта Digital Europe⁵⁴⁶, в которых представляет результаты сравнительного экономического анализа цифровой трансформации по группам стран ЕС, отличающихся разным уровнем цифровой зрелости. Применительно к ЕАЭС интерес представляют результаты и выводы, полученные по итогам исследования перспектив цифрового перехода для «Большой пятерки» и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)⁵⁴⁷.

В период после прекращения существования социалистического блока государств и распада СССР (1996-2017) страны ЦВЕ отличались от «Большой пятерки» исключительно высокими показателями роста душевого ВВП – 114% против 27% (усредненные данные). Однако сегодня все основные факторы роста того периода утратили свой потенциал, а потому страны ЦВЕ страдают от недостаточной капитализации. Их основные фонды (измеряемые как общая сумма основных средств в млн. евро на одного работника) на 60% ниже, чем в среднем по «Большой пятерке» стран ЕС. Такое же положение дел наблюдается при сравнении показателей производительности труда.

Столкнувшись с необходимостью срочного пересмотра стратегий своего экономического роста, страны ЦВЕ сделали ставку на цифровую трансформацию, которая потенциально может стать новым драйвером устойчивого подъема для всего

⁵⁴⁶ Communication from the Commission of 19 May 2010 to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – A Digital Agenda for Europe. COM, 2010. 245 p.

⁵⁴⁷ The rise of Digital Challengers: How digitization can become the next growth engine for Central and Eastern Europe / J. Novak, M. Purta, T. Marciniak [et al.]. Digital McKinsey, 2018. 94 p.

региона. Эксперты McKinsey оценили перспективы двух возможных сценариев цифрового перехода: «желательный» и «как есть».

Первый сценарий предполагает *быструю согласованную* цифровую трансформацию государственного и частных секторов экономики, ускорение электронной торговли и потребительских расходов (офлайн) на цифровое оборудование, что должно привести к росту производительности труда, сократить отставание стран ЦВЕ от нынешних «Цифровых лидеров» и дополнительно дать до 200 млрд. евро в ВВП. В этом случае, *доля цифрового перехода* в дополнительном росте ВВП может достигнуть 30% к 2025 г, что эквивалентно дополнительному 1% роста ВВП каждый год.

Второй сценарий, который не предполагает «цифрового рывка», показывает, что дополнительные *доходы от цифрового перехода* не превысят 60 млрд. евро, что даст только 9% в дополнительном приросте ВВП к 2025 г. Как следствие, дополнительный 1% ежегодного роста ВВП будет утрачен. Это приведет к неизбежному углублению цифрового разрыва со странами-лидерами и закреплению отставания.

Чтобы «желательный» сценарий воплотился в жизнь, критически необходима тесная *кооперация* стран ЦВЕ в условиях цифрового перехода. Потенциально для этого существуют все необходимые условия:

- достаточные масштабы экономики (совокупный ВВП стран ЦВЕ превышает 1,4 трлн евро);
- сходные стартовые условия в всех стран ЦВЕ (высокие степени открытости экономик и похожие уровни цифровизации);
- наличие общих вызовов (в частности, проблема «утечки мозгов» и необходимость новых компетенций для трудовых ресурсов);
- возможности обмена опытом (наличие у разных стран ЦВЕ различных лучших практик цифровой специализации).

Базовыми механизмами *кооперации* выступают: (1) *согласованные* (партнерские) решения в области политики цифровизации; (2) наличие *общих цифровых активов* - создание и размещение в свободном доступе стандартизированных наборов данных в области инноваций и цифровизации производств; (3) развитие *трансграничной цифровой инфраструктуры* (прежде всего, оптические решения и технологии 5G); (4) поиск и *расширение взаимодействия* с государствами за периметром стран-участниц интеграционного проекта, также заинтересованными в цифровом переходе.

Развитые механизмы поддержания взаимного доверия и факторы кооперации формируют своеобразные «рамки успеха» (framework of success), которые делают возможным принципиальную реализацию «желательного» сценария цифрового перехода. Перечисленные компоненты «рамки успеха» предполагают творческое использование уже известных политических, регулятивных и экономических процедур, а значит, сама «рамка успеха» допускает возможность ее применения для

сопоставительного анализа и оценивания (benchmarking) аналогичных процессов в ЕАЭС.

Укрепление доверия – инструмент ускорения цифрового перехода

Необходимо особо отметить вклад Российской Федерации в продвижение евразийской цифровой интеграции. Разрабатывая в опережающем порядке и внедряя на национальном уровне различные инновационные политико-правовые и технологические решения, Россия экспериментальным путем ищет наиболее эффективные инструменты для ускорения цифровой трансформации экономики и одновременно пытается собственным примером мотивировать другие страны-члены к более активному участию в цифровом переходе.

Например, как уже было отмечено, Россия, не дожидаясь готовности партнеров по ЕАЭС, запустила полномасштабную Национальную систему прослеживаемости товаров (установлен переходный период до 1 января 2023 г.)⁵⁴⁸, а годом ранее приняла Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁵⁴⁹.

Как известно, решение разработать концепцию применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках Цифровой повестки ЕАЭС было принято Евразийским межправительственным советом еще в 2018 году⁵⁵⁰. Технология «регулятивных песочниц»⁵⁵¹ стала довольно широко применяться для «введения в правовые рамки» и стимулирования развития новых явлений экономической жизни, число которых стало расти в условиях цифровой революции, и впервые была опробована на примере международной электронной торговли, а затем распространена на всю сферу цифровых инноваций⁵⁵².

Россия первой из государств-членов ЕАЭС запустила на практике гибкий механизм экспериментальных правовых режимов для разработки и внедрения новых технологий. Эта идея прозвучала в январе 2020 г. в Послании Президента Российской

⁵⁴⁸ Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров : Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 2021 г. № 1108 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107080023> (дата обращения 22.09.2021).

⁵⁴⁹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

⁵⁵⁰ О разработке концепции применения специальных режимов («регулятивных песочниц») в рамках реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза: Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 28 ноября 2018 г. № 17 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551782135> (дата обращения 22.10.2021).

⁵⁵¹ Allen H. Regulatory sandboxes // The George Washington Law Review. 2019. Vol. 87. No. 3. PP. 580-643.

⁵⁵² Демченко М. В., Шайдулина В. К. Правовое регулирование электронной торговли в условиях функционирования специальных правовых режимов // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 37-45; Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41-50; OECD Digital Economy Outlook 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 316 p.; Attrey A., Leshner M. and Lomax C. (2020) The role of sandboxes in promoting flexibility and innovation in the digital age. Going Digital Toolkit Policy Note, No. 2. Paris: OECD Publishing. 26 p.

Федерации В. В. Путина⁵⁵³, а в июле того же года был принят Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁵⁵⁴. Что касается других государств-членов ЕАЭС, то на настоящий момент только Казахстан и Кыргызстан решили использовать механизм «регулятивных песочниц» как элемент своей новой регуляторной политики в сфере поддержки предпринимательства⁵⁵⁵.

Однако импульсы, иницируемые Россией, сталкиваются с инерцией других государств-членов ЕАЭС, помноженной на юридическую необязательность решений органов ЕАЭС. В итоге замедление темпов цифрового перехода и нарастающее рассогласование политической и фактической реальностей в построении единого евразийского цифрового пространства ведут к росту политических и экономических издержек для России, как лидера и мотора перемен.

Последствия блокировки экономического взаимодействия в результате пандемии COVID-19, конфликты между государствами-членами на региональных рынках, а также политические кризисы 2020-2021 гг. в Беларуси, Кыргызстане и Республике Армения оказывают негативное влияние на перспективы ускоренного развития цифрового измерения евразийской интеграции. Судя по актуальным данным ЕЭК⁵⁵⁶ и Евразийского банка развития, а также статистике развития цифровой экономики в России⁵⁵⁷, темпы ежегодного прироста совокупного ВВП государств-членов ЕАЭС за счет цифрового перехода на текущий момент не превышают 0,1%, причем подавляющая часть этого прироста обеспечивается Российской Федерацией. Такое положение дел ставит под сомнение возможность довести к 2025 г. «вклад цифровизации» в общий ожидаемый рост ВВП государств-членов до 11%, как это предусмотрено Основными направлениями реализации цифровой повестки ЕАЭС.

На темпы цифрового перехода негативно влияют различный уровень экономического развития и цифровой зрелости государств-членов ЕАЭС, низкий уровень взаиморасчетов в национальных валютах (не более 2-3%), их высокая волатильность, неразвитость внутренних рынков цифровых технологий, малое число

⁵⁵³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 01.08.2021).

⁵⁵⁴ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

⁵⁵⁵ О проекте Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам внедрения новой регуляторной политики в сфере предпринимательской деятельности в Республике Казахстан» : Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 июня 2021 г. № 418 // Адилет : Информационно-правовая система. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2100000418> (дата обращения 22.09.2021); О защите собственности и поддержке предпринимателей и инвесторов : Указ Президента Кыргызской Республики от 29 января 2021 г. УП № 3 // Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/430338/10> (дата обращения 22.09.2021).

⁵⁵⁶ Годовой доклад за 2020 год. Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2021. 80 с.

⁵⁵⁷ Цифровая экономика : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьяненко [и др.]. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2018. 96 с.

цифровых стартапов и высокотехнологичных МСП, а также боязнь граждан потерять работу из-за возможной автоматизации рабочих мест. Проблемы, неизбежно возникающие в связи с глубоким изменением рынка труда в условиях цифровой революции, требуют быстрых и скоординированных действий государств по модернизации систем образования, организации доступа высвобождающейся рабочей силы к новым компетенциям, профилактике потенциальных всплесков безработицы. Однако возможности эффективного решения этих задач в рамках ЕАЭС на текущий момент ограничены, в том числе, из-за сохраняющегося символического объема ресурсов Евразийского фонда стабилизации и развития⁵⁵⁸. Кроме того, на сегодняшний момент страны-участницы ЕАЭС пока не готовы проводить единую монетарную и фискальную политику, а значит, создание полноценного цифрового союза откладывается на неопределенную перспективу.

Для успеха цифрового перехода ЕАЭС критически важным является укрепление и развитие «аналоговых» основ цифровой трансформации⁵⁵⁹. Под этим понимается достижение подлинного политического консенсуса, обеспечение вовлеченности лидеров государств в руководство преобразованиями, наличие эффективных механизмов управления проектом цифровой интеграции.

Не менее важным фактором является системная работа по укреплению доверия между государствами-членами ЕАЭС на прагматическом уровне, которое в последние годы постоянно проходит испытание на прочность. Устойчивость и стабильное развитие интеграционного проекта зависят не только от качества политико-правовой «внешней рамки» – в виде документов, мероприятий и отношений между главами государств, но, прежде всего, от многообразия и прочности внутренних, рутинных многоуровневых связей. Необходимы постоянные усилия по согласованию интересов на всех уровнях, по расширению числа стейкхолдеров евразийского проекта, по повышению доверия в контактах не только на высшем уровне, но и между рядовыми гражданами государств-членов ЕАЭС – непосредственными участниками и бенефициариями «цифрового измерения» евразийской интеграции.

---

⁵⁵⁸ Объем Евразийского фонда стабилизации и развития составляет чуть более 8,5 млрд. долларов США, что примерно в 70 раз меньше, чем Европейский стабилизационный механизм.

⁵⁵⁹ The EAEU 2025 digital agenda: prospects and recommendations : overview report / Navas-Sabater J., Petrov O. V. Washington, D.C.: World Bank Group, 2018 30 p.

4.3. РОССИЯ, ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Проблема региональных конфликтов

Случившийся 28 апреля - 1 мая 2021 г. вооруженный пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном стал поводом обратиться к изучению конфликтного потенциала в регионе, эффективности интеграционных евразийских инициатив и возможностей и интересов России в «южном подбрюшье». Ведь оба эти государства де-юре являются союзниками по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участниками Евразийского банка развития (ЕАБР). Киргизстан – член Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Таджикистан рассматривает возможность вступления в Союз и конфликт этих государств с применением военной силы вызвал разговоры о кризисе евразийской интеграции и всех этих объединений, в частности. Хотя новейшая история знает прецеденты военных столкновений между членами одного военно-политического союза (напр. вооруженный конфликт членов НАТО Греции и Турции на Кипре в 1974 г.), но это, тем не менее, не даёт индульгенции при возникшей напряженности между участниками ОДКБ.

Киргизско-таджикский конфликт породил политические спекуляции: каждая из сторон призывала к военной помощи сил ОДКБ и отсутствие таковой было использовано для дискредитации организации. Так, на заседании комитета по международным делам, обороне и безопасности Жогорку Кенеша – парламента Киргизской Республики, оппозиционными депутатами было предложено пересмотреть членство в ОДКБ и присоединиться к «другой организации» (имелось в виду НАТО). Данное предложение о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО получило широкое обсуждение среди киргизских пользователей социальных сетей⁵⁶⁰.

Тут можно согласиться с точкой зрения, что проблема региональных конфликтов представляет собой комплекс вопросов, имеющих жизненно важное значение для государств: увеличение общества потребителей непреклонно приводит к дилемме между «хлеба и зрелищ» и «деньги и власть». И таким современным экстремальным зрелищем становится политика создания региональных конфликтов, которые будоражат общественное мнение и позволяют его отвлечь от насущных проблем, перераспределять финансовые потоки под свои интересы, найти иностранных спонсоров и таким образом засветиться в большой политике, обеспечить себе карьерный рост, подавить оппозицию, изменить контент СМИ, изменить расстановку

---

⁵⁶⁰ В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО // News-Asia : [сайт]. 11 мая 2021. URL: <http://www.news-asia.ru/view/14766> (дата обращения 17.10.2021).

политических и экономических сил влияния в конфликтующих сторонах, обосновать милитаризацию экономики и миграционные процессы⁵⁶¹.

В свое время развернулась целая дискуссия по поводу более точного наименования данного региона: «Средняя» или «Центральная» Азия⁵⁶². В данной работе мы станем использовать термин «Центрально-Азиатский регион (ЦАР)», под которым будет пониматься политико-географическое пространство, ранее обозначавшееся термином «Советская Средняя Азия и Казахстан», включающее 5 постсоветских государств. После 1991 г. эти республики Союза ССР обрели независимость и получили возможность самим выбирать своё будущее и вектор развития. Россия как правопреемница СССР, перестав быть метрополией для новых независимых государств ЦАР, начала выстраивать с ними отношения как с суверенными акторами международных отношений. Но ЦАР являлся и остаётся для России на историческую перспективу зоной национальных интересов. И в имперский, и в советский период ЦАР был территорией, важной для российского государства в стратегическом, геополитическом, экономическом и социальном аспектах. И Россия сохраняет целый комплекс механизмов влияния в ЦАР⁵⁶³.

Интересы России в ЦАР определяются, в первую очередь, следующими причинами: присутствие там сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского и русскоязычного населения; наличие социально-политических факторов (как между, так и внутри новых независимых государств), грозящих дестабилизацией ситуации и возникновением «вакуума влияния», который чреват его заполнением криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России; значительный объем энергоносителей и других добываемых ресурсов в ЦАР, привлекающий внимание многих внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей в своих руках контроль над немалой частью системы экспортных газо- и нефтепроводов⁵⁶⁴.

Ну и, конечно же, Россия заинтересована в предупреждении и разрешении межгосударственных и межэтнических конфликтов в ЦАР, подобных столкновениям на киргизско-таджикской границе. Учитывая массовую трудовую миграцию из стран региона, такие конфликты чреватны распространением межэтнической розни между киргизами и таджиками, приехавшими на работу в Россию и такие инциденты уже были зафиксированы. Также, после конфликта на границе двух республик,

⁵⁶¹ Евсеев В. О. Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 67-68.

⁵⁶² Алексеева Н. Н., Иванова И. С. Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13-17.

⁵⁶³ Притчин С. А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6 (63). С. 76-92.

⁵⁶⁴ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 160-161.

обучающиеся в Киргизстане студенты из Таджикистана получали угрозы и подвергались преследованиям. Из-за этого большинство из них заявили о нежелании продолжать обучение в Киргизии⁵⁶⁵. (Аналогично, в 2020 г. российское общество и правоохранительные органы уже столкнулись с фактами межнациональной розни между представителями азербайджанской и армянской диаспор в связи с обострением событий в Нагорном Карабахе).

Соответственно, интересы России состоят в сохранении экономической и политической стабильности на пространстве ЦАР, развитии интеграционных процессов, укреплении межгосударственных экономических, культурных, образовательных связей; урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к границам РФ странах; использовании Россией объектов оборонной инфраструктуры, расположенных в государствах-партнерах по евразийской интеграции; недопущении расширения НАТО на территорию бывших республик СССР; противодействию распространению экстремизма и терроризма, наркотрафика и оргпреступности через соседние государства.

За четверть века евразийской интеграции на постсоветском пространстве возникли такие инициативы как ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, каждая из которых имеет свои функции и решает свои задачи. Евразийская интеграция может в долгосрочном плане помочь усилить экономическое сотрудничество на постсоветском пространстве и, соответственно, уменьшить негативный эффект глобальных кризисных явлений.

Россия рассматривает государства-участники евразийской интеграции в качестве близких экономических и стратегических союзников. Наличие совместных угроз объединяет партнеров, требует скоординированных усилий по выработке единой системы международного военного сотрудничества в соответствии с провозглашенными целями государств-членов ОДКБ и их союзников⁵⁶⁶. Тем не менее, руководители государств ЦАР периодически заявляют, что проводят «многовекторную» политику, направленную, в первую очередь, на укрепление их собственной независимости. В этом плане опасения (а для многих и надежды), что ЕАЭС и другие интеграционные инициативы приведут к возврату России к роли «старшего брата» напрасны. ЕАЭС в случае, если в его рамках удастся наладить стабильное взаимовыгодное экономическое сотрудничество, способен усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран. Но он не отменит при этом других векторов, только отчасти сбалансирует их.

⁵⁶⁵ Студенты из Таджикистана в Кыргызстане заявили об угрозах и преследованиях // Sputnik Таджикистан : [сайт]. 17 июля 2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210717/tajikistan-kyrgyzstan-studenty-konflikt-granica-1040955417.html> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁶⁶ Цыплин В. Г. Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения : Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Волгоград, 2020. С. 40-48.

Так, за счет экономических факторов российский вектор в ЦАР в последнее время сильно ослаб по сравнению с китайским. ЕАЭС может помочь в том, чтобы уравновесить этот тренд. Усиление экономического сотрудничества с Россией в этом плане может только помочь вовлеченным в ЕАЭС странам ЦАР укрепить свою независимость, в частности, по отношению к Китаю. Ведь, фактически, внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы (США и ЕС, Турции, либо от КНР), что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР⁵⁶⁷. Поэтому, нельзя не согласиться, что основным препятствием для нормативного и институционального развития евразийской интеграции является отсутствие политической воли, чётко обозначенной на высшем государственном уровне⁵⁶⁸.

Постепенно утверждается экспертная точка зрения, что участие России в ЕАЭС лишь отчасти поможет решить проблемы в экономике. Успешность евразийской интеграции во многом зависит от характера и состояния внутренних социально-политических взаимоотношений российского гражданского общества и государства. Без поддержки россиян, их высокого уровня доверия власти, положительных оценок деятельности первых лиц государства процесс евразийской интеграции со стороны России столкнется с рядом трудностей, препятствующих функционированию таких проектов, как валютный союз (введение единой валюты) ЕАЭС, создание общей телерадиовещательной компании, разрешение свободного передвижения граждан в регионе ЕАЭС и другие⁵⁶⁹.

Методология и методы исследования

Данное исследование проведено в рамках теории конфликта. В рамках исследования были использованы следующие методы: ситуационный анализ, инвент-анализ, анализ документов, вторичный анализ социологических данных. В методологическом отношении в работе использована следующая авторская типология издержек и рисков на пути межгосударственной интеграции:

1. **Риски роста** – все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся:
  - экономические риски – связанные с неравномерностью экономического развития государств ЕАЭС, разными скоростями роста благосостояния населения, цифровой экономикой, тарифными барьерами и т.п.;

⁵⁶⁷ Селезнев И. А. О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 173.

⁵⁶⁸ Журавлёв В. Е. О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 3(24). С. 9.

⁵⁶⁹ Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В. К. Левашов, И. С. Шушпанова, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3-4. С. 72.

- социальные риски – связанные с занятостью, безработицей; сюда же относятся миграционные риски и связанные с ними проблемы интеграции, социального обеспечения и социальной работы с мигрантами; неустойчивость поддержки интеграции среди населения принимающих миграцию государств-участников ЕАЭС; вопросы поддержания высокого уровня социальной сплоченности и солидарности; необходимость решения проблем, связанных с управлением многообразием; отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры; отсутствии общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки, психологические барьеры в принимающем обществе и т.п.;
- риски безопасности – рост преступности, распространение экстремизма, терроризма, наркотрафика и т.д.

2. **Имманентные риски** – порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограничений, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету⁵⁷⁰.

Также обозначим и некоторые характерные черты региональных конфликтов (РегК):

1. РегК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов;
2. в основе РегК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений;
3. РегК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы;
4. РегК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния;
5. РегК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций;
6. РегК связаны с формированием образа конфликтной ситуации у народа, этим занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ⁵⁷¹.

Итак, рассмотрим конфликтный потенциал в ЦАР.

Внутриполитические вызовы

1) Бедность, рост социальной дифференциации, высокий уровень безработицы, переизбыток трудоспособного населения, социально-экономическая нестабильность.

2) За годы суверенитета в государствах ЦАР развивались процессы архаизации общественной жизни, связанные с широким распространением клановости,

⁵⁷⁰ Селезнев И. А. О первых итогах евразийской интеграции. достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 167-173.

⁵⁷¹ Евсеев В. О., Селезнев И. А. Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3. С. 79-95.

землячества, коррупции, nepoтизма, низкой эффективностью государственных структур, пренебрежения правами человека, разделением властей и т.п. Это не может не порождать социальной напряженности. По мнению специалистов, клановая организация социума в странах ЦАР, распространяет консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Центральнoазиатские кланы, приспособиваясь к современности, обретая новые сущностные качества, остаются актуальным социально-политическим феноменом, формируют симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит через землячество, кумовство, родство и т.п. При этом, в такой неформальной системе ценностей, президенту республики отводится роль «отца нации», верховного арбитра для всех остальных кланов. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающей на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии⁵⁷².

3) В обществах стран ЦАР сохраняются и межэтнические противоречия. Достаточно вспомнить киргизско-узбекские столкновения в Киргизии, в Оше и Джалал-Абаде в июне 2010 г. Стоит обратить внимание, что политические противники лидера Кыргызстана С. Жапарова обвиняют его в приверженности к киргизскому национализму. По этим причинам рейтинг популярности президента крайне низок у многочисленной узбекской общины на юге страны, где его считают сторонником антиузбекских настроений и действий, в частности, в период ошско-джалалабадских событий 2010 г.⁵⁷³

4) Джихадисты, исламские фундаменталисты ждут своего часа, чтобы в случае возникновения политической нестабильности общества прийти к власти. Эти круги используют для вовлечения в ряды своих сторонников идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией. Для дискредитации правящих светских режимов фундаменталистами широко используются спекуляции на существующих социальных проблемах и противоречиях стран ЦАР. Часто представители религиозно-экстремистских организаций связаны с криминальными группами, используя их для

---

⁵⁷² Рекк Д. А., Егоров В. Г. Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 3(23). С. 250-259.

⁵⁷³ Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих // Клоор.Кг: Новости Кыргызстана. 07 октября 2020. URL: <https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvygayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih/> (дата обращения 17.10.2021).

маскировки своей деятельности, а также получения доходов, материальных и людских ресурсов⁵⁷⁴.

5) Распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ. Практически во всех государствах ЦАР за последние годы наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается в том числе и с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана⁵⁷⁵. Существуют связи наркомафии с исламистскими радикалами и есть угроза сращивания занятых наркотрафиком организованных преступных групп (ОПГ) с экстремистским и террористическим подпольем. Активизация экстремистских и террористических организаций в ЦАР крайне выгодна для наркомафии по двум причинам:

(а) отвлекает внимание силовых структур региона;

(б) дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе.

Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах ЦАР, что может привести к появлению представителей наркомафии в высших структурах государственной власти. Отдельная проблема – в появлении идеологического обоснования наркоторговли, которая стала рассматриваться экстремистами как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками⁵⁷⁶.

б) Потенциальным вызовом остаётся угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. В Таджикистане, по ряду экспертных оценок, на среднесрочной повестке дня стоит передача власти от президента Эмомали Рахмона к его сыну Рустаму Эмомали. И Таджикистан может стать следующим объектом для попытки «цветной революции», тем более что в стране для этого существуют все социальные условия. Учитывая события гражданской войны 1990-х гг. в республике, последствия дестабилизации могут быть непредсказуемыми. Даже в относительно благополучных государствах региона могли быть проблемы с передачей верховной власти, но тем не менее, за прошедшие годы можно было наблюдать в целом удачные примеры транзита власти в Туркменистане (избрание вице-президента Г. Бердымухамедова президентом после смерти президента С. Ниязова), в Узбекистане (избрание премьера Ш. Мирзиёева президентом после смерти президента И. Каримова) и в Казахстане (по сценарию «рокировки в китайском стиле», с избранием председателя Сената К.-Ж. Токаева на должность президента и сохранением за «национальным лидером»

⁵⁷⁴ Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / Под общ. ред. А. П. Новикова; АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М.: Изд-во «Русь», 2018. С. 24.

⁵⁷⁵ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. С. 152.

⁵⁷⁶ Селезнев И. А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 146.

Н. Назарбаевым постов главы Совбеза Казахстана, члена Конституционного совета и председателя правящей партии «Нур-Отан»).

Особняком в этой группе стран стоит Киргизстан. Если Западом не были признаны в качестве «свободных и справедливых» никакие выборы, проводимые в Казахстане. Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с момента обретения независимости, и политические режимы в этих государствах воспринимались в качестве авторитарных, то в Киргизии сложилась специфическая политическая культура смены власти, которую можно было бы назвать «охлократической» (свержение власти через массовые выступления недовольного населения). Подобная особенность политической жизни Киргизстана ослабляет государственные структуры и ставит процесс смены власти в зависимость как от регионально-субэтнических и властно-корпоративных кланов, так и от организованных преступных группировок (ОПГ). Периодичность подобных решений внутриполитических социальных кризисов в стране лишь подтверждает нашу гипотезу. (См. «тюльпановая революция» в марте 2005 г., приведшая к отстранению от власти президента А. Акаева; свержение президента К. Бакиева в апреле 2010 г.; «третья киргизская революция» октября 2020 г., результатом которой стала отставка с президентского поста С. Жээнбекова и, в конечном счете, приход к власти С. Жапарова). Тем не менее, следует обратить внимание на усиление президентской вертикали власти в стране: большинство граждан Киргизии на референдуме 10 января 2021 г. проголосовало за президентскую республику, а в апреле 2021 г. была принята новая Конституция, закрепившая данную форму правления. Характерно, что это уже 3-й раунд изменений в основном законе Киргизской Республики относительно формы правления, каждый раз осуществляемый по итогам «революций». Так, спустя два года после «тюльпановой революции» в период президентства К. Бакиева были проведены изменения в основном законе в пользу усиления полномочий президента, но по итогам «второй киргизской революции» 27 июня 2010 г. прошел референдум по новой конституции, которую приняли 90,57% голосами «за»: тогда государство после нараставших в период правления президента К. Бакиева авторитарных тенденций стало **парламентско-президентской республикой**. Теперь снова усилены президентские полномочия.

Если США и страны Запада демонстрируют неприятие возможного усиления власти президента в политической системе Кыргызстана, то Россия, КНР и Казахстан заняли другую позицию, поддерживая в первую очередь стабилизацию ситуации, под чем понимается отсутствие межэтнических конфликтов в стране и соблюдение руководством Киргизии ранее достигнутых договоренностей. Поэтому показательно, что лишь в середине ноября 2020 г. правительство России возобновило финансовую помощь Киргизии, приостановленную в период нестабильности внутриполитической обстановки в Бишкеке. Поэтому неудивительны заявления С. Жапарова и в качестве кандидата в президенты КР и избранного президента о России как главном стратегическом партнере Киргизии. Тем не менее, стоит учитывать, что изменение

формы правления не застрахует Киргизстан от повторения привычного сценария с силовым захватом власти в результате массовых выступлений, поскольку сохраняются застарелые конфликты, а инициатива с реформой конституции — не новация, а возвращение устоявшейся практики, когда с приходом нового лидера и сплоченной и организованной группы его сторонников менялось и зачищалось политическое поле. Но тогда и следует ожидать, что через какое-то время весь цикл смены власти повторится⁵⁷⁷.

Итак, очевидной является значимость внутренних причин в системе вызовов безопасности ЦАР. Каждый из вышеописанных факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития.

Внешние вызовы

Существенное число проблем в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из республик ЦАР связана с судьбой соседей.

1. Угроза распространения возникшей нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов. В первую очередь здесь нужно рассматривать соседство с хронически нестабильным Афганистаном. Все последние десятилетия ситуация в этой стране остается одной из основных угроз региональной безопасности в ЦАР. И в ближайшей перспективе уровень угроз не уменьшится, учитывая падение правящего режима в Афганистане, стремительную эвакуацию американских войск из страны и возвращение к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*), появление немалого числа афганских политических беженцев в странах ЦАР и превращение Афганистана в теократическое государство, центр радикального исламизма. Прошедший в сентябре 2021 г. в Душанбе саммит ОДКБ выразил обеспокоенность ситуацией гуманитарной катастрофы в Афганистане, высоким уровнем наркопроизводства, служащим одним из основных источников дохода террористических группировок и принял меры по обеспечению безопасности южных рубежей стран ЦАР. При этом в принятых документах от лица всех стран-членов ОДКБ говорится о неприемлемости размещения на своей территории находившихся в Афганистане объектов военной инфраструктуры США и других стран НАТО, а также афганских граждан, сотрудничавших с иностранными военными — «за исключением случаев, требующих безотлагательного решения в гуманитарных целях»⁵⁷⁸.

2. Деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах

⁵⁷⁷ Лисицын А. «Нами правили водители и телохранители». В Киргизии меняют конституцию // РИА Новости. 22 ноября 2020. URL: <https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html> (дата обращения 17.10. 2021).

⁵⁷⁸ Совет коллективной безопасности 16 сентября в Душанбе обсудил проблемы международной и региональной безопасности и их влияние на безопасность государств – членов ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. 16 сентября 2021. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/soobshchenie-dlya-smi-sovet-kollektivnoy-bezopasnosti-16-sentyabrya-v-dushanbe-obsudil-problemy-mezh/ (дата обращения 17.10.2021).

вблизи границ стран ЦАР. Наиболее серьезным внешним вызовом для ЦАР на ближайшую перспективу остается всё тот же афганский фактор. Согласно данным Глобального индекса терроризма, Афганистан за последние годы, начиная с 2018 г., сохраняет за собой лидирующие позиции в мире по уровню террористической активности⁵⁷⁹. В сегодняшней ситуации возрастает угроза проникновения на территории стран ЦАР под видом беженцев из Афганистана террористов и других деструктивных элементов.

3. Важным фактором становится усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР. Возросшую значимость КНР можно наблюдать на примере практически любой из этих стран. Объективные причины для этого процесса состоят в экономической слабости стран ЦАР, росте экономики КНР, сокращении в рамках ЕАЭС инвестиционной активности России (находящейся под экономическими санкциями Запада), наряду с сокращением инвестиционной активности Запада в эти страны, и, наконец, в стремлении самих стран ЦАР диверсифицировать свои экономические интересы. КНР заинтересована в стабильности в ЦАР и с экономической точки зрения (экспорт сырья и энергоресурсов, выход в Восточную Европу и на Ближний Восток) и исходя из вопросов безопасности. По некоторым оценкам, ЦАР уже попал в сферу технологической и экономической зависимости от КНР; военно-политическое влияние России еще сохраняется, но и эта часть постепенно будет делегироваться Китаю. Однако, в каждой республике своей баланс влияния двух стран, который на настоящем этапе поддерживается совместно РФ и КНР⁵⁸⁰. Хотя, по некоторым прогнозам, из-за обострения ситуации в Афганистане власти КНР для защиты своих экономических проектов могут направить китайских военных советников и инструкторов в страны ЦАР⁵⁸¹.

Растущая зависимость от КНР будет и дальше сокращать пространство для маневра в отношениях стран ЦАР с Китаем. В каждой из этих стран Пекин отработывает разные инструменты влияния: кредиты, связи с элитами, «мягкую силу». Так, из-за долгов перед китайскими кредиторами правительство Таджикистана было вынуждено передать им права на разработку некоторых месторождений, но в Таджикистане создается прецедент и для включения Китая в сферу безопасности в ЦАР. Геополитика Китая на Памире способствует наращиванию не только экономического, инфраструктурного, но и военного влияния, укрепляя перспективы конечного доминирования Китая в регионе, включая Афганистан, Пакистан и постсоветские страны ЦАР. Происходящее в Таджикистане может стать моделью для

⁵⁷⁹ Рейтинг стран мира по уровню терроризма [Global Terrorism Index 2020 : Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute for Economics & Peace, November 2020. 109 p.].

⁵⁸⁰ Ботьбот И. Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? // Ритм Евразии. 18 мая 2021. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-05-18--rastuschee-vlijanie-kitaja-v-ca-neizbezhnost-ili-strategija-razvitija-regiona-54672> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁸¹ Кондратьева В. Эксперт предсказал приток китайских инструкторов в страны Центральной Азии // Lenta.Ru. 30 июля 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/07/30/pritekut/> (дата обращения 17.10.2021).

реализации новой стратегии Китая во всем ЦАР, которая еще меньше будет опираться на «мягкую силу». По некоторым оценкам, именно здесь, может быть положено начало конкуренции Китая и России, которая способна привести к непредсказуемым результатам⁵⁸². При этом стоит отметить, что экономическое и политическое проникновение КНР стало вызывать политические спекуляции различных политических сил, как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности КНР. Но периодически возникающие массовые антикитайские настроения в странах ЦАР используются там во внутривнутриполитической борьбе⁵⁸³.

4. Включение в процесс внерегиональных, неевразийских акторов. Потенциально влияют на обстановку в ЦАР противоречия между крупными мировыми державами, вовлеченными в центральноазиатские дела (США и их союзники, КНР, Россия): американо-российские противоречия и американо-китайские. А это ведет к разнонаправленному давлению на страны ЦАР, к тому, что внерегиональные игроки могут воспользоваться какими-то негативными с точки зрения обеспечения безопасности государств региона тенденциями в своих интересах. Учитывая вывод военного контингента США из Афганистана и падение там правящего режима, не станет ли возможным размещение баз НАТО в постсоветских государствах ЦАР? В связи с этим директор СВР России С. Нарышкин призвал страны региона не допустить такого поворота событий⁵⁸⁴.

5. Серьезной проблемой в ЦАР являются конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориальные претензии. Споры эти особенно затрагивают Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. Можно обозначить здесь следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:

а) Ограниченные ресурсы в густонаселенном регионе с засушливым климатом создают почву для возникновения напряженности и обострения межэтнических противоречий, как внутри государств, так и между ними. Дефицит водных и энергетических ресурсов, а также проблема ограниченности доступа к пастбищам и дорогам в ЦАР порождает соперничество как жителей приграничных сёл, так и государств, в частности, споры между странами по поводу раздела вод трансграничных рек⁵⁸⁵. В случае возникновения инцидентов между гражданами разных государств по

⁵⁸² Плотников Д. Пекинская удавка. Китай вкладывает в Таджикистан большие деньги. Чем республика будет отдавать долги? // Lenta.ru. 01 июня 2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/06/01/zhyzn_vzaimy/ (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁸³ 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnyh-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁸⁴ Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны // РИА Новости. 19 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁸⁵ Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан // RuNews24. 04 05.2021. URL: <https://runews24-ru.turbopages.org/runews24.ru/s/politics/04/05/2021/b99d2bs024c3f45c7ce5eb15283e6e81> (дата обращения 17.10.2021).

поводу дефицита ограниченных ресурсов это сразу придает конфликту социально-экономическую и межэтническую окраску⁵⁸⁶. Далее срабатывают закономерности: политико-экономические конфликты провоцируют возникновение вооружённых конфликтов и войн, коэффициент корреляции довольно значительный и равняется 0,64⁵⁸⁷.

б) Провоцируют региональные конфликты сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, незавершенные в государствах ЦАР, компонентом которых часто становятся территориально-пограничные споры с соседями, а также, притязания некоторых государств на региональное лидерство⁵⁸⁸.

в) Неурегулированные территориальные претензии между государствами ЦАР, накопившиеся территориальные споры при недостаточной обоснованности границ, зачастую произвольно проведенных между союзными республиками в советский период. На сегодняшний день лишь только Казахстан (кстати, первым из республик бывшего СССР) полностью завершил делимитацию и демаркацию своей государственной границы⁵⁸⁹. При отсутствии общепризнанной делимитации и демаркации границ, каждая из стран способна интерпретировать в свою пользу разночтения в их положении. В первую очередь, это актуально для ситуации в Ферганской долине, которую между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Особенностью государственных границ в ЦАР стало и наличие множества анклавов/эксклавов. Внутри Киргизстана находятся принадлежащие Узбекистану территории Джангайл, Сох, Чон-Гара, Шахимардан и принадлежащие Таджикистану Ворух и Западная Калача; а в Узбекистане – эксclave Киргизии (Барак) и Таджикистана (Сарвак). И эти анклавы служат яблоками раздора между граничащими республиками. Так, конфликты вокруг Воруха происходили еще в советское время (1974, 1989 гг.), но даже тогда союзный центр не смог политически решить эту проблему, хотя сумел погасить столкновения. А после распада СССР и обретения республиками независимости конфликты стали более ожесточенными. Участниками «ворухской заварухи» были уже не только жители приграничных сёл, но и воинские подразделения. Соответственно, интенсивность варьировалась от кидания камней друг

⁵⁸⁶ Малышева Д. Б. Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 77.

⁵⁸⁷ Евсеев В. О. Методология применения экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 67-68.

⁵⁸⁸ Малышева Д. Б. Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 77.

⁵⁸⁹ Белоконь А. Почему решение вопроса госграниц Казахстана называют большой дипломатической победой // Nur.kz. 24.05.2021 URL: <https://www.nur.kz/nezavisimost/1914072-pochemu-reshenie-voprosa-gosgranits-kazahstana-nazyvayut-bolshoy-diplomaticheskoy-pobedoy/> (дата обращения 17.10.2021).

в друга до использования пулемётов и миномётов. За период 2018-2021 гг. на таджикско-киргизской границе было зафиксировано только крупных 9 инцидентов⁵⁹⁰.

Ситуацию на киргизско-таджикской границе на протяжении лет подогревают и западные НКО, которые в условиях политической «многовекторности» Киргизии и Таджикистана безнаказанно расшатывают систему безопасности в ЦАР. Показательна деятельность финансируемого правительством Норвегии «Центра поддержки джамоата Ворух», способствующая формированию «благоприятных условий для приобретения новых возможностей самовыражения в процессах принятия решений», а фактически провоцирующая конфликты между жителями приграничных районов двух стран ОДКБ. Или конкурс для журналистов Киргизии и Таджикистана на лучшее освещение приграничных вопросов, организованный в 2019 г. академией Deutsche Welle⁵⁹¹.

В те самые дни, когда в конце апреля 2021 г. в Душанбе проходило заседание Комитета Совбезов стран ОДКБ на спорных приграничных территориях Баткенской (Киргизстан) и Согдийской (Таджикистан) областей случился конфликт, суммарно унесший более 50 жизней с обеих сторон. С началом весенних сельхозработ расход воды увеличивается, что и послужило причиной обострения конфликта между киргизами и таджиками. Поводом для начала столкновений стал спор из-за водораспределительного пункта «Головной» в верховьях реки Исфары. Власти обеих стран считают, что он находится на их территории и там на протяжении лет периодически возникали межэтнические осложнения между жителями приграничных сёл. Конфликт гражданских лиц перешел в боестолкновения с участием военнослужащих. Беспрецедентность конфликта состоит в накале и масштабах противостояния, киргизско-таджикский конфликт 2021 г. принципиально отличается от всех предыдущих тем, что стычки проходили сразу на нескольких участках границы.

Кроме того, можно вспомнить и произошедшие 31 мая 2020 г. столкновения между жителями сёл Чечме Кадамджайского района (Киргизия) и Чашма в анклавной Сох (Узбекистан). По официальным сообщениям, конфликт при имеющемся дефиците воды начался из-за споров о том, какой стране принадлежит родник Чашма, обеспечивающий питьевой и поливной водой жителей как узбекской, так и киргизской стороны⁵⁹².

Киргизско-таджикские отношения продолжают оставаться далёкими от нормализации, постоянно происходят пограничные инциденты. Так, 8 июня 2021 г.

⁵⁹⁰ Уваров А. Киргизия - Узбекистан – Таджикистан : что делать с этими границами? // Электронное издание «Фонд стратегической культуры». 18 апреля 2021. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/18/kyrgyzia-uzbekistan-tadjikistan-chto-delat-s-etimi-granicami-53396.html> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁹¹ Арешев А. Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? // Военно-политическая аналитика : [интернет-журнал]. 17 мая 2021. URL: <https://vpoanalytics.com/2021/05/17/kto-stoit-za-vooruzhennym-konfliktom-mezhdu-chlenami-odkb/> (дата обращения 17.10. 2021).

⁵⁹² Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая // Sputnik Кыргызстан. 2021. URL: <https://ru.sputnik.kg/trend/konflikt-na-kyrgyzsko-uzbekskoj-granice-31-maya/> (дата обращения 17.10.2021).

опять произошла интенсивная перестрелка между пограничниками Киргизии и Таджикистана⁵⁹³.

Важной проблемой остается водоразделение. Трансграничный характер бассейнов основных рек является одной из важнейших геоэкономических черт ЦАР. Сразу после распада Союза ССР и обретения независимости союзными республиками был создан механизм регулирования водных ресурсов в ЦАР. В феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), а также бассейновые водохозяйственные объединения на Амударье и Сырдарье. Очередное, 80-е заседание МКВК прошло в мае 2021 г. По мнению специалистов, этот механизм ещё остаётся жизнеспособным, хотя к его работе уже накопилось много нареканий⁵⁹⁴.

Общая проблема водопользования заключается в распределении энергетической и ирригационной специализации между государствами: Киргизстану и Таджикистану достались крупные каскады ГЭС и водохранилища, а Узбекистану, Казахстану и Туркменистану – разветвленная система мелиорации с искусственными регуляторами воды. Эти отраслевые сегменты национальных экономик в различной степени зависимы друг от друга. Страны, лежащие в зоне формирования водостока трансграничных рек, нуждаются в развитии гидроэнергетики, являющейся для них практически главным стратегическим ресурсом. В нижнем течении, где традиционно используется поливное земледелие, вода остается жизненной основой для сельскохозяйственной деятельности крупных оазисов. Но недостаток доверия в этом вопросе между государствами ЦАР затрудняет развитие этой сферы. Проблема не может быть принципиально решена в пользу эгоистической выгоды только одной из сторон.

Потребность стран ЦАР в большом водном проекте остается довольно острой, но она упирается в поиск взаимоприемлемого решения. Теоретически, существовало два различных подхода к решению проблемы дефицита воды в ЦАР:

а) Получение водных ресурсов из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и ввода в строй новых гидротехнических сооружений. Но тут следует вспомнить, как в 1980-е гг. при активном участии гражданского общества, АН СССР, экологов и гуманитарной интеллигенции был отвергнут грандиозный мега-план «поворота сибирских рек в республики Средней Азии», чреватый катастрофическими экологическими последствиями для многих регионов Российской Федерации. Неуспешная попытка реанимировать его уже в 2000-е гг., по предложению тогдашнего

⁵⁹³ На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка // РИА Новости. 24 июля 2021. URL: <https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html> (дата обращения 17.10.2021).

⁵⁹⁴ Каражанов З. Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии // Ритм Евразии : [сайт]. 30 мая 2021. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2021-05-30--voda-vsemu-golova.-tem-bolee-v-centralnoj-azii-54865> (дата обращения 17.10.2021).

мэра Москвы Ю. Лужкова, лишь подтверждает одиозность и неприемлемость для России этого варианта.

б) Повышение эффективности использования уже имеющихся водных ресурсов, кооперация возможностей и сил в рамках ЕАЭС. Ведь ЦАР лидирует в СНГ по потерям воды и уровню ее загрязнения. Достаточно показательна проблема пересыхания Аральского моря, обмеления Амударьи. Отдельной проблемой остаётся вопрос о достройке комплекса из нескольких ГЭС на территории Киргизии и Таджикистана. Структуры евразийской интеграции, как и российский бизнес способны и могли бы взять на себя роль лидера в реализации этого водно-энергетического проекта и не ждать, когда таким лидером рано или поздно станет какой-нибудь другой геополитический актор.

И стоит отметить первые шаги на этом пути. В июле 2021 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) представил аналитический доклад «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии». Отмечается, что в течение трёх десятилетий суверенитета государств ЦАР произошло ослабление регионального сотрудничества в водно-энергетическом комплексе (ВЭК), которое было сопряжено с курсом на самодостаточность энергосистем. При этом, основным источником финансирования государственных инициатив в ВЭК ЦАР являются международные финансовые институты. В водном сегменте развитие ЦАР происходит в условиях истощения водных ресурсов при ограниченном объеме инвестиций. Это свидетельствует о том, что ключевой принцип ВЭК ЦАР, подразумевающий, что вода важнее энергии, не соблюдается⁵⁹⁵.

По мнению авторов доклада, перед странами ЦАР стоят серьезные вызовы.

А. В энергетическом секторе:

- высокий уровень износа электросетевого комплекса и генерирующих мощностей (удельный вес мощностей возрастом свыше 30 лет составляет от 44 до 75%);
- высокий уровень потерь электроэнергии (7–20% производства в некоторых странах);
- разбалансированность производства и потребления электроэнергии (потеря 11 млрд кВт ч экспортного потенциала);
- снижение надежности энергоснабжения в Узбекистане и на юге Казахстана в результате нехватки маневренных мощностей и неиспользования ГЭС соседних стран;
- нерациональное использование гидроэлектроэнергии, проявляющееся через сезонный дефицит и холостые сбросы воды, как результат несовпадения пиков производства и потребления (согласно ПАО «Русгидро», ежегодный объем

⁵⁹⁵ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии : Доклады и рабочие документы 21/3 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. Алматы-Москва : Евразийский банк развития, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (дата обращения 17.10. 2021).

неудовлетворенного спроса в Кыргызстане и Таджикистане оценивается в 1,5–3 ТВт ч и 4–4,5 ТВт ч);

- страновые различия в правовых механизмах и инструментах регуляторной и тарифной политики.

Б. В водном комплексе:

- сокращение объемов водообеспечения для стран бассейна Аральского моря до 1,4 тыс. куб. м. на человека в год при критичном пороге в 1,7 тыс. куб. м. и усиление дефицита водных ресурсов в низовье водных бассейнов в результате сокращения ледников и запасов талой воды;
- высокий уровень засоленности и заболоченности орошаемых земель (около 50%) в результате износа водохозяйственной системы (насосных станций, магистральных каналов, оросительной и коллекторно-дренажной сети);
- нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС;
- потеря многолетней регулирующей способности водохранилищ и нарастание критического недостатка воды на ирригационные цели даже в многоводные годы;
- отсутствие эффективного межгосударственного регулирования водных ресурсов, необходимого для удовлетворения неравномерных в течение года потребностей в воде для ирригации;
- противоречие интересов стран верховья и низовья бассейна трансграничных рек относительно режима использования водных ресурсов и др.⁵⁹⁶

Таким образом, основные проблемы в ВЭК ЦАР остаются связанными с нарастающим дефицитом водных ресурсов. Проблемы устойчивости энергетического сегмента ВЭК ЦАР многочисленны, и для противодействия им каждая страна региона ищет свое решение.

Согласно докладу ЕАБР, ослабление сотрудничества в ВЭК ЦАР за 2000-е гг. совпало с увеличением нагрузки на энергетический сектор. Формирование энергосектора происходило в контексте реализации государственных программ в ЦАР. С учетом структуры собственности и специфики инвестиционных проектов в ВЭК ЦАР государство там играет ключевую роль в его развитии. Значение государства и государственных компаний проявляется на уровне разработки концепций развития комплекса, определения тарифной политики, поиска источников финансирования, реализации проектов и др. В 2020 г. лидерами по объемам инвестиций являлись Казахстан (2,783 млрд долл., или 1,6% ВВП) и Узбекистан (1,377 млрд долл., или 2,4% ВВП). В Таджикистане и Кыргызстане инвестиции в капитал ВЭК составили соответственно 507 млн долл. (6,3% ВВП) и 89 млн долл. (1,2% ВВП). В Таджикистане бюджетные ограничения не стали препятствием для проведения активной инвестиционной государственной политики за счет внешних заимствований. Что касается Киргизии, то слабые инвестиционные показатели в ВЭК страны обусловлены

⁵⁹⁶ Там же.

ограниченными государственными доходами, а также заниженными тарифами, которые не покрывают себестоимости производства электроэнергии⁵⁹⁷.

В условиях недостаточной инвестиционной привлекательности ВЭК большинства стран ЦАР для частного капитала и иностранных инвесторов важным источником финансовых ресурсов для государственных инициатив выступают многосторонние банки развития (МБР). (см. табл. 1).

Таблица 1

Участие МБР в финансировании инвестиционных проектов ВЭК ЦАР

Банки	Доля в общем объеме финансирования ЦАР, %	Сумма финансирования, млрд \$
ЕБРР	32,7	3,318
ВБ	29,6	3,0
АБР	26,2	2,6
ЕАБР, ЕФСР	6,7	0,677
ЕИБ	3,8	0,389
АБИИ	1,1	0,107
<i>Итого</i>	100	10,155

Источник: ЕАБР.

На данный момент в стадии реализации находится 104 проекта. Лидером по объему финансирования является Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с портфелем в 3,3 млрд долл., или 32,7% от общего объема финансирования МБР в ЦАР. Следом идут Всемирный банк (ВБ) – 3,0 млрд долл. (29,6%) и Азиатский банк развития (АБР) – 2,6 млрд долл. (26,2%). На долю Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР), Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) в совокупности приходится 1,2 млрд долл. (11,5%).

Несмотря на борьбу с последствиями пандемии COVID-19, МБР продолжил финансирование ВЭК ЦА. В 2020 г. МБР было одобрено финансирование по 24 проектам в ВЭК ЦАР на общую сумму 1,8 млрд долл. Оценки ежегодного ущерба и нереализованных экономических выгод неэффективного использования ресурсов ВЭК ЦАР находятся в диапазоне 1,3–4,5 млрд долл. Таким образом, ежегодная оценка потерь достигает 1,5% регионального ВВП. Около 40% приходится на водное хозяйство, 60% на электроэнергетику. Устранение потерь даст региону 22 млрд долл. к 2025 г.⁵⁹⁸

⁵⁹⁷ Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии : Доклады и рабочие документы 21/3 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, Н. Усманов, Т. Цукарев, Т. Сарсембеков. Алматы-Москва : Евразийский банк развития, 2021. URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (дата обращения 17.10. 2021).

⁵⁹⁸ Там же.

Можно согласиться с выводом аналитиков ЕАБР, что при планировании развития гидроэнергетики и ирригации необходимо учитывать особенности бассейна и формирования его водных ресурсов, трансграничный характер водопользования, рост населения и нарастающий дефицит воды, ухудшение экологической ситуации. Поставка электроэнергии за пределы региона должна быть синхронизирована с режимом межгосударственного водопользования. Без учета этого условия экспорт электроэнергии на внешние рынки, то есть за пределы замкнутого водного бассейна (региона) с ограниченными водными ресурсами, может стать фактором, негативно воздействующим на межгосударственные отношения, энергетическую и водную, продовольственную и экологическую безопасность стран ЦАР.

Хотя, как мы видим, доля ЕАБР и ЕФСР в инвестициях в ЦАР не слишком велика, это не значит, что интеграционные евразийские объединения обладают малым потенциалом воздействия на ситуацию в регионе. Вопреки возникшим злорадным мнениям о «неэффективности» механизма ЕАЭС и ОДКБ в предотвращении и преодолении возможных конфликтов существуют экономические механизмы разрешения противоречий. Возможно предложение со стороны евразийских объединений посреднических услуг конфликтующим сторонам (создание органов быстрого реагирования и разведения конфликтующих сторон, «дорожная карта» размежевания, арбитраж и т.п.). ОДКБ может оказывать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий и др. Кроме того, есть позитивный карабахский прецедент использования миротворческих сил. Если сами конфликтующие стороны в ЦАР неспособны прийти к компромиссному решению, то возможно было бы и введение коллективных миротворческих сил ОДКБ с созданием военной базы. Но рост нестабильности в странах ЦАР показал нехватку механизма урегулирования споров между странами-членами ОДКБ, в том числе договорно-правовой базы в сфере безопасности, недостаточность прав ОДКБ на введение наблюдателей и миротворческих сил в зоны конфликтов, отсутствие посреднических групп и недостаточность взаимно обязывающих процедур⁵⁹⁹. И эти вопросы требуют решения.

---

⁵⁹⁹ Попова В. ОДКБ: не спешите нас хоронить // Ритм Евразии. 09 июня 2021. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-09--odkb-ne-speshite-nas-horonit-55026> (дата обращения 17.10.2021).

Заключение. Сценарии развития

Анализ положения позволяет прийти к выводу, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Таким образом, эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, как, впрочем, и на всём постсоветском пространстве. На основании рассмотренного материала мы видим, что в основе источников нестабильности и конфликтного потенциала в странах ЦАР лежат как «риски роста», так и «имманентные риски». Исходя из этого, можно сформулировать ряд сценариев развития евразийской интеграции в ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу.

Сценарий № 1: «Евразийская интеграция». Углубленная интеграция ЦАР в общее евразийское пространство экономических и политических союзов вокруг России. Хотя данный проект частично уже осуществляется в формате ЕАЭС и др. интеграционных объединений, суть вопроса заключена в интенсивности процесса. Мы наблюдаем «имманентные» интеграционные риски и препятствия в силу приверженности элит новых независимых государств ЦАР принципу суверенитета, наличие внутренних ограничений в их интеграционной политике.

Сценарий № 2: «Инерционный статус-кво». Сохранение основных имеющихся тенденций развития во внутренней и внешней политике каждой из отдельно взятых стран и в ЦАР в целом. Сохранение политических режимов, преемственность элит, достаточно плавный транзит власти новым поколениям политического класса. Под лозунгом многовекторности внешней политики участие стран региона в евразийских интеграционных объединениях будет носить ситуационно-утилитарный или формально-декоративный характер. При этом государства ЦАР параллельно будут участвовать и в экономических, политических и военных союзах, не связанных с участием России. Сохраняются формально светские общества с внешними атрибутами демократических республик, но во внутренней политике в противовес возможной исламизации нарастает тенденция на этнократию.

Сценарий № 3: «Чужеродное поглощение». Выпадение ЦАР из орбиты России, падение правящих режимов, приход к власти контрэлит (исламистских или прозападных – этнократических, антирусских), вступление государств ЦАР в антироссийские (и антикитайские) военно-политические союзы. В связи с выводом войск США из Афганистана, падением там правящего режима, возвращением к власти «Талибана» (*запрещенная в России террористическая организация*) и становлением там теократического государства, центра радикального политического исламизма, возрастает угроза переноса военного конфликта слабой и средней интенсивности на территорию постсоветских стран ЦАР, риска крушения светских режимов и замены государственности на исламскую теократическую, с возможным распадом национальных государств и поглощением региона «исламским халифатом».

Сценарий № 4: «Переформатирование границ». Изменение границ в ЦАР, ряд из государств прекратит свое существование или изменит свою площадь, присоединившись целиком или частично-регионально к соседним странам.

Сценарий № 5: «Комбинированный». Параллельное развитие и сочетание сценариев №№ 1, 2, 3 4 для разных государств. Возможно более активное участие в евразийской интеграции одних из государств ЦАР и дистанцирование от нее, изоляционизм, распад или присоединение каким-либо иным союзам других стран.

4.4. СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ЗАДАЧИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Введение в проблему

Сегодня в экспертном и публичном дискурсе все чаще говорится о необходимости включения социогуманитарной идеи в понимание сущности и формирования модели интеграции ЕАЭС, а также подчеркивается необходимость адекватного учета соотношения политической, экономической и социогуманитарной интеграции, не ограничиваясь формальными институциональными аспектами. Эксперты, оценивающие интеграционную динамику ЕАЭС по всем государствам-членам, отмечают, что одним из основных рисков в развитии союза является слабая степень координации интеграционных процессов в таких аспектах: социогуманитарного сотрудничества стран – членов ЕАЭС; информационного освещения интеграционных процессов; экспертно-аналитической поддержки интеграции; развития общего образовательного пространства; сотрудничества в рамках общественного сектора.

По результатам экспертно-аналитического исследования динамики интеграционных процессов в ЕАЭС и на евразийском пространстве мы выделяем следующие перспективные направления, способствующие углублению и расширению интеграционных процессов: (1) работа по формированию единой информационной инфраструктуры и информационной политики ЕАЭС, основанной на единстве социогуманитарного поля; (2) работа по формированию экспертно-аналитической инфраструктуры ЕАЭС, с привлечением экспертов не только экономического, но и политического, демографического, социального, аксиологического профиля; (3) работа по координации и выработке общей политики государств – членов ЕАЭС в области развития интеллектуального капитала.

В области формирования информационной инфраструктуры и информационной политики ЕАЭС необходимы следующие мероприятия: проектирование информационного пространства ЕАЭС, евразийских средств коммуникации и культуры, повестки дня в информационном поле государств-членов ЕАЭС, пула профессиональных обозревателей, которые предметно занимались бы проблематикой евразийской интеграции, которые могли бы транслировать публичные ценности граждан и государств-членов ЕАЭС, освещать важные события, проходящие в государствах-членах ЕАЭС на уровне интеграционного объединения, транслировать информацию для внешней аудитории (партнёров ЕАЭС и др.), формируя таким образом внешний и внутренний имидж ЕАЭС.

В области координации и выработке общей политики государств – членов ЕАЭС в области развития интеллектуального человеческого капитала особый акцент делается на укреплении образовательного и научного сотрудничества, а также на развитии

связей между государствами в области демографии, в особенности молодёжной политики. Интеграционные процессы в молодежной среде эффективнее всего протекают посредством образовательной и трудовой миграции.

Сравнительный анализ ситуации

В настоящее время Российская Федерация является одной из стран – лидеров по абсолютной численности иммигрантов на своей территории. В 2015 г. Россия занимала третье место после США и Германии в рейтинге ООН по численности населения, родившегося за рубежом: в США – 46,6 млн человек; в Германии – 12 млн, а в России – 11,6 млн человек. По доле иммигрантов в населении Россия занимала только 102-е место в мире: 8,2% российских жителей были рождены за пределами России. Лидерами по этому показателю являются ОАЭ (88,4%), Катар (75,5%), Кувейт (73,6%), в которых трудовые иммигранты составляют основную часть трудовых ресурсов и занятого населения. Российский показатель также пока значительно меньше европейских стран: Швейцария – 29,6%, Австрия – 17,4%, Швеция – 16,9%, Ирландия – 15,8%, Германия – 14,5%. Однако темпы роста численности иммигрантов в России (+0,4%) в 2010-2015 годы уже сопоставимы с некоторыми европейскими странами: аналогично в Германии и Болгарии, во Франции (+0,5%), в Бельгии (+0,7%). Более значительными темпами росла численность иммигрантов в Норвегии (+3,6%), Швейцарии (+2,9%), Нидерландах (+2,7%), Австрии (+2,2%), Швеции (+2,1%)⁶⁰⁰. Что касается стран ЕАЭС, то здесь статистика следующая: Армения: 2,9 млн человек, Беларусь: 9,5 млн человек, Казахстан: 18,4 млн человек, Кыргызстан: 6,4 млн человек⁶⁰¹.

Важным аспектом, связанным с единым рынком труда ЕАЭС и свободным движением рабочей силы, стало бы формирование не только социального, но и согласованного образовательного, информационно-библиотечного и научно-технологического евразийских пространств.

Россия остаётся опорой процесса евразийской интеграции, и ключевая роль нашей страны в этом процессе определяется исторически и объективно социально-экономическим и политическим доминированием. На её долю приходится 87,6% экономического потенциала, 78,4% населения и 83,9% территории ЕАЭС⁶⁰².

⁶⁰⁰ International Migration Report 2015 : Highlights. United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2016. 250 p.

⁶⁰¹ Образование в цифрах : Статистика Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2020. С. 11 (данные за 2015 – 2019 гг., на начало года, млн человек).

⁶⁰² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527 (дата обращения 05.06.2021).

Статус русского языка

Обращаясь к вопросу о статусе русского языка, мы пришли к следующим выводам.

1. В Армении русский язык не имеет официального статуса, однако распространён, им владеет более половины населения (58,6%). Русский язык в Армении признаётся языком национального меньшинства.
2. В Беларуси в качестве этнических русских себя определяет только 15% населения. Однако более 80% граждан страны практически во всех сферах жизнедеятельности используют русский язык.
3. В Казахстане около 23% населения говорят по-русски как на родном языке. Здесь также хочу подчеркнуть то, что русский язык выступает как второй язык или же (в зависимости от уровня образования и места жительства) первый иностранный язык для всего нерусского населения республики, в первую очередь казахов. Несмотря на закрепление официального статуса русского языка в Конституции Казахстана, он нивелируется другими законодательными актами и реализуемыми государственными программами. В частности, такими мерами: положением о переводе к 2020 г. всего документооборота, содержание которого должно производиться на казахском языке, внедрением в образовательный процесс концепции трехязычия, предполагающей использование английского языка в качестве языка преподавания ряда серьезных дисциплин в старших классах; переводом казахского языка на латинскую графику. В результате введения таких нормативных актов русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической, хозяйственной жизни, системы образования, области культуры и СМИ⁶⁰³.
4. Для Кыргызстана русский язык выступает не как официальный, но, в отличие от соседей, как – язык межнационального общения. В стране все еще существует возможность получения образования на русском языке. Хотя с 2019 г. отмечается следующая тенденция: преимущественное право при поступлении в местные вузы дается тем абитуриентам, которые будут учиться на кыргызском языке. За последние несколько лет позиции русского языка в республике ослабли из-за того, что власти республики уделяют внимание более глубокому изучению кыргызского и английского языков. Так, делопроизводство в органах власти в ближайшие годы полностью переведут на киргизский язык, граждане без достаточного знания кыргызского языка уже не смогут претендовать на определенные должности в государственной службе. В настоящее время в государственных ведомствах вводится обязательное тестирование на знание киргизского языка. Однако, исходя из массового участия рабочей силы из Кыргызстана на территории России и Казахстана, востребованность изучения русского языка в республике представляется достаточно высокой.

---

⁶⁰³ 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году // ASIA-Plus. 28 февраля 2019. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnih-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu> (дата обращения 17.10.2021).

Сотрудничество в сфере образования

Одним из значимых драйверов развития интеграции стран Евразийского экономического союза является сфера образования и науки. В таблице 1 приводится статистика по численности обучающихся в школах, колледжах и университетах профессионального образования государственной и негосударственной форм собственности. В численность обучающихся включены граждане государств – членов ЕАЭС и иностранных государств, а также лица без гражданства, поступившие как на условиях общего приема, так и в соответствии установленными квотами.

Таблица 1

Количество обучающихся (на начало учебного года; человек)⁶⁰⁴

	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/2019	2019/2020
Начальное профессиональное образование						
Армения	7 295	6 874	6 251	6 500	6 723	6530
Беларусь	72 823	72 242	70 268	66 892	65 705	63 359
Казахстан ⁶⁰⁵	х	х	х	х	х	х
Кыргызстан	28 515	28 845	30 492	31 738	29 870	29 684
Россия	727 289	686 120	562 974	557 006	542 074	543 445
ЕАЭС	835 922	794 081	669 985	662 136	644 372	643 018
Среднее профессиональное образование						
Армения	28 911	24 734	23 584	23 444	23 660	25 413
Беларусь	128 975	121 314	117 818	114 051	113 297	112 467
Казахстан	532 910	498 965	488 926	489 337	489 818	475 443
Кыргызстан	92 550	89 605	90 585	91 877	91535	91 531
Россия	2 109 432	2 186 015	2 306 469	2 388 093	2 464 491	2 576 417
ЕАЭС	2 892 778	2 920 633	3 027 382	3 106 802	3 182 801	3 281 271
Высшее профессиональное образование						
Армения	100 614	96 634	94 709	94 709	85 080	80 117
Беларусь	346 600	325 022	299 295	299 295	282 807	272 817
Казахстан	489 251	509 967	530 818	530 818	585 429	645 157
Кыргызстан	199 505	175 430	162 165	162 165	164 585	183 778
Россия	4 798 822	4 431 653	4 277 034	4 277 034	4 191 957	4 099 245
ЕАЭС	5 934 792	5 538 706	5 364 021	5 364 021	5 309 858	5 281 114

Источник: Евразийский экономический союз в цифрах⁶⁰⁶

⁶⁰⁴ Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 213 с.

⁶⁰⁵ В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования.

⁶⁰⁶ Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2020. 213 с.

Для сопоставимости на уровне ЕАЭС представлены данные в сумме по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. В Армении, Беларуси, Кыргызстане и России эти программы относятся к программам высшего профессионального образования. В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования.

В Армении с 2014 по 2020 годы отмечается резкий спад по количеству обучающихся начального профессионального образования, хотя в 2018 году произошло увеличение на 223 студента с последующим снижением в каждом следующем учебном году. Схожая ситуация и с Кыргызстаном, где в 2017 году был небольшой скачок, затем такой же спад, как у соседей.

В Беларуси и России наблюдается стабильное сокращение обучающихся за весь анализируемый период. Хотя в России в 2019 году просматривается некоторое увеличение.

Что касается численности среднего профессионального образования, то наблюдается спад, за исключением Кыргызстана и России, где динамика плавающая. А по изменению численности студентов по программам высшего профессионального образования прослеживается стабильный спад у всех стран – участниц союза, опять же за исключением Кыргызстана и Казахстана, где наблюдается увеличение контингента.

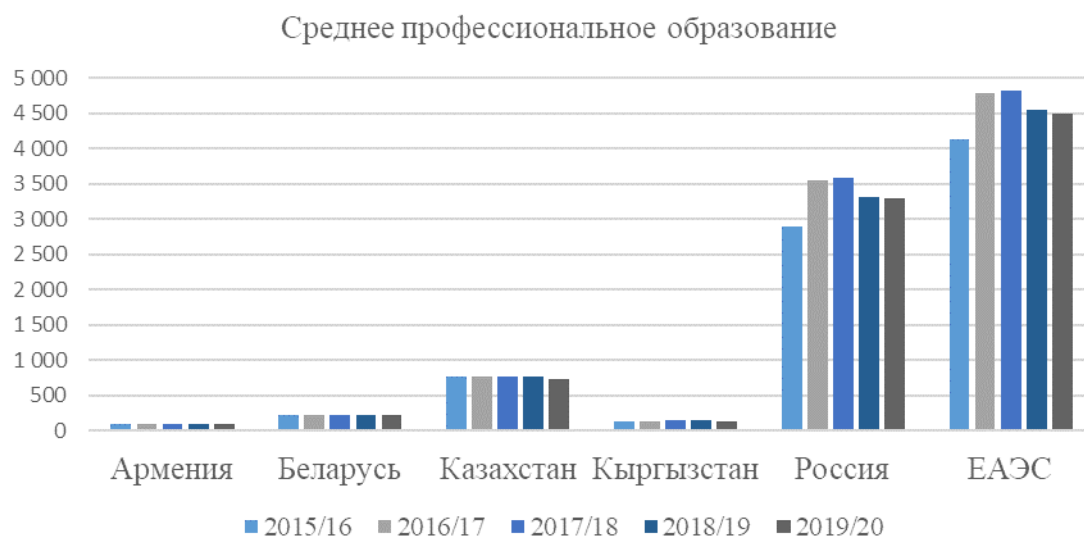
На рисунках 1 – 3 приведена статистика по числу образовательных организаций начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования, согласно которой динамика проявляется не в интенсивном росте, а стабильном умеренном развитии у всех стран – участниц ЕАЭС.

Начальное профессиональное образование

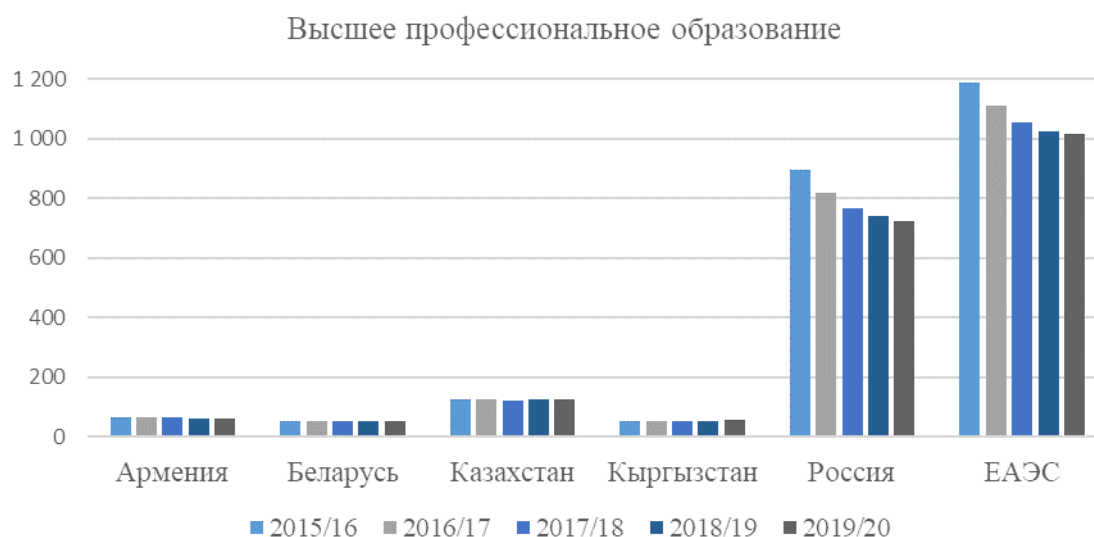

Рисунок 1. Число образовательных организаций НПО
(на начало учебного года; единиц)⁶⁰⁷

⁶⁰⁷ В Казахстане программы бакалавриата относятся к программам высшего профессионального образования, программы магистратуры – к программам послевузовского образования, а по России данные не представлены в исследовании.

Рисунок 2. Число образовательных организаций СПО
(на начало учебного года; единиц)

Рисунок 3. Число образовательных организаций ВПО
(на начало учебного года; единиц)

Развитие академической мобильности отражено в совместных соглашениях ЕАЭС и в нормативно-правовых базах самих стран. Например, в «Концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020 гг.» в число приоритетов попали «повышение конкурентоспособности российской системы образования в мировом пространстве», «повышение уровня дохода от экспорта образовательных услуг», «привлечение в страну квалифицированных кадров» и т. д.⁶⁰⁸

⁶⁰⁸ Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2019. 199 с.

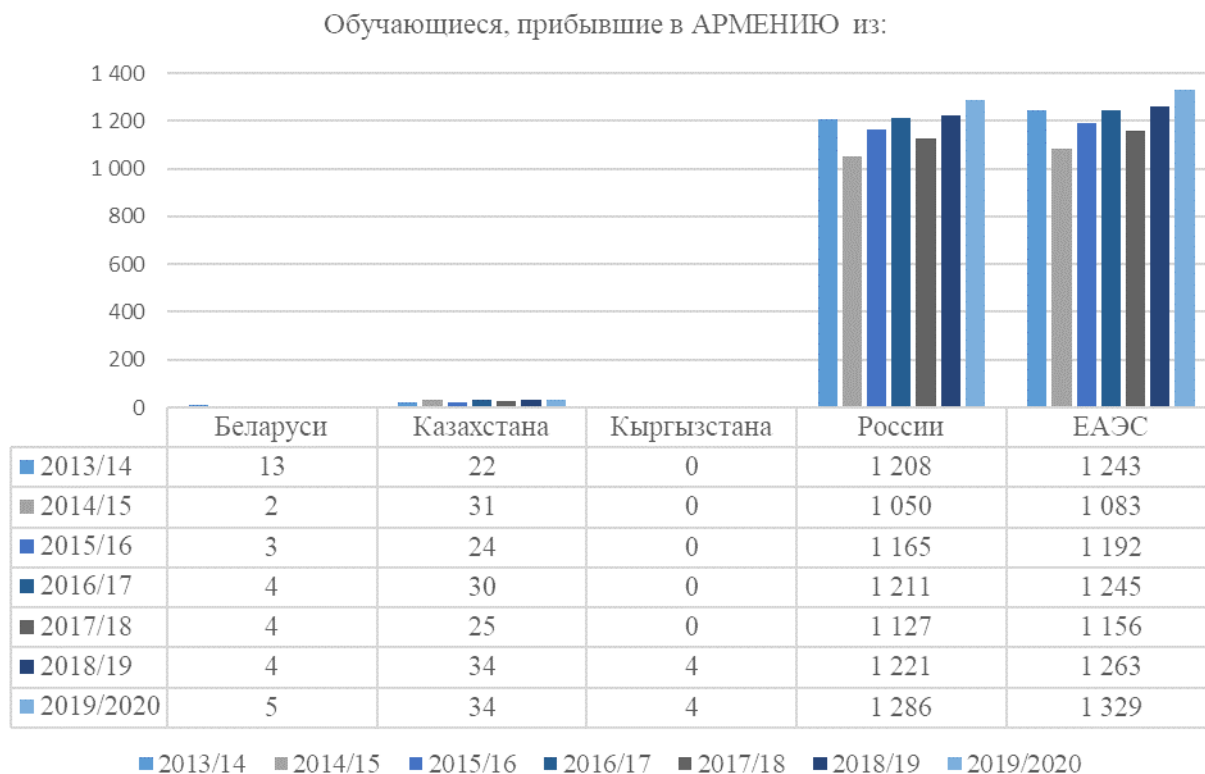
Численность студентов образовательных организаций высшего профессионального образования, прибывших из стран – членов ЕАЭС с 2015/16 по 2018/19 учебные годы растет в постоянной прогрессии. Причем динамика по странам разная; в Казахстане данный показатель увеличился в 2,4 раза, а в Белоруссии сократился в 2,1 раза. По Армении и России динамика непостоянная. Высокий уровень академической миграции студентов между странами ЕАЭС обусловлен одинаковыми условиями поступления в вузы для собственных граждан и граждан стран – членов интеграционного объединения – конкурсный отбор.

В обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств – членов ЕАЭС от 18 января 2018 г. отмечается целесообразность сотрудничества в социогуманитарной сфере, в частности, важность оказания содействия высшим учебным заведениям стран ЕАЭС в налаживании межвузовских связей, реализации совместных проектов и программ, расширении студенческих обменов и повышении академической мобильности. Включение в орбиту евразийской интеграции новых направлений, в том числе в гуманитарной и социальной плоскостях, является одним из приоритетов деятельности Правительства Российской Федерации в сфере международной интеграции и экономического сотрудничества⁶⁰⁹.

Развитие образовательной интеграции на пространстве ЕАЭС призвано содействовать достижению ключевых целей Национального проекта «Образование», включая такие меры: повышение конкурентоспособности и развитие экспорта российского образования; внедрение новых практик и методов обучения; поддержку талантливой молодежи; развитие профессионального образования и непрерывного обучения.

---

⁶⁰⁹ Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза // Официальный сайт Президента России. 18 января 2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56663> (дата обращения 18.06.2021).

Рисунок 4. Численность обучающихся, прибывших в Армению
(на начало учебного года; человек)

На рисунке 4 прослеживается динамика образовательной иммиграции в Армению, где лидером по количеству студентов является Россия, которая отправляет более тысячи студентов ежегодно. В 2015-2016 академическом году в Армении обучалось 1165 российских студента. В 2016/2017 учебном году зачислено 1211 студента. Можно проследить небольшой спад в 2017/2018 учебном году, когда приехали 1127 российских обучающихся, что на 0,5% меньше, чем по статистике прошлого года, хотя в 2018/19 и 2019/20 учебных годах наблюдалась тенденция увеличения российских студентов. А вот студентов из Кыргызстана до 2018 года не было зачислено в вузы Армении, а после 2018 года видим по 4 студента ежегодно.

Рисунок 5. Численность обучающихся, прибывших в Казахстан
(на начало учебного года; человек)

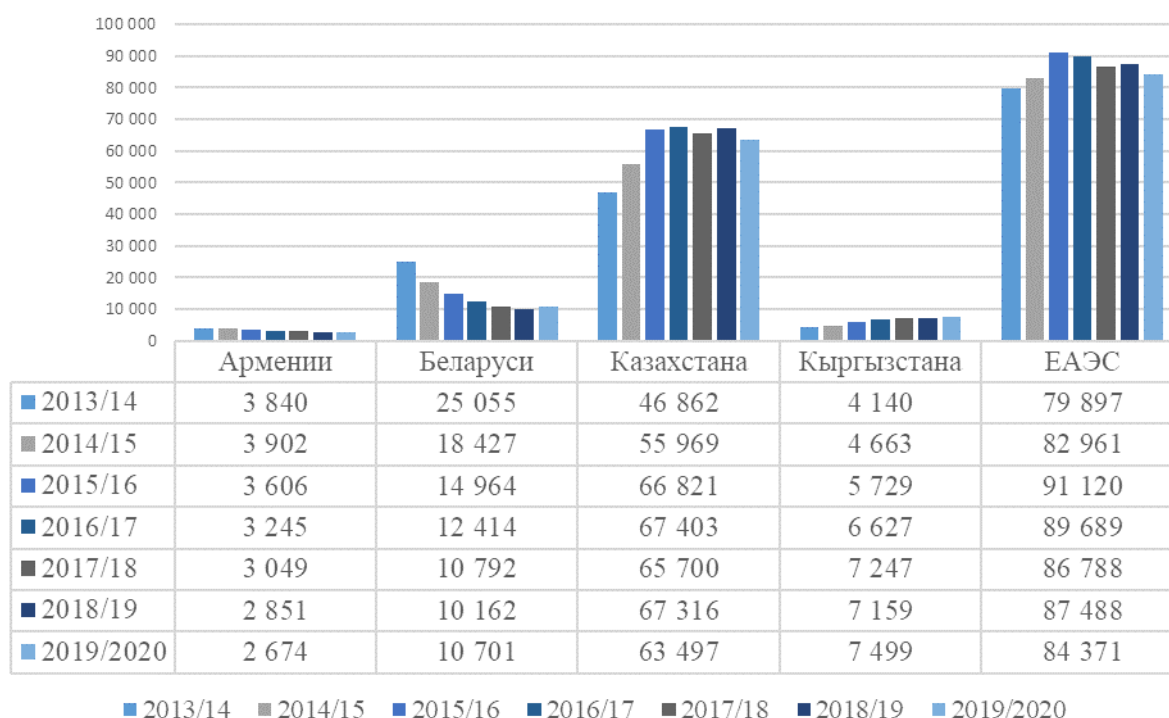
Количество иностранцев в казахских вузах активно увеличивалось в 2013-2019 гг., достигнув своего пика в 2019/2020 академическом году. Заметное влияние на социально-экономическое положение Казахстана оказала либерализация рынка труда в рамках ЕАЭС. В 2012-2019 гг. число граждан республики, трудоустроенных в других странах Евразийского экономического союза, выросло в 2,5 раза. Студентов из Кыргызстана и России в вузах Казахстана отмечается больше всего. Отметим, что в 2015 году произошел скачок по количеству обучающихся из Кыргызстана в стране, что связано с открытием таможенной границы.

Рисунок 6. Численность обучающихся, прибывших в Кыргызстан
(на начало учебного года; человек)

На рисунке 6 показана динамика движения иностранных студентов в Кыргызстан из стран – участниц ЕАЭС. Обучающихся из Армении и Беларуси не зафиксировано в стране, что говорит об отсутствии спроса на получения диплома данной страны у дружественных государств-партнеров. С 2015 года наблюдается падение численности контингента со стороны казахских граждан. А вот с российскими студентами, наоборот, с 2016 года отмечается увеличение числа студентов в вузах Кыргызстана, причем в кратном размере.

Обучающиеся, прибывшие в РОССИЮ из:

Рисунок 7. Численность обучающихся, прибывших в Россию
(на начало учебного года; человек)

Казахстан на протяжении многих годов является бесспорным лидером по числу студентов, обучающихся в российских вузах. В 2015-2016 академическом году в России было 66 821 студента из этой страны. В 2016/2017 учебном году зачислено 67 403 студента. Можно проследить тенденцию роста по количеству казахских студентов, но в 2017/2018 учебном году приехало 65 700 обучающихся, что на 2% меньше, чем по статистике прошлого года. В 2019/2020 академическом году прослеживаем спад, что, однозначно связано с ситуацией пандемии и невозможностью въезда в страну. На втором месте – Беларусь (где в 2019/220 учебном году прошел обучение 10 701 студент). Замыкают тройку лидеров студенты из Кыргызстана, который отправил 7 499 абитуриентов на обучение в российские вузы за прошедший год.

Но образовательное сотрудничество на пространстве ЕАЭС пока не является сферой наднационального регулирования и остается в сфере национальной компетенции стран-членов. Вместе с тем сотрудничество в образовательной сфере на пространстве ЕАЭС последовательно эволюционирует и становится все более разнообразным по форматам, включая следующие: формирование международных ассоциаций и консорциумов вузов; международное двустороннее образовательное сотрудничество; сетевые образовательные форматы; образовательные программы по евразийской интеграции и ее отдельным направлениям на уровне бакалавриата, магистратуры, дополнительного профессионального образования; разработку учебных и учебно-методических материалов; публикацию специализированных периодических изданий по евразийской тематике; краткосрочные научно-образовательные мероприятия, в том числе образовательные школы и модели ЕАЭС; совместную исследовательскую деятельность.

Сотрудничество в сфере образования на пространстве ЕАЭС выходит за рамки формальных политических рамок интеграции. Так, Евразийская ассоциация университетов, которая объединяет более 100 университетов стран СНГ, стремится сохранить единое образовательное пространство и обеспечить эквивалентность университетских степеней, развитие университетского сотрудничества. Возможность реализации образовательных программ в сетевой форме обладает рядом преимуществ – повышение качества образования, аккумуляция лучших практик международного опыта, актуализация образовательных программ, а также развитие личностных и профессиональных компетенций и мотивации студентов.

Наиболее активное образовательное сотрудничество на евразийском пространстве развивается в двустороннем варианте. Большинство российских университетов считают университеты из соседних стран, в том числе из стран ЕАЭС, приоритетными международными партнерами, и студенты из этих стран доминируют в составе иностранных студентов. Такое двустороннее сотрудничество включает совместные образовательные программы, программы двойных дипломов, организацию совместных центров на базе университетов. Удачным примером двустороннего сотрудничества, которое также «пересекает» через политические границы ЕАЭС, можно считать совместные (славянские) университеты, которые создаются на основе двусторонних соглашений в Армении, Беларуси, Кыргызстане и Таджикистане. Всего около 20 тысяч студентов обучаются по российским образовательным программам и на русском языке.

Сетевые формы образовательного сотрудничества являются наиболее оптимальным организационным способом реализации интеграции в образовательной сфере. ЕАЭС не является источником исключений: Евразийский сетевой университет – это объединение университетов государств-членов, возглавляемое Томским государственным университетом, Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургским государственным экономическим

университетом.

Евразийский сетевой финансовый институт – ассоциация, объединяющая шесть учебных заведений государств – членов Евразийского экономического союза, была создана для организации сотрудничества в области образования и науки в области финансов с целью обеспечения кадровой и научной поддержки для эффективного сопряжения национальных финансовых систем в ЕАЭС. Данный консорциум, несомненно, повышает конкурентоспособность стран Евразийского экономического союза, предоставляет возможность широкому кругу граждан использовать массовые открытые курсы, налаживать образовательный и культурный обмен не только между странами-участниками, но и с зарубежными странами, а также дает возможность приглашения высокомотивированных студентов и научно-педагогических кадров.

Включение «евразийского измерения» (по аналогии с «европейским измерением» в рамках Болонского процесса) в образовательные программы высшей школы также является ярким проявлением эволюции образовательного сотрудничества в ЕАЭС. Разработаны специализированные программы бакалавриата и магистратуры по тематике евразийской интеграции. В настоящее время формат дополнительного профессионального образования еще не приобрел достаточной популярности при прогнозируемом высоком спросе на такие программы, поскольку существует объективная необходимость в повышении осведомленности о евразийской интеграции среди чиновников и представителей бизнеса, академического сообщества и широкой общественности стран – членов Евразийского экономического союза.

Многие образовательные и научные организации проводят исследования социально-экономических процессов в ЕАЭС, тем самым формируя центры компетенции для евразийской интеграции, выполняя задачи по обучению и популяризации евразийских предметов, информируя профессиональные сообщества, органы власти и общественность об интеграционных процессах, происходящих в ЕАЭС⁶¹⁰.

Разнообразие форматов сотрудничества в сфере образования могло бы способствовать созданию единого евразийского образовательного пространства. Именно Россия неоднократно выдвигала эту идею и обосновывала целесообразность создания евразийского образовательного пространства, считая его одной из ключевых задач евразийской интеграции⁶¹¹.

Среди всех стран ЕАЭС Россия объективно остается наиболее привлекательной для получения образования гражданами соседних стран, что неизбежно определяет асимметрию интеграции в системе образования⁶¹². Отмечена недостаточная

⁶¹⁰ Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020 гг. // Вестник международных организаций. 2010. Т. 5, № 1(27). С. 96-106.

⁶¹¹ Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г. И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с.

⁶¹² Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12

гармонизация национального законодательства и практики регулирования в области образования, в том числе в областях: оценки качества и взаимного признания результатов обучения; требований к подготовке учителей; межстранового неравенства в финансировании образования; развития инфраструктуры образования; уровней образования. Оцифровка образования и языковые барьеры остаются для образовательной интеграции в строгом смысле этого слова. Кроме того, при обсуждении евразийского сотрудничества в сфере образования меньше внимания уделяется школьному образованию, а также последипломному образованию и образованию взрослых. В то же время именно на этих уровнях образования сотрудничество стран ЕАЭС может быть значительно усилено и могут быть достигнуты важные интеграционные эффекты, поскольку будущее интеграционной ассоциации напрямую зависит от ее людских ресурсов (граждан стран ЕАЭС), участия в развитии евразийской идеи, участия в разработке конкретных евразийских проектов⁶¹³.

В связи с вышесказанным, рекомендации по углублению и развитию сотрудничества в сфере образования ЕАЭС включают в себя:

- установление тесных контактов между учебными заведениями союзных стран, в том числе между педагогическими университетами, в том числе расширение обмена студентами и создание специализированных сетевых образовательных структур;
- формирование общих подходов к оценке качества, прежде всего, школьного образования и образования для взрослых, а также реализация совместных проектов и инициатив по обеспечению качества образования на основе использования лучшего опыта межстрановых сравнительных исследований результатов обучения;
- формирование единого пространства в области профессионального образования и обучения с целью обеспечения непрерывного образования;
- внедрение системы евразийских грантов для поддержки самых талантливых студентов и профессорско-преподавательского состава;
- расширение линейки программ дополнительного профессионального образования в сфере евразийских интеграционных процессов, ориентированных на представителей власти, бизнеса, научных кругов, широкой общественности;
- развитие исследовательской и информационной инфраструктуры и формирование комфортной виртуальной образовательной среды;
- содействие обеспечению научной, учебной, методической, справочной, духовно-нравственной и художественной литературой, в том числе аудио и видео материалами;

апреля 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневский, М. К. Глазатова [и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.

⁶¹³ Киреев Е. Ю. Мигранты из государств-членов Евразийского экономического союза в Москве: экономическое поведение и проблемы адаптации на рынке труда // Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы : Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы-2018». СПб, 2019. С. 241-251.

- формирование в органах власти союзных стран специализированных структур, отвечающих за гуманитарное и технологическое сотрудничество, научно-образовательную интеграцию, культурную и научно-техническую деятельность в рамках евразийского проекта.

При этом имеются внутренние ограничения и барьеры: невозможность вхождения в мировые рейтинги; отсутствие практики получения международных грантов и трудности с публикационной деятельностью (проблемы аффилиации); отсутствие базы данных выпускников вузов; малое количество контактов с работодателями; возможные проблемы с выбором языка-посредника; недостаточная лингвистическая грамотность студентов и сотрудников вузов. Необходима постепенная и последовательная гармонизация законодательства и практики регулирования в области образования, науки, инноваций, интеллектуальной собственности, образовательных и профессиональных стандартов у всех стран – партнеров Евразийского экономического союза.

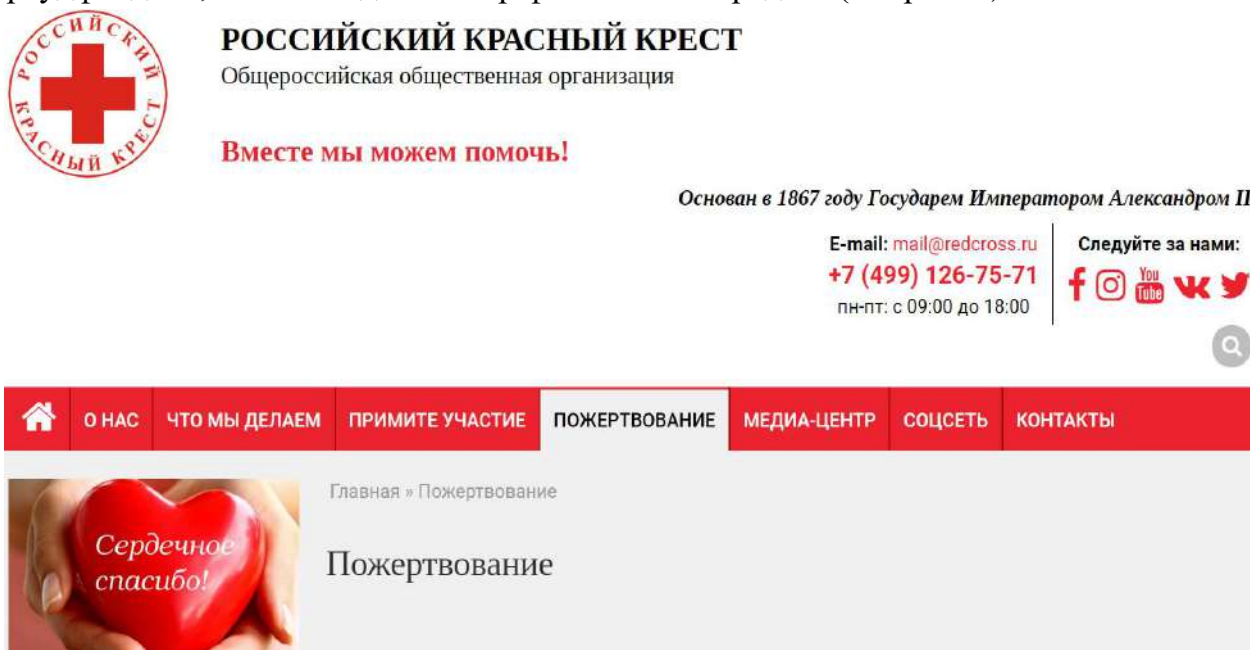
И в интеграционный процесс следует вовлекать не только государственные и коммерческие структуры, но и общественность. Сам Евразийский экономический союз был создан и в настоящее время имеет статус международной неправительственной организации. Анализ работ ученых и экспертов, а также мировых тенденций показывает, что интернациональные взаимодействия все в большей степени инициируются и реализуются при организационной и координирующей роли международных неправительственных структур. Интеграционная функция в сфере политики, экономики, культуры, социальной работы перемещается от государственных структур к общественным. И, судя по аналитическим данным, данная тенденция будет только усиливаться.

Сотрудничество некоммерческих организаций

Несмотря на всю пагубность новой коронавирусной болезни, она способствовала дальнейшему развитию структур гражданского общества. Как показывает анализ содержания официальных сайтов общественных структур, они, прежде всего, создают и поддерживают открытые связи со своими учредителями, членами советов директоров, сотрудниками, добровольцами, донорами, врачами, представителями органов власти и людьми, пострадавшими от пандемии. В рамках подобного взаимодействия неправительственные организации обмениваются информацией и ресурсами, а в некоторых случаях объединяются в своеобразные альянсы.

Российские некоммерческие организации также включены в деятельность по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. Одной из профильных структур, основной миссией которой провозглашено сбережение здоровья, является

«Российский красный крест»⁶¹⁴. На его официальном сайте активно осуществляется краудфандинг, то есть ведется сбор финансовых средств (см. рис. 8).

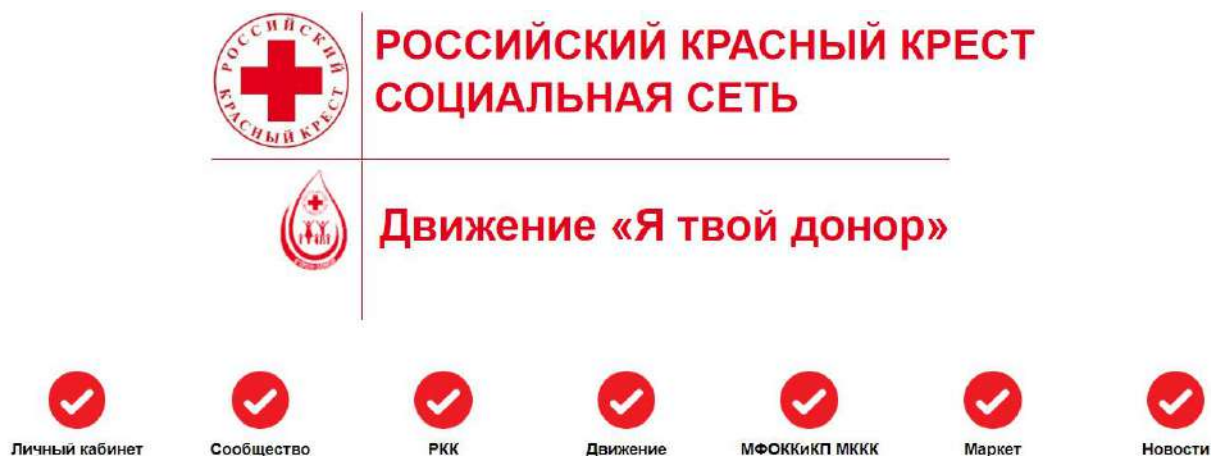
Рисунок 8. Краудфандинг на официальном сайте «Российского красного креста» во время пандемии⁶¹⁵

Данная некоммерческая организация реализует комплекс мероприятий, чтобы «поддержать тех, кто оказался на передовой борьбы с коронавирусом, внести свой вклад в эту общую битву». В сотрудничестве с сетевыми магазинами организация предлагает помощь медицинским работникам посредством предоставления скидок на продукты первой необходимости⁶¹⁶. «Российский красный крест» на своем официальном сайте размещает актуальную информацию по статистике, а также основные советы населению по соблюдению правил, которые могут снизить риск заражения болезнью. Помимо прочего, на официальном сайте некоммерческой организации можно зарегистрироваться в качестве донора крови (см. рис. 9).

⁶¹⁴ Общероссийская общественная организация «Российский красный крест»: официальный сайт. URL: <https://www.redcross.ru> (дата обращения 22.09.2021).

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Там же.

Рисунок 9. Одно из движений общероссийской общественной организации «Российский красный крест»⁶¹⁷

Некоммерческие организации объединяются. К примеру, четыре российских НКО («Не напрасно!», «Живой», «Правмир», «Лавка радостей») инициировали разработку и реализацию проекта «Что делать», направленного на помощь врачам⁶¹⁸. Таким образом, привлекаются средства для закупки медицинских материалов и продуктов для лечения и питания врачей в больницах.

Между тем «Общенациональный союз некоммерческих организаций» разработал антикризисный план. Он включает имущественную поддержку некоммерческих организаций (развитие форм государственно-частного партнерства в сфере имущественных отношений), целевые субсидии (компенсацию затрат тем, кто принимал активное участие в поддержке граждан в период пандемии), государственные и муниципальные закупки (преференции для всех некоммерческих организаций, являющихся участниками закупок для государственных и муниципальных нужд)⁶¹⁹. Такой опыт рекомендуется расширять на все пространство Евразийского экономического союза.

Выводы и рекомендации

Для минимизации социально-политических рисков, которые провоцируются этими тенденциями, предлагается по меньшей мере активизировать работу по линии научно-образовательного сотрудничества и создания координирующих структур ЕАЭС в области молодёжной политики, политики образования, политики в области социальной памяти. рекомендуется активное привлечение молодёжи в эти структуры

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ Пять российских НКО объединились в проект «что делать» для помощи больницам во время пандемии коронавируса // Такие дела. 24.04.2020. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/04/24/что-делат-covid> (дата обращения 21.09.2021).

⁶¹⁹ COVID-2019: Антикризисный план Общенационального союза некоммерческих организаций. URL: <https://antivirus.rosnko.ru> (дата обращения 21.09.2021).

и соответствующее информационно-коммуникационное сопровождение принимаемых мер.

В силу исторических, социокультурных и экономических факторов Россия пока остается привлекательной в миграционном отношении страной на Евразийском и постсоветском пространстве. Сейчас у России сохраняется возможность максимально использовать миграционный ресурс для пополнения населения страны за счет близкого в социокультурном, языковом и ментальном отношении населения. Однако за эмиграционные ресурсы стран бывшего СССР идет конкурентная борьба, а миграционные потоки из стран Центральной Азии, Украины, Молдовы переориентируются на новые направления.

В современный ковидный период для обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации (при предъявлении справки с места учебы) из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана полностью снят запрет на въезд в страну воздушным и сухопутным путем с условием представления отрицательного теста на COVID-19, проведенного не позднее 72 часов до въезда, и обосновывающих документов, и освобождается от самоизоляции⁶²⁰.

Следует обратить внимание на потенциал неправительственных некоммерческих организаций: они самоорганизуют собственную деятельность, ориентируясь на эпидемиологическую ситуацию сегодняшнего дня; укрепляется сотрудничество между профильными неправительственными организациями международного, государственного, регионального, местного уровней; налаживаются связи между общественными организациями и учреждениями здравоохранения различной ведомственной принадлежности и формы собственности (государственные, муниципальные, коммерческие, религиозные и проч.); расширяется взаимодействие между некоммерческими организациями и бизнес-компаниями в целях профилактики распространения коронавируса и лечения заболевших; в странах мира усиливается государственная поддержка в отношении некоммерческих организаций, включившихся в работу по преодолению ситуации с новой пандемией.

В связи с вышесказанным, Высшему Евразийскому экономическому совету и Евразийскому межправительственному совету рекомендуется:

- развивать социальную интеграцию, нацеленную на межгосударственное сотрудничество, постепенно трансформируя его в сторону объединения, основанного на принципах гражданского общества;
- содействовать взаимодействию не только неправительственных некоммерческих организаций, которые являются молодежными, но и тех, основными учредителями, руководителями, сотрудниками, участниками и добровольцами которых являются

⁶²⁰ Распоряжение Правительства Российской Федерации о временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан // Официальный сайт МИД РФ. 28 января 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/informacia-dla-rossijskih-i-inostrannyh-grazhdan-v-svazi-s-koronavirusnoj-infekciej/-/asset_publisher/UUDFpNltySPE/content/id/4543990 (дата обращения 05.08.2021).

преимущественно пожилые люди, так как население планеты постепенно «старее» и общественное мнение во многом будет формироваться именно представителями старших поколений;

- инициировать сотрудничество национальных неправительственных некоммерческих организаций, зарегистрированных и функционирующих в отдельных странах и определивших свою миссию как развитие науки, с целью проведения мониторинга общественных настроений и формулирования научно обоснованных выводов в рамках тематики социальной интеграции стран-членов ЕАЭС;
- оказывать организационную поддержку международным и национальным неправительственным некоммерческим организациям, в сферу деятельности которых входит осуществление совместных онлайн и офлайн мероприятий в областях истории, культуры, социальной работы, общественного здоровья, образования – в целях объединения усилий для осуществления социальной интеграции на основе исторической памяти.

Россотрудничеству в целях активизации интеграционных процессов и усиления в них социогуманитарной составляющей рекомендуется:

- инициировать создание сетевых образовательных программ направлений подготовки по журналистике в области проблематики евразийской интеграции, с привлечением информационных, материально-технических, интеллектуальных ресурсов образовательных учреждений, неправительственных некоммерческих организаций, научных центров, в том числе, Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН) и Института демографических исследований РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН);
- внести предложение Фонду Президентских грантов для НКО (Российская Федерация) совместно с грантодателями и благотворительными фондами, функционирующими в государствах-членах ЕАЭС, по организации единого международного целевого конкурса (в 2022 г.), направленного на разработку новых идей в области социальной интеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОССИЯ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

На пороге третьего тысячелетия Россия и промышленно развитые страны мира оказались в глубоком материальном и духовном кризисе, который открыл переход к качественно новой форме развития российской и глобальной цивилизации. В значительной степени такое положение было подготовлено и сложилось в эпоху индустриального развития. На последнем его этапе, в XX веке в развитых капиталистических и социалистических классовых обществах эксплуатация человека и природы со стороны государства и общества достигла критических пределов. Индустриальное производство на разных континентах нарастающими темпами в конкурентной борьбе за прибыли продолжает разрушать природную, социальную, духовную среду обитания человека. Современное буржуазное гражданское общество, суть которого проявилась в абсолютизации экономических и социально-властных интересов элитных групп населения над духовными, морально-нравственными устоями общества и ресурсами природы, не может предложить человечеству выход из тупика рыночно-потребительской цивилизации.

Положив в основу концепции модернизации ценности и механизмы уходящей эпохи, забуксовало на самом старте неолиберальных реформ российское общество. В стране возникло значимое отчуждение между властными органами и большинством населения почве на материальных и духовных диспаритетах между политической элитой и гражданским обществом. Концептуальный кризис развития и последовавший за ним коллапс, а затем стагнация реформ потребовали широкого и нелицеприятного общественного дискурса, научно-теоретического осмысления современного этапа жизни российского общества в контексте стремительно меняющегося глобального мира, актуальных вызовов и сохранившихся в стране материальных, духовных и социально-политических институциональных ресурсов.

В постсоветскую эпоху сформировалась ситуация объективной востребованности рождения нового интегрированного мира. Его социально-политические признаки начинают проявляться в ростках толерантности, многообразии культур, плюрализме идеологий, согласовании и конкуренции экономических интересов в условиях сужающихся репродуктивных возможностей планеты и в реалиях многополюсного ядерного конвенционального мира. В динамично изменяющемся мире меняется роль государства, его функций и институтов. Для России это вопрос особой значимости, так как именно государство на огромных территориях многонациональной страны всегда имманентно выполняло системообразующую социально-политическую функцию и играло главную роль в проведении реформ в обществе и государстве.

Государство и реформы

В центре развернувшейся в российском обществе дискуссии стоит вопрос о роли, целях и задачах государства в процессах реформирования. Существуют различные точки зрения на эту проблему. Однако глубина системного кризиса и масштабы допущенных ошибок позволяют уже сейчас постулировать и утверждать, что в сегодняшней ситуации степень участия государства в политике и практике реформ – обратно пропорциональна градусу хаосу, возникающему в обществе. Отсутствие ясного видения проблем, перспектив, целей, задач и механизмов государственного регулирования неизбежно катастрофически сказывается на эффективности общественных преобразований в нашем Отечестве.

Главным содержанием современного этапа социально-политического развития Российской Федерации является переход к новой модели общественного устройства, основными характеристиками которой становятся смешанная многоукладная экономика, конструктивный плюрализм в политическом и конституционном пространстве правового государства, гражданское общество, права и свободы личности. Проблема не столь проста, как представляется на первый взгляд, и требует тщательной концептуально-теоретической и социально-политической концептуальной и практической разработки, соединения усилий политиков, специалистов, ученых, всех, кто стоит на платформе научного знания и гражданского мира в нашей стране. Важно иметь в виду, что социальные и социально-политические процессы в нашей стране развиваются в условиях нелегитимного подрывного вмешательства зарубежных правительственных и неправительственных организаций с целью дестабилизации российского государства и разрушения гражданского согласия.

В начале 90-х годов Россия «унаследовала» неудачный опыт реформирования советского общества. В силу непродуманных и отчасти преднамеренных действий со стороны нелиберальных реформаторов, контролировавших государственные органы управления, механизмы рыночного социалистического хозяйства мобилизационного типа были разрушены и утрачены. Розничный рынок был взорван дефицитом товаров массового потребления и хаосом в сфере финансово-банковских услуг для граждан и юридических лиц. Развал системы государственного распределения фондов и материальных ресурсов привел к параличу системы директивного планирования и снабжения. Сейчас уже для всех граждан и специалистов очевидна социальная нецелесообразность реализации такого катастрофического сценария реформирования.

Предпринятые затем радикальные меры вызвали определенные экономические и социально-политические изменения в обществе. Началось становление новых рыночных отношений, был ликвидирован товарный дефицит в розничной торговле, началась приватизация государственной и коллективной собственности, трансформация институтов законодательной, исполнительной и судебной властей пошла ускоренными темпами. Продолжилось становление многопартийности,

наметились правовые и социальные предпосылки для духовного, идеологического, религиозного плюрализма в обществе, удалось избежать массового голода и гражданской войны на всей территории страны.

Однако анализ динамики конкретных статистических и социологических показателей и индикаторов позволяет сделать вывод, что практические действия по реализации стратегических целей реформ, будучи необходимыми по существу, в своей совокупности ещё не привели к устранению всех факторов системного кризиса, не позволили расчистить завалы и освободиться от неолиберальных предрассудков. На горизонте политического планирования и принятия стратегических решений ошибки и заблуждения продолжают мешать принятию адекватных решений по ускорению социально-экономического развития и социально-политической консолидации общества. Правительству РФ не удалось достичь значимых позитивных результатов в улучшении качества и уровня жизни для всех граждан страны. «...Бедность значительного числа населения, нерешённые проблемы в системе здравоохранения, образования, в развитии инфраструктуры – у нас есть над чем работать, вот наш главный противник. А главная цель – повышение уровня и качества жизни граждан нашей страны»⁶²¹.

События последних лет на постсоветском пространстве на Украине, в Белоруссии, в бывших советских республиках Центральной и Южной Азии и на Кавказе, мнения авторитетных отечественных и зарубежных экспертов заставляют настоящим образом продумать и реализовать систему стратегических мер, которые позволили бы начать процесс восстановления интеграционных связей на всём постсоветском пространстве. Наступило время вывести большой постсоветский социум из полосы непрекращающихся политических недоразумений и неопределённостей. Необходимо открыто признать допущенные ошибки в выборе ориентиров и средств реформирования. Главный их источник – в опоре на идеологию и практику экономического детерминизма индустриальной эпохи развития. Продолжающаяся абсолютизация макро- или микроэкономических методов только наращивает груз ошибок и завалов, которые все равно предстоит расчищать в будущем с помощью методов системного социального анализа и научного управления обществом. Цепь ошибок в политике и экономике привела не только к катастрофе великой державы, но и перевела общество в состояние общероссийской социальной трагедии. Предприняв ряд попыток, политическое руководство страны в условиях дефицита времени и ресурсов так и не смогло выстроить механизмы проведения реформ на принципах широкой социальной базы, высокой трудовой мотивации и устойчивой динамичности.

Отсутствие адекватного концептуального видения и теоретического обоснования процесса модернизации российского общества приводит к тому, что в

---

⁶²¹ Встреча с Председателем Правительства и вице-преьерами // Официальный сайт Президента России. 27 сентября 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66776> (дата обращения 04.10.2021).

настоящее время власть в центре и на местах вынуждена работать в режиме «пожарной команды», которая пытается минимизировать действие стремящихся вырваться из-под контроля угроз природной, биологической, техногенной опасности. На всем геополитическом пространстве бывшего СССР продолжают проявляться сформулированные в своё время академиком В. А. Легасовым факторы стратегической опасности: угрозы ядерных и военно-технических катастроф, разрушительных последствий крупных промышленных аварий. Усиливается деструктивное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, нарастает нарушение социальной, экономической, ресурсной гармонии, как межличностной, так и межгосударственной. Происходит утрата значимой частью общества ранее утвержденных человеческим опытом нравственных правил и, как следствие, распространение наркомании, девиантного поведения, болезней, снижение численности населения, отчуждение все большего количества людей и разрушение первичных трудовых коллективов, обострение, вплоть до вооруженных конфликтов, расовых, национальных, классовых и религиозных противоречий, рост числа беженцев, развитие терроризма как средства решения личностных, национальных или политических конфликтов⁶²².

В экономической сфере на всём протяжении неолиберальных рыночно-монетарных преобразований наблюдалось разрушение промышленного потенциала и исторически сложившихся рыночных связей и инфраструктуры, невиданный спад граничил с полным коллапсом производства, криминализация общественных и производственных отношений позволяла говорить о криминальной революции. Так и не удалось приступить к решению сердцевинных целей реформы: структурной перестройке экономики, повышению ее социальной эффективности и на этой основе гуманизации всей системы отношений в обществе. В политической сфере нарастали антидемократические тенденции, сокращались способности государственно-властных структур решать проблемы общества, разбухал и бюрократизировался государственный аппарат, происходило ухудшение геополитического положения РФ и ослабевало ее внешнеполитическое влияние. В социальной сфере углублялись социальное неравенство, обнищание и люмпенизация значительной части населения, обострялись социальные, межнациональные и межконфессиональные конфликты. Не удалось избежать противоборства социальных сил, течений, политических партий. В духовной сфере инициирован кризис идеологии. Коммерциализация науки, образования и культуры привели к их деградации. Социальное мифотворчество, насаждение авторитаризма и монополизация средств массовой информации свели на нет усилия по демократизации общества и государства. Россия по сути дела стала выживать в узком коридоре корпоративных интересов, которые в своей подавляющей

---

⁶²² См. Левашов В. К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: Юрайт, 2020. 356 с.; Левашов В. К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.

части не совпадали с интересами большинства граждан.

Анализируя сложившуюся в конце 90-х годов ситуацию, большинство специалистов приходят к выводу, что у реформаторов не было ни концепции реформ, ни достоверной информации и конкретных представлений об идущих в обществе процессах. Неполюценность реформ заключалась в отсутствии системного подхода и, в первую очередь, игнорировании социальной составляющей предпринимаемых действий. Попытки применять технократические методы не дали эффективных результатов.

Закономерность любого процесса социального реформирования заключается в том, что общество и государство рано или поздно начинают отчуждать навязываемые им неорганичные и чуждые традициям и культуре формы и способы жизнеууществования, если они не соответствуют качеству и уровню актуальных потребностей социума. Мировая и отечественная история неоднократно демонстрировала, что реформ не может быть «больше или меньше», они не могут идти «быстрее или медленнее», «сильнее или слабее». Они могут быть или не быть, в каждом обществе свои особые и только ему адекватные.

Глобальная интеграция и конвергенция

На планете в условиях мирового экономического спада и экологического кризиса и пандемии начинают набирать силу тенденции к регулированию дисбалансов материальных и духовных ресурсов, проведению согласованной политики экономической и социальной интеграции. Планетарное и государственное регулирование, планирование, управление стало реальностью наших дней. На этом принципе в XX веке произошла конвергенция передовых индустриальных (государственно-социалистической и государственно-капиталистической) ветвей развития. Она стала наиболее заметна с конца 30-х годов XX столетия и проявилась в сближении по ряду экономических и социокультурных характеристик американского и советского общества. Один из ведущих американских социологов, Даниэл Белл, совсем недавно, в 1990 году, считал, что СССР и США находятся на одном уровне развития: «Индустриальный тип (социальной организации общества – *ред.*) распространен главным образом на территории Атлантического побережья – в Западной Европе и США, а также в СССР и Японии. Развитие промышленности и энергетики подчинено здесь прежде всего производству товаров массового потребления, а труд в виде четко скоординированных действий человека и машины является состязанием с преобразованной природой»⁶²³. Еще в 1961 году американский социолог Питирим Сорокин, выступая на XIX Международном социологическом конгрессе в Мехико, сделал вывод о том, что «анализ изменений и тенденций в главных сферах культуры, общественных институтов, систем ценностей и социокультурной

⁶²³ Bell D. Die dritte technologische Revolution und ihre moglichen soziookonomischen Konsequenzen Merkur. Stuttgart, 1990. Jg. 44, H. 1. S. 28-47.

жизни двух наций показывает, что в этих основных областях обе страны становятся все более похожими друг на друга, идут по одному пути, превращаясь в смешанный тип страны – ни коммунистической, ни капиталистической, ни материалистической, ни идеалистической, ни полностью религиозной, ни агностико-атеистической, ни чисто индивидуалистической, ни коллективистской, ни слишком криминальной, ни слишком святой. В настоящее время данный смешанный тип представляет собой эклектическую мешанину признаков, присущих обеим странам, которая лишена единства новой - интегральной, культурной, общественной и личностной системы»⁶²⁴.

Конечно, ряд характеристик нашего развития еще предстоит понять и подвергнуть социологическому анализу. Однако уже сейчас понятные закономерности и тенденции развития современного мира, российский путь государственности и экономического развития, история, менталитет, духовный и нравственный мир России позволяют предположить, что ее развитие является частью глобального интеграционного процесса, выражающегося в приспособлении и экономическом социокультурном взаимообогащении обществ, стоящих на разных уровнях экономического, политического и социального прогресса.

Для предотвращения опасности превращения России в сырьевой придаток мирового хозяйства и резервуар дешевой рабочей силы, государственное регулирование становится решающим фактором сохранения экономической и политической, территориальной независимости Российской Федерации. Опыт всех индустриальных стран наглядно свидетельствует, что государство в современных условиях, помимо таких традиционных средств, как пошлины, налоги, преференции отечественным производителям, субсидирование ряда отраслей, сохранение в своих руках и развитие инфраструктуры и т. д., все шире применяет прогнозирование и планирование на макроэкономическом уровне. Без этих рычагов нельзя преодолеть глубокий кризис, обеспечить структурную перестройку экономики, приоритеты в развитии науки, выправить платежный баланс, сохранить на должном уровне обороноспособность страны.

Первоочередной задачей государственного регулирования экономики выступает обеспечение восстановления сложившихся на протяжении столетий, особенно в период индустриального развития, хозяйственных и культурных связей как на территории России, так и бывшего Советского Союза в формах, доказавших свою эффективность в отечественной и мировой хозяйственной практике. Особо важна интегративная роль государства в направлении экономического развития по пути научно-технического прогресса, укрепления независимости национальной финансово-банковской системы, укрепления национальной валюты, внешнеэкономических и внешнеполитических механизмов и позиций Российского государства в сфере международной торговли.

---

⁶²⁴ Sorokin P. A. Mutual convergence of the United States and the USSR. to the mixed sociocultural type. Mexico, D. F., 1961.

В границах Российской Федерации развитие хозяйственных связей в настоящее время сдерживается неразработанностью правовой основы рыночных отношений и противоречиями принимаемых Федерацией и входящими в нее республиками, краями, областями законов. Важнейшей составляющей интеграционной политики является создание единого российского унифицированного правового пространства. Правовой основой процессов экономической интеграции Российской Федерации должно стать установление единой системы денежного оборота и взимания налогов на всей территории Федерации, обязательности арбитража, совершенствования системы банковских расчетов. приведение в соответствие с федеральным законодательством принятых в ряде республик законов и постановлений, вступивших в противоречие с законами Российской Федерации. Интеграция единого экономического рынка обеспечивается свободой передвижения лиц, товаров, капиталов и услуг; эффективность – соответствием форм управления экономическим требованиям, соблюдением обоснованных пропорций в отраслевом и региональном разрезах.

Интегрирование России невозможно без социально-ориентированного функционирования и развития экономики. На современном этапе динамика социального самочувствия и «тонус» общества определяются выпадением за черту физиологического выживания десятков миллионов граждан при одновременном безмерном циничном обогащении элитных групп общества. Нарастание социальной поляризации представляет серьезную опасность для общества, его стабилизации, выхода из кризиса и постепенного роста производства. Поэтому одной из главных целей российского государства должно стать восстановление управляемости социально-политическими процессами.

Без государственной поддержки обречена на исчезновение фундаментальная наука, достигшая в СССР по многим направлениям самых передовых позиций в мире. Унаследованная Россией от СССР социальная сфера, системы образования и здравоохранения в условиях коммерциализации и резкого сокращения государственных ассигнований частично разрушены и продолжают разрушаться. Остановить этот процесс – первейшая обязанность государства, без чего невозможен последующий переход к устойчивому развитию современной системы здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, санаторно-курортного лечения, учреждений культуры и средств массовой информации, издательского дела и т. д. Должна проводиться последовательная политика сочетания бесплатности и платности при постепенном расширении гарантированного свободного доступа к основным средствам, обеспечивающим возможности всестороннего развития личности, каждого члена общества, и тем самым реализации принципов социальной справедливости, адекватных российским традициям.

В государственном строительстве интегральной социальной основой выступает народовластие, выражающееся в том, что носителем суверенитета и единственным источником власти должна стать многонациональная общность народов России,

имеющая многовековой опыт совместного проживания и общие корни русской российской политической культуры. Республики, области, края должны быть уравнены в правах и обязательствах. В некоторых случаях в известных пределах на определенное время это могло бы сочетаться с конфедеративными отношениями, имея в виду, что данная форма объединения государств, как правило, носит переходный характер.

В связи с нарастающими процессами интеграции в мире, желанием населения стран СНГ к объединению – каждой из ветвей власти целесообразно способствовать созданию координирующих органов по своему профилю, как это уже успешно стало воплощаться в Межпарламентской ассамблее СНГ. В перспективе, перед лицом нарастающего дефицита ресурсных угроз нельзя исключать трансформацию СНГ в конфедеративный Союз евразийских государств. Уникальное государственное и геополитическое образование, каким было наше многонациональное общество, имеет глубокие исторические корни, за ним веками формировавшиеся дружеские отношения между народами, созданный общими усилиями мощный экономический и культурный потенциал. Поэтому следует считать исторически непродуктивными те шаги, которые ведут к дальнейшей дезинтеграции содружества, к рассмотрению СНГ как исчерпавшей свои возможности структуры. Суверенные государства – члены СНГ объективно заинтересованы в наращивании потенциала сотрудничества в различных сферах, в возможности на правовой основе решать возникающие между ними проблемы. Поэтому государственная политика России должна основываться на многогранном и постоянно нарастающем сотрудничестве в рамках СНГ, что наряду с другими факторами станет преградой региональному сепаратизму внутри самой России. Одновременно необходимо с учетом мирового опыта и традиций российской государственности продолжать политику социально-политической интеграции государств – членов СНГ. Торможение этого процесса становится губительным для народов, проживающих на геополитическом пространстве бывшего Советского Союза. На государственном уровне смысл и цели такой политики всегда имели стратегическое значение. Практическая сторона реализации этой политики сегодня требует особого внимания, учитывая груз накопленных ошибок и внешнее противодействие. Позиции российского политического руководства ясно определены и декларированы: «Россия последовательно выступает за формирование Большого Евразийского партнерства – объединительного интеграционного контура на всем пространстве от Атлантики до Тихого океана, максимально свободного для движения товаров, капиталов, рабочей силы и услуг, открытого для всех без исключения стран нашего общего континента – Евразии – и созданных здесь интеграционных объединений, включая Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Они уже проявили интерес к российской инициативе. Реализация этого долгосрочного проекта позволит не только обеспечить ускоренное экономическое развитие всех участников, но и создать надежный материальный фундамент общей безопасности, стабильности и

процветания.

Неотъемлемой частью процесса становления Большого Евразийского партнерства является углубление и расширение интеграционного взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза. ...Координация между действующими в Евразии интеграционными объединениями ведется, в частности, в рамках сопряжения планов ЕАЭС с проектом Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь». Совместно с партнерами работаем над формированием взаимосвязанного пространства между Содружеством Независимых Государств (СНГ) и ШОС – через реализацию комплекса скоординированных мер в торговой, транспортной, цифровой, энергетической и других сферах.

Планомерно осуществляются транзитно-логистические инициативы. Прежде всего, это создание Международного транспортного коридора «Север – Юг», связывающего Европу, Закавказье и Центральную Азию с побережьем Индийского океана, а также трансконтинентальный транспортный маршрут «Европа – Западный Китай». Для повышения их эффективности ведется масштабная реконструкция Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей. Обновляется российская портовая инфраструктура в Арктике, на Балтийском, Каспийском и Черном морях и на Тихом океане.

В таком широком контексте повышение взаимосвязанности между Центральной и Южной Азией открывает новые перспективы для развития торгово-экономических и инвестиционных процессов на евразийском континенте»⁶²⁵.

Активное противодействие этому процессу пытается оказывать США, которые в рамках созданного ими в 2015 году формата переговоров «С5+1» между странами Центральной и Южной Азии: Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и США пытаются изолировать своих геополитических соперников РФ и КНР и занять господствующее положение в этом регионе. Эти процессы необходимо видеть и проводит эффективную контр-политику. В первую очередь необходимо обратить внимание на эндогенные факторы, которые имеют объективно объединяющий для народов Центральной и Южной Азии характер.

---

⁶²⁵ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на пленарном заседании международной конференции «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», Ташкент, 16 июля 2021 года // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4814877 (дата обращения 07.10.2021).

Социально-политический потенциал Евразийского Союза

В чем заключаются источники социально-политической солидарности сообщества народов, проживающих на территории Российской империи—СССР—СНГ—России? Продолжится ли в XXI веке эта тенденция?

Во-первых, необходимо признать, что Империя – Союз была не продуктом природной агрессивности московских правителей, а результатом естественно-исторической, политической и экономической интеграции интересов народов, добровольно и сознательно искавших защиты у одной из самых развитых в материальном и культурном отношении цивилизаций на планете – русской российской цивилизации. Географические и исторические границы этой цивилизации менялись. Временные рамки равны приблизительно одному тысячелетию.

Во-вторых, российская Империя – Союз имеет благоприятные природно-материальные предпосылки для экономического развития. Это произошло как в силу географических условий, так и того обстоятельства, что страна вступила на путь индустриализации позже Запада и развивалась автаркически. Крупная промышленность Европы и Северной Америки базируется на доступных сырьевых источниках, которые усиленно разрабатывались с момента начала промышленной революции и к настоящему времени в значительной мере истощены. В силу суровых природных и особых геополитических условий Россия не использовала ресурсы Сибири и Дальнего Востока – уникальные территории, которые сейчас являются стратегическим ресурсным резервом страны.

В-третьих, в XX столетии Империя – Союз, развиваясь в значительной степени автономно в мобилизационном режиме, сумела реализовать планы ускоренной масштабной индустриализации и агропромышленной кооперации, построив мощную целостную интегрированную экономику. Создав на этой основе ракетно-ядерное оружие, Империя – Союз минимизировала угрозу вооруженного вторжения на свои территории. Фактор внешней военной опасности впервые за многие столетия действительно стал контролируемым. Ядерное оружие служит залогом не только безопасности Империи – Союза, но и гарантом предотвращения третьей мировой войны. В этом, пожалуй, один из главных позитивных итогов развития человечества в XX веке. Достигнув военно-стратегической стабильности, Россия вышла из особого режима жизни общества, и перед ней открылись возможности перехода к этапу интенсивного социального развития, для которого созданы благоприятные материальные, организационные и духовные предпосылки.

В-четвертых, русская, советская, российская цивилизация стоит на едином вечном духовно нравственном фундаменте Великой Победы советского народа над европейским и германским фашизмом, японским милитаризмом, которые своими преступлениями против человечества и человечности вписали самые черные страницы в мировую историю. Именно морально-политическое единство воинов

многонациональной Красной Армии стали решающим фактором в разгроме фашистской военной машины и объявлении преступной идеологии фашизма. Священная память о совместном героическом подвиге старших поколений остаётся фактором социально-политической солидарности народов Евразии в борьбе против современного фашизма, который в трансформированном виде вновь пытается навязать идеологию антигуманизма и практику насилия и массового террора.

В-пятых, страна обладает мощными, высокообразованными, квалифицированными людскими ресурсами. В течение последних десятилетий создана кадровая и материальная база одной из лучших в мире систем непрерывного общего, специального и профессионального образования. В постреформенный период, после минимальной модернизации она сможет начать подготовку специалистов высокой квалификации практически по всем современным специальностям.

В-шестых, политическая культура Империи – Союза последовательно, сквозь века развивалась на фундаменте этического закона «все люди братья и сестры», трансформировав его в идеологию и практики соборности и общности судеб русского и братских ему народов. **Духовным и социокультурным стержнем сложившейся социальной общности является веротерпимость с ее уникальным тысячелетним опытом мирного сожительства православия, берущего начало в Византии, с исламом, буддизмом и другими религиями, которые на протяжении веков выработали опыт сохранения нравственно-этических постулатов народов Евразии. Этика индивидуализма не только не вписывается в социокультурную действительность России, но и противоречит потребностям сосуществования человечества на планете.** Глобальный характер угроз и мудрость истории подсказывает, а логика событий убеждает, что глобальный эксперимент этического индивидуализма был бы самоубийственным для мировой цивилизации.

В-седьмых, развал государственных структур Империи – Союза в конце XX века вызван не дефицитом солидарности среди народов, проживающих на этой евразийской территории, а другими причинами, являющимися преходящими и носящими в основном частный политический и экономический характер. На протяжении последних столетий народы Империи – Союза формировались как единая социально-политическая общность, составляющие которой не стремились разъединяться и мигрировать, а наоборот – жить и уживаться со своими соседями. На всем евразийском пространстве на новых принципах начались процессы реинтеграции систем политического и экономического управления, переход от представительных и иерархических структур к сетевым и соучастным формам социальной организации.

В-восьмых, России объективно предстоит сыграть роль естественного географического моста на торговых путях между Европой и бурно развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно на глобальных евразийских пространствах с их уникальными материальными, людскими и духовными ресурсами в третьем тысячелетии предстоит интегрировать и реализовывать накопленный

интеллектуальный и технологический потенциал Европы, Америки и Африки. В силу своего географического положения, накопленных предпосылок и потребностей мирового развития России и Большая Евразия объективно выдвигаются в эпицентр мировой, хозяйственной и духовной жизни.

По всей вероятности, в начале третьего тысячелетия России, а скорее всего, будущему Евразийскому Союзу, предстоит реализовать интеграционную модель устойчивого развития. Ее суть заключается в эволюционном ненасильственном переходе от индустриального общества к постиндустриальному социально ориентированному обществу, которое призвано вывести человечество из социального и экологического тупика и гармонично интегрировать его в будущее гармоничное общество устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашидзе А. Х.* Борьба с пандемией COVID-19 через призму правозащитных измерений // Защита прав человека в условиях распространения новой коронавирусной инфекции: теория и практика : Сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 25 ноября 2020 г). Москва : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина, 2021. С. 48-60.
2. *Алексеева Н. Н., Иванова И. С.* Средняя или Центральная Азия? // География. Первое сентября. 2003. № 28. С. 13-17.
3. *Андреев Е. М.* Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 2. С. 103-142. DOI: 10.17323/demreview.v3i2.1755.
4. *Ашмаров И. А.* «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, №. 4. С. 556-570. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570.
5. *Базавлук С. В.* Критика евразийства и неоевразийства // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 8. С. 726-735.
6. *Башина О. Э., Матраева Л. В., Васютина Е. С.* Анализ трансформационных процессов на российском рынке труда: вызовы и последствия // Вопросы статистики. 2017. № 11. С. 35-43.
7. *Белых А. Г., Инишакова А. О.* Теория интеграции: общая политика как основа многонациональной интеграции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2005. № 7. С. 43-54.
8. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Москва : Моск. филос. фонд, 1995. 322 с. ISBN 5-85691-036-2.
9. *Бондаренко К. А.* Масштабы влияния пандемии на экономику стран – нетто-получателей денежных переводов // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 3. С. 109–128. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-04.
10. *Бордачев Т. В., Пятчкова А. С.* Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 33-51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02.
11. *Бурдые П.* Практический смысл : [пер. с фр.] / Общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. Санкт Петербург : Алетейя, 2001. 562 с. ISBN 5-89329-351-7.
12. *Буторина О. В.* Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3(13). С. 136–145.
13. *Валлерстайн И.* После либерализма / Пер. с англ. М. М. Гурвица [и др.]; Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 253 с. ISBN 5354005094.
14. *Васин С. А.* Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 1. С. 89-124. DOI 10.17323/demreview.v2i1.1790.
15. *Вебер М.* Избранные произведения : Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. Москва : Прогресс, 1990. 805 с. ISBN 5-01-001584-6.
16. *Великая Н. М.* Партийная система современной России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1(15). С. 108-119. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119.
17. *Великая Н. М., Белова Н. И.* Социально-экономические риски периода пандемии и практики их преодоления: политика государств и стратегии граждан // Logos et Praxis. 2021. Т. 20, № 1. С. 78–88. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.1.9.
18. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов : [сборник] / Отв. ред. Л. В. Пономарева. Москва : ИВИ, 1992. С. 100-110.
19. Влияние демографического фактора на региональный рынок труда / *А. Г. Пухова, Т. К. Беляева, С. Г. Толкунова, А. С. Курбатова* // Государственный советник. 2019. № 1(25). С. 33-39.
20. Возрастной вектор факторов риска смертности московской молодежи / *В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдокушкина* // Здоровье мегаполиса. 2021. Т. 2, № 2. С. 15-25. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2021.v2i2;15-25.
21. *Возьмитель А. А.* Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2(274). С. 110-117.

22. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 2. С. 17-32. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.2.1.
23. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л. Доминанта миграционной политики современной России // Социологические исследования. 2017. № 8(401). С. 59-65. DOI: 10.7868/S0132162517080062.
24. Воробьева О. Д., Топилин А. В., Аликова А. С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1156-1163. DOI: 10.31857/S0869587320120269.
25. Воронин А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет – УПИ», 2006.
26. Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А. Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 26-32. DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7422.
27. Воронов В. М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал Фронтирных Исследований. 2021. Т. 6, № 1(21). С. 41-68. DOI: 10.46539/jfs.v6i1.274.
28. ГАРФ. Ф. П. Н. Савицкого 5783. Ед. хр. 262. Статья: «Личное, национальное, общечеловеческое». Л. 1.
29. Гельман В. Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 4(67). С. 65-88.
30. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. 2014. № 3(81). С. 14-25.
31. Гнатюк А. Н., Гнатюк М. А., Самыгин С. И. Проблемы трудовой занятости современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 34-37. DOI: 10.23672/SAE.2018.6.14807.
32. Голосовкер Я. Э. Избранное: Логика мифа. Москва-Санкт Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2010. 499 с. ISBN 978-5-98712-045-3.
33. Гребняк О. В. Цифровизация постпандемического периода как фактор социальной тревожности россиян // Социальные риски в современном обществе: Материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием, Мурманск, 03–04 декабря 2020 года. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2020. С. 73-77.
34. Данилова И. А., Дмитриев Р. В. Возрастные структуры населения в странах ЕАЭС // Демографический потенциал стран ЕАЭС : Сборник статей VIII Уральского демографического форума, Екатеринбург, 08–09 июня 2017 года / Отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. II. С. 81-85.
35. Дахин А. В. Политический транзит в России: представительная, совещательная и партисипаторная системы публичной политики // Вестник Нижегородского института управления. 2019. № 3(53). С. 37-40.
36. Демографические вызовы России: Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, М. Б. Денисенко, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753-754. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0753/tema01.php> (дата обращения 17.04.2021).
37. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры: Национальный демографический доклад – 2020 / В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, В. И. Гневашева [и др.]. Москва: Объединенная редакция, 2020. 155 с. ISBN 978-5-93856-292-9. DOI: 10.25629/НС.2020.13.01.
38. Демченко М. В., Шайдуллина В. К. Правовое регулирование электронной торговли в условиях функционирования специальных правовых режимов // Предпринимательское право. 2020. № 3. С. 37-45.
39. Доклад о мировом развитии 2019 : Изменение характера труда. Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3.
40. Доклад о человеческом развитии 2019 (резюме) : За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. Нью-Йорк : Программа развития Организации Объединенных Наций, 2019. 40 с.

41. Доклад о человеческом развитии 2020 (резюме) : Следующий рубеж: Человеческое развитие и антропоцен. Нью-Йорк : Программа развития Организации Объединенных Наций, 2020. 36 с.
42. Дробижьева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7-22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.
43. Дробижьева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37-50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
44. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества / Т. А. Мешкова, В. С. Изотов, О. В. Демидкина, Ю. К. Кофнер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 1. С. 7-33. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33.
45. Евгеньева Т. В. Идентификационное измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир» (Москва, 20–21 марта 2019 г.) / Отв. ред. А. В. Кулешова. Москва : ВЦИОМ, 2019. С. 188–193.
46. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России : доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9-12 апреля 2019 г. / Т. В. Бордачев, К. О. Вишневецкий, М. К. Глазатова [и др.] ; отв. ред. Т. А. Мешкова. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
47. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов : [сборник] / Отв. ред. Л. В. Пономарева. Москва : ИВИ, 1992. 180 с. ISBN 5-201-00414-8.
48. Евсеев В. ЕАЭС в условиях пандемии коронавируса // Сочинский форум евразийской интеграции : [сайт]. 30 апреля 2020 г. URL: http://civilshos.ru/publication/news_post/eaes-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa (дата обращения 26.05.2020).
49. Евсеев В. О. Методология применение экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 65-78. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.06.
50. Евсеев В. О., Селезнев И. А. Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ. 2021. № 3(29). С. 79-95. DOI: 10.15350/2409-7616.2021.3.07.
51. Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. 752 с. ISBN 5-94201-310-1.
52. Еремеев С. Г. Smart City: управленческие аспекты и компетенции Smart City – менеджера // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 57–62. DOI: 10.31171/vlast.v27i2.6298.
53. Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41-50.
54. Журавлёв В. Е. О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10, № 3(24). С. 5-9.
55. Зворыкина Ю. В., Тетерятников К. С. Климатическая (или экологическая?) миграция: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 216, № 2. С. 236-256.
56. Зубок Ю. А. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма : Доклад // Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М. К. Горшков. Выпуск 7. Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 6-25.
57. Зубок Ю. А., Любутов А. С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий молодёжной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 167-181. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10.
58. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. Москва : Норма, 2020. 306 с. ISBN 978-5-00156-082-1.
59. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164-186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614.
60. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1.

61. *Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С.* Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59-75. DOI: 10.17223/1998863X/53/7.
62. *Зуев В. Н.* Механизм ЕС как модель для глобальных институтов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 2(24). С. 126-130.
63. *Зуев В. Н.* Наднациональные механизмы интеграции. Москва: Магистр, 2013. 288 с. ISBN 978-5-9776-0274-7.
64. *Иванова А. Е., Семенова В. Г.* Новые явления российской смертности // Народонаселение. 2004. № 3(25). С. 85-92.
65. *Игнатовский Я. Р.* Роль цифровизации в трансформации российского политического протеста // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 84-89. DOI: 10.31171/vlast.v29i1.7917.
66. *Ильин В. А.* «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 6. С. 9-23. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1.
67. *Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лалин А. В.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2(162). С. 162-185. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1917.
68. *Ионцев В. А., Прохорова Ю. А.* Международная миграция населения в контексте демографической теории // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3(193). С. 83-91. DOI: 10.12737/5647.
69. *Ишуков А. А., Бедрина Е. Б.* Европейская и евразийская интеграции: сходства и различия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 80-95.
70. К вопросу о некоторых аспектах изучения новой социальной реальности: актуальные направления, угрозы и вызовы / С. Г. Кареева, А. Н. Пинчук, С. В. Некрасов, М. В. Костоломова // Вестник НГУЭУ. 2021. № 3. С. 167-186. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-3-167-186.
71. *Казенин К. И.* Демографические процессы среди иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации // SSRN. 26 апреля 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3361019> (дата обращения: 15.03.2021). DOI: 10.2139/ssrn.3361019.
72. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956>. ISBN 978-5-89697-368-3. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021.
73. *Канаев Е. А., Королев А. С.* Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 1. С. 26–43. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43.
74. *Канаев Е. А., Королев А. С.* ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 64-72. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-64-72.
75. *Кареева С. Г.* К вопросу о национальной безопасности страны: информационное воздействие СМИ на современное общество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4. С. 51-57. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.61539.
76. *Кареева С. Г.* К вопросу о новой «посткарантинной» социальной реальности в контексте последствия пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 32-39. DOI: 10.23672/o8471-3250-0580-j.
77. *Кареева С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В.* Исторический и современный контекст становления концепта национальной безопасности страны как отражение динамики социальной реальности России: актуальное направление развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 31-40. DOI: 10.23672/SAE.2019.2019.28026.
78. *Кареева С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В.* Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 35-43. DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.17874.
79. *Карсавин Л. П.* Идеализм и реализм в евразийстве // Евразия. 1929. № 16.

80. Качество медико-статистических данных как отражение кризиса современного российского здравоохранения / В. Г. Семенова, Н. С. Гаврилова, Г. Н. Евдокушкина, Л. А. Гаврилов // *Общественное здоровье и профилактика заболеваний*. 2004. № 3. С. 11-18.
81. *Киреев Е. Ю.* Мигранты из государств-членов Евразийского экономического союза в Москве: экономическое поведение и проблемы адаптации на рынке труда // *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы: Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы-2018»* (Санкт-Петербург, 25–27 октября 2018 года). Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 241-251.
82. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. Санкт-Петербург : Общество памяти игуменьи Таисии, 2015. 112 с. ISBN 978-5-91041-170-2.
83. *Кирзюк А. А.* «У меня нет страха»: ковид-диссиденты в поисках агентности и правды // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 484-509. DOI: 10.14515/monitoring.2021.2.1776.
84. *Ковалева А. И., Луков В. А.* Социология молодежи : теоретические вопросы. Москва : Социум. 1999. 350 с. ISBN 5-85085-422-3.
85. *Кокшарова М. Я., Круглов Д. В., Плотников В. А.* Проблемы регулирования региональных рынков труда в России // *Управленческое консультирование*. 2019. № 6(126). С. 54-66. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-54-66.
86. *Колбановский В. В.* Антропосоциетальная теория и её значение для теоретической социологии: размышления над «Общей социологией» Н. И. Лапина // *Социологический журнал*. 2008. № 3. С. 136-152.
87. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва : Экономика, 2002. 767 с. ISBN 5-282-02181-1.
88. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020 гг. // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2010. Т 5, № 1(27). С. 96-106.
89. *Коргунюк Ю. Г.* Партийная система современной России: Основной вектор развития // *Актуальные проблемы Европы*. 2018. № 2. С. 202–224.
90. *Королев А. С., Калачигин Г. М.* Новые контуры внешнеэкономической стратегии ЕАЭС // *Российский совет по международным делам*. 14 июля 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-kontury-vneshneekonomicheskoy-strategii-eaes/> (дата обращения 14.10.2021).
91. Коррупция: социально-психологическое измерение / Г. В. Осипов, Ю. Ю. Синелина, В. А. Безвербный [и др.]; под ред. Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 2015. 230 с. ISBN 978-5-7556-0509-0.
92. *Костин А. И., Изотов В. С.* Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 2. С. 7–32.
93. *Костоломова М. В.* Феномен цифровых рисков: его концептуализация и воздействие на современную социальную реальность // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2021. № 3. С. 22-27. DOI: 10.20339/AM.03-21.022.
94. *Костоломова М. В., Кареева С. Г., Пинчук А. Н.* Концепт техно-цифровой безопасности: социальный контекст становления и теоретико-методологические основания // *Вестник НГУЭУ*. 2021. № 2. С. 220-230. DOI: 10.34020/2073-6495-2021-2-220-230.
95. *Красинец Е. С.* Иностранная рабочая сила на российском рынке труда: проблемы и решения // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, №. 1. С. 104-118. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.9.
96. *Кублицкая Е. А.* Особенности изучения религиозности населения в современной России (методология и методы исследования) // *Социологические исследования*. 2009. № 4(300). С. 96-107.
97. *Кублицкая Е. А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // *Социологические исследования*. 1990. № 5. С. 95-103.
98. *Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН.* Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с. ISBN 978-5-89697-344-7. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.
99. *Кузнец С.* Современный экономический рост: результаты исследований и размышлений. Нобелевская лекция // *Нобелевские лауреаты по экономике: взгляд из России : К Международному симпозиуму «Нобелевские лауреаты по экономике и российская*

- экономическая школа» (Санкт-Петербург, 16–18 сентября 2003 г.); под ред. Ю. В. Яковца. Санкт-Петербург : Гуманистика, 2003. 967 с.
100. *Лагутина М. Л.* ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // *Управленческое консультирование*. 2015. № 11(83). С. 124-136.
  101. *Ламанский В. И.* Три мира Азийско-Европейского материка. Санкт-Петербург : типо-хромолит. А. Траншель, 1892. 132 с.
  102. *Лепенко М. В.* Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1, № 8. С. 746-755.
  103. *Лаумулин М. Т.* Пределы и возможности евразийской интеграции // *Международный научный комплекс «Астана»*: [сайт]. 23 апреля 2019. URL: <https://isca.kz/ru/analytics-ru/3247> (дата обращения 14.10.2021).
  104. *Леванский В. А.* Моделирование в социально-правовых исследованиях / Отв. ред. О. А. Гаврилов; АН СССР, Ин-т государства и права. Москва : Наука, 1986. 155 с.
  105. *Левашиов В. К.* Концепция научного доклада ИСПИ ФНИСЦ РАН «Социально-политическое положение и демографическое развитие России в 2021 году: вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства» // Приложение № 2 к приказу ИСПИ ФНИСЦ РАН от 12 мая 2021 г.
  106. *Левашиов В. К.* Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования). Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-347-8.2021. ISBN 978-5-89697-347-8.
  107. *Левашиов В. К.* Российское государство и общество в период либеральных реформ. Москва : Издательство Юрайт, 2020. 356 с. ISBN 978-5-534-09125-0.
  108. *Левашиов В. К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. Москва : Научный мир, 2010. 370 с. ISBN 978-5-91522-206-8.
  109. *Лопаткин Р. А.* Социологическое изучение религиозной ситуации и государственно-церковных отношений // *Государственно-церковные отношения в России : сборник / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, Н. А. Трофимчук*. Москва : РАГС, 1996. С. 190-223.
  110. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. Санкт Петербург : «Искусство-СПб», 2001. 704 с. ISBN 5-210-01562-9.
  111. *Лохтина Т. Н., Метелица В. И.* Рынок труда и социально-экономические проблемы населения России // *Вестник евразийской науки*. 2019. Т. 11, № 1. 24 с.
  112. *Лукьянец А. С.* Факторы миграционного оттока населения из районов крайнего севера России // *Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты*. Сборник трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 05–06 ноября 2020 г.). Москва : Издательство «Знание-М», 2020. С. 78-93. DOI: 10.38006/907345-84-3.2020.78.93.
  113. *Любарев А. Е.* Российская партийная система после реформы 2012 года // *Electoral Politics: Международный журнал о выборах*. 2020. № 2(4). Ст. 1.
  114. *Любутов А. С.* Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // *Научный результат. Социология и управление*. 2019. Т. 5, № 4. С. 58-79. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-6.
  115. *Магомедсултанов И. И., Магомедсултанов Н. И.* Конституционный кризис 1993 года и формирование новой парламентской системы в России // *Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : Сборник статей / Под общ. ред. М. К. Горшкова и А-Н. З. Дибирова*. Москва-Махачкала, 2011. 704 с. ISBN 978-5-91471-113-6.
  116. *Малые города в социальном пространстве России / А. Ю. Ардалянова, П. В. Бизюков, Р. Г. Браславский [и др.]*. Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с. ISBN 978-5-89697-323-2. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019.
  117. *Малышева Д. Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 1(259). С. 76-94.
  118. *Маньшин Р. В., Лукьянец А. С.* Проблемы оценки источников возможной компенсации трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // *Экономика и предпринимательство*. 2016. № 12-2(77). С. 205-210.
  119. *Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учебное пособие / И. Молодикова, К. Б. Бреттели, Д. Ф. Холлифилд [и др.]*; Центр миграционных

- исследований при содействии Программы поддержки высшего образования Института Открытое Общество и Бюро ЮНЕСКО в Москве. Москва : АДАМАНТЪ, 2007. 370 с. ISBN 5-86103-046-4.
120. *Мигранян А. А.* Влияние трансграничных денежных переводов трудовых мигрантов на экономику России // Труд и социальные отношения. 2013. № 11. С. 40-49.
  121. Миграция и демографический кризис в России / Ж. А. Зайончковская, Е. В. Тюрюканова, Ю. Ф. Флоринская [и др.]; Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН; Под редакцией Ж. А. Зайончковской, Е. В. Тюрюкановой. Москва : Издательство «Макс пресс», 2010. 94 с.
  122. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О. Н. Гринбаума; Под ред. Ф. М. Кулакова. Москва : Энергия, 1979. 151 с.
  123. Мировая экономика и международные экономические отношения : учебник для студентов / В. В. Алексеев, А. И. Бельчук, А. С. Булатов [и др.]. Москва : Учебный центр «Магистр», 2008. 654 с. ISBN 978-5-9776-0045-3.
  124. *Молчанов А. В.* Коммунитаризм как альтернатива классическим идеологиям // Pro nunc. Современные политические процессы. 2017. № 1(17). С. 51-57.
  125. *Мотрич Е. Л.* Население Дальнего Востока России / Отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток –Хабаровск : ДВО РАН, 2006. 224 с. ISBN 5-7442-1413-5.
  126. *Мукомель В.* Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 31–59. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7264.
  127. *Назаров М. М., Ковалев П. А.* Пандемия и долгосрочная динамика медиапотребления // Общественные науки и современность. 2021. № 4. С. 49–63. DOI: 10.31857/S086904990014960-8.
  128. *Найден С. Н., Колбина Е. О.* Города Дальнего Востока: социально-экономический потенциал и перспективы развития опорных центров расселения // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 4. С. 23-35.
  129. *Натан Р. П., Хоффманн Э. П.* Современный федерализм // Международная жизнь. 1991. № 4. С. 34–49.
  130. Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015-2016 годы / Г. В. Осипов, С. В. Климовицкий, И. Б. Орлова [и др.]; отв. ред. Г. В. Осипов. Москва : ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. 306 с. ISBN 978-5-7556-0578-6.
  131. *Немцов А. В.* Алкогольная история России: Новейший период. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с. ISBN 978-5-397-00304-9.
  132. *Немцов А. В., Гридин Р. В.* Косвенные показатели потребления алкоголя во время эпидемии коронавируса в России // Вопросы наркологии. 2020. № 10(193). С. 16-33. DOI: 10.47877/0234-0623_2020_10_16.
  133. *Нисневич Ю., Рябов А.* Современный авторитаризм и политическая идеология// Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162-181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13.
  134. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве / Г. В. Осипов, С. Г. Карпова, С. В. Климовицкий [и др.]. Москва-Санкт-Петербург : ООО «Нестор-История», 2020. 208 с. ISBN 978-5-4469-1638-2.
  135. *Новоженина О. П.* Национальные цели и задачи развития Российской Федерации в мнениях граждан // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 1. С. 45-57. DOI: 10.19181/nko.2021.27.1.4.
  136. *Новоженина О. П.* Российские граждане о реализации национальных проектов // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 4 (в печати).
  137. *Обедков А. П.* Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник, Москва, 20–21 декабря 2018 года / Отв. ред. В. И. Герасимов. Москва : ИНИОН РАН, 2019. Вып. 14-1. С. 863-870.
  138. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды : Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. Москва : Издательство «Весь Мир», 1997. 704 с.
  139. *Осадчая Г. И.* Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. 227 с. ISBN 978-5-907233-06-5.
  140. *Паутова Л. А.* Стабильность – наше кредо? // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15, № 2. С. 154-172.

141. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / В. И. Дятлов, К. В. Григоричев, Н. В. Мкртчян [и др.]. Иркутск : ООО «Издательство Оттиск», 2013. 624 с. ISBN 978-5-905847-49-3.
142. Перспективы снижения смертности в Москве с учетом реализации мер демографической политики / А. Е. Иванова, В. Г. Семенова, К. В. Лопаков [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2016. № 4(50). С. 1-19. DOI: 10.21045/2071-5021-2016-50-4-1.
143. Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровые технологии в экономике и бизнесе // ЭТАП: экономическая теория, анализ и практика. 2020. № 2. С. 74-89. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10014.
144. Пименова О. И. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 1. С. 76–93. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05.
145. Пименова О. И. Правовая интеграция в ЕС и ее «национальное» измерение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 136-153. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.136.153.
146. Потери Российской молодежи от внешних причин и факторы, их определяющие / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. Т. 65. № 6. Ст. 4.
147. Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России / Д. Д. Бочуева, Т. Л. Бородина, В. В. Виноградова [и др.]. Москва : Институт географии РАН, 2018. 154 с. ISBN 978-5-89658-050-8. DOI: 10.15356/ncsgsrus.
148. Притчин С. А. Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 6(63). С. 76-92.
149. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / Под общ. ред. А. П. Новикова ; Антитеррористический центр государств - участников СНГ, Международный общественный фонд «Российский фонд мира». Москва : Русь, 2018. 93 с. ISBN 978-5-8090-0093-2.
150. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Г. В. Осипов, Г. И. Осадчая, Э. М. Андреев [и др.]; под общ. ред. Г. И. Осадчей. Москва : БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. 374 с. ISBN 978-5-907063-15-0. DOI: 10.18334/9785907063150.
151. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10-14.
152. Рахмонов А. Х. Трудовая миграция и денежные переводы в Таджикистан в условиях пандемии COVID-19 // Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности: материалы научно-практической конференции (Москва, 10 декабря 2020 г.) / Отв. ред. О. П. Новоженина; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 143-149.
153. Рекк Д. А., Егоров В. Г. Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Т. 6, № 3(23). С. 250-259. DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259.
154. Российские выборы–2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями / А. Кынев, А. Любарев, А. Максимов. Москва : Фонд «Либеральная Миссия», 2018. 514 с. ISBN 978-5-903135-65-3.
155. Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции / В. К. Левашов, И. С. Шушпанова, В. А. Афанасьев, О. П. Новоженина // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3-4. С. 66-77. DOI: 10.38085/2308829X-2019-3-4-66-77.
156. Российское здравоохранение глазами населения: динамика удовлетворенности за последние 14 лет (2006-2019): обзор социологических исследований / В. Н. Бузин, Ю. В. Михайлова, И. Ю. Чухриенко [и др.] // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23, № 3. С. 42-47. DOI: 10.17116/profmed20202303142.
157. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Г. В. Осипов, В. К. Левашов, С. В. Рязанцев [и др.]. Москва : ИТД «Перспектива», 2020. 532 с. ISBN 978-5-905790-48-5. DOI: 10.38085/978-5-905790-48-5-2020-1-532.
158. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 86-103. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7.

159. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости // *Женщина в российском обществе*. 2021. Специальный номер. С. 121-135. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.8.
160. Руткевич М. Н. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // *Архетип и символ*. Москва : Ренессанс, 1991. С. 5-22.
161. Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // *Социологические исследования*. 2005. № 3(251). С. 71-81.
162. Рязанцев С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // *Социологические исследования*. 2019. № 9. С. 117-126. DOI: 10.31857/S013216250006666-5.
163. Рязанцев С. В., Русу С. В., Медведь В. А. Факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015-2016 годов // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020. № 4. С. 19-28. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-4-02.
164. Савицкий П. Н. *Континент Евразия*. Москва : Аграф, 1997. 461 с. ISBN 5-7784-0024-1.
165. Самаруха В. И., Краснова Т. Г., Плотникова Т. Н. Миграционное движение населения регионов Сибири // *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28, № 1. С. 56–62. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62.
166. Саркисян Т. С. Интеграционный «План ГОЭЛРО» для XXI века // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19, № 3. С. 136-149.
167. Сащенко Н. П. Трансформация социально-политических представлений: проблема национально-государственной идентичности // *Пандемия как двигатель трансформации: глобальное, государственное и корпоративное управление : Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 мая 2020 г.) / Под ред. В. И. Добросоцкого*. Москва : Издательство «КноРус», 2020. С. 28-32.
168. Селезнев И. А. О первых итогах евразийской интеграции, достижениях и рисках Евразийского экономического союза // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 6. С. 164-176. DOI: 10.34823/SGZ.2020.5.51488.
169. Селезнев И. А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 4. С. 143-152.
170. Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России / В. Г. Семенова ; Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения. Москва : ООО «Центр социального прогнозирования и маркетинга», 2005. 287 с. ISBN 5-98201-007-5.
171. Семенова В. Г., Антонова О. И. Достоверность статистики смертности (на примере смертности от травм и отравлений в Москве) // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2007. № 2(2). Ст. 2.
172. Семенова И. С. Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северных и Восточных районах России : дис. ... кандидата географических наук : 25.00.36 / Семенова Ирина Сергеевна ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2003. 208 с.
173. Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. Санкт Петербург : Питер, 2005. 266 с. ISBN 5-469-00427-9.
174. Система среднего профессионального образования Российской Федерации в 2005–2030 гг.: влияние демографических факторов / Ф. Ф. Дудырев, В. А. Козлов, Ю. В. Кузеванова, А. И. Шабалин; НИУ «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва : НИУ ВШЭ, 2017. 28 с.
175. Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности» в России? // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 104-127. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-104-127.
176. Смертность населения России от причин алкогольной этиологии в 2000-е годы / В. Г. Семенова, Т. П. Сабгайда, А. Ю. Михайлов [и др.] // *Социальные аспекты здоровья населения*. 2018. № 1(59). Ст. 3.
177. Современная российская медицина: новые риски и вызовы / Н. И. Белова, С. Л. Диманс, В. Ф. Левичева [и др.] ; Отв. ред. В. Н. Шевченко; Ин-т «Справедливый мир». Москва : Ключ-С, 2020. 140 с. ISBN 978-5-6045244-2-8.
178. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ : Программа и материалы массового

- опроса населения республик СКФО РФ. Июнь, 2015 г. / Х. В. Дзуцев, З. А. Атабиева, С. С. Бирагова [и др.]. Москва-Владикавказ : СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2016. 467 с.
179. *Соловьев Вл. С.* Три силы (1877 г.) // Библиотека «Вехи» : [сайт]. 2004. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/trisily.html> (дата обращения 14.10.2021).
180. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова. Москва : Политиздат, 1992. 542 с. ISBN 5-250-01297-3.
181. Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.] / Отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 128 с. ISBN 978-5-896-973522. DOI: 10.19181/monogr.978-5-896-973522.2021
182. Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции / С. В. Рязанцев, Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян [и др.] ; Под общей редакцией С. В. Рязанцева, Г. И. Осадчей. Москва : Издательство «Экон-Информ», 2019. Выпуск № 4. 135 с. ISBN 978-5-907233-00-3.
183. *Старшова У. А.* Развитие социального государства в современной России // Вестник поволжского института управления. 2020. Т. 20, № 5. С. 67-73. DOI: 10.22394/1682-2358-2020-5-67-73.
184. Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 года для России / М. Г. Делягин, Ф. А. Лукьянов, С. А. Марков [и др.] // Свободная мысль. 2019. № 1(1673). С. 5-14.
185. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году // Под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. Москва : ИТД «Перспектива», 2019. 786 с. ISBN 978-5-905790-44-7.
186. *Таршис Е. Я.* Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 88 с. ISBN 978-5-397-02495-2.
187. *Тилье Ф.* Пандемия // Перевод с фр. Н. Хотинской. Москва : Азбука-Аттикус, 2016. 448 с. ISBN 978-5-389-11004-5.
188. *Ткаченко И. Ю.* Перспективы общей экономической повестки ЕАЭС - ШОС – АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 12. С. 7-21.
189. *Тощенко Ж. Т.* Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1(381). С. 5-17.
190. *Травин Д., Гельман В., Заостровцев А.* Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. Санкт Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 302 с. ISBN 978-5-94380-241-6.
191. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. Москва : Издательская группа «Прогресс». 1995. 799 с. ISBN 5-01-002627-8.
192. *Фадеева Е. В., Великая Н. М., Белова Н. И.* Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции / Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2(26). С. 58-71. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-58-71.
193. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4(32). Ст. 1.
194. Факторы риска роста смертности молодежи и особенности их учёта в Москве / В. Г. Семенова, А. Е. Иванова, А. В. Зубко [и др.] // Здравоохранение Российской Федерации. 2019. Т. 63, № 6. С. 322-330. DOI: 10.18821/0044-197X-2019-63-6-322-330.
195. *Фомин М. В., Безвербный В. А.* Пространственный каркас Сибири и Дальнего Востока России в условиях демографического сжатия: «вторые» и «третьи» города // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 33-53.
196. *Фомин М. В., Рязанцев С. В., Безвербный В. А., Мирязов Т. Р.* Геоинформационное моделирование тенденций пространственного развития Сибири и Дальнего Востока // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25, № 1. С. 374-387. DOI: 10.35595/2414-9179-2019-1-25-374-387.
197. *Халтурина Д. А., Коротаев А. В.* Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. Москва : КомКнига, 2006. 128 с. ISBN 978-5-397-03414-2.
198. *Харари Ю. Н.* Sapiens. Краткая история человечества / Пер. с англ. Л. Сумм. Москва : Синдбад, 2017. 499 с. ISBN 9785905891649.
199. *Хейфец Б. А., Чернова В. Ю.* Роль России в развитии интеграционных процессов на развивающихся рынках // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 625-636. DOI: 10.17059/2020-2-22.

200. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. Москва : Праксис, 2004. 575 с. ISBN 5-901574-35-4 : 2000.
201. Царев А. С. Социальная инновация как универсальное начало общественного бытия // Власть. 2010. № 1. С. 64-66.
202. Цифровая экономика : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьяненко [и др.]. Москва : НИУ «Высшая школа экономики», 2018. 96 с. ISBN 978-5-7598-1743-7. DOI: 10.17323/978-5-7598-1743-7.
203. Цыбаков Д. Л. Международная интеграция на постсоветском пространстве: новый этап конкуренции проектов России и Европейского Союза // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 177-186. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-177-186.
204. Цымбурский В. Л. Конъюнктуры земли и времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. Москва : Издательство «Европа», 2011. 372 с. ISBN 978-5-9739-0197-4.
205. Цыплин В. Г. Особенности укрепления военно-технического потенциала государств-членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения : Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. (Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Волгоград, 2020. С. 40-48.
206. Черныш М. Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 7-28.
207. Чиркин В. Е. Наднациональное право: возникновение, содержание, действие // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 18-25. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.62.1.018-025.
208. Чиркин В. Е. Наднациональное право: основные особенности // Журнал российского права. 2017. № 2(242). С. 131-137. DOI: 10.12737/24124.
209. Чудиновских О. С. Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // Вопросы статистики. 2018. Т. 25, № 9. С. 3-26.
210. Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 13-25. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.4.1.
211. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи : учебник. Москва : Норма, 2011. 335 с. ISBN 978-5-91768-174-0.
212. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва : Норма, 2014. 350 с. ISBN 978-5-91768-444-4.
213. Шарипов Б. Роль денежных переводов мигрантов в обеспечении макроэкономической стабильности Республики Таджикистан // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17, № 4. С. 103-117.
214. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка : перевод с английского. Москва : Эксмо, 2020.
215. Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Россия реформирующаяся. 2015. № 13. С. 12-36.
216. Шилова В. Н., Рылкина А. П. Динамика политической конкуренции в постперестроечный и постсоветский период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. Выпуск 27. № 15 (158). С. 164-175.
217. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. Москва : НП «III тысячелетие», 2001. 478 с. ISBN 5-93632-003-0.
218. Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н. В. Морозовой. Москва : Логос, 2012. 445 с. ISBN 978-5-98704-495-7.
219. Шушпанова И. С. Актуальные тревоги российского гражданского общества в условиях распространения COVID-19 и реализации национальных проектов // Социальная политика и социология, 2021 (в печати).
220. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов ; Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; Научн. ред. перевода Г. С. Батыгин, Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с. ISBN 5-93947-012-2.

221. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В. К. Левашов. ФНИСЦ РАН. Москва : Перспектива, 2020. 64 с. ISBN 978-5-88045-463-1. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020.
222. *Элейзер Д. Д.* Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106–115.
223. Этнополитические и конфессиональные аспекты обеспечения региональной безопасности. Махачкала. РЦЭИ ДНЦ РАН, 2019. 272 с. ISBN 978-5-6042784-9-9.
224. *Юдин Г. Б.* Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 2. С. 9-47. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-2-9-47.
225. *Юмагузин В. В., Винник М. В.* Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 4(38). Ст. 18.
226. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного : Собрание сочинений. Москва : Канон+, Реабилитация, 2013. 320 с. ISBN 978-5-88373-354-2.
227. *Яковец Ю. В.* Эпохальные инновации XXI века. Москва : Экономика, 2004. 439 с. ISBN 5-282-02382-2.
228. *Alesina A., Spolaore E. (2003)* The Size of Nations. Cambridge, MA: MIT Press. 272 p.
229. *Alesina A., Spolaore E., Wacziarg R.* Economic Integration and Political Disintegration // American Economic Review. 2000. Vol. 90. No 5. PP. 1276-1296.
230. *Allen H.* Regulatory sandboxes // The George Washington Law Review. 2019. Vol. 87. No. 3. PP. 580-643. DOI: 10.2139/ssrn.3056993.
231. *Appel A.* Democracy Live internet voting: unsurprisingly insecure, and surprisingly insecure // Freedom to Tinker. 08 June 2020. URL: <https://freedom-to-tinker.com/2020/06/08/democracy-live-internet-voting-unsurprisingly-insecure-and-surprisingly-insecure/> (last request 21.09.2021).
232. *Atkinson A.* Globalisation and the European welfare state at the opening and the closing of the twentieth century // Europe and Globalisation. New York : Palgrave-MacMillan, 2002. PP. 249-273. DOI: 10.1057/9781403937674_13.
233. *Attrey A., Leshner M. and Lomax C. (2020)* The role of sandboxes in promoting flexibility and innovation in the digital age. Going Digital Toolkit Policy Note, No. 2. Paris: OECD Publishing. 26 p.
234. *Avitabile C., Clots-Figueras I., Masella P.* Citizenship, fertility, and parental investments // American Economic Journal: Applied Economics. 2014. Vol. 6. No. 4. P. 35-65. DOI: 10.1257/app.6.4.35.
235. *Azoulai L.* “Integration through law” and us // International Journal of Constitutional Law. 2016. Vol. 14. No 2. Pp. 449–463. DOI: 10.1093/icon/mow024.
236. *Balassa B. A.* The Theory of Economic Integration. Homewood, IL : Richard D. Irwin, Inc, 1961. 304 p.
237. *Becker S.* Digital structural change and the welfare state in the 21st century. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research, 2019.
238. *Bell D.* Die dritte technologische Revolution und ihre möglichen sozioökonomischen Konsequenzen Merkur. Stuttgart, 1990. Jg. 44, H. 1. S. 28-47.
239. *Berger S.* Globalisation and politics : Annual Review of Political Science, 2019. No 3. Pp. 43–62. DOI: 10.1146/annurev.polisci.3.1.43.
240. *Bickerton C. J., Hodson D., Puetter U.* The New Intergovernmentalism: European Integration in the Post-Maastricht Era // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 53. No 4. Pp. 703–722.
241. *Bjorkenstam C., Jahansson L.-A., Nordstrom P.* [et al.] Suicide or undetermined intent? A register-based study of signs of misclassification // Population Health Metrics. 2014. No. 12. Pp. 1-11. DOI: 10.1186/1478-7954-12-11.
242. *Breiding M. J., Wiersema B.* Variability of undetermined manner of death classification in the US // Injury prevention. 2006. 12 (Suppl. 2): ii49-ii54. DOI: 10.1136/ip.2006.012591.
243. *Busygina I.* Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of Trust in Russia Limits the Possible // PONARS Eurasia Policy Memo. February 2019. No 571.
244. *Byberg R.* The History of the Integration through Law Project: Creating the Academic Expression of a Constitutional Legal Vision for Europe // German Law Journal. 2017. Vol. 18. No 6. Pp. 1531-1556. DOI: 10.1017/S2071832200022410.
245. *Copus A.* Territorial Social Innovation: Clarification of the concept // Rapport fra Nordic Council Working Group on Demography and Welfare. 2016. 11 p.
246. *DeFleuer M., Ball-Rokeach S.* Theories of Mass Communication. New York : Longman, 1989. 368 p.

247. *Deutsch K. W.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, MA: The M.I.T. Press, 1966. 358 p.
248. *Diez T., Wiener A.* Introducing the Mosaic of Integration Theory // KFG Working Paper Series No 88. Berlin : Freie Universität, 2018. 32 p.
249. *Dixit A., Londregan J.* Fiscal Federalism and Redistributive Politics // Journal of Public Economics, 1998. Vol. 68. No 2. Pp. 153–180.
250. *Etzioni A.* Political Unification Revisited : On Building Supranational Communities. Lanham: Lexington Books, 2001. 346 p.
251. *Etzioni A.* Political Unification : A Comparative Study of Leaders and Forces. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1965. 368 p.
252. EU–EAEU in Greater Eurasia: Long-Term Agenda for Economic Cooperation : Workshop Report / *E. Vinokurov, P. Balás, M. Emerson [et al.]*. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2016. 37 p.
253. Federalism and Economic reform : International Perspectives / Ed. by J. S. Wallack, T. N. Srinivasan. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 498 p.
254. *Gadzhimuradova G. I.* Muslims in Europe: Identity Crisis between European and Islamic Values // Balkan Journal of Philosophy. 2020. Vol. 12. No 2. Pp. 133-138. DOI: 10.5840/bjp202012216.
255. GBD 2015 Mortality and Causes of Death Collaborators : Global, regional, and national life expectancy, all-cause mortality, and cause-specific mortality for 249 causes of death, 1980–2015: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2015 // Lancet. 2016. No 388. Pp. 1459–1544. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)31743-3.
256. *Gruber L.* Ruling the World: Power and the Rise of Supranational Institutions. Princeton: Princeton University Press, 2010. 20 p. ISBN 9780691010410.
257. *Haas E. B.* Beyond the Nation state. Stanford, CA : Stanford University Press, 1964. 565 p.
258. *Haas E. B.* The Uniting of Europe : Political, Social and Economic Forces 1950–1957. Notre Dame : University of Notre Dame Press. 2004. 552 p.
259. *Hakmeh J., Taylor E., Peters A., Ignatidou S.* The COVID-19 pandemic and trends in technology. Transformations in governance and society. International Security Programme. Chatham House, 2021. ISBN 978-1-78413-436-5.
260. *Hervitz H. M.* Selectivity, adaptation, or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: The case of Brazil // International Migration Review. 1985. Vol. 19. No 2. Pp. 293-317.
261. *Hornik J., Nicolaidis P. A.* The Political Limits of Economic Integration // Intereconomics. 2017. Vol. 52. No 5. Pp. 315–322. DOI: 10.1007/s10272-017-0695-2.
262. *Inman R., Rubinfeld D.* Rethinking Federalism // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11. No 4. Pp. 43–64.
263. *Kapusta N. D., Tran U. S., Rockett I. R. H. [et al.]*. Declining autopsy rates and suicide misclassification: A cross-national analysis of 35 countries // Archives of General Psychiatry. 2011. No 68(10). Pp. 1050-1057. DOI: 10.1001/archgenpsychiatry.2011.66.
264. *Khoma N., Vdovychyn I.* Deconstruction of the welfare state: the impact of globalization and technological factors // Croatian journal of social policy. 2020. Vol. 27. No 3. Pp. 285-285. DOI: 10.3935/rsp.v27i3.1696.
265. *Kinsky F.* Federalism. Nice: CIFE, 2003.
266. *Kulu H.* Migration and fertility: Competing hypotheses re-examined // European Journal of Population/Revue européenne de Démographie. 2005. Vol. 21. No 1. Pp. 51-87. DOI 10.1007/s10680-005-3581-8.
267. *Leon D. A., Shkolnikov V. M.* Social stress and the mortality crisis // JAMA. 1998. No. 279. Pp.790-791. DOI: 10.1001/jama.279.10.790.
268. *Libman A. M.* Learning from the European Union? Eurasian Regionalism and the “Global Script” // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 247-268. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-2-247-268.
269. *Lindberg L. N.* The Political Dynamics of European Economic Integration. Stanford, CA : Stanford University Press, 1963. 367 p.
270. *Lipman W.* Public opinion. Toronto. 1965.
271. *Lloyd P. J.* Reginalisation and World Trade // OECD Economic Studies. 1992. No 18. Pp. 7-43.

272. Lorenz Edward N. The essence of chaos (The Jessie and John Danz lecture series). Seattle : University of Washington Press. 1995. 227 p. ISBN 9780295975146.
273. *Magnette P.* L'Europe, l'État et la démocratie. Le Souverain apprivoisé. Bruxelles: Collection Etudes Européennes, Editions Complexe, 2000. 261 p. DOI: 10.7202/704376ar.
274. *Martine G.* Migrant fertility adjustment and urban growth in Latin America // *International Migration Review*. 1975. Vol. 9. No 2. Pp. 179-191.
275. *Moorhead T.* European Union Law as International Law // *European Journal of Legal Studies*. 2012. No 1. P. 126-143.
276. *Moravcsik A. M.* National Preference Formation and Interstate Bargaining in the European Community: 1955-1986. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992.
277. *Moravcsik A. M.* Preferences and power in the European Community: a liberal intergovernmentalist approach // *Journal of Common Market Studies*. 1993. Vol. 31. No 4. Pp. 473-524.
278. *Mulder C. H., Wagner M.* The connections between family formation and first-time home ownership in the context of West Germany and the Netherlands // *European Journal of Population*. 2001. Vol. 17. No 2. Pp. 137-164. DOI: 10.1023/A:1010706308868.
279. National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2018. Securing the Vote: Protecting American Democracy. Washington, DC : The National Academies Press. DOI: 10.17226/25120.
280. *Ng E., Nault F.* Fertility among recent immigrant women to Canada, 1991: An examination of the disruption hypothesis // *International Migration*. 1997. Vol. 35. No 4. Pp. 559-580. DOI: 10.1111/1468-2435.00027.
281. *Nugent N., Rhinard M.* The 'political' roles of the European Commission // *Journal of European Integration*. 2019. Vol. 41. No. 2. Pp. 203-220.
282. *Pierson P.* The Path to European Integration: a historical – institutionalist analysis / *European Integration and Supranational governance* / Ed. by V. Sandholtz and A. S. Sweet. Oxford : Oxford University Press, 1998. Pp. 304-324. DOI: 10.1007/978-0-230-20933-6_13.
283. *Pinder J.* European Communities: The building of a Union. Oxford: Oxford University Press, 1991. 248 p.
284. *Pollack M. A.* Delegation, Agency and Agenda setting in the EC // *International Organization*. 1997. Vol. 51. No. 1. Pp. 99–134.
285. *Puetter U.* Governing Informally: The Role of the Eurogroup in EMU and the Stability and Growth Pact // *Journal of European Public Policy*. 2014. Vol. 11. No 5. Pp. 854-870.
286. Risk in the technological society. Boulder, CO : Westview Press, 1982. 339 p.
287. *Rockett I. R., Kapusta N. D., Bhandari R.* Suicide misclassification in an international context: revisitation and update // *Suicidology Online*. 2011. No 2. Pp. 48-61.
288. *Rodrik D.* How Far Will International Economic Integration Go? // *Journal of Economic Perspectives*. 2001. Vol. 14. No 1. Pp. 177-186.
289. Russian mortality crisis and the quality of vital statistics / *N. S. Gavrilova, L. A. Gavrilov, V. G. Semyonova [et al.]* // *Population Research and Policy Review*. 2008. Vol. 27. No 5. PP. 551-574. DOI: 10.1007/s11113-008-9085-6.
290. *Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. K.* Labor Force Recruitment to the OECD and Middle Eastern Countries in The Republic of Tajikistan: Trends, Mechanisms, Consequences // *Central Asia and the Caucasus*. 2020. T. 21. No 4. Pp. 96-111. DOI: 10.37178/ca-c.20.4.10.
291. *Scheller H., Eppler A.* European Disintegration: non-existing Phenomenon or a Blind Spot of European Integration Research? Preliminary thoughts for a Research Agenda. Working Paper 02/2014. Vienna: Institute for European Integration Research, 2014. 46 p.
292. *Schulze P. W.* (ed.) Core Europe and Greater Eurasia. A Roadmap for the Future. Frankfurt/New York : Campus Verlag. 2017. 226 p. ISBN 978-3-593-50784-2.
293. *Schumpeter J. A.* Business cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York - Toronto – London : McGraw-Hill Book Company, 1939. 461 p.
294. *Scott J. B.* Nationality: jus soli or jus sanguinis // *American Journal of International Law*. 1930. Vol. 24. No 1. Pp. 58-64.
295. *Shabrov O. F., Sashchenko N. P., Hayat M.* Education as an institution of national identity formation // *SHS Web Conf*. 2021. Vol. 103. DOI: 10.1051/shsconf/202110301001.
296. *Shapiro J.* Russian health care policy and Russian health // *Russian Political Development*. London : Macmillan, 1997.

297. Shapiro J. The Russian mortality crisis and its causes // *Economic reform at Risk*. London, 1995. Pp. 149-178.
298. *Sorokin P. A. Mutual convergence of the United States and the USSR. to the mixed sociocultural type*. Mexico, D. F., 1961.
299. *Specter M. A. and Halderman J. A. Security Analysis of the Democracy Live Online Voting System* // Proc. 30th USENIX Security Symposium, August 2021.
URL: <https://jhalderm.com/pub/papers/omniballot-sec21.pdf> (last request 21.09.2021).
300. *Spinelli A., Rossi E. The Ventotene Manifesto*. Ventotene: Altiero Spinelli Institute for Federalist Studies, 1988. 68 p.
301. *Stone S. A., Sandholtz W. European Integration and Supranational Governance* // *Journal of European Public Policy*. 1997. Vol. 4. No 3. Pp. 3–12.
302. *Stronski P. There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia* // *Carnegie Endowment for International Peace*. 2020. 26 p.
303. *The EAEU 2025 digital agenda: prospects and recommendations : overview report / Navas-Sabater J., Petrov O. V.* Washington, D.C.: World Bank Group, 2018 30 p.
304. *The rise of Digital Challengers: How digitization can become the next growth engine for Central and Eastern Europe / J. Novak, M. Purta, T. Marciniak [et al.]*. Digital McKinsey, 2018. 94 p.
305. *Troitskiy E. (2020) The Eurasian Economic Union at Five: Great Expectations and Hard Times* // *Wilson Center. A blog of the Kennan Institute: The Russian Life*. January 14.
306. *Uhlenberg P. Demography is not destiny: The challenges and opportunities of global population aging* // *Generations*. 2013. Vol. 37. No 1. Pp. 12-18.
307. *United Nations. Replacement Migration: Is It a Solution to Declining and Ageing Populations?* New York : UN Population Division, Department of Economic and Social Affairs, 2001. ESA/P/WP.160.
308. *Vicari M. S. The Eurasian Economic Union - Approaching the Economic Integration in the Post-Soviet Space by EU-Emulated Elements* // *Revue Interventions économiques (Online)*. 2016. Vol. 55.
309. *Vlassov V. The role of alcohol and social stress in Russia's mortality rate* // *JAMA*. 1999. No 281. Pp. 321-322.
310. *Volkman U. Was ist Europa?* // *Merkur*. 2014. 1061 s.
311. *Voßkuhle A. European Integration Through Law : The Contribution of the Federal Constitutional Court* // *European Journal of Sociology*. 2017. Vol. 58. No 1. Pp. 145-168.
312. *Zhuravskays E. Incentives to provide local public goods: Fiscal Federalism, Russian style* // *Journal of public economics*. 2000. Vol. 76. No 3. Pp. 337–368. DOI: 10.1016/S0047-2727(99)00090-0.
313. *Zielonka J. Disintegration Theory: International Implications of Europe's Crisis* // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2012. Vol. 13. No 1. Pp. 51-59.
314. 人民网 人民日报思想纵横：推动智慧城市建设迈上新台阶. 20.06.2016.
URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1669616700062072981> (last request 30.05.2021).
315. 城市镜像 中国有500个智慧型城市，形成了四大智慧城市群. 18.10.2005.
URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1613471886697164742> (last request 30.05.2021).
316. 基于GIS技术的分布式产业链智能协同系统研发与应用 作者：许毅刚; 陈飞; 廖洪.
URL: <http://tougao.njsuhu.cn/index.php?s=&c=content&a=issue&id=17072&key=6423>.
317. 智慧社区服务平台便民服务数据普查系统及应用.
URL: <http://tougao.njsuhu.cn/index.php?s=&c=content&a=issue &id=17072&key=6418>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ананьин Максим Алексеевич, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, заведующий Отделом рождаемости и репродуктивного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по стратегическому развитию и кадровой политике, заведующий Отделом геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Борзунова Татьяна Ивановна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Брагин Алексей Дмитриевич, младший научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Вартанова Марина Львовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра политологии и Кафедры «ЮНЕСКО» по социальным и гуманитарным наукам, заместитель директора ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Гребняк Оксана Валерьевна, младший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Гриб Наталия Станиславовна, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Дзугев Хасан Владимирович, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследования приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Дибирова Аминат Паруковна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Доброхлеб Валентина Григорьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Евдокушкина Галина Николаевна, старший научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Землянова Елена Валерьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Золотарева Ольга Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела семьи и семейно-демографической политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Зубко Александр Владимирович, кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодёжи, заместитель директора ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванов Артур Валентинович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий Отделом здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований Объединённого центра социологии и экономики знания ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Киселева Евгения Евгеньевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Корниенко Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Костоломова Марина Викторовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела оперативных исследований Объединённого центра социологии и экономики знания ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Кузнецов Никита Григорьевич, стажер-исследователь Лаборатории международных демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН.

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела семьи и семейно-демографической политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, руководитель Центра социальных и социально-политических исследований, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, заведующий Отделом этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН по инновационному проектированию, заведующий Лабораторией международных демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН.

Любутов Александр Сергеевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Маньшин Роман Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Мерзликін Николай Васильевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Микрюков Николай Юрьевич, кандидат географических наук, младший научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Моисеева Евгения Михайловна, младший научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Морозова Галина Федоровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Назаров Михаил Михайлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Некрасов Сергей Владимирович, научный сотрудник Отдела оперативных исследований Объединённого центра социологии и экономики знания ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Новоженина Ольга Петровна, старший научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, заведующий Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Очирова Галина Николаевна, младший научный сотрудник Отдела миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Пинчук Антонина Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела оперативных исследований Объединённого центра социологии и экономики знания ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник Отдела рождаемости и репродуктивного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Полякова Ирина Алексеевна, младший научный сотрудник Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Попова Светлана Михайловна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Рахмонов Абубакр Хасанович, старший научный сотрудник Отдела этнодемографических и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН, руководитель Отдела семьи и семейно-демографической политики ИДИ ФНИСЦ РАН.

Рубан Лариса Семеновна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследования проблем международного сотрудничества ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН.

Сабгайда Тамара Павловна, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Сашенко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социальной безопасности и рискологии ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селезнев Игорь Александрович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Семенова Виктория Георгиевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела здоровья и самосохранительного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела рождаемости и репродуктивного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Сигарёва Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела рождаемости и репродуктивного поведения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН.

Филимонов Кирилл Геннадьевич, младший научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Фомин Максим Витальевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела геурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

Черникова Анна Андреевна, младший научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН.

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодёжи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Шахрай Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий Отделом правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Яник Андрей Александрович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Отдела правового обеспечения социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Научное издание

Ананьин М. А., Архангельский В. Н., Безвербный В. А., Борзунова Т. Н., Брагин А. Д.,
Варганова М.Л., Великая Н. М., Волкова О. А., Воробьева О.Д., Гребняк О. В., Гриб Н. С.,
Дзуцев Х. В., Дибирова А. П., Доброхлеб В. Г., Евдокушкина Г. Н., Забузов О. Н., Землянова Е. В.,
Золотарева О. А., Зубко А. В., Зубок Ю. А., Иванов А. В., Иванова А. Е., Каропова С. Г.,
Киреев Е. Ю., Киселева Е. Е., Корниенко Н. В., Костоломова М. В., Кублицкая Е. А., Кузнецов Н. Г.,
Кучмаева О. В., Левашов В. К., Леденева В. Ю., Лукьянец А. С., Любутов А. С., Маньшин Р. В.,
Мерзликин Н. В., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р., Моисеева Е. М., Морозова Г. Ф., Назаров М. М.,
Некрасов С. В., Новоженина О. П., Осадчая Г. И., Осипов Г. В., Очирова Г. Н., Пинчук А. Н.,
Плетнева Ю. Э., Полякова И. А., Попова С. М., Рахмонов А. Х., Ростовская Т. К., Рубан Л. С.,
Рязанцев С. В., Сабгайда Т. П., Сащенко Н. П., Селезнёв И. А., Семенова В. Г., Сивоплясова С. Ю.,
Сигарёва Е. П., Сорокин О. В., Топилин А. В., Филимонов К. Г., Фомин М. В., Черникова А. А.,
Чупров В. И., Шахрай С. М., Шушпанова И. С., Яник А. А.

ВЫЗОВЫ ПАНДЕМИИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ДНЯДЛЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В 2021 ГОДУ**

Компьютерная верстка и оформление

**О. П. Новоженина,
О. В. Гребняк**

ISBN 978-5-89697-384-3

Подписано к печати 22.12.2021

34,8 п.л.

Издатель:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Тел.: 8 (499) 530-28-84

URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=10225>